АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Р. Ш. ГАНЕЛИН

РОССИЯ И США

1914 — 1917

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Р. Ш. ГАНЕЛИН

РОССИЯ И США

1914
1917

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

Военно-Ученый Архив

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1969

R. GANELIN

RUSSIA AND THE U.S.A. 1914—1917

ESSAYS OF THE HISTORY OF RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS

Ответственный редактор
У. А. Шустер

1-6-4
10-69 (II)

Памяти
моего учителя
Бориса Александровича
Романова

ОТ АВТОРА

ИСТОРИЯ русско-американских отношений стала предметом специальных исследований советских историков лишь во второй половине 30-х годов, когда при общем значительном расширении круга исследовавшихся тем обозначился особенный интерес к проблемам внешнеполитической и дипломатической истории. Появившиеся тогда работы М. М. Малкина [1] и С. Б. Окуня [2] положили начало основательному изучению проблемы. Некоторые весьма существенные вопросы истории русско-американских отношений кончая временем гражданской войны в США были исследованы в них с большой глубиной. Вскоре А. В. Ефимов в «Истории дипломатии» поставил вопрос о первых русско-американских контактах и значении русской политики вооруженного нейтралитета во время войны за независимость США.[3] Наконец, в недавние годы весьма значительный вклад в изучение русско-американских отношений раннего периода был внесен фундаментальным исследованием Н. Н. Болховитинова, которое основано на самом тщательном анализе очень большого круга источников, в том числе обширнейшей дипломатической переписки, ранее в сущности не исследованной.[4]

Несколько иначе обстоит дело с изучением русско-американских отношений конца XIX—начала XX в. Соперничество США и России на Дальнем Востоке, его роль в империалистической борьбе держав в этом районе мира уже давно являются одной из тем, охватываемых многочисленными советскими исследова-

---

[1] М. М. Малкин. Гражданская война в США и царская Россия. М.—Л., 1939.
[2] С. Б. Окунь. Российско-американская компания. М.—Л., 1939.
[3] История дипломатии, т. 1, М., 1941, стр. 309—310.
[4] Н. Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966. См. также его работу: Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959.

ниями по истории международных отношений в тихоокеанском бассейне.[5]

Несомненно, что этот специальный аспект русско-американских отношений имел в международной политике того времени большое значение. Однако не менее важны были и другие стороны отношений между двумя странами, их непосредственные связи различного характера. В годы первой мировой войны и особенно накануне Великой Октябрьской социалистической революции эти связи умножились, приобрели интенсивный характер и оказались в тесном соприкосновении с важнейшими историческими событиями тех лет.

Общие проблемы русско-американских отношений в период империализма лишь недавно стали затрагиваться исследованиями советских историков, посвященными — применительно к дооктябрьским годам — почти исключительно экономической стороне дела.[6] В некоторых из этих работ, в особенности в книге В. В. Лебедева, уделено большое внимание экономическим связям России и США в 1914—1917 гг. Этот сюжет нашел свое место и в основных общих трудах, посвященных истории России этих лет.[7]

Предпринимая специальное систематическое исследование развития русско-американских отношений во время войны, мы стре-

---

[5] Видное место принадлежит здесь трудам первого советского исследователя политики империализма на Дальнем Востоке Б. А. Романова (Россия в Маньчжурии. Л., 1928; Очерки дипломатической истории русско-японской войны. Изд. 1-е, М.—Л., 1947; изд. 2-е, М.—Л., 1955) и А. Канторовича (Америка в борьбе за Китай. М., 1935). В разное время в той или иной мере касались этой проблемы в своих работах А. Л. Нарочницкий, В. Я. Аварин, Г. В. Ефимов, А. А. Фурсенко, А. Добров, С. Б. Горелик, Р. М. Бродский, П. П. Севостьянов и др. См. также: Международные отношения на Дальнем Востоке. Под редакцией Е. М. Жукова. 2-е изд. М., 1956. Русско-американской конкуренции на нефтяных рынках не только Дальнего Востока, но и всего мира посвящено исследование А. А. Фурсенко «Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы—1918 г.» (М.—Л., 1965).

[6] М. Я. Гефтер. Из истории проникновения американского капитала в царскую Россию до первой мировой войны. «Исторические записки», т. 35, М., 1950; Г. К. Селезнев. Тень доллара над Россией. М., 1957; И. М. Рабинович. Проникновение американского капитала в экономику дореволюционной России. «Труды Ленинградского кораблестроительного института», вып. XXI, 1957; Б. В. Ананьич. Русское самодержавие и внешние займы в 1898—1902 гг. В кн.: Из истории империализма в России. М.—Л., 1959; А. А. Фурсенко. Из истории русско-американских отношений на рубеже XIX—XX вв., там же; В. В. Лебедев. Русско-американские экономические отношения. 1900—1917 гг. М., 1964. Проникновению американского капитала в Сибирь и на Дальний Восток в конце XIX—начале XX в. посвящены пока не изданные диссертации В. Киселева, А. А. Лукина, Н. В. Свердлова.

[7] А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960; П. В. Волобуев. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; И. И. Минц. История Великого Октября, т. 1. М., 1967.

мились прежде всего обратить внимание на политический аспект русско-американских связей, на ту роль, которую они играли в существовавшей в России тех лет общеполитической обстановке.

Другой предмет настоящего исследования — политика США в «русском вопросе» на протяжении революционного Семнадцатого года, отношения Временного правительства и правительства США на различных этапах развития русской революции в период от Февраля до Октября — также лишь затронут в разной степени рядом работ советских авторов, посвященных смежным или более общим темам.[8] Специального исследования о русско-американских отношениях в 1917 г., подобного тем, которые посвящены русско-английским и русско-французским отношениям, в нашей литературе нет.

Тесно связан с нашей темой общий вопрос о характере международной политики США в годы первой мировой войны, природе американского нейтралитета и причинах вступления США в войну. Читатель может быть здесь отослан к соответствующему разделу в труде В. М. Хвостова,[9] к нескольким лаконично изложенным острым и точным соображениям по этому поводу в известной работе Н. П. Полетики[10] и общим работам по истории США и их внешней политики этого периода,[11] а также к специальным исследованиям Н. А. Ерофеева и З. М. Гершова.[12]

Обращаясь к американской литературе по истории отношений между Россией и США, отметим, что в ней периоду первой мировой войны и Октябрьской революции до сих пор не уделялось специального внимания. Общего характера сведения и упомина-

---

[8] И. И. Минц. История Великого Октября, т. 2. М., 1968; А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г. М., 1958; А. В. Игнатьев. Русско-английские отношения в 1917 г. М., 1966; В. С. Васюков. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966; О. Ф. Соловьев. Великий Октябрь и его противники. М., 1968; А. В. Березкин. Октябрьская революция и США. М., 1968; Е. И. Попова. Политика США на Дальнем Востоке (1918—1922). М., 1967; А. Гулыга, А. Геронимус. Крах антисоветской интервенции США, М., 1952; Г. К. Селезнев. 1) Тень доллара над Россией. М., 1957; 2) Крах заговора. М., 1963; В. В. Лебедев. Международное положение России в период Октябрьской революции. М., 1968.

[9] История дипломатии, т. III. М., 1965, стр. 34—41.

[10] Н. П. Полетика. Возникновение первой мировой войны. М., 1964, стр. 577—581.

[11] Л. И. Зубок. Очерки истории США (1877—1918). М., 1956; Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; И. А. Белявская. США в годы первой мировой войны. В кн.: Очерки новой и новейшей истории США, т. I. М., 1960; Н. Н. Яковлев. Новейшая история США, М., 1961.

[12] Н. А. Ерофеев. Соединенные Штаты и Англия в период войны 1914—1917 гг. В кн.: Труды по новой и новейшей истории Института истории АН СССР, т. I, 1948; З. М. Гершов. «Нейтралитет» США в годы первой мировой войны. М., 1962.

ния о нем содержатся в работах по истории русско-американских отношений либо носящих общий, обзорный характер, либо посвященных оправданию американской интервенции в Советской России.[13] Их критический разбор содержится в многочисленных советских исследованиях, как упоминаемых нами здесь, так и не упоминаемых, и специально этому посвященных историографических трудах.

Хотя предметом настоящего исследования является единый — коренной для политической действительности 1914—1917 гг. — вопрос о войне, мире и революции, оно состоит в сущности из двух частей. Первая из них посвящена годам войны, когда в центре русско-американских отношений стояли проблемы экономического характера. Вторая, посвященная 1917 г., носит по преимуществу политический характер. Круг связанных с темой сюжетов оказался шире, чем можно было предположить. Мы были вынуждены ограничить его, сосредоточившись главным образом на межгосударственных связях, уделив лишь самое необходимое внимание отношению различных общественных слоев России к США и к их политике, а также реакции в Америке на ход революционного процесса в России. Во второй части работы мы не останавливались поэтому на вопросе об откликах в США на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и ее влиянии там, который выходит за хронологические рамки нашей темы и является предметом специального рассмотрения в ряде работ советских авторов.[14] Однако в первой части работы, вопреки этому принципу, мы уделили значительное внимание

---

[13] Несколько особняком стоят в тематическом отношении работы Лэша (Ch. Lash. The American liberals and the Russian revolution. N. Y.—London, 1962) и У. Уильямса (W. Williams. 1) R. Robins and Russian-American relations, Ann Arbor, 1950; 2) American-Russian relations. 1781—1947. N. Y.—Toronto, 1952. В интересующих нас частях эти две работы в основном совпадают), а также известная нам благодаря микрофильму диссертация Коленберга (G. C. Kohlenberg. Russian-American economic relations, 1905—1917. Urbana, Univ. of Illinois, 1951 (microfilm)).

[14] См.: А. В. Березкин, ук. соч., стр. 69 и сл.; В. П. Золотухин, В. Л. Мальков. Октябрьская революция и внутриполитическая борьба в США (1917—1920 гг.). Вопросы истории, 1957, № 10; Б. П. Каневский. Великая Октябрьская социалистическая революция в освещении Дж. Рида, А. Р. Вильямса и Линкольна Стефенса. История СССР, 1957, № 4; П. С. Петров. Америка читала В. И. Ленина (1917—1919 гг.). Вопросы истории, 1968, № 11; В. К. Фураев. Прогрессивная печать США в борьбе за дружбу и сотрудничество между американским и советским народами (1917—1933). В кн.: Журналистика и жизнь, Л., 1967; см. также: И. М. Краснов. Классовая борьба в США и движение против антисоветской интервенции. М., 1961. — Многочисленная литература о Дж. Риде недавно пополнилась значительной работой А. И. Старцева «Русские блокноты Джона Рида» (М., 1968).

отношению русских предпринимательских и буржуазных кругов к американскому капиталу и вообще к проблеме экономических отношений с Америкой. Отчасти вследствие этого здесь применено еще и дополнительное ограничение: мы не останавливались сколько-нибудь подробно на вопросе о ходе промышленных поставок из США в Россию,[15] предпочитая подробное рассмотрение русско-американских финансово-экономических переговоров, как наиболее тесно связанных с проблемами общеполитического характера.

---

[15] Мы отсылаем здесь читателя к упоминавшейся уже работе В. В. Лебедева «Русско-американские экономические отношения в 1900—1917 гг.».

Глава I

НАЧАЛО ВОЙНЫ И РАЗВИТИЕ РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ДО ПЕРВОЙ мировой войны русско-американские экономические связи, как известно, не были значительными. Американский капитал при всем прожектерском энтузиазме его представителей серьезных позиций в России не приобрел. Три сколько-нибудь крупных действовавших в России американских предприятия — заводы железнодорожных тормозных устройств в Петербурге, швейных и сельскохозяйственных машин в Москве — принадлежали соответственно трем американским международным корпорациям, вообще широко практиковавшим частичное перенесение производства за рубеж, — фирмам Вестингауза и Зингера, а также Международной компании жатвенных машин.

В российской банковской системе американский капитал практически никакой роли не играл.

Лишь перед самой войной обнаружилась некоторая тенденция к увеличению объема русско-американской торговли, которая до того также была невелика. Несмотря на разрыв русско-американского торгового договора 1832 г., осуществленный правительством США в 1912 г., торговый оборот между Россией и США (преимущественно американский ввоз в Россию) накануне войны непрерывно возрастал. Отмена льготного тарифа на ввоз американских машин и прочих товаров не воспрепятствовала его росту. По официально опубликованным в США данным американского консула в Москве Снодграсса, США уже в 1912 г. по объему своего экспорта в Россию оставили позади Англию и уступали лишь Германии. А летом 1914 г. в США считалось, что в Россию ввозится американских товаров более чем на 100 млн долл. в год.[1]

[1] Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 23, оп. 1, д. 241, лл. 321—322. — Данные русской статистики не подтверждают, однако, сведений Снодграсса. Согласно русским данным, ввоз из Германии составил в 1912 г. свыше 500 млн руб., из Англии — 142 млн руб., а из США — 87 млн руб. В 1914 г. ввоз из США составлял 82 млн руб.

При этом деловые круги и правительство США проявляли в деле расширения американского экспорта в Россию возраставшую активность. В течение всего 1913 г. шли начатые по американской инициативе переговоры о заключении нового торгового соглашения.[2] В мае 1913 г. при участии американской дипломатии была учреждена в Москве Русско-Американская торговая палата.[3] Летом 1914 г. после заявления русского правительства об отказе от продления русско-германского торгового договора, срок которого истекал в 1916 г.,[4] в деловых кругах США стали обсуждать возможность своего закрепления на русском рынке. 23 июня в Бостонской торговой палате бывший американский посол в России Картис Гульд выступил с речью, в которой призывал сделать Россию таким же по своему значению рынком для промышленных товаров США, каким являлась Латинская Америка. Тогда же русский отдел при Национальной ассоциации промышленников (НАП) сообщил в Петербург, в Министерство торговли и промышленности, о поездке в Россию двух директоров и бывших председателей НАП Дж. Керби и Д. М. Пари. Они должны были прибыть во Владивосток 29 июля н. ст.[5]

После того как началась война, нейтральное положение США давало американскому капиталу уникальную возможность для активизации экономической деятельности и наращивания его мощи, разумеется связанную с продолжением войны.

Уже 15 августа «Уолл-стрит джорнэл» («Wall Street Journal») с циничным юмором сформулировала это в одной фразе: «По воскресеньям христиане слушают проповедников, молящихся за ниспослание мира, и на следующий же день высылают представителей в воюющие державы, чтобы посмотреть, нельзя ли продать им что-нибудь еще, чтобы продлить войну».[6]

В первые же дни войны русский министр иностранных дел С. Д. Сазонов через поверенного в делах США в Петрограде внушал правительству США, что перед Америкой открылась возможность заменить прекращенный германский экспорт в Рос-

---

[2] См. документы по этому вопросу, опубликованные в «Историческом архиве» (1956, № 1).

[3] Вестник Русско-Американской торговой палаты, 1915, № 1, стр. 10.

[4] Позже, весной 1915 г., в американской печати появились утверждения, что эта мера русского правительства явилась чуть ли не одной из главных причин войны (Evening Sun, 18 марта 1915 г., Washington Post, 23 марта 1915 г.). События и документы международного характера мы датируем в двух стилях. В тех случаях, когда речь идет о документах и событиях, преимущественно относящихся к одной из стран — России или США, — мы применяем один стиль — старый или новый.

[5] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 241, лл. 317—322.

[6] R. W. Alstine. Private American Loans to the Allies, 1914—1916. The Pacific Historical Review, 1933, v. II, № 2, June, p. 181.

сию американским.[7] Это как нельзя более соответствовало американским настроениям. «Имею честь донести вашему высокопревосходительству, — писал 4 октября (н. ст.) министру торговли и промышленности С. И. Тимашеву вашингтонский агент министерства К. Ю. Медзыховский, — что вследствие европейских политических событий за последнее время американская промышленность с особой энергией готовится к вывозу в Россию продуктов своего производства. Эта тенденция наблюдается главным образом в металлической и машиностроительной отраслях».[8]

Об «этом удивительном увлечении американцев — завоевать целиком русский импортный рынок», об «огромном интересе американских промышленников к России» сообщал Медзыховский и в своем отчете за 1914 г.[9] Интерес этот распространился и на вывоз в Россию капитала, организацию там американских предприятий. Директор-распорядитель НАП Берд во главе большой группы капиталистов намеревался выехать в Петроград.

В первые месяцы войны, когда в Америке не было еще того гигантского избытка денежных средств, который образовался впоследствии, американские планы широкого экономического проникновения в Россию содержали в себе особенно явный элемент авантюризма. С русской стороны ввоз товаров из США нуждался для своего развития в почти полном долларовом кредитовании, так как русский вывоз в Америку, и раньше-то далеко не достигавший объема американского ввоза в Россию, в условиях военного времени по существу сошел на нет.

Активные поиски займов в США, которые вело русское правительство на протяжении начального периода войны, объяснялись тем, что его финансовые отношения с Англией не были еще установлены и никакими английскими кредитами ни в Англии, ни в США оно пока не располагало. Между тем в Америке приходилось размещать все новые заказы, несмотря на разочарование союзников в американской промышленности (сказывалась ее молодость, отсутствие традиций, опытных кадров; неимоверный рост военного производства не обеспечивался соответствующими темпами развития машиностроения и т. п.).[10]

Не прошло и двух месяцев после начала войны, как в сентябре Совет министров оказался вынужденным принять решение искать кредитов в Америке. Официальное решение Совета министров касалось лишь вопроса о выпуске в Америке краткосроч-

---

[7] G. C. Kohlenberg. Russian-American economic relations, 1906—1917. Urbana, Univ. of Illinois, 1951 (microfilm), p. 191.
[8] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 242, л. 273.
[9] Там же, д. 275, лл. 5 и сл.
[10] Отчет о деятельности Русского заготовительного комитета в Америке и его ликвидационной комиссии, ч. 1, лл. 13—16, 46 (отчет хранится в ЦГАОР СССР).

ных обязательств государственного казначейства (в долларах) для оплаты военных заказов и поставок промышленного оборудования.[11] На самом же деле Министерство финансов стало искать кредиты в Америке по самым различным каналам. Прежде всего еще в начале сентября лондонский представитель нью-йоркского «Нэйшнл сити бэнк» («National City Bank of New York») Джекобс получил от русского министра финансов П. Л. Барка запрос о возможности размещения в США займа на сумму в 300 млн руб. Правление «Нэйшнл сити бэнк» ответило, что заем в 300 млн руб. «при нынешнем положении в США совершенно исключается», и предложило лишь трехмесячный возобновляемый кредит в 5 млн долл.[12] Разумеется, кредит этот никак не разрешал проблемы, стоявшей перед русским правительством (хотя оно временами и прибегало к нему на всем протяжении войны).

Поэтому в Петрограде продолжали усиленные хлопоты. Послу в США Ю. А. Бахметеву было поручено выяснить, какую позицию относительно займов России занимает правительство США. При этом имелась в виду возможность содействия с его стороны получению кредитов у американских банков. Но министр финансов США, с которым Медзыховский вступил в переговоры по указанию Бахметева, не дал ответа без консультации с государственным секретарем Брайаном.[13] Дело клонилось к тому, что государственный департамент мог даже воспрепятствовать кредитным операциям русского правительства в Америке под видом строгого соблюдения нейтралитета.

Тогда в Петрограде был выпущен на сцену не кто иной, как С. Ю. Витте с его старым методом уступки-подачки дипломатии Уолл-стрита, который он применил еще в 1905 г., вознаградив Рузвельта за его портсмутское посредничество возобновлением тарифных льгот для американских машин и металлоизделий.[14] В середине октября Витте явился в американское посольство и завел разговор о займе с поверенным в делах Ч. Вильсоном. «В строжайшей тайне» Витте рассказал, что правительство предлагает ему, как председателю Комитета финансов, «отправиться в Америку для получения займа, поскольку он хорошо там известен». Он не хотел бы этой миссии («по возрасту и состоянию

---

[11] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 308, л. 230.

[12] Копия телеграммы «Нэйшнл сити бэнк» Джекобсу от 11 сентября, сообщенная Медзыховскому банком: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 242, л. 353; Справка о кредитных операциях, совершенных Россией в Америке с начала войны, составленная в Министерстве финансов в 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1169, л. 68.

[13] Медзыховский — товарищу министра торговли и промышленности В. В. Прилежаеву, 6 (19) октября 1914 г.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 242, л. 462.

[14] Эпизод этот описан Б. А. Романовым в «Очерках дипломатической истории русско-японской войны» (М.—Л., 1955, стр. 500—503).

здоровья»), но уже выставил перед русским правительством два обязательных условия своей поездки, без которых добиться-де займа невозможно, — заключение нового торгового договора с Соединенными Штатами на основе полного принятия их требований, а также проведение законодательных мер для «улучшения социальных и экономических условий трудящихся классов». Витте рассчитывал, очевидно, помимо всего прочего, на то, что оба выдвинутых им условия будут иметь в США «хорошую прессу». Когда же его американский собеседник упомянул о нейтралитете США и связанными с ним затруднениями с займом, Витте выразил уверенность, что американцы сумеют совместить выгодный бизнес с нейтралитетом. Он пояснил, что весь заем будет израсходован в Америке и пойдет на пользу лишь американским промышленникам. «Сделка поэтому очень выгодна для Соединенных Штатов», — закончил свою телеграмму государственному секретарю американский поверенный в делах в Петрограде.[15] Витте знал, чем лучше всего прельстить американскую дипломатию. Лансинг, который исполнял тогда обязанности государственного секретаря, сразу же клюнул на его приманку. «Прилагаемая телеграмма из Петрограда так важна, что я хотел бы, чтобы вы одобрили проект ответной телеграммы перед его отправкой, — докладывал он президенту Вильсону. — Нас бы в высшей степени удовлетворило, если бы удалось заключить соглашение предлагаемого типа... для Вашей администрации это была бы большая честь свершения того, что представляется невозможным».[16]

Оставив без внимания второе условие Витте, Лансинг телеграфировал в Петроград о своем «большом удовлетворении» по поводу сообщения о торговом договоре и настоятельно добивался ответа, приедет ли Витте в качестве специального посла для заключения договора, или договор будет подписан до его поездки в Америку за займом. Лансинг лишь оговаривался, что содействовать кредитованию в США воюющих сторон американское правительство не может.[17]

На следующий день, однако, поверенный в делах Чарльз Вильсон своим ответом из Петрограда несколько охладил энтузиазм Лансинга. Витте, телеграфировал он в Вашингтон 21 октября (н. ст.), имеет основной целью своего «зондажа» заем, вопрос о его поездке еще не решен, неизвестно, до какой степени официальной будет его миссия, и уж, во всяком случае, он вряд ли будет иметь отношение к заключению торгового соглашения, а скорее станет лишь договариваться с банкирами

---

[15] The Lansing papers, 1914—1920, v. I. Washington, 1939, p. 134.
[16] Там же, стр. 134.
[17] Телеграмма Лансинга поверенному в делах Вильсону, 20 октября 1914 г.; The Lansing papers, v. I, p. 134.

о кредитах. Что касается условий, поставленных Витте царскому правительству, то Вильсон сомневался не только в возможности их принятия, но и в «собственной искренности» Витте.[18]

Впрочем, сообщение относительно готовности царизма на возобновление торгового договора было получено в США и из другого источника. Через несколько дней после визита Витте в американское посольство из Петрограда была отправлена в «Нью-Йорк геральд» статья о том, что Россия готова возобновить с США торговый договор и удивлена пассивностью американского правительства. Статью эту, появившуюся в газете 20 ноября, Лансинг представил Вильсону, подчеркнув, что она, по его мнению и сообщению представителя «Ассошиэйтед пресс», инспирирована русским правительством и связана с действиями Витте. Статья действительно содержала самое благоприятное для США заявление министра иностранных дел С. Д. Сазонова, аналогичное уже упомянутому его демаршу перед американским правительством. «Америка имеет здесь ни с кем не сравнимые возможности», — заявлял Сазонов и сообщал, что на практике русские власти уже предоставили США право наибольшего благоприятствования и «с большим интересом» ждут с американской стороны формальных предложений о торговом договоре.[19]

20 октября, в тот самый день, когда Лансинг телеграфировал в Петроград, Ю. Бахметев, видимо, не зная о действиях Витте, явился к Лансингу с запросом общего характера о позиции правительства США на случай выпуска в Америке в долларах обязательств русского казначейства. Оставленный им меморандум Вильсон и Лансинг обсуждали 22 октября.[20] Решено было дать России правительственное согласие на финансирование ее частными американскими банками, придав этому согласию видимость такой уступки, которая соответствовала бы виттевской приманке торговым договором. Такое неофициальное согласие и было дано,[21] хотя, как сообщил позже в Петроград Медзыховский, американские банки ни в каком правительственном разрешении на выпуск займа не нуждались.[22] Естественно, что в Петрограде, сообразив это, убрали приманку торговым договором. Лансинг ничего не добился поэтому у русского правительства ни через Бахметева, к которому обратился 7 декабря (н. ст.), ни даже с помощью английской дипломатии, содействия которой в Петрограде он просил, указывая, что устранение русской стороной препятствий к заключению русско-американского торгового до-

---

[18] The National Archives of the U.S. A microfilm publication. Microcopy № 333, Roll 7, cadre 0504.
[19] Там же, кадры 0498, 0502—0503.
[20] The Lansing papers, v. I, p. 135.
[21] Барк — Тимашеву, 14 ноября (ст. ст.) 1914 г.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 242, л. 465.
[22] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 242, л. 477.

говора ослабило бы оппозицию союзникам в США.[23] (Как известно, основанием для расторжения русско-американского торгового договора в 1912 г. было непризнание в России паспортов американских граждан-евреев, выходцев из России, и это обстоятельство служило теперь для американских нейтралистов одним из пропагандистских аргументов против концепции о «справедливой войне антантовских демократий с тевтонской деспотией»).

Что касается кредитного вопроса, то в результате этих переговоров положение русской стороны было лишь осложнено не столько самим нейтралитетом США, сколько игрой вокруг него, которую повело правительство США. Способствовала этому и наглядная демонстрация острой потребности России в иностранных кредитах, вольно или невольно устроенная Витте. Ищущее кредитов русское правительство было поставлено перед необходимостью обратиться на Уолл-стрит. Последний канал, по которому Министерство финансов действовало при содействии Русско-Азиатского банка, вел в контору самого Моргана. Через консула США в Петрограде представителю фирмы «Дж. П. Морган и К°» Уилларду Стрэйту был отправлен телеграфный запрос о возможности получения Русско-Азиатским банком у Моргана кредита на сумму в 100 млн руб. из 5% сроком на полгода под обязательства Государственного казначейства. «Эти деньги будут истрачены в Соединенных Штатах на правительственные заказы через ваше посредство», — сообщал консул Моргану.[24] По словам самого Моргана, рассказывавшего в 1936 г. об этом эпизоде в сенатской комиссии по расследованию деятельности военной промышленности в годы войны (так называемая комиссия Ная), Стрэйт, который «был консулом где-то в Монголии», сразу же оказался в США («Я думаю, это и было то дело, из-за которого он прибыл в Вашингтон»). Дело это очень заинтересовало Моргана, принимавшего уже меры к получению полного контроля над всеми закупочными операциями и заказами союзников в Америке.

Но Морган знал, конечно, об игре в нейтралитет, которой правительство США сильно осложнило в те дни положение России на американском денежном рынке, и решил, воспользовавшись этим, набить цену. Пообещав принять в будущем обязательства Государственного казначейства, Морган пока потребовал в качестве обеспечения вывоза русского золота в Лондон

---

[23] Меморандумы Лансинга о его беседах с русским и английским послами 7 и 8 декабря (н. ст.) 1917 г.: The National Archives of the U. S. A microfilm publication. Microcopy № 333, Roll 7, cadres 0474—0480.

[24] Hearings before the special Committee investigating the munitions industry. U. S. Senate, 74th congress, 2nd session. Part 25, World War financing and U. S. industrial expansion, 1914—1915. J. P. Morgan and Co. Washington, 1937, p. 7536. (Далее: Hearings before the special Committee...).

или Париж, где оно было бы ему весьма кстати ввиду его разраставшихся операций с английским и французским правительствами. 24 октября Стрэйт телеграфировал американскому консулу в Петроград: «Сделал здесь запросы и сомневаюсь в возможности получить кредит на базе выпуска ценных бумаг ввиду неопределенности позиции нашего правительства и настоятельных потребностей на месте. Не исключено, что о такой операции можно будет договориться позже; тем временем был бы рад сослужить любую службу в открытии здесь кредита при условии вывоза золота в Лондон или в Париж. Если я могу помочь, обратитесь ко мне».[25] Впоследствии, давая показания перед сенатской комиссией Ная, Морган всячески старался обойти вопрос о своей попытке дать заем под обеспечение русского золота. Излагая телеграмму, он опускал вторую ее часть, заменяя ее словами: «и так далее», а первую пытался представить как «вежливое отклонение». Но под давлением председателя («Давайте прочтем полностью») вынужден был признать: «Ясно, что это была бы удовлетворительная операция». Не только Морган тянулся к кредитованию России. Как сообщил Медзыховский, первый кредит, предоставленный России «Нэйшнл сити бэнк», «вызвал интерес среди крупных капиталистов САСШ».[26] При этом наиболее значительную роль играла перспектива исключительного использования кредитов на оплату русских заказов американской промышленности. Менее важны были на том этапе чисто инвестиционные соображения, так как банки еще не располагали значительными свободными средствами.

Именно этим и объясняется отмеченная Медзыховским активность «многих торгово-промышленных предприятий», которые «выражали желание приобрести свидетельства русского Государственного казначейства», в то время как банки проявляли к размещению русских, как и прочих иностранных займов, меньший интерес.

Стремлением руководящих капиталистических кругов закрепить за американской промышленностью русские заказы был продиктован и проект Национальной ассоциации промышленников, предложенный русскому правительству, как только открыла свои действия образованная русским послом в США закупочная комиссия.[27] НАП, при которой существовал специальный русский отдел, предлагала разместить все русские правительственные заказы среди предприятий, являющихся ее членами. При этом НАП обещала самые низкие цены и отказывалась от какого-либо вознаграждения или процента. При условии принятия

---

[25] Там же.

[26] Медзыховский — Тимашеву, 21 сентября (4 октября) 1914 г.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 242, л. 274.

[27] Медзыховский — Прилежаеву, 30 октября (12 ноября) 1914 г.: там же.

ее посредничества НАП предлагала содействие для устройства кредита в американских банках в 5 млн долл. по образцу уже открытого «Нэйшнл сити бэнк». Видимое бескорыстие НАП объяснялось очень просто. Заправлявшие этой сильнейшей предпринимательской организацией крупные промышленники стремились захватить в собственные руки распределение русских заказов и вознаградить себя за «подаренные» России комиссионные путем поднятия отпускных (с предприятия) цен. Промышленные магнаты, сидевшие в правлениях различных банков, без труда могли устроить и предложенный ими небольшой кредит. Предложение НАП в это именно время (середина ноября) не было случайным. В деловых кругах становилось все более ясным, что все русские закупки и их кредитование могут со дня на день перейти в руки англичан и Моргана, который готовился взять на себя функции агента английского правительства в США. Он уже договорился об этом в принципе с Англией и, как явствовало из представленных упоминавшейся сенатской комиссии документов, занимался «выработкой более широкого плана, включая Францию, Россию».[28]

У нас нет сведений о непосредственной реакции в Петрограде на предложение НАП; по-видимому, оно было оставлено без ответа. Делать что-либо на американском рынке вопреки Англии вряд ли было для России возможно, да и попытка игнорировать Моргана была в тех условиях особенно опасна.

На протяжении всей осени 1914 г. и зимы 1914/15 г. русское правительство продолжало изучать возможности кредитования в Америке. Туда был послан Г. А. Виленкин, который еще в 1905 г., будучи агентом Министерства финансов в США, связал приехавшего в Портсмут Витте со всеми крупнейшими представителями американского финансового мира. Зять влиятельного американского финансиста Зелигмана, примыкавшего к считавшемуся германофильским банкирскому дому «Кун, Леб и К°» с Дж. Шиффом во главе, Виленкин располагал в Америке значительными и разносторонними связями. Как не занимающий официального положения в русском финансовом ведомстве, он, по мысли Барка, мог вести в США любые переговоры о займе, не нарушая их нейтралитета. Не исключено, что вторая, негласная, цель командировки Виленкина состояла в том, чтобы попытаться воспрепятствовать кредитованию американскими банками Германии.[29]

---

[28] Hearings before the special Committee..., part 25, p. 7553.

[29] Ю. А. Бахметев в течение сентября трижды сообщал об активности германских финансовых представителей в США (Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, сер. III, т. VI, ч. 1, М.—Л., 1935, стр. 274; далее: Международные отношения...).

В своем «Обзоре развития переговоров России с Соединенными Штатами о заключении внешних займов за 25 лет»,[30] составленном 20 июня 1916 г., Виленкин так описывал состояние американского денежного рынка в конце 1914 и в 1915 г.: «В конце 1914 г. говорить с американскими банкирами о большом займе было прямо немыслимо. Америка только что успела оправиться от охватившей ее паники. По открытии военных действий Англия начала требовать от Америки уплаты по следуемым ей купонам железнодорожных и других займов и настояла на посылке в Англию золота, которого тогда было слишком мало в Америке. Однако вслед за получением от союзных государств громадных заказов случилось обратное явление: золото начало прибывать в Америку, и то, что в начале 1915 г. американскому рынку казалось громадной суммой, в конце того же года являлось для американцев сравнительно небольшой».

Но Медзыховский уже в конце 1914—начале 1915 г. был не согласен с пессимистической оценкой Виленкиным возможностей американского денежного рынка в эти месяцы. Ему то и дело приходилось сталкиваться с упорной тягой американских дельцов к русским ценным бумагам. К нему с разных сторон стекались предложения кредитов России, хотя денег-то за этими предложениями иной раз и не оказывалось. Еще в конце сентября к Медзыховскому явился имевший уже ранее дела с русским Министерством финансов Ричард Гартман. Он назвался официальным представителем сенатора Кларка, одного из крупнейших собственников медных рудников в штатах Монтана и Аризона, и от его имени, а также от имени «нескольких крупнейших капиталистов САСШ» сделал сразу три кредитных предложения.[31]

Два из них оказались блефом, а третье предусматривало открытие русскому правительству или любому русскому банку текущего кредита в размере 15 млн долл. из 6% годовых с возможностью возобновления в прежнем размере после покрытия в Лондоне.

Как выяснилось, за этим стоял сам Морган вместе с «Гаранти траст компани» («Guaranty Trust Co»). Не добившись от России заключения большого займа с вывозом золота, Морган как будто готов был теперь предоставить России небольшой заем, получив в качестве обеспечения в Лондоне пакет русских правительственных бумаг.

Но мысль о вывозе русского золота не была оставлена. Через две с половиной недели после того как Морган отказал России

---

[30] ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1385, лл. 3—6.

[31] Медзыховский — Гартману, 1 ноября (н. ст.) 1914 г.; Медзыховский — Тимашеву, 21 сентября (4 октября) 1914 г.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 242, лл. 551 и 274—275.

в займе без вывоза золота, вице-президент «Гаранти траст компани» Сэбин сделал Медзыховскому предложение, которое, как бы повторяя телеграмму Стрэйта, начиналось с сообщения о невозможности выпуска в Америке большого русского займа.[32] Далее Сэбин предлагал кредит от имени «Гаранти траст компани» в 7 млн долл. и от имени Моргана в 5 млн при условии, что деньги эти могут быть израсходованы лишь на закупки в США. Кредит предоставлялся сроком на три месяца, по истечении которых русское правительство должно было погасить задолженность вывозом золота в Нью-Йорк или просить отсрочки еще на три месяца. В качестве дополнительного обеспечения кредиторы требовали депонирования в Лондоне русских ценных правительственных бумаг.[33] Заем должен был обойтись русскому правительству в общей сложности в 7% годовых. Еще более невыгодный характер носило требование дополнительного обеспечения, тем более что использование кредита было ограничено оплатой закупок в Америке, а трассировка русским правительством векселей давала кредиторам возможность выпустить их в обращение, что осложняло возможность размещения в Америке прочих русских бумаг.

По всем этим пунктам Медзыховский заявил протест,[34] и в тот же день, 12 ноября, Сэбин представил второй вариант своего предложения, в котором уже не было требований дополнительного обеспечения и исключительного использования кредита в Америке, учетный процент был снижен до $4^3/_4\%$.[35] Сэбин обещал, кроме того, что акцептованные тратты русского правительства будут не выпускаться в обращение, а учитываться в Федеральном резервном банке.

Торгуясь с Сэбином, Медзыховский понимал, что прощупывание ведется самим Морганом, уйти от которого в Америке некуда. В своих донесениях в Петроград Медзыховский прямо называл полученные им предложения «предложениями Моргана».

Действительно, вскоре исчез Сэбин, а Морган сам сделал Виленкину письменное предложение на 30 млн долл. на условиях, в точности повторяющих первое предложение Сэбина.[36] Лишь требование дополнительного обеспечения оказалось снятым.

Через некоторое время Морган выступал уже в компании с «Нэйшнл сити бэнк», и 10 (23) января 1915 г. русское Мини-

---

[32] Текст предложения Сэбина см.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 242, лл. 481—482.

[33] Медзыховский — Тимашеву, 30 октября (12 ноября) 1914 г.: там же, л. 635.

[34] Там же; отчет Медзыховского о его деятельности, 15 (28) декабря 1914 г.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 275, лл. 9—10.

[35] Текст предложения см.: там же, д. 242, лл. 483—484.

[36] Отчет Медзыховского о его деятельности, 15 (28) декабря 1914 г.: там же, д. 275, л. 10.

стерство финансов заключило с ними на условиях Моргана контракт на сумму в 25 млн руб.[37]

Среди держателей этого займа, кроме Моргана (3 млн долл.) и «Нэйшнл сити компани»[38] (3 млн 200 тыс. долл.), оказались чуть ли не все крупнейшие американские банки. По 3.5 млн долл. приходилось на долю «Гаранти траст компани» и «Нэйшнл бэнк оф коммерс» («National Bank of Commerce»). От 2.5 млн долл. и менее держали «Чэйз нэйшнл бэнк» («Chase National Bank»), «Бэнкерс траст компани» («Bankers Trust Co») и др.[39] Размещение дальнейших русских займов помимо Моргана было благодаря этой операции крайне затруднено. Сама же по себе она ни по сумме, ни по срокам не могла удовлетворить потребностей российского финансового ведомства.

Между тем Морган не торопился с предоставлением России дальнейших кредитов. Но теперь уже не приходилось особенно рассчитывать и на непосредственное соглашение ни с одним из банков, участвовавших в январском займе. Только Чапмэн, президент «Гудзон траст компани» («Hudson Trust Co»), не привлеченной Морганом к участию в займе, обратился к Медзыховскому с предложением сразу двух займов — 25 млн долл. сроком на два года и 100 млн сроком на 40 лет.[40] Однако вскоре оказалось, что речь идет не о двух займах, а об одном — на сумму, не превышающую 65 млн долл., причем только на короткий срок. Заем был обусловлен предоставлением «Гудзон траст компани» коммерческой агентуры по всем русским закупкам и заказам в США и мог использоваться лишь для их оплаты.[41] В этом-то и заключалось все дело. Борьба за руководство русскими закупками вступила в эти дни в свою заключительную и решающую фазу. Морган потому, видимо, и не торопился с большим займом России, что рассчитывал захватить в свои руки русские закупки вместе с английскими, производя их за счет английских кредитов России.

15 января (н. ст.) 1915 г. по соглашению с английским правительством Морган был облечен функциями коммерческого агента по всем закупкам и заказам английского правительства в США.[42] И Морган, и английское правительство подталкивали к заключению таких же соглашений Францию и Россию. 7 февраля (н. ст.) Морган получил от своей парижской фирмы «Мор-

---

[37] Справка о кредитных операциях, совершенных Россией с начала войны: ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1169, л. 68.

[38] Дочернее общество «Нэйшнл сити бэнк оф Нью-Йорк».

[39] Hearings before the special Committee..., part 26, p. 8337.

[40] Медзыховский — Прилежаеву, 3 (16) января 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 308, л. 5.

[41] Отчет о деятельности Медзыховского, 27 февраля (12 марта) 1915 г.: там же, лл. 76—77.

[42] Текст его см: Hearings before the special Committee..., part 25, pp. 7675—7676.

ган, Арье и К⁰» телеграфное сообщение о том, что на совещании представителей Англии и Франции «в принципе решено» сосредоточить все закупки в его руках.[43] На следующий день из Парижа ему сообщили, что соглашения с Францией и Россией будут подписаны в ближайшие же дни.[44]

Но русская сторона уклонилась от этого соглашения. Очевидно, в Петрограде восторжествовало мнение военного агента в Париже А. А. Игнатьева, которого Министр финансов Барк привлек к переговорам. Игнатьев возражал против того, чтобы «монополизировать все заказы» в руках Моргана. Надо «во всяком случае» сохранить «полную свободу действий по отношению к банкам и торговым фирмам в Америке, которые по тем или иным причинам вполне нас удовлетворяют», требовал он.[45]

Формально рекомендация Игнатьева была принята, но по существу это мало что дало. Морган и без соглашения с русским правительством осуществлял закупки для России на основе своего соглашения с Англией.

В результате принятия Морганом на себя функций коммерческого агента союзников его бизнес в области экспорта военных материалов из США составил в годы войны 1465% по сравнению с экспортом этих материалов в предвоенные годы и 84% всего объема торговли военными материалами в годы войны. В 1915—1917 гг. поставки по моргановским контрактам составили во Францию 49%, в Россию 44% и в Англию 32% всего экспорта США в эти страны.[46] В абсолютных цифрах поставки в Россию при посредстве Моргана были по объему меньшими, чем поставки в Англию и Францию, — 412 млн долл. против 1447 и 997 соответственно.[47] Еще менее выгодным для России было это соотношение применительно ко всему экспорту из США в эти страны, и особенно к экспорту стратегических товаров и материалов. На протяжении первого года войны экспорт из США по таким статьям, как пшеница, сталь, цинк, огнестрельное оружие, патроны, артиллерийское снаряжение, порох и другие взрывчатые вещества, колючая проволока, в Россию, Англию и Францию со-

---

[43] Ст. 6 финансового соглашения между Англией, Францией и Россией 23 января (5 февраля) 1915 г. предусматривала централизацию поставок, заказов и платежей в США. Имя Моргана там не упоминалось (см.: Международные отношения..., сер. III, т. VII, ч. 1, М.—Л., 1935, стр. 183).

[44] Hearings before the special Committee..., part 26, p. 8100.

[45] Международные отношения..., сер. III, т. VII, ч. 1, стр. 248.

[46] Hearings before the special Committee..., part 26, pp. 7786, 7934. — Сам Морган в 1936 г. оценивал сумму союзнических заказов, произведенных при его посредничестве, в 3 млрд долл., а полученные им комиссионные в 30 млн долл. (S. F. Bemis. A diplomatic history of the U. S. N. Y., 1945, p. 592).

[47] Hearings before the special Committee..., part 26, p. 7934.

ставил соответственно 8 882 597, 115 639 255 и 102 189 478 долл.[48] Но для русско-американской торговли и ее развития сделанный скачок был значителен. Если для Англии объем торговли с Соединенными Штатами после начала войны составлял 158% довоенного, а для Франции 382%, то для России он составил 1157%.[49] По данным Комиссии по внешней торговле при ВСНХ, которая вскоре после Октябрьской революции занималась изучением экономических отношений между Советской Россией и США, ввоз в Россию из США составлял в 1914 г. 82 млн руб., а в 1915 г. — 256 млн (скачок произошел, разумеется, осенью 1914 г.). Особое значение имел ввоз металлических изделий, в частности сельскохозяйственных машин и инвентаря, а также подвижного состава и другого железнодорожного оборудования — 137 млн руб. в 1915 г. против 18 млн в 1914 г.[50] В течение года после начала войны первое место, которое занимала Германия по этим статьям русского ввоза, перешло к США.

Как в США, так и в России это явление привлекло к себе пристальное внимание самых широких буржуазных кругов и правительственных органов.

Экономическое усиление американских монополий, наживавшихся на военных поставках воюющим державам, невиданная дотоле перекачка капиталов из Европы в Америку способствовали быстрому превращению США из страны-должника в страну-кредитора. Вдвое, а то и втрое возросли курсы акций монополий, перешедших на военное производство; акции «Вифлеемской стальной корпорации» («Betlehem Steel Corp.») повысились даже более чем в десять раз.[51] Свою задолженность Америке европейская биржа в значительной степени погашала возвратом принадлежавших ей американских ценных бумаг. Приток в Америку европейского золота, «настоящее золотое наводнение», как назвал его позже американский банковский журнал «Аналист» («The Analist»), в начале 1915 г. лишь начался. Тем не менее сразу же возникшие планы экономического проникновения в Россию с каждым месяцем получали все большее распространение в деловых кругах США и с удивительной настойчивостью обсуждались в американской печати. Американский исследователь

---

[48] Подсчитано по данным, опубликованным в виде приложения к «Hearings before the special Committee...» (part 26, p. 7936—7940).

[49] Hearings before the special Committee..., part 26, p. 7785.

[50] План развития экономических отношений между Советской Россией и США, выработанный Комиссией при ВСНХ, опубликованный в «Вестнике Народного комиссариата торговли и промышленности» (1918, № 1, июнь), перепечатан в «Документах внешней политики СССР» (т. I, М., 1957, стр. 286—294).

[51] Промышленная Америка. Под ред. секретаря Американо-Русской торговой палаты в Нью-Йорке Э. Ч. Портера и корреспондента изданий Министерства финансов А. И. Зака. Изд. Американо-Русской торговой палаты, Нью-Йорк, 1917, стр. 29—40.

Коленберг, специально изучавший эти планы, определил их как «волну энтузиазма, который граничил с истерией и отличался поверхностным подходом к делу». Он отметил, однако, что в этом «буме американской заинтересованности в русской торговле и финансах» принимали участие и весьма ответственные представители деловых и официальных сфер США.[52]

Нечто подобное происходило и в России. Богатеющая не по дням, а по часам нейтральная Америка, в которой финансовый капитал приобретал нигде до тех пор не слыханное могущество и власть, представлялась наиболее подходящим контрагентом и для царизма и для русской буржуазии, которая хотя и усиливалась по мере хода войны, но не могла вместе с царизмом обойтись без иностранных поставок и займов. Шумная борьба с «германским засильем» в экономической области, начавшаяся с первых же дней войны, сопровождалась поисками нового «экономического союзника».

Нараставшее недовольство Англией и Францией как союзниками в войне лишало обе эти страны привлекательности в глазах русской буржуазии и бюрократии в качестве долговременного «экономического союзника». Иное дело Америка, которая и богата, и не участвует в экономической эксплуатации России, и не связывает с вывозом своих товаров и капиталов никаких политических условий! Таков был лейтмотив многочисленных статей и заметок в буржуазных газетах и журналах различных направлений, которые сходились на том, что именно Америка должна заменить Германию на русском рынке как импортер товаров и капиталов.

Организованная еще в 1913 г. группой влиятельных московских капиталистов под председательством московского городского головы Н. И. Гучкова Русско-Американская торговая палата развила с начала 1915 г. активную деятельность. В ее состав входили крупнейшие московские текстильные фабриканты Кнопп и Прохоров, кожевенные заводчики, председатель правления Московско-Казанской железной дороги фон Мекк, представители чаеторговой фирмы Боткина, американские капиталисты, действовавшие в Москве. В лице Гучкова был представлен Петроградский международный банк, в лице известного буржуазного экономиста И. Х. Озерова — Русско-Азиатский. Московское отделение последнего, как и Азовско-Донского, было представлено управляющим. Но крупнейшие воротилы петроградских промышленных и банковских монополий в этой организации участия не принимали.

С января 1915 г. палата стала издавать свой «Вестник», в первом же номере которого были провозглашены ее цели: организация прямого товарообмена между Россией и США и широкое «привлечение» в Россию американского капитала. Что касается

[52] G. C. Kohlenberg, ук. соч., стр. 210—211.

товарообмена, то разговоры об устранении от участия в нем посредников могли относиться лишь к американскому импорту в Россию, так как русский экспорт в Америку практически не существовал и товарообмен как таковой отсутствовал. А «привлечение американского капитала», как явствовало из статьи одного из наиболее активно выступавших сторонников так называемого «русско-американского сближения» профессора Озерова, должно было носить по их замыслу весьма широкий характер. Озеров предлагал привлечь американский капитал к железнодорожному строительству чуть ли не по всей стране («на севере европейской России, на Кавказе и главным образом в Сибири»). И так как это «капитал-колонизатор», то обязательно «с наделением железнодорожных компаний землей по ту и другую сторону строящегося полотна, в шахматном порядке».[53]

«Затем, — продолжал Озеров, — желательно привлечение американского капитала к оросительному делу». Он торопил американцев начать широкое экономическое проникновение в Россию, не дожидаясь образования большого избытка свободных капиталов, пользуясь благоприятным моментом для захвата исходных позиций в русской экономике. «Соединенным Штатам нужно заранее обеспечить себе территорию, на которой они могли бы свои капиталы приложить, им следует помнить, чего теперь они не сделают, то в будущем, по окончании войны, когда Германия напряжет все свои силы, чтобы вернуть потерянное, сделать будет уже трудно. Соединенным Штатам следует обратить особое внимание на эксплуатацию в России нефти, меди и т. д., т. е. предприятий, в которых в настоящее время Соединенные Штаты играют доминирующую роль, и опять легче всего им внедриться в этой области можно сейчас: они могли бы отчасти скупать понизившиеся русские бумажные ценности этих категорий, отчасти образовывать новые предприятия», — писал он.[54] Кроме откровенного призыва к американцам скупать упавшие в цене русские бумаги, здесь был им и совет подчинять своему влиянию как раз те отрасли русской добывающей промышленности, которые конкурировали с американскими на внешних рынках.

Совет Озерова как нельзя более соответствовал американским намерениям. Как сообщал издававшийся позже в Нью-Йорке «Русско-Американский торговый журнал», «через несколько месяцев после начала войны американские тресты попытались купить на английском рынке в больших количествах акции и облигации русских нефтяных концернов. Аналогичные попытки

[53] Вестник Русско-Американской торговой палаты, 1915, № 1, стр. 3—4. — Напомним, что на таких именно условиях пытался в начале века получить концессию на строительство дороги от Берингова пролива до Сибирской магистрали представитель американского синдиката Лойк де Лобель.

[54] Там же, стр. 5.

были сделаны представителями американских интересов в Петрограде. Для этой цели представители американского промышленного мира вели переговоры с представителями Петрограда. Однако последние категорически заявили, что с точки зрения интересов России продавать нефтяные предприятия Америке нежелательно. Эта позиция была подкреплена тем фактом, что американцы практически являются собственниками мировых нефтяных рынков и что поэтому опасно дать им контролировать еще и нефтяные рынки России».[55] Речь шла, по-видимому, об акциях Русского генерального нефтяного общества, предприятия Лианозова и других нефтяных фирм, которые в это время реализовались в Лондоне создававшимися с этой целью синдикатами русских и английских банков.

Конечно, отнюдь не «интересы России», а соображения, связанные с перспективами конкурентной борьбы на мировом рынке, заставили русских нефтяных магнатов отказать американцам, которые представляли, вероятно, «Стандард ойл». Но это был лишь эпизод, которому в США могли не придавать большого значения, поскольку относился он к нефтяному делу, где соперничество между русскими и американскими монополиями было традиционным.

Нарисованная Озеровым и другими идиллическая перспектива «русско-американского сотрудничества» оставалась в глазах деловых кругов США ничем не омраченной, тем более что русское правительство давало понять, что и оно выступает за расширение импорта в Россию американских товаров и капиталов. Озеров был лишь членом Государственного совета, но позиция русских официальных кругов, очевидно, была сформулирована и более прямым образом. У нас нет документальных свидетельств того, что с русской стороны последовал какой-либо намек Вашингтону на возможность заключения торгового соглашения. Но в марте 1915 г. вашингтонский корреспондент «Нью-Йорк геральд» («New York Herald») сообщил, что там такой намек получен.[56]

Под заголовком «Выигрыш должен быть постоянным» «Вашингтон пост» писала: «Сегодня было объяснено, что, если Соединенные Штаты выиграют этот рынок, это будет выигрышем навсегда, а не только на время войны». Американские кредиторы России, гласило газетное сообщение, «имеют основания» полагать, что если после войны Англия и Франция получат в России такие же тарифные привилегии, как те, которыми раньше пользовалась Германия, то США разделят их с ними.

Это сообщение открыло в американской печати известную нам главным образом по газетным вырезкам, присланным в Мини-

---

[55] Russian-American Journal of Commerce, 1916, v. II, № 12, December, p. 13.
[56] Washington Post, 18 марта 1915 г.

стерство торговли и промышленности Медзыховским, кампанию за «поход в Россию». В основе этой кампании лежало стремление правительственных органов США, в частности Министерства торговли, открыть для американской промышленности русский рынок. «Среди некоторых официальных лиц в правительстве господствует убеждение, что Россия дает для американской торговли даже более обещающее поле, чем Южная Америка», — писала 18 марта нью-йоркская газета «Ивнинг сан» («Evening Sun»). По словам «Джорнэл оф коммерс» («Journal of commerce»), Россию как рынок предпочитали не только Южной Америке, но и рынкам Востока. 22 марта эта газета сообщила, что в вашингтонских официальных кругах существует «мнение о том, что в России Соединенным Штатам будут предоставлены бóльшие возможности в смысле условий для коммерческой деятельности, чем в любой другой стране».

Одним из источников, способствовавших возникновению этого мнения в правительственных органах США, были восторженные донесения американских консулов о возможностях для американского бизнеса в России. Консул США в Тифлисе, например, в своем донесении о перспективах для американской торговли на Кавказе писал: «Американские промышленники имеют в России открытый рынок».[57]

Забыв о соблюдении нейтралитета, правительство США через Министерство торговли вступило в переговоры и переписку с банкирами по всей стране с целью изыскать средства к облегчению расчетов по торговым операциям американских капиталистов с Россией. Из Вашингтона передавали, что там идут неофициальные переговоры с послом Ю. Бахметевым и ближайшей же сессии сената правительство представит для ратификации торговое соглашение с Россией.[58]

Бостонская газета «Транскрипт» («Transcript»), призывая забыть обо всех препятствиях к заключению торгового договора с Россией, писала: «Лучшая наша роль состоит в том, чтобы уловить благоприятный момент и использовать его самым выгодным для нас образом... Московская империя это истинная сокровищница Европы, но возможности ее развития практически у нас неизвестны... Здесь можно ожидать большой коммерческий выигрыш, львиную долю которого должна получить Новая Англия».[59] В связи с назначением в Россию торгового атташе Бэйкера

---

[57] Вестник Русско-Американской торговой палаты, 1915, № 3, стр. 84.

[58] Philadelphia Evening Public Ledger, 1915, не ранее 18 марта.

[59] Transcript, Boston, Mass., 19 марта 1915 г. — Бостонский совет развития промышленности издал в это время специальную книгу о России и о перспективах развития экономических отношений Новой Англии с нею (ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 308, л. 164). Интерес к русскому рынку проявляли промышленники и других районов США. Так, Иллинойская ассоциация промышленников от имени «различных групп про-

(такие атташе были посланы в это время в несколько стран, наиболее важных для США с точки зрения их экономической экспансии) газеты поместили беседы с ним. В этих беседах он подчеркивал особенное значение для США некоторых редких ископаемых, добываемых в России, в частности уральской платины, как составлявшей значительную часть мировой добычи платины, и марганца, который, по его словам, ввозился в США главным образом из России.[60] Бэйкер перед отъездом в Петроград выступил с большой речью перед представителями деловых кругов.[61] «Я уверен, — заявлял он, — что Россия является сегодня самой обещающей страной в мире для развития американской торговли».[62] Ему вторили в своих заявлениях уже побывавшие в России представители американских концернов и фирм. «Поле для развития американского бизнеса в России безгранично», — заявил представитель «Гудир тайр энд раббер компани» («Goodyear Tire and Rubber Co»).[63]

Орган торговой палаты США «Нэйшн'с бизнес» вслед за «Вашингтон пост» видел «открывшуюся теперь возможность» превратить «возникшую потребность в растущей торговле с Россией» в «постоянную черту» внешней торговли Америки. Одновременно «Нэйшн'с бизнес» писал и о «более благоприятной, чем когда-либо, возможности, открывшейся американским предпринимателям» для строительства в России заводов и фабрик.[64]

Вся эта газетная кампания кончилась ничем, хотя в ходе ее было опубликовано заманчивое заявление русского министра финансов Барка об «особенных возможностях», которыми обладает Америка для участия в «громадном росте» русской внешней торговли. «Она единственная изо всех стран, торговли с которыми мы ищем, не задетая войной», — пояснял он.[65]

■

Когда в начале лета 1915 г. посол США в Петрограде Мари по указанию госдепартамента осведомился у Сазонова, как отнеслось бы русское правительство к переговорам о торговом до-

мышленных предприятий» отправила в Россию заведующего своим иностранным отделом в качестве представителя «как с целью организации в России агентства, так же точно для выяснения возможности и целесообразности устройства отделений тех фабрик и заводов, кои могли бы выступить конкурентами германскому производству» (Медзыховский — Прилежаеву 9 (22) апреля 1915 г.: там же, л. 149).

[60] New York Evening Telegram, 19 марта 1915 г.

[61] New York American, 19 марта 1915 г.

[62] Journal of Commerce, 20 марта 1915 г.

[63] Evening News, Newark, 27 мая 1915 г.

[64] Nation's Business, 15 апреля 1915 г. Цит. по: G. C. Kohlenberg, ук. соч., стр. 220.

[65] Exporters Review, v. XVII (April, 1915). Цит. по: G. C. Kohlenberg, ук. соч., стр. 227.

говоре, тот ответил живейшим согласием, в полном соответствии со своими заявлениями, сделанными после начала войны. Русское правительство, говорил он Мари, всегда готово возобновить договор, тем более теперь, когда оно стремится к тому, чтобы «Америка заняла то место в торговле и экономике империи, которое раньше удерживала за собой Германия». Лансинг и Вильсон предвкушали свой «особенный триумф» на американской внутриполитической арене.[66] Однако переговоры так и не состоялись. В военных условиях торговое соглашение практического значения иметь не могло. А заключать во время войны новый торговый договор с Америкой в расчете на послевоенное время при том, что послевоенная внешнеторговая ситуация России в целом не могла быть еще ясна, в Петрограде не хотели. Отнюдь не отсутствие торгового договора было препятствием на пути дальнейшего развития американского экспорта в Россию. Коммерческий ввоз в Россию, т. е. ввоз таких товаров, которые поступили бы в частнокапиталистический оборот, требовал для своего расширения прежде всего увеличения русского вывоза в США, так как кредитов не хватало и для оплаты военных поставок.

В начале апреля Барк представил Комитету финансов данные о потребностях в валюте для оплаты заказов в Америке. Только до конца 1915 г. по заказам военного ведомства следовало уплатить 136 млн долл., а затем предстояли платежи по предполагавшимся заказам военного ведомства (255 млн) и по заказам железнодорожного оборудования (52 млн долл.). Практически все эти платежи могли быть произведены лишь за счет кредитов союзников. Барк ставил поэтому вопрос о «необходимости подкрепления» долларовой наличности «независимо от тех сумм, которые могли быть переведены в Нью-Йорк из Англии и Франции».[67] Между тем русский вывоз в Америку резко сократился, в частности, и потому, что русское правительство боялось военной контрабанды через США в Германию и Австро-Венгрию. К сентябрю 1915 г. была разработана сложная система проверки и выдачи специальных разрешений на такой вывоз с гарантией американского министерства торговли, о чем было подписано 10 (23) сентября специальное соглашение между Россией и США.[68] Но развитию

[66] Мари — Лансингу, 23 июня 1915 г.; Лансинг — Вильсону, 26 июля 1915 г.; Вильсон — Лансингу, 29 июля 1915 г.: The National Archives of the U. S. A microfilm publication. Microcopy 333, Roll 7, cadres 0323, 0327—0331. См. также: G. T. Marye. Nearing the End in Imperial Russia. Philadelphia, 1929, pp. 143, 190.

[67] Журнал Комитета финансов, 11 (24) апреля 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 529, лл. 2—3 об. — Позднейшие подсчеты, произведенные Кредитной канцелярией, определили общую сумму заказов всех ведомств в Америке до конца 1915 г. в 600 млн руб., или 300 млн долл. (представление Барка Комитету финансов 10 (23) марта 1916 г.: там же, д. 531, лл. 13—19 об.).

[68] Текст соглашения и материал по этому вопросу см.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 625.

русского экспорта в Америку это отнюдь не способствовало. В американских же деловых кругах никакого желания содействовать ему не было.[69]

Русско-Американская торговая палата пыталась найти возможность кредитования американского ввоза в Россию путем организации специального Русско-Американского банка. В июле палата образовала свое петроградское отделение, — факт, который означал, что монополистические круги Петрограда начинают интересоваться делом «русско-американского сближения». Председателем отделения был избран товарищ председателя Государственной Думы А. Д. Протопопов. В правление вошел сам Путилов.[70] Этим-то и объяснялось, что планировавшийся палатой Русско-Американский банк был задуман на паритетных или по крайней мере на смешанных началах. Отправившийся в Америку товарищ председателя палаты А. В. Бер предлагал два пути образования такого банка. Первый заключался в «покупке американским капиталом не менее чем 51% паев одного из первоклассных банков, существующих и действующих в настоящее время в России».[71] При этом Бер прельщал американских капиталистов «замечательным случаем настоящего момента для покупки хороших акций по умеренным ценам», которые для американцев были особенно выгодны ввиду низкого курса рубля. Второй путь состоял в образовании русским и американским капиталом нового банка под названием «Русско-Американский банк» с капиталом в 5 млн руб., наполовину русским, наполовину американским, причем русская часть уже имелась налицо. Долгое время Бер вообще не мог получить в американских финансовых кругах какого-либо ответа. Лишь несколько месяцев спустя он получил ответ, смысл которого сводился к тому, что никакого смешанного банка не будет, ибо американские банковские монополии не желают выпустить из своих рук непосредственного контроля над всеми русскими операциями.[72]

Несколько забегая вперед, отметим, что стремление американских деловых кругов контролировать «русско-американское экономическое сближение» проявилось к концу 1915 г., когда возник вопрос о создании в Нью-Йорке отделения Русско-Американской торговой палаты. В этом заключалось прямое поручение, данное А. В. Беру Министерством торговли и промышленности

---

[69] Медзыховский — Шаховскому, 23 июля (5 августа) 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 308, л. 170.

[70] Вестник Русско-Американской торговой палаты, 1915, № 8, стр. 280.

[71] Отчет А. В. Бера о поездке в Америку: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 11, д. 492, л. 78.

[72] Председатель Американо-Русской торговой палаты Ч. Бойнтон — А. В. Беру, 4 марта (н. ст.) 1916 г.: там же, л. 79.

при его командировании в Америку.[73] Однако там обнаружилось, что новая организация может быть создана лишь в форме Американо-Русской торговой палаты. И хотя эта палата, как нам представляется, в сущности была все же организована руками Бера, Медзыховского и др., тем не менее в ее среде, несмотря на все иллюзии относительно «сотрудничества», «паритета» и т. п., распространенные в Москве и в Петрограде, шла борьба за влияние и даже обнаружилась тенденция к «постепенному превращению московской организации в отделение Нью-йоркской палаты».[74]

Ни о каком паритете и речи быть не могло ни в вопросе о банке, ни в других делах. Претендентом на монополию в русско-американском бизнесе считал себя «Нэйшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», который не собирался делить этого ни с кем ни в Америке, ни тем более в самой России. Претензия эта основывалась на соглашении с Морганом о сферах влияния в деле финансирования союзных держав, которое состоялось вскоре после того, как январский заем России Морган осуществил вдруг в партнерстве с «Нэйшнл сити бэнк» вместо «Гаранти траст компани», как это ранее предполагалось. Нам представляется, что соглашение это, по которому Морган уступил кредитование России «Нэйшнл сити бэнк», может быть датировано и точнее — самостоятельным предложением 25 млн долл., которое этот банк сделал России в марте. Предложение это Барк хотя и признал «несколько дорогим», но рекомендовал Комитету финансов принять «за отсутствием более выгодных предложений» и ввиду крайней нужды в долларах. Комитет финансов, «несмотря на некоторую обременительность условий», должен был признать предложение «Нэйшнл сити бэнк» приемлемым, но заем по неизвестной нам пока причине осуществлен не был.[75]

Вслед за предложением, сделанным Барку «Сити бэнк», Морган обратился к русскому министру со специальным посланием, содержавшим две рекомендации, продиктованные, по словам Моргана, лишь его «искренним желанием послужить интересам России». Первая рекомендация сводилась к тому, чтобы русское правительство в своих поисках кредитов в США ограничивалось кругом крупнейших банковских монополий («хорошо известных банковских домов»), вторая — предусматривала вывоз в США русского золота хотя бы «в скромных размерах». Сам Морган, уве-

---

[73] Телеграмма Ю. Бахметева в Петроград, 19 ноября (2 декабря) 1915 г.: Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярии, 1915 г., д. 60, л. 322.

[74] Так выразился Гучков, пытаясь опровергнуть как самый этот факт, так и обвинения в свой адрес в способствовании этому (ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 11, д. 492, л. 6).

[75] Журнал Комитета финансов, 11 (24) апреля 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 529, лл. 2–3 об.

ряя Барка в «дружеских мотивах» своего послания, кредитов, однако, не предлагал.[76]

Нам представляется, что позиция Моргана может быть объяснена его соглашением с «Сити бэнк» по поводу кредитования России. Разумеется, соглашение между Морганом и «Нэйшнл сити бэнк» было не только неписаным, но и почти что семейным, так как банк этот, который в 90-х годах считался банком Рокфеллера, теперь уже в значительной мере контролировался Морганом. В нашем распоряжении нет материалов, которые бы прямо свидетельствовали о наличии этого соглашения, но комиссия сенатора Ная в 1936 г. легко установила признаки его существования в ходе допроса Фрэнка Вандерлипа, председателя правления «Нэйшнл сити бэнк», и Ламонта, политического руководителя морганов ской фирмы.[77] Из их вынужденных признаний явствовало, что, хотя дом Моргана «уступил» Россию «Сити бэнк», «оставив за собой» Англию и Францию, раздел на сферы влияния не был чисто географическим. Действительно, отнюдь не все операции американского капитала, связанные с Россией, вошли в сферу, отведенную «Нэйшнл сити бэнк» Морганом. Кредитование русского правительства, а также и частнокапиталистических предприятий, скупка их акций, содействие организации в России американских предприятий или их отделений и тому подобные виды деятельности «Сити бэнк» считал в дальнейшем своим делом. Но русские закупки и заказы в Америке за счет английских кредитов оставались в руках самого Моргана. Как мы уже указывали, поставки в Россию по контрактам, заключенным Морганом в качестве коммерческого агента английского правительства, составляли 44% всего американского экспорта в Россию. Остальное приходилось на военные заказы, размещавшиеся русскими представителями без его посредства, а также на поставки частным русским фирмам.

Летом 1915 г., когда закупочные операции Моргана были уже в разгаре, были предприняты две попытки заставить русское правительство отдать в руки Моргана русско-американскую торговлю во всем ее объеме. Первая касалась военных заказов. 23 июня (6 июля) 1915 г. русский посол в Лондоне Бенкендорф сообщил в Петроград, что Ллойд Джордж, министр снабжения в английском кабинете, командирует в Америку своего представителя для пересмотра условий контракта с Морганом и что англичане счи-

---

[76] Телеграмма Ю. Бахметева в МИД, 25 апреля (8 мая) 1915 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1915 г., д. 60, лл. 129—130. — Это был, по-видимому, момент общего усиления влияния «Нэйшнл сити бэнк» в США. Ю. Бахметев сообщал со слов Виленкина, что группа «Сити бэнк» ведет переговоры о займе американскому правительству. «Банкиры дали понять, — добавлял Бахметев, — что ежели это состоится, то будет возможно и нам устроить дополнительный заем» (там же, л. 71).

[77] См.: Hearings before the special Committee..., part 25, pp. 7553—7554.

тают желательным во избежание конкуренции объединить в руках Моргана все заказы.[78] Очевидно, англичане накануне пересмотра контракта с Морганом в свою пользу (Бенкендорф писал о возможности снижения комиссионных) не прочь были оказать Моргану услугу — помочь ему заполучить все русские военные заказы в Америке.

Если при первой попытке Морган находился как бы за сценой, то при второй он почти что вышел из-за кулис. На сей раз дело касалось в основном поставок частным русским фирмам. Медзыховский предложил русскому правительству согласованный им с Морганом проект, который отдавал в руки Моргана всю организацию этих поставок. В письме министру торговли и промышленности В. Н. Шаховскому Медзыховский предлагал средство для устранения посреднической роли, которую осуществляли в прошлом в русско-американской торговле крупные (преимущественно германские) фирмы, «учреждения монопольные, а следовательно, вредный элемент в деле развития торговых сношений». Средство это состояло в учреждении специального Русско-Американского импортного и экспортного агентства, которое действовало бы в интересах мелких и средних торговцев. В роли защитника именно этих интересов Морган пожелал выступить за спиной Медзыховского, который, расхваливая Моргана, подчеркивал и «его искреннее дружеское расположение к России», и готовность к действию в качестве «инициатора и спонсора» будущей организации («весьма сочувственно отнесся к моей мысли и обещал полное свое содействие»).[79] Вероятно, возможность монополизировать в своих руках всю русско-американскую торговлю, вытеснив из нее крупных торговцев и подчинив себе средних и мелких, была для Моргана действительно весьма привлекательна.

Проект Медзыховского встретил в принципе благоприятное к себе отношение в Петербурге.[80] Но он не содержал ни слова о кредитовании русско-американской торговли, а как раз в тот самый день, когда Медзыховский излагал в письме Шаховскому морган овский проект, 23 июля (5 августа), истек срок 25-миллионного кредита, предоставленного русскому правительству Морганом и «Нэйшнл сити бэнк» в январе, и тратты русского правительства были в тот же день выкуплены.[81] Попытка Виленкина добиться продления операции еще на полгода не удалась, так как

---

[78] Международные отношения..., сер. III, т. VIII, ч. 1, М.—Л., 1935, стр. 315.

[79] Медзыховский — Шаховскому, 23 июля (5 августа) 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 308, лл. 171—173.

[80] См. переписку между Министерством торговли и промышленности и Министерством иностранных дел в октябре 1915 г.: АВПР, ф. II департамента, 1—5, род. III, 1915 г., д. 25, лл. 1 и сл.

[81] Справка о кредитных операциях, совершенных Россией в Америке: ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1169, л. 68.

банкиры — держатели займа — во главе с Морганом и «Нэйшнл сити бэнк» до всяких переговоров о новых кредитах требовали погашения старого долга. Требование это, отмечал Барк, «не могло не создать министерству крупных затруднений и потребовало чрезвычайно убыточного перевода части нашей наличности из Франции, части же из Англии за счет кредита, открытого нам в этой стране».[82]

Для поддержания и развития той части американского экспорта, которая шла помимо морган овских контрактов и которую Морган хотел теперь также пропускать через свои руки, нужны были новые кредиты. Между тем переговоры о них были весьма затруднены, пока не завершилось дело с большим англо-французским займом, о котором хлопотали для себя союзники в Нью-Йорке без участия представителей России. То обстоятельство, что Россия не принимала самостоятельного участия в этом займе, хотя часть средств от него Англия употребляла на оплату русских займов в Америке, отражало растущую зависимость России от союзников. «Картина печальная, но ясная», — резюмировал Медзыховский. «Мы получили бы деньги из первых рук, не переплачивая комиссионных английским банкирам», — вздыхал он по поводу неосуществимой возможности.[83]

Соглашение, заключенное Барком «после трудных и настойчивых переговоров» в Лондоне 17 (30) сентября, предусматривало вывоз в Америку русского золота на 40 млн ф. ст. (Англия и Франция также участвовали в вывозе золота в таком же размере).[84]

Добиваясь в Петрограде согласия Комитета финансов на вывоз золота, Барк прямо указал на заседании Комитета: «...иначе великобританское правительство не признает возможным входить в переговоры об открытии нам нового аванса».[85] Теперь русское финансовое ведомство получило некоторую возможность маневра на американском денежном рынке, поскольку имевшие особую срочность русские военные заказы в США оплачивались из сумм английского займа. Правда, в среде русских представителей существовало столь сильное недовольство заготовительной деятельностью англичан и Моргана, что они даже порицали англо-рус-

---

[82] Представление Барка Комитету финансов 10 (23) марта 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

[83] Медзыховский — полковнику Голеевскому, русскому военному агенту в США, 7 (20) сентября 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 308, лл. 195—196. — В качестве одной из причин неучастия России в антантовском займе фигурировало отрицательное отношение к этому германофильских американских банкиров (телеграмма Ю. А. Бахметева 5 (18) сентября 1915 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1915 г., д. 60, л. 398).

[84] Текст соглашения см.: Международные отношения..., сер. III, т. VIII, ч. 2, М.—Л., 1935, стр. 408—410, 418—420.

[85] Журнал Комитета финансов, 23 августа (5 сентября) 1915 г., утвержденный царем 26 августа (8 сентября): там же, стр. 229.

ское финансовое соглашение. «Не входя в общее обсуждение приемлемости для России вассальных отношений к Англии, для американских заготовлений это вопрос конкретно болезненный», — писал А. И. Гучкову несколько позже представитель Центрального военно-промышленного комитета в США профессор Б. А. Бахметев. «Все, что здесь пока покупалось через Англию и через Моргана, — пояснял он, — выходило особенно неудачно»: «дороже и главное при контрактовых условиях невыгодных и отчасти прямо унизительных».[86]

Вместе с тем заем союзников в США не только не дал русскому финансовому ведомству самостоятельных средств в Америке, но и затруднил размещение там новых русских займов. А это в свою очередь создавало американским банковским монополиям самые благоприятные условия для придания займам России такого характера, который соответствовал бы их общим целям в деле «экономического сближения» с Россией. И когда сразу же после погашения 25-миллионного займа Виленкин получил указание снова обратиться за займом в «Нэйшнл сити бэнк», он встретился с требованием дополнительного обеспечения железнодорожными ценностями, причем в полуторном размере против суммы кредита. Барк это требование отверг, и Комитет финансов его поддержал, «признавая нежелательным создавать прецедент».[87] Но руководство «Сити бэнк» не было этим обескуражено, отчетливо сознавая, что нужда русского Министерства финансов в средствах в Америке в сочетании с трудностями получения там кредитов, усугубленными соглашениями «Сити бэнк» с Морганом, сделает русское правительство более покладистым.

Как только был погашен в августе январский заем, в Петроград был отправлен представитель банка Генри Фессенден Мезерв. Это был опытный делец из разряда «управляющих», специализировавшийся на приложении американского капитала в колониальных странах. В течение тринадцати лет он управлял американо-английской «Ориентал консолидейтед майнинг компани» («Oriental Consolidated Mining Co»), занимавшейся добычей золота в Корее. Потомок министра финансов в кабинете Линкольна, он обладал широкими связями в финансовых и деловых кругах Америки. Его задачей в России была разносторонняя экономическая рекогносцировка с целью выявления таких возможностей для американских капиталовложений, которые дали бы наибольшие выгоды и открыли широкие каналы для проникновения в экономику страны. Ему было поручено, в частности, подготовить открытие в России отделения «Нэйшнл сити бэнк оф Нью-Йорк».

---

[86] АВПР, ф. Экономического департамента, I делопроизводство, 1914—1917 гг., д. 130, лл. 136—137.

[87] Представление Барка Комитету финансов 10 (23) марта 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

Как раз в этот момент на русско-американские экономические отношения стала оказывать свое влияние российская буржуазная общественность в лице предпринимательских организаций и военно-снабженческих объединений. Особое совещание по обороне, в котором эти организации были, как известно, представлены, добилось в сентябре создания в Америке Русского заготовительного комитета (ранее колебания по этому поводу были так сильны, что военный министр Сухомлинов в один день одобрил два доклада: один — о желательности, второй — о нежелательности образования комитета). В состав созданного комитета вошло 5 представителей буржуазной общественности. Их возглавлял Б. А. Бахметев, представлявший Центральный военно-промышленный комитет и тесно связанный с его председателем А. И. Гучковым. Сразу же наметилась и некоторая трещина между бюрократическим и буржуазно-представительным началами — «отражение существующих взаимоотношений в России», как определил ее Б. А. Бахметев.[88]

Однако существенных разногласий между царизмом и буржуазией в вопросе об отношении к поставкам из США и американскому капиталу еще не было. Не ощущал их и Мезерв. Одним из первых среди русских промышленных и финансовых магнатов, с которыми он вошел в контакт в Петрограде, был Нобель. Нобель посоветовал «Нэйшнл сити бэнк» «не размениваться на мелочи», а действовать в России так же, как действовали до войны Немецкий банк и Учетное общество, т. е. заниматься наряду с русским Государственным банком кредитованием русских коммерческих банков.[89]

Своим советом Нобель, собственно, лишь сформулировал намерения американцев. Еще до встречи с ним Мезерв начал переговоры с В. И. Тимирязевым, который был в то время одним из руководителей Русского для внешней торговли банка и председателем Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, о кредитовании экспорта из США в Россию хлопка, каучука, меди, машин. Тимирязев счел при этом необходимым «вполне твердо» высказаться о возможности получения американцами в недалеком будущем концессий на добычу золота в России. Упомянув о намерениях правительства облегчить доступ капитала в золотопромышленное дело, он заверил, что «американцы — естественные кандидаты на то, чтобы извлечь из этого выгоду первыми».[90]

---

[88] Б. А. Бахметев — А. И. Гучкову, 18 (31) октября 1915 г.: АВПР, ф. Экономического департамента, I делопроизводство, 1914—1917 гг., д. 130, лл. 135 и сл.

[89] Мезерв — Вандерлипу, 23 сентября (6 октября) 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 14.

[90] Мезерв — Вандерлипу, 12 (25) сентября 1915 г.: там же, лл. 9—10.

Прошло еще несколько дней, и глаза у Мезерва и его нью-йоркских шефов буквально разбежались: в поле их зрения попало железнодорожное дело в России.

Произошло это следующим образом. Нужда в долларах у русского финансового ведомства была настолько безотлагательной, что, не дожидаясь исхода переговоров о займе, которые, преодолевая большие трудности, вел в Нью-Йорке Виленкин, оно при посредстве русских частных банков начало сбывать американским банкам большие партии облигаций русских железных дорог. «Гаранти траст компани» получила у Сибирского торгового банка на 7 млн долл. облигаций Московско-Казанской дороги и столько же — Московско-Виндаво-Рыбинской и ожидала повторения этой операции в шестикратном размере. В России действовал сам вице-президент «Гаранти траст компани» Грэйсон Мэрфи.[91] «Нэйшнл сити бэнк» усмотрел в этом угрозу своему плану монополизации всего «русского бизнеса». А угроза эта представлялась тем более реальной, что вряд ли «Гаранти траст» действовала без ведома Моргана, который, видимо, был непрочь поддерживать конкурентные отношения между связанными с ним банковскими монополиями.

Во всяком случае, в «Нэйшнл сити бэнк» твердо решили «железнодорожного бизнеса» в России не упускать, хотя сначала Мезерв даже растерялся в связи с обилием возможностей в России. Считая это предложение «по обычным временам» «прекрасным», он писал Вандерлипу: «Я, вероятно, рекомендовал бы этот заем и в настоящее время, если бы мне нечего было здесь, кроме него, рассматривать».[92] Но уже к следующему письму Мезерв, «широко смотря на дело», освободился от своих колебаний. Из облигаций Московско-Казанской, Московско-Юго-Восточной и Рязано-Уральской дорог, предложенных Коншиным, он выбрал Московско-Казанскую. «Та часть России между Москвой и Уральскими горами, через которую проходит эта дорога, очень сильно меня привлекает», — сообщал он Вандерлипу. Мезерв отмечал богатство в сельскохозяйственном отношении этой территории (это засвидетельствовал ему управляющий американской «Международной компании жатвенных машин» в России), удаленность дороги от фронта, а также неуклонный рост прибылей в предвоенные годы. Тем не менее для кредитования русских банков под гарантированные русским правительством облигации Московско-Казанской дороги Мезерв предложил, чтобы тратты русских банков были гарантированы или акцептованы крупнейшими английскими или французскими банками.

Очень скоро в «железнодорожное дело» были втянуты и американские промышленные фирмы, связанные с «Нэйшнл сити

---

[91] Мезерв — Вандерлипу, 5 (18) октября 1915 г.: там же, л. 26.
[92] Мезерв — Вандерлипу, 29 сентября (12 октября) 1915 г.: там же, л. 23,

бэнк», — «Хольбрук, Кэбот энд Роллинс» («Holbrook, Cabot and Rollins») и «Болдуин локомотив уоркс» («Baldwin Locomotive Works»), уже занимавшиеся поставками железнодорожного оборудования и подвижного состава в Россию. Представитель фирмы Хольбрука Паттен хлопотал в Петрограде о получении концессии на строительство новых линий Московско-Казанской дороги общей протяженностью около 1.5 тыс. верст. Вандерлип телеграфно свел с Паттеном Мезерва, и они стали, по выражению Мезерва, «великолепно дружно действовать с этого конца (в Петрограде, — *Р. Г.*)».[93]

Замысел руководства «Нэйшнл сити бэнк» состоял, таким образом, в том, чтобы деньги, кредитованные Московско-Казанской дороге, в случае их использования на строительство новых линий сразу же вернулись в руки банка или финансируемых им американских фирм.

Возникший у «Нэйшнл сити бэнк» интерес к железнодорожному делу в России был тем более серьезен, что с намеченными финансовыми операциями связывался расчет на открытие русского отделения банка и дальнейшее развитие его действий в России. Все это, вместе взятое, придавало особое для банка значение и тем переговорам о «большом» правительственном займе России, которые вел в Нью-Йорке Виленкин. В разгар своих переговоров по поводу Московско-Казанской дороги Мезерв прямо посоветовал Вандерлипу: «Мне кажется, что это бизнес как раз такого рода, какой нам нужен в качестве зародыша для отделения в России... Если вы проведете большой заем, возможно, вы легко уладите и это дело».[94]

Но как раз в это время у «Сити бэнк» появился еще один конкурент. Финансовая группа «Киддер, Пибоди и К⁰» через находившихся в Америке Бера и профессора Б. А. Бахметева предложила устроить заем на сумму от 100 до 300 млн долл. При этом «Киддер, Пибоди и К⁰» отказывалась не только предоставить заем, но даже и назвать его условия без предварительного разрыва переговоров русского Министерства финансов с «Нэйшнл сити бэнк». В Русском заготовительном комитете возник по этому поводу острый конфликт.

Виленкин с его пессимистическим взглядом на возможность большого займа придерживался ориентации на «Сити бэнк». Б. А. Бахметев же считал получение крупного займа вполне возможным при условии «предоставления американским капиталистам промышленной инициативы в России».[95] Комитет его поддерживал, и в результате переговоры Виленкина с «Сити бэнк»

---

[93] Мезерв — Вандерлипу, 9 (22) октября 1915 г.: там же, лл. 34—35.
[94] Мезерв — Вандерлипу, 15 (28) октября 1915 г.: там же, л. 42.
[95] Представление Барка Комитету финансов 10 (23) марта 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

были прерваны. Одновременно Вандерлип узнал и о предложениях Киддер—Пибоди. Оба этих удара были для него тем более чувствительны, что он уже располагал к этому времени информацией Мезерва о железнодорожных перспективах в России.

Чтобы не потерять русский заем, Вандерлип проявил значительную активность. Между 22 и 28 октября он обрушил на Мезерва и прямо на Барка целый поток телеграмм. Чередуя заманчивые обещания с угрозами, он пытался уговорить русское правительство взять заем у «Сити бэнк» или по крайней мере отказаться от каких-либо переговоров с другими. В телеграмме Барку он жаловался на «внезапное» прекращение Виленкиным переговоров в Нью-Йорке и «почтительно просил» принять в Петрограде Мезерва «при первой же возможности».[96] Мезерву же Вандерлип предписал заявить министру финансов и директору Кредитной канцелярии, что, в случае если русское финансовое ведомство предоставит «Нэйшнл сити бэнк» монополию в Америке на кредитование России, «есть возможность размещения на этом (американском, — *Р. Г.*) рынке займа в двести—двести пятьдесят миллионов».[97] В противном же случае Вандерлип угрожал через Мезерва полным провалом займа, давая понять, что конкуренты «Нэйшнл сити бэнк» все равно ничего добиться не сумеют.

«После той работы, которую мы уже проделали, смена руководства [98] поставила бы под угрозу успех операции. Неудача вследствие попытки проведения этого при неудовлетворительном руководстве будет гибельной», — телеграфировал он. Мезерву предписывалось также поставить в известность обо всем А. И. Гучкова. У Вандерлипа были основания рассчитывать, что председатель ЦВПК употребит свое влияние в пользу «Нэйшнл сити бэнк». Действительно, оказалось, что Гучков и сам уже искал Мезерва.[99] Наибольшее значение Вандерлип придавал, однако, своей угрозе прекратить кредитование отдельных закупок впредь до получения согласия русского правительства на большой заем у «Нэйшнл сити бэнк». Эта угроза была сформулирована в специальной телеграмме Мезерву, посланной вдогонку трем отправленным ранее.[100]

В беседе с Барком Мезерв даже припугнул его мощью Моргана. «Я полностью разъяснил ему огромную силу „Нэйшнл сити

---

[96] Приводится в письме Мезерва Вандерлипу 13 (26) октября 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 38—39.

[97] Там же.

[98] Имеется в виду смена руководства синдиката, образованного «Сити бэнк» для выпуска русского займа.

[99] Мезерв — Вандерлипу, 15 (28) октября: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 41.

[100] Приводится в письме Мезерва Вандерлипу 13 (26) октября: там же, лл. 38—39.

бэнк", а также его могущественные связи», — сообщал он Вандерлипу.[101]

Обещания и угрозы Вандерлипа и Мезерва возымели действие. Виленкину и правлению банка были посланы в Нью-Йорк Кредитной канцелярией телеграммы о возобновлении переговоров.

Видя, что Барк поддается давлению и что русское финансовое ведомство проявляет неизменную заинтересованность в большом американском займе, Мезерв решил использовать это для реализации своих планов в железнодорожном деле. В расчете на то, что приток облигаций русских частных дорог в «Нэйшнл сити бэнк» будет обеспечен русскими частными банками, кредитующимися в Америке, он предложил Барку большой заем в форме облигаций отдельных казенных дорог, и особенно Сибирской магистрали. Поначалу Барк согласился было и на это, хотя казенные дороги отдельного бюджета не имели, финансировались за счет государственного, а потому отдельные займы каждой из них были невозможны. Барк, очевидно, должен был понимать, что, как и в случае с предложением займа под залог подвижного состава, Мезерв не придает особого значения русскому законодательству. Да и вопрос-то стоял так, что «Нэйшнл сити бэнк» нужна была первая закладная на русские казенные железные дороги независимо от назначения кредитованных сумм. Тем не менее через три дня после этой беседы Мезерва пригласили в Министерство финансов и вручили ему для передачи в Нью-Йорк телеграфный текст предложения о выпуске займа лишь в форме гарантированных правительством облигаций частных дорог. Заем должен был быть долгосрочным из 5% годовых.[102] Но телеграмма с этим предложением была задержана в Лондоне (по мнению петроградского телеграфного начальства и Барка, не случайно).

В правлении «Нэйшнл сити бэнк» тем временем очень понравилась возможность контроля не только над частными, но и над казенными дорогами, в частности Сибирской. Вандерлип затребовал у Мезерва «полной информации о русских железных дорогах», особо подчеркнув, что сведения, которыми он располагает о Сибирской дороге, «очень скудны». Мезерву предписывалось также сообщить свои рекомендации о том, какой путь избрать для получения банком контроля над русскими железными дорогами.[103]

На следующий же день Мезерв сообщил Вандерлипу свою программу, состоявшую из двух пунктов. Мезерв предлагал, во-первых, придать большому займу форму «закладных листов, выпущенных в Соединенных Штатах и обеспеченных золотом, на все русские казенные железные дороги». Он подчеркивал, что

---

[101] Там же.

[102] Мезерв — Вандерлипу, 16 (29) октября 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 45.

[103] Телеграмма Вандерлипа Мезерву приводится в письме Мезерва Вандерлипу 23 октября (5 ноября) 1915 г.: там же, л. 59.

чистая прибыль по этим дорогам составила за 1915 г. 265 млн руб. Кроме того, он давал понять в Нью-Йорк, что, исходя из программы американских действий в России, не следует брать находящихся в обращении консолидированных железнодорожных облигаций, выпущенных для финансирования казенных дорог, поскольку они, являясь фактически обычными государственными облигациями, не дают их владельцам права удержания за собой собственности на дороги в обеспечение платежей, и т. д. Во-вторых, Мезерв предлагал приобретать гарантированные правительством облигации «избранных» частных дорог. Сущность плана Мезерва с особой силой сказалась в тех специальных условиях, которыми он предлагал обставить кредитование России. Все облигации, выпущенные в долларах, должны были содержать особую статью, которой русское правительство гарантировало бы получение американскими держателями в случае неуплаты процентов первых же сумм, полученных из «специально указанного источника государственных доходов». Это пахло уже контролем над таможнями по образу действий иностранного капитала в Китае и Корее, хорошо знакомому Мезерву. В том же роде было выдержано и второе выдвинутое Мезервом условие: «Американским подрядчикам должно оказываться предпочтение в строительстве железных дорог». Это условие особенно ясно показывало смысл предложений «Нэйшнл сити бэнк» по железнодорожному вопросу, которые вовсе не были чисто финансовой операцией временного характера, а имели своей целью долговременное и широкое участие в русском железнодорожном деле. Об этом же свидетельствовал и совет Мезерва руководству банка, данный на будущее, — не выпускать из рук облигаций частных дорог после завершения первой операции с ними, используя их в качестве дополнительного обеспечения для государственных займов в России.[104] Мезерв, как и руководство «Нэйшнл сити бэнк», исходил при этом из того значения, которое имело финансирование железнодорожного строительства в деятельности русских банков.

«Условия, несовместимые с достоинством России как великой державы и противные нашему законодательству», — так расценивал Барк через несколько месяцев в своем представлении Комитету финансов требования дополнительного обеспечения и выдачи первой закладной на казенные дороги.

При участии А. И. Гучкова министр финансов наметил следующую комбинацию, которая была сообщена Мезерву. Заем в 250 млн долл. сроком на 3 года «Нэйшнл сити бэнк» должен открыть под железнодорожные облигации группе русских банков (а не русскому правительству, чем снимался вопрос о выпуске займа под казенные дороги). Заем был предназначен на платежи

---

[104] Мезерв — Вандерлипу, 24 октября (6 ноября) 1915 г. с повторением телеграммы, отправленной в тот же день: там же, л. 60.

в Америке по заказам как казенных ведомств, так и частнокапиталистических предприятий (что имело особое значение для банков) по списку, который надлежало согласовать. Барк имел в виду, что кредитованные суммы в долларах останутся в распоряжении Кредитной канцелярии, а банки получат причитающиеся им суммы в рублях (казенные заказы имели бы в результате этого предпочтение). К переговорам с Мезервом Барк и Гучков привлекли четыре крупнейших банка в лице Б. А. Каменки (Азовско-Донской), А. И. Путилова (Русско-Азиатский), А. И. Вышнеградского (Петроградский международный) и Я. И. Утина (Петроградский учетный и ссудный). Совещание с Мезервом было назначено на 7 (20) ноября.[105]

Телеграммы Мезерва, в которых он изложил свою программу железнодорожных операций и сообщил о предстоявшем 7 (20) ноября совещании, произвели в Нью-Йорке большое впечатление. Вандерлип решил принять все меры для того, чтобы не упустить прибыльного и перспективного бизнеса, который, казалось, сам шел в руки. И он решил, не теряя ни дня, привязать Россию к «Нэйшнл сити бэнк» краткосрочным кредитом небольшого размера, который самой перспективой своего погашения способствовал бы дальнейшему закреплению русского кредита в Америке за «Нэйшнл сити бэнк», делая необходимым заключение большого займа именно через его посредство. Виленкину было сделано предложение на 40 млн долл. сроком на полгода с дополнительным обеспечением в форме депозита золота в Петрограде, которое-де нужно для того, чтобы преодолеть конкуренцию «Гаранти траст компани» и подготовить почву для размещения большого займа. Особо подчеркивалось, что предлагаемый кредит может быть погашен на доходы от этого большого займа. Все это было сделано спешно, а Мезерву было дано поручение посодействовать в Петрограде принятию Россией краткосрочного кредита.

Но в Петрограде признали неприемлемым требование дополнительного обеспечения. Мало того, не прекращали своей активности конкуренты. «Киддер, Пибоди и К°» вела с русскими представителями переговоры о большом займе России совершенно по тем же линиям, что и «Нэйшнл сити бэнк», т. е. на основе железнодорожных ценностей. Кроме того, продолжались переговоры и с «Гаранти траст компани». Переговоры велись неофициальным образом, но «Нэйшнл сити бэнк» получил информацию о том, что за спиной ведущих их со стороны России лиц стоит русское правительство. Как и месяц назад, когда Виленкин прервал с ним переговоры, Вандерлип снова впал в беспокойство, тем более

---

[105] Письмо Кредитной канцелярии Каменке, Вышнеградскому, Путилову и Утину и телеграмма Мезерва Вандерлипу 24 октября (6 ноября) 1915 г., приведенные в его письме Вандерлипу от того же числа: там же, лл. 61—62.

что оставалось всего несколько дней до назначенного в Петрограде на 7 (20) ноября совещания по поводу большого займа.

Чтобы добиться своего, Вандерлип решил снова обратиться непосредственно к Барку. В телеграмме министру он доказывал, что дополнительное обеспечение необходимо потому только, что русские официальные и неофициальные представители предлагают на американском рынке различные русские ценности, обходят «Нэйшнл сити бэнк», ведут переговоры с его конкурентами и о большом займе. «Два таких займа в этой стране размещены быть не могут, и двойные переговоры аннулируют друг друга», — убеждал он Барка. Вандерлип соглашался предоставить без дополнительного обеспечения 25 млн долл. на полгода и обещал подготовить большой заем («мы будем продолжать наши усилия»), но уже в размере не двухсот пятидесяти, как он обещал раньше, а «не менее ста миллионов долларов». При этом Вандерлип выдвигал в качестве обязательного условия для проведения каждой из операций отказ русской стороны от переговоров с конкурентами «Нэйшнл сити бэнк». Мезерв получил телеграмму Вандерлипа, в которой ему сообщался текст телеграммы Барку и предписывалось на него всемерно повлиять («сделайте, что можно»), 4 (17) ноября.[106] Через несколько часов он встретился с Барком за интимным обедом в частном доме и три последующих дня целиком посвятил давлению на Кредитную канцелярию и окружение Барка.

На совещании с Мезервом 7 (20) ноября предложения Вандерлипа были приняты. По просьбе Мезерва, Министерство иностранных дел сообщило Бахметеву, что переговоры о займе, которые ведут в Америке закупочные органы, мешают переговорам с «Нэйшнл сити бэнк».[107] «Все препятствия будут устранены», — телеграфировал Мезерв в Нью-Йорк. Но Вандерлипа это ничуть не успокоило. «Гаранти траст компани» сообщила ему, что почти договорилась о краткосрочном кредитовании России. Он теперь требовал у Мезерва совета, нельзя ли на ходу перебить у «Гаранти траст компани» этот бизнес, дав 40 млн вместо обещанных ранее 25 и обусловив погашение доходами от большого займа. Мезерв помчался в Кредитную канцелярию, где его успокоили, заверив, что переговоры с «Гаранти траст компани» не ведутся.[108]

Но Вандерлип к этому моменту решил своими собственными средствами положить конец помехам, которые чинила ему в «русском деле» конкуренция. В его переписке с Мезервом и раньше уже проскальзывала мысль о том, что для закрепления в России следует создать мощное объединение монополистического типа,

---

[106] Приводится в письме Мезерва Вандерлипу 7 (20) ноября 1915 г.: там же, л. 71.

[107] Международные отношения..., сер. III, т. IX, М.—Л., 1937, стр. 337.

[108] Мезерв — Вандерлипу, 11 (24) ноября 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 79.

располагающее как финансовыми, так и производственными возможностями. «Нэйшнл сити бэнк» при его широких связях с промышленностью, причем как раз с теми отраслями, в продукции которых в России испытывалась необходимость (производство железнодорожного оборудования, машиностроение в целом), и опыте зарубежных операций мог такое объединение возглавить.

Стратегический план тех крупнокапиталистических кругов, которые были связаны с банком, состоял в том, чтобы вывоз в Россию капитала в ссудной форме дополнить внедрением американского капитала в отдельные отрасли русской экономики в производительной форме. Тактический же расчет Вандерлипа состоял в том, чтобы этим путем обойти и «Гаранти траст компани», промышленные связи которой были слабее, чем у «Нэйшнл сити бэнк», и непрерывно мешавшую американцам конкуренцию английских правительственных кредитов. Используя их для оплаты заказов в Америке, русское финансовое ведомство могло иной раз и отказаться от американских займов, предлагавшихся на совсем уж невыгодных условиях.[109] Но движению американского капитала в отдельные отрасли русской экономики в производительной форме английские правительственные кредиты воспрепятствовать, естественно, не могли.

В те самые дни, когда переговоры о большом долгосрочном займе и краткосрочных кредитах достигли своей драматической стадии, по законам штата Нью-Йорк была учреждена как финансовая, торговая и держательская компания Американская международная корпорация, объединившая под эгидой «Нэйшнл сити бэнк» ряд крупнейших корпораций США. Председателем совета ее директоров стал сам Вандерлип. Директор и член правления около 50 различных корпораций, финансировавший избрание Вильсона на президентский пост и тем тесно связавший главу

---

[109] Иногда само английское правительство, пользуясь финансовой зависимостью от него России, пыталось ослабить ее связи с монополиями США. Так было, например, в середине ноября 1915 г., когда английское правительство отказалось учитывать при кредитовании новых заказов экономию от старых, и русский посол в Лондоне Бенкендорф телеграфировал, что предложение России размещать поскольку возможно свои заказы в Англии, а не в США, «значительно облегчило бы переговоры» (Международные отношения..., сер. III, т. IX, стр. 310). Военный министр Поливанов под влиянием этих трудностей с кредитами писал 13 (26) ноября Барку, что видит «единственный выход» в заключении соглашения с Морганом (там же, стр. 369). Но Барк ответил, что «соглашение это не даст новых кредитов» (там же, стр. 401). Не прошло и трех недель после получения телеграммы Бенкендорфа в Петрограде, как английское посольство заявило протест русскому правительству против его переговоров о кредитах в Америке и фактически запретило любые такие переговоры без ведома Лондона (Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел 11 декабря (28 ноября) 1915 г.: Международные отношения..., сер. III, т. IX, стр. 505).

государства с «Нэйшнл сити бэнк»,[110] он был теперь в зените своего могущества. 13 (26) ноября Мезерв получил от него телеграфную инструкцию следующего содержания: «Американская международная корпорация утверждена вчера с самыми широкими полномочиями, дающими возможность финансировать зарубежные проекты всех видов. Капитал — 50 млн долл. Срочно представьте любые надежные и прибыльные предложения, показывающие возможность немедленных доходов. Особенно исследуйте действующие концерны, нуждающиеся в финансировании».[111]

Для экспансионистского энтузиазма Вандерлипа не было, однако, сколько-нибудь существенных оснований: русско-американское «экономическое сближение» оставалось делом весьма проблематичным. Между реальными возможностями экономической экспансии американского империализма и громко выражавшимися вожделениями наиболее импульсивных его представителей существовал очень значительный разрыв. Претенциозность, граничившая с мессианством, и раньше была отличительной чертой американской политики, но в рассматриваемое здесь время эта политика не обрела еще агрессивного динамизма и империалистической мощи в тех размерах, которые стали для нее характерными в последующие периоды.

---

[110] Ф. Ландберг. 60 семейств Америки. М., 1948, стр. 139.
[111] ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 81.

Глава II

ЦАРИЗМ, БУРЖУАЗИЯ И АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛ

(конец 1915—начало 1916 г.)

НЕДОЛГО просуществовавшая и не сыгравшая в сущности предназначенной ей роли, Американская международная корпорация была тем не менее учреждением, во многих отношениях любопытным и примечательным. Корпорация являла собой пример монополистического объединения, созданного крупнейшими промышленными и банковскими монополиями США специально для осуществления экспансии за рубежом. Она была до некоторой степени аналогична созданной в США в 1890-х годах «Американ Чайна дивелопмент компани» («American China development Co»).[1] В Российской практике объединением такого типа было созданное в Москве в 1909 г. «Русское экспортное товарищество», в котором принимало участие свыше 40 крупнейших мануфактурных предприятий.[2] Американская международная корпорация выделялась степенью зависимости от патронирующего общества: ее зависимость от «Нэйшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» и его руководителя Ф. Вандерлипа была почти полной. Среди ее учредителей наиболее значительную роль играли те компании, в правлениях которых Вандерлип в том или ином качестве фигурировал собственной персоной.

То обстоятельство, что именно Россия рассматривалась организаторами этого монополистического объединения как главный объект его деятельности, сразу же нашло свое отражение в печати. В таком духе писали об Американской международной корпорации различные американские газеты, «Вестник Русско-Американской торговой палаты» и даже такой посторонний, казалось бы, этому делу, но очень осведомленный в вопросах нейтральной торговли военной поры орган, как шведский журнал

[1] О «Чайна дивелопмент компани» см.: А. А. Фурсенко. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. М.—Л., 1956.

[2] Всеподданнейший доклад министра торговли и промышленности «О мерах развития торговых сношений с Ближним Востоком». Одобрен 8 марта 1913 г.: ЦГИА СССР, ф. 40, оп. 1, д. 65, л. 35.

«Svensk Export», который расценивал образование корпорации как появление «нового и могущественного фактора в мировой торговле». Созданная «для развития внешней торговли Америки, особенно с Россией», эта корпорация, указывал журнал в специальной статье, «будет по образцу Европы устраивать иностранные займы, чтобы таким путем добиться особых преимуществ для американских товаров на иностранных рынках, — тактика, которую с успехом применяли в течение долгого ряда лет английские, немецкие и французские банки, между прочим, в Южной Америке».

Отмечая роль «Нэйшнл сити бэнк» в создании корпорации, шведский журнал писал: «Вообще этот банк и американцы поняли, что пришло время, когда на их улице праздник. Европа обеднеет, Америка разбогатеет. Ее богатства должны быть использованы наивыгоднейшим образом, а нет ничего выгоднее в настоящее время, как вести торговлю на тех рынках, которые европейцы не могут сохранить за собою во время войны».[3]

В русских правительственных кругах образование корпорации рассматривалось в связи с общими экономическими планами царизма. Медзыховский 12 (25) ноября 1915 г. составил об учреждении корпорации специальное донесение министру торговли и промышленности Шаховскому.[4] Описывая положение американской промышленности, Медзыховский делил все промышленные предприятия США на три категории. К первой он относил предприятия западных штатов, которые оправились после кризиса начала века лишь вследствие общего экономического подъема страны. Ко второй — предприятия восточных штатов, которые, обогатившись на военных заказах, стали расширять собственное производство и скупать более слабые предприятия. «Особый интерес для России» представляла, как считал Медзыховский, третья категория предприятий — «предприятия консервативного направления», которые произвели накопление средств, не расширяя в значительных размерах своего производства.

«Жесточайший кризис», которого Медзыховский «вопреки настойчивым утверждениям американских экономистов» ждал «с заключением европейского мира для американской промышленности», должен был, по его расчету, для предприятий третьей категории оказаться наименее губительным. «Обладая запасом накопленного золота», они, с его точки зрения, в случае кризиса перепроизводства в США всегда могли бы «без напряжения довести до минимума свое производство в Америке» и «перенести свою деятельность за границу». Там, за границей, Медзыховский видел два основных объекта приложения «американских промыш-

---

[3] Перевод из журн. «Svensk Export» 1916, январь, № 544: ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 1189, лл. 168—169.

[4] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 11, д. 227, лл. 24—25.

ленных капиталов» — Южную Америку и Россию, из коих «первенство», считал он, имеет для американцев Россия. Мотивировал он это тем, что «капиталы, помещенные в России, будут иметь для вкладчиков исключительно коммерческое значение, в то время как с помещением капиталов в Южной Америке связаны чрезвычайно сложные политические вопросы».

Этот взгляд определялся не только традиционной точкой зрения русских правительственных сфер, согласно которой американский капитал в России в отличие от германского, англо-французского и даже самого американского в других странах не ставил перед собой политических целей, но и уверенностью в том, что для инвесторов прочность социального строя и политического режима в стране, ставшей объектом приложения капитала, значительно важнее возможностей установления в ней собственного политического влияния. А в прочности царизма Медзыховский не мог, конечно, усомниться. «Вот в этот момент самых разноречивых предположений о будущности американской промышленности по восстановлении европейского мира возникает Американская международная корпорация. Явление в высшей степени симптоматическое как в отношении приближающегося мирного времени и предчувствуемого промышленного кризиса, так же точно в отношении изыскания средств и путей к размещению огромного золотого запаса, накопленного (если не награбленного) за время войны», — не без язвительности по американскому адресу писал Медзыховский. «Характерным является тот факт, что в комментариях к уставу корпорации красной нитью проходит огромный интерес к России», — отмечал он. Но тут-то и возникало противоречие между намерениями создателей корпорации и тем, чего хотели бы от нее в правящих кругах России. Хотя устав корпорации на первый план выдвигал именно «размещение капитала за границей», которое соответствовало планам русской стороны, Медзыховский считал это «лишь флагом», а подлинную, «основную цель этой организации, в которую вошли главнейшие американские банки», он видел «в спасении от краха промышленных предприятий второй категории, с коими названные банки органически связаны». Речи о вывозе капиталов тут уже быть не могло. В отличие от любезных Медзыховскому предприятий третьей категории эти предприятия располагали не резервами капитала, а недавно расширенными производственными мощностями и нуждались в товарном экспорте. «Иными словами, — писал Медзыховский, — основная деятельность корпорации будет направлена главным образом к завоеванию русского рынка[5] путем одного лишь ввоза изделий тех промышленных предприятий, перепроизводство коих после заключения мира потребует иностранных рынков сбыта». Между тем в расчетах русской стороны

[5] Подчеркнуто карандашом в известной нам копии донесения.

приток американского капитала как раз и должен был использоваться для промышленного строительства и сокращения благодаря этому в будущем ввоза промышленных изделий. Такова была если не официальная, то преобладающая в официальных кругах точка зрения на этот вопрос, которой соответствовала программа действий, предложенная Медзыховским в связи с созданием Американской международной корпорации. Он предлагал «противопоставить» американскому товарному экспорту «охранительные и даже запретительные таможенные тарифы».[6] «При этом последнем условии, — писал он, — американские капиталы... направятся в Россию, причем подобная политика привлечет не только капитал, принадлежащий консервативным предприятиям третьей категории, но и частный капитал, который не найдет выгодного применения в собственной стране».

Интересно сопоставление позиции Медзыховского с точкой зрения Б. Бахметева, которую тот сообщил Гучкову за месяц до письма Медзыховского в Министерство торговли и промышленности. Бахметев еще до Медзыховского стал рекламировать в Петрограде мнимую аполитичность американского капитала. «Изо всех иностранных капиталов американский — единственный, который не ищет и никогда не будет искать и иметь политических интересов в России», — утверждал Бахметев.[7] Он так же, как и Медзыховский, видел важнейшие «преимущества» для капиталистического развития производительных сил страны в «открытии путей американской промышленной инициативе в России». Но опасений по поводу того, что американский капитал в Россию не пойдет, у него не было. Он, наоборот, считал, что для американцев конкуренция на русском рынке с Германией и другими европейскими странами возможна лишь при «создании в России американской промышленности», с «привлечением местного труда». Конкуренцию путем товарного экспорта он объявлял для американцев невозможной «в силу высокой стоимости рабочего труда и высокой монетной единицы в США».

Общие для Медзыховского и Б. А. Бахметева соображения о желательности привлечения американского капитала разделялись, по-видимому, как в буржуазных кругах, так и в заинтересованных петербургских ведомствах.[8]

---

[6] Подчеркнуто карандашом. На полях против подчеркнутого знаки вопроса и восклицания.

[7] Б. А. Бахметев — А. И. Гучкову, 18 (31) октября 1915 г.: АВПР, ф. Экономического департамента, I делопроизводство, 1914—1917 гг., д. 130, л. 143.

[8] В своем месте мы покажем, что в письмах из Петербурга в Америку представитель «Нэйшнл сити бэнк» Мезерв развивал соображения, сводившиеся к тому, что в России очень заинтересованы в притоке американского капитала, возможности же ввоза в Россию промышленных изделий будут после войны закрыты. Следовательно, рассуждал он, если США не желают вообще потерять «русский бизнес»,

Сейчас же после создания Американской международной корпорации русская правительственная политика привлечения американского капитала была публично подтверждена в Америке — и в весьма сильной форме. Это было сделано в речи товарища председателя Русско-Американской торговой палаты А. В. Бера 6 декабря 1915 г. (н. ст.) при открытии в Нью-Йорке конференции по международной торговле, организованной Национальной ассоциацией промышленников.[9] В своей речи Бер, человек одинаково близкий и к деловым и к официальным кругам, приглашал американских капиталистов в Россию, обещая им, что «при квалифицированной первоклассной рабочей силе, которая может быть нанята всего за 25% той цены, которую платят в Америке, при неистощимых запасах всех видов сырья, угля и водяной силы» они «не могут не получить великолепного вознаграждения».[10]

В этой речи прозвучала и фраза о том, что от американцев ждут развертывания производства в России таких товаров, которые сейчас «приходится ввозить из Америки и других стран».[11] Одна из главных мыслей донесения Медзыховского в Петербург оказалась почти сейчас же произнесенной вслух в Нью-Йорке. Но что касается «охранительных и даже запретительных тарифов», которые предлагал Медзыховский как средство принудительного воздействия на американцев, то об этом еще нельзя было говорить публично. Медзыховский и сам имел в виду послевоенное будущее. А пока в тарифной сфере американцев нужно было не пугать, а, наоборот, задобрить. Действительно, как свидетельствует один из документов позднейшего происхождения, именно в это время, во всяком случае не позднее ноября 1915 г., американскому послу в России Мари было заявлено, что русское

нужно приступать к капиталовложениям в русскую экономику. Поскольку письма Мезерва в этом смысле совершенно соответствовали программе Медзыховского, а писались они на основании бесед с чинами Кредитной канцелярии и другими представителями петроградских официальных кругов, остается допустить, что предложенная Медзыховским программа либо превратилась в официальную точку зрения, пройдя через министерский и межминистерский конвейеры, либо заранее отвечала этой точке зрения. Нельзя при этом не отметить, что русские собеседники Мезерва весьма успешно использовали его как рупор для сообщения в Америку выгодных им взглядов, которые он передавал туда как свои собственные.

[9] В программе конференции значился доклад вице-президента «Нэйшнл сити бэнк» У. С. Киса на тему: «Иностранные отделения американского национального банка».

[10] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 11, д. 227, л. 4.

[11] Там же, л. 4. — Перед отъездом в США Бер выступил учредителем Русско-Американского торгово-промышленного акционерного общества («Рато»), целью которого было привлечение американского капитала в различные отрасли хозяйства, в частности, путем приобретения и передачи привилегий и концессий (АВПР, ф. II департамента, I—1, 1915 г., д. 15).

правительство ждет от США предложения относительно открытия переговоров о торговом соглашении, о чем Мари тогда же представил доклад своему правительству.[12]

Понятно поэтому, что Мезерв, восприняв полученную им 13 (26) ноября 1915 г. телеграмму Вандерлипа об учреждении Американской международной корпорации как директиву о всемерной активизации своих действий по всем направлениям, считал ситуацию в Петрограде весьма для этого благоприятной. А так как незадолго до того Мезерв получил очередную телеграмму из Нью-Йорка по вопросу об открытии в Петрограде отделения «Нэйшнл сити бэнк», он сейчас же развернул бурную деятельность. При этом имелось в виду, что через отделение банка будут производиться все финансовые операции, связанные с организацией и функционированием русских предприятий Американской международной корпорации. Тем самым Петроградское отделение сразу получило бы значительные суммы вкладов, проценты по которым не платились бы на сторону, а оставались в пределах сферы влияния банка, поскольку корпорация им в сущности патронировалась. И в тактическом отношении такие действия в четыре руки (формально ведь корпорация и банк были друг от друга независимы) давали «Сити бэнк» серьезные преимущества.

■

Еще до учреждения Американской международной корпорации Вандерлип предписал Мезерву поторопить Министерство финансов с разрешением на открытие русского отделения «Нэйшнл сити бэнк» («настоящее время представляется подхо-

[12] Письмо вновь назначенного американского посла Фрэнсиса государственному секретарю Лансингу, б. д., получено 2 мая 1916 г. (н. ст.), о первой беседе с Сазоновым, в которой Сазонов, в ответ на упоминание Фрэнсиса об этом заявлении с русской стороны, ответил, что оно было сделано шесть месяцев тому назад (The Lansing papers, 1914—1920, v. II, Washington, 1940, p. 309). Другими материалами по этому поводу мы не располагаем. Отметим лишь, что в США в августе—декабре 1915 г. оживилась кампания за торговый договор с Россией. Президент Студебеккеровской корпорации А. Р. Эрскин даже объявил, что этот вопрос «затрагивает коммерческое благоденствие и промышленный прогресс» Соединенных Штатов. «Пока такое соглашение не заключено, нашей промышленности будет трудно извлекать выгоду из бизнеса, ждущего ее в России, а если мы не обеспечим его для себя, он в конце концов может перейти к промышленности какой-нибудь другой страны», — провозглашал он (письмо А. Эрскина одному из сенаторов, 23 августа 1915 г.: The National Archives of the U. S. A microfilm publication. Microcopy 333, Roll 7, cadre 0334). По просьбе Лансинга комиссия по внешней торговле Национального совета торговли провела опрос своих членов и высказалась за восстановление старого соглашения (письмо комиссии Лансингу, 22 декабря 1915 г.: там же, кадры 0336—0337).

дящим для получения устава на практической основе»). Предписание это содержалось в той же телеграмме Вандерлипа, которой он сообщал о сделанном им русскому финансовому представителю в США Виленкину предложении сорокамиллионного кредита сроком на полгода, с помощью которого «Нэйшнл сити бэнк» рассчитывал привязать к себе Россию и в деле долгосрочного ее кредитования в Америке. Мезерв получил эту телеграмму 31 октября (13 ноября) 1915 г.[13] По-видимому, из Нью-Йорка обратились в Министерство финансов и через Виленкина, потому что уже на следующий день сам министр финансов Барк позвонил Мезерву по телефону и сообщил, что Кредитная канцелярия готова начать переговоры об уставе Петроградского отделения «Сити бэнк».

Вандерлип предписал Мезерву не допускать никаких ограничений размера вкладов, а также не соглашаться на создание гарантийного фонда по образцу того, который представил русскому правительству французский банк «Лионский кредит», единственный иностранный банк, имевший отделение в России.[14] Против включения в устав таких условий, которыми «Нэйшнл сити бэнк» был и без того связан американским банковским законодательством, Мезерв мог, конечно, не возражать.

Беседа с вице-директором Кредитной канцелярии Мебесом 2 (15) ноября показалась Мезерву «в высшей степени удовлетворительной». Мебес даже заявил на прощанье, что он и представления не имел о строгости банковского законодательства США и желал бы установления такого же надзора за банками со стороны правительства в России. Мезерв закончил свое донесение Вандерлипу оптимистической фразой о том, что в Министерстве финансов «очень хотят, чтобы „Нэйшнл сити бэнк“ открыл здесь отделение и что сейчас можно получить удовлетворительный устав».[15] Но оптимизм как Вандерлипа, так и Мезерва был преждевременным. Прежде всего он был связан с расчетами на успех кредитных операций, а они пока не удавались. Кроме того, сейчас же сказались конкурентные противоречия и с русскими банками, и с некоторыми иностранными, что крайне осложнило все дело. Мебес при первой же встрече с Мезервом заявил, что русские банки потребуют от правительства ограничения размеров депозитов в Петроградском отделении «Нэйшнл сити бэнк» и вообще будут бояться отвлечения своих вкладов «столь могущественным банком», а потому не согласятся ли американцы на ограничение выплачиваемых клиентам процентов? Мебес требовал также

---

[13] Приводится в письме Мезерва Вандерлипу 1 (14) ноября 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 66.

[14] Гарантийный фонд давал русскому правительству возможность репрессий.

[15] Мезерв — Вандерлипу, 3 (16) ноября 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 68—69.

гарантийного фонда, и Мезерв усматривал в этом нежелание дать американцам преимущество перед «Лионским кредитом».[16]

Но мало того. Управляющий Петроградским отделением «Лионского кредита» сообщил Мезерву, что «Гаранти траст компани» также хлопочет об открытии отделения в России. Одновременно Мезерв узнал, что активизируется в России и «Ферст нэйшнл бэнк оф Бостон» («First National Bank of Boston») и намеревается открыть отделение в Петрограде «Лондон сити энд Мидленд бэнк» («London City and Midland Bank»).[17] Известия о намерениях конкурентов подстегнули «Нэйшнл сити бэнк». Подгоняемый из Нью-Йорка, Мезерв писал туда: «Упорно работаю над уставом, пытаясь исключить статью, ограничивающую вклады, но боюсь, что потребуется еще много встреч для окончательного решения этого вопроса».[18] Через месяц Мезерву удалось добиться лишь уменьшения размеров гарантийного фонда. Проект устава, обещанный Министерством финансов, оказался аналогичным уставу, по которому действовал «Лионский кредит». Обойти французов, таким образом, не удалось, а когда Мезерв 9 (22) декабря телеграфировал об этом в Нью-Йорк, то перед ним возникла тень и английской конкуренции. Телеграмма до Вандерлипа не дошла, и Мезерв не видел этому никакой причины, «если она не была задержана в Англии». А так как подобное случалось с его телеграммами и раньше, он знал, что «если причина в этом, то повторять телеграмму было бы бесполезно».[19] Насколько можно судить по сохранившимся материалам фонда Петроградской конторы «Нэйшнл сити бэнк» (переписка Мезерва до открытия конторы вошла в состав этого фонда), вопрос об открытии отделения банка в России с этих пор на несколько месяцев повис в воздухе.

Так же внезапно, как и следы переговоров об открытии отделения, обрываются в фонде Петроградской конторы «Нэйшнл сити бэнк» документальные следы проходивших параллельно переговоров о займе. Трехмесячный пробел — с начала сентября до декабря (причем за сентябрь и декабрь имеется по одному документу) — наблюдаем мы и в фонде Русско-Азиатского банка, где отложились документы, отражавшие ход переговоров об американских кредитах между «Гаранти траст компани» и русскими банками во главе с Русско-Азиатским и Министерством финансов. Восстановить ход переговоров в конце 1915 г. мы можем лишь с помощью представления министра финансов Комитету финансов от 10 марта 1916 г. «О совершении кредитных операций в Америке», документа обзорного характера, излагающего условия американских предложений, взгляды Министерства финансов

[16] Там же; Мезерв — Вандерлипу, 11 (24) ноября 1915 г.: там же, л. 79.
[17] Мезерв — Вандерлипу, 10 (23) ноября 1915 г.: там же, л. 76.
[18] Мезерв — Вандерлипу, 11 (24) ноября 1915 г., № 56: там же, л. 79.
[19] Мезерв — Вандерлипу, 19 декабря 1915 г. (1 января 1916 г.): там же, л. 104.

и результаты переговоров без дат и строгого соблюдения хронологической последовательности.[20]

Не далее как 7 (20) ноября Мезерв телеграфировал Вандерлипу: «Наконец, уладил все окончательно. На сегодняшнем заседании ваши предложения приняты... Все препятствия будут устранены».[21] Свою радость по этому поводу Мезерв объяснял тем, что успех достигнут вопреки «многочисленным сильным посторонним течениям», подразумевая, по-видимому, в частности и английскую конкуренцию.

Считая вопрос о краткосрочном займе уже решенным в пользу своего банка, он сейчас же начал заботиться о большом займе с таким дополнительным обеспечением, которое дало бы возможность американскому синдикату банков успешно и быстро разместить заем среди подписчиков, вследствие чего сами банки могли бы сейчас же взяться за дальнейшие русские финансовые операции, в частности железнодорожное строительство. «Я приступил уже к попыткам вдолбить здесь эту истину (to drive home this truth here)», — докладывал Мезерв Вандерлипу 11 (24) ноября.[22] В тот же день в ответ на телеграмму продолжавшего волноваться Вандерлипа Мезерв подтвердил свою телеграмму от 7 (20) ноября о согласии Министерства финансов на условия «Нэйшнл сити бэнк». «Они считают, что все решено принятием ваших условий», — телеграфировал он.[23] К этому дню — 11 (24) ноября — эти условия в том виде, как они были сообщены Министерству финансов, предусматривали предоставление без дополнительного обеспечения уже не 25, а 40 млн долл. Они-то и были, по словам Мезерва, приняты.

А через 20 дней все переменилось. Министерство финансов вообще отказалось от краткосрочного займа. В упоминавшемся уже представлении Комитету финансов Барк изображал дело так, якобы «Нэйшнл сити бэнк» никогда не отступал от требования дополнительного обеспечения краткосрочной операции, и отказ Министерства финансов от ее проведения именно этим и мотивировал. По словам Барка, Министерство финансов соглашалось взять краткосрочный кредит лишь в том случае, если бы он рассматривался как подготовительная мера для крупной кредитной операции с обязательной его консолидацией. Но с американской стороны такое обязательство дать отказывались, мотивируя это невыясненностью вопроса о том, какое обеспечение предложила бы Россия для большого займа.[24]

---

[20] ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

[21] Приводится в письме Мезерва Вандерлипу 7 (20) ноября 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 73.

[22] Мезерв — Вандерлипу, 11 (24) ноября 1915 г.: там же, л. 78.

[23] Приводится в письме Мезерва Вандерлипу 11 (24) ноября 1915 г., № 56: там же, л. 79.

[24] Представление Барка Комитету финансов 10 (23) марта 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

Хотя руководство «Сити бэнк» официально выступало от имени синдиката, в который, кроме «Сити бэнк», наряду с Морганом и Киддер—Пибоди, входила «Гаранти траст компани», в Министерстве финансов ничуть не обманывались насчет того, что «в группе банков не было единогласия». Отчетливо понимая, что «Сити бэнк» заинтересован главным образом в большом займе, а «Гаранти траст», наоборот, — в краткосрочной операции, Барк прямо указывал в своем представлении: «интересы различных банков в этих двух операциях противоположны».

У «Гаранти траст компани» дела в Петрограде обстояли не лучше, чем у «Нэйшнл сити бэнк». Связь Министерства финансов с «Гаранти» поддерживалась через шведского банкира Олафа Ашберга. Являясь одним из учредителей американской фирмы «Джон Мак-Грегор Грант инкорпорэйтед» и одновременно Шведско-Русско-Азиатской компании с отделениями в Петрограде, Стокгольме и Нью-Йорке, связанной с Русско-Азиатским банком, Ашберг часто бывал в Петрограде. Здесь-то он и получил «задание» русского правительства «добиться займа в США для России» с установлением «прямой» (читай: минуя Англию) связи между Россией и американскими банками.[25] Приехав с этой целью в Америку, Ашберг обратился к «Гаранти траст компани», нашел там поддержку и привез в Россию ее представителя Мэрфи.

От имени «Гаранти траст» Ашберг и Мэрфи предложили план кредитования русских закупок и заказов в США, производимых через посредство Шведско-Русско-Азиатской компании. План этот состоял в том, чтобы синдикат американских банков под «руководством» «Гаранти траст» кредитовал в США русские банки, которые предоставляли бы доллары иностранному отделению Кредитной канцелярии, получая контрвалюту в рублях. В качестве дополнительного обеспечения «Гаранти траст» требовала гарантированных железнодорожных облигаций. Сумма предложения достигала 60 млн долл., срок был полуторагодичный. Договоренность с Русско-Азиатским банком была достигнута без труда,[26] условия операции были тогда же согласованы с Барком,[27] но сколько Ашберг ни торопил с осуществлением операции, никаких заказов его компании не давали.[28] В сентябре Министерство финансов одобрило в принципе условия Ашберга,[29] но к проведению операции не приступало, и Путилов уже решил соблаз-

[25] O. Aschberg. En vandrande Jude från Glasbruksgatan. Stockholm, 1946, s. 117.

[26] Русско-Азиатский банк — Ашбергу, 25 июня (8 июля) 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2, д. 19 (после обработки фонда), лл. 13—14.

[27] См. упоминание об июльском письме Барка Ашбергу в письме Мезерва и Мэрша Барку от 11 (24) января 1916 г.: там же, л. 71.

[28] Телеграммы Ашберга Путилову, 4 (17) августа и 14 (27) августа [1915 г.] и др.: там же, лл. 29, 36 и сл.

[29] Кредитная канцелярия — Русско-Азиатскому банку, 8 сентября 1915 г.: там же, лл. 51—52.

нить Барка разработанным им новым бескредитным планом русско-американского экономического сближения, по которому главная роль отводилась не «Гаранти траст компани», а самому Русско-Азиатскому банку.[30] Лишь в ноябре операция с Ашбергом была осуществлена всего на 5 млн долл. из-за трудности размещения заказов.

Отказ Министерства финансов от краткосрочного кредита «Сити бэнк» оставлял для Вандерлипа возможность предоставления лишь большого займа. Но и эта возможность висела на волоске. Заем был очень нужен России, но, по мнению Мезерва, он мог быть получен и из другого источника. 1 (14) декабря он телеграфировал Вандерлипу: «Советую поспешность, какая только возможна. Полагаю, что вы никогда не будете иметь более свободного поля действия. Не можете ли выдвинуть такие условия большого займа, на которых вы были бы согласны по меньшей мере на сто миллионов? В этом случае я могу немедленно начать с министром финансов работу над предложением». Воспроизведя эту телеграмму в письме, Мезерв приписал: «...здесь появилась причина постороннего происхождения — в письме изложить ее я не могу, — по которой мне представляется благоразумным советовать вам всячески поспешить с займом».[31]

Причина, назвать которую Мезерв не хотел, заключалась, как нам представляется, в том, что со дня на день в Петрограде должен был снова появиться Ашберг, успевший еще раз побывать в Нью-Йорке у главы «Гаранти траст» Сэбина. Теперь ему в помощь Сэбин отправил в Россию своего близкого друга Рольфа Мэрша.[32] У Мезерва были основания опасаться своих конкурентов: хотя утверждение Ашберга-мемуариста о том, что «Гаранти траст компани» во время этой его поездки в США предложила России заем в 200 млн долл., явно преувеличено, все же предложения «Гаранти» определенно достигали суммы в 60 млн долл., да и срок кредита, в конце концов, мог быть изменен.

На призыв Мезерва поспешить Вандерлип, по-видимому, от-

---

[30] Путилов предлагал образовать синдикат русских банков для развития товарного экспорта из России в Америку с тем, чтобы выручка в долларах переходила в руки Министерства финансов для оплаты заказов и закупок в Америке, а синдикат получал бы в России соответствующие суммы в рублях. Путилов хотел прельстить Барка тем, что предлагаемый им образ действий даст правительству не только контрвалюту в долларах, но и полный «контроль над всеми операциями» (проект письма Русско-Азиатского банка министру финансов, 6 октября 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 55—56).

[31] Мезерв — Вандерлипу, 1 (14) декабря 1915 г., № 62: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 90.

[32] O. Aschberg, ук. соч., стр. 122. — Ашберг выехал из Стокгольма в Петроград 5 (18) декабря (директор Русско-Азиатского банка Герценберг — посланнику в Стокгольме А. В. Неклюдову, 16 февраля (ст. ст.) 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 389, лл. 231—233).

кликнулся, не теряя времени. Во всяком случае, уже 13 (26) декабря Мезерв сообщал ему: «Министерство финансов и Кредитная канцелярия работают над вашими телеграммами №№ 26 и 27, и я надеюсь, что завтра они будут готовы к разговору по этому вопросу».[33] В этих двух не дошедших до нас телеграммах, судя по всему, содержалось новое предложение Вандерлипа. Сообщенное также Виленкину в Нью-Йорке, оно предусматривало приобретение синдикатом 5%-х бон Государственного казначейства сроком на три года по цене 90 за 100. По истечении срока эти боны могли бы быть конвертированы по цене 95 за 100 в 5%-е облигации русских железных дорог. Но эти облигации, погашаемые через 25 лет, должны были опять-таки иметь уже известное нам дополнительное обеспечение в виде первой закладной на казенные железные дороги (Николаевскую, Екатерининскую и др.). Что этим своим предложением Вандерлип по-прежнему надеялся обойти «Гаранти траст», особенно ясно видно из сообщения Виленкина, согласно которому «синдикат с Национальным городским банком во главе» изменил свой взгляд и находит теперь «необходимым, чтобы большой заем предшествовал бы займу Ашберга».[34] Еще совсем недавно в первые дни ноября (по ст. ст.) Вандерлип усиленно предлагал России начать именно с краткосрочного кредитования в своем банке, надеясь этим привязать к себе Россию и в деле с большим займом. Теперь, когда Министерство финансов заявило, что оно вообще отказывается от краткосрочного кредита, Вандерлип решил и эту новую ситуацию использовать против Ашберга и «Гаранти траст компани», да еще сделал хорошую мину при плохой игре, словно и не замечая русского отказа.

Но обойти «Гаранти траст» Вандерлипу опять не удалось. Хотя он и поспешил со своими предложениями, которые Мезерв надеялся обсуждать в Кредитной канцелярии 14 (27) декабря, Ашберг, прибыв в Петроград, тоже не терял времени даром. Уже 10 (23) декабря Путилов и представитель «Гаранти траст компани» выработали проект соглашения о кредите между Русско-Азиатским банком и «Гаранти траст компани», который подлежал утверждению ее главы Сэбина.[35] Что Путилов действовал по согласованию с Кредитной канцелярией — вне всякого сомнения. А Кредитная канцелярия, по-видимому, вновь стала склоняться к принятию услуг компании Ашберга в деле размещения заказов и производства закупок, а вместе с ними и кредита «Гаранти траст компани», из-за того что промышленные связи «Нэйшнл

---

[33] Письмо Мезерва Вандерлипу 13 (26) декабря 1915 г., № 66: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 96—97.

[34] Представление Барка Комитету финансов 10 (23) марта 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

[35] Перевод письма «Гаранти траст компани» от 10 (23) декабря 1915 г. на имя Русско-Азиатского банка: ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 62.

сити бэнк» в «русском деле» фактически не проявлялись. Замысел Вандерлипа, состоявший в том, чтобы использовать эти связи против «Гаранти траст компани» с помощью созданной им Американской международной корпорации, практически не был реализован. Действия корпорации развертывались гораздо медленнее, чем рассчитывал Вандерлип, и «участие американского промышленного капитала в экономическом развитии России», о котором охотно рассуждали в русских официальных и буржуазных кругах, все еще представлялось вопросом будущего.

Наряду с вопросами о займе и об открытии Петроградского отделения Мезерв занялся приисканием концессий для Американской международной корпорации и связанных с ней капиталистических предприятий США. «Я имею сейчас много предложений насчет железнодорожных концессий и меньшее число насчет горных и лесных, я получаю предложения ежедневно. Зная, как это долго — исследовать какое-либо значительное предложение, и чувствуя, что после конца войны возможности получения концессий для иностранцев вовсе не будут так благоприятны, как теперь, я почел за благо посоветовать вам елико возможно поторопиться с отправкой сюда экспертов», — писал он Вандерлипу.[36] Мезерв решил геологическое и техническое обследование предложенных ему территорий поручить Канадской горнодобывающей и изыскательской компании, управляющим которой был его деловой партнер У. Мейн. Однако эта компания была ликвидирована (характерное для США в это время движение капитала в более доходные отрасли производства, непосредственно связанные с военными заказами), и предложение Мезерва попало к президенту Международной никелевой компании Монеллу, одному из директоров Американской международной корпорации. Сообщая об этом Мезерву, Мейн предупредил: «Небольшие территории не заинтересовали бы таких людей». Тогда Мезерв предложил, чтобы Американская международная корпорация добилась открытия в России отделения «Плавильной и рафинировочной компании США».[37]

Чтобы облегчить себе концессионные дела, Вандерлип предписал Мезерву войти в контакт с Русско-Азиатским и Сибирским торговым банками. Путилов от имени Русско-Азиатского банка ответил ни к чему не обязывающим любезным заявлением. А руководство Сибирского торгового банка, как сообщал Мезерв, еще раньше проявило крайнюю заинтересованность в том, чтобы «„Нэйшнл сити бэнк“ все свои дела в Сибири и в Северной России вел через них». Вандерлип хотел, конечно, иного, и Мезерв понимал это. Но у Сибирского банка были «сильные связи на

[36] Мезерв — Вандерлипу, 13 (26) декабря 1915 г., № 66: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 96.

[37] Там же; Мезерв — Мейну, 13 (26) декабря 1915 г.: там же, д. 23, л. 357; Мейн — Мезерву, 4 января (н. ст.) 1916 г.: там же, д. 26, л. 234; Мезерв — Вандерлипу, 6 (19) января 1916 г.: там же, л. 109.

Урале и в Сибири», он был «заинтересован во многих значительных предложениях», которые могли «заинтересовать Американскую международную корпорацию». И Мезерву приходилось писать Вандерлипу, что «было бы весьма мудро пойти на нечто вроде союза» не только с Сибирским банком, но и с крупнейшим уральским горнопромышленником Ф. А. Ивановым, тесно связанным с этим банком («если вы хотите принять какие-либо предложения по горной части на Урале»),[38] хотя не далее как накануне Мезерв отправил Вандерлипу газетную вырезку, из которой явствовало, что Иванов отнюдь не принадлежал к безоговорочным сторонникам привлечения американских капиталов.

Действия Мезерва пока не шли в сущности дальше серьезной экономической рекогносцировки, но сама эта рекогносцировка имела, по-видимому, для американского капитала особое значение. «Моя работа в России оказывается, как я и ожидал, самой интересной работой за всю мою жизнь, — писал Мезерв. — Об этом ничего не слышно, но здесь зреют миллионы».[39] «Я страшно заинтересован моей работой здесь», — сообщал он Мейну.[40]

На пороге нового, 1916 г. Мезерв решил заняться рассмотрением перспектив для американского капитала в России. В оценке этих перспектив Мезерв находился под несомненным влиянием точки зрения русской стороны, поскольку эта точка зрения отвечала интересам тех американских деловых кругов, которые рассчитывали на непосредственное приложение в России своих капиталов. Что касается позиции русских государственных ведомств, то она определялась расчетом на то, что инвестированный в промышленность иностранный капитал легко может быть включен в систему внутренней экономической политики правительства и функционировать в ее рамках, неизбежно подчиняясь в той или иной степени государственному регулированию.

Несколько сложней была позиция буржуазных кругов.

Представители русской буржуазии также выступали за привлечение американского капитала, признавая его в общем плане «крайне желательным». Но их позиция обрастала все большим числом различных оговорок. В этом сказались, по-видимому, и накопление в руках буржуазии все больших денежных средств (отчасти инфляционного происхождения) и рост буржуазной оппозиции царизму. Заседание руководителей частных банков, созванное Министерством финансов 7 (20) ноября для рассмотрения условий американского займа, вызвало в буржуазных кругах широкий отклик. Во главе кампании оставался А. И. Гучков.

Одна из двух крупнейших представительных организаций русской буржуазии — Совет съездов представителей биржевой тор-

[38] Мезерв — Вандерлипу, 13 (26) декабря 1915 г., № 67; там же, л. 98.
[39] Мезерв — вашингтонскому банкиру Гиббсу, 25 ноября (8 декабря) 1915 г.: там же, д. 23, л. 234.
[40] Мезерв — Мейну, 13 (26) декабря 1915 г.: там же, л. 357.

говли и сельского хозяйства — созвала специальное заседание своего Сибирского бюро, обсуждавшее вопрос о привлечении американского капитала в Сибирь. А 1 (14) декабря А. И. Гучков собрал у себя дома представителей ведомств, банков и крупных торгово-промышленных организаций и сообщил, что консорциум американских банков выражает желание вложить в русскую промышленность до 100 млн долл.[41] На обоих этих заседаниях отношение буржуазии к американскому капиталу нашло весьма полное отражение. Так, Сибирское бюро решило предложить через Гучкова американским финансовым кругам возможность капиталовложений в железнодорожное дело, золотодобычу, холодильное и элеваторное дело. Но попавшие в газетные отчеты выступления участников заседания показывали, что оно прошло не так уж гладко. Ф. А. Иванов, тот самый, на которого Мезерв возлагал свои надежды в связи с горным делом в Сибири и на Урале, выдвинул такие оговорки, которые фактически сводили на нет благоприятный для американцев конечный итог совещания. Он заявил, что следует допустить финансирование «лишь крупных и точно очерченных предприятий, как например железные дороги». Если принять во внимание, что на заседании специально подчеркивалась необходимость сохранения в русских руках управления предприятиями с участием иностранного капитала, то смысл позиции Иванова ясен. Лидер уральских горнопромышленников опасался бесконтрольного проникновения американского капитала в горное дело путем покупки мелких предприятий, которые, разумеется, легко могли быть превращены в крупные и стать источником конкуренции. Иностранный капитал в крупных русских предприятиях он считал менее опасным, но примечательно, что и здесь он привел в качестве примера железные дороги, а горного дела не упомянул вовсе. Еще менее благоприятным с американской точки зрения было выступление профессора М. И. Боголепова, одного из признанных в буржуазных кругах ученых-финансистов. На заседании, посвященном привлечению американского капитала, он вдруг заявил, что для развития промышленности в Сибири следует установить отношения с французским капиталом.

В том же духе были выдержаны и высказывания по поводу привлечения американского капитала, появившиеся в печати в связи с совещанием у А. И. Гучкова.[42] В принципе все приветствовали его привлечение, но многие — с оговорками. Почти совершенно скептическую позицию занимал и здесь лишь профессор Боголепов. «На Америку как на источник свободных капиталов для России я выражаю слабые надежды», — заявил он. Председатель Совета съездов представителей биржевой торговли и

[41] Биржевые ведомости, 2 (15) декабря 1915 г., утренний выпуск.
[42] Биржевые ведомости, 5 (18) декабря 1915 г., утренний выпуск.

сельского хозяйства бывший министр торговли и промышленности в кабинете Витте В. И. Тимирязев, а также видный деятель ряда акционерных обществ, в прошлом товарищ министра финансов в министерстве Витте, В. И. Ковалевский излагали традиционную со времен Витте правительственную точку зрения на американский капитал как на безопасного и вполне надежного партнера, который будет способствовать экономическому развитию страны.

Но и они охотнее всего как о сфере приложения американских капиталов говорили о железнодорожном строительстве. Имея в виду железнодорожное строительство в Сибири и в северной части Европейской России, В. И. Ковалевский сказал: «Вот в этом деле американцы и могли бы оказать нам существенную услугу, не налагая ярма на нашу промышленность, а, напротив, способствуя ее дальнейшему росту». «Так не хотелось бы менять одно ярмо — немецкое — на другое», — восклицал он и продолжал с ощутимым вздохом: «Но если понадобится и сюда (в промышленность, — *Р. Г.*) привлечь американский капитал, кроме железнодорожного дела, то, конечно, прежде всего — для широкого развития двух основ всей промышленности — минерального топлива и металлургии, далее — для специальных отраслей нашего машиностроения и химических производств». Тимирязев также одобрял привлечение американского капитала в такие отрасли, которые нуждаются в развитии «для эмансипации от иностранной зависимости». И тут же сам ставил вопрос о том, «не повлечет ли за собою привлечение американских капиталов нового экономического закрепощения России».[43] Выход из лабиринта собственных противоречивых рассуждений Тимирязев находил в принятии традиционной официальной точки зрения о предпочтительности импорта капиталов импорту товаров. Следует иметь в виду, заявлял он, что «самое вредное для страны» — это зависимость от ввоза из-за границы товаров. Что же касается американского предложения о капиталовложениях, то «оно не только не опасно, а, напротив, может принести при известных ограничительных условиях одну только выгоду России». За рассуждениями об угрозе зависимости, которые иногда вдруг начинали вести в правительственных и буржуазных кругах, крылась, помимо соображений, так сказать, общегосударственных, боязнь иностранной конкуренции — все равно в форме ли импорта товаров, или ввоза капиталов. Но капиталовложения считались предпочтительными, в частности, и потому, что к ним можно было применить традиционную систему правительственных ограничительных мер, которая была, конечно, гораздо гибче, нежели система полузапретительного или запретительного внешнеторгового тарифа.

---

[43] Там же.

Составлявший стержень экономической концепции Витте расчет на то, что иностранный капитал внутри России ликвидирует ее зависимость от различных отраслей промышленности передовых капиталистических стран и их финансового капитала, расчет, который перед войной как бы несколько утратил свое значение, теперь опять обрел его.[44] Поэтому ворота перед американским капиталом открывались в прениях хоть и со скрипом, но все же настежь. Не случайно, что без каких бы то ни было оговорок приветствовали его привлечение не сами крупные капиталисты, а буржуазные политические деятели, выражавшие общеклассовые интересы буржуазии, как например А. И. Шингарев и Е. П. Ковалевский. Последний очень точно сформулировал суть дела, заявив: «Привлечение американского капитала в русскую промышленность можно лишь приветствовать, тем более что оно представляется совершенно неизбежным».[45]

Нетрудно понять, почему Мезерв, препроводив в Нью-Йорк переводы газетных сообщений об отношении русских деловых кругов к привлечению американского капитала, на следующий же день, 13 (26) декабря, добавил в письме Вандерлипу уже отмеченную нами рекомендацию поторопиться с получением концессий в России, потому что после окончания войны такая возможность будет затруднена. В тот же день своему другу и партнеру Мейну, который запросил его мнение о деловых перспективах в Европе, он сообщил, что хотя в целом «ответить еще не может» («так много вещей, которые нужно принять для этого во внимание»), но относительно России он «склонен считать, что здесь американским капиталом будут сооружены заводы».[46]

Перед Вандерлипом свой взгляд на перспективы американского капитала в России Мезерв сформулировал в специальном

---

[44] Как известно, Витте в подтверждение своих расчетов ссылался на роль иностранных капиталов в экономическом развитии США в XIX в. Любопытно, что этот аргумент, часто фигурировавший в литературе конца XIX—начала XX в., был применен теперь в дискуссиях о походе американского капитала в Россию. Появившийся в США журнал «Рашн ревью» («Русское обозрение») в первой же своей редакционной статье выступил с призывом к «мирному экономическому завоеванию России Соединенными Штатами». Журнал старался доказать, что это «принесет России не больший ущерб, чем испытываемый Соединенными Штатами из-за того, что иностранный капитал и поныне господствует в экономической жизни Америки». Этим рассуждениям не соответствовала, впрочем, одна из причин заинтересованности американского капитала в России, весьма определенно указанная журналом: «как бы ни обнищали» «развитые» страны Европы — Англия, Германия и Франция, — все равно «разрешить иностранному капиталу полную свободу действий будет не в их интересах» (The Russian Review, Febr., 1916, v. I, № 1, p. 34 etc.).

[45] Биржевые ведомости, 5 (18) декабря 1915 г.

[46] Мезерв — Мейну, 13 (26) декабря 1915 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 357.

письме 22 декабря 1915 г. (4 января) 1916 г. Он исходил из того, что после войны в России в большей мере, чем в любой другой европейской стране, будет ощущаться стремление к экономической независимости от Запада. Кроме «крутых правительственных мер» для регулирования внешней торговли (а в России, считал он, за время войны привыкнут к контролю за оттоком денег за границу), Мезерв имел также в виду правительственную политику покровительства монополиям и их всемерной поддержки. Понимая, что эта политика проводится под флагом ликвидации зависимости России от иностранной промышленности, Мезерв тем не менее именно здесь и видел возможность широкого внедрения американского капитала в русскую экономику. Он планировал приток американского капитала в русскую промышленность как органически связанный с усилением процесса ее монополизации, исходя из монополистического характера самого американского капитала. В его чисто практическом понимании это звучало так, что американские дельцы, дескать, «привыкли к крупным компаниям». Поэтому он предлагал «сейчас же» приступить к организации «русско-американской компании, которая консолидировала бы (в России, — *Р. Г.*) несколько крупных действующих концернов». Термин «концерн» употреблялся Мезервом в соответствии с распространенным в США его применением — ко всем вообще монополистическим предприятиям без различия их характера. Подлинный концерн должен был получиться как раз вследствие предлагаемой Мезервом консолидации, задуманной как объединение предприятий смежных отраслей.

С осуществлением этого плана, относившегося к предприятиям черной и цветной металлургии и угледобывающим, он предлагал поторопиться. Он мотивировал это распространением в России мнения, что ведущиеся годами разговоры о притоке американского капитала — «только разговоры».

Некоторые препятствия существовали и на пути к овладению «самым большим полем действия в России», каковым Мезерв считал железнодорожное строительство. Он «недавно счел для себя особенно обязательным обратить внимание» влиятельных русских кругов, с которыми он был связан, на то, что «американцы являются специалистами мирового масштаба в области частных железных дорог». Результаты этих бесед были хотя и удовлетворительны («американцев встретят с открытыми объятиями»), но не полностью: действовать предстояло с большой осторожностью и оглядкой — «в том же духе, как если бы вы согласились, чтобы русские прибыли в Америку и начали там строительство частных железных дорог на свои деньги». «В чужой стране всегда существует опасность нечаянно восстановить против себя людей», — с наивным видом объяснял это Мезерв. Кончал он свое письмо строгим предупреждением: «Если мы и на этот раз потерпим неудачу, то я полагаю, что большой русский бизнес будет потерян

для Америки навсегда».[47] Но в пост-скриптуме он несколько смягчил строгость своего предупреждения, указав и на другую сторону дела. Поторопиться, писал он, не только необходимо, но еще и выгодно ввиду весьма низкого по сравнению с долларом курса рубля («это время представляется благоприятным для того, чтобы внедриться в здешнюю промышленность покупками участия в ней»).

Сам Мезерв отнюдь не был расположен пропустить благоприятный момент. Вместе с некоторыми своими американскими партнерами он принимал активное участие в различного рода предприятиях, сделках вокруг военных поставок, приобрел с этой целью «ход» ко двору и т. д.

Но все это были мелочи, американский большой бизнес в сущности еще не пришел в движение. Новая монополистическая организация США — Американская международная корпорация, детище Вандерлипа, набирала жизненные силы довольно медленно. Период ее организации затянулся, несмотря на избыток средств у «Нэйшнл сити бэнк». Не только в этом заключалась, однако, причина оттяжки, и вообще дело здесь было не в одних только сроках. Не меньшее значение имело несовпадение намерений. В России, как мы видели, рассчитывали на немедленный приток американского капитала, а в капиталистических кругах США — на промышленный экспорт в Россию после войны. Операций с военными поставками корпорация даже избегала, резонно считая, что участием в поставках можно лишь нанести урон своей репутации в России: так неудовлетворительно обстояло с ними дело. Элемент сознательной медлительности не только был заложен в самой идее создания Американской международной корпорации, но и присущ «русским планам» американского капитала в целом, приуроченным собственно к послевоенному периоду. Сама война рассматривалась при этом не столько как благоприятный момент для осуществления «русского бизнеса», сколько как создающая благоприятные возможности для этого на послевоенное будущее. До вступления США в войну американский капитал и американская дипломатия, естественно, не занимали той определенной позиции в вопросе о продолжении войны Россией, какую заняли в дальнейшем после своего присоединения к союзникам. Официально нейтральная Америка была оплотом для «эмансипации» от союзников в глазах тех кругов в России, которые по разным причинам стремились к ней.

Таковы были обстоятельства, весьма усложнявшие общеполитическую обстановку, в которой проходили переговоры об американском займе. Шансы «Сити бэнк» и «Гаранти траст» были на этом этапе переговоров в сущности равны: расчет Вандерлипа на преимущества вследствие широких промышленных связей его банка пока не оправдался.

---

[47] ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 105.

Инициатива в ведении переговоров с Россией в значительной мере перешла от «Сити бэнк» к «Гаранти траст», которую представляли в Петрограде Ашберг и специально для этого присланный из Америки Рольф Мэрш. Противоречия внутри синдиката отнюдь не ослабели, но к этому моменту (самый конец 1915 и начало 1916 г.) он стал действительно синдикатом не в пример совсем недавнему прошлому, когда, выступая от его имени, каждый из американских банков (к «Сити бэнк» это относилось в особенности) почти неприкрыто действовал лишь в собственных интересах. В предложениях синдиката, сделанных в Вашингтоне Виленкину, восстановилась прежняя, нарушенная было последовательность операций — сначала операция Ашберга (в размере 30 млн долл. с публичным понижением процента с 9 до 7, возмещаемым, однако, русским правительством «Гаранти траст» «частным образом»), а затем — железнодорожный заем. Министерство финансов демонстративно хладнокровно ответило на это, что оно вообще предпочитает ограничиться всего одной операцией — выпуском гарантированных облигаций одного из частных железнодорожных обществ.

В переговорах с Мэршем, Ашбергом и Мезервом в Петрограде Министерство финансов также продолжало считать главным предметом обсуждения «большой заем», хотя Мэрш и счел для себя выгодным прямо выдать русской стороне отношения внутри синдиката («из объяснений г. Мэрша представлялось очевидным, что группа „Гаранти траст компани“ более заинтересована в операции трассировочной, проектированной Ашбергом»).[48] Впрочем, в Министерстве финансов и без того существовало весьма полное представление о конкуренции между американскими банками.

Русская сторона занимала такую позицию, что переговоры-де ведутся с официальными представителями синдиката, составленного на предмет реализации «большого займа». Что же касается предусмотренного соглашением между американцами предварительного совершения операции Ашберга, то Министерство финансов, беря в расчет противоречия внутри синдиката, в сущности игнорировало это обстоятельство, хотя оно и было сообщено ему в качестве одного из условий синдикатского предложения. Для «Нэйшнл сити бэнк» это было, конечно, выгодно, и Мэршу несколько раз приходилось хватать Мезерва за руку, чтобы помешать ему сорвать кредит Ашберга или по крайней мере воспрепятствовать немедленному совершению этой операции.

---

[48] Представление Барка Комитету финансов 10 (23) марта 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

Переговоры эти заняли январь, февраль и первые числа марта (ст. ст.) 1916 г. Первоначальное предложение синдиката, по форме аналогичное кредитованию железнодорожных обществ русскими банками, предусматривало заем русскому правительству в форме 5%-х гарантированных правительством трехгодичных обязательств частных железнодорожных обществ на 100 млн долл. Кроме того, синдикат требовал таких же обязательств еще на 100 млн долл. в качестве дополнительного обеспечения. Обязательства должны были остаться в депозите синдиката, который для размещения на рынке среди подписчиков намеревался выпустить специальные свидетельства от своего собственного имени.[49] Министерство финансов склонно было принять это предложение, прельстившись видами на будущее, которые оно как будто открывало.

Во-первых, по истечении трехлетнего срока обязательства могли быть «по желанию американского синдиката» конвертированы в двадцатипятилетние (в этом случае депонированные в качестве дополнительного обеспечения облигации подлежали возврату). Во-вторых, синдикат намеревался получить опцион еще на 100 млн долл., т. е. право повторить операцию «на совершенно аналогичных условиях». Но синдикат мог — и такое «желание» с его стороны было не менее вероятным, чем первое, — просто через три года предъявить обязательства к оплате. Не было, конечно, никаких гарантий и в том, что синдикат воспользуется опционом. Вряд ли можно, конечно, сказать, что такие виды на будущее для русского кредита в Америке были блестящи.[50] Но Министерство финансов тогда расценивало их, по-видимому, несколько иначе. Как видно из письма директора Кредитной канцелярии Д. Никифорова директору департамента железнодорожных дел Н. Е. Гиацинтову от 29 января, в Кредитной канцелярии были настолько убеждены в том, что синдикат воспользуется опционом, и так к этому стремились, что вдобавок к обществам Московско-Казанской, Московско-Киево-Воронежской и Московско-Виндаво-Рыбинской дорог, от имени которых предполагался выпуск облигаций на первые 100 млн долл., наметили уже общества и на вторые 100 млн — Владикавказской, Северо-Донецкой, Рязанско-Уральской и Юго-Восточных дорог. Ради успешного завершения всего дела Кредитная канцелярия считала необходимым согласиться и на гарантию правительством необычно высокого процента по облигационным капиталам железнодорожных обществ — 5%. «Необходимо иметь в виду, — писал Никифоров, — что только при повышении означенного процента гарантии может

[49] Там же.

[50] Как видно из письма Мезерва и Мэрша Барку 13 (26) января 1916 г., истинная цель намеков на будущее с американской стороны состояла в том, чтобы обосновать требование дополнительного обеспечения (ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 75).

быть заключено соглашение с американскими банкирами, достижение коего представляется чрезвычайно важным не только в смысле получения валюты в Америке, но также как первый шаг к закреплению за нами американского денежного рынка для дальнейших железнодорожных эмиссий».[51]

Письмо Барку от 13 (26) января, которое возбудило в Кредитной канцелярии надежду на скорое заключение большого займа и немедленно повлекло за собой обращение Никифорова к Гиацинтову, вслед за Мезервом подписал и Мэрш. Но с его стороны это было если не ошибкой, то во всяком случае недостаточно осторожным шагом, так как руководство «Гаранти траст компани» 14 (27) января телеграфировало ему следующее недвусмысленное указание: «Хоть мы и стремимся к одновременному, если это возможно, проведению займа Ашберга и большого займа, мы считаем опасным откладывать проведение одного дела до другого. Поэтому без колебаний и энергично жмите на заем Ашберга».[52] Следствием этой телеграммы явились одинаковые письма за двойной подписью Мэрша и Мезерва Барку и Никифорову от 16 (29) января, в которых было заявлено недвусмысленное требование совершить операцию Ашберга «немедленно», «одновременно» ведя переговоры об условиях большого займа.[53] В тот момент Мэрш и Мезерв вслед за своими нью-йоркскими патронами торговались между собой на этой позиции. Вновь появился на свет проект договора о кредите Ашберга между «Гаранти траст компани» и крупнейшими петроградскими банками — Русско-Азиатским, Азовско-Донским, Международным, Учетным и ссудным, Русским для внешней торговли, Русским торгово-промышленным и Сибирским торговым.[54]

Эти документы были, по-видимому, заготовлены к посещению Мэршем и Мезервом Кредитной канцелярии 18 (31) января. Но ее директор Никифоров, заговорив с американцами не о кредите Ашберга, а о большом займе, заявил, что проведение обеих операций возможно лишь одновременно, и принялся в буквальном смысле «диктовать» представителям синдиката меморандум относительно приемлемых для Министерства финансов условий большого займа (сумма дополнительного обеспечения, названная Никифоровым, составляла 110 млн долл., а чистая выручка от займа, на которую он рассчитывал, — всего 83 333 333 долл.). Мэрш и

[51] Никифоров — Гиацинтову, 29 января 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 871, лл. 378—379.

[52] Копия телеграммы «Гаранти траст» Мэршу, 14 (27) января 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 84.

[53] Мэрш и Мезерв — Никифорову, Мэрш и Мезерв — Барку, 16 (29) января 1916 г.: там же, лл. 86—89.

[54] Экземпляры этого проекта вместе с дополнительными к нему документами сохранились в фондах Русско-Азиатского (ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 90—111) и Азовско-Донского (ЦГИА СССР, ф. 616, оп. 5, д. 391, лл. 2—13) банков.

Мезерв немедленно телеграфировали об этом в Нью-Йорк.[55] И опять Мэршу было телеграфно предписано руководством «Гаранти траст» заботиться прежде всего о деле Ашберга. Отчетливо формулируя сущность синдикатского соглашения, отнюдь не уничтожившего противоречий между его участниками, руководство «Гаранти траст компани» телеграфировало своему представителю: «Мы заинтересованы в кредите Ашберга вместе с „Сити бэнк", а также стараемся провести большой заем и ждем от вас, что вы полностью будете сотрудничать с Мезервом в этом отношении, но ничто не должно *помешать совершению кредита Ашберга по возможности* скорее, и мы имеем положительное уверение „Сити бэнк" насчет его сотрудничества».[56] Чего на самом деле стоило «сотрудничество» обеих монополий, видно из намерения «Гаранти траст» не оставлять Мэрша в России с целью «помочь Мезерву в заключении большого займа», а отозвать его сейчас же после совершения операции Ашберга.[57]

Но как бы там ни было, теперь, когда Министерство финансов связало проведение обеих операций воедино, идти к Барку без твердых предложений относительно большого займа было невозможно. Мэрш понимал это не хуже, чем Мезерв, и даже проявил инициативу. «Мы снова должны встретиться с Барком, представив ему принципы большого займа, на которые синдикат согласен. Он требует этого», — писал Мэрш Мезерву.[58] И Барку со ссылкой на его требование были предъявлены выработанные синдикатом условия, в основном совпадавшие с пожеланиями Министерства финансов (сумма дополнительного обеспечения составляла, однако, не 110, как того требовал Барк, а 120 млн долл., зато чистая выручка — не 83 333 000, а 89 млн долл.).[59] При этом оба американца делали вид, что не понимают позиции Барка, и продолжали требовать срочного проведения операции Ашберга. На самом деле они прекрасно это понимали, что видно и из тревожного письма к Барку от 25 января (7 февраля), составленного, по-видимому, русскими банками — участниками операции Ашберга,[60] и из телеграммы самого Мэрша руководителям «Гаранти траст» Сэбину и Мэрфи от 3 (16) февраля.[61] Единство действий между Мэршем и Мезервом длилось недолго. Позиция Барка, связавшего воедино

---

[55] Мэрш и Мезерв — Никифорову, 18 (31) января 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 112—113.

[56] Телеграмма «Гаранти траст компани» Мэршу, 20 января (2 февраля) 1916 г.: там же, л. 116 (курсив мой, — *Р. Г.*).

[57] Там же.

[58] Мэрш — Мезерву, не позже 28 января (10 февраля) 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 373.

[59] Мезерв и Мэрш — Никифорову, 28 января (10 февраля) 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 119—120.

[60] ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 117—118. Неподписанный машинописный экземпляр на английском языке.

[61] Там же, л. 122.

обе операции, лишь способствовала его нарушению. Прошло всего несколько дней после совместного демарша, а Мэрш уже жаловался своим патронам, что Мезерв от имени «Сити бэнк» ухудшает условия большого займа и тем мешает операции Ашберга. Он даже винил Мезерва в том, что Барк требовал одновременного осуществления обеих операций («Мезерв целиком ответственен за это»).[62]

«Нэйшнл сити бэнк» действительно сейчас же начал ухудшать свои условия. Барк тем не менее продолжал переговоры, проявляя готовность к различным уступкам. Дело шло, казалось, на лад. Но вдруг с американской стороны последовало требование о полном фактически изменении ее же собственных предложений. Сумма займа не должна была теперь превышать 50 млн долл., был повышен размер дополнительного обеспечения (125 вместо 120% открываемого кредита). Изменены были и условия конверсии так, что они закрывали в сущности какие бы то ни было перспективы на долгосрочное кредитование России в Америке.

Совершенно очевидно, что измененные предложения синдиката отнюдь не соответствовали целям Министерства финансов (вспомним, как формулировал эти цели в письме Гиацинтову Никифоров). О закреплении же за Россией американского денежного рынка, — а в письме Никифорова ставился вопрос именно об этом, — конечно, и речи быть не могло при таком начале дела. Это представлялось тем досаднее, что как раз в эти дни прибыла телеграмма Бахметева, в которой сообщалось, что Морган, «Сити бэнк» и «Гаранти траст» предлагают свои услуги для реализации в США русского внутреннего займа, но только после совершения русской финансовой операции в США.[63]

В этих обстоятельствах Кредитной канцелярии оставалось лишь усилить игру на противоречиях между двумя американскими кредитными учреждениями, тем более что противоречия эти развивались и сами по себе. До того как руководство «Сити бэнк» уменьшило первоначально предложенную сумму большого займа, Мэрш требовал от правления «Гаранти траст», чтобы «Сити бэнк» прекратил ухудшать свои условия, и жаловался в Нью-Йорк на Мезерва («действует преимущественно в пользу большого займа, не очень-то помогая кредиту Ашберга»). Он все еще сетовал на то, что хоть кредит Ашберга и «представляется весьма обещающим», но совершение операции «ожидает достижения договоренности о принципах большого займа».[64] Новые, вовсе ухудшенные условия «Сити бэнк», естественно, поколебали положение Мезерва в Петрограде и улучшили дело Мэрша и Ашберга.

---

[62] Там же.

[63] Телеграмма Ю. А. Бахметева, 15 (28) февраля 1916 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1916 г., д. 53, л. 37.

[64] Телеграмма Мэрша «Гаранти траст компани», 12 (25) февраля 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 124.

Еще в первой половине февраля (ст. ст.), как раз после того как Барк уклонился от проведения операции Ашберга до соглашения о большом займе, Ашбергу отказывались продлить срок пребывания в России, а русский посланник в Швеции А. В. Неклюдов, хлопотавший за Ашберга, находясь в Петрограде, передавал от него Барку почти робкую просьбу: «Г. Ашберг желал бы иметь указания Министерства финансов, чего он должен стараться достичь и какие предложения американских банков могут почитаться Министерством приемлемыми».[65] А уже 23 февраля (ст. ст.), как это видно из письма Русско-Азиатского банка в Кредитную канцелярию, условия кредита Ашберга считались русской стороной принятыми.[66]

Условия эти[67] ясно показывают, что, выдвигая их, «Гаранти траст» стремилась по возможности подменить своим кредитом большой заем и Мэрш, который, как мы увидим, уверял Мезерва, что принятие кредита Ашберга не только не повредит совершению большого займа, но и облегчит его, по меньшей мере кривил душой. «Гаранти траст компани» соглашалась акцептовать выставленные на нее русскими банками тратты на 30 млн долл. Общий срок кредита составлял полтора года, он стоил бы русскому правительству 7%. В качестве дополнительного обеспечения русские банки должны были представить «Гаранти траст» $4^1/_2$%-е облигации железнодорожных обществ с таким расчетом, чтобы 82% их номинальной стоимости равнялись сумме тратт. Русское правительство должно было гарантировать не только уплату капитала и процентов по этим облигациям, но и все соглашение в целом. «Гаранти траст» получала опцион на увеличение суммы кредита до 60 млн долл., для чего могла образовать в США свой синдикат. Вся долларовая выручка поступила бы русскому правительству и могла быть израсходована лишь на оплату заказов и закупок, производимых в Америке через Ашберга.

Осуществление операции Ашберга требовало с русской стороны проведения некоторых подготовительных мероприятий. Ведь ее участниками должны были стать, кроме Министерства финансов, не только железнодорожные общества, но и частные коммерческие банки, официально выступавшие в качестве заемщиков, на самом же деле операция должна была совершаться за счет Министерства финансов. Между Министерством, банками и обществами была достигнута полная и точная договоренность, система россий-

---

[65] Записка секретаря Барка Дюшена, не ранее 16 февраля 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 389, л. 234. — Неклюдов заявлял также, что, «по мнению Ашберга, американские банки охотно идут навстречу реализации русского займа».

[66] ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 126.

[67] См. проект договора между «Гаранти траст компани» и семью крупнейшими русскими банками: ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 90—111; ф. 616, оп. 5, д. 391, лл. 2—13.

ского государственно-монополистического капитализма готова была безотказно сработать и на этот раз.

Совсем уже, казалось бы, сконструированная, операция Ашберга была примечательна еще и тем, что над ней, по крайней мере с осени 1915 г.,[68] шефствовал пресловутый А. Д. Протопопов. В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Протопопов, описывая обстоятельства своего знакомства с известным банкиром-распутинцем Д. Л. Рубинштейном, заявил, что знакомство это состоялось на заседании банкиров, которое было созвано им, Протопоповым, «для проведения при их посредстве русского займа в Америке» (сам Ашберг, по его словам, «был указан Барком»). Проект этой операции Протопопов поставил в связь с финансовыми нуждами железнодорожных обществ, пояснив, что он действовал по «поручению Совещания по обороне постараться добыть американскую валюту без посредства Англии».[69]

Однако сама личность Протопопова придавала делу специфический колорит. Потом, возглавив осенью 1916 г. Министерство внутренних дел, он стал одной из самых мрачных фигур последнего часа русского самодержавия. А пока, на путях к министерскому креслу, его не видно было ни в толпе сновавших вокруг трона распутинско-банковских людишек, ни среди причастных к распутинщине государственных мужей. Наоборот, товарищ председателя Думы, он вместе со своей партией октябристов входил в прогрессивный блок и пользовался в думских и, в частности, в буржуазных думских кругах заметным влиянием. И в Думе, и в Совещании по обороне, в которое входил Протопопов, он неизменно занимал умеренную, центральную позицию. Это-то и помогло ему быть своим человеком и в думском лагере, и в придворном. Крупнейший фабрикант-суконщик России, в марте 1916 г. он стал председателем совета съездов металлозаводчиков, в который входили А. И. Путилов и А. И. Вышнеградский. В этом была своя закономерность: не только металлозаводчикам понадобилась думская фигура в председатели, но и Протопопову полезны были связи с петроградскими монополистическими магнатами, которые не в пример крикливым представителям буржуазной общественности старались во всех случаях ладить с царизмом, делая перед буржуазными коллегами вид, что они высокомерно пренебрегают «политикой». Протопопова реко-

[68] См. письмо Б. А. Бахметева А. И. Гучкову, 18 (31) октября 1915 г.: АВПР, ф. Экономического департамента, I делопроизводство, 1914—1917 гг., д. 130, л. 140.

[69] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, т. IV, М.—Л., 1927, стр. 32. — Между прочим, Протопопов заявил: «Предполагалась возможность провести заем в сумме 60 млн долл. Позже я слышал от Путилова, что для начала заем может быть сделан лишь в сумме 10 млн долл.».

мендовал царю в министры и Родзянко, но мало кто знал, что Распутин, Бадмаев и пресловутый генерал Курлов уже давно готовили почву для этого назначения, видя в Протопопове своего человека, который станет спасать самодержавие по разработанной ими программе.

Если Министерство финансов в своих поисках независимого от Англии источника средств в Америке имело в виду лишь получение большей свободы финансовых маневров внутри Антанты, то действия Протопопова, взявшего операцию Ашберга под свое покровительство, приобрели, как нам представляется, со временем несколько иной смысл. Он состоял в том, чтобы открыть пусть пока и не обильный, но зато перспективный, а главное — постоянный источник кредитования, такой, который не зависел бы от колебаний военно-политической линии царизма, от его усилий в войне, от возможных превратностей во внутриантантовских отношениях и вообще давал бы некоторую возможность уже не только финансового, но и внешнеполитического маневрирования, причем не обязательно в пределах Антанты.

И хотя действовал Протопопов по поручению Совещания по обороне, стоял за этим поручением скорее всего царскосельский дворец, точнее говоря, его «дамская половина» (как выразился Протопопов по другому поводу), где распутинцы, одержавшие в январе большую свою победу, добившись назначения премьером Штюрмера, продолжали если не хлопотать, то по крайней мере мечтать о мире для спасения монархии. И, может быть, поиски нейтральных денежных рынков представляли собой те единственные шаги, которые они могли делать на этом пути беспрепятственно и не таясь. Связи Ашберга с распутинским банковским кружком, о которых он упомянул в своих мемуарах,[70] были скорее всего случайного происхождения. Ашберг набрел на них в поисках «ходов» ко двору для реализации своих коммерческих замыслов. Нельзя, однако, не отметить его роли одного из русско-германских посредников. (Ашберг, как он сам пишет в своих воспоминаниях, благодаря связям с пограничной службой, которые были налажены для него его петроградскими друзьями, мог без досмотра переправлять любые бумаги из России и в Россию, а Стокгольмский Новый банк, возглавлявшийся Ашбергом, сбывал немцам русскую валюту[71]). Не потому ли Ашберга усиленно опекал в Петрограде русский посланник в Швеции Неклюдов, пользовавшийся особой популярностью в прогерманских кругах Стокгольма[72] и причастный к контактам с немцами?[73]

[70] O. Aschberg, ук. соч., стр. 352—353.

[71] Там же, стр. 116.

[72] Это отметил, проезжая через Стокгольм в сентябре 1914 г., американский посол в России Мари (G. T. Marye. Nearing the End in Imperial Russia. Philadelphia, 1929, p. 31).

[73] Через него летом 1915 г. было передано в Петроград предложение директора Немецкого банка Монкевица о переговорах между неофи-

Принимая все это во внимание, можно думать, что, когда Мэрш и Ашберг рассчитывали на принятие условий своего кредита, они уповали не только на их чисто коммерческую привлекательность. И профессор Б. А. Бахметев, вероятно, попадал пальцем в небо, когда стремился разочаровать Протопопова в финансовой стороне операции Ашберга.

О том, что в Петрограде по-разному относились к нейтралитету Америки, свидетельствуют, в частности, записи в дневнике американского посла Мари. Впервые американской дипломатии пришлось столкнуться с недоброжелательной реакцией в России на германо-американские связи еще в самом начале войны, когда США взяли на себя представительство германских и австрийских интересов в России и в Петроград после двухлетнего отсутствия срочно отправился американский посол.[74] В дальнейшем Мари жаловался в своем дневнике на трудности, создаваемые для него в Петрограде посредническими демаршами президента Вильсона.[75] Но наряду с этим он писал о «влиятельных русских», действовавших в пользу сепаратного мира.[76] В феврале 1916 г. госдепартамент неожиданно отозвал из Петрограда наиболее опытного и влиятельного из чинов американского посольства Ч. Вильсона. Все сходились во мнении, что причина этого — проантантовская позиция Вильсона. Великая княгиня Мария Павловна заявляла, что Вильсона заменит «друг, а возможно, агент Германии», и передавала якобы сказанные ей слова самого царя о том, что госдепартамент убрал Вильсона «по приказу из Берлина» и вообще-де политика США в целом благоприятна Германии.[77] Но Мария Павловна была тесно связана с союзными послами, и как раз то, что возмущало ее в политике США, делало американский денежный рынок особенно ценным для сторонников финансовой и иной «эмансипации» от союзников по Антанте. Для них «традиционная аполитичность» американского капитала очень удобно дополнялась нейтралитетом США в войне. 14 марта (ст. ст.) предстояло заседание Комитета финансов для рассмотрения неоднократно нами упоминавшегося представления Барка «О совершении кредитных операций в Америке». Эмиссарам американских банков в Петрограде содержание представления, а следовательно, и под-

---

циальными представителями Германии и России, причем в качестве одного из возможных представителей с германской стороны Монкевицем был назван глава известной германо-американской банкирской фирмы Варбург.

[74] G. T. Marye. Nearing the End in Imperial Russia, pp. 17—21.

[75] Так, 8 сентября 1915 г. он писал об отрицательной реакции в Петрограде на американские демарши, принимавшей несколько причудливую форму запоздалого недовольства Портсмутским миром, ссылался на появившуюся в этот день в «Новом времени» антиамериканскую статью (G. T. Marye, ук. соч., стр. 238).

[76] G. T. Marye, ук. соч., стр. 413.

[77] Там же, стр. 462—463.

линная точка зрения и истинные намерения Барка, естественно, не были известны. Мэрш считал кредит Ашберга решенным делом, большим же займом интересовался лишь постольку, поскольку боялся, что Мезерв в хлопотах о нем тем или иным способом сорвет операцию «Гаранти траст». Мезерв в свою очередь, хоть он и оптимистически смотрел на перспективы большого займа, был действительно непрочь при случае повредить делу Мэрша и Ашберга. В наиболее ответственные моменты переговоров Мезерв и Мэрш старались попросту не отходить друг от друга, посещая вдвоем не только Кредитную канцелярию, но и русские банки.[78]

За несколько дней до заседания Комитета финансов, когда Мэрш уже наслаждался уверенностью, что соглашение о кредите Ашберга накануне заключения, а большой заем — дело неопределенного будущего, он получил от Мезерва копию документа, уже отправленного тем Барку. Документ этот вызвал у Мэрша серьезное беспокойство, которое он с трудом скрывал в написанном сейчас же письме Мезерву. (Встречаясь чуть ли не ежедневно, они тем не менее прибегли теперь к официальной переписке). «Кредит Ашберга в смысле его условий принят министром Барком и правительством...,[79] и я бы предложил — и должен настаивать на этом, — чтобы впредь Вы заранее представляли на мое рассмотрение все заявления, устные или письменные, которые Вы предполагаете сделать относительно кредита Ашберга, — писал Мэрш. — ... Я очень надеюсь на заключение этого соглашения в течение ближайших десяти дней... То, что я узнал, не оставляет, однако, сомнений, что и Ваш заем также будет принят, и я не был бы удивлен, если бы в течение следующих двух недель как кредит, так и заем стали бы совершившимися фактами».[80]

Не говоря уже о том, что внутрисиндикатские противоречия предстают здесь перед нами безо всякого флёра (когда представитель одного из банков, входящих в созданный для осуществления займа синдикат, в письме представителю другого банка постоянно употребляет выражение «Ваш заем»), в письме весьма полно отразилась уверенность как Мэрша, так и Мезерва в своем успехе и затаенная надежда каждого из них на провал партнера. Не в беседах ли с чинами Кредитной канцелярии черпали они оба свою уверенность и свои надежды? И не на этот ли именно «конфиденциальный источник» ссылался Мэрш, когда жаловался

---

[78] См.: Мэрш — Мезерву, б. д.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 370.

[79] В представлении Барка Комитету финансов указывалось, что он «изъявил принципиальное согласие» на кредит Ашберга, «оговорив, однако, что осуществление его зависит от приемлемости для ведомств условий выполнения заказов при посредстве Шведско-Русско-Азиатской компании» (ЦГИА СССР, д. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.).

[80] Мэрш — Мезерву, 6 (19) марта 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 371—371 об.

в Нью-Йорк на то, что Мезерв и «Сити бэнк» ухудшением своих условий большого займа «нервируют правительство»? [81]

Успокоительные заверения Мэрша относительно того, что заключение соглашения о кредите Ашберга приблизит успех большого займа, вероятно, звучали для Мезерва если не лицемерно, то весьма наивно. Он-то сам исходил ведь из того, что Барк предпочитает большой заем, поэтому он и не постеснялся, по-видимому, «вызвать путаницу в уме министра» насчет кредита Ашберга, в чем обвинял его Мэрш. Мезерв был так уверен в своем успехе, что 8 (21) марта, через два дня после письма Мэрша, рекомендовал Вандерлипу в случае совершения операции открытие в Петрограде отделения «Нэйшнл сити бэнк».[82] И если уж говорить о наивности, то на самом деле Мезерв выглядел еще наивнее, чем должен был ему казаться Мэрш: в представлении Барка Комитету финансов, без сомнения, уже заготовленном к этому сроку Кредитной канцелярией, условия большого займа признавались неприемлемыми.

В этом представлении от 10 (23) марта в соответствии с известной нам уже точкой зрения Министерства финансов указывалось, что заем этот «представляет известный интерес в качестве операции подготовительной, имеющей целью завязать отношения с американским денежным рынком». В содержавшейся в представлении «характеристике американского рынка» к его особенностям были отнесены склонность американской буржуазной «публики, воспитанной на акциях с их хотя и неустойчивым, но зачастую крупным доходом», к «дивидендным ценностям» и игнорирование ею «твердопроцентных бумаг». В качестве другого препятствия к проведению в США кредитных операций широкого масштаба отмечалась большая заграничная задолженность Америки («при таких условиях экспорт собственных капиталов производится с особой осторожностью»). Разбирая довоенный вывоз капитала из США, авторы представления делали не лишенное интереса в устах чиновников русской Кредитной канцелярии замечание о том, что этот вывоз был обусловлен не столько избытком капитала, сколько политическими причинами экспансионистского характера, т. е., иными словами, служил средством для проведения захватнической политики. «Если не считать временных покупок английских и японских фондов, вызванных политическими симпатиями, Америка помещала свои капиталы лишь в предприятия соседних с нею стран, стремясь создать себе на этой почве расширение сферы своего экономического влияния», — указывалось в подписанном Барком документе. А он, служивший при Витте председателем правления Учетно-ссудного банка Персии, хорошо знал толк в таких вещах!

[81] Телеграмма Мэрша Сэбину и Мэрфи, 3 (16) февраля 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 2. д. 19, л. 122.

[82] ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 114—117.

Далее следовало указание на то, что Россия как сфера экономического влияния до войны представляла собой для американского капитала «малый интерес» и не пользовалась «симпатией» среди американских капиталистов из-за еврейского вопроса.

Война, говорилось в представлении, при том, что она создала для Америки «блестящую экономическую конъюнктуру», отразилась на условиях американского денежного рынка лишь «в некоторой степени». Колоссальный рост товарного экспорта, казалось бы, давал большие возможности для вывоза капитала, но в действительности этого не получалось из-за массовой продажи в Нью-Йорке американских ценных бумаг, находившихся до того в руках европейских капиталистов.

Вывод из «характеристики американского рынка», сделанный в связи с намеченной целью завязать с этим рынком отношения, гласил: «Хотя... возможность размещения миллиардных займов не имеет реальных оснований, тем не менее при известных благоприятных обстоятельствах и военных успехах совершение кредитных операций в более скромной сумме 200—300 млн долл. представляется, вероятно, осуществимым. Если означенные операции удались бы, то при громадных платежах по военным заказам, исчисляемым в сумме около 1500 млн руб., это отразилось бы на соответственном сокращении размеров вынужденного для нас вывоза золота, между тем отказ от предложения синдиката может затруднить в будущем совершение кредитных операций на американском рынке».[83]

Но несмотря на этот вывод, последний вариант условий большого займа — 50 млн — Барк признавал «неприемлемым». Он приводил этому причины: незначительность суммы, невыгодность условий — дороговизну «при отсутствии для синдиката обязательной консолидации в долгосрочный заем», а также необходимость гарантии правительства в уплате капитала, вследствие чего через три года казне неминуемо пришлось бы приобрести облигации железнодорожных обществ, «хотя бы за счет сберегательных касс».

Но была и еще одна причина, не названная Барком в представлении, но высказанная на заседании Комитета финансов — сентябрьское (1915 г.) финансовое соглашение с Англией, которым «в значительной степени», как указывалось в журнале заседания, обеспечивались все платежи по русским военным заказам в США. Эта оценка отнюдь не носила, как может на первый взгляд показаться, оптимистический по отношению к английским кредитам характер. А. Л. Сидоров в своей книге «Финансовое положение России в годы первой мировой войны» обстоятельно показал тягостные для России стороны этого финансового соглашения. Через четыре дня после того заседания Комитета финансов, к которому предназначалось представление Барка об амери-

[83] ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19.

канских кредитах, Совет министров 18 марта (ст. ст.) обсуждал общий вопрос о кредитном обеспечении всех заграничных заказов в целом. При этом, в частности, отмечалось, что передача заказов в США в счет английских кредитов «весьма затруднительна», так как английское правительство относится к размещению заказов за пределами Англии «до крайности ревниво».[84] Тем более настоятельной представлялась необходимость финансовой эмансипации от Англии в США, и потому наличие соглашения с Англией никак, казалось бы, не могло способствовать отклонению американских кредитов.

Но была у этого дела еще одна сторона, которая, как нам представляется, его объясняет. Размещение новых русских заказов в США, а главное их исполнение и доставка, как выше уже отмечалось, сталкивались со значительными трудностями и независимо от кредитного вопроса. А для реально осуществлявшихся заказов и поставок английских кредитов в сущности хватало, в чем и состоял смысл сказанного на заседании Комитета финансов. И потому в своих поисках независимых от Англии источников денег в Америке на будущее Барк, как это ни парадоксально выглядит, пытался пока опереться на финансовое соглашение с самой Англией.

Итак, условия большого займа Барк рекомендовал Комитету финансов отклонить. Что же касается кредита Ашберга, то Барк в своем представлении, как мы уже указывали, рекомендовал принять его.

Единственным источником сведений о ходе заседания Комитета, состоявшегося 14 (27) марта, является для нас весьма краткий официальный журнал этого заседания.[85] В основных пунктах журнал повторяет представление Барка, хотя рекомендации его, как сейчас увидим, были Комитетом в их значительной части, казалось бы, отвергнуты. Журнал содержит слишком мало сведений, чтобы судить, каким образом это случилось и имелись ли в Комитете какие-либо разногласия. Одно явственно видно из журнала: ход заседания направляла рука Барка. В обоснование стремления своего министерства к закреплению на американском рынке, несмотря на все связанные с этим трудности, Барк сказал на заседании несколько больше, чем было написано в его официальном представлении. Его позиция сводилась в сущности к тому, что именно для внедрения на американский рынок необходимо теперь проявить перед американцами твердость в вопросе об условиях займа вплоть до отказа от него («заключение ныне займа на тяжелых условиях может послужить неблагоприятным прецедентом при наших будущих эмиссиях»). При этом Барк давал понять,

---

[84] А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960, стр. 315.

[85] ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 1—3.

что отказ не обескуражит американцев, бояться прекращения с их стороны переговоров не следует. «При наблюдающемся в последнее время в Америке все возрастающем интересе к России» нужно лишь торговаться. А возможности выжидать обеспечиваются английскими кредитами.

Здесь Барку подыграл Сазонов, которого он специально пригласил «для всестороннего освещения взаимоотношений России и Америки» (Сазонов не был членом Комитета финансов). Как бы независимо от Барка и чуть ли не возражая ему (Барка можно было понять так, что он если не за разрыв, то за перерыв в переговорах), Сазонов заявил, что «по общеполитическим соображениям» переговоры с американскими банками надо продолжать («в целях завязать в дальнейшем более тесные экономические отношения с Америкой для использования нового денежного рынка, что в значительной степени освободило бы Россию от зависимости в области финансов от отдельных держав, хотя бы нам союзных»).[86] Комитет финансов разделил точку зрения Сазонова, признав целесообразным продолжение переговоров с синдикатом американских банков о займе на сумму не менее 100 млн долл. в форме кредитования железнодорожных обществ. Комитет финансов в сущности утвердил возвращение к январским условиям Барка, на которых Министерство финансов так настаивало.

В общем относительно решения Комитета финансов можно сказать, что Барку только того и надо было как перед американцами, так и в официальном Петрограде: путь на американский денежный рынок лежал лишь через переговоры с синдикатом в лице «Нэйшнл сити бэнк». Отсюда и тот оборот, который приняло на заседании дело с кредитом Ашберга.

В принципе как будто бы одобрив кредит Ашберга в полном соответствии с рекомендацией Барка в его представлении, Комитет финансов «признал, однако, предпочтительным производить операцию Ашберга совместно с большим займом, так как эта операция в случае заключения ее отдельно от займа могла бы повредить не окончившимся еще переговорам». Это шло уже в разрез с рекомендацией Барка, но он, по-видимому, легко ею поступился, во всяком случае в журнале заседания нет никаких следов его возражений или несогласия. Да это и неудивительно: ведь Министерство финансов лишь продлило себе возможность играть на противоречиях между двумя американскими банковскими монополиями. Практический смысл сделанной Комитетом финансов оговорки в этом и состоял, хотя продиктована она была несомненным предпочтением, которое Комитет вслед за Барком отдавал операции «Нэйшнл сити бэнк».

---

[86] Журнал заседания Комитета финансов, 14 (27) марта 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 1—3.

Но почему Барк в ходе предшествовавших переговоров без ведома Комитета финансов дал Мэршу свое согласие на проведение операции Ашберга, и теперь в своем представлении Комитету финансов ему оставалось лишь признаться в этом? Не было ли здесь «внеминистерских влияний», которые, как нам представляется, распространялись на вопрос о кредитовании в США и особенно на дело о кредите Ашберга? Может быть, не сумев ранее устоять перед ними, Барк, обладавший репутацией англофила, теперь позвал себе на помощь Сазонова, пользовавшегося той же репутацией (не распутинским ли кругам оба они были ею обязаны?), и в результате заседания спрятался за решение Комитета финансов.

Забота об успехе большого займа не оставляла Барка буквально ни на минуту. Наутро после заседания Барк сам позвонил по телефону Мезерву и немедленно пригласил его к себе. Свидание их по случайной причине не состоялось, и Барк дал знать Мезерву, чтобы он отправился к директору Кредитной канцелярии Никифорову. Там Мезерв был принят двумя влиятельными чиновниками Тимковским и Новицким, от которых и узнал официально, что Комитетом финансов его условия отклонены. Одновременно ему было от имени Никифорова заявлено, что в качестве приемлемых могут рассматриваться лишь три формы кредитования: 1) предоставление кредита под обязательства Государственного казначейства; 2) покупка гарантированных русским правительством железнодорожных займов; 3) покупка краткосрочных обязательств частных железных дорог с дополнительным обеспечением облигациями железнодорожных займов в размере 145% к сумме займа при условии, чтобы «Нэйшнл сити бэнк» на основе русских ценностей выпустил на американский рынок обязательства от своего собственного имени.

На следующий день, 16 (29) марта, Мезерв был с утра у Барка. Когда Мезерв упомянул о третьем из сделанных ему накануне предложений Никифорова, Барк попросил прислать к нему Никифорова для обсуждения этого предложения так, как если бы впервые о нем слышал.

Выйдя от министра, Мезерв отправился в Кредитную канцелярию, где Тимковский и Новицкий вручили ему выработанный ими после консультации с Никифоровым текст телеграммы о принятии займа на основе третьего варианта в размере 50 млн долл., которую Мезерв мог отправить в Нью-Йорк от своего имени.[87]

Мезерва заверили, что такой заем «совершенно приемлем». Никифоров заявил, что пойдет к Барку для того только, чтобы «посмотреть, нет ли в телеграмме каких-нибудь деталей», которые министр «пожелал бы изменить». В ожидании Никифорова Ме-

---

[87] Мезерв — Вандерлипу, 16 (29) марта 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 148–150.

зерв беседовал с чинами Кредитной канцелярии, которые уверяли его, что «не может быть сомнений относительно принятия в принципе г-ном Барком нынешнего предложения, поскольку этот способ обычно употребляется здесь при кредитовании банками железнодорожных обществ, вследствие чего они все к нему привыкли». Тут же было подчеркнуто, что займы такого типа «исключительно надежны», так как дополнительное обеспечение в столь большом размере к сумме займа — 145% — заставляет железнодорожные общества погашать по истечении срока свои обязательства, если банки этого требуют. Эти соображения могли лишь еще больше раззадорить Мезерва, который, помимо чисто финансовой операции, должен был вновь здесь увидеть возможности для внедрения американского капитала в русское железнодорожное дело (а он всегда имел особый интерес к тому, чтобы связать операции с ценными бумагами русских железнодорожных обществ с непосредственным участием американских предпринимателей в железнодорожном строительстве в России).[88]

Поставить свой нью-йоркский банк в смысле участия в русском железнодорожном деле на одну доску с русскими банками, роль которых в железнодорожном строительстве и вообще в железнодорожном хозяйстве не могла быть для Мезерва секретом, — было очень заманчиво.

Но вот вернулся Никифоров, и вмиг лопнули все надежды Мезерва. Правка, которую внес Барк в текст телеграммы, совершенно изменяла дело. Прежде всего Барк в соответствии с решением Комитета финансов требовал не 50, а 100 млн долл. Условие о выпуске обязательств железнодорожных обществ в крупных купюрах Барк дополнил и уточнил в том смысле, чтобы каждое

---

[88] В январе, начиная новый тур переговоров с Министерством финансов, Мезерв получил письмо от только что вернувшегося из России Дж. Х. Робертса, совладельца чикагской железнодорожно-строительной фирмы «Робертс бразерс рейлроад констрактерс» («Roberts Brothers Railroad Constructors»). «Я очень хочу связаться с ними (руководителями «Нэйшнл сити бэнк», — *Р. Г.*), поскольку я полагаю, что они на правильном пути и с организацией новой компании готовы, мне кажется, немедленно двинуться в Россию и развивать дорогу, — говорилось в этом письме. — Так как я горячо желаю принять в этом участие, я делаю все возможное, чтобы вернуться в Россию, вы ведь знаете, как нравится мне эта страна. Г-н Хольбрук из фирмы „Хольбрук, Кэбот и Роллинс" находится сейчас в пути туда, покинув Нью-Йорк 8 января. Он едет, чтобы исследовать ситуацию в железнодорожном деле. Надеюсь позже к нему присоединиться. Думаю, что г-н Хольбрук имеет письма к Вам, и надеюсь на такое развитие дела, при котором мы не будем оставлены в стороне» (ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 476). Об организации какой именно «новой компании» идет речь, — нам неизвестно. Можно лишь указать, что Хольбрук на сей раз отправился в Петроград как представитель Американской международной корпорации, и напомнить, что еще осенью 1915 г. его фирма вела переговоры о строительстве новых линий Московско-Казанской дороги.

общество выдавало одну купюру на всю сумму своего обязательства. Понятно, что возможность свободного обращения в США таких обязательств, к тому же запрещавшаяся специальным условием, исключалась совершенно.

Процент по этим обязательствам Барк понизил с $7^1/_2$ до 7, а размер обеспечения со 145 до 125%. Это последнее изменение — в вопросе о размере дополнительного обеспечения — Мезерв объявил в письме Вандерлипу «роковым», поскольку Барк не желал распространить на американские банки условия, на которых проводили аналогичные операции русские банки.[89] «Вы увидите, что изменения как раз таковы, чтобы сделать предложение невозможным», — разочарованно заключал Мезерв свое письмо Вандерлипу.[90] Он сам был совершенно убежден, что все дело ему сорвали англичане. В этом его неоднократно уверяли в Кредитной канцелярии, всякий раз нарочито подчеркивая, что Англия не только удовлетворяет текущие русские потребности в валюте, но и обещает после войны консолидировать получаемые ею краткосрочные обязательства.[91] Мезерв целиком принимал это на веру.

«В марте Россия согласилась или была готова согласиться на требования нью-йоркских банкиров, — рассказывал он о своих злоключениях месяц спустя новому послу США в Петрограде Д. Р. Фрэнсису, — но затем отказалась это сделать, и единственное объяснение этого изменения позиции — влияние Англии, которая хочет, чтобы все внешние сношения торгового или финансового характера, которые имеет Россия, шли через Лондон».[92]

Конечно, именно английские кредиты, как мы это видели, дали возможность на заседании Комитета финансов отклонить ухудшенные американские условия, но Мезерв в своей оценке положения игнорировал то обстоятельство (или не знал о нем), что Комитет все же решил добиваться американского займа. Да и в действиях Барка в эти дни ощущалось не столько английское влияние, сколько стремление добиться у «Нэйшнл сити бэнк» лучших условий.

Барку надо было обладать очень уж большой уверенностью в реальной заинтересованности американских банков в кредитовании России, в большом и важном значении, которое придавали на Уолл-стрите связанным с этим планам, чтобы подвергать Мезерва столь сильным искушениям и испытаниям, не боясь при этом, что американцы вообще откажутся от своих русских планов.

---

[89] Позиция Барка в этом вопросе легко объяснима: ведь с русскими банками всегда можно было в крайнем случае поладить тем или иным «домашним способом», которых в распоряжении министра финансов был целый арсенал.

[90] Мезерв — Вандерлипу, 16 (29) марта 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 148—150.

[91] Мезерв — Вандерлипу, 6 (19) апреля 1916 г., № 85: там же, л. 124.

[92] Фрэнсис — государственному секретарю, 2 мая 1916 г.: The Lansing papers, v. II, p. 311.

Глава III

ВОПРОС О «НЕЙТРАЛЬНОМ» И «АПОЛИТИЧНОМ» АМЕРИКАНСКОМ КАПИТАЛЕ В РОССИИ НАКАНУНЕ КРАХА ЦАРИЗМА

Известие об отказе Комитета финансов от американских кредитных условий произвело на Уолл-стрите известное впечатление. Виленкин явился к Ю. Бахметеву с письмом от самого Моргана. По словам посла, Морган подчеркивал, что синдикат берет на себя размещение займа, «несмотря на противодействие германофильских банков», пугал тем, что «настоящий благоприятный момент может не повториться», и прельщал открытием американского рынка «для новых возможных операций и в будущем».[1] Морган, как мы увидим, относился к действиям «Нэйшнл сити бэнк» в России более чем прохладно, ограничиваясь простым вхождением в синдикат наряду с «Гаранти траст» «Киддер, Пибоди и К°». Перспектива полного отказа России от американских кредитов заставила его сделать шаг в сторону от обычной линии — в интересах, так сказать, общеуоллстритовских. Тем более показательным было его обращение к русскому правительству (даже если оно было организовано Виленкиным и «Сити бэнк»).

Твердая позиция Барка оказалась оправданной и другими обстоятельствами. Так, Вандерлип намеревался уже в апреле послать в Россию сразу двух вице-президентов своего банка. Направлявшийся в Петроград новый американский посол Д. Р. Фрэнсис узнал об этом, будучи проездом в Нью-Йорке, как раз тогда, когда в Петрограде проходило заседание Комитета финансов и Барк устроил «черный день» Мезерву.[2] А Барк, не мог ли он

---

[1] Телеграмма Ю. А. Бахметева 20 марта (2 апреля) 1916 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1916 г., д. 53, л. 63. — От себя Бахметев добавлял, что, если операция не состоится, это будет истолковано как отказ России в кредите «по политическим соображениям».

[2] Фрэнсис — президенту США Вильсону, 8 апреля 1916 г.: Hearings before the special committee investigating the munitions industry. U. S. Senate, 74th Congress, 2nd Session. Part 25. World war financing and U. S. industrial expansion, 1914—1915. J. P. Morgan and Co. Washington, 1937, p. 8706.

через Виленкина, например, узнать о намерении Вандерлипа пораньше?

По-видимому, и Мезерву было ясно, что самые пессимистические его письма из Петрограда не способны обескуражить Вандерлипа и «Нэйшнл сити бэнк» в их рвении к «русскому бизнесу» и что, сколько бы Барк ни указывал американцам на дверь, ему, Мезерву, все равно придется хоть через окно, а вернуться.[3] Единственное полученное им в эти дни и дошедшее до нас письмо из правления «Сити бэнк» [4] наряду с сообщением о том, что в банке «со дня на день» ждут согласия русской стороны на осуществление кредитной операции и готовы «немедленно приступить к составлению синдиката»,[5] содержало также и сведения, казалось бы, противоположные взгляду Мезерва. Американская международная корпорация, говорилось в письме, дело «настолько новое и еще не развитое, что это служит причиной значительной оттяжки» в осуществлении «различных предложений», которыми Мезерв засыпал по телеграфу правление своего банка.[6] Тут же, впрочем, Мезерву сообщали, что вице-президент «Нэйшнл сити бэнк» С. Мак-Робертс и Родней Дин, автор письма, стараются вовсю, чтобы реализовать предложения из Петрограда («делаем со своей стороны все, что можем, чтобы побыстрее дать им ход»), и обещали «вскоре определенный ответ для всех заинтересованных сторон на предложения относительно Парвиайнена (завода в Петрограде? — *Р. Г.*) и лесного дела».[7] И Мезерв, и его американские корреспонденты исходили из того, что трудности в осуществлении русских планов американского капитала, возникающие в самих Соединенных Штатах, имеют, безусловно, преходящий характер. Мезерв попросту игнорировал их. «Знаток России», он как бы подразумевал, что

---

[3] Положение Мэрша было, разумеется, не лучше. Ашберг курсировал между Стокгольмом и Петроградом, занимаясь своими обычными делами, а Мэрш, бесплодно обивая в течение многих месяцев порог Министерства финансов, «от тоски запил» (O. Aschberg. En vandrande jude från Glasbruksgatan. Stockholm, 1946, s. 123).

[4] Р. Дин — Мезерву, 6 марта (н. ст.) 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 24, лл. 70—71.

[5] Лишнее доказательство того, что состав синдиката, который, как уверяли его представители в Петрограде, был уже сформирован, на самом деле точно еще не был определен. На сей раз не предполагал ли «Нэйшнл сити бэнк» составить его без «Гаранти траст компани»?

[6] Дин — Мезерву, 6 марта (н. ст.) 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 24, лл. 70—71.

[7] 28 декабря 1915 г. (10 января 1916 г.) Мезерв сообщил Вандерлипу, что управляющий Петроградской конторой «Лионского кредита» предложил «Нэйшнл сити бэнк» участие в лесном деле стоимостью около 30 млн руб. Покупку лесной территории предполагалось провести через какое-либо подставное предприятие, так как образование для этой цели специальной иностранной корпорации вряд ли было бы разрешено ввиду значительных размеров территории и ее расположения (ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 108).

руководство его банка не преминет использовать любую возможность в этой стране, лишь бы она действительно появилась.

Кажется невероятным, чтобы после своих злоключений в Министерстве финансов 16 (29) марта Мезерв занялся разработкой новой всесторонней программы действий американского капитала в России. Тем не менее это было именно так, и через три недели, 6 (19) апреля, эта программа была отправлена в Нью-Йорк в шести письмах Вандерлипу, весьма выразительно озаглавленных («Будет ли Россия после войны иметь устойчивое правительство?», «Как Америке лучше всего обеспечить себе большой бизнес в России», «Английское влияние в России», «Большой заем», «Влияние на газеты в России — в помощь вложенному здесь американскому капиталу», «Горное дело в России»).[8]

Свои рассуждения Мезерв начал с вопроса о судьбах русского самодержавия. «Этот самый важный вопрос» он изучал, по его словам, всегда, с самого момента своего прибытия в Россию. В результате расспросов и наблюдений Мезерв пришел к выводу о том, что если в России и предстоят «после войны некоторые беспорядки», то они ни в коем случае «не будут означать чего-либо серьезного в отношении прочности правительства». «Вопреки общераспространенному мнению, — писал Мезерв, — я пришел к заключению, что русское правительство, как ни одно другое, всегда держит палец на пульсе своего народа, а это дает ему превосходную возможность пользоваться предохранительным клапаном. Оно изо дня в день следит за всяким изменением в состоянии общественного мнения и вследствие этого обычно может в нужный момент уступить ровно настолько, чтобы загладить дело».[9]

Что человек буржуазного Запада, эмиссар Уолл-стрита в России верил в устойчивость царизма, оплота существовавшего в России порядка, перед натиском неминуемо предстоявшей революционной бури и даже тешил себя и своих патронов надеждой, что это будет не буря, а всего лишь «некоторые беспорядки», вполне естественно и обычно. Более своеобразен был его взгляд на пресловутую буржуазную оппозицию, со стороны которой он — в противоположность распространенному в буржуазных и монархических кругах России мнению — так же не видел никакой опасности царизму, как и со стороны революционного движения масс. «Здесь существует, — писал он, — множество противодействующих течений в вопросе о ведении дел с военными поставками и т. д. и т. п., но мне они не кажутся глубокими и постоянными тече-

---

[8] Мезерв — Вандерлипу, 6 (19) апреля 1916 г., №№ 83—89: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 119—133.— Письмо № 86 было посвящено характеру телеграфных сообщений Мезерва в Нью-Йорк.

[9] Мезерв — Вандерлипу, 6 (19) апреля 1916 г., № 83: там же, лл. 119—120.

ниями, направленными против существующего правительства».[10] Почему так пренебрежительно и быстро отмахнулся уполномоченный американского банка от той самой буржуазной политической оппозиции, представители которой чуть ли не идеалом своим объявляли «великую заатлантическую демократию» и при всяком удобном случае публично выступали за привлечение американского капитала? Ведь эту оппозицию и возглавлял-то теперь председатель ЦВПК А. И. Гучков, хорошо памятный Мезерву еще по октябрьским дням 1915 г., когда в трудную минуту Вандерлип по телеграфу послал его за помощью к Гучкову, а тот, не дожидаясь прихода Мезерва, уже разыскивал его сам...

Ответить на этот вопрос, исходя из одной только классовой природы взглядов Мезерва, невозможно. Дело здесь уже в тех монополистических интересах, которые он представлял. Подчеркнутая, но отнюдь не показная, а деловая, коммерческая, приверженность Мезерва к русскому самодержавию была согрета пониманием того, что царизму, при его положении в Антанте и исходя из его видов на будущее, выход на американский денежный рынок реально необходим. К этому сводился один из уроков многомесячных переговоров, которые вели с русским Министерством финансов американские банки, несмотря на все трудности, возникавшие в этих переговорах.

Исходя из частных расчетов «Нэйшнл сити бэнк» на закрепление за ним дела русского кредита в США, представлялся совершенно необязательным лозунг русской буржуазной оппозиции «Война до победного конца!» — лозунг, который совершенно совпадал с империалистическими интересами таких сил Уолл-стрита, как фирма Моргана. Ведь по неписанному соглашению между домом Моргана и «Нэйшнл сити бэнк» русские военные заказы и закупки в США, производившиеся за английский счет, оставались в руках Моргана, как генерального агента Англии в США. Все же остальные виды деятельности в России, непосредственно не связанные с войной, в том числе кредитование русского правительства, «Нэйшнл сити бэнк» считал «своими». Что же касается конкуренции «Гаранти траст» в деле кредитования русского правительства, то теперь Мезерв ее не боялся, хотя, как мы видели, на протяжении предшествовавших месяцев Мэрш и Ашберг доставили ему немало хлопот. Имея, очевидно, основания полагать, что планы «Гаранти траст» расстроены Барком, Мезерв посетил его накануне отправки своей «программы» и «конфиденциально» сообщал Вандерлипу, что «заем Ашберга не популярен в Министерстве финансов». «Репутация „Сити бэнк“» была там якобы, наоборот, «превосходной», и Барк заявил, что он так же, как и сам Мезерв, радуется предстоящему приезду в Россию вице-президентов «Сити бэнк» Мак-Робертса и Ч. Рича, которые, как ожидал

[10] Там же.

министр, едут, «чтобы ознакомиться с возможностями России и выработать обширный и исчерпывающий план финансирования».[11]

Но переключить на себя с помощью Барка расположение, которым дарили влиятельные петроградские сферы «Гаранти траст компани», было для «Сити бэнк» лишь половиной дела. Второй (и не менее важный) урок многомесячных переговоров состоял в том, что необходимо было либо преодолеть конкуренцию англичан в Петрограде, либо договориться с ними. «Я пришел к твердому убеждению, — писал Мезерв Вандерлипу, — что для Америки лучший способ обеспечить себе большой бизнес в России заключается в том, чтобы немедленно вступить в сотрудничество с лучшими из тех английских финансовых групп, с которыми это будет возможно сделать».[12] К этому своему «убеждению» Мезерв пришел не без помощи английского посольства в Петрограде. За несколько дней до того он был приглашен в посольство, где ему сообщили, что из Лондона, а также от английского посла в Вашингтоне получены телеграммы относительно жалоб Мезерва на английское противодействие американским планам в России. По-видимому, Вандерлип придал этим жалобам важное значение и принял весьма эффективные меры, что было ему нетрудно, если принять во внимание его обширные связи в правительстве США и влияние на самого президента Вильсона.

Из английских объяснений, которые выслушивал теперь по этому поводу Мезерв, получалось, что хотя перевод дела русских военных заказов в Америке из Петрограда в Лондон, как считали англичане, давал им основание срывать американский заем, тем не менее английское посольство в Петрограде ничего для этого не предпринимало.[13] Тут же в беседе с Бьюкененом Мезерв поделился своими соображениями о необходимости для английского и американского капитала сотрудничества и взаимопомощи в осуществлении их замыслов в России. Бьюкенен одобрил эти соображения, похвалил Мезерва за «правильный и широкий взгляд на вещи» и добавил, что деятельность его собеседника «наилучшим образом поможет России», как будто именно в этом состояла цель их беседы и их деятельности![14]

Свои мысли, вызвавшие столь пылкий восторг английского посла, Мезерв изложил Вандерлипу следующим образом: «Я думаю, что после войны никакими законодательными мерами (русскому правительству, — *Р. Г.*) не удержать будет германскую лавину, она неотвратимо вползет обратно в эту страну, и, если Америка и Англия не успеют еще до конца войны закрепить за собой самые сливки в железнодорожном, горном деле и других отраслях,

[11] Мезерв — Вандерлипу, 6 (19) апреля 1916 г., № 87: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 129.
[12] Мезерв — Вандерлипу, 6 (19) апреля 1916 г., № 84: там же, л. 122.
[13] Мезерв — Вандерлипу, 6 (19) апреля 1916 г., № 85: там же, л. 124.
[14] Там же.

я полагаю, что Америка навсегда потеряет нынешнюю свою изумительно благоприятную возможность. При условии, что Америка и Англия будут действовать здесь сегодня совместно, они смогут с легкостью вершить большие дела. Если же они не будут вести совместной игры, все будет идти у них очень медленно и с большим трудом, и в конце концов Германия вышибет их обеих. Я весьма настоятельно рекомендую, чтобы американская международная корпорация как можно раньше начала следовать вышеуказанной политике. Я настоятельно советую также, чтобы всему большому американскому бизнесу, делаемому здесь, придавалась русская окраска, для чего необходимо в каждом случае иметь непосредственно функционирующую компанию (operating company) под русским названием и с влиятельными русскими компаньонами».[15]

Можно подумать, что, рисуя эту англо-американскую идиллию, Мезерв принимал всерьез уверения англичан в том, что они ничуть не препятствовали американским действиям в Петрограде. На самом же деле, оказывается, ничего подобного не было. В том-то и состояла империалистическая сущность намечавшегося Мезервом англо-американского сотрудничества, что оно не только не отменяло англо-американской конкуренции, а, наоборот, предполагало ее. И обстоятельно воспроизведя для Вандерлипа без собственных комментариев английские уверения, Мезерв в тот же день в другом письме, излагая всю историю своих переговоров с Барком — как Барк начал с 250 млн долл. с первой закладной на казенные железные дороги, а затем отказался от этого и т. д., — вдруг одной фразой засвидетельствовал и характер американских планов в России, имевших очень дальний прицел, и свою глубокую убежденность в непреходящем характере англо-американского империалистического соперничества в России. «Я могу понять, — писал он, — что англичане и французы, видя все наши телеграммы,[16] имели веские основания энергично возражать против того, чтобы мы получили первую закладную на лучшую государственную собственность, закладную, которая имела бы предпочтение перед ценными бумагами, находящимися в их руках».[17]

И хотя сам по себе американский план кредитования России под первую закладную на казенные железные дороги был юридически неосуществим, в Кредитной канцелярии, вероятно, действительно не делали для англичан и французов секрета из американских на-

---

[15] Мезерв — Вандерлипу, 6 (19) апреля 1916 г., № 84: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 122—123.

[16] «Помните, пожалуйста, что все мои телеграммы, как входящие, так и исходящие, подшиваются в Кредитной канцелярии Министерства финансов» (Мезерв — Вандерлипу, 6 (19) апреля 1916 г., № 86: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 126—127).

[17] Мезерв — Вандерлипу, 6 (19) апреля 1916 г., № 87: там же, лл. 128—130.

мерений точно так же, как кивали на английские кредиты в переговорах с американцами.

Сокровенный смысл расчетов Мезерва состоял в том, чтобы «Нэйшнл сити бэнк», действуя вкупе с Американской международной корпорацией, обошел своих американских («Гаранти траст компани») и английских конкурентов в России, прочно внедрившись в горное дело и железнодорожное строительство. В сущности это был старый план Вандерлипа, и вызванные тактическими соображениями союзы с конкурентами представляли собой всего лишь один из методов его реализации. «Более чем когда-либо» Мезерв был теперь «исполнен энтузиазма» по поводу перспектив экспансии «Нэйшнл сити бэнк» в России. Неудачи, которые банк терпел до тех пор, не смущали его. «После того как мы однажды хорошенько разрушим плотину, здесь обязательно хлынет целый поток благ», — писал он.

Одному из этих «благ» — горному делу в России — было посвящено специальное письмо. «Мое представление, — писал в нем Мезерв, — относительно того, каким путем Американская международная корпорация может лучше всего войти здесь в горное дело, состоит в следующем: надо сделать так, чтобы первоклассные американские компании такого типа, как „Хейден Стоун" в медном деле, послали лучших своих экспертов для исследования различных месторождений, которые мы наметим, причем подразумевается, что эти компании возьмут на себя действительное управление делом и дадут Американской международной корпорации вместе с ними войти в Россию. Вы увидите, какой бизнес создаст это для банка, а строительство железных дорог через новые территории в свою очередь быстро принесет нашей группе дополнительный бизнес в горном деле и в других отраслях».[18]

В связи с этой всесторонней программой действий американского капитала в России, естественно, снова вставал вопрос об отношении к нему в различных общественных кругах страны. Возникала надобность в том, чтобы дать американской экономической программе пропагандистское сопровождение, противодействовать противникам привлечения американского капитала, в унисон с его сторонниками ратовать за политическое сближение между Россией и США. У Мезерва была подготовлена почва и для этого. Его план предусматривал установление «в помощь вложенному здесь американскому капиталу» американского влияния на газетно-издательское дело, причем не просто американского влияния, а именно «Нэйшнл сити бэнк». Он вошел уже в контакт и с И. Д. Сытиным, главой крупнейшего в России тех лет издательского объединения. Избегавший сотрудничества с русскими банками Сытин, писал Мезерв, заявил, что он «очень хочет всту-

[18] Мезерв — Вандерлипу, 6 (19) апреля 1916 г., № 89: там же, л. 133.

пить в связь с сильнейшей из американских групп» и «работать с нашим банком».[19]

Сытин даже пригласил «Сити бэнк» войти с ним в долю в бумагоделательном предприятии, но Мезерв в своих поисках «лучшего способа извлечения выгоды из этой совершенно необыкновенной возможности» на сей раз видел этот способ отнюдь не в чисто коммерческой сфере. Ему стало известно, будто предпринятое Сытиным массовое издание литературы просветительского характера получило одобрение Николая II и было чуть ли не взято царем под свое покровительство.[20] К этому-то делу Мезерв и намеревался пристроить свой банк «путем финансового участия в его (Сытина, — *Р. Г.*) издательских предприятиях». Всероссийское издательское дело Сытина во главе с одной из наиболее влиятельных буржуазных газет, «Русским словом», представлялось более чем подходящим каналом для распространения американского идеологического влияния. «Я твердо убежден, — писал Мезерв, — что я случайно напал на такой необыкновенный ход, который может оказать существенную помощь американским интересам и нашему банку в частности, если только мы сумеем правильно повести дело».[21]

Но не страдала ли вся программа Мезерва некоторым прожектерством, обычно вызываемым у финансовых и дипломатических агентов преувеличенным представлением о важности собственной роли? Не опережал ли он в рвении к «русскому бизнесу» руководство своего банка? И, наконец, каким образом мог он рассуждать о целях и задачах в России американского капитала в целом? Оказывается, что тактические рекомендации Мезерва вполне совпадали со стратегическими видами его патронов, и упрек в авантюризме следует поэтому обратить не столько к агенту, сколько к руководителям этой крупнейшей банковской монополии США. Действия Мезерва совершенно соответствовали тому месту, которое занимал «Нэйшнл сити бэнк» в системе американского монополистического капитализма, и ситуации, сложившейся на Уолл-стрите вокруг русского бизнеса. Относительно этой ситуации мы располагаем показаниями такого непререкаемо авторитетного в этом смысле очевидца и активного участника событий, как Дэвид Роулэнд Фрэнсис, как раз в апреле 1916 г. отправившийся в Петроград в качестве американского посла.

---

[19] Мезерв — Вандерлипу, 6 (19) апреля 1916 г., № 88: там же, лл. 131—132.

[20] Там же. — Дошедшие до Мезерва сведения были в сущности беспочвенны, в действительности, когда Сытин добился у Николая приема, царь в заключение довольно нелепого разговора произнес несколько ничего не значащих слов (И. Д. Сытин. Жизнь для книги. М., 1960, стр. 196—197).

[21] Мезерв — Вандерлипу, 6 (19) апреля 1916 г., № 88: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 131—132.

Крупный хлеботорговец и биржевой деятель центральных штатов, в прошлом мэр Сент-Луиса, губернатор шт. Миссури и министр внутренних дел при президенте Кливленде, Фрэнсис принадлежал к тем деловым и политическим кругам центра и запада США, которые по временам проявляли свое недовольство засильем нескольких крупнейших нью-йоркских монополий во всей системе экономической жизни страны. Не то чтобы Фрэнсис так уж воевал против Уолл-стрита («Торговый и финансовый опыт тридцати или более лет в отношениях с теми людьми в Нью-Йорке, которые регулируют там дела и руководят финансовой политикой по всей стране, преисполнил меня здорового уважения к их мощи» [22]), но федеральную резервную систему он «с... настойчивостью защищал», как якобы усиливающую провинциальные банки в противовес «тиранскому господству» нью-йоркских, которые «на всякую оппозицию... смотрели пренебрежительно». И уж во всяком случае он с удовольствием отмечал противоречия на Уолл-стрите.

По мнению Фрэнсиса, после смерти Моргана-старшего [23] «Нэйшнл сити бэнк» усилил свою конкуренцию с домом Моргана, поскольку руководители банка и новые хозяева дома — и те и другие — считали себя по влиянию и могуществу как бы на равной ноге. «Внешних проявлений этого соперничества между двумя великими конкурентами нет, но оно не ускользнуло от внимания наблюдательных людей, которые заглянули в Нью-Йорке за сцену», — писал Фрэнсис.[24] Если бы не миссия в Россию, он и сам был бы рад «помочь» в конкурентном наступлении провинциального капитала на Уолл-стрит, используя противоречия между нью-йоркскими банковскими монополиями. Но он пробыл в Нью-Йорке всего четыре дня по пути в Россию, и теперь эти противоречия интересовали его совсем с другой стороны — в связи с его будущей дипломатической деятельностью, к которой, как это неожиданно оказалось, они также имели самое непосредственное отношение.

С этой именно точки зрения Фрэнсис придавал своим нью-йоркским впечатлениям такое значение, что уже на пароходе по пути в Россию засел за специальное письмо самому президенту Вильсону, посвященное, как он писал, взглядам Уолл-стрита на русско-американские отношения.[25] Вильсон проявлял живейший интерес к заключению русско-американского торгового соглашения и, по собственным его словам, «весьма энергично настаивал

---

[22] Фрэнсис — государственному секретарю Лансингу (с борта парохода по пути в Россию), 10 апреля (н. ст.) 1916 г.: Hearings before the special Committee..., part 28, p. 8704.

[23] Он умер в 1913 г.

[24] Фрэнсис — Лансингу, 10 апреля (н. ст.) 1916 г.: Hearings before the special Committee..., part 28, p. 8705.

[25] Фрэнсис — Вильсону, 8 апреля (н. ст.) 1916 г.: там же, стр. 8706.

на этом перед русским правительством».[26] В заключении этого договора и видел Фрэнсис важнейшую свою задачу в Петрограде.[27] Тем большим было его удивление, когда ни один из руководителей дома Моргана, с которыми он имел «весьма дружественные» отношения «в течение пятнадцати или двадцати лет», в том числе и сам Морган-младший, встречаясь с ним в Нью-Йорке накануне его отъезда в Россию, не проявлял ни малейшего интереса к его миссии.

Удивленный Фрэнсис предпринял «расследование», в результате которого ему стало известно, что интересы Моргана как агента английского правительства в деле военных поставок так тесно переплелись с английскими интересами, что теперь Морган на самостоятельную (помимо англичан) американскую экспансию в России смотрит «с озабоченностью», «с подозрением», «если не со страхом». Это в равной мере относилось к вывозу в Россию как капиталов, так и товаров. «Их желание, — писал Фрэнсис президенту Вильсону о руководителях дома Моргана, — состоит в том, чтобы любое финансирование России из этой страны (США, — *Р. Г.*) происходило бы при посредстве Лондона. Они, видимо, думают также, что любые прямые торговые отношения между этой страной и Россией есть покушение на их заповедник».[28] Иное отношение встретил Фрэнсис со стороны Вандерлипа и прочих «людей из „Нэйшнл сити бэнк“». Они заявили Фрэнсису, что «полностью согласны» с его «планом развития прямых торговых отношений между Россией и Соединенными Штатами без вмешательства какой-либо другой страны и без какого бы то ни было чуждого влияния». А Вандерлип, которого Фрэнсис «знал в течение многих лет», заверил, что «поддержит любые попытки» его в этом направлении.[29]

В сущности открытия, которые Фрэнсис для себя сделал, лишь подтвердили, что старое соглашение Моргана с «Сити бэнк» по русскому вопросу точно так же, как намечавшееся Мезервом в Петрограде соглашение с англичанами, не могло отменить конкуренции, а, наоборот, предполагало ее и усиливало. Русский бизнес являлся лишь одним из объектов конкурентной борьбы между этими двумя монополиями, вероятно, не первым, но и не самым последним по важности, так как ни одна из них не желала отказываться от своих видов на участие в русской экономике. Морган рассчитывал при этом на использование своих тесных отношений с английским правительством, «Сити бэнк» — на установление

---

[26] Вильсон — Л. Пазвольскому, 16 сентября 1916 г.: The Russian Review, v. II, № 5, p. 211.

[27] D. R. Francis. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, pp. 8, 10, 25.

[28] Фрэнсис — Вильсону, 8 апреля (н. ст.) 1916 г.: Hearings before the special Committee..., part 28, p. 8706.

[29] Там же.

прямых связей с царизмом. Старое соглашение мало связывало при этом как тех, так и других. И если Морган продолжал считать дела, казалось бы, уступленные им «Сити бэнк», своим «заповедником», то и «Сити бэнк» в свою очередь брал его за живое, когда благодаря стараниям Вандерлипа английское посольство в Петрограде предлагало Мезерву дружбу и сотрудничество.

На фоне нарисованной Фрэнсисом картины отношений на Уолл-стрите вокруг русского вопроса «программа» Мезерва выглядела вполне деловой с империалистической точки зрения (а ведь письма Фрэнсиса в госдепартамент и Белый дом и Мезерва — в «Нэйшнл сити бэнк» должны были прибыть почти одновременно). Да и сама официальная американская дипломатия в Петрограде в своем интересе к экономическим делам не отставала от петроградского представителя американских монополий. Предшественник Фрэнсиса на посту посла Мари уехал с экономической темой на устах, посвятив ей почти всю свою прощальную беседу с царем 27 февраля (11 марта) 1916 г. Разговор с царем о «большой роли», которую американцы призваны-де сыграть в послевоенном экономическом развитии России, Мари заводил не впервые.[30] С показной откровенностью («никто ведь не занимается бизнесом ради пользы своему здоровью») он заявил, что американцы смотрят на Россию как на «чрезвычайно прибыльное поле действий». Усвоив взгляды русских официальных сфер на американский капитал, Мари прельщал царя «выгодами», которые получит от него Россия ввиду «разницы между методами американцев, делающих дела в России, и методами других иностранцев». «Большинство иностранцев, — внушал Мари Николаю, — довольствуется тем, чтобы отправлять в Россию готовые товары, сбыть их и вывезти из страны деньги. Иное дело — американцы; те из них, которые делают здесь самые большие дела, находят для себя выгодным бóльшую часть производственной работы делать в России».[31] В подтверждение своих слов Мари ссылался на московские предприятия Международной компании жатвенных машин и Зингеровской компании, а также на завод «Румли мотор трак компани» («Roumley Motor Truck Co») под Одессой и фабрику «Уоковер Шу компани» («Walkover Shoe Co») под Петроградом. Подчеркивая роль этих заводов, особенно первых двух, в русской экономике, он утверждал даже, что Зингеровская компания способствовала борьбе с германским засильем, хотя она сама, как известно, числилась в России во время войны среди предприятий с немецким влиянием. Николай отвечал Мари в благоприятном смысле, что он будет рад, если американский бизнес станет «играть выдающуюся роль» в послевоенной России, и надеется,

---

[30] G. T. Marye. Nearing the End in Imperial Russia. Philadelphia, 1929, p. 475.

[31] Там же.

что многие американские дельцы «придут в Россию».[32] Наученный своим петроградским опытом, Мари говорил, таким образом, именно то, что хотели от него услышать.[33]

Сменивший его Фрэнсис таким опытом еще не обладал. Отчасти, может быть, потому он и потерпел неудачу, сразу же начав с большой активностью представлять в Петрограде интересы американского капитала.[34] Не вникнув в петроградские обстоятельства, он стал в соответствии с полученными в США указаниями добиваться торгового договора. Уже первую беседу с Сазоновым Фрэнсис в сущности посвятил этому вопросу, но собеседник «несказанно удивил» его решительным отказом. Сазонов, который, по словам Фрэнсиса, выглядел подготовленным к постановке вопроса о торговом договоре, стоило Фрэнсису заговорить об этом, очень быстро заявил, что до союзной экономической конференции, намеченной на июль в Париже, никаких торговых соглашений с кем бы то ни было Россия заключать не станет. Учуяв сугубую заинтересованность американцев в заключении торгового договора, он позволил себе немного погарцевать перед ошеломленным неожиданностью Фрэнсисом. Он намекнул, что в будущем иностранным государствам для получения преимуществ по ввозу в Россию придется предоставлять ей «такие же преимущества в своих импортных пошлинах», категорически отверг возможность заключения займа в США с дополнительным обеспечением, «кроме доверия и кредита самого правительства». В издевательски «дружественном духе» он заявил, что разрыв Соединенными Штатами русско-американского торгового соглашения «не вызвал сожаления в России» и русско-американской торговле не

---

[32] Там же.

[33] Необходимость считаться — на деле или на словах — со взглядами и позициями царизма в вопросе об иностранных капиталах была ясна не только Мари или Мезерву, но и руководству американских монополий. Как раз накануне прощального визита Мари царю президент Международной компании жатвенных машин Мак-Кормик заявил русскому послу в США в связи с якобы сделанным в России предложением о покупке Люберецкого завода, что он «не хочет продавать частным лицам и даже вступать с ними в переговоры, но если завод нужен императорскому правительству, то он готов принять все условия, которые будут ему предложены» (телеграмма Ю. Бахметева 13 (26) февраля 1916 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1916 г., д. 53, л. 35). Мак-Кормик отлично понимал, что, реши он продать завод, русские власти все равно могут не допустить перехода предприятия в неугодные руки. Но завод остался в руках американской компании.

[34] Ю. А. Бахметев относил Фрэнсиса, «человека порядочного и благонамеренного», «к категории разбогатевших провинциальных дельцов с большой самоуверенностью, поверхностным образованием и ограниченным кругозором». Он подчеркивал, что Фрэнсис «задался целью» заключить торговый трактат с Россией «во что бы то ни стало» и ни о каких проволочках «не хочет и слышать» (телеграмма Ю. А. Бахметева 24 марта (6 апреля) 1916 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1916 г., д. 53, л. 64).

помешал (это следовало понимать так, что нам, России, договор этот вообще не нужен).

Фрэнсис ввернул было, что Вильсон и Лансинг именно в заключении торгового договора и видели главную цель его назначения. В ответ на это Сазонов чувствительно уколол американского посла, «с улыбкой» заявив ему, что его «обязанности будут обременительными и без заключения соглашения».[35] Не объясняя смысла своего сарказма (очевидно, имелись в виду обязанности по представительству германских интересов), Сазонов не без ехидства рассказывал Фрэнсису, как до него «дошел слух», что новый американский посол — германофил и именно благодаря этому и назначен. Впрочем, продолжал Сазонов, получив опровержение посла Ю. Бахметева, «здешнее правительство ничуть не находится под влиянием этого слуха».[36]

Сазонов умолчал, однако, обо всех обстоятельствах этого дела и о телеграмме, отправленной вслед Фрэнсису, уже отплывшему в Россию, русским военным агентом в США. В ней говорилось, что Фрэнсис «состоит в личных дружеских сношениях с председателем германо-американского союза Генрихом Керстингом, который ведет секретную переписку с некоторыми лицами в Петрограде».[37] Заметим, кстати, что 3 (16) мая, вскоре после первого визита Фрэнсиса к Сазонову, Бахметев все же телеграфировал в Петроград, что «деловые сношения» с немцами у Фрэнсиса до его назначения послом в Петроград, «конечно, имелись».[38] Но, не говоря уже обо всем этом, позиция Фрэнсиса в вопросе об экономических связях с Россией давала основание по крайней мере не относить его к активным приверженцам Антанты. Впрочем, окажись его связи с немцами совершенно реальными, отнюдь не все в Петрограде были бы этим смущены. И возможно, что сарказм Сазонова отражал, помимо всего прочего, еще и напряженность борьбы в Петрограде вокруг внешнеполитического курса.[39]

Проблема экономического сближения с нейтральной Америкой по понятным причинам попадала в число объектов этой борьбы в российских «верхах» по аналогии с тем, как обстояло дело в Америке с вопросом о русском бизнесе. Не далее как за три

---

[35] Фрэнсис — Лансингу, б. д., получено 2 мая (н. ст.), а также от 2 мая (н. ст.) 1916 г.: The Lansing papers, v. II, pp. 309—312.

[36] Фрэнсис — Лансингу, б. д., получено 2 мая (н. ст.) 1916 г.: The Lansing papers, v. II, p. 310.

[37] Телеграмма Ю. А. Бахметева в МИД 25 марта (7 апреля) 1916 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1916 г., д. 53, л. 66.

[38] Там же, л. 92.

[39] Перед первым своим официальным визитом к Сазонову Фрэнсис был неожиданно приглашен к Штюрмеру, премьеру и министру внутренних дел, в чем сейчас же усмотрел признак конфликта между ними. На первой аудиенции у Николая II Фрэнсис счел поэтому необходимым заявить, что, хотя он представляет нейтральную страну, его собственные симпатии на стороне союзников (D. R. Francis. Russia from the American Embassy, pp. 9, 15).

недели до приезда Фрэнсиса советник американского посольства Диринг, беседуя 30 марта (н. ст.) с Сазоновым, не обнаружил с его стороны «никакого противодействия заключению торгового соглашения». Сазонов тогда даже «выразил разочарование тем, что переговоры, которые вел Мари, не были продолжены», хотя и старался избегать решительных заявлений в пользу заключения договора.[40] Изменение в позиции Сазонова было для Фрэнсиса «так удивительно и непонятно», что он стал заниматься поисками причин этого изменения («почтительно намекаю, что не терял времени с момента прибытия утром 20-го») и сейчас же напал на то самое обстоятельство, которое отметил на Уолл-стрите перед отплытием в Россию. Как он теперь убедился и в Петрограде, «определенные круги в Нью-Йорке» заинтересованы в том, чтобы посредницей во всей русско-американской торговле, взимающей с этой торговли «дань», была Англия.

«Со времени моего прибытия сюда мои опасения не рассеялись, я услышал в действительности про многие вещи, подтверждающие подозрения, которые я вынашивал», — сообщал Фрэнсис государственному секретарю. Относительно назначенной на 1 июня в Париже межсоюзнической экономической конференции он считал, что она «инспирирована Англией», которая-де предпринимает «решительную» и «настойчивую» «попытку» занять место Германии в системе внешних экономических связей России и «еще больше» усилить свое влияние, которое и без того «здесь очень сильно». И Барка, и Сазонова Фрэнсис сейчас же по приезде определил как безоговорочных англофилов, а «крайней агрессивности» английского противодействия американской экономической экспансии в России он решил противопоставить игру на антианглийских настроениях, которые уже успел уловить в Петербурге («... здесь существует глубоко укоренившееся негодование против любой страны, занимающей по отношению к России такое положение, какое занимала до войны Германия. Я сделаю все, что смогу, чтобы поддержать это чувство»).[41]

Итак, теперь и Мэрш, и Мезерв могли рассчитывать на активную поддержку своего посольства в Петрограде. Как мы уже указывали, за два дня до заседания Комитета финансов, рассчитывая на заключение большого займа, Мезерв изменил свой взгляд относительно открытия петроградского отделения «Нэйшнл сити бэнк». Его письмо Вандерлипу по этому вопросу,

---

[40] Фрэнсис — Лансингу, б. д., получено 2 мая (н. ст.) 1916 г.: The Lansing papers, v. II, p. 310.

[41] Фрэнсис — Лансингу, б. д., получено 2 мая (н. ст.), а также от 2 и 7 мая (н. ст.) 1916 г.: The Lansing papers, v. II, pp. 309—314. — В письме Лансингу 7 мая Фрэнсис предупреждал государственного секретаря, чтобы в английское посольство в Вашингтоне не просочилось каких-либо сведений о его действиях в Петрограде (The National Archives of the U. S. A microfilm publication. Microcopy 333, Roll 7, cadres 0381—0383).

отправленное 8 (21) марта, представляло собой выразительный документ, ярко и с большей по сравнению с письмами от 6 (19) апреля конкретностью отразивший планы американского капитала в России и трудности, вставшие на пути их осуществления. Если раньше Мезерв считал открытие отделения, «кроме как на широкой основе», «крайне неумным», то за предшествовавшие этому письму полтора месяца он «мало-помалу» изменил свое мнение. «Когда я задавал себе вопрос, — писал он, — зачем „Нэйшнл сити бэнк" хочет открыть здесь свое отделение?, я отвечал на него так: во-первых, чтобы помочь американским экспортерам и импортерам, а также иным представителям американских интересов банковским обслуживанием и созданием системы для сбора русской информации, в чем „Нэйшнл сити бэнк" не может быть сейчас заменен никакой другой организацией. Во-вторых, чтобы прямым или косвенным образом обеспечить для главной конторы банка и различных его отделений новый бизнес как в Америке, так и в России. В-третьих, чтобы помочь обеспечению бизнеса для „Нэйшнл сити компани" и Американской международной корпорации на будущее. В-четвертых, для прямого извлечения прибылей „Нэйшнл сити бэнком" через Петроградское отделение».[42]

Все эти задачи Мезерв считал осуществимыми с помощью Петроградской конторы, которая начала бы свои действия «в небольших размерах» и «на скромных началах», точно так же, как если бы эта контора была учреждена «на самой широкой основе». Скромное начало он считал даже в некотором смысле предпочтительным. Он исходил из того, что действующие в России американские предприятия будут пользоваться петроградским отделением «Сити бэнк» при любых условиях и все они так или иначе откроют в нем свои счета. Что же касается приобретения американским банком русской клиентуры и расширения его собственных операций в России, то тут, вообще не рассчитывая на большие успехи, Мезерв единственно уповал на «выгодность скромного начала». Только таким способом можно было ослабить неизбежно ожидавшееся сопротивление русских банков — вплоть до «частичного бойкота» — открытию в России отделений иностранных банков, «больших и сильных в особенности».[43] А что сопротивление это могло быть весьма эффективным, было совершенно ясно, поскольку, располагая все увеличивавшимися по мере продолжения войны средствами, русские банки, как прямо говорили Мезерву их представители, обладали полной возможностью «позаботиться обо всех предлагавшихся на рынке доброкачественных русских коммерческих бумагах и займах».

[42] Мезерв — Вандерлипу, 8 (21) марта 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 114—115.

[43] Там же.

Сопоставляя и взвешивая «за» и «против» открытия отделения в России, Мезерв учитывал и «неопределенность будущих условий в России», и незначительность риска при «скромном начале», и все еще недостаточную активность американского капитала в русском деле («несмотря на то что никогда еще не существовало столь удивительной возможности для открытия заводов и фабрик в России американскими промышленниками и для денежных вложений прочих американских предпринимателей, лишь очень немногие из них постоянно обосновались здесь с тех пор, как началась война»).[44]

Действительно, если, не принимая в расчет проектов, говорить о реальных делах, то к весне 1916 г. в сфере влияния «Нэйшнл сити бэнк» в России таких дел было всего два.

Первое из них заключалось в установлении влияния банка в русском обществе «Всеобщая компания электричества». Общество это представляло собой, как известно, русский филиал германской «Всеобщей компании электричества» (АЭГ), осуществившей картельный раздел мира с «Всеобщей электрической компанией» США («General Electric»). Но наряду с АЭГ в обществе было и русское участие. И хотя приходилось оно в сущности на долю считавшегося в России во время войны чуть ли не германским Петроградского международного банка, директор которого Шайкевич был председателем правления общества, именно это русское участие и помогло обществу избежать секвестра, и дело ограничилось установлением над ним правительственного надзора.[45] Все три завода общества — небольшой завод в Петрограде, завод в Москве и большой завод, эвакуированный из Риги в Харьков, — выполняли заказы военного ведомства.

Поначалу Мезерв добился открытия русским обществом счета в «Нэйшнл сити бэнк» («действовал два или три месяца, стараясь добиться для вас этого счета»). Поскольку большую часть своего бизнеса русское общество «Всеобщая компания электричества» осуществляло теперь через американскую «Всеобщую электрическую компанию», Мезерв рассматривал открытие счета русского общества как «лазейку», с помощью которой по меньшей мере можно будет «обеспечить» «Сити бэнк» часть банковского бизнеса американской «Всеобщей электрической компании» в Южной Америке и на Востоке. Еще важнее было существование в России «массы великолепных предпринимательских возможностей», которые русское общество «Всеобщая компания электричества» могло использовать вместе с американской «Всеобщей

[44] Там же, лл. 116—117.

[45] Журнал междуведомственного при Министерстве торговли и промышленности совещания по обследованию германских и австрийских предприятий в России. Заседания 15 и 20 января 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 54, л. 10.

электрической компанией» и Американской международной корпорацией. Потому-то Мезерв и советовал своим патронам быть «крайне терпеливыми» по отношению к этому новому делу, хоть оно и принесет на первых порах «скорее неудобства, чем доходы».[46] Этим своим советом Мезерв попал в самую точку, так как из Нью-Йорка последовало в ответ сообщение о том, что «Американская международная корпорация рассматривает вопрос об электрическом деле в России».[47]

А через несколько недель американская «Всеобщая электрическая компания» оказалась держателем 40 тыс. акций русской компании. Произошло это так. Министерство торговли и промышленности решило провести реорганизацию русского общества «Всеобщая компания электричества» с переименованием во «Всеобщую электрическую компанию». Акционеры ликвидируемой «Всеобщей компании электричества» должны были обменять свои акции на акции вновь учреждаемой компании. В роли учредителя нового акционерного общества официально выступило само министерство. Сорок тысяч акций предоставлялось Международному банку.[48] Такое же число акций нового общества на сумму в 3 млн руб. получила по договору с Министерством торговли и промышленности, действуя через «Нэйшнл сити бэнк», американская «Всеобщая электрическая компания».[49] И если усиленно дебатировавшийся тогда в печати вопрос, не выступал ли Международный банк в качестве негласного представителя АЭГ, выглядит спорным хотя бы потому, что его связи с Германией были по крайней мере затруднены, то для американской «Всеобщей электрической компании» не существовало, разумеется, никаких препятствий, мешавших выполнять старое соглашение с немцами, согласно которому Россия была сферой влияния АЭГ. «Деловая услуга» немецким капиталистам со стороны их американских партнеров, широко пользовавшихся нейтральным юридическим статусом США, была в этом деле весьма вероятна. Впрочем, у нас нет никаких данных относительно того, что американская компания ее оказала, а не воспользовалась случаем, чтобы самой

---

[46] Мезерв — Вандерлипу, 13 февраля 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 112—113.

[47] Р. Дин — Мезерву, 24 марта 1916 г. (н. ст.): там же, д. 24, л. 76.

[48] Проект письма Особого делопроизводства по правительственному надзору за торгово-промышленными предприятиями Петроградскому международному банку, не ранее 5 июня (ст. ст.) 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 681, л. 99. — Первоначально предполагалось привлечь к участию в новом обществе финансовую группу Коншина—Второва, но затем Министерство торговли и промышленности оставило за собой право привлечь другую финансовую группу.

[49] Проекты телеграммы Особого делопроизводства петроградскому представителю «Нэйшнл сити бэнк» об уплате денег (датирован маем, б. г.) и удостоверения в поступлении от «Сити бэнк» указанных денег (не ранее 24 июня 1916 г., ст. ст.): ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 681, лл. 97—98.

закрепиться в России. Электрическое дело оказалось, для «Нэйшнл сити бэнк» таким, которое само шло в руки.

Так же было и со вторым делом — экспортом в США кожевенного сырья, который Мезерв попытался наладить вопреки запрету русского правительства.[50] Он вошел с этой целью с связь с англичанином А. Стопфордом, имевшим «чрезвычайно надежный ход в Военное министерство», а также ко двору и состоявшим в коротких отношениях с Сазоновым. За обеспечение разрешения русских властей на вывоз кожи Мезерв и Стопфорд рассчитывали получить полмиллиона рублей комиссионных. Но как ни надеялся Мезерв, что его связь со Стопфордом серьезно послужит общему усилению экспансии американского капитала в России («У меня такое чувство, будто я случайно наткнулся на важную не признанную доселе статью актива», — писал Мезерв, завязав знакомство со Стопфордом), в действительности ничего большего из этого не проистекло.[51]

---

[50] Положение русского кожевенного рынка оказалось во время войны крайне тяжелым. Усиленный забой скота (около 8 млн голов против годичной нормы в 4 млн, что подрывало основы животноводства), создавал в силу качества забиваемого скота (с преобладанием молодняка) избыток легкого сырья. Тяжелого, подошвенного сырья, которое до войны поставлялось из Германии, наоборот, не хватало (доклад Русско-Американской торговой палаты «Русский кожевенный рынок в 1916 г.»: ЦГИА СССР, ф. 29, оп. 1, д. 916, лл. 1—9). Возникли планы «обмена легкого на тяжелое сырье» с Америкой. Помимо тяжелого подошвенного сырья, речь шла о завозе из США обуви и мягкого товара (выделанного). Что касается обуви и мягкого товара, то в их вывозе американцы были явно заинтересованы. А с подошвенным сырьем дело обстояло иначе: Русско-Американская торговая палата имела с американской стороны предложение — вместо легкого сырья вывозить в Россию выделанную подошвенную кожу, которая для нужд армий уже была закуплена интендантством в Америке в большом количестве и регулярно поставлялась. Между тем на специальном совещании по вопросу о кожевенной торговле с Америкой в Русско-Американской торговой палате отмечалось, что, «заглядывая в будущее», с точки зрения развития русской кожевенной промышленности «в высшей степени важно иметь не подошву, а американское тяжелое сырье». Кожевенные фабриканты, напуганные возможностью американской конкуренции, заговорили даже о том, что «сделать Россию колонией какой-нибудь страны преступно», и т. п. (Журнал совещания по вопросу о кожевенной торговле с Америкой в Русско-Американской торговой палате (1916 г.): ЦГИА СССР, ф. 29, оп. 1, д. 916, лл. 13—15). Но на пути к организации обмена существовали трудности и с русской стороны — правительственный запрет на вывоз некоторых видов сырья как имеющих военное значение. Этой-то ситуацией и воспользовался Мезерв. Коль скоро обмен легкого сырья на тяжелое не налаживался и запрет не снимался, он решил организовать вывоз из России легкого кожевенного сырья для американских фирм по специальным разрешениям.

[51] Мезерв — Мак-Робертсу, 1 (14) декабря 1915 г.; Мезерв — Г. Хинтону, 1 (14) декабря 1915 г.; Дженкинсон — Мезерву, 30 июня (13 июля) 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 376, 238, 283—284; Стопфорд — Мезерву и Мезерв — Стопфорду, 27 июня (10 июля) 1916 г.: там же, д. 24, лл. 399—400.

Между тем кампания в американской печати за «поход в Россию» продолжалась. Еще «много лет пройдет» прежде, чем Россия, пробудившаяся от «летаргии столетий», сумеет развить свою промышленность, — таков был лейтмотив этой кампании. Из этого известный американский журналист Стэнли Уошберн, проведший в России почти полтора года, заключал, что в России американцы имеют возможность создать для себя такой рынок, который превзойдет Китай и Южную Америку вместе.[52] Ему вторил в органе Национальной ассоциации промышленников «Амэрикен индастрис» руководитель созданного в НАП отдела по торговле с Россией У. Айзенмен: «Никогда еще перед американскими промышленниками и экспортерами не было такой возможности, как та, что ныне существует для них в России».[53] Старые мотивы звучали с новой силой. Разрыв между широковещательными авантюристическими планами и реальной действительностью все углублялся.

■

В мае 1916 г. предстоял приезд в Россию обоих вице-президентов «Нэйшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» С. Мак-Робертса и Ч. Рича. Мезерв развивал значительную активность, но к предстоящему приезду патронов ему в сущности нечего было им предъявить. К тому же конкурировавшие с Мезервом агенты «Гаранти траст компани», действовавшие теперь в Петрограде уже целой «толпой», были «активны, как всегда», и Мэрш, главный представитель «Гаранти траст», продолжал «держаться не совсем по-джентльменски».[54] А между тем было совершенно ясно, что открытие русского отделения банка возможно лишь после «подписания первого займа или первой железнодорожной концессии».[55]

Мак-Робертс и Рич появились в Петрограде 2 (15) мая. А уже через два дня в Америку отправился один из служащих «Сити бэнк» с разработанными Мак-Робертсом и Ричем условиями кредита. Столь стремительный темп объяснялся, не только сверхдело-

---

[52] Harper's Welkly, v. LXII, February 5, 1916, p. 126. Цит. по: G. C. Kohlenberg. Russian-American economic relations, 1906—1917. Urbana, Univ. of Illinois, 1951 (microfilm), p. 218.

[53] American Industries, v. XVI, April, 1916, p. 28. Цит. по: G. C. Kohlenberg, ук. соч., стр. 219.

[54] Мезерв — Р. Дину, 7 (20) апреля 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 147—149. — Мэрш с ведома Мезерва телеграфировал Сэбину в Нью-Йорк, что договорился с петроградскими представителями «Сити бэнк» об условиях совместного большого займа, и требовал срочно добиться согласия правления «Сити бэнк» на эти условия (телеграмма Мэрша Сэбину, скопированная рукой Мезерва, датирована апрелем 1916 г.: там же, д. 24, л. 245).

[55] Мезерв — Вандерлипу, 7 (20) апреля 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 135.

витостью руководителей крупнейшей американской банковской монополии, но и некоторыми полуофициальными маневрами русской стороны, осуществленными весьма опытным дипломатом, старым сотрудником С. Ю. Витте, в частности по Портсмутской конференции, И. Я. Коростовцом.

После первой же встречи с Барком, в которой участвовал Коростовец, состоявший членом совета министра иностранных дел, американцы пригласили его к себе на обед и начали осторожные попытки заручиться его содействием. Коростовец вел свою роль очень умело. Убедившись, что его собеседники, не договорившись о предоставлении займа, уезжать не собираются, он стал с показной откровенностью обсуждать с американцами, как добиться поддержки министра финансов, и даже нарочито «наивно» просил у Мак-Робертса и Рича совета, как действовать ему самому. Американцы, совершенно покоренные Коростовцом, принялись советовать и лишь «по зрелом размышлении» поняли, что, делая это, они поступали в полном соответствии с английской пословицей — «возили уголь в Ньюкэстль».[56]

Истинный смысл действий Коростовца состоял в том, чтобы, расположив к себе американцев, внушить им взгляд русских правительственных сфер на вопрос о привлечении американского капитала. Судя по письму Мак-Робертса и Рича в Нью-Йорк, это в значительной степени удалось. Упомянув о стараниях Фрэнсиса добиться заключения торгового договора, Мак-Робертс и Рич выражали свое сомнение в их успешности, так как с русской стороны энтузиазма на этот счет они не отмечали. Совсем иным изображали они отношение русской стороны (речь шла об официальных кругах) к притоку американского капитала, который рассматривается-де как «вещь в высшей степени желательная». «Несомненно, — писали они, — что здесь имеются большие возможности, и, хотя мы еще не провели внимательного исследования, которое надеемся предпринять, и не имеем еще вполне определенного мнения, мы пришли к глубокому убеждению, что здесь подходящее место для отделения банка и очень значительное место для Американской международной корпорации».

Что все эти взгляды были усвоены Мак-Робертсом и Ричем в течение первого же дня пребывания в России под непосредственным влиянием Барка и Коростовца, — совершенно ясно. Но и при всем том обнаруженная руководителями банка заинтересованность в «русском деле» представляется совершенно исключительной, значительно превосходя даже наиболее далеко идущие из числа агентских планов Мезерва. Достаточно сказать, что в своем первом письме из России они не только подчеркивали «важность завоевания здесь Америкой достаточно сильной пози-

[56] Мак-Робертс и Рич — Вандерлипу, 3 (16) мая 1916 г.: там же, д. 23, лл. 348—354.

ции», но и объявляли осуществление американского займа России, в сущности совсем незначительного по проектировавшейся его сумме, «жизненно важной для Америки целью».[57] «Сити бэнк», — писали они, имеет «возможность сделать нечто такое, что открыло бы ему широкий доступ в Россию» благодаря его «превосходной репутации в правительственных сферах».[58] Убедившись, что именно расположение правительства является в России решающим фактором для полного успеха всех их замыслов — и не только в кредитной сфере, — Мак-Робертс и Рич решили пойти ему навстречу и снять, наконец, требование двойного обеспечения. Они приняли это решение с совершенно молниеносной быстротой, считая, что «как для „Нэйшнл сити бэнк", так и для Американской международной корпорации весьма важно совершить что-нибудь существенное, причем сделать это побыстрее».[59] Снятие требования двойного обеспечения влекло за собой отказ американцев от проведения большого займа на прежних основаниях. Впрочем, Барк теперь уже и не рассчитывал «на совершение в Соединенных Штатах кредитной операции на обычных условиях» ввиду «спекулятивного настроения американского рынка». «Не считаться с такой психологией финансовых сфер Америки, сознающих, что страна их с каждым дальнейшим днем войны становится все в более выгодное положение по отношению к сражающимся державам, принужденным использовать все свои денежные ресурсы, нельзя», — указывалось в представлении министра Комитету финансов 20 мая.[60]

Письмо Мак-Робертса и Рича Вандерлипу в сущности подтверждало оценку состояния американского денежного рынка, данную русским министром финансов. Вместо займа обычного облигационного типа Мак-Робертс и Рич решили предложить Министерству финансов от имени синдиката американских банков с «Нэйшнл сити бэнк» во главе 100 млн долл. сроком на три года в обмен на рубли по курсу 3 руб. 30 коп. — 3 руб. 50 коп. за доллар (позже сумма займа была снижена до 50 млн долл.). Американцы предпочитали, чтобы причитающаяся им сумма в рублях поступила в Петроградское отделение «Сити бэнк», которое вложило бы ее в ценные бумаги частных компаний с правительственной гарантией («это, конечно, сразу же поставило бы нас в здешнем банковском мире на широкую ногу и создало бы нам такую репутацию, которая весьма пригодилась бы в будущем»).[61]

---

[57] Там же.
[58] Там же.
[59] Там же.
[60] ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1405, ч. III, лл. 3—9.
[61] Мак-Робертс и Рич — Вандерлипу, 3 (16) мая 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 348—354.

Но так как с проведением операции решено было поторопиться, а открытие отделения в Петрограде было делом отнюдь не моментальным, Мак-Робертс и Рич предлагали открыть синдикату специальный счет в рублях в Государственном банке из 7—8%, дополнительным обеспечением которого служили бы выданные синдикату обязательства Государственного казначейства в долларах. Помимо высокого процента по рублевому счету, американцы потребовали гарантии русским правительством курса рубля, чтобы избежать каких бы то ни было потерь в случае его падения, и это несмотря на русское обязательство вернуть через три года 50 млн в долларах. С другой стороны, синдикат рассчитывал на дополнительную прибыль в случае повышения курса рубля, причем столь значительную, что даже соглашался делить ее с русским правительством. Весьма выгодным для американской и невыгодным для русской стороны было право синдиката в любой момент до истечения трехлетнего срока снимать суммы с рублевого счета или вовсе его ликвидировать.

Откровенно гордясь своей предстоящей коммерческой удачей, Мак-Робертс и Рич писали Вандерлипу: «Как Вы без труда увидите, этот план обеспечивает осуществление такого займа, который нам представляется абсолютно верным делом из превосходного процента, даже если не рассчитывать на прибыль от повышения курса рубля, да еще с такой возможностью для спекуляции, которая кажется нам отличной».[62]

Синдикат оставлял себе и другую возможность использования в своих интересах повышения курса рубля — право полностью ликвидировать операцию по договорному курсу, что при повышении курса рубля было бы ему весьма выгодно. Барк все это прекрасно понимал. Его оценка американских условий в представлении Комитету финансов выглядит словно заимствованной из цинично радостного письма Мак-Робертса и Рича Вандерлипу. «По самому существу своему предложение Национального банка, — указывалось в представлении, — является сделкой

[62] Там же. — «Например, если война кончится в течение года, — рассуждали Мак-Робертс и Рич, удостоверившись уже, видимо, в Петрограде относительно связи между предлагавшейся ими финансовой операцией и военно-политическими планами царизма, — и Россия начнет вывозить не только то, что она обычно экспортировала, но и накопившиеся здесь большие товарные запасы, это должно немедленно сказаться на курсе рубля. Как нам теперь известно, при кредитовании России Англией существует договоренность, что по окончании войны Англия консолидирует эти кредиты в долгосрочные займы. А раз необходимость в платежах по этим кредитам отпадает, то влияние широкого экспорта на повышение курса рубля может быть весьма значительным. Повышение курса на 10% при делении прибыли от этого повышения пополам означало бы для участников займа прибыль примерно в 25%. Если бы дело продолжалось таким же образом, то на второй год участники займа получили бы около 15%, а на третий — около 12%».

спекулятивной, в которой выгоды получает главным образом одна сторона и не несет при этом никакого риска».[63] Право ликвидации сделки Барк считал «чрезвычайно важным преимуществом для синдиката», которое будет им использовано, если рубль будет повышаться. «При таких условиях, — считал министр, — операция сведется к чисто валютной, а не кредитной, которая для нас представляет наибольший интерес. С другой стороны, при понижении курса и, следовательно, ухудшении финансового положения России синдикат потребует через три года уплаты 50 млн долл., и нам придется для погашения долга или заключать заем при неблагоприятных условиях, или же выслать золото».[64]

Одним из первых действий Мак-Робертса и Рича была попытка избавиться от конкуренции «Гаранти траст компани». В этом Барк сейчас же пришел им на помощь, понимая, что теперь «Нэйшнл сити бэнк» с предоставлением займа не замедлит. Он заявил, что не станет проводить операцию Ашберга, пока не будет иметь средств для ее ликвидации. Его посетители правильно поняли, что предпочтение министра уже отдано «Нэйшнл сити бэнк», и решили ограничиться тем, чтобы выговорить у Барка предоставление Ашбергу и «Гаранти траст» права размещения русских заказов в США на 25 млн долл. Решив за «Гаранти траст» судьбу ее русской операции, Мак-Робертс и Рич не без лицемерия писали Вандерлипу: «При таких условиях в Америке был бы лишь один русский заем, и это оставило бы для „Гаранти траст“ открытым путь для широкого сотрудничества с нами».[65] Помимо «Гаранти траст», Мак-Робертс и Рич надеялись на вхождение в синдикат Моргана. «Это действительно жизненно важная для Америки цель, и, если Морган и „Гаранти траст“ к нам присоединятся, нам представляется, что 100 млн долл. должны будут легче разойтись прямо в Нью-Йорке, так как это очень хорошее капиталовложение», — писали они.

Таким образом, «жизненно важную для Америки цель» руководство «Нэйшнл сити бэнк» видело прежде всего в том, чтобы провести первую русскую кредитную операцию в США под своей эгидой силами трех крупнейших нью-йоркских банковских монополий. Мак-Робертс и Рич выступали в этот момент в качестве эмиссаров американского капитала в целом, заботясь об открытии американского денежного рынка для русского кредита и закреплении России на этом рынке. С этой целью они побудили посла Фрэнсиса, который, как они осторожно заметили, «начинал

[63] Представление Барка Комитету финансов 20 мая 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1405, ч. III, лл. 3—9.
[64] Там же.
[65] Мак-Робертс и Рич — Вандерлипу, 3 (16) мая 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 348—354.

сознавать важность приобретения здесь Америкой достаточно сильного положения», написать несколько таких писем в США о перспективах американского капитала в России, которые имели бы рекламное значение и облегчили размещение среди американских капиталистов русских ценностей.[66]

Именно виды и обещания на будущее, как это бывало и на предшествовавших этапах переговоров, главным образом повлияли на Барка, который вместе с Сазоновым решал вопрос о новом американском предложении. Чтобы уяснить себе позицию правительства США по отношению к кредитованию России и степень остроты англо-американских противоречий в связи с этим делом, 5 (18) мая они отправили Коростовца в американское посольство к Фрэнсису, перед которым прежде всего был поставлен вопрос о его отношении к займу. Фрэнсис должен был, естественно, сказать, что его правительство в займе не заинтересовано и не может взять на себя в связи с ним каких-либо моральных обязательств, но тут же принялся объяснять Коростовцу, что такое «Нэйшнл сити бэнк» и «те, кого он представляет», и «выразил мнение» о крайней желательности займа.[67] Тогда Коростовец стал выяснять, не боятся ли в США возможного недовольства Англии. «Англия финансирует Россию, — сказал он, — и ей может не понравиться такой заем без ее посредничества». Фрэнсис, задетый упоминанием об английской конкуренции, парировал вопрос Коростовца, заявив, что у Англии «нет оснований для посредничества», так как ей самой вместе с Францией американцы ссудили полмиллиарда долларов. Естественно, что Коростовец «полностью согласился» с Фрэнсисом и отправился составлять доклад об американском займе, порученный ему Барком и Сазоновым.[68]

23 мая (5 июня) представление министра финансов «О совершении в Америке кредитной операции» рассматривалось Комитетом финансов. В результате переговоров с Мак-Робертсом и Ричем изложенные в представлении условия синдиката приняли следующую окончательную форму. Сумма операции составляла 50 млн долл. (150 млн руб.), из коих половина — 25 млн долл. — предназначалась для оплаты заказов, произведенных при посредстве компании Ашберга. Прибыль от повышения курса рубля свыше $33^1/_3$ центра должна была делиться поровну между синдикатом и Министерством финансов. Процент по рублевому счету составлял $7^1/_2$% годовых. Синдикат получал опцион на приобретение в счет 150 млн руб. $5^1/_2$-процентных обязательств Государственного казначейства в долларах сроком на 5 лет по

[66] Таково, очевидно, происхождение широко известных в литературе писем Фрэнсиса в госдепартамент о выгодности русского рынка.

[67] Фрэнсис — государственному секретарю, 20 мая 1916 г. (н. ст.): The Lansing papers, v. I, p. 149.

[68] Там же.

курсу 94¾% с особой комиссией (4½%), а также обещал принять «все зависящие от него меры» для размещения в США обязательств Государственного казначейства на 50 млн долл. с опционом еще на 100 млн. При всех изменениях оценка, данная Барком американским условиям в первом их варианте, в основной своей части сохраняла полную силу. «Обычно, — указывалось в представлении, — валютный краткосрочный заем делается лишь в те моменты, когда прямая покупка валюты обошлась бы слишком дорого и представляется более выгодным оплатить проценты по займу, учитывая в будущем возможность купить затем по дешевой цене валюту в погашение долга. В предлагаемой же нам американской операции мы платим хотя и ниже существующей, но все же высокую цену за валюту[69] и независимо от сего высокий процент по займу».[70]

Эту свою далеко не оптимистическую оценку американских условий Барк дополнил обещанием поторговаться с представителями синдиката (относительно процентов по рублевому счету и выпускного курса обязательств Государственного казначейства). И хотя на заседании Комитета Барк заявил, что последние условия операции выгоднее России, чем первоначальные, «так как министру финансов удалось добиться существенных уступок», Комитет отклонил условия синдиката, признав их «дорогими и сложными ввиду соединения валютной сделки с кредитной операцией», и отметил, что «наиболее желательная для казны» часть операции — выпуск обязательств Государственного казначейства — условиями синдиката вовсе не гарантируется. Тем не менее Комитет признал американский заем «крайне желательным» «по общеполитическим соображениям» и поручил Барку продолжать переговоры с американцами с целью дальнейшего улучшения условий.[71]

Резонно предположить, что результаты заседания Комитета финансов Барк с самого начала намеревался использовать в качестве решающего аргумента в дальнейших переговорах с Мак-Робертсом и Ричем: недаром вопреки обыкновению не был составлен журнал прошедшего 23 мая заседания и лишь после одобрения условий займа на проведенном 26 мая следующем заседании появился объединенный журнал. Но американцы стояли теперь на своем. О результатах первого заседания им было сообщено в тот же или на следующий день, но они заявили, что, хотя и согласны сделать телеграфный запрос в Нью-Йорк об измене-

---

[69] Курс доллара в рублях определялся в представлении на момент его составления в 3 р. 13 к., синдикат предлагал сделать договорным курсом 3 руб. за доллар.

[70] Представление Барка Комитету финансов 20 мая 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1405, ч. III, лл. 3—9.

[71] Журнал заседаний Комитета финансов 23 и 26 мая 1916 г., утвержденный царем 1 июля 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 4—7.

нии условий, «не рассчитывают на какой-либо успех» и через несколько дней покидают Петроград для поездки по России. На следующий день после заседания, 24 мая (6 июня), из Нью-Йорка на имя Мак-Робертса были отправлены одна за другой две телеграммы, явно предназначенные для предъявления Барку и сохранившиеся в копиях в фонде общей канцелярии министра финансов. Первая была совершенно оптимистичной: «Группа относится к предложению благоприятно. Составляем синдикат. Окончательный ответ телеграфируем, как только это будет возможно».[72] А вторая представляла дело совсем в ином свете. В ней сообщалось о «появившемся затруднении в формировании синдиката» и многозначительно подчеркивалось, что «Гаранти траст компани» действует в контакте с «Нэйшнл сити бэнк» (чтобы в Петрограде не возлагали больше никаких надежд на конкуренцию между ними). «Как Вам известно, — гласила заключительная фраза телеграммы, — чтобы вызвать здесь интерес, необходимы самые лучшие изо всех возможных условий».[73]

Барк, казалось, и так перестал уже торговаться с Мак-Робертсом и Ричем относительно условий. В тот же день, 24 мая, т. е. через сутки после заседания 23 мая, было готово новое представление Комитету финансов, в котором Барк вторично предлагал принять американские условия. Но к заседанию Комитета, состоявшемуся 26 мая, Барк выторговал все-таки существенную уступку в совершенно неожиданном, на первый взгляд, пункте. Мак-Робертс и Рич с легкостью предали «Гаранти траст», прочным союзом с которой только что похвалялись перед Барком, и на заседании Комитета министр мог сообщить, что «синдикат соглашается не ставить в связь проектируемую операцию с предоставлением заказов Русской Шведско-Азиатской компании».[74] Анализ представления от 24 мая подтверждает, как нам кажется, мысль о том, что итог заседания Комитета финансов 23 мая, которое как бы отвергло американские условия, Барк пытался использовать перед американцами в качестве доказательства непреклонности русской стороны. Иначе трудно объяснить отсутствие в первом представлении Барка тех аргументов в пользу совершения американского займа, которые появились во втором его представлении. Барк вышел теперь далеко за рамки рассмотрения существа американского предложения, поставив его в связь с общим валютным положением России и переговорами о специальном займе для поддержания курса рубля, которые он вел в Англии и о которых ни словом не обмолвился в первом своем представлении.

---

[72] ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1405, ч. III, л. 50.
[73] Там же.
[74] Журнал заседаний Комитета финансов 23 и 26 мая 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 4—7.

Сопоставление приведенных Барком сведений и соображений о валютной проблеме с заключениями современного советского исследователя этого вопроса[75] показывает, что представление весьма точно отражало действительность и было, по-видимому, на сей раз составлено безо всяких задних мыслей, а с единственной целью — поскорее заключить американский заем. «Общие соображения о совершенно срочных задачах в области валютной политики, требующих немедленного разрешения», сводились к следующему. Для поддержания курса рубля существовал, по мнению Барка, только один путь — сосредоточение всех валютных операций в Министерстве финансов. Однако для этого Министерству нужна была валюта, чтобы удовлетворять требования импортеров, частных лиц и т. д. Открытые союзниками русскому правительству кредиты при всей значительности их сумм непосредственного влияния на свободный рынок валюты не оказывали, так как уходили на расчеты по военным заказам и займам и не оставляли Министерству финансов средств для снабжения валютой свободного рынка. А от специального содействия в этом вопросе министры финансов союзных держав «решительно уклонялись».[76] Полученные все же на эти цели кредиты от Французского банка в 500 млн франков и от Английского банка в 10 млн ф. ст. ушли на погашение довоенной задолженности русских предприятий. С большим трудом добытые в Английском банке еще 10 млн ф. ст. свободной валюты дали Министерству возможность «монополизировать валютные сделки», создав при Кредитной канцелярии специальный Расчетный отдел.

Но теперь 6 млн были уже израсходованы, и Барк пугал Комитет финансов «необходимостью ликвидировать Расчетный отдел», что повлечет за собою «крайне тяжелые и даже трудно предвидимые ныне последствия», которые в конечном итоге «могут быть катастрофическими». С полной откровенностью Барк заявлял, что важнейшей причиной «дальнейшего падения стоимости рубля» и «дезорганизации валютного рынка» явятся действия самого правительства — «усиленные выпуски кредитных билетов в связи с дальнейшим учетом в Государственном банке краткосрочных обязательств Государственного казначейства на три миллиарда рублей» (несложное чисто формальное ухищрение, которое придавало безостановочной эмиссии видимость законности). «При таких условиях, — подчеркивал Барк, — поддержание курса на иностранную валюту, являющегося ныне главнейшим элементом в определении внутренней стоимости нашего рубля, становится делом первостепенной важности и выходит

[75] См.: А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960, стр. 330—336.

[76] Представление Барка Комитету финансов 24 мая 1916 г. «О совершении кредитной операции в Америке»: ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1405, ч. III, лл. 10—15.

далеко за пределы международных валютных расчетов, влияя в огромной степени на наш внутренний экономический оборот».[77]

Поскольку специальный заем для разрешения валютной проблемы по неуклюжему, но определенному выражению автора представления являлся «неизбежно необходимым», то Барк, как теперь оказалось, «заблаговременно» начал об этом переговоры в Англии и уже мог представить Комитету финансов две телеграммы от директора Кредитной канцелярии К. Е. фон Замена из Лондона с изложением условий Английского банка.[78] Сравнивая эти условия с американскими, Барк приходил к выводу, что они «чрезвычайно тяжелы», и потому отдавал предпочтение американским. Дело было главным образом в том, что Английский банк требовал двойного обеспечения, а американцы, всего несколько дней как снявшие такое требование, пожинали теперь плоды своей уступки. Но Барк придавал своему выбору гораздо более серьезное значение, нежели чисто конъюнктурно-коммерческое. Рассматривая «особенно невыгодные условия кредита, предлагаемые ныне Англией», как важный симптом, он проводил все ту же, что и прежде, мысль о необходимости открытия для русского кредита денежного рынка США. Смысл его рассуждений был таков. Необходим пусть пока незначительный, но обязательно нейтральный источник средств, так как достать денег в Англии на невоенные нужды фактически невозможно. Да и вообще в условиях «полнейшей» и «чрезвычайно тяжелой» финансовой зависимости от союзников «кредитование России у одних только союзных держав становится все более затруднительным». Потому-то Барк и считал «настоятельно необходимым хотя бы ценой известных жертв завязать незамедлительно кредитные отношения с Америкой путем валютной сделки с могущественным синдикатом, которая может быть началом дальнейших крупных операций».[79]

Это поразительно настойчивое стремление к небольшому по сумме займу (Комитет финансов в предыдущем своем заседании отметил в качестве одного из недостатков американских условий незначительность суммы, и Барк теперь доказывал, что при существующих ограничениях импорта 50 млн долл. и оставшихся 4 млн ф. ст. могло бы хватить до конца года) с готовностью даже к «жертвам» ради его заключения весьма примечательно. Совершенно очевидно, что попытка «эмансипироваться» от союзных кредитов с помощью американского капитала была рассчитана не только на то, чтобы продержаться до конца года в деле регулирования валютного рынка. Что касается самого Барка, то он вскоре после заключения американского займа собирался в Лон-

---

[77] Там же.
[78] Там же, лл. 16—19. Обе телеграммы не датированы.
[79] Там же, лл. 10—15.

дон для переговоров о дальнейших английских кредитах и для него «эмансипация» была прежде всего средством достижения его целей в Англии.

Но для придворной группы, обычно связываемой с именами Распутина, Штюрмера и императрицы, в настойчивости, с которой Министерство финансов добивалось американского займа, был свой, более глубокий, смысл. В этом кругу всякая попытка «эмансипации» от союзников в финансовой сфере неизбежно должна была ставиться в связь с помыслами о выходе из Антанты, о сепаратном мире с Германией. По расчетам дворцовых «миротворцев», он должен был покончить с революционной угрозой в стране. Но, с другой стороны, даже эти помыслы (не говоря уже о реальных шагах к сепаратному миру) неизбежно должны были вызвать целую бурю в среде буржуазной оппозиции, в некоторых кругах правых, в офицерской среде и т. д. Между тем обитатели царскосельского дворца, на свой лад понимавшие природу происходивших в стране событий, видели непосредственную для себя опасность прежде всего со стороны думской оппозиции. Разгон Думы, являвшийся заветной мечтой императрицы, должен был предшествовать любым поворотам внешнеполитического курса.

Одновременно вынашивались планы борьбы с массовым революционным движением, наивные надежды пацифизировать трудящиеся массы своего рода «общественными работами». В. Семенников, известный в 20-х годах советский историк, отметил хлопоты Александры Федоровны об осуществлении большого внутреннего займа для развертывания железнодорожного строительства.[80] Характерно, что в переписке царя и царицы эта тема непрерывно фигурировала именно в течение мая, развиваясь как бы параллельно переговорам об американском займе. Что речь шла о подготовке к «царскому миру», а самый замысел был не нового происхождения и преследовал цели социального умиротворения, отчетливо видно из первого же письма царицы от 26 апреля, в котором был поднят этот вопрос. «Таким образом, — писала она, — найдется работа для наших запасных, когда они вернутся с войны, и это задержит их возвращение в свои деревни, где скоро начнется недовольство — надо предупредить истории и волнения... Мы с тобой уже думали об этом, помнишь?».[81] В письмах, которыми обменивалась императорская чета, легко заметить стремление связать это угодное буржуазии дело с именем царицы и тем самым несколько ослабить нападки, которым она подвергалась в буржуазных кругах. Отме-

---

[80] В. Семенников. Романовы и германские влияния. Л., 1929, стр. 80—82.

[81] Там же, стр. 80—81. Переписка Н. и А. Романовых, т. IV, М.—Л., 1926, стр. 222.

тим, что социально-умиротворительные планы Александры Федоровны летом стали известны Фрэнсису. «Придворная партия империи (не следует ли читать: императрицы? — *Р. Г.*) готовится противодействовать либеральному движению со стороны народа, которого они опасаются после окончания войны», — сообщал он Лансингу.[82]

В. Семенников ошибочно полагал, что в займе, о котором вела речь царица (он был выпущен в сентябре 1916 г.), принимали участие и американцы. Он основывался при этом на рассказе Протопопова в Чрезвычайной следственной комиссии, в котором Протопопов на самом деле имел в виду переговоры 1915 г.[83] Но сама ошибка В. Семенникова была не случайна: так долго носилась в воздухе идея участия американского капитала в железнодорожном строительстве и так часто оказывались с ней связанными различные железнодорожные проекты. Упомянутое Семенниковым срочное составление Министерством путей сообщения плана железнодорожного строительства, предпринятое сейчас же после того, как императрица занялась этим вопросом, вызвало к жизни большое число соображений и проектов, особенно в буржуазных кругах, в частности в недрах Совета съездов представителей промышленности и торговли, крупнейшей предпринимательской организации русской буржуазии. Среди этих проектов был и подлежавший рассмотрению в Комиссии о новых железных дорогах 7 июля проект строительства второй Петроград-Уральской дороги. Предпринимателем выступал инженер Б. Е. Долгов. Инициаторам строительства удалось, по их словам, «привлечь к проектируемой Петроград-Уральской ж. д. интерес серьезных американских денежных и деловых кругов», и «поэтому рассмотрение новой дороги было двинуто с совершенно необычной быстротой». «Главным в этом деле» считалось то, что оно, «несомненно, явится не последним объектом приложения американских капиталов в России», и потому дает возможность «подумать, на какие железнодорожные предприятия, необходимые для Урала, следовало [бы] направить в будущем внимание американцев».[84]

К первой половине 1916 г. относился и более общий «план привлечения свободного американского капитала» к железнодорожному строительству после войны. Этот план предусматривал

---

[82] Фрэнсис — Лансингу, 25 июля (н. ст.) 1917 г.: The Lansing papers, v. II, p. 316.

[83] В. Семенников, ук. соч., стр. 82; Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, т. IV. М.—Л., 1927, стр. 32—33, 49 и сл.

[84] Записка без подписи не позднее 7 июля (ст. ст.) 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 32, Совет съездов представителей промышленности и торговли, оп. 1, д. 666, лл. 85—86, 83—84.

создание «группой серьезных русских банков» Главного общества железнодорожных сооружений, которое сосредоточило бы в своих руках с помощью американского капитала и американской промышленности, при участии французских банков, все железнодорожное строительство в послевоенной России — казенное и частное, объединив его со строительством и эксплуатацией металлургических предприятий.[85]

Этим не состоявшимся в конце концов проектам, может быть, и не следует придавать большого значения, но нельзя не отметить, что правительственные переговоры с американскими банками на всем их протяжении велись, так сказать, на «железнодорожной» основе. И даже теперь, в мае 1916 г., когда согласованные условия американского займа приняли совсем иной, никак не связанный с железнодорожным делом характер, рубли со специального счета решено было употребить опять-таки на железнодорожное строительство.[86] Так что В. Семенников, хоть он с фактической стороны и ошибся, в целом был не так уж неправ, ибо отмеченная им связь между планами «царского мира» и переговорами об американских займах была совершенно реальна.

Но не противоречит ли этой точке зрения на американскую финансовую операцию исключение из числа ее участников Олафа Ашберга? Вопрос этот неизбежно возникает, если принять во внимание, что всего через несколько недель Ашберг оказался если не устроителем попытки взаимного русско-германского зондажа в Стокгольме, то ближайшим ее участником. Оказывается, что исключение Ашберга из операции «Нэйшнл сити бэнк» было проведено с русской стороны с полным вниманием к германо-американским связям этого русско-шведского банкира: ему была предоставлена возможность самым выгодным образом возместить себе неучастие в государственном займе. 26 мая (8 июня) Комитет финансов утвердил условия операции «Сити бэнк», и в тот же день Ашбергу были отправлены или вручены (он находился, очевидно, в Петрограде) три письма одного из крупнейших магнатов капиталистической России военных лет К. И. Ярошинского. Первое из писем Ярошинского содержало итоги их с Ашбергом переговоров. Они сводились к тому, что «группа американских капиталистов» через посредство Ашберга бралась предоставить «группе русских промышленников» во главе с Ярошинским «капиталы в размере до ста миллионов рублей» сроком на 5 лет. В качестве обеспечения ашберговской группе предлагались «паи сахарных предприятий, фактически находящихся под контролем группы русских промышленников (т. е. группы Ярошинского, —

[85] Записка без подписи, не ранее начала и не позже середины 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 666, л. 103—114.

[86] Представление Барка Комитету финансов 24 мая 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1405, ч. III, лл. 10—15.

Р. Г.), что с имеющими еще примкнуть к группе сахарными заводами должно составить около 50% всех заводов русской сахарной промышленности, а также акции разных русских коммерческих и промышленных предприятий, закладные на уже существующие и приобретаемые земли, фабрики и др. недвижимости а в случае надобности и первоклассный вексельный портфель».[87]

Американцы получали, разумеется, «право тщательного обследования» всех этих предприятий. Им был предоставлен четырехмесячный опцион для заключения соглашения из 6% годовых. В тот же день Ашбергу было написано еще два письма. Второе содержало дополнительное обещание 5% годовых, помимо упомянутых 6%, «в случае, если соглашение с американской группой будет при помощи посредничества достигнуто». А в третьем письме Ашбергу и его «русским друзьям» предоставлялись еще и «специальные комиссионные» — 1% годовых.[88] Несомненно, что оба дополнительных письма были написаны по согласованию с Ашбергом. Третье, очевидно, вообще не было предназначено для сведения его американских партнеров, а второе он мог в зависимости от обстановки предъявить им или спрятать, обратив 5% годовых в свою пользу. Предположенная операция так и не осуществилась. Но какова бы ни была в конечном счете причина этого, Ашберг не мог не сознавать, что столь высокодоходное дело предложено ему из соображений отнюдь не только коммерческого характера.[89] И данный Ашбергу четырехмесячный срок был еще в самом начале, когда в первых числах июля он оказался причастным к неофициальной русско-германской встрече — пресловутому стокгольмскому свиданию между А. Д. Протопоповым и германским банкиром Ф. Варбургом.

История этого свидания в научной литературе собственно не освещена. Между тем, как известно, в последние месяцы существования царизма стокгольмское свидание и последовавшее вскоре назначение Протопопова министром внутренних дел вызвали самую бурную реакцию и ожесточенные нападки на Протопопова, будучи расценены как признак склонности царизма к сепаратному миру. Однако рассмотрение этого эпизода не вхо-

---

[87] Ярошинский — Ашбергу, 26 мая (8 июня) 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 11, д. 1105, л. 1.

[88] Там же.

[89] В своих мемуарах Ашберг по случайному поводу остановился на этом эпизоде. Излагая намечавшуюся финансовую операцию, Ашберг был не вполне точен, однако на связи ее происхождения с банковским распутинским кружком настаивал с большой определенностью (O. Aschberg, ук. соч., стр. 352—353). Письма Ярошинского Ашбергу упомянуты Я. И. Лившиным (Монополии в экономике России, М., 1961, стр. 118). См. также: И. Ф. Гиндин и Л. Е. Шепелев. Против некритического произвольного использования архивных документов. История СССР, 1964, № 5, стр. 84.

дит здесь в нашу задачу, и мы ограничимся выяснением той роли, которую сыграл в те дни в Стокгольме Ашберг. О том, что именно Ашберг, «крупный банкир и биржевой делец», сообщил Протопопову, что с ним «очень желал бы видеться германский посланник в Швеции», заявил сам Протопопов на специально созванном 29 августа 1916 г. в Москве совещании губернских предводителей дворянства.[90] Другой участник стокгольмской встречи с русской стороны, граф А. В. Олсуфьев, в своем заявлении,[91] инспирированном русским посланником в Швеции Неклюдовым[92] и написанном при участии одного из организаторов встречи Л. С. Поляка,[93] указывал, возражая Протопопову, что свидание было организовано не Ашбергом, а М. С. Гуревичем и Л. С. Поляком.[94]

Как же объяснить эту неожиданную разноголосицу в таком простом и конкретном вопросе? Нам представляется, что это можно сделать с помощью двух документов — показаний Поляка Чрезвычайной следственной комиссии и недавно опубликованного официального отчета немецкого участника встречи Ф. Варбурга (он явился неожиданно для Протопопова вместо германского посланника в Швеции). Поляк, признавая, что Ашберг был все время в центре всех событий, связанных с пребыванием в Стокгольме протопоповской группы, отрицал его присутствие на русско-германской встрече и сообщал, что она была устроена по просьбе Олсуфьева М. С. Гуревичем.[95] Но, как явствует из отчета Варбурга, ни Гуревич, ни Поляк, договорившиеся с ним о встрече с Олсуфьевым, не упомянули об участии в предстоявшей беседе Протопопова.[96] Кстати, это совпадает с сообщением самого Олсуфьева о том, что первоначально участие в беседе Протопопова не предполагалось. Остается признать, что Поляк и Олсуфьев и не могли знать, кто пригласил Протопопова, и достоверным является лишь его собственное сообщение об этом. Следовательно, именно Ашберг придал стокгольмской встрече ее значение, обеспечив участие в ней Протопопова.[97]

---

[90] Русское слово, 19 января (1 февраля) 1917 г.

[91] Там же.

[92] Неклюдов — Покровскому, 8 (21) декабря 1916 г.: Константинополь и проливы, т. I. М., 1925, стр. 409—411.

[93] Протокол допроса Л. С. Поляка 13 июля 1917 г. по поручению Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 522, лл. 80—81.

[94] Они оба были связаны с нефтепромышленным обществом «Мазут».

[95] Протокол допроса Л. С. Поляка 13 июля 1917 г. по поручению Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 552, лл. 77 и сл.

[96] L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. I (Août 1914—Janvier 1917), Paris, 1962, p. 392 etc.

[97] Сам Ашберг, промолчавший в 1917 г. во время публичной полемики по поводу стокгольмской встречи и его собственной роли в ней, коснулся этого сюжета в своих мемуарах много лет спустя, когда одиоз-

Кто же был Фриц Варбург, германский участник встречи? Это был член того самого банкирского дома Варбургов, который еще в 1915 г., как сообщал тогда в Петроград Неклюдов, намечался германской стороной в качестве ее представителя на предлагавшихся России переговорах.[98] Один из его братьев Макс Варбург возглавлял этот гамбургский банкирский дом, имевший, кстати сказать, до войны отношения и с русскими банками. Другой брат, Пауль, женатый на дочери крупного американского банкира Леба, стал членом влиятельной американской финансовой группы «Кун, Леб и К⁰» и одним из видных банковских деятелей США.[99] Дом Варбургов имел очень тесные связи с Америкой, и за спиной у Ф. Варбурга были такие же, как и у Ашберга, нейтральные американские деловые связи. На стокгольмской площадке русско-германской встречи скрестились, таким образом, две уходившие в Америку финансовые нити.

Такова была хоть и опосредствованная, но тем не менее совершенно реальная связь между, на первый взгляд, трудно объяснимым тяготением романовской монархии к формально нейтральному Уолл-стриту и проектами сепаратного «царского мира» как средства ее самосохранения независимо от того, насколько серьезны и реальны были эти проекты. Недаром Ашберг хорошо запомнил, что основной темой их с Протопоповым разговора были русско-американские финансовые связи, а сам Протопопов в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии, не будучи спрошен, словно это само собой разумелось, включил вопрос об операции Ашберга в круг дел распутинской группы, о которых он должен был повествовать. Специфический характер пристрастия к американским кредитам по понятным причинам дол-

---

ный характер попыток русско-германского сближения стал как бы общепризнанным. Он писал лишь, что они с Протопоповым встретились у Неклюдова на обеде и имели беседу о русско-американских финансовых связях, которая и дала повод к появлению слухов о том, что он, Ашберг, «был посредником при передаче предложения о мире между немцами и царским режимом» (O. Aschberg, ук. соч., стр. 125). Даже если допустить, что ни о чем, кроме русско-американских дел, Протопопов и Ашберг не разговаривали, то и в этом случае сообщение Ашберга весьма интересно, так как оно подтверждает, что мирный зондаж и вопрос о финансовых связях с Америкой были как-то связаны между собой, входя в круг стокгольмских интересов Протопопова и его группы. Мы подозреваем, однако, что именно на этом обеде Протопопов получил через Ашберга приглашение на встречу с немцем и принял его, как он подчеркивал, не только с ведома, но и по просьбе Неклюдова. Не участвовал ли хозяин дома в разговоре своих гостей и не потому ли ему никак нельзя было потом признать, что Протопопова ангажировал именно Ашберг?

[98] Телеграмма Неклюдова Сазонову, 15 (28) июля 1915 г: Константинополь и проливы, т. II. М., 1926, стр. 377.

[99] Во время войны он был еще и официальным лицом — одним из пяти назначавшихся президентом США членов совета Федеральной резервной системы.

гое время оставался скрытым от глаз большинства современников, как и вообще все то, что относилось к сепаратистским тенденциям царизма. А кампания либерально-буржуазных кругов за привлечение американского капитала, как и вообще за ориентацию на англо-американскую буржуазную демократию не только в экономическом, но и в политическом отношении, проводилась, разумеется, во всеуслышание.

■

Заключение американского займа (журнал Комитета финансов от 23 и 26 мая 1916 г. был утвержден царем 1 июля), естественно, привело к усилению кампании за привлечение американского капитала, которая охватила теперь печатные органы различных направлений.

Как и влиятельные лица из правящих сфер, представители буржуазных кругов в свое отношение к вопросу об американском капитале вкладывали определенный политический и даже социальный смысл. Если для первых привлекательность американского капитала заключалась прежде всего в его нейтральности, то вторые связывали его привлечение в Россию со своими планами буржуазного переустройства страны. В газетных призывах к американскому капиталу, сопровождавшихся обещаниями золотых гор в России, звучала надежда на то, что экономическое сближение с американской буржуазной демократией, основанной на всевластии монополий, не пройдет для царизма даром, и он вынужден будет пойти на уступки буржуазии, по крайней мере в сфере экономической.[100]

Не следует, впрочем, думать, что сторонники «сближения» с Америкой из буржуазных кругов ожидали от американских партнеров платформы политического радикализма. В связи с заключением займа в июльском номере банковского журнала «Муди'с мэгэзин» появилась, правда, статья, в которой благосклонно рассматривалась возможность революции в России. Речь шла, разумеется, о такой революции, которая была бы делом рук либералов типа Милюкова, а не «нигилистов».[101] Но вскоре пределы американских пожеланий в этой сфере были весьма определенно очерчены вернувшимся из России Мак-Робертсом. Он специально подчеркивал, что отнюдь не имеет «в виду какую-либо перемену общего управления страной».[102] При том

[100] См. статьи известных буржуазных экономистов тех лет В. Зива (Биржевые ведомости, 30 июля (12 августа) 1916 г.) и проф. И. М. Гольдштейна (Русское слово, 25 мая (7 июня) 1916 г.).

[101] G. C. Kohlenberg, ук. соч., стр. 234.

[102] Промышленные перспективы России и Америка. Впечатления С. Мак-Робертса. Вестник Русско-Американской торговой палаты, 1916, № 12, стр. 345.

благоволении царизма к американцам, в котором Мак-Робертс имел случай убедиться, российские правительственные ограничения предпринимательской деятельности его ничуть не волновали, и он о них даже не упоминал. Единственное, что всерьез интересовало его в России, это проблема рынка, расчистка пути для развития капитализма путем окончательного разрушения крестьянской общины, которую он считал «тормозом для промышленной организации и для проявления индивидуальной деятельности». «В этой области необходима дальнейшая работа», — заявлял он, имея в виду возобновление после войны столыпинской политики.[103] Таков был взгляд влиятельнейшего американца, взгляд, который своей полной и подчеркнутой благонамеренностью по отношению к самодержавию мог соответствовать ожиданиям лишь наиболее умеренных и консервативных представителей буржуазных кругов (тем не менее заявление Мак-Робертса было напечатано с купюрами цензурного происхождения).

Выступления буржуазных «привлекателей» американского капитала в сущности не носили в это время оппозиционно-политического характера. Дело здесь было как в крайней умеренности притязаний буржуазных оппозиционеров, так и в готовности царизма сделать шаг навстречу буржуазии как раз в той области, в которой сосредоточивались эти притязания, — в области экономической политики.

Дума в это время, как, впрочем, и ранее, собиралась заняться обсуждением акционерного законодательства и ограничений предпринимательской деятельности в связи с вопросом о привлечении в Россию иностранного капитала. Усиление зависимости царизма от иностранных поставок и займов, с одной стороны, и нарастание внутриполитических трудностей — с другой, послужили причиной того, что и Барк и В. Н. Шаховской, министр торговли и промышленности, выступили в печати с весьма мягкими заявлениями, в которых они хотя и утверждали, что отменить разрешительную систему учреждения акционерных обществ невозможно, явственно давали понять, что правительство постарается чинить поменьше препятствий иностранному капиталу. Барк заявлял даже, что затруднения, чинимые иностранному и еврейскому капиталу, препятствуют росту русской промышленности.[104]

В деле привлечения американского капитала правительственные ведомства и буржуазные организации в сущности сотрудничали. Русско-Американская палата, вокруг которой группировались буржуазные сторонники «русско-американского сближения», действовала при «солидной финансовой поддержке»

---

[103] Там же.

[104] Вестник Русско-Американской торговой палаты, 1916, № 6, стр. 173—174.

Министерства финансов, за которую выражала Барку «глубочайшую благодарность».[105] Эмиссар Русско-Американской торговой палаты А. В. Бер, создавая из представителей делового мира США Американо-Русскую торговую палату, которая в сущности представляла собой отделение московской палаты, действовал, по словам посла Ю. Бахметева, по поручению Министерства торговли и промышленности. А председателем Американо-Русской палаты стал биржевой делец Чарльз Бойнтон, в прошлом помощник Мелвилла Стоуна, главного директора «Ассошиэйтед пресс», давнего негласного агента царизма в США, причем само это агентство оказывало Беру и Медзыховскому всяческое содействие.

Спорной стороной вопроса об экономическом «сближении» с Америкой, которая усиленно дебатировалась в России, оказывалось соотношение между ввозом в страну американских капиталов и товаров. Но здесь трудно усмотреть разницу в точках зрения, которая обусловливалась бы классовой противоположностью интересов буржуазии и царизма, а не конкурентными и т. п. соображениями. Буржуазия опасалась конкуренции иностранных товаров, а в правительственных ведомствах уже готовили систему протекционистских мер, чтобы ввести их в действие сейчас же после войны. Назначенный товарищем министра торговли и промышленности Н. П. Ланговой, с прошлой деятельностью которого было связано множество мероприятий царизма в области внешней торговли, еще в 1915 г. официально предупреждал об этом в «Финансовой газете».[106]

Особую остроту дилемме: товары или капиталы — придавала активность американской дипломатии, которая в лице Фрэнсиса настойчиво домогалась заключения торгового договора.[107] Едва заняв свой пост, Фрэнсис отправился в Москву и развил там агитацию в пользу заключения торгового договора, очевидно правильно уразумев, что московские текстильные фабриканты, верховодившие там в биржевом комитете и других предпринимательских организациях, ввоз американских машин или хлопка могут только приветствовать. Вскоре действительно во влиятельнейшей московской газете «Русское слово» профессор Гольдштейн обрушился на «ультрапротекционистов» за их желание «чинить

[105] Телеграмма Русско-Американской торговой палаты министру финансов П. Л. Барку: Вестник Русско-Американской торговой палаты, 1916, № 3, стр. 85.

[106] Вестник Русско-Американской торговой палаты, 1916, № 1, стр. 14—15.

[107] В первой половине июня Фрэнсис снова обратился к Сазонову по вопросу о договоре, и демарш этот опять оказался безуспешным. Посол предлагал теперь Лансингу в качестве аргумента против обвинений в пассивности со стороны оппозиции в Конгрессе и в печати сделать заявление о том, что-де был отправлен специально для заключения договора посол Фрэнсис, но ему заявили, что любые соглашения с нейтралами будут рассматриваться лишь после экономических соглашений с союзниками (The National Archives of the U. S. ... Microcopy 333, Roll 7, cadre 0374).

американцам всякие помехи».[108] При этом Гольдштейн и те круги сторонников «сближения», которые он представлял, приветствовали ввоз американских товаров наряду с ввозом капиталов. Своеобразие переплетения конкурентных противоречий было таково, что в этих кругах, заинтересованных в снижении цен на оборудование и машины, непрочь были использовать проникновение в Россию американских монополий для подрыва мощи отечественных. Если бы американский «Стальной трест» открыл производство в России, мечтал Гольдштейн, «правительство могло бы... использовать конкуренцию его предприятий для борьбы с непомерными аппетитами „Продаметы", делающей благодаря искусственному вздуванию цен и несвоевременным поставкам сырья, невозможным в России развитие обрабатывающей промышленности».[109]

По вопросу об импорте американских товаров Гольдштейну возразил в специальном интервью в «Нью-Йорк таймс» отставной премьер В. Н. Коковцов, который перед войной посылал его в Америку на предмет «сближения». Коковцов заявил, что высокий тариф после войны неизбежен для предотвращения потока «дешевых товаров из-за границы», и добавил: «Самое лучшее, что я мог бы порекомендовать американцам, — помещение капитала внутри России, в русскую промышленность».[110]

Нам приходилось уже говорить применительно к концу 1915—началу 1916 г., что некоторые представители деловых и официальных американских кругов усваивали этот взгляд на пути развития американской экспансии в России. Так было и на сей раз, в ходе газетной и журнальной кампании, последовавшей за совершением американского займа. И Мак-Робертс, и новый коммерческий атташе США в Петрограде Хантингтон в своих статьях и публичных выступлениях старались определенно подчеркнуть, что американские капиталисты не станут уклоняться от строительства в России своих предприятий и развивать лишь товарный экспорт. Мак-Робертс призывал американцев совместить ввоз в Россию средств производства с промышленным и железнодорожным строительством, подчеркивая, что оно встречает в России особенно предпочтительное к себе отношение.[111] А бывший коммерческий атташе Бэйкер по возвращении

---

[108] Русское слово, 25 мая (7 июня) 1916 г. — Известный московский предприниматель С. В. Челноков выступил учредителем специального Русско-Американского экспортно-импортного товарищества (представление Министерства торговли и промышленности в Совет министров 13 октября 1916 г.: АВПР, ф. II департамента, I—1, 1916 г., д. 22).

[109] Вестник Русско-Американской торговой палаты, 1916, № 4, стр. 105—106.

[110] Промышленная Америка. Изд. Американо-Русской торговой палаты. Нью-Йорк, 1917, стр. 43.

[111] Вестник Русско-Американской торговой палаты, 1916, № 12, стр. 342, № 8, стр. 221; G. C. Kohlenberg, ук. соч., стр. 217. — Статьи вер-

в Нью-Йорк не без цинизма дал понять, что вряд ли придется царизму в условиях возрастающей зависимости его от иностранного капитала указывать американцам их образ действий в России. Усматривая для американского капитализма экономическую потребность в широком развитии товарного экспорта в Россию («великий рынок, который должен сыграть чудесную роль в стабилизации американской торговли»), он скептически отозвался о возможности введения в России запретительного тарифа при росте ее внешней задолженности, а об американских капиталовложениях высказался лишь в том смысле, что они облегчат расчеты по товарному экспорту из США в Россию.[112]

В сущности такая высокомерная позиция не очень-то была оправдана с деловой точки зрения — предшествующим опытом, который имели американцы в России. Но она соответствовала тем призывам к американскому капиталу прийти в Россию, которые то и дело раздавались из кругов буржуазной общественности.

Американский заем, утвержденный царем, как уже указывалось, 1 июля, в Петрограде решили на какой-то срок сохранить в тайне. Была даже предпринята попытка отрицать его, причем не только для широкой публики. В самый момент подписания соглашения с американцами в газетах появилось официальное сообщение, гласившее, что русское правительство воздержалось от размещения прямого русского займа в США, ввиду того что правительства Англии и Франции предложили ему свое посредничество на более благоприятных условиях. В своем выступлении в Особом совещании по обороне в июне Барк ни словом не упомянул о соглашении с американцами и, не смущаясь противоречием с газетной версией, изобразил дело совсем не так отрадно, а потому внешне более правдоподобно: ввиду невозможности добыть кредит в США необходимо-де идти на любые условия союзников.[113] Чем была вызвана такая игра и как мог Барк выступать с абсолютно друг другу противоречащими заявлениями в Комитете финансов и в Совещании по обороне (не говоря уже о газетном сообщении), на какой срок был рассчитан этот обман, который неминуемо должен был раскрыться, — на все эти вопросы трудно дать полные и точные ответы на основании известных нам материалов.

Конечно, об американском займе очень скоро стало известно в России: русские газеты перепечатали сообщения о нем из

нувшегося из поездки в Россию Мак-Робертса с призывами к коммерческому «походу» туда появлялись в самых различных изданиях — от «Экспортер'с ревью», «Муди'с мэгэзин» и «Нью-Йорк таймс» до «Анналов» Американской академии политических и социальных наук.

[112] Вестник Русско-Американской торговой палаты, 1916, № 9, стр. 247—248; G. C. Kohlenberg, ук. соч., стр. 213.

[113] А. Л. Сидоров, ук. соч., стр. 340.

иностранной прессы.[114] И помимо дискуссии в печати, которая за этим последовала, заем возымел и непосредственные практические результаты. Одним из них было улучшение курса рубля, которое объяснялось тогда усиленным спросом на русские ценные бумаги в Америке. Спекулятивная игра «Нэйшнл сити бэнк» и членов составленного им синдиката на повышение русского рубля, особенно выгодная ввиду крайне низкого его курса, по которому можно было пока приобрести русские бумаги, находила на американской бирже многочисленных последователей. Сам «Сити бэнк» сейчас же вслед за совершением займа решил открыть свое отделение в Петрограде.

Активизация деятельности американского капитала в России была в этот момент столь ощутима, что привела в Петрограде к обострению конкуренции между представителями Англии и США. Напомним, что утверждение царем американского займа последовало в тот самый день, когда закрылась экономическая конференция союзников в Париже, в ходе которой Англия и Франция пытались, как известно, помимо выработки планов экономического подчинения Германии, заложить международно-правовые основы своей торговой и финансовой гегемонии над Россией после войны. По-прежнему особенно ревнивый ко всему, что относилось к экономической экспансии в России, Фрэнсис поставил итоги Парижской конференции в прямую связь с целями американского империализма. В письме Лансингу 14 августа (н. ст.) он писал: «... мне представляется, что внимание всего мира с каждым днем все более настойчиво направляется на Россию. Европейские и американские газеты и журналы подчеркивают великолепие этой империи, ее неразработанные богатства и колоссальные возможности. После войны предстоит большая конкуренция за торговлю с Россией. Американские предприниматели уже смотрят алчными глазами на минеральные месторождения, громадную водную энергию и возможность железнодорожного строительства, которые существуют в этой стране. Несколько американцев отправляются домой тем пароходом, который берет эту почту, но среди них нет ни одного, который не планировал бы вернуться в Россию, так как все считают, что нет такой сферы деятельности на земле, которая может сравниться с этой».[115] Но существовало препятствие в виде конкуренции держав Антанты, для преодоления которого необходимо было, по мнению Фрэнсиса, чтобы правительство США не только всемерно поддерживало поход американских капиталистов в Россию, но и поощряло их активность. «У меня нет ни намерения, ни желания нарушать нейтралитет Америки, но, по моему мнению, американский капитал и изобретательность должны быть здесь под-

[114] См., например: Финансовое обозрение, 25 июля 1916 г., № 14.
[115] The Lansing papers, v. II, p. 319.

стрекаемы, чтобы свести на нет, если не больше, хорошо задуманный план Англии, а возможно, и Франции, состоящий в захвате торговли с Россией после войны с помощью решений, принятых на экономической конференции союзников 14—17 июня».[116]

В своей оценке конкурентной борьбы между западными державами из-за России Фрэнсис ошибался только в одном — когда ставил Францию как конкурента США в России на второе место после Англии. Еще совсем недавно, не далее как весной, американцам приходилось, как мы видели, считаться прежде всего с англичанами, как с главными военными кредиторами России. Теперь, когда за совершенным займом, хотя и небольшим, встало на очередь открытие в Петрограде отделения крупнейшего американского банка, пришли в движение именно французы, весьма чувствительные к участию в русском банковском деле прочих иностранных капиталов, особенно после так называемой ликвидации германских имуществ. Примечательно, что если раньше мысль о необходимости англо-американского союза в России высказывал Мезерв, то теперь в среде крупнейших французских финансистов, действовавших в Петрограде, рассматривался вопрос о том, как бы «пристроиться» к американскому походу в Россию. Таким представлялось им изменившееся соотношение сил. Как только стал известным факт заключения американского займа, М. Верстрат, один из руководителей Русско-Азиатского банка и едва ли не наиболее опытный организатор французской экономической экспансии в России, составил специальную записку о деятельности американцев. Он еще надеялся на их неудачи («так как на деле американцы плохо знают Россию, ... можно задать себе вопрос, не произойдет ли каких-нибудь столкновений»), но уже ставил вопрос о значении американской экспансии для французских интересов в России («не нужно будет питать подозрения... а, наоборот, можно воспользоваться этим»).[117]

Когда же директор Кредитной канцелярии Д. И. Никифоров официально заявил, что рассматривает открытие отделения «Нэйшнл сити бэнк» в Петрограде «как меру, чрезвычайно полезную», поскольку-де «с открытием указанного отделения пойдут деньги в русские железнодорожные предприятия и в русскую промышленность»,[118] Верстрат высказался с полной определенностью. Надеждам на «столкновения» американцев с русским правительством как будто не оставалось теперь места, и Верстрат письмом от 4 (17) августа 1916 г. сообщил французскому послу в Петрограде М. Палеологу свою цель, которая совпадала, по его мнению, с общим «французским интересом», — «сделать все воз-

---

[116] Там же.
[117] ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 11, д. 1107. Записка датирована 26 июля (8 августа) 1916 г.
[118] Финансовое обозрение, 27 августа 1916 г., № 15.

можное для превращения Русско-Азиатского банка в посредника для будущей деятельности американцев в России» с тем, чтобы, «как только позволят обстоятельства», «присоединить к этому» и французских капиталистов.[119] «Мы сочли уместным в этих условиях укрепить, насколько это возможно, связи с „Нэйшнл сити бэнк“», — писал Верстрат и сообщал о командировании в Америку одного из директоров Русско-Азиатского банка Герценберга, «который лично знает многих главных руководителей финансовой группы, возглавляемой „Сити бэнк“».[120] Упомянув о том, что осуществление «программы», принятой Русско-Азиатским банком с началом войны, уже обеспечило ему первое место среди русских банков, но одновременно вызывает сопротивление «друзей» германского капитала (намек на Международный банк), Верстрат заключал: «Наши противники прилагают усилия, чтобы отдалить от нас американцев по тем же причинам, по которым мы ищем сближения с ними. Отсюда следует, что, если нам понадобится когда-нибудь официальная помощь, французское правительство, понимая ситуацию, окажет нам такую помощь, будь то в Париже, в Петрограде или еще где-нибудь, и, если представится случай, даст почувствовать то значение, которое оно придает нашему учреждению».[121]

Верстрат начал обдумывать вопрос о том, как бы примкнуть к американцам в России, отнюдь не тогда, когда обратился к Палеологу, а значительно раньше, — очевидно, сразу же по прибытии в Петроград Мак-Робертса и Рича. Первой его мыслью было привлечь к участию в Русско-Азиатском банке самого Моргана или создать вместе с ним специальный Русско-Американский банк. Однако директор Парижского отделения Русско-Азиатского банка Н. Рафалович, знаток международно-биржевых дел, к которому Верстрат обратился за советом, охладил его. Скорее всего, считал он, Морган станет лишь «препятствием» для установления отношений с другими американскими банками, «способными ныне играть в России весьма активную роль, а именно с «Нэйшнл сити бэнк» и «Гаранти траст компани».[122] Из ответа Н. Рафаловича Верстрату стало ясно, что связываться с Морганом и накладно, и опасно. И как только «Сити бэнк» совершил свою операцию в Петрограде, русско-французский директор Русско-Азиатского банка, уже не колеблясь, стал принимать

---

[119] ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 11, д. 1108.

[120] Руководство Русско-Азиатского банка и сам Герценберг спекулировали своими связями с «Гаранти траст компани», давая Мезерву понять, что готовы от них отказаться в интересах «Нэйшнл сити бэнк» (Мезерв — Вандерлипу, 29 июля (11 августа) 1916 г., №№ 108 и 109: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 158—159).

[121] ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 11, д. 1108.

[122] Н. Рафалович — Верстрату, 5 июня (н. ст.) 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 11, д. 196, лл. 41—43.

меры к сближению именно с этой американской финансовой группой.

Однако идея создания Русско-Американского банка, хоть Верстрат, по-видимому, от нее и отказался, сама по себе не умерла. Одновременно с ходатайством «Нэйшнл сити бэнк» «о допущении его к деятельности в России путем открытия в русских городах отделений» в Министерство финансов поступило несколько ходатайств от различных групп о разрешении учредить Русско-Американский банк. Все эти проекты предусматривали учреждение такого банка в форме русского акционерного общества, часть акций которого находилась бы в американских руках.[123] Впрочем, ни один из русских ходатаев об учреждении Русско-Американского банка «не представил гарантии участия каких-либо солидных банковых или финансовых сил Америки»,[124] Барк и вообще не считал целесообразным учреждение такого банка.

В своем представлении в Совет министров Барк, делая выбор в пользу открытия отделения «Нэйшнл сити бэнк» (о возможности одновременного существования этого отделения и Русско-Американского банка в представлении речи не было), должен был все же в качестве «единственного серьезного возражения против допущения американского кредитного учреждения в России» упомянуть о «твердо усвоенном» русской кредитной политикой «принципе национальности, согласно которому иностранные банки вообще не получают концессий в России».[125] Для «Сити бэнк» Барк считал необходимым сделать исключение, подобное тому, которое было сделано всего однажды — в 1879 г. для «Лионского кредита», учитывая интерес американцев к финансированию русской промышленности. С точки зрения министра финансов на американцев нельзя было в тогдашних условиях распространять никаких запретительных или ограничительных мер, традиционно применявшихся по отношению к иностранным капиталам.

Но не все разделяли эту точку зрения Барка. Начатое Советом министров рассмотрение его представления было прервано, чтобы запросить заключения министров юстиции, а также торговли и промышленности. Наиболее показательной была позиция, занятая министром торговли и промышленности Шаховским. В письме Штюрмеру 19 сентября (ст. ст.), высказываясь за удовлетворение ходатайства «Сити бэнк», он делился некоторыми

---

[123] Представление министра финансов в Совет министров 16 августа 1916 г. о допущении к деятельности в России Национального нью-йоркского городского банка: ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 475, лл. 1—19.

[124] Там же.

[125] Там же, л. 8.

опасениями по поводу активизации американцев в России. С этой-то точки зрения он и заявлял о предпочтительности смешанного русско-американского банка. Поскольку же это невозможно, продолжал он, не лучше ли пока разрешить «Сити бэнк» открытие отделения лишь в Петрограде с тем, чтобы на устройство отделений в других городах требовалось каждый раз особое разрешение.[126] Речь шла, таким образом, о том, чтобы, отнюдь не отказываясь от привлечения американского капитала, как-нибудь поосторожнее это привлечение обставить. Макаров же, министр юстиции, вообще предложил в весьма пространном письме решать дело законодательным путем,[127] что, разумеется, означало длительную оттяжку.

Пришлось Барку недвусмысленно объяснить своим коллегам, что с американцами так обращаться не годится, что русское правительство не в таком положении, чтобы это себе позволить. «Долгом считаю указать, — писал он 24 октября (ст. ст.) управляющему делами Совета министров, — что открытию русских отделений Городского национального нью-йоркского банка я придаю особое значение по обстоятельствам настоящего времени и считаю, что неудовлетворение ходатайства названного банка в непродолжительном времени не только лишит финансовое ведомство преимуществ, кои связаны с поддержанием известных отношений с этим банком, но может вообще неблагоприятно отозваться на нашем положении на американском денежном рынке».[128] Через два дня, 28 октября, Совет министров разрешил «Нэйшнл сити бэнк» открытие его отделений в России.[129] Слишком влиятельным был теперь для официального Петербурга этот нью-йоркский банк, подкрепивший свое ходатайство об открытии отделений новым кредитным предложением. Пока ходатайство рассматривалось в официальных инстанциях, Барк получил от «Сити бэнк» предложение кредита на условиях, аналогичных условиям только что совершенного займа. Он отказался от прежних условий в их полном объеме, и в ноябре был заключен контракт, согласно которому группа «Сити бэнк» предоставляла 25 млн долл. и брала $5^1/_2$%-е обязательства Государственного казначейства.[130] Условия ноябрьской операции существенно отличались от летней: синдикат не мог относить стоимость обяза-

---

[126] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 475, лл. 36—37.
[127] Там же, лл. 38—61.
[128] Там же, л. 65.
[129] Особый журнал Совета министров от 6 сентября и 28 октября 1916 г., утвержденный царем 9 декабря: ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 118, лл. 130 и сл.
[130] Указ 1 июня 1916 г. разрешал их выпуск на сумму до 225 млн руб. для осуществления летнего американского займа (ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 531, л. 9).

тельств в рублях на свой рублевый счет в России.[131] Оговорен был и опцион на повторение операции в той же сумме.

Общеполитическая обстановка в России на пороге 1917 г. все более ощутимо влияла на ход русско-американских отношений. Едва Барк сумел добиться решения Совета министров об открытии отделения «Нэйшнл сити бэнк», к нему явился Фрэнсис, чтобы вновь завести разговор о торговом договоре. При встрече со Штюрмером, сменившим Сазонова на посту министра иностранных дел, и товарищем министра Нератовым Фрэнсис уже поднимал этот вопрос и получил отказ (эта форма «экономического сближения» была для Штюрмера и связанных с ним сфер, разумеется, неприемлема по внутриполитическим мотивам). Барк заявил, что он с этим отказом не согласен, но подтвердил высказанную Фрэнсисом мысль о том, что делу торговых отношений России с США вредят решения Парижской экономической конференции. Министр далее пожаловался американскому послу на финансовую зависимость России от Англии. «Не было смысла менять Германию на Англию, особенно если приходится платить за это такую колоссальную цену», — передавал Барк распространенное в России мнение.[132] Составляя свое донесение Лансингу, Фрэнсис в связи с этой темой сейчас же перешел к прогерманским, сепаратистским настроениям в российских «верхах», утверждая, что правительство ищет оправдательного предлога к заключению сепаратного мира. А затем сообщил, что Барк докладывал царю свой план «сближения» с США и царь его одобрил.

Барк хорошо понимал, что нарастающий интерес иностранного, в частности американского, капитала к России являлся таким фактором, который русское финансовое ведомство могло использовать в своих целях. Действительно, еще не был заключен ноябрьский контракт, а Барк располагал уже предложением американских фирм о строительстве системы элеваторов в кредит на сумму свыше 30 млн руб. Инициатором этого дела, продолжавшего давнее, ставшее почти традиционным стремление американцев взять в свои руки строительство русских элеваторов, выступила действовавшая в США и в Канаде компания «Меткэлф» из Монреаля, крупнейшая американская фирма по проектированию элеваторов, президент которой Спеллмэн еще перед войной приезжал по этому поводу в Россию, но потерпел неудачу. Теперь он обратился со своим предложением к Ф. Хольбруку, представителю Американской международной корпорации

---

[131] Телеграмма Мезерва «Нэйшнл сити бэнк» 3 (16) сентября 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 56; Справка о кредитных операциях, совершенных Россией в Америке с начала войны (не ранее 24 июня 1917 г.): ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 1169, лл. 67—71.

[132] Фрэнсис — Лансингу, 30 октября (12 ноября) 1916 г.: The National Archives of the U. S. ... Microcopy 333, Roll 7, cadres 0395—0398.

в России, и дело попало в поле зрения корпорации.[133] 25 августа в Нью-Йорке состоялось специальное заседание, в котором участвовал, кроме Спеллмэна, вице-президента Американской международной корпорации Болдуина, Хольбрука и др., еще и Дж. Уитерспун, президент крупной чикагской строительной фирмы «Уитерспун Инглэр компани». Обе фирмы — «Уитерспун» и «Меткэлф» — предлагали немедленно приступить к «русскому делу» и учредить для этого с участием Американской международной корпорации специальное акционерное общество. Но тут Болдуин с высокомерием уоллстритовского магната по отношению к дельцам средней руки заявил, что Американская международная корпорация возьмет на себя финансирование предприятия лишь после того, как Спеллмэн и Уитерспун продвинут дело, докажут, что оно стоящее, добьются заключения контракта и т. д. Он обещал (и то лишь после упреков Уитерспуна) содействие своей корпорации и Хольбрука в Петрограде за соответствующее вознаграждение.[134]

В октябре перед Барком лежало уже упомянутое предложение представителя «Меткэлф компани» и «Уитерспун Инглэр компани» одного из наиболее пронырливых американских дельцов в Петрограде Байрона Брукса. Оно предусматривало строительство системы элеваторов новейшего типа в Москве, Петрограде, Котласе, Архангельске, Таганроге, Царицыне, Покровской слободе, Харькове и Воронеже. Одна из привлекательных для правительства сторон этого предложения заключалась с точки зрения Брукса в том, что строительство элеваторов помогало хлеботорговцам поднимать цены на хлеб, хотя и в ущерб производителям, а Государственный банк принимал, как известно, в хлебной торговле активное участие.[135] Дела у Брукса пошли как будто на лад, начать строительство намечалось с Котласа. Хольбрук, который раньше подпевал Болдуину, когда тот третировал обе строительные компании, теперь посоветовал ему, чтобы Американская международная корпорация, не задумываясь, приняла участие в образуемом акционерном обществе, и сам торопился обеспечить долю в этом деле для своей компании «Хольбрук, Кэбот энд Роллинс».[136] Секрет первых успехов Брукса состоял не столько в содействии Хольбрука и Американской международной корпорации, сколько в тесной связи Брукса с Мезервом, которому, как представителю «Нэйшнл сити бэнк», были

---

[133] Меморандум, составленный Хольбруком для Роллинса, совладельца его фирмы «Хольбрук, Кэбот энд Роллинс», в декабре 1916 г.: Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 2178, д. 1, л. 18.

[134] Меморандум, составленный Хольбруком для Болдуина, 28 августа (н. ст.) 1916 г.: там же, лл. 19—20.

[135] Прошение Брукса на имя министра финансов, 21 октября 1916 г.: там же, лл. 1—2.

[136] Хольбрук — Болдуину, не ранее декабря 1916 г.: там же, лл. 25—26.

больше всего доступны ключи к дверям петроградских канцелярий.

Главную роль играл Мезерв и во втором деле, которое осуществлялось в России Американской международной корпорацией, — в создании акционерного общества для строительства сахарных заводов. Совсем недавно еще эта идея была связана, как мы видели, с именами Ярошинского и Ашберга и носила чисто финансовый характер, теперь же речь шла о строительстве предприятий. Учредителями общества выступали американская фирма «Грэйс энд К°», тесно связанная с «Сити бэнк» и Американской международной корпорацией (один из владельцев фирмы входил в число директоров «Сити бэнк»), а с русской стороны — крупный петроградский промышленник Сан-Галли. За всем этим предприятием теперь, как и тогда, стояла Кредитная канцелярия. Как указывал Хольбрук в письме к председателю правления Американской международной корпорации Стоуну, «сахарный бизнес» попал Мезерву в руки «прямо из канцелярии», ввиду чего предполагалось сделать его директором-кандидатом правления нового общества, тем более что он вообще собирался остаться в России. Хольбрук весьма выразительно описывал Стоуну «великолепное» положение, которое Мезерв имел в Министерстве финансов и Кредитной канцелярии, где «ему доверяли и в него верили», за что он и оказал им «услугу» организацией сахарного дела. «Одновременно он дал нам хороший бизнес, — добавлял Хольбрук, —и я надеюсь, что аналогичным образом удастся получить и другие дела. Конечно, этот бизнес хорош и для банка, но это нисколько не обесценивает того, что он сделал для нас».[137]

Тесный контакт, установившийся между «Нэйшнл сити бэнк» и Кредитной канцелярией, естественно, использовался также в интересах Американской международной корпорации и американских компаний, связанных с корпорацией и в первую очередь с самим банком. «Я пришел к выводу, — докладывал Мезерв Вандерлипу, — что приобретенный мною здесь за минувшие полтора года опыт поставил меня в совершенно необыкновенное благоприятное положение для того, чтобы добывать бизнес для нашего банка и связанных с ним субсидируемых компаний, и я теперь все свое время практически посвящаю этой работе».[138] Отделение «Нэйшнл сити бэнк» в Петрограде открыло свои действия 2 января (ст. ст.) 1917 г., и уже через месяц Мезерв был настолько удовлетворен его делами и доходностью (главной формой инвестиций банка было приобретение 5%-х обязательств

---

[137] Хольбрук — Стоуну, 19 января 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 222—223.

[138] Мезерв — Вандерлипу, 10 (23) февраля 1917 г.: там же, д. 26, лл. 195—196.

Государственного казначейства), что предложил Вандерлипу «как можно скорее» открыть еще одно отделение — в Москве. Он аргументировал это тем, что нужда в долларах, существующая во время войны в России, дает банку возможность с помощью скромных по размерам кредитов в Нью-Йорке завязать отношения с сильнейшими русскими компаниями, чего в обычные времена добиться «крайне трудно». К тому же в Москве, «торговом центре России», он видел «гораздо лучшие шансы» на это, чем в Петрограде. «Здесь великое будущее для нашего банка»,[139] — откликался Мезерв на сообщения из Нью-Йорка о том, что, по мнению правления «Сити бэнк», Петроградское отделение «станет одним из важнейших отделений» банка во всем мире, что Мак-Робертс опять собирается в Россию и т. п.[140]

Главной сферой интересов «Нэйшнл сити бэнк» и Американской международной корпорации было, как и прежде, железнодорожное строительство. Летом и особенно осенью под влиянием успешной военной кампании обсуждение различных строительных проектов приняло широкий размах. Действовавшая с начала года междуведомственная комиссия под председательством товарища путей сообщения И. Н. Борисова составляла план железнодорожного строительства на 1917—1922 гг. В сущности это была попытка в расчете на скорое окончание войны возобновить систему крупных железнодорожных строительных предприятий, совсем уже было решенных к началу войны. Естественно, что война лишь усугубила существовавшую и ранее потребность в расширении железнодорожной сети. Департамент железнодорожных дел Министерства финансов, который ведал финансированием железнодорожного строительства, готовился широко распахнуть ворота перед иностранным капиталом, считая его «привлечение в дело железнодорожного строительства» «неизбежным», поскольку уповать на средства казны или на частные капиталы отечественного происхождения департамент считал «невозможным». Намечалось даже некоторое регулирование распределения иностранного капитала между различными отраслями хозяйства. Чтобы он не миновал железнодорожного дела («не подлежит сомнению, что по окончании войны... понадобится усиленное привлечение иностранных капиталов еще в другие, притом более доходные промышленные предприятия»), предпо-

---

[139] Там же.

[140] Ч. Дженкинсон — Мезерву, 19 января 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 279—281. — В январе отправился в Россию и Ч. Бойнтон. Выступая как председатель не только Американо-Русской торговой палаты, но и Ассоциации партнеров биржевых фирм — организации американских биржевых брокеров, он пустился в путь, чтобы организовать продажу бумаг русских частнокапиталистических компаний на Нью-Йоркской бирже (Бойнтон — Ю. Бахметеву, 12 (25) января 1917 г.: АВПР, ф. II департамента, I—5, род III, 1917 г., д. 11, л. 163).

лагалось ввести льготы в условиях организации железнодорожных обществ.[141]

В первую очередь имелись в виду те льготы, проект которых был внесен в Думу еще в 1910 г., — гарантия правительством не только облигаций, но и акций частных обществ, установление выкупного вознаграждения за акции в размере не ниже не погашенной к сроку выкупа части акционерного капитала, оплата акциями отчуждаемых под дорогу земель, расширение тарифных прав частных обществ и др. Но в военной обстановке эти льготы считались недостаточными, и, кроме них, предполагались новые, дополнительные шаги навстречу требованиям, которые выдвигали предприниматели, готовые не дожидаться конца войны. В качестве примеров таких условий, которыми «придется, по-видимому, поступиться», фигурировали более льготное соотношение между акционерными и облигационными капиталами — 1 : 12 или даже 1 : 15 вместо 1 : 9, отказ от требования взноса сразу всего капитала дороги, увеличение гарантируемого правительством процента роста по облигациям и разрешение железнодорожным обществам эксплуатировать не связанные с железнодорожным делом предприятия.[142]

Среди линий, намечавшихся к первоочередной постройке еще накануне войны, в 1914 г., фигурировала линия Москва—Донбасс, рассматривавшаяся прежде всего как магистраль для вывоза донецкого угля в промышленный центр страны.[143] Когда вопрос о железнодорожном строительстве был вновь поставлен в 1916 г., линия Москва—Донбасс опять оказалась в числе первоочередных или даже внеочередных в предположениях как государственной комиссии Борисова, так и совещания, созванного Советом съездов представителей промышленности и торговли и Центральным Военно-промышленным комитетом под председательством А. А. Бубликова, совещания представителей областных военно-промышленных комитетов и других совещаний, созывавшихся

---

[141] Справка о частном железнодорожном строительстве, 18 февраля 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 268, Департамент железнодорожных дел Министерства финансов, оп. 3, д. 861, лл. 406—408.

[142] Там же.

[143] Справка Департамента железнодорожных дел Министерству финансов б. д., по поводу представления Совета съездов горнопромышленников Юга России от 31 мая 1914 г. о железнодорожном строительстве, необходимом для горнопромышленности: ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 870, л. 429; особая справка о разногласиях между Министерством путей сообщения и Министерством финансов, приложенная к предыдущей (Министерство финансов считало строительство дороги Москва—Ростов преждевременным): там же, л. 432; ходатайство группы крупных капиталистов и буржуазных деятелей Н. Авдакова, Г. Крестовникова, В. Коковцова, М. Ковалевского, И. Озерова и др. о принятии правительством мер к сооружению «угольных дорог, сильных по пропускной и провозной способности, особенно из восточной части Донецкого бассейна», б. д.: там же, л. 431.

буржуазными представительными организациями.[144] В октябре Совет министров одобрил для внесения в Думу представление о разрешении строительства «средствами и распоряжением казны» ряда линий, из которых дорога Москва—Донбасс была самой значительной.[145] Через месяц министр путей сообщения А. Ф. Трепов внес в Думу уже специальный законопроект об ассигновании средств именно на строительство Московско-Донецкой дороги.[146]

На эту-то линию и нацелились американцы. Как свидетельствовал русский участник американских рекогносцировок и предприятий Ф. А. Липский, представители «Нэйшнл сити бэнк» и Американской международной корпорации, занявшись летом 1916 г. «изучением ... главным образом в Донецком бассейне угольного дела, металлургического дела», обнаружили недостаточность путей для вывоза продукции, стали разрабатывать существовавший уже казенный проект дороги Москва—Донбасс и пришли к выводу, что вместо однопутной линии, которую собиралось строить правительство, нужна двухпутная. «Американская группа остановилась на этой линии..., — подчеркивал Липский, — не просто потому, что она хочет к какому бы то ни было русскому железнодорожному строительству приложить свои средства и капитал, но именно эта линия ей нужна в связи с теми начинаниями, которые она имеет в виду произвести в отношении разработки угольных богатств Донецкого бассейна и рудных, т. е. металлургических и машиностроительных заводов». Что американцы не рассматривали железнодорожное дело как конечную свою цель, Липский подчеркивал и в более определенной форме. «Эта самая группа, — говорил он, — занимается железнодорожным делом потому, что она взялась построить железоделательные, рельсопрокатные, машиностроительные заводы в Донецком бассейне. Так что, может быть, на ее заводах будут готовиться и рельсы, и вагоны, и паровозы».[147] Да и в самом ходатайстве

---

[144] Финансовая газета, 24 октября (6 ноября) 1916 г.: Циркуляр Совета съездов представителей промышленности и торговли (ССПП и Т), 2 августа 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 666, лл. 29—31; Список линий, предположенных ко включению в план железнодорожного строительства на предстоящие годы, рассмотренных и принятых совещанием представителей областных военно-промышленных комитетов 20, 21 и 22 октября 1916 г.: там же, д. 666, лл. 46—49; Список линий, предположенных ко включению в план железнодорожного строительства на предстоящие годы, рассмотренных и принятых Особым междуведомственным совещанием с участием представителей общественных организаций под председательством товарища министра И. Н. Борисова в заседаниях 3, 4, 5 и 7 ноября 1916 г.: там же, лл. 50—51.

[145] Финансовая газета, 17 (30) октября 1916 г.

[146] Финансовая газета, 16 (29) ноября 1916 г. — Речь шла о 32 млн руб., которых могло хватить лишь для того, чтобы приступить к делу.

[147] Стенограмма заседания членов перевозочного отдела ЦВПК и железнодорожной комиссии ССПП и Т 1 (14) февраля 1917 г.: ЦГИА СССР,

о концессии американская группа указывала: «Имея в виду недостаток металла в России, остро ощущаемый в настоящее время, Американская международная корпорация уже приступила к изучению мест и условий основания в России в крупном масштабе чугунолитейных, сталелитейных, рельсопрокатных и других заводов на американские капиталы при участии русских инженеров и имеет полное основание заявить, что она нашла в России все данные для выгодной и рациональной постановки этого дела в самых широких размерах и для быстрого его развития».[148] Таким образом, линия Москва—Донбасс была выбрана американской группой в связи с интересом, проявленным ею к ключевым отраслям тяжелой индустрии.

В состав синдиката, как явствует из краткой черновой записи, сделанной рукой Мезерва,[149] вошли, кроме Американской международной корпорации и фирмы Хольбрука, вице-президент «Нэйшнл сити бэнк» Рич в компании с Мезервом. Русская сторона была представлена Э. К. Грубе, заседавшим теперь в правлении Сибирского торгового банка, но по-прежнему десятками нитей связанным с правительственным финансовым ведомством, и Ф. А. Липским, членом Совета Сибирского банка.

5 декабря министрам финансов и путей сообщения было подано прошение Липского и Хольбрука, который, хотя и выступал в качестве вице-председателя Американской международной корпорации, назвал себя для этого случая Фредериком Фердинандовичем. Хольбрук и Липский просили разрешить им образование акционерного общества для сооружения и эксплуатации железнодорожной линии магистрального типа от Москвы до Донецкого бассейна (Луганск) в две колеи и далее до Мариуполя или Таганрога — в одну. В ходатайстве подчеркивалось, что «Американская международная корпорация предлагает построить железную дорогу ввиду предстоящей весьма значительной работы наиболее мощного типа, применив все последние усовершенствования железнодорожной техники». Американцы обещали использовать при строительстве и эксплуатации дороги русских рабочих и специалистов, а также употреблять русские материалы, прибегая к американским лишь в тех случаях, когда русские невозможно будет достать.[150] Общая стоимость постройки исчислялась заявителями в 580 млн руб. Американская международная корпорация (Липский сам, определяя свою роль, указывал, что она сводилась к помощи американской финансовой группе) и Министерство финансов договорились по поводу

ф. 32, оп. 1, д. 834, лл. 2, 36. Датируется по газетному отчету о заседании в «Русском слове», 2 (15) февраля 1917 г.

[148] Прошение Хольбрука и Липского министру финансов, 5 декабря 1916 г.: ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 32, лл. 82—83.

[149] ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 214.

[150] ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 32, лл. 82—83.

образования капитала общества без правительственной гарантии — от $^1/_2$ до $^1/_4$ акциями, остальное облигациями.[151] Способ этот был принят правительством, по словам Липского, «благосклонно». И неудивительно: доллары оказались бы в распоряжении Министерства финансов, а предложенное соотношение акционерного и облигационного капитала представлялось весьма привлекательным, поскольку, как мы видели, даже действовавшая в русских обществах норма 1 : 9 считалась неосуществимой и ее предполагалось заменить более льготной 1 : 12 или 1 : 15. В том, что американцы предложили столь удовлетворительное для русского правительства соотношение между акционерным и облигационным капиталами, помимо привычки к такой форме ведения дел в США, несомненно, сказался расчет на необычную доходность дороги. Дело считалось настолько прибыльным, что, хотя обычно негарантированные предприятия пользовались правом на прибыль любого размера, здесь правительство «выторговало» у американцев в свою пользу половину чистой прибыли, если она превысит 12%.[152]

Но при всей коммерческой выгодности предложенного американцами предприятия и хозяйственной необходимости в нем, одними только экономическими соображениями никак невозможно объяснить намерение правительства немедленно приступать к строительству новой гигантской магистрали, когда разруха на действовавших линиях принимала все более тревожный характер и требовались срочные меры и средства, чтобы ее преодолеть. Недаром ни один из участников совещания, созванного для обсуждения американского проекта, не мог поверить, что к строительству дороги собираются приступить тотчас же, а сам Липский не без смущения говорил, что «приходится строить эту дорогу теперь», так как правительство выдвигает в качестве «необходимого условия», чтобы строительство началось «немедленно». И когда его прервали недоуменным вопросом: «Во время войны?», он должен был ответить хоть и уклончиво, но утвердительно («Мы не знаем, когда она кончится»). Представители американского синдиката и сами незадолго до того были сильно удивлены, когда в первых числах февраля директор Кредитной канцелярии фон Замен вдруг пригласил к себе Мезерва и предложил ему, чтобы они вдвоем «выступили в роли посредников между Министерством путей сообщения и американским синдикатом с тем, чтобы ускорить переговоры между ними». Услышав это, Мезерв, по его собственным словам, «подскочил» от радостного удивления.[153]

---

[151] Стенограмма заседания по поводу строительства дороги Москва—Донбасс 1 (14) февраля 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 834, л. 4.

[152] Там же, лл. 17—18.

[153] «Дорогой Карл Васильевич, — писал он Чарльзу Ричу, называя на русский лад одного из основателей синдиката и своего компаньона

Конечно, отнюдь не срочностью экономической необходимости в новой линии объяснялся неожиданный для Мезерва демарш Кредитной канцелярии. Выработанный в кругу Александры Федоровны железнодорожно-строительный план с социально-умиротворительным прицелом, по-видимому, вновь обрел свое значение. Возможно, что это стояло в связи с новой, февральской, активизацией придворных «миротворцев».[154] В январе российские правительственные ведомства решили отправить в США особую финансово-экономическую миссию. Ее программой должна была, по-видимому, стать очередная, декабрьская записка Русско-Американской торговой палаты о привлечении в Россию американских капиталов, на которой появилась помета министра иностранных дел Н. Н. Покровского: «Очень нужное».[155] Американский капитал даже после разрыва германо-американских дипломатических отношений не терял для царизма своей специфической привлекательности. Противоречия и колебания в США по вопросу о вступлении в войну были в течение всего февраля настолько разительны, что американский денежный рынок, естественно, продолжал рассматриваться как источник средств неантантовского происхождения. К «Нэйшнл сити бэнк» это относилось в особенности. Недаром ведь в 30-х годах сенатская комиссия Ная, рассматривавшая вопрос о вступлении США в войну, выделяла именно дом Моргана как ту финансовую силу в США, которая была тесно связана с Антантой в деле производства и кредитования военных заказов и благодаря этому втягивала США в войну. У «Сити бэнк» военно-промышленные связи с Антантой были, наоборот, незначительны, хотя это, конечно, отнюдь не ставило «Сити бэнк» на одну доску с такими банками, как «Кун, Леб и К°» и др.

Впрочем, при политической оценке американского денежного рынка у представителей петроградских официальных кругов были основания считать, что Америка, даже вступив в войну с Германией, все равно займет в союзнической коалиции особое

в нем. — Похоже, что теперь Американская международная корпорация на самом деле имеет хорошие шансы на получение концессии на строительство Московско-Северодонецкой железной дороги. По словам всякого и каждого, эта предполагаемая дорога явится самым лакомым куском изо всех железных дорог в России, и, если вообще мы намерены что-нибудь предпринять в России по железнодорожной части, мы должны с головой войти в дело строительства этой дороги» (ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 465—466).

[154] Напомним известное свидетельство об этом министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Чернина (О. Чернин. В дни мировой войны. М., 1923. стр. 156—157).

[155] П. Н. Милюков — А. И. Коновалову, 16 марта 1917 г.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 2, М.—Л., 1957, стр. 453; АВПР, ф. II Департамента, I—5. р. III, 1916 г., д. № 59.

место, что противоречия между США и союзниками едва ли будут сильно смягчены, а конкуренция между ними в России станет еще ожесточеннее. Одним словом, тяготение официальных петроградских кругов к нейтральному американскому капиталу все еще продолжало быть одной из причин, способствовавших успеху Мезерва и Хольбрука. Недаром проект строительства американцами дороги Москва—Донбасс, продвинутый ими в правительственных кругах и ставший достоянием гласности в момент наивысшего обострения противоречий между царизмом и буржуазной оппозицией, вызвал в буржуазных кругах, как мы увидим, весьма активное и довольно единодушное сопротивление. Казалось бы, теперь, когда «великая заатлантическая демократия» намеревалась примкнуть к «борьбе против тирании» (так выражалась о разрыве США с центральными державами буржуазная печать), привлечение американского капитала должно было стать для буржуазии более желанным делом, чем раньше. Но отношение к этому американскому проекту было иным. Оно определялось, по-видимому, наряду с ранее существовавшими конкурентными и другими соображениями, облекавшимися в форму общеклассового «экономического патриотизма» буржуазии, еще и тем, что проект этот пользовался особой поддержкой царских властей. А дух политического противоречия царизму имел в это время широкое распространение в буржуазной среде.

1 (14) февраля в Петрограде состоялось специальное заседание членов перевозочного отдела ЦВПК и железнодорожной комиссии Совета съездов представителей промышленности и торговли с участием представителей различных железнодорожных обществ, Министерства путей сообщения и бюджетной комиссии Думы, посвященное американскому строительному проекту. Обсуждение показало, что представители капиталистических кругов, как и прежде, горячо высказываясь за привлечение американского капитала, обставляют свои призывы различными оговорками. Пожалуй, лишь Б. А. Бахметев снова высказался за ориентацию на США и за привлечение американского капитала в сущности без каких бы то ни было оговорок. В подтверждение своей позиции он опять изложил во всей полноте пресловутый тезис об аполитичности американского капитала. «Я считал и считаю, — говорил он, — что из всех иностранных капиталов, которые могут быть привлечены к участию в развитии производительных сил России, американский капитал имеет то огромное преимущество, что он лишен политической окраски. Всякий другой капитал, который стремится работать в России, уже имеет определенную политическую окраску, так как страна, его ввозящая, может иметь определенную политическую цель в России. Наоборот, мне всегда казалось, что трудно себе представить такую политическую конъюнктуру, при которой Америка может

иметь непосредственные политические задачи в России, и поэтому капитал ее будет нейтральным, будет преследовать исключительно торгово-промышленные интересы, и не будет окрашен политически».[156]

Прошло немногим более года, и возникла та «политическая конъюнктура», которую Б. А. Бахметеву было так «трудно себе представить», — США приняли участие в антисоветской военной интервенции, за кулисами которой активно действовал сам Бахметев в роли посла не существовавшего более Временного правительства. Теория об аполитичности американского капитала рухнула. Но «непосредственные политические задачи», которые ставило перед собою правительство США, участвуя в антисоветской военной интервенции в России, оказались соответствующими жизненным интересам российского империализма, интересам сохранения буржуазно-помещичьего строя.

Все это было, однако, потом. В интересующий же нас момент, в начале февраля 1917 г., тезис об аполитичности американского капитала служил, казалось бы, лучшей для него рекомендацией в глазах буржуазных политиков и капиталистов-практиков. И тем не менее в буржуазных кругах возникал вопрос: не приведет ли привлечение американских капиталов, столь желательное вообще, к возникновению новой линии экономической зависимости России. Сам Липский, представлявший на совещании по поводу дороги Москва—Донбасс интересы американской группы, должен был с этим считаться, обосновывая желательность принятия американских предложений. Не дожидаясь возражений в прениях, он сразу же поставил вопрос, «нельзя ли привлечь американский капитал к железнодорожному русскому строительству в другом виде, т. е. чтобы эти американские капиталисты покупали русские облигационные займы, гарантированные правительством, и этим кончилось бы участие американских капиталистов в этом деле». «Но, к сожалению, — отвечал он на свой собственный вопрос, — американские капиталисты совершенно иначе смотрят на участие в наших делах, чем, например, капиталисты французы... Американцы желают давать деньги только на такие дела, где они участвуют активно, т. е. давать на фабрично-заводские, металлургические, каменноугольные или железнодорожные предприятия, но они желают участвовать в них активно, своими капиталами, т. е. если в первые годы они не получат никакой прибыли, то зато в дальнейшем они надеются, что, может быть, эта прибыль будет более $4^1/_2$—5—6%. Это для американцев представляется более заманчивым».[157]

---

[156] Стенограмма заседания 1 (14) февраля 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, ф. 32, оп. 1, д. 834, лл. 11—12.

[157] Там же, л. 7.

Таким образом, привлечение американского капитала в «активной», по выражению Липского, форме, которого на протяжении предшествовавших месяцев настойчиво добивались представители царских ведомств и буржуазные сторонники «сближения», в сущности изображалось теперь как неизбежное зло. Средство сделать это зло наименьшим Липский видел в том, чтобы направить американский капитал именно в железнодорожное дело. В этой отрасли, говорил он, в силу правительственной регламентации «активный капитал, хотя бы иностранный, ... поставлен в тесные и узкие рамки», а потому и американцы будут там вынуждены действовать «наименее стесняющим нас образом» по сравнению с другими отраслями.[158] Атмосфера на заседании была такова, что никто прямо не выступал против привлечения американского капитала в целом, но никто в сущности и не поддерживал американского проекта, из-за которого заседание было созвано. Чрезвычайно выразительна была в этом смысле позиция представителей Рязанско-Уральской и Северо-Донецкой дорог, боявшихся конкуренции новой магистрали. М. П. Федоров, крупный капиталист, связанный с Рязано-Уральской дорогой, начал с того, что объявил проектируемую американцами дорогу бесперспективной в отношении доходности и в связи с этим выразил опасение, как бы американцы, обманувшись в этом деле, не разочаровались в России вообще.[159] Но в ходе дальнейших прений Федоров проговорился об истинной подоплеке своей позиции, обронив фразу о «дорогах, которые будут обездолены», если американский проект осуществится.[160]

Не слишком благоприятна по отношению к американской группе была позиция председательствовавшего на заседании одного из видных деятелей прогрессивного блока А. А. Бубликова, которому предстояло в февральские дни стать уполномоченным думского Временного комитета в Министерстве путей сообщения. Он с полной серьезностью поддержал поначалу деланные заботы о том, «чтобы американцы не обожглись на этом деле», а затем вдруг в общем плане поставил вопрос о целесообразности «привлечения американских капиталов». Вопрос этот, говорил он, интересует не только «сферы», но и «широкую читающую публику», причем у этой последней (читай: буржуазной общественности) «вызывает некоторое волнение, как бы знатные иностранцы, привлеченные к нам, не обошлись бы нам слишком дорого».[161] Дорогу, которую американцы намеревались строить, он считал в смысле доходности весьма многообещающей («едва ли найдем на русской сети дорогу, которая бы обещала

[158] Там же, лл. 7—8.
[159] Там же, лл. 25, 29, 33—34. — Липский саркастически поблагодарил при этом представителей конкурентных дорог за заботу об американцах.
[160] Там же, л. 60.
[161] Там же, лл. 36, 43.

большую доходность, чем эта»)[162] и потому объявлял предложенные американцами условия — без гарантии, но с повышенной нормой начала дележа прибыли с казной — слишком для них выгодными. Из-за этого, считал он, придется «посылать в Америку от 13 до 18 млн лишних в год».[163]

Общую политику царизма в вопросе об американском капитале Бубликов критиковал с двух сторон. С одной стороны, он говорил о «преступной канцелярской волоките», в результате которой американский капитал «шел в предприятия и страны, далеко не обеспечивающие той доходности, какую давала на практике Россия... отливал во всякие Бразилии, Аргентины, Гватемалы и т. д., но не шел в Россию». С другой стороны, он требовал, чтобы в деле привлечения американских капиталов правительство не повторило довольно частых в его прошлом ошибок и в достаточно твердой мере оговорило интересы России перед «знатными иностранцами».[164] В общем буржуазные «привлекатели» американского капитала оказались значительно менее по отношению к нему лояльными, нежели правительственные ведомства, которые фактически уже решили дело в пользу американцев. Несмотря на крайне осторожные выпады в адрес «власти», которые позволял себе Бубликов, на открыто выраженные другими мнения о том, что строительство дороги Москва—Донбасс во время войны «преступно»,[165] на требования заставить американцев строить в России и менее доходные линии,[166] элемент политической оппозиции царизму был выражен на этом совещании еще не очень ясно. По существу же дела — предоставлять ли американцам просимую ими концессию — совещание единого мнения так и не выразило.

Но прошло всего три недели, и последовал публично заявленный резкий протест против принятия американских предложений, прозвучавший как голос буржуазной оппозиции царизму. Особенное значение этому протесту придавало то, что исходил он от буржуазных организаций Москвы, которые всегда активно выступали за привлечение американского капитала, создали Русско-Американскую торговую палату и т. д. 25 февраля в газетах появилось сообщение о состоявшемся накануне в Московском биржевом комитете большом совещании по поводу

---

[162] Там же, л. 48.
[163] Там же, лл. 60—61.
[164] Там же, л. 69. — Подводя итоги совещания, Бубликов употребил формулу: «нашествие иностранного капитала, нужного нам, но все-таки идущего на завоевание России». Но Федоров предложил опустить слова: «идущего на завоевание». «Я сказал это в шуточной форме», — откликнулся Бубликов. В тексте стенограммы эти слова, показавшиеся слишком уж непочтительными по отношению к американцам, были зачеркнуты (там же, лл. 68—69).
[165] Там же, л. 38.
[166] Там же, л. 47.

строительства все той же дороги.[167] Председательствовал С. Н. Третьяков, один из лидеров руководящих кругов московской буржуазии, верхушка которой, как известно, находилась обычно в конкурентных отношениях с руководителями петроградских буржуазных представительных организаций. В совещании участвовали представители различных буржуазных организаций не только самой Москвы, но и Московского промышленного района. На этом совещании не было никакого расхождения во взглядах на замыслы американского капитала. Единогласно было решено поручить Третьякову решительно протестовать против предоставления концессии американцам. Посланная председателю Совета министров и министрам торговли и промышленности, финансов и путей сообщения телеграмма и газетные отчеты о совещании содержали самые резкие выражения об угрозе «засилья иностранных капиталов», в них указывалось, например, что «совершенно недопустимо делать при выдаче концессии предпочтение иностранцам перед отечественными предпринимателями и тем самым отдавать управление важной дороги в руки иностранных предпринимателей, которые будут руководить ею не из России и могут руководить не в русских интересах».

Конечно, немалое значение могли тут иметь и конкурентные соображения. Московские капиталисты, которые непрочь были расширить себе на пользу американский товарный импорт и ввоз американских капиталов постольку, поскольку он шел во вред интересам петербургских магнатов, теперь, когда возник вопрос о внедрении американского капитала в экономическую жизнь Центрально-промышленного района, имели веские основания для протеста. И все же протест носил характер политической демонстрации буржуазной оппозиции. Об этом свидетельствовали, помимо резкости выражений, направленных как бы против американцев, а на самом деле, совершенно очевидно, против правительства, и другие обстоятельства. Прежде всего, подчеркнутая публичность, а затем внезапно заявленная готовность всех без исключения московских банков финансировать строительство дороги. Демонстративно-политический характер созванного московским биржевым комитетом совещания 24 февраля был тем более явным, что в конце января Третьякову, как председательствовавшему в биржевом комитете, был запрещен правительством созыв торгово-промышленного съезда. Он был предупрежден, что даже частные совещания лиц, которые могли бы прибыть на съезд, повлекут за собой уголовную ответственность.[168]

К тому же за некоторое время до начала февральских событий председатель Земгора будущий премьер-министр Временного

---

[167] См., например, «Русское слово» и «Речь» за 25 февраля (10 марта) 1917 г.

[168] Русское слово, 19 января (1 февраля) 1917 г.

правительства Г. Е. Львов на специальном «ультрасекретном» заседании сообщил руководителям московских буржуазных организаций о подготовке дворцового переворота.[169]

■

Подчеркнуто демонстративный характер московского протеста и открыто выражавшиеся разногласия по поводу отношения к американскому капиталу явились наглядным примером неутешительных итогов политики русско-американского «экономического сближения» к моменту краха самодержавия. Положение американской дипломатии в Петрограде и уполномоченных американских фирм в России представлялось накануне Февральской революции (хотя никто из действующих лиц на русско-американской политической сцене ее не предвидел) нелегким. Своеобразный «роман» американцев в Петрограде с царскими правительственными ведомствами и прочные отношения, установленные Мезервом, Хольбруком и др. с петроградскими банковскими кругами, которые всегда имели с царизмом тесные связи, а в результате распутинской эпопеи еще более их упрочили, — все это не только должно было оказаться теперь бесполезным, но и, наоборот, могло обернуться американцам во вред. Прежняя буржуазная оппозиция царизму, придя к власти (отметим как известный факт, что при Временном правительстве и в нем самом начали играть видную роль московские конкуренты петроградских капиталистических лидеров), могла поставить американцам в строку их тесные связи с одиозными силами старого строя.

В глазах газетного читателя для этого существовали некоторые основания. Имя Ашберга как организатора стокгольмской встречи было названо в печати в январе, когда был опубликован доклад Протопопова. И хотя в докладе Протопопов ничего не говорил об американских связях Ашберга, в деловых кругах об этом было всем, конечно, известно. «Очень дружеские отношения Фрэнсиса с царским правительством», о которых он с гордостью сообщал в последнем перед свержением царизма письме в Вашингтон, в новых условиях могли возыметь совсем неожиданное значение. Как бы ни изменилась после разрыва германо-американских дипломатических отношений безразличная позиция американской дипломатии в вопросе об участии России в войне, — а на практике за эти недели такого изменения, по-видимому, не произошло — январская позиция США в этом вопросе, как и в общем вопросе о продолжении войны, была не по нраву и лидерам буржуазной оппозиции и их политическим союзникам — дипломатам стран Антанты в Петрограде. Ведь и те, и другие

[169] П. А. Бурышкин. Москва купеческая. Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1954, стр. 317.

громче всего настаивали на лозунге «война до победного конца», а президент США Вильсон с середины декабря усиленно заигрывал с мирными лозунгами и еще 22 января, т. е. за несколько дней до германо-американского разрыва, выступил со своим нашумевшим обращением к конгрессу о «мире без победы».[170]

Для американского империализма «мир без победы» означал бы возможность игры на противоречиях между ослабившими друг друга в войне блоками, для Антанты же американское предложение было, по выражению Ллойд Джорджа, «оскорблением». Между тем лидеры русской буржуазии стремились к тому, чтобы Россия заняла в рядах Антанты одно из первых по воинственности мест. И хотя Фрэнсис писал Лансингу, что неблагоприятная для США реакция на действия американской дипломатии «полностью перекрыта» разрывом их отношений с Германией, которым-де в России настолько удовлетворены, что начинают смотреть на США как на союзника, — это сообщение было скорее всего продиктовано желанием Фрэнсиса уменьшить в глазах Лансинга и самого Вильсона значение того промаха, которым он считал президентское выступление. Если в специальной справке, составленной в российском МИДе после вильсоновской декабрьской ноты воюющим державам, действия президента объяснялись по преимуществу тем, что он «стремится окружить себя ореолом мирового миротворца»,[171] то разрыв отношений США с Германией вызвал в России и такие отклики, как весьма реалистическое заявление Милюкова, гласившее: «Опасаются, что шаг, предпринятый президентом Вильсоном, вызван стремлением добиться участия Соединенных Штатов в том конгрессе, который будет определять условия мира».[172]

Фрэнсис принял и собственные меры. Лозунг «мир без победы» он перетолковал с помощью чисто словесной эквилибристики на свой лад: «победа каждой из сторон», стремясь совместить его с «войной до победного конца». Предупрежденный «друзьями из числа русских официальных лиц» о том, что он пользуется в России репутацией германофила, посол пытался в опровержение этого поместить в американских газетах провоенные заявления.[173] В речи в Москве он жаловался на свою «трудную и деликатную задачу» защиты интересов центральных держав в России и обещал заботиться о развитии русского вывоза

---

[170] Лансинг, судя по его воспоминаниям, возражал против включения этой формулы в текст президентского послания, чтобы не вызвать раздражения у правительств стран Антанты, но настаивать на своих возражениях перед президентом не стал, считая это «бессмысленным» ввиду его «пристрастия к фразерству» (War memoirs of Roberts Lansing, N. Y., 1935, p. 193).

[171] АВПР, ф. Канцелярии, 1916 г., д. 54, л. 175.

[172] Речь, 23 января 1917 г.

[173] D. R. Francis, ук. соч., стр. 53—56.

в США. («Не следует думать, что Америка ищет в России только рынок для своих произведений»).[174]

К трудностям и препятствиям, возникшим в этот момент перед американской политикой в России в связи с развитием российских внутриполитических событий, добавлялась еще и конкуренция в русском вопросе с Англией и другими странами Антанты. В своем последнем перед свержением царизма письме Лансингу Фрэнсис уделил главное внимание сведению счетов с английской дипломатией в России и лично с Бьюкененом. «Не нравится мне позиция Англии, точнее британского посольства здесь», — жаловался Фрэнсис Лансингу. Бьюкенен, оказывается, не счел нужным как-либо реагировать на разрыв германо-американских дипломатических отношений. Так же повели себя и французский и итальянский послы, которые, по словам Фрэнсиса, «без консультации с британским послом почти что не могут сказать, который час».[175] Фрэнсис ждал визитов и «по крайней мере» выражений удовлетворения по поводу разрыва США с «архиврагом их стран», но дождался этого лишь от бельгийца.

Не игнорируя и общих англо-американских противоречий («Англия боится, что Америка, вступив в войну, станет слишком могущественным фактором в мирных переговорах»), Фрэнсис видел главную причину отчуждения между собой и Бьюкененом в соперничестве из-за влияния в России. Как бы солидаризируясь с дворцовыми сферами, добившимися удаления Сазонова как англофила, он жаловался, что «английские кузены» «занимают в России господствующее положение». «Английский диктат вмешивается в прямую торговлю России с Америкой, — писал он. — ... Верно, что Англия финансирует Россию и может требовать права одобрения того, как расходуются предоставленные ею деньги, следует также признать, что такого же образа действий в этих обстоятельствах можно ожидать со стороны любой страны или любого правительства (иными словами, Фрэнсис говорил Лансингу: стоит нам, американцам, начать прямое кредитование России, и мы потребуем того же контроля над русской экономикой, которого домогается Англия, — *Р. Г.*). Англия не должна, однако, забывать, что может финансировать Россию и других союзников только с той помощью, которую она получает от Соединенных Штатов. Теперь, однако, эта помощь несомненно прекратится, так как появилась перспектива использования нами самими всех наших денег для собственной подготовки (и, конечно, для прямого кредитования России, как оно действительно и произошло, — *Р. Г.*), и возможно, что

---

[174] Русское слово, 30 декабря 1916 г. (12 января 1917 г.).
[175] Фрэнсис — Лансингу, 29 января (11 февраля) 1917 г.: The Lansing papers, v. II, pp. 320—324.

понимание этой ситуации или страх перед ней являются причиной того равнодушия, которое проявляет Англия к весьма вероятному объявлению нами войны Германии».[176]

Обозленный и раздосадованный Фрэнсис, несомненно, преувеличивал размеры английского влияния в России. Гнев его был бессильным. И лишь в письме в Вашингтон к собственному шефу сводил он счеты со своим английским коллегой, позволяя себе высокомерные фразы по отношению к будущим союзникам США в войне.[177] В Петрограде же «дружеские связи» Фрэнсиса с последними царскими министрами после свержения царизма могли лишь помочь Бьюкенену, всегда поддерживавшему отношения с лидерами буржуазной оппозиции, поставить американскому посольству подножку.

Все это были неизбежные последствия американской империалистической политики спекуляции на нейтралитете. Именно эта политика дала возможность царизму смотреть на определенные круги американского капитала как на силу, если не прогерманскую, то, по крайней мере не связанную с Антантой, и эта-то политика теперь оборачивалась некоторыми трудностями для американской дипломатии в России. В том, что агитация против кружка царицы, как оплота германского влияния, которая чрезвычайно усилилась в феврале, может краешком задеть и американцев, Фрэнсис убедился еще до начала революционных событий, 12 февраля (ст. ст.), когда секретарей американского посольства назвали в трамвае «сторонниками Германии». Телеграфируя об этом государственному секретарю, Фрэнсис сообщил также, что ему пришлось потребовать охраны для здания австрийского посольства, и с облегчением добавил: «Масса не знает, что мы все еще представляем Австрию».[178] Помимо того, что американское посольство представляло в России интересы Австро-Венгрии и заботилось о германских военнопленных, против американцев и самого Фрэнсиса в Петрограде могли быть обращены еще два обстоятельства.

Прежде всего внушительное здание американской фирмы «Зингер» и консульства США в Петрограде было, по выраже-

[176] Там же.

[177] «Союзники должны иметь в виду, — внушал Фрэнсис Лансингу свои принципы обращения США со странами Антанты, — что их совместные попытки принудить центральные державы принять их условия безуспешны в течение двух с половиной лет. Они должны также иметь в виду, что в то время, как они были ослаблены потерей миллионов людей и миллиардными долгами, которые они наделали, Америка стала сильней. Ее сила не только в богатстве и людских ресурсах, но и в том, что она приобрела в деле военного производства бо́льший опыт, чем за все время ее существования (The Lansing papers, v. II, pp. 320—324).

[178] Телеграмма Фрэнсиса государственному секретарю, 25 февраля 1917 г. Papers relating to the Foreign relations of the U. S. (PRERUS) 1918, Russia, v. I, p. 1.

нию консула Н. Уиншипа, «с самого начала войны под подозрением в том, что это германское здание, так как массы считают компанию „Зингер" германской».[179] Национальная принадлежность компании «Зингер» действительно была во время войны предметом различных правительственных расследований, так как «Зингер» в России представляла собой подобно другим американским компаниям «общество-внука» американского мирового концерна, связанное с «обществом-матерью» в США через германское «общество-дочь». Это и давало повод для «предубеждений» против всех американских фирм, расположенных в доме Зингера, хотя консул Уиншип в своих жалобах Лансингу явно преувеличивал опасность, которой подвергался из-за этого он сам и другие американцы.[180] Впрочем, и Мезерв жаловался Вандерлипу на «нервную пытку», которую американцам пришлось-де пережить в Петрограде в февральские дни.[181] Второе обстоятельство состояло в том, что сам посол Фрэнсис еще на пароходе по дороге из США в Петроград завязал знакомство с одной дамой, которая числилась у союзных разведывательных органов под подозрением по части шпионажа в пользу Германии. Знакомство это в дальнейшем упрочилось, внушая американцам в Петрограде большие опасения.[182]

Конечно, эти обстоятельства относились как бы к внешней стороне дела, но в те дни они-то и вызывали у представителей США в России особенное беспокойство, тем более что существовали и другие, отнюдь не лежавшие на поверхности, но Фрэнсису и другим американцам хорошо известные. Ведь антигерманский мотив, который зачастую придавали тогда буржуазные и мелкобуржуазные круги своей агитации против царизма, находил известный отклик в народе на гребне волны мелкобуржуазной и, в частности, оборонческой идеологии, поднявшейся в февральские дни.

Хотя дипломатия Соединенных Штатов и до их разрыва с Германией никогда не ставила перед собой такой цели, как выход России из войны каким бы то ни было путем, и не оказывала этому никакого содействия, Фрэнсис, как мы видели, понимал, что репутация «нейтралов» или даже «нейтралов германофильского толка», которую стяжали себе в России американцы, может теперь повредить ему в Петрограде.

Еще важнее для него лично было то неодобрение, которое мог вызвать его образ действий в самих Соединенных Штатах. Каково бы ни было раньше отношение в США к возможности

---

[179] Уиншип — государственному секретарю, 20 марта 1917 г.: там же, стр. 10.

[180] Там же.

[181] Мезерв — Вандерлипу, 16 (29) марта 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 202.

[182] S. N. Harper. The Russia I believe in. Chicago, 1945, pp. 92—93.

русско-германского сепаратного мира, теперь, после разрыва США с Германией оно было, разумеется, отрицательным. Фон Ягов в интервью, данном У. Буллиту, еще в августе 1916 г. пугал США союзом Германии с Россией и Японией на случай, если США примкнут к англо-французской антанте.[183] Именно ради предотвращения русско-германского союза как оплота монархической реакции «Нью рипаблик», орган так называемых «антиимпериалистов» (крайняя левая буржуазная группировка, обставлявшая свою поддержку вступления США в войну различными условиями), предложила в декабре 1916 г. «мир без победы» с тем, чтобы превратить Германию в «барьер против русской экспансии». Когда же вновь разразилась подводная война, «Нью рипаблик» выступила за войну с Германией и, само собой разумеется, была против сепаратного русско-германского мира.

Выход России из войны был, конечно, невыгоден и сторонникам войны из более правых буржуазных кругов США. И когда из русских источников кадетского происхождения в Америке стало известно о сепаратистских намерениях царизма, то даже прочно существовавшее в пропагандистской сфере предубеждение против «военного союза американской демократии с русской монархической реакцией» претерпело моментальную и совершенно неожиданную трансформацию. Концепция эта, содержавшая изрядную долю политического ханжества, и раньше не принадлежала к числу реальных политических факторов, на деле определявших отношение США к участию в войне. Она была всего лишь демагогическим средством, которое использовали различные противники вступления США в войну. Теперь же, когда Америка по-настоящему приблизилась к войне, элементарный эгоистический расчет (чем сильнее и многочисленней антигерманская коалиция — все равно, кто бы в ней ни состоял, — тем легче будет воевать Соединенным Штатам) перекрыл собою эту теорию. От нее остался лишь курьезный прием, использованный уже не противниками, а, наоборот, сторонниками войны из либерально-буржуазного лагеря в их последних пропагандистских усилиях, направленных к вступлению США в войну. «Если царь против войны, — заявляли они, кто может отказаться от того, чтобы быть за войну?»[184]

Как отмечает современный американский буржуазный историк Лэш, «если страх перед Германией был способен с такой легкостью вытеснить собою страх перед Россией, значит, страх перед Россией с самого начала был не так уж глубок».[185]

---

[183] Ch. Lash. The American liberals and the Russian revolution. N. Y.— London, 1962, p. 16.
[184] Там же, стр. 23.
[185] Там же, стр. 25.

Теперь выход России из войны путем сепаратного мира с Германией стал пугающей перспективой даже для тех левобуржуазных кругов, которые раньше стремились изобразить участие царизма в войне с кайзером как «моральное препятствие» к вступлению в эту войну «демократической» Америки. Пресловутую ноту Циммермана «антиимпериалисты» рассматривали как доказательство намерений «реакционной прорусской партии» в Германии заключить сепаратный мир с Россией. «Де Мойн реджистер», который наряду с «Нью рипаблик» был органом «антиимпериалистов», прямо писал, что «за нотой Циммермана можно увидеть еще вынашиваемую в Берлине надежду на сепаратный мир с Россией и на сформирование большой лиги, включающей Германию, Австрию, Турцию, Болгарию, Россию, Японию и Мексику».[186] Номер, в котором это было напечатано, вышел в свет 4 марта 1917 г. (н. ст.). Независимо от того, знал или нет Фрэнсис о таких высказываниях американской печати, ему и самому должна была стать ясной необходимость для американской дипломатии в России срочной перестройки и перемены ориентации.[187] Когда за восемь месяцев до того Фрэнсис ехал в Россию, перед ним стояла лишь одна задача — развитие экономической экспансии США в России и общее укрепление американских позиций там, главным образом путем преодоления английского влияния. Военно-политических задач перед ним тогда еще не было. Более того, именно нейтралитет США рассматривался как создающий благоприятные условия для захвата позиций в России на послевоенное время. Появление перед американской дипломатией в России задач военно-политического характера застигло Фрэнсиса врасплох.

Когда же разразилась революция, которая смела царизм, и на политической арене России Фрэнсис увидел два лагеря — буржуазный и революционно-демократический, он избрал единственно возможный для него как по классовым, так и по военно-политическим мотивам путь — наверстывать упущенное в установлении тесных связей с лидерами русской буржуазии, оказавшейся теперь у власти.

---

[186] Там же, стр. 15.

[187] Официальные американские публикации дипломатических документов не содержат каких-либо инструкций госдепартамента Фрэнсису по поводу предстоявшего вступления США в войну. В письмах Фрэнсиса Лансингу только однажды — в письме от 29 января (11 февраля) 1917 г. — упоминается факт получения им письма от Лансинга. В этом письме от 28 декабря (н. ст.) 1916 г., полученном в Петрограде через месяц, Лансинг, как явствует из письма Фрэнсиса, лишь отмечал, что сообщения Фрэнсиса дают ему представление о положении в России. Письмо Лансинга, по утверждению американских публикаторов, ими в архиве госдепартамента не обнаружено (The Lansing papers, v. II, p. 320). В целом, таким образом, следует считать, что Фрэнсис был предоставлен госдепартаментом самому себе.

Однако об этом нам предстоит подробно говорить несколько ниже, после короткой и самой общей характеристики того состояния, в котором в последние месяцы существования царизма находилось дело русского военного снабжения в Америке.

Полное благодушие, царившее в отношениях между дипломатическими и финансово-деловыми представителями США в Петрограде и высшими царскими властями, порой прямо-таки переходившее в сердечность, чем так гордился Фрэнсис, в сущности очень мало отражалось на практической, деловой стороне русско-американских связей.

В США, где развертывались русские заготовительные и закупочные операции и где непосредственно ощущались связанные с этим трудности, русские представители видели дело совсем не в том розовом свете, в котором оно представлялось Фрэнсису на петроградской сцене. Впрочем, и в Петрограде в отличие от Фрэнсиса и других американцев, которым, разумеется, не было никакого дела до военно-экономических нужд России, руководители правительственных ведомств к концу 1916 г. пессимистически смотрели на состояние военного снабжения России из США, как и на финансово-экономические отношения с союзниками по Антанте.

Предшествовавшие этому обстоятельства были таковы. Русское заготовительное дело в Америке, находившееся в руках двух независимых друг от друга сил — Моргана как агента английского правительства и Русского заготовительного комитета, — к середине 1916 г. характеризовалось, по выразительному определению Отчета Русского заготовительного комитета, ростом числа размещаемых заказов при неудовлетворительном их выполнении. Главное артиллерийское управление даже вынуждено было дать приемщикам секретное предписание понизить требования к качеству изделий.[188]

Американские военные предприятия, в частности патронные заводы, во всех случаях отдавали предпочтение перед русскими заказами заказам других союзных стран, объясняя это недостаточной исправностью расчетов по русским заказам. Если с английской стороны в этом и не было прямого умысла, тем не менее нельзя игнорировать того обстоятельства, что Англии такая репутация России на американском рынке была чрезвычайно выгодна, давая возможность добиваться предпочтения своим заказам. А создание этой репутации целиком находилось в английских руках вместе с делом кредитования русских заказов в США.

---

[188] Отчет о деятельности Русского заготовительного комитета в Америке и его ликвидационной комиссии. Ч. 1, лл. 80, 96 (отчет хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР СССР).

Летом 1916 г. «среди некоторых чинов британского Военного министерства», — указывалось в Отчете Русского заготовительного комитета, — «раздавались даже отдельные голоса за полное почти уничтожение самостоятельного значения Русского заготовительного комитета и централизацию всех заготовительных функций для России в США в ведении банкирского дома „Морган и К°“».

В результате англо-русских переговоров был составлен проект соглашения, согласно которому контроль над заказами в США в счет английских кредитов передавался смешанной Англо-Русской подкомиссии, а все переговоры с заводами-контракторами возлагались на Моргана. Не возражая против «самого широкого и строгого контроля» английских властей над финансируемыми Англией заказами, председатель Русского заготовительного комитета в США ген. Залюбовский добивался сохранения за собой лишь технического контроля. Этого удалось добиться, и по настоянию русской стороны в соглашение был введен специальный параграф, по которому функции Англо-Русской подкомиссии были ограничены финансовой стороной дела.

Но с ограничением прав Моргана дело обстояло сложнее. Залюбовский стремился свести их к «функциям узкоисполнительского характера», поскольку «по соображениям финансовой политики» невозможно было вообще обойтись в Америке без Моргана или завести там нескольких финансовых агентов. Если по заказам в счет английских кредитов русские заготовители не будут иметь права вести непосредственные переговоры с предприятиями, предупреждал Залюбовский, «все нити контрактных условий неизбежно сосредоточатся в руках г. Моргана». «В этом случае, — писал он, — деятельность г. Моргана в отношении будущих наших американских заказов выйдет далеко за пределы собственно коммерческой агентуры и весьма легко может принять форму коммерческой диктатуры, особенно если принять во внимание, что сам Морган является крупным акционером во многих торгово-промышленных предприятиях».[189]

Превратить Моргана в «исполнителя» не удалось, и опасения Залюбовского, как явствует из Отчета Заготовительного комитета, были не напрасными. Была лишь достигнута договоренность о том, что Морган не может вести переговоры с предприятиями без ведома и одобрения Комитета. По словам Отчета, договоренность эта «служила известным пределом вмешательству Моргана в сферу русских заготовительных интересов», так как ранее «роль этого банкирского дома оказывалась действительно всепоглощающею».[190]

[189] Там же, лл. 105—107.

[190] Там же, лл. 107—108. — «Отдельные ведомственные комиссии, — указывалось в Отчете, — фактически не только не принимали непосредственного участия в переговорах с фирмами, но очень часто не были даже

В ноябре 1916 г. английское правительство пошло на предоставление Англо-Русской подкомиссии права делать заказы и помимо Моргана. Подкомиссия же дала некоторую свободу действий Русскому заготовительному комитету, и около 90% помещенных с тех пор заказов было сделано без Моргана — непосредственно Русским комитетом.[191] Однако ослабление англо-морган овской опеки в размещении заказов отнюдь не разрешало проблемы финансирования русского заготовительного дела в США, достигшей накануне Февральской революции предельной остроты. Кризис режима, который переживал царизм в последние месяцы своего существования, нашел отражение и в этой сфере. 21 декабря 1916 г. на совещании в Военном министерстве было заслушано сообщение министра финансов о положении с военными кредитами за границей. Барк упомянул, в частности, о трудностях с размещением заказов в США, подчеркнув, что «это-то и вынудило» Министерство финансов начать новые переговоры о займе с Англией. Его надежда на новый английский заем была надеждой отчаяния. Отвечая на прямой вопрос Родзянко, можно ли рассчитывать на успех переговоров, он заявил: «Да, я полагаю, что можем, ибо иначе нам пришлось бы идти на сепаратный мир, чего Англия, конечно, не допустит».[192]

Положение дел в области английского кредитования России в США никак, однако, не оправдывало надежд Барка. А Америка была главным театром английского финансирования России. При всех трудностях и препятствиях, стоявших перед русским заготовительным делом в США, именно здесь размещалась основная масса русских заказов в счет английских кредитов.

И здесь-то теперь оказывалось (как, впрочем, это часто бывало и раньше), что «различные формальные затруднения», которые чинит британское казначейство, заставляют Русский заготовительный комитет в Нью-Йорке изыскивать обходные пути.[193] В качестве одного из таких путей было предложено оплачивать новые заказы в США бонами русского Государственного казначейства. Но еще не было получено разрешение на это из Петрограда, когда между русскими заготовителями и американскими промышленниками-контракторами сейчас же встал «Нэйшнл сити бэнк оф Нью-Йорк». На правах основного (и в сущности единственного) американского кредитора России «Сити бэнк» со всей

осведомлены о самом факте ведшихся между Морганом и американскими фирмами переговоров, а копии контрактов посылались затем Морганом отдельным ведомственным представителям с вырезанными из них ценами».

[191] Там же, лл. 144—145.

[192] А. Л. Сидоров, ук. соч., стр. 377.

[193] Отчет агента Министерства финансов при Российском посольстве в Вашингтоне за период времени с 1 (14) января 1917 г. по 1 января 1920 г. Объяснительная записка, кн. I, л. 63; экземпляр многотомного отчета хранится в ЦГАОР.

определенностью и ясностью заявил в письме от 28 декабря (н. ст.) 1916 г., что непосредственного кредитования России американскими промышленниками он не допустит и что проведение такой операции возможно лишь через посредство его и его группы. «Сити бэнк» не только считал своей монополией все действия американского капитала в России, но и пытался привязать к себе Россию в расчетах по русским заказам в Америке. И это при крайней незначительности кредитованных им России сумм. К тому же «Сити бэнк» отказался от реализации полученного в ноябре опциона на выпуск второй серии $5^1/_2$%-х обязательств на 25 млн долл., и новый русский финансовый агент в США С. А. Угет предлагал, чтобы загладить «скверное впечатление», произведенное этим отказом на денежный рынок, согласиться на предложение «Сити бэнк» об открытии возглавляемой им «русской группой» банков специального кредита под боны Государственного казначейства для помещения новых заказов. 31 января (н. ст.) из Петрограда сообщили, что Министерство финансов не возражает против операции, хотя и требует от русских представителей в США осторожности.[194]

---

[194] Там же, лл. 63—68. — В эти дни в Петрограде выступил со своей программой дальнейших экономических отношений с Америкой ЦВПК. В своем письме от 27 января (ст. ст.), адресованном, по-видимому, Барку, А. И. Гучков и Б. А. Бахметев исходили из того, что США не вступят в войну. Под влиянием сокращения военных заказов союзников в Америке и «все увеличивающегося накопления золота в стране», «в видах предотвращения надвигающегося кризиса», писали они, «американские промышленные деятели, относясь с особенным интересом к установлению в будущем прочных торгово-промышленных отношений с Россией, начинают всячески стремиться завязывать такие отношения уже теперь, тем самым безотлагательно кладя начало сбыту „нормальных“ [т. е. невоенных] американских товаров в России». «Тенденции эти, — подчеркивали Гучков и Бахметев, — находят определенную поддержку со стороны правительства Американских Соединенных Штатов... Департаментом торговли пропагандируется и поддерживается мысль об организации продажи товаров на условиях долгосрочного кредита». Речь шла о поставках станков, строительных и сельскохозяйственных машин железнодорожного оборудования.

Для организации кредитования Гучков и Бахметев намеревались использовать в обратном порядке те самые связи промышленных монополий США с банковскими, которые вредили России на американском рынке. «Заинтересованная в сбыте товаров группа производителей понуждает „своих банкиров“ предоставить России... кредит... наподобие уже осуществленного», планировали они, а «банки, заинтересованные в предприятиях, извлекают часть выгоды из заказов, а не только из кредитной операции как таковой». Гучков и Бахметев рассчитывали при этом не на «весьма ограниченный круг банков ближнего американского Востока (Нью-Йорк, Бостон и пр.)», а на денежный рынок Среднего Запада — Чикаго, Сент-Луиса и «других районов, доныне совершенно не захваченных кредитными операциями союзников».

Если в этом легко усмотреть стремление избавиться на американском денежном рынке от «Нэйшнл сити бэнк», то другое предложе-

Позиция «Сити бэнк» была обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, организовав и возглавив в США так называемую «русскую группу» банков, он фактически лишил русских финансовых представителей свободы маневра на американском денежном рынке, запретив им продажу русских правительственных ценных бумаг кому бы то ни было, кроме «русской группы». Во-вторых, среди патронировавшихся этим банком предприятий часто оказывались и те, которые выполняли заказы России. Потому-то «Сити бэнк» особенно не желал допустить прямых — без своего посредства — финансовых связей России с американскими промышленными корпорациями, кредитования ими российского финансового ведомства, в результате чего русские ценные бумаги оказались бы у американских промышленников. Но «Сити бэнк» не отказывался взять новые партии русских бумаг, причем таким образом, чтобы придать русскую правительственную гарантию своим операциям по финансированию американских предприятий, выполняющих русские заказы.

Американский банк хотел, чтобы русское правительство распространило на него действовавшую в России систему гарантирования военных заказов, применив ее на американской почве. Система эта и в США не была в диковинку. Достаточно вспомнить о гарантировании Англией заказов на вооружение, сделанных в США через Моргана, в том числе и для России. Договорные отношения, возникшие вокруг этих заказов, принимали самые разнообразные формы. Они давали американским промышленникам льготные, зачастую гарантированные, условия финансирования, а англичанам — а вместо с ними и русским представителям в США — контроль над некоторыми американскими предприятиями, доходивший до грани права владения ими.[195]

ние — о создании «самими производителями» «особой корпорации» для кредитной торговли с Россией — было продиктовано скорее всего желанием обойтись при этом без Американской международной корпорации.

Стремление избавить русско-американские экономические отношения от опеки Вандерлипа, который заботился не столько об их развитии, сколько о своем контроле над ними, было, однако, не единственным побудительным мотивом действий Гучкова и Бахметева. Операция ЦВПК в Америке была задумана как «самостоятельная» прежде всего от российских правительственных ведомств. В их распоряжение ЦВПК предлагал передать «остаток» от финансирования своих собственных закупок (АВПР, ф. II департамента, I—5, род III, 1917 г., д. 6, лл. 204—207). Очевидно, под влиянием усилившегося влияния Русского заготовительного комитета ЦВПК решил попытаться взять в свои руки организацию финансирования русских закупок в США и контроль над ними.

195 На заседаниях неоднократно нами упоминавшейся комиссии Ная утверждалось, что одним из главных источников капиталов для строительства американской военной промышленности явились 25%-е английские авансы, что и привело-де к тому, что со вступлением США в войну американскому правительству негде было у себя дома раз-

На сей раз требование о гарантировании убытков было предъявлено фирмой «Ремингтон», имевшей заказ на 1 200 000 ружей для России, непосредственно русским представителям (англичане к этому времени аннулировали значительную часть своих заказов, переведя их в Англию). Аналогичные требования предъявляли заводы Вестингауза. Ремингтон угрожал разрывом контракта, а судиться с ним русская сторона считала нецелесообразным при том, что существовал прекрасно оборудованный, специально для выполнения русского контракта построенный завод, который мог выпускать в день 3 тыс. винтовок, так необходимых на фронте. Оставалось принять условия Ремингтона.[196] Договариваться о них приходилось не с самой фирмой, а с «Сити бэнк», который финансировал компанию Ремингтона вместе с «Гаранти траст компани» и угрожал прекращением этого, если русская правительственная гарантия не будет дана.

Помимо гарантии от убытков, «русская группа банков» желала чуть ли не полностью избавить патронируемые предприятия от забот о качестве продукции. «Положение с оружейными заводами критическое, — телеграфировал в Петроград ген. Залюбовский, — очевиден сговор банков, которые категорически требуют или брать, какие ружья нам дают, или они закрывают заводы». Между тем поставляемые ружья были не только неисправно действующими, но и небезопасными.[197]

«Сити бэнк» окончательно вышел из-за кулис, когда 24 февраля(н. ст.) 1917 г. его вице-президент Мак-Робертс предстал перед русским представителем генералом Залюбовским для подписания «по-поручению» фирмы Ремингтона соглашения о производстве винтовок на половинных началах с русским правительством. Для этой цели «Сити бэнк» изъявил готовность предоставить России 25 млн долл. на тех же условиях, что и раньше, однако деньги не были бы даны в свободное распоряжение Министерства финансов, а лишь переводились бы Ремингтону по мере необходимости производства ему платежей. Публично же предлагалось объявить, что «русская группа банков» во главе с «Сити бэнк» полностью реализовала всю сумму нового кредита, не обращаясь к рынку. Так было заявлено русской стороне.[198] Но на самом деле, как явствует из разъяснений «Сити бэнк», данных

местить свои военные заказы (Hearings before the special Committee..., part 25, pp. 7652—7654).

[196] «Энергично ведем переговоры, отстаивая свои права, — телеграфировал в Петроград генерал Залюбовский, — но, вероятно, придется вступить в управление заводами самим и в известной степени гарантировать стоимость производства, чтобы скорее наладить выход и послать вам к весне побольше винтовок» (ЦГИА СССР, ф. 1525, оп. 1, д. 173, л. 20).

[197] Телеграмма Залюбовского Маниковскому, 16 января 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 1525, оп. 1, д. 173, л. 16. — В одной из партий Залюбовский обнаружил 60% осевших отсечек и 75% осевших шептал.

[198] Отчет агента МФ... Объяснительная записка, кн. I., л. 71.

другим банкам «русской группы», всю операцию должен был осуществить Ремингтон: банки купили бы обязательства русского правительства, «чисто формально» для передачи Ремингтону.[199]

Объясняя свою позицию, руководство «Сити бэнк» сообщало: «Мы не очень-то хотели выпуска этих облигаций, но, говоря по секрету, представляется, что ремингтоновцы были бы серьезно затруднены, если бы не было достигнуто такой договоренности. Далее, если бы она не была достигнута при помощи группы банков, группе трудно было бы оправдать свою позицию, мешающую русскому правительству договориться с компанией Ремингтона».[200] Таким образом, смысл операции состоял для «Сити бэнк» в том, чтобы, во-первых, дать патронируемой им ремингтоновской фирме русскую правительственную гарантию, а, во-вторых, подтвердить и укрепить свое монопольное положение организатора кредитования России на американском денежном рынке.

24 февраля ген. Залюбовский и Мак-Робертс подписали проект соглашения между фирмой «Ремингтон» и русским правительством, по которому Россия принимала на себя половину непокрытых расходов фирмы с возможностью уплаты $5^1/_2$%-ми обязательствами Государственного казначейства (их-то и должна была реализовать группа «Сити бэнк»). За это Россия получала половину всего ремингтоновского имущества, относящегося к выполнению русского контракта, в частности 68% стоимости завода «Ремингтон арсенал» в Бриджпорте (шт. Коннектикут). По окончании контракта русское правительство соглашалось купить для перевозки в Россию все оборудование, использованное для его исполнения. Возможные убытки при цене винтовки в 30 долл. подлежали делению пополам, прибыль же предназначалась лишь Ремингтону. Никаких платежей бонами русское правительство не могло производить без согласия «Сити бэнк» и его группы. Вырваться на американском денежном рынке из рук этого банка русское финансовое ведомство никак не могло...

В изложенных частных, на первый взгляд, обстоятельствах весьма полно отражалась деловая сторона русско-американских отношений, как она выглядела в США накануне крушения царизма. Но эта узкая в целом сфера соприкосновения двух держав оставалась почти полностью скрытой от американского буржуазного общественного мнения. Да и в высших деловых кругах США далеко не все были связаны с русским заготовительным делом и его финансированием. Ведь кредитование царизма проводилось в небольших размерах и без участия широкого денежного рынка. Связанные с Россией экспансионистские экономические прожекты, имевшие, наоборот, значительное распространение, были

---

[199] «Нэйшнл сити бэнк» — «Гаррис, Форбс и К°», 27 февраля (н. ст.) 1917 г.: Hearings before the special Committee..., part 25, p. 9684.
[200] Там же.

построены на предположении, что царизм после войны обеспечит американскому капиталу наибольшее благоприятствование. С другой стороны, установление власти Временного правительства сейчас же стало рассматриваться как открывшее перед американским капиталом еще большие возможности.

По всем этим причинам, хотя деловая, коммерческая, сторона и оказывала большое влияние на позицию правительства США, а для некоторых кругов американского капитала это влияние было решающим, в целом отношение американской буржуазной общественности к событиям в России, к ее историческим судьбам, к царизму и революционно-освободительному движению определялось накануне Февральской революции и сейчас же после нее преимущественно другими факторами — политическими и военными.

Глава IV

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ПОЛИТИКА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

(март—апрель 1917 г.)

ТРАДИЦИОННОЕ представление о реакции в США на Февральскую революцию, сложившееся еще в те годы, о которых идет речь, и усвоенное американской историографией, таково, что-де общественное мнение США как страны-оплота западной демократии всегда было на стороне угнетенных и бесправных в России, было враждебно царизму и потому восприняло Февральскую революцию как долгожданную, «свою» революцию, приблизившую Россию к американскому западному идеалу общественного и государственного устройства.

Для критического разбора этой весьма укоренившейся точки зрения необходим некоторый экскурс в предшествовавшие свержению царизма годы.

Вместе с передовыми, демократическими кругами американского общества представители широкой буржуазной общественности США еще с конца XIX в. громко выступали против различных проявлений гнета царизма, особенно в национальной и религиозной сферах, против подавления гражданских прав и свобод, подчас выражая чувства симпатии русским революционерам и протест против жестокого их преследования. Однако буржуазно-республиканские доктрины общественных деятелей США и видных представителей американской печати иногда либо вообще не распространялись на царскую империю, либо распространялись с отчетливо заметной неохотой. Часто высказывались сомнения в пригодности для России парламентских форм западного типа. Признание царизма как специфически русской формы государственного правления, восходившее еще к Т. Рузвельту, который, будучи президентом США, даже позавидовал однажды всесилию Николая II, было характерным для многих видных американских «руссофилов». И самый этот термин применялся официальными представителями царского правительства в США по отношению к американским сторонникам самодержавия.

Среди этих людей, с большой активностью формировавших общественное мнение США по отношению к России и влиявших на русскую политику госдепартамента и президента Вильсона, помимо М. Стоуна, руководителя «Ассошиэйтед пресс», деятельность которого была, естественно, наиболее эффективна, а небескорыстная преданность царизму особенно значительна, выделялись Чарльз Р. Крэйн и Сэмюэль Н. Харпер. Крэйн был сыном крупного предпринимателя-строителя элеваторов, и он и его отец владели большими пакетами акций Петербургского тормозного завода Вестингауза.[1] Он субсидировал изучение России Харпером, профессором Чикагского университета.

Оба они по своим взглядам и связям были очень близки к кадетам, на многое в России они смотрели глазами своих русских друзей из партии «народной свободы». Однако у этих своеобразных «американских кадетов» кадетский монархизм явно доминировал над остальными, буржуазно-демократическими, пунктами кадетской платформы. Американская почва оказывалась неожиданно весьма для этого подходящей. Дело здесь было, очевидно, в традиционной схеме, по которой издавна писали о России авторы многих произведений американской политической публицистики консервативного направления. Воспевание патриархальщины, проведение аналогий между русским сельским «миром» и старой общиной в Новой Англии оборачивались косвенным, а то и прямым литературным признанием самодержавия, дополненным пожеланиями некоторых реформ. Вслед за кадетами Крэйн и Харпер резко отрицательно относились к революционному движению в России.[2] Совершенно уподобляясь в этом отношении русским черносотенцам, они объясняли сочувствие различных слоев американского общества революционно-освободительной борьбе народов России и протесты в США против карательной политики царизма еврейскими происками.[3]

Начало первой мировой войны, повлекшее за собой, как известно, временное примирение с царизмом всех российских буржуазно-помещичьих партий с кадетами во главе, естественно, привело к повышению котировки романовской монархии на американской политической бирже.

Средний американский буржуа либерального толка всерьез поверил — и в этой вере его укрепляли как политики типа Крэйна и

[1] С начала 90-х годов Крэйн бывал в России чуть ли не ежегодно (A. Parry. Ch. Crane, friend of Russia: The Russian Review, v. 6, № 2, Spring 1947, p. 27).

[2] «Мои друзья в России относились к либеральному лагерю, ему же принадлежали и мои симпатии», — писал Харпер в своих мемуарах, подчеркивая, что русские либералы «откровенно боялись доводить дело до той черты, за которой начинается революция» (S. N. Harper. The Russia I believe in. Chicago, 1945, p. 87).

[3] Ch. Lash. The American liberals and the Russian revolution. N. Y.— London, 1962, p. 5.

Харпера, так и литературная агентура царизма в Америке, — что российское самодержавие, став союзником таких «великих демократий», как Англия и Франция, как бы очистится и самоусовершенствуется в войне с германским абсолютизмом. Легко прощая теперь царизму его прошлые грехи, американское буржуазное общественное мнение охотно верило демагогическим обещаниям царской пропаганды, широко распространявшимся за границей, относительно предоставления гражданских прав евреям, местной автономии Польше и т. п.[4]

Даже Дж. Кеннан, представитель наиболее левого крыла среди американских буржуазных «руссофилов», плодотворная публицистическая деятельность которого еще в последние десятилетия XIX в. принесла очень значительные результаты в деле ознакомления Запада с русским революционным движением и возбуждения там симпатий и сочувствия по отношению к революционерам далекой России, даже он в первые месяцы мировой войны как бы довольствовался обещаниями царской пропаганды и надеждами на их выполнение.

Однако с оживлением думско-буржуазной оппозиции царизму весной 1915 г. Кеннан стал ждать русской революции. Она представлялась ему отнюдь не социальным переворотом, а чем-то вроде заурядной парламентской реформы и должна была, по его мнению, привести к принятию конституции, расширению законодательных прав Думы, изменениям в избирательном праве, установлению свободы слова и т. п.[5]

Для американских «руссофилов» это был крайний по своему радикализму взгляд. Крэйн, Харпер и др. со своеобразным политическим кокетством порой объявляли предпочтительным по сравнению с программой буржуазно-демократических преобразований царской империи сохранение неприкосновенной первозданности «святой Руси», которая-де чище и лучше, нежели западная демократия, ибо, способствуя неграмотности и религиозности русского народа, приближает его к богу. Во время войны эта позиция, встретившая, разумеется, возражения в американской печати,[6] отчетливо формулировалась С. Грэхэмом, выпустившим книги «Путь Марфы и путь Мэри» и «Россия в 1916 г.».

Что, однако, объединяло Кеннана с прочими, так это взгляд на роль России в войне и международно-политические последствия

---

[4] Харпер, вплоть до весны 1916 г. подогревал надежды государственного секретаря на возобновление русско-американского торгового договора, выражая уверенность, что вопрос об американских паспортах будет решен сам по себе.

[5] G. Kennan. Russia after the war. Outlook, April, 1915 (статья печаталась с 7 по 28 апреля). Цит. по: Ch. Lash, ук. соч., стр. 11.

[6] Возражения эти, впрочем, бывали весьма курьезны. Так, Н. Шэвиро, отвергая идеализацию «мира», утверждал, что «главный внутренний враг России» — это славянофилы (The Nation, v. 104, № 2688, January 4, 1917).

возможной ее победы над австро-германским блоком. В сфере внешнеполитической у царизма было в Америке гораздо меньше поклонников. Страх перед перспективой усиления влияния Российской империи в Европе, заставивший побаиваться даже победы Антанты в целом, был присущ многим «руссофилам» различного толка. С этой точки зрения смотрел на Россию и пресловутый полковник Хауз, ближайшее доверенное лицо президента Вильсона. В опубликованных письмах Хауза президенту и его дневниковых записях беспокойные мысли об усилении России в Европе сформулированы почти в тех же выражениях,[7] что и в письме Вильсону, написанном сейчас же после начала войны Крэйном, видевшим в этой перспективе «самый ужасный аспект всего дела».[8]

На протяжении всей войны опасения по поводу послевоенной политики России и русско-германского сближения разделялись различными представителями «руссофильских» кругов и американской печати. Если Кеннан успокаивал себя и своих читателей в журнале «Аутлук» тем, что Россия, пройдя через запланированную им для нее «революцию», перестанет проявлять склонность к агрессивной внешней политике, то другой журнал — «Нью рипаблик» пугал противоположным исходом дела. Осенью 1916 г. в нем и в «Паблик леджер» (Филадельфия) была помещена серия статей вернувшегося из Берлина У. Буллита, в которых говорилось о возможности заключения Германией не только мира, но затем и союза с Россией (Буллит отправлялся, по-видимому, от интервью, данного ему фон Яговом, о чем мы выше уже говорили). Возможности этой было придано в США, несомненно, преувеличенное значение, и в качестве средства ее предотвращения в печати стали обсуждать как предпочтительный вариант заключение «мира без победы».

Редакционная статья «Нью рипаблик» 23 декабря 1916 г., в которой вариант этот был, так сказать, предложен, содержала целый план этого «незавершенного (inconclusive) мира», который, дескать, нужнее Западу (и США в том числе), чем победа Антанты над Германией. Нужда в германском барьере для предотвращения господства России в Европе, необходимость европейского баланса сил — все это обсуждалось в статье безотносительно к вопросу о будущем самой России.

Журналистские спекуляции на тему о русско-германском мире и несколько нарочитые страхи перед внешней политикой России в будущем не вошли, однако, в противоречие ни с традиционными

---

[7] См., например, Архив полковника Хауза, т. I, М., 1937, стр. 63. — Эти свои мысли Хауз высказал Вильгельму II летом 1914 г., еще до сараевского убийства. По мере того как война продолжалась, страхи Хауза перед усилением России сочетались с тревогой по поводу возможности выхода ее из войны (там же, т. II, стр. 99).

[8] Ch. L a s h, ук. соч., стр. 12.

симпатиями американских «руссофилов» к царской «святой Руси», ни тем более с официальной американской позицией нейтралитета. Отчасти, может быть, произошло это потому, что влиявшие на освещение русской темы в американской печати Крэйн и Харпер были для президента Вильсона и его ближайшего окружения экспертами, которые способствовали своими советами выработке политики по отношению к России. Особенно влиятелен в Белом доме и госдепартаменте был Крэйн; помимо всего прочего, его сын Ричард являлся личным секретарем государственного секретаря Лансинга. В своих действиях в Вашингтоне Крэйн всячески старался опираться на ученый авторитет Харпера, который был по его рекомендации использован в качестве личного советника посла США в Петрограде Фрэнсиса в первые месяцы после его приезда в Россию в апреле 1916 г.[9] Таким образом, не только Вильсон и Лансинг, но и Фрэнсис в Петрограде оказывался в орбите деятельности влиятельных «руссофилов».

Однако, если в конце 1916 и в январе 1917 г. Фрэнсис, предоставленный в России самому себе, не заметил тех перемен в задачах американской дипломатии в русском вопросе, которые вытекали для нее из ухудшения германо-американских отношений и надвигающегося вступления США в войну, то про влиятельные сферы США этого никак не скажешь. Одобрительное отношение некоторых органов американской печати к возможности русско-германского сепаратного мира уступило место высказываниям противоположного характера. Отказ Германии от прекращения подводной войны расценивался в США как победа той группировки в германских правящих кругах, которая стремилась сделать Германию лидером германо-русско-японской коалиции против «Атлантического мира». «Нью рипаблик», только что предлагавшая в интересах Запада «мир без победы», в феврале переменила фронт и стала ратовать за вступление США в войну для победы над Германией, но без полного ее разгрома.[10]

Перспектива участия в войне на стороне Антанты делала для США невыгодной потерю союзника, державшего против Германии самый значительный сухопутный фронт. Теперь, наоборот, становилась желательной всемерная активизация военных усилий России. Между тем в американской печати появлялись известия из России о перебоях в продовольственном снабжении городов, недостатке военных материалов, конфликте между Думой и правительством и, наконец, об убийстве Распутина. Сведения эти встречали пессимистическое к себе отношение. В газетах США, по утверждению Харпера-мемуариста, нельзя было найти и намека

---

[9] S. W. Harper, ук. соч., стр. 90; W. A. Williams. Raymond Robins and Russian-American relations 1917—1938. A thesis submitted to the Graduate School of the Univ. of Wisconsin. Ann Arbor, 1950, pp. 37—38.
[10] Sh. Lash, ук. соч., стр. 18 и сл.

на то, что «эти события приведут к появлению новой России, лучшей с точки зрения западных демократий».[11] Точную и глубокую характеристику освещения американской печатью предфевральской ситуации в России дал находившийся тогда в США в качестве политэмигранта П. М. Керженцев, впоследствии советский ученый, общественный деятель и дипломат. «О внутренних делах России, — отмечал он, — вся пресса писала в духе кадетско-нововременском, опираясь на ту фальсифицированную информацию, какая посылалась из Петрограда корреспондентами пресловутой „Associated Press“ и большинством американских журналистов, вероятно искренне считавших орган Суворинных и иной раз „Речь“ источниками самой непогрешимой истины».[12] Сведения о распутинщине и т. п., по словам Керженцева, лишь «проскальзывали» в американскую печать из русских газет.[13] Тревожные известия были поэтому неожиданными и вызывали беспокойство с точки зрения возможности продолжения Россией войны.

Хауз еще в самом начале 1916 г. сообщал Вильсону о возможности выхода России из войны, затем он неоднократно возвращался в своих письмах к опасениям Англии и Франции по этому поводу. Однако сообщения эти носили лишь общеосведомительный характер, и сам Хауз, по-видимому, не делал из них каких-либо практических выводов для американской политики. Тем большим диссонансом прозвучало сделанное Хаузом Вильсону 30 января (н. ст.) 1917 г. предложение оказать давление на Николая II — потребовать от царя реформ под угрозой отказа в таких поставках, которые России особенно необходимы.[14] Очевидно, под реформами понимались шаги навстречу прогрессивному блоку, и глубокий смысл предложения Хауза состоял в том, чтобы президент США своим строгим требованием указал Николаю путь ликвидации того политического кризиса, который был чреват и гибелью царизма, и выходом России из войны — неприятностями, особенно нежелательными для Соединенных Штатов, неотвратимо приближавшихся к войне с Германией. Соображения общеантантовской военной целесообразности в январе—феврале 1917 г. стали господствовать надо всеми остальными, определяя отношение правительства и буржуазного общественного мнения

---

[11] S. N. Harper, ук. соч., 96. — В январе 1917 г. «Нэйшнл сити бэнк» уверял клиентуру, что никакая революция в России невозможна, разве только консервативная и религиозная, ибо русский народ верен царю и глубоко религиозен.

[12] В. Керженцев. Русская революция и Америка. Летопись, 1917, июль—август, №№ 7—8, стр. 254.

[13] По словам известного американского литератора Ли Голда, его тесть, редактор журнала «Метрополитен» Карл Хови, вынужден был расстаться с журналом из-за своих статей о влиянии Распутина на русский императорский двор, которые он начал было в нем печатать (Иностранная литература, 1961, № 10, стр. 210).

[14] W. A. Williams, Raymond Robins..., p. 35.

США к русскому вопросу. Буржуазно-«кадетский» американский взгляд на положение в России приобретал важное значение, потому что платформа российской буржуазной оппозиции становилась как никогда соответствующей созревающей политической установке США в русском вопросе. Это из кадетских источников распространялись в США слухи о готовности царизма пойти на сепаратный мир с Германией. И именно кадетский лозунг войны до победного конца, прежде отвечавший лишь англо-французским интересам, становился теперь в высшей степени привлекательным и с американской точки зрения.

■

Естественно, что все это во многом определило характер реакции дипломатии и буржуазного общественного мнения США на Февральскую революцию в России. Смятение и выжидательное настроение первых дней сменились преобладанием восторженного восприятия событий в России с буржуазно-демократических позиций, а затем утвердился в качестве господствующего чисто прагматический подход к оценке русской революции, при котором отношение к ней определялось исходя прежде всего из того, как отразится она на военных усилиях Америки.

Однако в американской реакции на Февральский переворот скоро стал ощутимым, а затем все громче звучал мотив классового страха буржуазии перед размахом народной революции, оказавшейся очень мало похожей на спокойную и респектабельную думскую пертурбацию, какой ожидали ее увидеть американские «руссофилы».

В самых первых откликах на февральско-мартовские события в России представители американской буржуазной общественности и печати, исходя из своих прежних представлений об ожидавшейся русской революции, оценивали ее как верхушечный переворот — результат противодействия германофильским тенденциям и настроениям, господствовавшим вокруг царского трона. Здесь следует отметить, что некоторые из числа думских буржуазных политиков, причастных к действиям антицарских заговорщиков, заранее позаботились о том, чтобы предстоявшие в России события не были восприняты на Западе, и в частности, в США, как подлинно революционные. При первых же полученных в Америке известиях о перевороте в Петрограде из уст Харпера раздался успокоительный комментарий, заблаговременно продиктованный ему русскими «друзьями из либерального лагеря». 2 (15) марта, когда на Западе располагали лишь первыми телеграммами иностранных корреспондентов из Петрограда и сообщениями Петроградского телеграфного агентства (оно было сразу же взято Думским комитетом под свой контроль и распро-

страняло его обращения), Харпер, отвечая на срочную просьбу Лансинга о разъяснении случившегося в России, отправил в Вашингтон из Чикаго телеграмму, начинавшуюся словами: «Прошлым летом думские лидеры доверительно мне сообщили, что революция может стать необходимой, и настаивали на том, чтобы я объяснил в этом случае ее политический, а не социальный характер».[15]

Точно так же, как это через несколько дней стали делать министры Временного правительства и возобновившая свой выход в Петрограде 5 (18) марта «большая» буржуазная пресса, Харпер объяснял происшедшее тем, что царь, вместо того чтобы опираться на думских лидеров и буржуазные общественные организации, разошелся с ними и целиком доверился Протопопову и кружку царицы и Распутина, пользовавшимся худой репутацией по части прогерманских связей и симпатий. Позицию кадетских «революционеров» в вопросе о войне Харпер сформулировал перед Лансингом с такой прямотой, на которую они сами теперь не решались в Петрограде в своих публичных заявлениях. Он был в сущности совершенно прав, когда заявлял, что цель их состояла в том, чтобы «создать условия», при которых Россия воевала бы «со всей своей силой». Но его уверенность в том, что революция приведет к «более активному ведению войны (Россией, — *Р. Г.*) до победного конца», вероятно, была бы признана петроградскими друзьями Харпера излишне оптимистичной. Предреволюционная программа «прогрессивного» блока была для Харпера нерушимым каноном. Он исходил также из того, что, не произойди революция, царизм заключил бы с Германией сепаратный мир или даже перешел бы на ее сторону. «По мере того как доходила до нас полная информация, становилось все более ясно, что при старом режиме Россия скоро вышла бы из войны», — писал позже Харпер. Эта мысль была положена в основу широкой общеамериканской пропагандистской кампании, в которой он сам принял участие и которая имела целью преодоление скептического отношения к Временному правительству и его возможностям продолжать войну.[16]

Опубликование в Петрограде состава Временного правительства еще более усилило в Вашингтоне влияние Крэйна и Харпера, — среди новых русских министров оказались их личные друзья, и теперь они оба стали для Лансинга и самого Вильсона еще более авторитетными советчиками.[17]

Любопытно, что первая же реакция американской печати

---

[15] S. N. Harper, ук. соч., стр. 96.
[16] Там же, стр. 98.
[17] Крэйн, впрочем, поспешил в Россию и был одним из первых иностранцев, прибывших туда после Февральской революции (A. Parry, ук. соч., стр. 29).

на события в Петрограде отразила и ожидание увеличения военных усилий России и страх перед развитием революционного процесса. «Нью-Йорк таймс» в редакционной статье 16 марта (н. ст.) выражала надежду на активизацию усилий России в войне, поскольку происшедшие события положили конец «темным силам».[18] В вышедшем в тот же день в Де Мойне номере «Реджистер» Февральская революция в России рассматривалась как «похоронный звон по русско-германо-японскому союзу, который был подоплекой ноты Циммермана Мексике».[19] Выходившая в Сент-Луисе «Пост диспетч» все в тот же день решительно и прямо объявила, что «непосредственная цель» революции в России состоит не в «радикальной смене форм правительства», а в уничтожении «прогерманских и антирусских влияний, окружающих царя и контролирующих правительство».[20] В более серьезном свете представляла положение в России «Нью-Йорк трибюн». Она, так же как и другие газеты, надеялась на выгодные для Антанты военно-политические последствия Февральской революции, но тут же высказывала и предположение о том, что 1917 год может оказаться для России тем же, чем явился 1789 год для Франции.[21] Аналогичную позицию занял еженедельник «Нэйшн». Революцию в России он считал «абсолютной гарантией» устойчивости сопротивления русской армии, даже если бы немцы дошли до Урала. Но тут же сквозила тревога. Хотя журнал и утверждал, что народное движение в России «не вселяет страха в сердца правителей и граждан» Америки, сам он меланхолично заявлял: «Никто не может предположить, что история русской революции завершена».[22]

В целом американская газетная реакция на Февральский переворот была до некоторой степени подобна биржевой. А «вердикт» биржи оказался в конечном счете, по выражению «Нэйшн», «безошибочно благоприятным». Хотя по получении первых известий о событиях в Петрограде краткосрочные обязательства русского казначейства и упали в цене, но на следующий же день их курс восстановился. Вообще же Нью-йоркская биржа реагировала на русские события подобно лондонской и парижской резким повышением курса.[23]

Для американской колонии в Петрограде первостепенное значение имела в дни февральских событий их непосредственно революционная сторона, а не их общеполитические последствия, более отдаленные или ближайшие. Уже в телеграмме Фрэнсиса,

---

[18] New York Times, 16 марта 1917 г.
[19] Ch. L a s h, ук. соч., стр. 28.
[20] Там же.
[21] New York Tribune, 16 марта 1917 г.
[22] Отдаленные результаты русского землетрясения (редакционная статья). The Nation, v. 104, № 2699, 22 марта 1917 г.
[23] Там же.

отправленной в госдепартамент 12 (25) февраля, проскользнул страх перед возможным размахом народного движения. Он сообщал о «большом беспокойстве» по поводу «организованных попыток вызвать стачку и незаконные демонстрации».[24] Речь шла об известных попытках меньшевиков-оборонцев из рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета ознаменовать открытие Думы 14 февраля рабочей демонстрацией перед ней.[25] Хотя против демонстрации высказывался в письме к рабочим и Милюков, все же незаконной она была, пожалуй, лишь с точки зрения командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова. На эту-то точку зрения и встал Фрэнсис.

Затем для него и американцев в Петрограде наступили дни страхов и тревог за свою личную безопасность и неприкосновенность своей собственности в России. Их смятенное состояние в эти дни отразилось в донесениях, которые посылали Фрэнсис и консул США в Петрограде Н. Уиншип государственному секретарю Лансингу, а Г. Ф. Мезерв, в январе возглавивший открытое в Петрограде отделение «Нэйшнл сити бэнк», — своему нью-йоркскому шефу Вандерлипу.

Посла очень встревожило образование Петроградского Совета, тем более что призыв большевистского Манифеста ЦК РСДРП к совместной с пролетариатом воюющих стран революционной борьбе за прекращение войны он принял за исходящий от Совета. Воззвания и распоряжения Совета, особенно известный приказ № 1, Фрэнсис считал «вызывающими тревогу у всех законопослушных граждан» и вечером 1 марта (ст. ст.) решил отправиться в Таврический дворец, чтобы самому побывать на заседании Совета.[26]

Однако вскоре тревоги Фрэнсиса и других несколько улеглись. Взятие власти буржуазией, формирование сначала думского Временного комитета, а затем Временного правительства, общая политическая обстановка в Петрограде, характеризовавшаяся не только невиданным до того подъемом революционной активности масс, но и возникновением революционного оборончества, моментальным и пышным расцветом чувств неопределенного политического радикализма, всеобщей восторженности и консолидационных настроений, охвативших широкие слои столичной интеллигенции и мелкой буржуазии, — все это несколько успокаивало американцев в Петрограде.

---

[24] Papers relating to the Foreign relations of the U. S. (PRFRUS). 1918, Russia, v. I, p. 1.

[25] Воззвание рабочей группы ЦВПК, не позднее 26 января 1916 г., см.: Пролетарская революция, 1923, № 1 (13), стр. 269—271.

[26] D. R. Francis. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 68. — Сопровождаемый слугой-негром, он попытался было сохранить инкогнито, но вынужден был все же назваться.

У Фрэнсиса были для этого еще и дополнительные основания: во главе Думского комитета стоял Родзянко, который обедал у американского посла как раз накануне февральских событий и к которому тот сразу же теперь и обратился. «Сегодня господствуют порядок и спокойствие. Сильный думский комитет под руководством председателя Думы немедленно взял в свои руки контроль...», — телеграфировал Фрэнсис Лансингу 4 (17) марта. Думский комитет ему явно нравился, хоть он и отмечал с чувством сожаления наличие в его составе социалистов (он имел в виду Керенского и Чхеидзе). Фрэнсису даже казалось в тот момент, что Думский комитет стал носителем верховной власти в государстве под именем Временного правительства и сформировал в качестве своего исполнительного органа кабинет. А уж состав кабинета вызывал у Фрэнсиса самое искреннее одобрение. Все министры — «люди образованные, с хорошей репутацией», а некоторые даже и обладатели «большого богатства», радовался он, «их избрание делает честь выбравшей их комиссии».[27]

Но мало того. У генерального консула США в Москве Мэддина Саммерса, одного из самых видных представителей американской колонии в России, оказались личные связи с новым премьером и министрами. «Я с глубоким удовлетворением узнал, — писал ему Фрэнсис, — что министр-председатель Львов — двоюродный брат вашей тещи, что и другие члены правительства связаны с вашей семьей и что многих из них Вы лично знаете». Состав кабинета был так удачен с точки зрения Фрэнсиса, что он готов был отказаться от своих опасений, как бы Временное правительство не проявило республиканского радикализма, по его мнению для России несвоевременного и чрезмерного. «Я придерживался того мнения, — продолжал Фрэнсис свое письмо Саммерсу, — что было бы неблагоразумно пытаться в настоящий момент установить в России республиканскую форму правления, но если у власти оказались такие люди, как эти, возможно, что они сумеют обойти подводные камни на своем пути».[28] «Город сейчас спокоен, — сообщал Фрэнсис в Вашингтон 4 (17) марта, — положение, по-видимому, контролируется, единственная опасность — социалистические демонстрации, которые могут быть устроены находящимися в меньшинстве социалистическими группами». Его тревожило, что «комитет рабочих (так называл он Петроградский совет рабочих депутатов, — *Р. Г.*) все еще поносит монархию и требует социальной республики».[29] Но Родзянко и Милюков, у которых

---

[27] Там же, стр. 66.
[28] Там же, стр. 71.
[29] Телеграммы Фрэнсиса Лансингу за 4 (17) марта 1917 г., отправленные в 3 часа дня и 6 часов вечера: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 3—4. — На самом деле в официальных решениях Совета, принятых к этому

американский посол побывал с неофициальными визитами 5 (18) марта, обнаружили перед ним спокойствие и уверенность в своих силах и заверили его, что вся армия признает власть Временного правительства, а оно будет энергично вести войну. Собеседники Фрэнсиса на самом деле вовсе не чувствовали себя в этот день так уж прочно, их поведение перед ним преследовало определенную цель — поскорее добиться официального признания Временного правительства западными державами и тем укрепить его положение.

Безотлагательное дипломатическое признание со стороны правительства США как крупнейшей буржуазно-демократической державы было, очевидно, с точки зрения Родзянко—Милюкова особенно полезно новому режиму. Здесь должно было играть известную роль, помимо мощи и влияния США в капиталистическом мире, пока еще нейтральное их положение, хоть оно и было теперь уже чисто формальным. Ведь германская печать с первых же дней Февральской революции стала писать о ней как о совершенной по указке держав Антанты. С этой точки зрения было, несомненно, желательно, чтобы именно США открыли полосу признаний Временного правительства.

Чтобы подвинуть американскую дипломатию на молниеносные действия, Милюков воспользовался тем же приемом, к которому прибегали в таких случаях в своих отношениях с американскими кредиторами руководители царского финансового ведомства. Он пугнул Фрэнсиса английской конкуренцией. Американцу было известно, что английский, французский и итальянский послы ежедневно встречаются в Министерстве иностранных дел и что ежедневно с 3 марта, т. е. с того дня, как Милюков был официально объявлен министром, они его посещают. Теперь Милюков сообщил Фрэнсису — разумеется, «конфиденциально», — что Бьюкенен уже получил из Лондона полномочия признать Временное правительство и лишь ждет из союзнической солидарности, пока получат их француз и итальянец. На Фрэнсиса это подействовало безотказно. «Я почтительно прошу Вас сразу же дать мне полномочия для признания Временного правительства, так как признать его первыми желательно для нас со всех точек зрения, — телеграфировал он Лансингу вечером 5 (18) марта — ... Наше признание будет иметь изумительный моральный эффект, особенно если мы сделаем это первыми». Чтобы ликвидировать возможность каких бы то ни было сомнений в Вашингтоне, Фрэнсис, не придавая значения своим страхам перед революционным народом, охарактеризовал Февральскую революцию и декларацию Временного правительства о гражданских свободах как утверждение строя,

---

моменту, такого требования не было. На заседаниях Совета оно в речах различных ораторов несомненно фигурировало.

отвечающего американским стандартам. Воинственность Родзянки и Милюкова он особенно подчеркивал.[30]

Однако на следующий день, 6 (19) марта, американский посланник в Стокгольме И. Н. Моррис (он самостоятельно информировал госдепартамент о Февральской революции ввиду перерывов связи с Петроградом) телеграфировал Лансингу свой вывод, соответствовавший опасениям Фрэнсиса, но противоречивший его заключению. Моррис считал, что «крайние социалисты» могут прийти к власти и тогда продолжение войны Россией будет «более сомнительным».[31] Однако Вильсон и Лансинг последовали рекомендации Фрэнсиса с такой стремительностью, что телеграмма Морриса не успела еще дойти до госдепартамента, когда телеграмма о признании Временного правительства уже была отправлена из Вашингтона в Петроград. Впрочем, сообщение Морриса, вероятно, и не помешало бы этому. Наоборот, тем более следовало поддержать Временное правительство немедленным признанием, если «крайние социалисты» пользуются влиянием.

В этот день и у Фрэнсиса появились основания для беспокойства за судьбу Временного правительства, и, казалось бы, довольно веские. Он посетил А. И. Гучкова, старого знакомого петроградских американцев, ставшего военным министром Временного правительства, и должен был теперь усомниться, не были ли вчерашнее спокойствие и уверенность Милюкова и Родзянко напускными. «Я спросил его, — описывал свой визит к Гучкову Фрэнсис, — укрепит ли Временное правительство признание со стороны моего правительства. Он с живостью ответил, что укрепит, и спросил, нельзя ли сделать это на следующий день. Я сказал, что нельзя, что я только накануне вечером послал телеграмму об этом и не жду ответа раньше 22-го или 23-го. С большой тревогой он высказал сомнение в том, что Временное правительство сумеет дожить до этого времени».[32] Но разговор

---

[30] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 5—6.

[31] W. A. Williams. Raymond Robins..., стр. 36.

[32] D. R. Francis. Russia from the American Embassy, p. 92. Любопытно определить причину столь пессимистического настроения Гучкова в этот день. Накануне, 5 (18) марта, Петроградский Совет вынес решение о прекращении всеобщей забастовки, а 6 (19) издал обращенный к солдатам приказ № 2, который, разъясняя приказ № 1, несколько тормозил страшный для Гучкова процесс демократизации армейских порядков. Казалось бы, у министров Временного правительства не было оснований для отчаяния. Но разногласия между Советом и Временным правительством и, в частности, Гучковым, были очень остры, несмотря на уступчивость и соглашательство лидеров Совета. Придя к Гучкову, Фрэнсис застал у него делегацию Совета, беседу с которой Гучков прервал для встречи с американским послом. Фрэнсис отметил, что Гучков был «в нервном состоянии» (D. R. Francis. Russia from the American Embassy, p. 92). В день визита Фрэнсиса в протоколе заседания Исполкома Совета фигурировал пункт «О военном министре

этот Фрэнсис лишь записал в своем дневнике, умолчав о нем в своих телеграммах в Вашингтон (если судить по публикации госдепартамента). Он, очевидно, не хотел ничем помешать скорейшему признанию Америкой Временного правительства, чтобы опередить в Петрограде Бьюкенена, Палеолога и др.

Телеграмма Фрэнсиса с предложением о признании была получена в Вашингтоне в ночь с 19 на 20 марта, а уже 20-го в полдень Лансинг отправил Фрэнсису телеграмму с поручением признать Временное правительство.[33] Это была, как отметил Фрэнсис в своих мемуарах, рекордная стремительность. Позже ему стало известно, что Лансинг сейчас же представил полученную из Петрограда телеграмму президенту Вильсону, а тот поставил ее на обсуждение состоявшегося в этот день заседания кабинета, того самого заседания 20 марта н. ст. (нам придется еще к нему вернуться), которое приняло решение просить конгресс объявить войну Германии.

В 10 часов утра 9 (22) марта Фрэнсис получил телеграмму Лансинга, а уже в 11 часов он был у Милюкова, сообщил о признании Временного правительства Америкой и предложил провести торжественную церемонию представления американского посольства Временному правительству. Милюков, писал Фрэнсис, «был в восторге от нашего признания и весьма удовлетворен тем, что мы сделали это первыми». Церемония состоялась в половине пятого, а английский и французский послы формально признали Временное правительство от имени своих стран еще в 3 часа. Однако Фрэнсис считал, что бег наперегонки с англичанином и французом был выигран им, поскольку он сообщил Милюкову об американском признании еще в 11 часов.

Резвость Фрэнсиса, которой ему так легко удалось заразить свое вашингтонское начальство, была вызвана различными причинами. Он стремился как бы загладить теперь свои ничем не омрачавшиеся прежде более чем благополучные отношения с царизмом, лишить союзную и прежде всего английскую дипломатию возможности это против него использовать. Удачно и быстро установленный контакт с Милюковым способствовал этому, и оставалось заботиться о расширении американских свя-

---

Гучкове» следующего содержания: «Докладывается, что военный министр всячески уклоняется от прямых сношений с Исполнительным комитетом и, по-видимому, не склонен подчиняться решениям Совета Р. и С. Д.» (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и бюро ИК. М.—Л., 1925, стр. 17). А Гучков должен был довольно отчетливо представлять себе влияние Совета, действовавшего под натиском рабочих и солдатских масс и сильного их поддержкой. Потому-то он, очевидно, и считал под свежим впечатлением своего конфликта с Советом, что Временное правительство долго не протянет.

[33] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 12.

зей Временного правительства и укреплении его положения в России. Ведь угрозу Временному правительству американские дипломаты видели со стороны «крайних социалистов», которые, не говоря уже об их социалистической программе в целом, способны были на сепаратный мир (так утверждала империалистическая пропаганда в России и за границей, хотя требование сепаратного мира не фигурировало в послефевральских платформах ни одной из социалистических группировок). А по мере того как вступление США в войну представлялось все более неотвратимым, удержание России в войне и активизация ее военных действий становились одной из важнейших задач американской дипломатии.

Именно для достижения всех этих целей Фрэнсис предложил свое универсальное средство, применение которого, хотя ничего нового оно в себе не заключало, было бы теперь, по его мнению, «мастерским ходом», — финансовую помощь Временному правительству. Он сделал это назавтра же после того, как рекомендовал признание, в день своего визита к Гучкову. Временное правительство так «сильно нуждается в средствах», телеграфировал он, что «помощь в удовлетворении особенно насущных потребностей была бы очень своевременна и высоко оценена». Здесь опять появилась тень английской конкуренции. Англичане, многозначительно сообщал Фрэнсис, финансируют Россию и будут продолжать это делать сейчас же после признания Временного правительства.[34]

Из Петрограда американскому послу было трудно определить, насколько приблизилось правительство США к объявлению войны Германии. Вероятно, поэтому он не считал еще возможным ставить вопрос об американском правительственном займе России, а упоминал о резервах частного ее кредитования в США, — о еврейских банкирах, у которых со свержением царизма должны были отпасть всякие возражения против участия в русских займах.

Действительно, как сообщал из Вашингтона посол Ю. А. Бахметев, известия о февральских событиях многое там переменили, и «даже такой антагонист России, как Джекоб Шиф, сделал дружественное России и русским финансам заявление».[35] Что же касается американского банковского мира в целом, то он в первые дни после свержения царизма проявил легко объяснимое беспокойство. (Его отражением и было падение русских государственных бумаг на Нью-Йоркской бирже, о котором мы упоминали). В отличие от Шифа и возглавлявшейся им банковской

---

[34] Фрэнсис — Лансингу, 3 (19) марта 1917 г: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 7.

[35] Телеграмма Ю. А. Бахметева А. А. Половцеву, 8 (21) марта 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 74.

группы, большинство крупных американских банков участвовало в кредитовании царизма, и, хотя размеры этого кредитования были невелики, банки желали теперь знать, будет ли новое правительство России признавать царские обязательства. Не дожидаясь официального сообщения Временного правительства о признании им всех царских долгов, появившегося, как известно, 8 (21) марта, американские банки попросили у русского финансового агента в США разъяснений. Не получив никакого сообщения из Петрограда, Угет не позднее 6 (19) марта на свой страх и риск сделал в США официальное заявление о том, что «политические события в России никоим образом не могут неблагоприятно отразиться ... на выполнении всех прежних обязательств по займам русского правительства».[36]

Помимо успокоения американских банков, в среде русских представителей в США решили было пообещать деловым кругам и буржуазной общественности США заключение торгового договора. «Подчеркивая особую важность момента для сближения России и Америки», инициативу в этом проявил сам Ю. А. Бахметев, пытавшийся примениться к новой обстановке.[37]

Первая, непосредственная реакция на Февральскую революцию представителей американских деловых кругов, связанных с Россией, в одном отношении отличалась от реакции официальной американской дипломатии. Их меньше интересовал тот аспект русских событий, который был связан с военными усилиями России, как, впрочем, и предстоявшее вступление США в войну с Германией не было для них таким событием, которое затмило бы собой все остальные. Для них на первом месте стояли социально-политические последствия происшедшего в России переворота, или, попросту говоря, вопрос о том, можно ли по-прежнему считать Россию подходящим «полем» для предпринимательской деятельности и не кончится ли там дело «социализацией».

Не удивительно, что первое послефевральское письмо руководителю «Нэйшнл сити бэнк» Вандерлипу, отправленное Мезервом, не содержало каких-либо признаков беспокойства о перспективах дальнейшего участия России в войне, хотя написано оно было уже после известного манифеста Петроградского Совета 14 марта, вызвавшего повсюду в буржуазных кругах серьезные опасения по этому поводу. Мезерва, который 24 февраля (ст. ст.), когда революция в Петрограде уже началась, подал министру финансов прошение об открытии в Москве второго отделения своего банка, помимо петроградского, больше всего

[36] Отчет агента Министерства финансов при Российском посольстве в Вашингтоне за период времени с 1 (14) января 1917 г. по 1 января 1920 г. Объяснительная записка, кн. I, л. 105.

[37] Телеграмма Ю. А. Бахметева А. А. Половцеву, 8 (21) марта 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 75.

интересовало другое — перспективы для американского бизнеса в России. Понаблюдав за развитием событий в стране и за действиями Временного правительства в течение первой половины марта, американский финансист решил, что хотя положение в России «все еще нервирующее с личной точки зрения», тем не менее для капиталистической собственности революция прошла вполне благополучно благодаря «удивительной воздержанности» русского народа (он заявлял даже, что «очень горд» за этот народ). Поэтому «все иностранные капиталовложения» в России, сообщал он в Нью-Йорк, «по-прежнему» представляются ему «благоразумным и безопасным» делом.[38]

Но теперь поиски расположения банков и прочих деловых кругов теряли для русских представителей в США, перешедших на службу к Временному правительству, первостепенное значение. Америка с каждым днем приближалась к войне, и перспектива американского правительственного кредитования России как военного союзника становилась все более отчетливой. 21 марта (н. ст.) Угет еще сообщал директору Кредитной канцелярии Министерства финансов, что «текущий момент представлялся бы благоприятным» для «самостоятельной операции» России «на американском рынке». Ограничения, налагавшиеся «Сити бэнк», очевидно, уже отпали, и это был значительный шаг вперед, но речь шла еще о частном кредитовании России в США. Однако уже через несколько дней, 30 марта (н. ст.), Угет внес предложение добиться для России непосредственного, помимо Англии, участия в американском государственном кредите союзникам, открытие которого ожидалось с вступлением США в войну.[39] А через три дня, 20 марта (2 апреля), русский посол узнал, что «федеральное правительство рассматривает вопрос о финансовой помощи союзникам как наиболее существенный способ возможной кооперации Америки» (очевидно, предпочтительный по сравнению с непосредственным участием США в войне). «При этом — телеграфировал в Петроград Ю. А. Бахметев, — среди высших правительственных лиц обрисовывается весьма благоприятное течение в смысле непосредственной финансовой помощи России».[40] Действительно, министр финансов Мак-Аду считал эту финансовую помощь «жизненно необходимой». «Может быть, самое существование нового правительства зависит от нее», — писал он Лансингу 29 марта.[41]

Таким образом, помощь Временному правительству для укрепления его политического положения рассматривалась правительством США как составная часть новой финансовой поли-

---

[38] ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 202.
[39] Отчет агента МФ... Объяснительная записка, кн. I, л. 139.
[40] АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 91.
[41] W. Williams, Raymond Robins..., p. 36.

тики, которую надлежало принять в связи со вступлением Америки в войну.

Из восторгов, колебаний и опасений, вызванных первыми известиями о событиях в Петрограде, постепенно выкристаллизовалась политическая линия, определявшая на ближайшие после февраля месяцы отношение к «новой России». Характеризуя ее, один из лидеров социалистического движения в США руководитель Социалистической партии Америки Моррис Хилквит писал в мае, что большое число американцев рассматривает русскую революцию «лишь как эпизод в мировой войне» с точки зрения «возможного ее влияния на исход этой войны».[42]

Естественно тем не менее, что свержение царизма, векового угнетателя многочисленных народов России, установление буржуазно-демократического строя в величайшей стране мира вызвали в Америке бурю сочувственных откликов, совершенно искренних и лишенных связи с какими-либо политическими задачами и расчетами.

На первом месте здесь стояла реакция рабочих и социалистических кругов, видевших в свержении царизма русскими рабочими и солдатами великий успех освободительной борьбы народов мира. Если раньше антивоенные настроения в среде рабочих и радикальной интеллигенции часто принимали чисто пацифистскую форму, то после свержения царизма в России, а затем со вступлением США в войну антивоенные выступления принимают все более требовательный и сознательный характер, сопровождаются разоблачением империалистической политики, хотя и не во всем последовательным и безоговорочным. Влияние российской революции было явственно ощутимо на происходившем в Сент-Луисе съезде Социалистической партии Америки. На нем одержало верх левое крыло партии во главе с М. Хилквитом, В. Бергером и др. Принятая съездом платформа, известная под названием сент-луисской, была попыткой серьезного противодействия распространению милитаристской идеологии в среде трудящихся масс США.[43]

Февральская революция в России всколыхнула самые различные общественные и политические круги Америки. Буржуазные либералы, традиционно не одобрявшие царизм с его «крайностями», демократические круги, издавна сочувствовавшие освободительному движению в России, многочисленные разнородные слои, связанные с русской революционной эмиграцией в США, с представителями разных национальных эмигрантских групп российского происхождения, — все они единодушно приветствовали Февральскую революцию. Единодушие этих первых после-

---

[42] Ch. Lash, ук. соч., стр. 27.

[43] 66th Congr. 1st. Sess. Doc. 62. Report and Hearings of the Subcommittee on the Judiciary U. S. Senate. v. 2, Washington, 1919, pp. 2715—2718.

февральских дней в Америке как бы повторяло консолидационные настроения петроградской буржуазной и мелкобуржуазной публики, опьяненной победой народа над царизмом.

Однако утилитарный привкус ощущался в этом весьма явственно. «В энтузиазме по поводу революции не было недостатка, — пишет исследовавший этот вопрос современный американский историк Лэш, — но в большинстве своем он проистекал из уверенности в том, что революция тем или иным путем посодействует поражению Германии. Восторженные похвалы, произносившиеся большинством американцев по поводу принятия Россией демократических институтов, выглядели формально и поверхностно. Тому обстоятельству, что революция сделала Россию более демократической страной, придавалось, совершенно очевидно, меньшее значение, чем тому, что она активизировала военные усилия России, но даже и это, как скоро выяснилось, было под вопросом».[44]

Оказала ли Февральская революция сколько-нибудь существенное влияние на решение правительства США о вступлении в войну с Германией? И германская декларация о неограниченной подводной войне, фактически решившая вопрос о вступлении США в войну, и германо-американский дипломатический разрыв — все это имело место до революционного взрыва в Петрограде. Однако страх перед возможным выходом царизма из войны (независимо от того, насколько он был обоснован), хоть и не мог повлиять на решение правительства США, несколько омрачал для американской буржуазии перспективу участия в ней. Февральская революция, воспринятая в США, как мы видели, в качестве кадетской «революции для войны», придавала поэтому перспективам США в войне более благоприятный характер.

Здесь следует отметить, что американская публицистическая и историографическая традиция отнюдь не отрицает того значения, которое придавалось в США Февральской революции в связи с предстоявшим вступлением Америки в войну.

Но истолковывается этот вопрос, на наш взгляд, превратно. Иногда современные американские историки попросту повторяют утверждения тогдашней американской пропаганды о том, что США вступили в войну ради помощи «свободной России».

Однако имеют распространение и другие, менее элементарные версии. Тот несомненный факт, что Февральская революция обрадовала правительство и буржуазную общественность США, пробудив простую и своекорыстную надежду на то, что Россия, энергично продолжая войну, облегчит Соединенным Штатам предстоящее им военное бремя, если и признается американскими авторами, то с большой неохотой. Акцент делается зато на другом — на идеологическом значении, которое якобы имело

[44] Ch. L a s h, ук. соч., стр. 27.

для вступления США в войну превращение России из реакционной монархической державы в государство буржуазно-демократического типа. Без этого превращения России вступление США в войну было бы-де невозможно по причинам морального порядка, ибо американской демократии, так сказать, не подобало воевать в одном лагере с «азиатской деспотией». В действительности же американское буржуазное общественное мнение, как мы уже видели, с готовностью закрывало глава на природу царизма и легко прощало ему его грехи. Если кто в США и упоминал иногда о «неприличном» союзнике, то только противники войны, которые теперь совсем потеряли голос. Но и с этой стороны одиозность царизма не имела такого уж большого значения, так как против американских сторонников нейтралитета обращали их же собственный аргумент, саркастически обвиняя их в солидаризации с царизмом, пассивно ведущим войну и стремящимся выйти из нее. Достоинства России как союзника определялись энергичностью ее военных усилий и размерами жертв в войне, а не степенью демократичности ее строя.

Разумеется, Февральская революция давала возможность правительству США придать известное благообразие официальной пропагандистской концепции, с которой страна вступала в войну, лозунг войны демократии против тирании можно было произносить теперь громче и смелее. Но, очевидно, в этом не было в Америке такой уж большой нужды.

20 марта происходило уже упоминавшееся нами заседание американского кабинета, на котором было решено просить конгресс об объявлении войны. На этом заседании по инициативе президента Вильсона вопрос о русской революции рассматривался в числе других дел, связанных с вступлением США в войну. «Изо всех этих вещей, — записал министр земледелия Д. Ф. Хоустон, — русская революция была важнейшей, самой драматичной и наиболее чреватой последствиями. Вопрос в том, остановится ли она и сможет ли новое правительство эффективно вести войну против немцев. Еще вопрос — не может ли дух революции распространиться на Австрию и Германию и помочь моральному разоружению народов этих стран».[45] Обосновывая предлагаемое решение о вступлении в войну, Лансинг подчеркивал, что «революция в России, которая представляется успешной, устранила единственное возможное возражение против утверждений о том, что европейская война — война между демократией и абсолютизмом, и о том, что единственная надежда на постоянный мир между всеми народами связана с установлением демократических институтов во всем мире». Вступление США в войну, продолжал Лансинг, «оказало бы большое моральное влияние на Россию»,

[45] D. F. Houston. Eight years with the Wilson's cabinet, v. I, N. Y., 1926, p. 245.

а также «вдохновило бы демократические элементы в Германии» и «ободрило союзников».[46] Дело происходило за закрытыми дверьми, и можно подумать, будто Лансинг выдавал сказанное за чистую монету. В этом случае утверждения американской пропаганды, что США вступали в войну, чтобы помочь России, совпали бы с сокровенными соображениями руководителя американской дипломатии и американская историографическая версия относительно идеологического значения свержения царизма для вступления США в войну оказалась бы вполне обоснованной.

В действительности это, однако, не так. Обратившись к меморандуму, который вечером 19 марта написал Лансинг для Вильсона, легко убедиться, что помощь «свободной России» понималась Лансингом прежде всего как укрепление Временного правительства, торможение революции и обеспечение продолжения Россией войны и лишь затем как содействие военным усилиям русской армии в финансовом и материально-техническом отношении.

Вступление США в войну, утверждал Лансинг, придавая русскому вопросу первостепенное значение, «в первую очередь» «вдохновило и укрепило бы новое демократическое правительство России, которое мы должны поддерживать и которому нам следует симпатизировать». «Если мы опоздаем, — опасался Лансинг, — обстоятельства могут измениться и подходящий момент, в которой была бы полезна наша помощь, может быть пропущен». Воинственности Временного правительства, считал он, «существенно помог бы» самый факт участия США в войне против общего «врага либерализма».[47]

Как видим, в лансинговском меморандуме отражено, как и в записках Хоустона (они, вероятно, передавали слова Лансинга

---

[46] G. F. Kennan. Russia Leaves the War. Princeton, 1956, pp. 14—15. — Кеннан пользовался отчетом об этом заседании, составленным самим Лансингом.

[47] War Memoires of Robert Lansing. Indianopolis—N. Y., 1935, p. 235. — Приведенный Лансингом в мемуарах его меморандум 19 марта интересен, в частности, своим пятым пунктом, посвященным доказательству того, что незамедлительное объявление войны Германии необходимо Соединенным Штатам ради «будущего влияния в мировых делах». «Это прежде всего скажется в мирных переговорах и при общем урегулировании международных дел», — подчеркивал Лансинг. На пороге вступления в войну на стороне Антанты, громко рассуждая о свободе и справедливости и проклиная германский милитаризм, руководитель американской дипломатии заботился о том, чтобы, обеспечив Соединенным Штатам роль арбитра в послевоенном мире, поддерживать в нем равновесие сил между военными союзниками и общими с ними противниками Америки. «Мое убеждение, — писал он, — состоит в том, что чем дольше будем мы тянуть с выступлением против военного абсолютизма, который угрожает господству в мире свободы и справедливости, тем меньшим будет наше влияние в те дни, когда Германии понадобится милосердный и бескорыстный враг».

на заседании), предчувствие того, что события в России могут принять нежелательный оборот, и даже содержится в зародышевой форме мысль об американском вмешательстве в русские дела.

Что же касается патетических слов Лансинга о русской революции, полностью облагородившей-де военные цели союзников, то, произнося их, Лансинг в сущности лишь подсказывал президенту Вильсону содержание президентского послания конгрессу. И хотя президенту предложенные Лансингом на заседании тезисы показались столь неправдоподобными, что он поначалу даже высказал сомнение в возможности их использования в своем послании, тем не менее очень скоро и Лансинг, и сам Вильсон превратили эти тезисы в стержень американской официальной военной пропаганды.

В президентском послании конгрессу 2 апреля (н. ст.) тема демократизированной России, ставшей «достойным партнером в лиге чести» (как высокопарно называл Вильсон Антанту), стала одной из главных. Февральскую революцию Вильсон прямо по шпаргалке Лансинга называл «удивительной», «ободряющей», укрепившей «надежду» американцев на будущий всеобщий мир, потому что-де «только свободные народы» могут «непоколебимо» стоять «за общую цель». «Стоять за общую цель» означало безоговорочно воевать с германским блоком, и Вильсон успокаивал американцев, побаивавшихся больших жертв, предстоявших Америке в войне, тем, что теперь «великий и благородный русский народ» будет участвовать в войне «со всей своей безыскусственной величественностью и мощью».[48]

Между тем утверждать подобное 2 апреля Вильсон мог лишь игнорируя новые вести из России, пришедшие уже после принятия лансинговской схемы обращения к конгрессу. Как известно, массовой идеологией этого времени было в России революционное оборончество, которое, как указывал В. И. Ленин, «победило кругом».[49] Оно основывалось на добросовестных заблуждениях масс, поверивших словам буржуазных и мелкобуржуазных лидеров о том, что после свержения самодержавия необходимо защищать «свободную, революционную Россию». Это было явление весьма сложное по своему характеру. Как ни старались использовать революционное оборончество в своих интересах российские империалисты, стремление народных масс свести империалисти-

---

[48] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 17. — Любопытна схема, по которой Вильсон изображал причины Февральской революции: русский народ был всегда демократичен «в душе», «автократия» же, которая управляла Россией, «фактически не была русской по своему происхождению, характеру и целям». В несколько туманной и выспренной форме Вильсон повторял распространенный буржуазный тезис о том, что Февральская революция была не столько социальным переворотом, сколько взрывом возмущения против германофилов при дворе.

[49] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 242.

ческую войну к «революционной обороне» объективно отражало их усталость от войны. За границей и, в частности, в США это было понято, однако, далеко не сразу. Более того, революционное оборончество, принимавшееся там за всеобщий военный энтузиазм масс, помешало сразу разглядеть сложившееся в России двоевластие, не говоря уже о том, чтобы понять его природу. Это отразилось и на восприятии в США известного Манифеста Петроградского Совета 14 (27) марта, обращенного к народам всего мира.

Разумеется, сам Манифест, выдержанный в компромиссных тонах классического «революционного оборончества» и определенный позднее В. И. Лениным как «величайшая теоретическая путаница»,[50] давал основания к благодушному восприятию его далекой американской буржуазией в качестве одного из многочисленных в те дни пацифистских воззваний, тем более что и в России он встревожил далеко не всю буржуазную печать. Кое-что в Манифесте даже совпадало с новыми тезисами американской пропаганды (в русской печати была даже высказана мысль о влиянии Манифеста на президентское послание об объявлении войны).[51] Таковы были слова о том, что «демократическая Россия не может быть угрозой свободе и цивилизации» и потому-де германская реакция не может более оправдывать войну необходимостью защиты Европы «от азиатского деспотизма». Поскольку при этом отсутствовала какая бы то ни было критика Временного правительства и его политики, призывы к германскому народу свергнуть правительство Вильгельма и отказаться «служить оружием захвата и насилия в руках королей, помещиков, банкиров» носили объективно социал-шовинистский характер. И этого не меняли ни призывы прекратить войну «дружными объединенными усилиями» народов, ни даже великий лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», которым завершалось обращение.[52] Но наряду с этим в нем был призыв к международной солидарности пролетариата, несомненно имевший большое международное революционизирующее значение. Воззвание содержало слова о том, что «наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире». В чем содержалось и обязательство, данное от лица «российской демократии»: «всеми мерами противодействовать захватной политике господствующих классов». Все это было в тогдашних условиях по меньшей мере примечательно: Манифест при всех его недостатках означал, что русские рабочие и солдаты в лице своего

---

[50] Там же, т. 32, стр. 278.

[51] С. Дмитриев. Объявление войны Соединенными Штатами Германии. День, 22 марта 1917 г.

[52] Текст его см.: Революционное движение в России после свержения самодержавия, М., 1957. стр. 252—253.

фактически общероссийского легального органа, обладавшего невиданным влиянием и реальной властью, заявили себя на весь мир силой, борющейся против империалистической бойни.

Однако американские политики, по-видимому, либо не заметили этого, либо истолковали по-своему, ничуть нока не встревожившись.

■

В том, что правительство США не сразу определило Манифест Совета и все последовавшие за ним события как признаки существования в России двоевластия, была немалая вина Фрэнсиса. Он, сразу же усвоив милюковскую концепцию Февральской революции, неукоснительно проводил ее в своих телеграммах в госдепартамент. А Милюков, изображая революцию как дело рук Думы, старался затушевать не только влияние, но и самое существование Петроградского Совета. В составленном им сообщении Временного правительства о происшедшем в России перевороте, переданном по радио за границу 3 марта (ст. ст.), он высокомерно представлял Совет как «одну из левых политических организаций», хотя и «наиболее влиятельную», и похваливал его за «благоразумие» и резкое осуждение «печальных явлений на улицах столицы».[53] В телеграмме же Милюкова, разосланной дипломатическим представителям России за границей и представленной Ю. А. Бахметевым Лансингу, Совет не упоминался вовсе.[54]

Вслед за Милюковым Фрэнсис также не упоминал в своих телеграммах в Вашингтон о существовании Совета и тем более о двоевластии вплоть до 14 (27) марта, т. е. до дня издания Советом Манифеста. Он игнорировал возмущение, вызванное милюковской радиограммой в кругах революционной демократии, нашедшее выражение во втором номере большевистской «Правды» 6 (19) марта (меньшевистско-эсеровские лидеры Совета, хотя и были задеты покровительственным тоном Милюкова, старались говорить об этом поменьше).

В этом инциденте, происшедшем в тот же день, когда Гучков поделился с американцем своими опасениями за судьбу Временного правительства, как и в других, ему подобных эпизодах, проявлялось двоевластие, обнаруживалось разительное расхождение между действительным положением дел и милюковской концепцией февральских событий. Но Фрэнсис старался не сообщать в Америку таких сведений, которые могли бы рассматриваться как признаки существования в России двоевластия. Более того, даже упоминая о революционных массах и их требованиях,

[53] Вестник Временного правительства, 5 марта 1917 г.
[54] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 4—5.

о «социалистических элементах», он тем не менее не только замалчивал, но и прямо маскировал существование Совета.

Так было, например, когда 10 (23) марта Фрэнсис по просьбе Милюкова попросил Лансинга устроить отправку Гомперсом или другими американскими социал-реформистами увещевательной телеграммы петроградским рабочим. «Здесь господствуют спокойствие и порядок», — по обыкновению начал Фрэнсис свою телеграмму. «Правительство укрепляется с каждым днем, — продолжал он, — но вынуждено обращаться с социалистическим элементом с большой осторожностью, и опасность с этой стороны еще не совсем рассеялась». Американский посол очень хвалил Керенского за его призывы к «благонравному поведению и уважению закона». «Социалистические и рабочие организации Англии и Франции, — сообщал Фрэнсис, — телеграфировали своим здешним коллегам, умоляя о подчинении новому правительству и уважении к нему, поскольку это теперь единственный разумный курс, особенно для энергичного ведения войны. Телеграмма от Гомперса и других известных рабочих лидеров непосредственно петроградским рабочим лидерам или через посольство, если он предпочтет это, была бы своевременна и полезна. Сейчас драгоценный для этого момент, так как социалистический элемент, состоящий из рабочих и солдат, проводит непрерывный митинг в Думе, на котором отстаивают ликвидацию классов и право солдат не подчиняться своим офицерам... Милюков предлагает, чтобы телеграмма Гомперса была адресована Н. С. Чхеидзе, члену Думы и Думского комитета, избравшего правительство».[55]

Как видим, в телеграмме в сущности фигурировал Совет, но признать его существование как официального органа Фрэнсис не хотел и называл поэтому его председателя Чхеидзе и членом Думы, и членом Думского комитета (оба эти звания почти потеряли к тому моменту свое значение), лишь бы не назвать его председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В том, что Фрэнсис сознательно кое-чего не договаривал в своих телеграммах в Вашингтон, а отнюдь не заблуждался сам, легко убедиться, если принять во внимание донесение в Вашингтон подчиненного ему консула США в Петрограде Уиншипа. Это весьма обстоятельное донесение, посвященное Февральской революции, отправленное 7 (20) марта по почте, прибыло в Америку более чем через месяц. Оно послужило там лишь подтверждением тех тревог, которые возникли уже и без того, и интересно по преимуществу как отразившее степень осведомленности и характер представлений петроградских американцев о февральских событиях. Уиншип, описывая Февраль-

[55] Там же, стр. 15—16.

скую революцию, прямо сообщал о Совете рабочих депутатов, представлявшем «революционных рабочих», о преобразовании его в Совет рабочих и солдатских депутатов и т. д. Повторив весьма распространенную в буржуазном Петрограде басню о том, что Совет якобы существовал конспиративным образом при старом режиме, он весьма реалистически, однако, изобразил неопределенное положение вопроса о власти с 28 февраля до 2 марта. Вполне точно охарактеризовал он сложившееся двоевластие вплоть до того, что не без тревоги отметил подчинение милицейских комиссаров в районах Петрограда Совету, а не органам Временного правительства.[56] Лишь самого термина «двоевластие» он не употреблял, но его, пожалуй, и не было еще в петроградском политическом обиходе. Более того, Уиншип видел возможность «дальнейших серьезных беспорядков, способных развиться в новое революционное движение с более сильными социалистическими тенденциями, чем до сих пор».

Хотя Фрэнсис вряд ли мог не отдавать себе во всем этом отчета, он продолжал изображать положение в России совсем помилюковски. Даже упомянув о Совете в телеграмме 14 (27) марта, он позолотил пилюлю, чтобы не вызвать в Вашингтоне беспокойства. Сообщив, что у солдатской массы «решимость добиться победы растет со дня на день», он добавил, что хотя «подавляющее большинство» солдат «находится под контролем Комитета рабочих, тем не менее они соблюдают и насаждают порядок».[57] И когда Манифест Петроградского Совета 14 (27) марта продемонстрировал на международной арене наличие в России двоевластия, официальные сферы США словно бы не заметили этого. Внутренняя обстановка в Америке тому благоприятствовала: страна была охвачена возбужденным ожиданием войны, всем представлявшейся уже решенным делом, и любые новые аргументы за вступление в войну или против этого выглядели теперь лишними. Да и обольщение по поводу могучего русского союзника, который понесет на себе немалую часть военного бремени, доставшегося бы в противном случае США, было очень уж сильным: как раз в тот день, 15 (28) марта, когда в петроградских газетах был опубликован Манифест Совета, в Америке появился номер журнала «Аутлук» с уверениями Кеннана — крупнейшего эксперта по русским делам — в том, что «в конеч-

---

[56] Там же, стр. 7—11. — Действительно, рабочая милиция, организованная в рабочих районах города в февральские дни, подчинялась в отличие от так называемой городской, созданной по преимуществу в центральных районах, Совету. Как раз 7 (20) марта меньшевистско-эсеровский Исполком вынес решение, предусматривавшее объединение рабочей милиции с городской (Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и бюро ИК, стр. 24). Решение это не удовлетворило рабочих.

[57] Там же, стр. 16—17.

ном счете» Россия в результате революции будет вести войну «со значительно возросшей силой и эффективностью».[58] Линия Милюкова, состоявшая в том, чтобы не замечать двоевластия, поддержанная Фрэнсисом совершенно сознательно, а правительством США, вероятно, непроизвольно, оказалась в США эффективной вплоть до того момента, когда сам Милюков оказался в отставке. Тогда-то и Фрэнсис, и его вашингтонские шефы опомнились и пришли в возбуждение. Впрочем, тревога в Вашингтоне появилась, как мы увидим, несколько раньше.

Пока же все происходившее в России казалось из Вашингтона с американской точки зрения вполне благополучным, тем более что консул Уиншип свое донесение с текстом Манифеста и весьма реалистической его оценкой отправил с большим опозданием, да еще по обыкновению почтой.[59] И 3 апреля, не дожидаясь официального объявления Америкой войны Германии, Лансинг и министр финансов (секретарь казначейства) Мак-Аду телеграфировали Фрэнсису распоряжение предложить министру финансов Временного правительства американскую государственную финансовую помощь. Временному правительству предлагалось «немедленно» сообщить свои потребности в общем плане и на ближайшие 6 месяцев. Допускалась даже возможность расходования кредитованных средств за пределами США.[60] Это было очень щедрое начало, соответствовавшее той благосклонности к Временному правительству, о которой сообщал из Вашингтона Ю. Бахметев.

Первый разговор на финансовую тему, который произошел у Фрэнсиса с Терещенко, кончился совершенно, казалось бы, для русской стороны благоприятно, и директор Кредитной канцелярии фон Замен на его основании телеграфировал Угету в Вашингтон, что США открывают России кредит в полмиллиарда долларов, подлежащий погашению через один-два года после ратификации мира из того же процента, по которому будет занимать на американском рынке само правительство США. В качестве обеспечения должны были фигурировать облигации «займа свободы».[61] Предложенный полумиллиардный кредит, как об этом прямо заявляло правительство США, рассматривался им

---

[58] Ch. Lash, ук. соч., стр. 35.

[59] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 18—20. — «Совет, — писал Уиншип 3 апреля (н. ст.), — находится под влиянием весьма радикальных социалистов, которые придерживаются принципов Интернационала, как они были выражены на Циммервальдской и Кинтальской международных социалистических конференциях. Умеренные социалисты, к которым может быть отнесен А. Ф. Керенский, нынешний министр юстиции, хотя открыто и не возражают против воззвания, тем не менее осуждают плохое влияние, которое оно может оказать на русского солдата и рабочего».

[60] PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 1.

[61] Отчет агента МФ... Объяснительная записка, кн. I, лл. 142—143.

лишь как «первый взнос», за которым «последуют и дальнейшие».[62]

Министерство финансов Временного правительства даже заняло было относительно американского казначейства такую же твердую позицию, как та, что раньше занимало по отношению к американским банкам царское финансовое ведомство. Фон Замен сообщал Угету, что американское предложение в том виде, в каком оно было сделано, «не встретило сочувствия» со стороны министерства финансов и оно признает «более желательным» выпуск полумиллиардного русского займа на американском рынке сроком на 15 лет с гарантией правительства США да еще с открытием в счет этого займа американского правительственного кредита для использования «немедленно и по мере надобности».[63]

На случай невозможности займа на рынке Министерство финансов хотело либо правительственного займа под обязательства Русского государственного казначейства с последующей его консолидацией, либо участия в американском займе союзникам.

Однако в беседе Фрэнсиса с Терещенко позиции сторон кое в чем уже соответствовали их взаимному положению кредитора и заемщика. Терещенко больше всего боялся, что «новому правительству будет вредно, а для России унизительно», если оно не получит займа на тех же условиях, что и англо-французы. А Фрэнсис, в котором посол великой державы всегда уживался с провинциальным купцом американского среднего Запада, кончал свою депешу заверением Белого дома в том, что, пусть даже Временное правительство и обанкротится, все равно долги Америке можно будет с него взыскать. «Россия, — писал он, — обладает безбрежными лесами, неисчислимыми залежами руд и нефти, колоссальными площадями годных к обработке земель. Этот заем будет, по моему мнению, абсолютно верным делом. К тому же он со всех точек зрения целесообразен в политическом отношении».[64]

Еще ярче сказался американский менторский подход к Временному правительству в адресованном ему сообщении об официальном объявлении Америкой войны Германии. Американским

---

[62] Русская революция и Соединенные Штаты Америки. Доклад Б. Е. Шацкого. В брошюре: Русско-Американская торговая палата в г. Москве. М., 1918, стр. 16.

[63] Отчет агента МФ... Объяснительная записка, кн. I, лл. 142—143. — Из протокола совещания по вопросу о финансовых операциях Временного правительства в Америке, проведенного под председательством Терещенко 26 марта (ст. ст.) 1917 г., можно заключить, что Терещенко собственной властью отклонил американское предложение, предложив совещанию свой вариант (Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 2. М.—Л., 1957, стр. 534—535).

[64] PRFRUS, 1918, Russia, v. III, pp. 2—3.

дипломатическим представителям во всех странах мира, за исключением России, было отправлено краткое стандартное уведомление об этом.[65] Для России же было написано специальное сообщение, смысл которого сводился к тому, что правительство США «искренне надеется и ждет, что Россия... более чем когда-либо осознает свой долг перед человечеством и необходимость сохранения внутренней гармонии с тем, чтобы она как сплоченная и патриотическая нация могла победить автократическую державу, которая силой и интригами угрожает демократии, провозглашенной русским народом».[66] Слова о «необходимости сохранения внутренней гармонии», о «сплоченной и патриотической нации» могли означать только одно — настойчивую рекомендацию Временному правительству положить предел развитию революции.

Впрочем, эта программа полностью соответствовала основным пропагандистским тезисам самого Временного правительства, уже бывшим в ходу в России, и то обстоятельство, что она была теперь произнесена извне, Терещенко и его коллеги вовсе не сочли для себя унизительным.

Если в практических политических расчетах и в пропагандистско-идеологической концепции, с которыми США вступали в войну, России отводилось особое место, то и Временное правительство в своих заявлениях и действиях заметно выделяло Америку по сравнению с Антантой. Нам приходилось уже отмечать в качестве одной из причин политической ориентации Временного правительства на США, по крайней мере в сфере пропагандистской, тот факт, что Англия изображалась германской пропагандой в качестве зачинщика Февральского переворота. Афишированная близость с Америкой как бы несколько затушевывала это. А тут еще шумное пропагандистское сопровождение на тему о борьбе свободы с деспотизмом, которое придали Вильсон и Лансинг вступлению США в войну, сразу же претендуя среди союзников не только на военно-экономическое, но и на морально-идеологическое лидерство.

И Милюков решил поэтому стать партнером правительства США в жонглировании демагогическими лозунгами на международной и внутрироссийской сцене, придав своим внешнеполитическим декларациям форму откликов на заявления правительства США. 22 марта (4 апреля) он дал свое известное интервью с изложением кадетской внешнеполитической программы, избрав поводом послание Вильсона о мотивах вступления США в войну. Текст президентского послания был, кстати сказать, заранее затребован Фрэнсисом для опубликования по согласованию с Милюковым в Петрограде немедленно после того,

[65] PRFRUS, 1917, Suppl. 2, The world war, v. I, p. 11.
[66] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 20—21.

как послание будет оглашено перед Конгрессом в Вашингтоне.[67]

Милюковское интервью начиналось рассчитанной на русского читателя назидательной констатацией того факта, что США вступили в войну за разгром Германии вопреки прежнему лозунгу Вильсона «мир без победы» и американскому пацифизму. Осторожно, но определенно подчеркивал Милюков полное противоречие между прежней позицией Вильсона и его посланием конгрессу США об объявлении войны.

А затем после некоторых рассуждений в вильсоновском духе об освободительном характере войны со стороны Антанты Милюков принялся доказывать, что вся его военно-империалистическая программа вплоть до требования Константинополя и проливов «вполне соответствует» тем целям войны, которые провозгласил теперь президент США.[68]

С американской точки зрения в данном случае заслуживало одобрения прежде всего то обстоятельство, что вопрос о продолжении Россией войны был поставлен на чисто практическую почву. Манифест Совета министр иностранных дел Временного правительства игнорировал и вообще о свершившейся революции ни словом не упоминал. Появившееся в газетах 23 марта, в день похорон жертв революции, интервью Милюкова с особенной силой прозвучало как вызов революционным массам.

Шаг Милюкова вызвал бурную реакцию в Совете и в революционно-оборонческих кругах. Трещина образовалась и в кабинете: Керенский не мог себе позволить молчаливую солидаризацию с Милюковым. Товарищ председателя Совета, он был связан своим положением одного из «вождей революционной демократии». И на другой же день в печати появилось сделанное от его имени сообщение о том, что заявление Милюкова выражает лишь точку зрения министра иностранных дел, а не позицию Временного правительства. Весь этот инцидент сейчас же получил привкус серьезного политического скандала. Результатом его явилось опубликованное 28 марта заявление Временного правительства о войне, которое создавало впечатление, будто Временное правительство солидарно с Манифестом о войне, принятым Советом. Заявление состояло из двусмысленных фраз об отсутствии у «свободной России» захватнических целей в войне, об ограждении ее прав и соблюдении обязательств перед союзниками. Последнее обстоятельство в тот момент вполне удовлетворяло Милюкова, тем более что заявление Временного правительства было по его настоянию адресовано населению России, а не союзникам по Антанте. К ним Милюков, по-видимому, уже тогда задумал обращение в несколько ином роде, но пока медлил.

---

[67] Там же, p. 16.
[68] Речь, 23 марта 1917 г.

Правительственное заявление было встречено как буржуазной, так и меньшевистско-эсеровской прессой самым благоприятным образом. Особенно восторженно встретили заявление Временного правительства «Ивестия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (в дальнейшем — «Известия») и меньшевистская «Рабочая газета», рассматривавшие его как «победу демократии». Газеты писали о всенародном единстве, искали в декларации Временного правительства соответствия Манифесту Совета и т. д. Однако даже не слишком внимательное чтение петроградской прессы обнаруживало наличие серьезной трещины в отношениях между Советом и Временным правительством по вопросу о войне и — более того — признаки разногласий по этому вопросу в самом правительстве. И уж совсем нельзя было не заметить той в высшей степени меткой принципиальной оценки, которую дала двусмысленности политических отношений между буржуазными и соглашательскими лидерами большевистская «Правда». После того как Керенский отмежевался от Милюкова, «Правда» с неумолимой логичностью поставила вопрос о том, что один из них должен в таком случае уйти из правительства. А после правительственной декларации 28 марта со страниц «Правды» был задан вопрос Милюкову, прозвучавший убийственной для него иронией, — как мог он, только что требовавший захвата Константинополя, проливов и т. д., согласиться с отказом от завоевательных целей войны?

Выступления «Правды» имели значительный резонанс, несмотря на создавшуюся в эти дни видимость всеобщей политической консолидации на радикально-демократической платформе с социалистическим оттенком. Но Фрэнсис не сумел проникнуть в тонкости российской внутриполитической обстановки. Конфликта между Милюковым и Керенским он каким-то образом не заметил. Соглашательство «заложника демократии» в кабинете (так называли Керенского) американский посол ставил, повидимому, превыше всего. Керенский, рассуждал Фрэнсис, хоть и «социал-демократ», но «ведет себя совершенно восхитительно», и «Совет министров состоит из способных и патриотичных людей, между которыми ни столкновения интересов, ни большой разницы в мнениях пока не заметно».[69] И до тех пор пока Милюков сам не передал за границу заявление Временного правительства, сопроводив его своей нотой, а нота эта не вызвала в России целую бурю, Фрэнсис не усматривал в петроградской политической действительности каких-либо признаков неблагополучия. Милюкову же это как раз и требовалось, и возможно, что именно в беседах с ним Фрэнсис подогревал свой оптимизм.

---

[69] Донесение Фрэнсиса Лансингу, 4 (17) апреля 1917 г., получено 26 июня: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 25—27.

Основание для тревоги за продолжение войны Россией американская дипломатия усмотрела поначалу не в донесениях Фрэнсиса, а в поступивших через него косвенных сведениях и в телеграммах его коллег — американских послов в нейтральных европейских странах, не говоря уже о том, что американская печать вслед за европейской и сама стала помещать сообщения из России, в большей мере соответствовавшие действительности, нежели уверенно-оптимистические телеграммы Фрэнсиса.

11 апреля (н. ст.) Лансинг получил от Фрэнсиса копию телеграммы американского военно-морского атташе в Петрограде в морское министерство, полной беспокойства по поводу того, что «социалистические круги требуют мира» и влияют в этом смысле на армию. «Желательно быстро сделать все возможное для укрепления положения», — телеграфировал атташе. Лансинг реагировал немедленно. В тот же день он писал президенту: «Меня это серьезно беспокоит. Я хочу, чтобы мы смогли что-нибудь предпринять для воспрепятствования социалистическим элементам в России в осуществлении любого плана, который уничтожил бы силу союзных держав».[70] Лансинг предложил послать в Россию американскую комиссию, включив в ее состав Сэмюэля Гомперса для «влияния на рабочий элемент».

На следующий день, 12 апреля (н. ст.), Лансинг получил телеграмму от посланника США в Копенгагене Игэна с сообщением о происшедшей там 11 апреля встрече «между германскими и русскими социалистами», в ходе которой обсуждались возможности заключения мира между Россией и Германией.[71] А через несколько часов пришла телеграмма от Фрэнсиса, в которой он вопреки всему, что сообщал до и после этого, обронил, между прочим, фразу о том, что «искренность Временного правительства в вопросе о продолжении войны раньше была под подозрением, а теперь открыто ставится под вопрос».[72] Это была со стороны Фрэнсиса непосредственная реакция на заявление Временного правительства 28 марта (10 апреля), длившаяся очень недолго, до первой встречи с Милюковым.

В тот же день, 12 апреля, вечером, Лансинг уже без той покровительственной мягкости, которой характеризовалось его предыдущее обращение к Временному правительству, телеграфировал Фрэнсису об этих «беспокоящих сообщениях» лаконично и строго: «сепаратный мир сделал бы невозможной всякую помощь России из этой страны, финансовую или иную.

---

[70] The Lansing Papers, 1914—1920, v. II. Washington, 1940, p. 325.
[71] PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, p. 19.
[72] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 11 апреля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 185.

Разузнайте об этом осторожно и без огласки и немедленно доложите».[73]

На следующий день угрозу государственного секретаря подтвердил и растолковал министр финансов Мак-Аду. Сообщив, что скоро конгресс примет билль, дающий ему как министру финансов право прямого кредитования иностранных государств, он многозначительно подчеркнул, что будет при этом учитывать «положение каждого правительства». «Соберите всю возможную информацию о решимости и способности русского правительства вести войну, если финансовая помощь будет предоставлена», — поручал Мак-Аду.[74]

Выполняя деликатное поручение Лансинга и Мак-Аду, Фрэнсис мудрить, однако, не стал и сейчас же пошел по обыкновению к Милюкову. А тот снова успокоил американца. Министр был «абсолютно уверен в том, что возможности сепаратного мира не существует». Он даже «защитил» от обвинений в склонности к этому «социалистов», имея в виду правых оборонцев. Выделив, однако, «самую радикальную фракцию» (очевидно, революционно-оборонческое большинство Совета), он изложил платформу революционного оборончества — «революция в центральных державах, свержение правящих там монархов и после этого заключение всеобщего социалистического мира».

Понимая, что эта платформа никак не может понравиться правительству США (того обстоятельства, что революционные оборонцы по сути дела признавали революцию в России завершенной, было здесь недостаточно), Милюков убедил Фрэнсиса, что и «самых радикальных» социалистов можно не бояться. «Правительство..., — сообщал Фрэнсис, — этим не встревожено, так как оно становится сильнее с каждым днем, солдаты возвращаются в свои части и принимают резолюции, призывающие рабочих возобновить военное производство. Рабочие становятся более разумными и менее настойчивыми в своих требованиях».[75]

Излагая Лансингу свой разговор с Милюковым, Фрэнсис назвал его «полностью удовлетворительным». Но государственный секретарь имел теперь уже сведения не только из Петрограда. Еще до телеграммы от Фрэнсиса он получил телеграмму от Морриса из Стокгольма, в которой тот точно и обстоятельно, со ссылкой на английского посланника в Стокгольме, «близко знакомого с положением в России», объяснил соотношение сил между Советом и Временным правительством и сообщил о проследовавших через Стокгольм в Петроград делегациях английских и французских социалистов, которые были «назначены» своими

---

[73] PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, p. 19.
[74] PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 3.
[75] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 14 апреля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, p. 23.

правительствами для переговоров с руководителями Петроградского Совета. «Делегаты» должны были «попытаться убедить своих русских собратьев, что мир, заключенный на иных основаниях, нежели те, что имеют в виду союзники, был бы враждебен интересам русского народа и союзников».[76]

Лансингу не нужно было следовать в этом англо-французскому примеру. Он еще раньше по просьбе Милюкова получил у маститого американского социал-реформиста председателя Американской федерации труда Сэмюэля Гомперса одно за другим два увещевательных воззвания к русскому пролетариату. В первом — от 21 марта (н. ст.) — Гомперс объявлял «великолепной» декларацию Временного правительства, а во втором — от 2 апреля (н. ст.) — развивал всю систему своих реформистских взглядов, предостерегая русский пролетариат «от имени рабочих Америки» против развития революции. «Невозможно достичь идеального государства немедленно..., — поучал Гомперс. — Свобода... не может быть установлена одной только революцией — она является продуктом эволюции». В назидание русскому рабочему движению Гомперс писал: «Даже (! — *Р. Г.*) в республике Соединенных Штатов Америки высшие идеалы свободы осуществлены не до конца, но мы обладаем волей и бла-

---

[76] Телеграмма Морриса Лансингу, 14 апреля (н. ст.) 1917 г.: там же, стр. 21—22. — В тот же день Моррис передал в госдепартамент сообщение Шведского телеграфного бюро о ходе Всероссийского совещания Советов, в котором излагались его резолюции о войне и об отношении к Временному правительству. Обе эти резолюции носили, как известно, соглашательский характер. Однако в каждой из них были все же элементы, которые не могли не насторожить руководство американской дипломатии. В резолюции о войне, хоть в ней и содержался призыв держать фронт и умножать военные усилия, пока мир не заключен, говорилось со ссылкой на Манифест Совета об отказе от захватов и аннексионистских программ как базе для заключения мира (Всероссийское совещание Советов. Стенографический отчет, М.—Л., 1927, стр. 291—292). А резолюция о поддержке Временного правительства на основе пресловутой формулы «постольку, поскольку оно будет неуклонно идти в направлении к упрочению и расширению завоеваний революции» (там же, стр. 292—293), при всей своей практической бессмысленности обладала пугающим буржуазных политиков звучанием, особенно в том ее пункте, где речь шла о «постоянном политическом контроле и воздействии революционной демократии на Временное правительство».

Переданное Моррисом сообщение Шведского телеграфного бюро воспроизводило обе резолюции вполне точно, в то время как Фрэнсис изложил первую резолюцию как «одобряющую энергичное ведение войны вплоть до успешного исхода», а вторую — как «поддерживающую Временное правительство». Впрочем, донесение Лансингу, в котором это сообщалось, отправленное Фрэнсисом 4 (17) апреля почтой, прибыло в Вашингтон лишь в конце июня (н. ст.) (PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 25—27), уже после того, как было получено донесение Уиншипа, в котором наряду с другой обстоятельной информацией приводились резолюции Совещания (там же, стр. 28—32).

гоприятными возможностями для того, чтобы добиться этого».[77] Русским же рабочим и подавно нечего было стремиться к развитию революции, а следовало ждать «продукта эволюции»... Фрэнсис считал это воззвание «превосходным» и ждал от него «большого эффекта».[78]

Требовать сейчас от Гомперса чего-либо большего было просто невозможно (хотя, как мы увидим, вскоре Гомперс обратился к русскому пролетариату с третьим, а затем еще и с четвертым увещеванием), и Лансинг нажал на все остальные доступные ему педали. Как раз в это время благодаря телеграмме петроградского корреспондента лондонской «Таймс» Вильтона на Западе появилась инспирированная присмиревшими в России черносотенцами версия о том, что развитие русской революции — дело рук евреев.[79] Вероятно, Лансинг под влиянием Харпера и Крэйна, склонных к такой интерпретации событий, принял это всерьез и сейчас же отправил в Петроград для Милюкова или барона Гинцбурга телеграмму за подписью крупнейших еврейских банкиров и буржуазных деятелей США — Маршалла, Моргентау, Шиффа, Штрауса и Розенвальда, — в которой содержались призыв к русским евреям ценой «величайших жертв» поддерживать Временное правительство, обещание помощи им в этом из США и предостережение против сепаратного мира, в результате которого в России-де восстановится «автократическое правительство» и евреям придется еще хуже, чем при царе.[80]

В американской печати появлялись все более тревожившие буржуазную публику сообщения из России — «подозрения» и «спекуляции относительно возможного сепаратного мира», как выразился Лансинг. Они встречали особенно нервное к себе отношение потому, что конгресс США только что вотировал семимиллиардный военный заем, из которого три миллиарда предназначались союзникам, в том числе России. Неудача апрельского англо-французского наступления на западном фронте усиливала тревогу.

Наблюдения П. М. Керженцева, на которые мы уже ссылались, подтверждают, однако, что причины тревоги были не только военного, но и политического, классового характера. Для буржуазной публики, убаюканной «примитивными» и извращен-

---

[77] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 18.

[78] Более реалистичный, чем Фрэнсис, Бьюккенен, приняв английских «рабочих делегатов» О'Греди и Торна, писал: «Они произвели на меня превосходное впечатление, и я надеюсь, что они будут в состоянии принести некоторую пользу. Однако крайние социалисты не очень доступны заграничным влияниям». (Дж. Бьюккенен. Мемуары дипломата. М. [б. г.], стр. 226).

[79] Д. О. Заславский и В. А. Канторович. Хроника февральской революции, т. I. Пгр., 1924, стр. 174.

[80] Лансинг — Фрэнсису, 16 апреля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, p. 25.

ными первыми известиями из России (Дума взяла власть и т. п.), отмечал он, «было большим разочарованием прочитать в последовавших телеграммах из России, что существует какой-то Совет каких-то делегатов, что рабочие тоже заседают в Таврическом дворце, что над бывшими дворцами развевается красный флаг и на улицах слышатся звуки „Интернационала“». Сперва эти вести сообщались «в глухой и загадочной форме», «потом в комментарии прессы начали вторгаться тревожные мотивы», и, наконец, появилось более отчетливое представление о незначительности влияния буржуазных партий. «Тогда-то американская пресса, — продолжал Керженцев, — забила настоящую тревогу, объявив войну Совету и особенно его левому меньшинству».[81]

Американское правительство, само обеспокоенное ситуацией в Петрограде, было прежде всего заинтересовано в том, чтобы успокоить буржуазную публику и не вредить своему кредиту на внутреннем американском рынке. Успокоительные сообщения, которые делало в печати русское посольство в Вашингтоне, почти не помогали в этом правительству США, так как им попросту мало кто верил. И 19 апреля (н. ст.) Лансинг предписал Фрэнсису представить телеграфный доклад об общем положении в России, который можно было бы опубликовать в Америке в успокоительных целях.[82]

Но мер для успокоения буржуазной американской публики было недостаточно, положение в России само по себе требовало с точки зрения государственного секретаря решительного воздействия по всем направлениям.

Надо что-то немедленно сделать, чтобы спасти Временное правительство, рассуждал Лансинг 20 апреля (н. ст.), «положение серьезное, и нынешнее правительство нуждается в поддержке».[83]

---

[81] В. Керженцев, ук. соч., стр. 257—258. — С выпадом против Петроградского Совета 18 апреля (н. ст.) выступила «Нью-Йорк таймс». Она уверяла, что Совет представляет не более 5% рабочих России, вовсе не представляет крестьян и помещиков (!?), не отражает настроений армии. Совет состоял, по мнению «Нью-Йорк таймс», из «крайних радикалов и социалистов», и газета все еще надеялась, что «большой шум», который «они производят», не соответствует «их числу и влиянию». 3 мая (н. ст.) в передовой «Нью-Йорк таймс» «Мистер Рут и русские социалисты» говорилось: «Наше правительство официально признало новое правительство России, назначенное исполнительным комитетом Думы... Оно не имеет и не может иметь никаких сношений с социалистами и радикалами, именующими себя Советом рабочих и солдатских депутатов и устраивающими митинги в здании Государственной Думы» (Новый мир, Нью-Йорк, 4 мая 1917 г.). Главными зачинщиками кампании против Совета в США считались «Нью-Йорк таймс» и правый социалист Уоллинг (Новый мир, Нью-Йорк, 7 мая 1917).

[82] PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, pp. 30—31.

[83] The Lansing papers, v. II, p. 328.

Поддержка Временного правительства подразумевала требовательно строгое к нему отношение. Накануне, 19 апреля (н. ст.), Лансинг отправил в Петроград для передачи Мезерву телеграмму директора «Сити бэнк» Мак-Робертса. В ней заключался своего рода ультиматум, сообща предъявленный Временному правительству американским капиталом и правительством США. Подпись Мак-Робертса, которая стояла под ним, несмотря на то что теперь кредитование России в США перешло в руки Федерального казначейства, с одной стороны, придавала делу полуофициальный характер, а с другой — должна была показать в Петрограде, что правительство и банковские монополии США (в том числе и «русская группа» банков) в своих требованиях совершенно едины. Это имело особенное значение потому, что русское Министерство финансов долго не отказывалось от мысли выпустить самостоятельный заем на американском рынке с помощью «Сити бэнк», минуя Федеральное казначейство.[84]

«Конгресс вотировал военный заем в семь миллиардов, три из которых предназначены России и союзным правительствам, — говорилось в подписанной Мак-Робертсом телеграмме. — Здесь наблюдался большой энтузиазм по поводу русских правительственных реформ (так называлась теперь Февральская революция, — *Р. Г.*), но получившие широкое распространение в прессе последние сообщения о том, что новое правительство находится под контролем радикальных социалистов, которые стремятся к сепаратному миру с Германией, серьезно вредят здесь интересам России. Если эти сообщения не прекратятся, они могут воспрепятствовать участию России в займе, предоставляемом союзникам. Широко оповестите об этом русских лидеров по Вашему усмотрению и настаивайте на том, чтобы были приложены все усилия для исправления усиливающегося в американском обществе неблагоприятного впечатления. Если новое правительство сможет поддерживать порядок и успешно вести войну, то невозможно переоценить восторженное и дружественное чувство, которое оно вызовет к себе в нашей стране. Это откроет громадные возможности для послевоенного развития России. Сепаратный мир будет для американского сотрудничества роковым».[85]

За заботой о русских «впечатлениях» американской буржуазной публики и ее успокоении нетрудно было разглядеть попытку повлиять на ход событий в России. А в заключительных фразах политика кнута и пряника была сформулирована уже без обиняков.

Открытая Лансингом серия обращений из США к различным адресатам в России преследовала прежде всего «воспитатель-

---

[84] Отчет агента МФ ... Объяснительная записка, кн. I, л. 151.
[85] PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, p. 30.

ную» цель по отношению к тем слоям русского общества, со стороны которых Временное правительство могло ожидать каких-либо для себя неприятностей. Разумеется, выражения солидарности с русским народом и живейшей радости по поводу его победы над царизмом, шедшие из различных слоев американского общества, носили, как мы уже подчеркивали, за немногими исключениями, совершенно искренний характер и не были связаны с какими бы то ни было политическими соображениями.

Однако совершенно очевидно, с другой стороны, что госдепартамент приложил усилия для того, чтобы поставить поразительную по размаху «приветственную кампанию» под свое руководство и использовать в своих политических видах всю ее целиком, а не только такие послания, как телеграмма Мак-Робертса, принадлежавшая к упомянутым исключениям. Как можно судить по некоторым признакам, «заказ» на такой именно образ действий был дан в Америку Милюковым. Недаром оказался в его бумагах подробный и очень деловой отчет о приветственной кампании. А в самом этом отчете приводилась анонимная телеграмма из Петрограда, в которой утверждалось, что «напечатанные в русских газетах серии заявлений видных американцев, настаивающих на осуществлении полной демократии и на единстве сил для сокрушения автократической Германии», явились «единственным фактором», давшим якобы «великий результат в прекращении междоусобной борьбы между различными фракциями».[86] Кампанию проводил созданный вскоре после Февральского переворота Американский комитет для поддержки демократического правительства в России. Само это название было чрезвычайно выразительным. На учредительном собрании в здании Оперы в Нью-Йорке 25 марта (с числом участников в 2.5 тыс.) создаваемая организация называлась прямо обществом помощи Временному правительству.

Во главе Комитета стал старый деловой контрагент царизма в США Чарльз Флинт. Как указывалось в отчете Флинта, Комитет передал в Россию резолюции посвященных Февральской революции митингов, «организованных с одобрения государственного секретаря», послания экс-президентов Рузвельта и Тафта, сенатора Рута, резолюции муниципалитетов, университетские и т. п. 28 штатов отправили Родзянке, Львову и Милюкову приветственные послания. Гордый достигнутой им организованностью «изъявления чувств», Флинт подчеркивал, что «ободрительные послания новому правительству России» от имени различных штатов, «все составленные по-разному», передавались в Россию в среднем каждые 48 часов.[87]

[86] Отчет Американского комитета для поддержки демократического правительства России, не ранее 6 мая (н. ст.) 1917 г.: Рукописный отдел ГПБ, ф. 482, П. Н. Милюков, № 10.

[87] Там же.

Но оказываемые таким образом Временному правительству «поддержка» и «ободрение» были уже с начала апреля (н. ст.) лишь одной, и притом фасадной, стороной русской политики США. Стержнем ее была угроза прекращения финансовой помощи и всякой иной «поддержки», повторявшаяся Фрэнсисом, по его собственному признанию, «снова и снова». Временное правительство, как сообщал Фрэнсис 21 апреля (н. ст.), не только полностью «сознавало» это, но и «начинало» (так сказал ему Милюков) рассматривать «инсинуации» по поводу сепаратного мира как задевающие престиж России.[88]

А в Вашингтоне продолжали бить в одну точку. Министр финансов Мак-Аду для достижения государственной цели прибегнул к верному домашнему средству. Заявление, предназначенное для передачи Временному правительству, он сделал своему собственному зятю, второму секретарю русского посольства Ф. Ф. Мореншильду. Их «доверительная беседа», содержание которой было передано посольством в МИД 21 апреля (н. ст.), началась с многозначительного заявления Мак-Аду о том, что «наступает момент распределения займа в 3 млрд между союзниками» и ему «даны самые широкие полномочия действовать по личному усмотрению». А затем Мак-Аду прямо дал понять своему зятю, что предоставление России американского правительственного кредита — дело еще не решенное. «Америка, предоставляя свою финансовую помощь, — говорил он, — хочет быть уверенной, что деньги, имеющие быть авансированными, будут употреблены действительным образом; в случае неимения этой уверенности даже трудно будет убедить общественное мнение и лиц, могущих сказать слово, в необходимости предоставить кредит России».[89] Чтобы придать значительность своему сообщению, Мак-Аду «в частной беседе» с русским поверенным в делах Ону «подтвердил в качестве личного и предварительного своего мнения» все сказанное им зятю. «Он подчеркнул при этом, — сообщал Ону, — что нам легче добиться увеличения цифры кредита для России свыше 500 млн долл., нежели изменения условий сделки».[90]

В заявлениях Мак-Аду речь шла как будто о чисто финансовых условиях американского займа, изменение которых имело в виду Министерство финансов Временного правительства. Оно вообще, как мы видели, вначале не так уж горячо откликнулось на предложение американского правительственного займа и отказалось от мысли о выпуске частного займа на американском рынке через «Сити бэнк» только тогда, когда руководство этого

---

[88] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 21 апреля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, p. 35.

[89] Экономическое положение России, ч. 2 стр. 536—537.

[90] Отчет агента МФ... Объяснительная записка, кн. I, лл. 147—148.

банка передало в Петроград через Угета, что ввиду решения Федерального правительства предоставить средства России из своего государственного кредита «Сити бэнк» в течение всего периода реализации американского правительственного займа не считает для себя возможным заниматься иностранными кредитными операциями.[91]

Но для русской стороны центр тяжести заявлений Мак-Аду лежал в сфере политической. В Петрограде должны были их рассматривать в свете его телеграммы, отправленной Фрэнсису еще 13 апреля (н. ст.). А в ней, как мы видели, прямо говорилось, что при кредитовании будет приниматься в расчет и «положение» Временного правительства, и его «решимость и способность к продолжению войны». Впрочем, и в заявлении Мак-Аду Мореншильду был один пункт, прямо выходивший за пределы чисто финансовой сферы и имевший политический привкус. Министр финансов США упомянул о том, что «серьезно имеется в виду» отправка в Россию американской технической комиссии для реорганизации русского железнодорожного дела.

Мак-Аду упомянул об этом совсем новом предмете не случайно. Очевидно, в Вашингтоне поняли, что бесконечно повторяемые угрозы о полном прекращении помощи — средство недостаточно гибкое и потому мало эффективное.[92] Следовало искать путей использования этой помощи в целях воздействия на ход событий в России. Между тем косвенные сведения о положении в России, поступавшие в Вашингтон, носили все более тревожный характер. Американский посол в Риме Нельсон Пэйдж сообщил о поездке премьера Орландо и министра иностранных дел Соннино в Париж, где они с Ллойд-Джорджем и Рибо обсуждали положение в России, которое требовало, по мнению участников совещания, «военной и иной реориентации на случай выхода России из войны». Пэйдж добавлял, что такая возможность «считается вполне назревшей».[93] Только Фрэнсис, направляемый Милюковым, продолжал видеть все в розовом свете. Но теперь и он не мог уже закрывать глаза на происходившее в Петрограде, хотя продолжал освещать положение совершенно по-милюковски. Он должен был сообщить в Вашингтон о приезде В. И. Ленина

---

[91] Там же, л. 151.

[92] Бьюкенен пришел как раз в эти дни к еще более далеко идущим выводам, признав непрестанные угрозы даже опасными. 23 апреля (н. ст.) он писал в Лондон: «...я боюсь, что если мы предпримем здесь коллективное выступление и будем угрожать приостановкой доставки какого бы то ни было военного материала в случае, если не будет немедленно подавлена разрушительная пропаганда, мы сыграем только в руку социалистов, утверждающих, что если союзники оставят Россию без военного снабжения, то у нее не будет никакого иного выхода, как заключение мира» (Дж. Бьюкенен, ук. соч., стр. 226).

[93] Телеграммы Н. Пэйджа Лансингу, 20 и 21 апреля 1917 г.: PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, pp. 31, 34.

и провозглашении Апрельских тезисов, однако в изложении американского посла это событие выглядело чуть ли не как выигрыш для Временного правительства: «Крайний социалист или анархист по имени Ленин выступает с неистовыми речами, укрепляя тем самым правительство; ему умышленно дают продолжать и в подходящий момент вышлют».[94]

Самоуверенный и хитроватый, а на самом деле недалекий американский провинциал, внезапно оказавшийся послом США в столице революционной России, Фрэнсис в сущности оказался способен лишь повторить распространенную в русских буржуазных кругах оценку Апрельских тезисов, нашедшую отражение в петроградской буржуазной печати. Впрочем, и меньшевистская оценка Апрельских тезисов могла послужить для Фрэнсиса источником. Ведь «Рабочая газета» прямо писала: «Всякий значительный успех Ленина будет успехом реакции».[95] А то, что для «Рабочей газеты» было «реакцией», Фрэнсис мог рассматривать как образец, соответствовавший «американским стандартам».

Однако в сообщении Фрэнсиса о деятельности В. И. Ленина интересна не степень самостоятельности оценок, дававшихся американским послом, а признаки нового подхода американских дипломатов к оценке положения в России. Теперь предметом опасений стала общая перспектива развития революции в России, а не только вопрос о продолжении ею войны. Это особенно ясно из отправленного 23 апреля донесения консула Уиншипа, в котором излагались Апрельские тезисы и впервые появилось сообщение о деятельности и платформе большевиков, которые в буквальном и неправильном переводе Уиншипа оказались максималистами.[96] При этом В. И. Ленина он относил к анархистам-коммунистам. Но несмотря на всю допущенную Уиншипом терминологическую путаницу, он очень определенно отметил принципиальное отличие позиции большевиков от взглядов всех других «социалистических элементов».[97]

Фрэнсис же и в этой телеграмме продолжал успокаивать Вашингтон. Вслед за фразой о Ленине он написал: «В связи с переговорами о займе правительство сообщило лично мне, что дисциплина в армии непрерывно улучшается». Сам он всемерно активизировал свои действия, требуя от Временного правительства под американский заем «надежных заверений» и «обязательств» энергично вести войну. А оно в ответ сообщило амери-

---

[94] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 8 (21) апреля 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 27.

[95] Рабочая газета, 6 апреля 1917 г.

[96] Впрочем, дело могло быть не обязательно в переводе. Намеренное смешение большевиков с максималистами имело место и в русской буржуазной, и в эсеро-меньшевистской печати как вспомогательный прием, применявшийся для антибольшевистской агитации.

[97] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 28—38.

канскому послу о замене 63 генералов. Их уволили, сообщал Фрэнсис в Вашингтон, «не за симпатии к старому режиму», а за неспособность. И чтобы этот шаг Временного правительства не был там принят за акт радикального свойства, он с удовлетворением подчеркивал, что «среди молодых и способных офицеров, назначенных на место уволенных, есть известные своей близостью к царю и сохранявшие преданность ему вплоть до отречения».[98]

Но с некоторых пор в Вашингтоне перестали придавать значение успокоительным уверениям Фрэнсиса. Лансинг убедился, очевидно, что рукой Фрэнсиса в Петрограде водит Милюков, так же как в пропагандистской кампании по успокоению американского общественного мнения в русском вопросе, в которой государственный секретарь сам был заинтересован, он видел участие русского посольства и потому ей не верил. А русский поверенный в делах в США Ону в свою очередь не очень верил «дружеским заявлениям» Лансинга, которые тот делал для внутреннего успокоения в США. По дошедшим до русского посольства сведениям, телеграфировал в Петроград Ону, правительство США, чтобы там ни говорил Лансинг, «обеспокоено свободою действий, которою пользуются в России пацифисты-пораженцы, и слухами о подрыве дисциплины в ... армии».[99] Еще яснее, чем правительство, отражали опасения потери России «как фактора в борьбе с Германией» пресса и общественное мнение США. Каким бы путем ни дошли до Ону сведения о беспокойстве правительства США, ясно, что через Ону был передан Временному правительству призыв к большей решительности действий. Настойчивость этого призыва подчеркивалась тем, что, как отмечал Ону, ни «оптимистические донесения Фрэнсиса», ни успокоительные «сообщения в печати» русского посольства помочь делу не могли.

Несомненно, это отдавало вмешательством в русские внутренние дела. Но ведь Фрэнсис в сущности уже начинал делать это в Петрограде. А в Вашингтоне теперь такое вмешательство планировалось в качестве важнейшего элемента долговременного военно-политического курса США по отношению к России. Нам представляется, что именно в течение второй декады апреля, когда Лансинг забрасывал Петроград телеграммами от различных лиц, посылавшимися в разные адреса, но имевшими одинаковый — увещевательный и угрожающий — смысл, именно в эти дни он и выработал вместе со своими коллегами основы «русской политики» правительства США. Она обернулась простой, но эффективной методикой, рассчитанной на удержание России

---

[98] Там же, стр. 27—28.

[99] Телеграмма Ону в МИД, 16 (29) апреля 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 127.

в состоянии военно-политической зависимости от американского кредитора путем умеренного и строгого дозирования денежных выдач с постоянной возможностью американского вмешательства в русские внутренние дела и оказания влияния на политику Временного правительства.

Каждую из этих денежных выдач предусматривалось ставить в связь с постоянно повторяемым очередным призывом к активизации военных усилий России. Из этого требования логически проистекало и другое — об усилении борьбы с развитием революции: ведь именно это мешало Временному правительству со всей энергией вести войну, в его собственной решимости продолжать войну никто как будто не сомневался. Однако второе требование, чаще всего облекавшееся в форму настойчивых призывов к Временному правительству утвердить самое себя, возникало не только как производное от первого. Его вызывало пробудившееся в правящих кругах США по отношению к революционным событиям в России тревожное классовое чувство. Власть «обладателей больших состояний», установлению которой так радовался Фрэнсис, оказывалась теперь далеко не столь эффективной, как хотелось бы. Вопрос о том, «остановится ли» русская революция в своем развитии, бывший чуть ли не главным в заседании правительства США 20 марта, становился с течением времени все более тревожным. Недаром беспокойство правительства США по поводу «свободы действий... пацифистов-пораженцев», о котором сообщал Ону 16 (29) апреля, приходится как раз на те самые дни, когда в Вашингтоне должны были осознать значение Апрельских тезисов. Очевидно, Лансинг, получив 23 апреля (н. ст.) телеграмму Фрэнсиса о выступлениях Ленина, не согласился со своим послом в том, что Временному правительству это пойдет на пользу. Успокоительные уверения Милюкова насчет социалистов-оборонцев, похвалы Фрэнсиса благоразумию и умеренности Керенского какое-то время, может быть, и создавали у Лансинга иллюзию, будто делу можно помочь увещеваниями Гомперса, адресованными русским рабочим. Но платформа циммервальдистского крыла революционной демократии возбудила в этом сомнение, а деятельность большевиков и ленинские Апрельские тезисы ликвидировали всякие иллюзии.[100]

[100] В американской печати в эти дни весьма четкие очертания приняли опасения и надежды буржуазной общественности. Так, «Нэйшн» в редакционной статье обнаруживала понимание роли Совета в революции, сущности двоевластия. В статье отмечалось, что «Временное правительство потихоньку принимает меры против фанатиков», а «среди радикальных революционеров укрепляются силы, стоящие за здравый смысл». Резолюции Всероссийского совещания советов расценивались в статье как «крайне высокомерные» по отношению к Временному правительству, но тут же не без наблюдательности было добавлено, что «они носят в значительной степени показной характер». Испытывая тревогу по поводу деятельности В. И. Ленина, журнал одновре-

Выработка Лансингом и правительством США новой методики осуществления помощи Временному правительству, естественно, сопровождалась заминкой в кредитовании России, которая случилась, несмотря на всю пылкость послефевральских заявлений и данных при вступлении США в войну обещаний щедрой и немедленной финансовой помощи. В течение двух послереволюционных месяцев вплоть до 3 (16) мая Временное правительство не получило ни доллара. Более того, американская сторона прекратила какие бы то ни было упоминания о полумиллиардном долларовом кредите, который считался делом совсем решенным, не говоря уже об увеличении этой суммы, о чем раньше речь заходила с американской стороны неоднократно. Русский финансовый агент в США Угет, объясняя и оправдывая изменение позиции правительства США, свидетельствовал: «...в силу внутренних политических событий в России американское правительство вынуждено было отказаться от первоначально намеченной широкой финансовой помощи Временному правительству и заняло крайне осторожную позицию по отношению к России, открывая лишь относительно небольшие кредиты на срочные нужды России».[101] К какому моменту Угет относил эту перемену, неясно, так как он лишь упоминал о ней в июне как об уже совершившейся. Но из приведенных им самим сведений видно, что к моменту апрельского кризиса в России новая американская линия была уже полностью усвоена.

Насколько нам известно, в последний раз полумиллиардный кредит был упомянут с американской стороны министром финансов Мак-Аду в беседе с русским поверенным в делах Ону не позднее 21 апреля (н. ст.).[102] В конце апреля—начале мая англичане уже начали кредитоваться у правительства США, в то время как России никаких кредитов открыто не было. Между тем совсем недавно, в начале апреля, Россия, казалось, пользовалась в Вашингтоне предпочтением перед Англией.[103]

Длительная пауза до середины мая (н. ст.) была заполнена переговорами об условиях займа. Благодушно рассчитывая получить от правительства США полмиллиарда долларов, Терещенко благодарил за низкий процент ($3^1/_2$—4) и согласен был даже повысить его, только бы продлить срок займа. Он заверял, что вся выручка от займа будет израсходована в США. 220 млн долл. Терещенко предполагал истратить на железнодо-

---

менно уповал на «стабилизирующий эффект» присутствия в Петрограде Г. В. Плеханова и визитов английских и французских социал-демократов. Но при всем том, считал «Нэйшн», Временному правительству придется пойти на уступки и, в частности, на отказ от аннексий и контрибуций (The Nation, v. 104, № 2704, April 26, 1917).

[101] Отчет агента МФ... Объяснительная записка, кн. I, л. 149.

[102] Там же, лл. 147—148.

[103] Там же, лл. 144, 151.

рожное оборудование, остальное — на продовольствие, «для содействия развитию промышленных предприятий в России и для укрепления золотого запаса страны в случае скорого прекращения войны».[104] Помимо этого, Терещенко надеялся на обещанные Англией еще царскому правительству на февральской конференции союзников в Петрограде, прошедшей перед самой революцией, 360 млн долл. на военные закупки в США. Он по секрету признался Фрэнсису в том, что предпочел бы перевод этой суммы в США, но не в счет американского кредита, обещанного Временному правительству с тем, чтобы он был «по меньшей мере равен» кредитам, предоставленным Англии и Франции.

Однако переговоры как-то захлебывались. Опубликованная госдепартаментом переписка Лансинга и Мак-Аду с Фрэнсисом, телеграммы в петроградское Министерство иностранных дел русского поверенного в делах в Вашингтоне Ону [посол Ю. Бахметев подал в отставку 4 (17) апреля],[105] отчет финансового агента Угета дают, казалось бы, основания искать причины заминки на русской стороне — в нерасторопности Временного правительства по части выработки программы закупок в США, в несогласованности между Петроградом и русскими представителями в Вашингтоне и даже в желании русского Министерства финансов совершить займовую операцию на частном американском рынке. Все это действительно в разной мере имело место. Но подлинная причина задержки американских кредитов лежала в политике США. Достаточно вспомнить об угрожающих телеграммах Лансинга 12 апреля, Мак-Аду 13 апреля (н. ст.) и др. о намеке, сделанном Мак-Аду в беседе с зятем на то, что кредитование России вообще может не состояться, и многих аналогичных фактах, нами уже приведенных.

Причины задержки дела с русской стороны оказываются, наоборот, недостаточно вескими. Так, Ону продолжал встречать «препятствия» «со стороны... министерства финансов и государственного департамента» [106] и после того, как был облечен доверием Временного правительства и получил от него все необходимые финансовые полномочия.[107] Само Временное правительство усматривало — и не без оснований — в задержке американских кредитов дискриминационное к себе отношение. Ощущение это особенно усилилось, когда в США прибыли 23 и 25 апреля спе-

---

[104] Телеграммы Фрэнсиса Лансингу, 20 и 21 апреля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, pp. 4—5.

[105] Временное правительство не смещало его, как и других царских дипломатов, и он решил ждать реставрации монархии. Лишь убедившись в тщетности этих ожиданий, он заявил об отставке (АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 116).

[106] Телеграмма Ону в МИД, 3 (17—?) мая 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 169.

[107] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 11 мая (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 9.

циальные миссии Англии во главе с Артуром Бальфуром и Франции во главе с Рене Вивиани, а в печати появились сообщения о начале американского кредитования Англии и Франции, в которых о кредитовании России говорилось с оттенком проблематичности.

Ону 28 апреля (н. ст.) явился к Лансингу и высказал ему тревоги и обиды Временного правительства.[108] А в Петрограде на следующий день двое министров явились к Фрэнсису (он не назвал их имена в своей телеграмме в Вашингтон) и прямо заявили, что «опасаются», как бы правительство США, забыв о своих обещаниях относительно непосредственного кредитования России, не стало предоставлять кредиты Временному правительству через посредство Англии. «Такая политика, — заявили представители Временного правительства, — была бы тяжелой ошибкой и нанесла бы русскому достоинству неизлечимую рану». Фрэнсис, сообщая Лансингу об этой точке зрения, прибавил, что он с ней согласен. Хотя визитеры Фрэнсиса и заявили, что цель их прихода — жалоба на «покровительственную позицию» Англии, но было совершенно ясно, что Временное правительство недовольно в данном случае именно Америкой.[109] Любопытно, что Лансинг, который передавал Милюкову, что он «с глубоким огорчением» узнал об «ошибочном впечатлении» Временного правительства и «очень хочет, чтобы оно было устранено», в отправленной в Петроград пространной телеграмме с объяснениями по поводу английской и французской миссий в США, ни словом не обмолвился насчет кредитов.[110]

Причины заминки в русско-американских отношениях, случившейся в этот момент, были не только финансового происхождения. В связи с приездом в США английской и французской миссий в западной печати появились сообщения о заявлении по поводу целей войны, сделанном Вильсоном Бальфуру. Сообщения эти вызвали большую тревогу в кадетских верхах, и прежде всего у самого Милюкова, отразившуюся в редакционной статье «Речи» 14 (27) апреля. Анализируя сообщение о вильсоновском заявлении, «Речь» приветствовала отказ американского президента от лозунга «мира без победы» и его переход на позицию войны до разгрома Германии. Однако демагогические увертки Вильсона по вопросу об аннексиях пришлись не по вкусу Милюкову, который, как мы видели, совсем незадолго до того пытался опереться на американского президента в отстаивании своей открыто аннексионистской программы. (Фрэнсис сообщил в Ва-

[108] Телеграмма Лансинга Фрэнсису, 1 мая (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, pp. 50—51.

[109] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 29 апреля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, pp. 6—7.

[110] Телеграмма Лансинга Фрэнсису, 1 мая (н. ст.), 1917 г.: PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, pp. 50—51.

шингтон, что статья в «Речи» выражает прежде всего точку зрения министра иностранных дел [111]). «Речь» прямо обвиняла Вильсона в том, что, уклонившись от высказываний по лотарингскому и другим территориальным вопросам и определив их как выходящие «из сферы международных интересов Америки», он тем не менее счел возможным в вопросе о проливах высказаться определенно — и не в пользу Милюкова. «Речь» с нарочитой вежливостью отказывалась подозревать Вильсона в стремлении к «ослаблению роли России среди союзников», но возмущалась готовностью президента «слишком неосторожно» обсуждать «жизненные интересы России». В статье содержался недвусмысленный намек на необходимость официального присоединения США к межсоюзническим соглашениям и крайне обиженное и сердитое опровержение газетных слухов о чуть ли не происходящей уже в Вашингтоне дипломатической конференции («Нам ничего не известно об участии в такой конференции других союзников, кроме совпавших по времени пребывания в Америке английской и французской миссий»).

Хотя за статьей в «Речи» стоял прежде всего Милюков, а не Временное правительство в целом, так как Керенского, например, вильсоновская позиция в вопросе о проливах, вероятно, удовлетворяла, тем не менее это был публичный протест против дипломатической дискриминации, которой подвергалось Временное правительство со стороны Белого дома.

Впрочем, статья «Речи» дошла до Вашингтона нескоро (на ее последствиях мы остановимся ниже), протесты же против кредитной дискриминации были услышаны там немедленно, но повлекли за собой лишь объяснения.

Открыто заявленное Временным правительством накануне апрельского кризиса недовольство отнюдь не заставило Лансинга отказаться от облюбованного им финансового способа воздействия на ситуацию в России и политику Временного правительства.

Способ этот был не единственным. Методика Лансинга включала в себя и другие приемы активного вмешательства в «русскую ситуацию». Речь идет о разработанных в США к концу апреля проектах отправки в Россию двух американских миссий — железнодорожной и политической. Возвращаясь несколько назад, отметим, что оба эти проекта зародились еще в первой половине апреля (н. ст.).

Что касается железнодорожной миссии, то она была предложена 31 марта (н. ст.) на заседании Совета национальной обороны в Вашингтоне Стэнли Уошберном, известным американским журналистом, корреспондентом лондонской «Таймс» в России, начинавшим играть значительную роль в определении русской по-

---

[111] Фрэнсис — Лансингу, 25 апреля (8 мая) 1917 г.: The Lansing papers, v. II, p. 331.

литики США. Поддержанный председателем Совещательной комиссии Совета национальной обороны Дэниэлем Уиллардом, Уошберн предложил послать в Россию, прежде всего на Транссибирскую магистраль, американских железнодорожных специалистов для оказания помощи русским дорогам, которые никак не справлялись с перевозками.[112] В тот же день американский посол в Лондоне Уолтер Пэйдж об этом же телеграфировал из Лондона. В своей телеграмме, инспирированной, как нам кажется, все тем же Уошберном, Пэйдж связывал с деятельностью американской железнодорожной комиссии в России далеко идущие планы «будущей русско-американской торговли» на послевоенное время. Он уже прямо предлагал установить на Транссибирской магистрали «американское управление», подчеркивая, что оно не только «весьма помогло бы исправлению военного положения в России», но и «оказалось бы бесценным ключом к делу послевоенного промышленного развития».[113]

В результате всего этого по распоряжению президента Вильсона был послан осторожный запрос Фрэнсису: как посмотрит на посылку железнодорожной комиссии Временное правительство при том, что комиссия ограничится обследованием магистрали, чтобы установить, какая помощь из США необходима. В телефонном разговоре Милюков заявил Фрэнсису, что Временное правительство согласно, однако затем американскому послу стало известно, что Временное правительство встречает «советы извне» с большой неохотой, боясь «недовольства со стороны общественного мнения России». Кончилось дело тем, что за принятие американской помощи непосредственно на русских дорогах Временное правительство потребовало другой более вещественной и эффективной формы помощи. Речь шла о том, чтобы правительство США добилось срочного, предпочтительного перед всеми остальными заказами, выполнения частными американскими фирмами русских заказов на паровозы, подвижной состав и транспортное оборудование. Пришлось правительству США собрать на совещание представителей паровозо-вагоностроительных заводов, а также железнодорожных компаний. Первые обещали оказать предпочтение русским заказам даже перед американскими, а вторые — без задержек доставлять сырье заводам, изготовителям русских заказов, — и незамедлительно перевозить предназначенные России паровозы и вагоны в порты погрузки.[114]

---

[112] Военный министр США Бэйкер — Лансингу, 31 марта (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 183.

[113] Телеграмма Пэйджа Лансингу, 31 марта (н. ст.) 1917 г.: там же, стр. 184.

[114] Телеграммы Лансинга Фрэнсису, 2 апреля (н. ст.), Фрэнсиса Лансингу, 9 и 11 апреля (н. ст.), 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, pp. 184—185; телеграмма Ону в МИД, 12 (25) апреля 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 118; телеграмма Лансинга Фрэнсису, 16 апреля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, pp. 184—185.

На этой основе в результате переговоров между американским военным атташе в Петрограде и представителями Временного правительства был подписан меморандум из 6 пунктов, одобренный Милюковым, Военным министерством Временного правительства и Фрэнсисом. Американская сторона обещала не только ускорить выполнение заказов и увеличить их объем, но и поставить в Россию «большое количество» подвижного состава и железнодорожного оборудования, «не дожидаясь исполнения новых заказов». Русская сторона обязалась фактически передать в распоряжение американской миссии железнодорожную станцию и гавань во Владивостоке для приема прибывающих из Америки грузов и для организации отправки по Транссибирской магистрали застрявшего во Владивостоке ранее доставленного оборудования. В меморандуме содержалась формальная просьба Временного правительства к США о срочной организации обследования Транссибирской магистрали и КВЖД.[115] Просьба эта, вполне отвечавшая «пожеланиям Федерального правительства», отмечал Оны, тем не менее явилась «для него неожиданностью» ввиду предшествовавшей пессимистической телеграммы Фрэнсиса.[116]

В Вашингтоне и без того торопились с отправкой миссии, а Фрэнсис еще подзадоривал: «Ситуация дает великолепные возможности, использовать которые наши способнейшие администраторы должны считать для себя за честь. Британский посол неофициально сообщил мне, что он рекомендует русскому правительству передать нам контроль над Владивостоком и всей Сибирской магистралью. Англичане контролируют Архангельск», — телеграфировал он 21 апреля (н. ст.), повторив затем свою рекомендацию об отправке миссии 24-го. Но энтузиазм Фрэнсиса был преувеличенным.[117] 28 апреля американские железнодорожные эксперты во главе с Дж. Стивенсом, одним из строителей Панамского канала, были готовы в путь, а на следующий день во время уже упоминавшегося визита к американскому послу министры Временного правительства завершили свой счет обид железнодорожным вопросом. «Посетители сказали мне, — телеграфировал посол, — что правительство возмущено предложением Британского посла о передаче нам Сибирской дороги, добавив, что Россия не нуждается в няньках, но непосредственно с нами достигнуто соглашение относительно Владивостока.[118] Хотя министры и были как будто склонны проводить различие между

---

[115] PRFRUS, 1918, Russia, v. III, pp. 186—187. — Меморандум был отправлен военным атташе в Вашингтон 18 апреля (н. ст.).

[116] Телеграмма Оны в МИД, 12 (25) апреля 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 118.

[117] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 28; v. III, p. 188. — Следует отметить, что из телеграммы Фрэнсиса от 24 апреля (н. ст.) в публикации госдепартамента воспроизведена лишь первая фраза.

[118] PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 7.

Англией и США, было совершенно ясно, что миссию Стивенса ждет не очень-то горячий прием. Тем не менее Фрэнсис добивался все большего расширения ее прав и функций. Достигнутое соглашение о передаче Стивенсу под контроль Владивостока он считал недостаточным, и, когда железнодорожная комиссия была уже на пути в Россию, он писал Лансингу: «Я надеюсь, что сумею убедить правительство распространить его [Стивенса] юрисдикцию на внутреннюю часть страны».[119]

Одновременно готовилась отправка в Россию политической миссии.

Судя по выдержкам из дневника Дж. Кеннана, приведенным в монографии Лэша, самая мысль об отправке политической миссии в Россию принадлежала Оскару Штраусу, влиятельному и опытному американскому политику и дипломату, и высказана она была сейчас же после вступления США в войну. 9 апреля (н. ст.) Штраус изложил Кеннану свое предложение, уже одобренное Эндрю Уайтом, бывшим послом в России, Хаузом и Лансингом. (Напомним, что Лансинг сообщил Вильсону об идее отправки миссии 11 апреля). Как записал Кеннан со слов Штрауса, цель предложенной им миссии состояла в том, чтобы «помочь Временному правительству любым возможным путем и особенно в его борьбе с социалистами и радикалами». «Его идея, — продолжал Кеннан, — заключалась в том, чтобы спасти в войне жизни американцев путем предотвращения краха русского правительства из-за внутреннего несогласия в стране».[120]

12 апреля Вильсон уже писал Лансингу, что предложения об отправке миссии поступают к нему «с разных сторон», что он одобряет это и считает нужным послать миссию немедленно.[121]

Подготовка миссии проходила в правящих американских кругах в обстановке бурных дискуссий. Как быть с Россией? Что может сделать правительство США для удержания России в войне и предотвращения развития русской революции? Эти вопросы стояли в центре всеобщего внимания. «Все отдавали себе отчет в опасности, — вспоминал первый специальный эмиссар Временного правительства в Америке Б. Е. Шацкий, — но все надеялись ее предотвратить. [Советник госдепартамента] Полк, [министр земледелия] Хоустон, [министр торговли] Рэдфилд готовы

---

[119] Фрэнсис — Лансингу, 25 апреля (8 мая) 1917 г.: The Lansing papers, v. II, p. 334.

[120] Ch. Lash, ук. соч., pp. 42, 228. — Поначалу этот сокровенный расчет формулировался с такой прямолинейностью, по-видимому, лишь в документах личного характера. Ср. одно из майских писем Фрэнсиса сыну: «Мое постоянное стремление состоит в том, чтобы удержать Россию в войне, так как выход ее из войны возложил бы основную часть бремени разгрома Германии на нашу страну» (D. R. Francis. Russia from the American Embassy, p. 125). Но вскоре фразы, имевшие аналогичный смысл, появились в служебной переписке и в печати.

[121] The Lansing papers, v. II, p. 326.

были целыми часами спорить о способах предотвращения этой опасности». Американский кабинет, продолжал Шацкий, «сохраняя за русским вопросом особое значение, отводил ему место в общей межсоюзнической системе».[122]

Фрэнсис в Петрограде боялся, как бы вмешательство миссии в российские внутренние дела с целью поддержки Временного правительства на самом деле ему не повредило. Он всячески предупреждал о необходимости для политической миссии «благоразумия» и «осмотрительности» и рекомендовал «прежде всего и главным образом уделять внимание успешному ведению войны, проявляя осторожность в высказываниях, относящихся к внутренним делам».[123]

Пост главы этой миссии был предметом конкурентной борьбы в высших политических сферах Америки. Штраус хотел, чтобы миссию возглавил Кеннан, но тот сразу же отказался. Среди желавших «немедленно спасти Россию» выделялся бывший президент Теодор Рузвельт. «После неудачных попыток принять участие в командовании американскими войсками на французском фронте Рузвельт сосредоточил все свое внимание на русской проблеме, — вспоминал Шацкий. — В своем простом, но комфортабельном доме в Ойстер-бэй он без конца обсуждал свой план воскрешения России... Маленький, коренастый, взволнованный, Рузвельт был полон энтузиазма, он горел желанием осуществить проект, который он отстаивал и считал себя в силах это сделать».[124] Предлагая себя в качестве главы миссии, Рузвельт указывал, что его личная популярность поможет его действиям в России и требовал себе неограниченных полномочий в деле руководства американской финансово-экономической помощью России. «Рузвельт объявил, — читаем в воспоминаниях Шацкого, — о своем замысле представить Вильсону детально разработанный план по этому вопросу. Он настоит, говорил он, на том, что в интересах национального единства надо забыть партийные различия и поручить ему, Рузвельту, осуществление этой важной миссии».[125] Чтобы вдохновить Россию на продолжение войны, Рузвельт даже обещал лично повести в бой русские части.[126] Но взаимная неприязнь Вильсона и Рузвельта была так остра, что, по словам того же Шацкого, предложение Рузвельта «было чистой утопией». Действительно, когда старый американский «руссофил» Хэммонд по просьбе друзей Рузвельта переговорил о его кандидатуре с Хаузом, и тот, согласившись с ней, рекомендовал это

---

[122] B. E. Schatzky. La Révolution russe de février 1917 et les Etats-Unis d'Amérique. Notes et souvenirs. Le Monde Slave, Septembre, 1928, p. 369.
[123] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 19 апреля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 107.
[124] B. E. Schatzky, ук. соч., стр. 369—370.
[125] Там же.
[126] Autobiography of John Hays Hammond, v. II, N. Y. 1935, p. 667.

назначение Вильсону, президент буквально подпрыгнул от негодования.[127] Во главе миссии Вильсон предложил поставить Э. Рута, известного американского политика, в прошлом государственного секретаря, военного министра и сенатора. Как утверждал позже Мак-Аду, именно он предложил Вильсону эту кандидатуру и усиленно на ней настаивал.[128] Кандидатура Рута имела с американской внутриполитической стороны двойную выгоду для президента: Рут был республиканцем и его назначением Вильсон демонстрировал свою партийную терпимость, а одновременно снимался вопрос о возможности назначения Рузвельта. Сам Рут считал важнейшим своим преимуществом в глазах президента свой преклонный возраст, исключавший всякую возможность конкурентных подозрений со стороны Вильсона. «Он никогда не назначил бы меня, если бы мне не было 73 лет», — сказал Рут экс-президенту Тафту.[129]

Психологическим основанием для президентской ревности могли послужить газетные статьи о колоссальном значении миссии в Россию, в которых роль главы этой миссии чуть ли не приравнивалась к роли президента США. Полномочия, которыми он наделил Рута, представлялись Вильсону столь обширными, что, не желая их еще увеличивать, он отверг предложение о том, чтобы поручить Руту, ехавшему в Россию через Японию, дальневосточные дела, аттестовав его послом США на Дальнем Востоке.[130]

По той же, вероятно, причине Вильсон ни за что не согласился подчинить Руту железнодорожную миссию Стивенса, как ни хлопотал об этом Рут, поддержанный было Лансингом. Подчеркивая, что транспортная проблема в России — «самая важная изо всех». Рут жаловался: «...если мы не сможем обсуждать ее, мы будем дискредитированы и совершенно бесполезны». Вильсон же в ответ чувствительно уколол Рута, заявив, что комиссию Стивенса он посылает для практических действий, а не для обсуждений и переговоров («Она едет не для того, чтобы вопрошать: что могут сделать США для России?»).[131] Объяснения Лансинга относительно того, что миссию Стивенса никак нельзя ему подчинить, так как она официально отправлена в распоряжение Временного правительства, Рут, понятно, вовсе не принял всерьез и лишь укрепился в своем мнении о том, что Вильсон хочет принизить значение его миссии.[132]

---

[127] Там же.
[128] Ph. C. Jessup. Elihu Root, v. II. Archon books, 1964, p. 356 (со ссылкой на письмо Мак-Аду Джессупу 28 апреля 1938 г.).
[129] Ph. C. Jessup, ук. соч., стр. 358.
[130] J. M. Blum. Joe Tumulty and the Wilson Era. Boston, 1951, p. 137.
[131] Рут — Лансингу, 6 мая 1917 г. и др.: The Lansing papers, v. II, p. 329.
[132] Ph. C. Jessup, ук. соч., стр. 359—360.

Кандидатура Рута встретила было возражения среди членов кабинета по соображениям, так сказать, делового характера — с точки зрения интересов поручаемой ему миссии. У некоторых министров, в частности у морского министра Дэниэльса, возникло опасение, не слишком ли будет неосторожно назначить главой миссии, посылаемой в объятую революционными настроениями Россию, такого политика, как Рут, теснейшая связь которого с Уолл-стритом была широко известным фактом.[133]

Сомнения министров относительно кандидатуры Рута были вызваны, по-видимому, прямым и резким осуждением, с которым встретили ее в рядах американского социалистического движения. Выступая 25 марта в нью-йоркской опере на собрании, учредившем Общество помощи Временному правительству, Рут произносил радикальные фразы о том, что за Романовыми последуют Гогенцоллерны и Габсбурги. Но это не выходило за рамки официальной вильсоновской пропаганды и не могло снискать Руту расположения социалистических кругов. При известии о предстоящем его назначении лидеры левого крыла Социалистической партии Америки Моррис Хилквит и Виктор Бергер заявили, что социалисты в России будут оповещены о том, кто такой Рут, еще до того как он прибудет в Россию.[134] Тем не менее назначение Рута состоялось. Чтобы «парализовать» критику в адрес главы миссии, Вильсон после многих «примерок» ввел в ее состав Ч. Э. Росселя, социалиста крайне правого толка, которого он весьма «ценил» и которым «восхищался», что объяснялось весьма просто: Россель разошелся со своей партией, поддержав вступление Америки в войну.[135]

Кроме Росселя, американский социал-реформизм был представлен вице-президентом Американской федерации труда Дж. Данкеном. Предыстория назначения «рабочих» и «социалистических» делегатов наиболее выразительна, она показывает, какое важное значение придавал Вильсон использованию американских социал-реформистов для оказания растлевающего воздействия на рабочий класс и социалистические течения России, как колебался он между опасениями того, что обуржуазившиеся американские «рабочие лидеры» не будут признаны и поняты в России, и еще более существенными для него страхами: как бы, на-

---

[133] J. Daniels. The Wilson Era. Years of war and after. 1917—1923. Chapel Hill, 1946, pp. 58—59. Известный русский кадет профессор Петрункевич, выступая в США, заявил, что вместо Рута США следует послать в Россию таких лиц, которые оказались бы «приемлемыми для русских социалистов». (Новый мир, Нью-Йорк, 3 мая 1917 г.). Социалистическая газета «Нью-Йорк колл», протестуя против назначения Рута, назвала его «олицетворением твердолобого консерватизма и буржуазности» (The Literary Digest, 12 мая 1917 г.).

[134] Ph. C. Jessup, ук. соч., стр. 356.

[135] J. Daniels, ук. соч., стр. 58—59; Ph. C. Jessup, ук. соч., стр. 356.

оборот, не помочь невзначай налаживанию контактов между социалистическими кругами России и США, если в составе миссии Рута окажется делегат, хоть в какой-то мере действительно причастный к американскому социалистическому движению.

Когда отпала кандидатура Гомперса, несомненно как лица, слишком уж одиозного, Вильсон предложил Лансингу просить Гомперса назвать другого делегата, «такого, чтобы тамошние социалисты не рассматривали его как активного противника социализма». «Сам Гомперс и непосредственно с ним связанные лидеры известны как открытые противники социализма и вряд ли были бы влиятельны в нынешних руководящих кругах рабочего движения в Петрограде», — объяснял он. Но тут же предостерегал: «тем не менее нам надо быть осторожными» и «не послать социалиста».[136] Предостережение это превозмогло все соображения пропагандистско-демагогической целесообразности, и роль «представителя американского рабочего класса» была отведена 74-летнему Данкену, который во всех отношениях подходил под вильсоновскую характеристику «открытого противника социализма», отличаясь к тому же особенным «добронравием», по выражению биографа Рута Джессупа.[137] Россель был вполне ему под стать.

На правах «отставного промышленника» в состав миссии был включен уже находившийся в России Крэйн. Председатель Международной компании жатвенных машин, владевшей заводом в Люберцах под Москвой, Мак-Кормик также направлялся в Россию в составе миссии Рута. Деловые круги Нью-Йорка были представлены еще банкиром С. Бертроном. В пропагандистской деятельности — а ей в программе миссии отводилось едва ли не центральное место — должен был принимать участие, помимо самого Рута, Дж. Мотт, секретарь международной комиссии Христианской ассоциации молодых людей, американской организации миссионерско-пропагандистского характера. Наконец, вооруженные силы США были представлены в миссии Рута генералом Х. Скоттом, начальником штаба американской армии, и контр-адмиралом Дж. Гленноном, самым крупным в американском флоте специалистом в области артиллерийского и технического снабжения.

Из приданных миссии лиц следует отметить полковника У. Джадсона, впоследствии оставшегося в Петрограде и возглавившего военную миссию США в России. Секретарем миссии был назначен чиновник госдепартамента Б. Майлс. Для него это поручение стало ступенькой к весьма влиятельному положению в дипломатическом ведомстве США, которое он впоследствии зани-

---

[136] Вильсон — Лансингу, 19 апреля (н. ст.) 1917 г.: The Lansing papers, v. II, p. 327.

[137] Ph. C. Jessup, ук. соч., стр. 356.

мал, разрабатывая политику американского правительства в «русском вопросе». В роли помощника секретаря миссии ехал уже упоминавшийся нами С. Уошберн. Рут был возведен в ранг чрезвычайного посла, а все восемь членов его миссии получили ранг чрезвычайных посланников — факт беспрецедентный в истории дипломатии нового времени.

■

В глазах буржуазной публики это придавало русско-американскому сближению видимость ничем не омрачаемого сотрудничества «великих демократий».

Временное правительство ценило эту видимость не меньше, чем правительство США, и всячески ее поддерживало, особенно после нескольких резкостей по адресу США, которые оно себе позволило. Между тем картина «сотрудничества демократий» все больше смахивала на мираж, ибо в народных массах России, среди петроградских рабочих и солдат укреплялись антиантантовские и антиамериканские настроения. Этому способствовала естественная и неизбежная реакция на заявления Временного правительства, речи и беседы Милюкова, в которых бесконечно повторялась мысль о невозможности достижения мира без согласия союзников. Так, его утверждение о том, что союзники обеспокоены Приказом № 1,[138] не могло не иметь последствий, противоположных тем, которых он желал. Независимо от намерений, с которыми делались эти заявления и произносились такие речи, ответственность за продолжение войны оказывалась в глазах масс поделенной между отечественной буржуазией и западными союзниками. Претензии на моральное лидерство в союзных рядах, которые предъявляли США, обернулись для них в Петрограде бумерангом, а здешнее американское посольство стало в преддверии апрельского кризиса объектом политических демонстраций — как шовинистических, так и антивоенного характера. Только что вступившая в войну со свежими силами и далеко идущими империалистическими целями Америка, естественно, рассматривалась при этом как наиболее заинтересованная в затяжке войны сила.

9 (22) апреля в девятом часу вечера к американскому посольству в Петрограде направились от угла Невского и Садовой и от Троицкого моста две небольшие группы манифестантов с лозунгами: «Долой Америку, Францию, Англию, долой войну!» Городская милиция не пропустила демонстрацию, организованную, по-видимому, анархистскими группами, к Фурштадтской ул., где помещалось посольство, однако самый факт ее устройства в бур-

[138] Речь, 10 марта 1917 г., № 59.

ные предкризисные апрельские дни был весьма знаменателен.[139] У американского посольства пришлось в этот вечер поставить охрану из милиции и военных патрулей.

На следующий день 10 (23) апреля был организован визит в американское посольство делегации из сотни школьников, осуждавшей вчерашнее событие,[140] а Временное правительство чуть ли не в полном своем составе явилось в Городскую думу на митинг, созванный Обществом для развития дружественных отношений между Россией и США. Первым выступал Фрэнсис, «звонкие», по его выражению, речи произнесли Милюков и Некрасов, от имени Коновалова говорил товарищ министра торговли и промышленности Б. А. Бахметев. Не выступавший Терещенко объяснял, что он потерял голос. А отсутствовавший на митинге Керенский (он ездил вместе с Е. К. Брешко-Брешковской в Ревель, главным образом для «успокоения» тамошних матросов, боясь влияния на них кронштадтских событий) явился в американское посольство с извинениями. Выступали Н. В. Чайковский, старый эсер, издавна тяготевший к американской ориентации, П. Г. Мижуев, либеральный публицист и историк, автор многочисленных работ о США. Коммерческий атташе американского посольства Хантингтон рекламировал помощь Америки союзникам, а американский пастор в Петрограде Г. А. Саймонс говорил о «моральном значении» вступления США в войну.[141]

Через несколько дней, 16 (29) апреля, демонстрация сторонников «русско-американского сближения» состоялась, по сообщению Фрэнсиса, прямо у американского посольства.[142] В этот день в центре внимания репортеров петроградской прессы была получившая печальную известность демонстрация инвалидов у Таврического дворца — инспирированное воинствующими империалистическими кругами выступление против В. И. Ленина и большевистской партии под лозунгами войны до победы, верности союзникам и т. п. Она началась у Таврического дворца в двенадцатом часу дня, между тем как демонстрация у американского посольства, находившегося совсем неподалеку от дворца, началась, по словам Фрэнсиса, в 10 часов утра и длилась около двух часов. Судя по этому, а также по участию в обеих демонстрациях Родзянко, выступавшего и тут и там, можно предположить, что демонстрация перед американским посольством была своего рода прелюдией к демонстрации инвалидов.[143] Фрэнсис пять

[139] Речь, 11 апреля 1917 г., № 83; Д. Заславский, В. Канторович, ук. соч., стр. 185.

[140] D. R. Francis. Russia from the American Embassy, p. 105.

[141] Речь, 11 апреля 1917 г., № 83; телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 24 апреля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, p. 38.

[142] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 29 апреля (н. ст.) 1917 г. PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 33.

[143] Фотография колонны инвалидов перед американским посольством в «Огоньке» 30 апреля (13 мая) 1917 г. датирована, однако, 17 апреля.

раз выступал перед демонстрантами. Упоенный значительностью своей роли, он, вероятно, преувеличивал размеры демонстрации, определяя число ее участников более чем в 50 тыс. человек (трудно допустить, чтобы такая демонстрация осталась не отмеченной петроградскими журналистами). Однако относительно происхождения ее он не обольщался, прямо указывая, что активность буржуазных манифестантов была вызвана угрозой «враждебной» демонстрации, антивоенной и антиимпериалистической.

Буржуазная манифестация, аналогичная той, что происходила перед американским посольством 16 (29) апреля, но меньшая по числу участников, состоялась и 18 апреля (1 мая). Вечером, после того как стало ясно, что в ходе общегородской первомайской демонстрации большевистская платформа по вопросу о войне и мире, требования опубликования тайных договоров, антивоенные и антиимпериластические лозунги встретили активную поддержку трудящихся, «огромная толпа русских энтузиастов» (так выразился Фрэнсис) явилась в американское посольство с заверениями в верности России союзническим обязательствам. «Все ораторы заявляли, — телеграфировал Фрэнсис Лансингу, — что Россия не думает о заключении сепаратного мира и они не хотят больше слышать об этом из Америки».[144] Как известно, в клеветнической кампании, развернутой в это время буржуазией против Ленина и большевиков, видное место занимали обвинения в агитации за сепаратный мир. Между тем лозунг этот большевиками отнюдь не выдвигался. Во время первомайских торжеств, судя по газетам, он вообще не фигурировал, не будучи выдвинут ни одной политической группой. Пришедшие в американское посольство «энтузиасты» несомненно принадлежали к активным сторонникам империалистической политики Временного правительства, и цель их прихода состояла в том, чтобы ослабить в представлении Фрэнсиса значение выдвинутых на первомайской демонстрации антивоенных лозунгов. Упоминание о невозможности сепаратного мира, неизбежно связанное с повторением клеветнических утверждений, будто большевики его требуют, было подчинено именно этой цели.

В процессе поляризации политических сил в Петрограде накануне апрельского кризиса демонстрации у американского посольства, митинг «русско-американского сближения», играли, разумеется, отнюдь не первостепенную роль, но благодаря им Фрэнсис встретил апрельский политический кризис несколько успокоенным относительно прочности Временного правительства и перспективы участия России в войне.

Правда, 1 мая (н. ст.), перед самым кризисом, уже встревоженный, он писал сыну: «Мы живем в состоянии некоторой неопределенности (somewhat in suspense). Число сторонников

[144] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 37.

Ленина — величина неизвестная».[145] Но тут же сообщал о своих собственных успехах: «Мои отношения с министрами очень близкие, и я чувствую себя вправе утверждать, что американское посольство никогда не имело в России такого положения, как сегодня».

Тем большей была его активность, когда апрельский кризис разразился. Явно переоценивая значение моральной поддержки Временного правительства Соединенными Штатами, а себя считая одной из самых значительных фигур на петроградской политической арене, он видел свое место чуть ли не рядом с Керенским. Величайшую свою заслугу перед Временным правительством он видел в устройстве молниеносного его признания правительством США. «Если бы не его [Керенского] усилия и не признание Временного правительства Соединенными Штатами, оно было бы низложено и революция, которая имела место через восемь месяцев, в ноябре, произошла бы в марте 1917 г.», — утверждал Фрэнсис несколько лет спустя.[146] Несомненно, что Фрэнсис действовал в дни апрельского кризиса исходя именно из этого преувеличенного представления о роли американской дипломатии в России и своей собственной роли, однако действия его тем не менее интересны, как характеризующие не только размеры влияния американского посла на Гучкова и Милюкова, степень его активности, но и тактическую линию, которую он проводил, и цели, которых добивался.

Как известно, непосредственной причиной апрельского политического кризиса послужила нота Милюкова 18 апреля (ст. ст.), при которой он препроводил правительствам стран Антанты и США внешнеполитическую декларацию Временного правительства от 27 марта. В ноте, предназначенной в отличие от декларации по преимуществу не для внутреннего, а для внешнего употребления, Милюков довольно ясно давал понять союзникам, что туманные и неопределенные выражения декларации не должны их смущать. «Заявления Временного правительства, — говорилось в ноте, — разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе».[147] Продолжая перекличку с Вильсоном демагогическими фразами о целях войны, начатую им сразу же после вступления в войну США, Милюков утверждал, что «общие положения» декларации Временного правительства 27 марта «вполне соответствуют» идеям союзников, нашедшим «особенно яркое выражение» в выступлениях президента «великой заатлантической республики». Подтекст здесь гласил, что Временное правительство, вынужденное обстоятельствами

---

[145] D. R. Francis. Russia from the American Embassy, p. 106.
[146] Там же, стр. 103.
[147] Вестник Временного правительства, 20 апреля 1917 г., № 35.

к известной уступчивости в своей декларации 27 марта, тем не менее не сказало в ней ничего такого, чего нельзя было найти в демагогических заявлениях Вильсона о целях войны.[148]

Замешательство лидеров Петроградского Совета в результате ноты Милюкова было тем большим, что руководство Исполкома требовало от Временного правительства в целях обеспечения поддержки так называемого «займа свободы» опубликования ноты совсем в другом роде — об отказе от завоевательных задач. Еще 14 апреля правительство опровергало слухи о подготовке какой бы то ни было ноты. Но затем представители Исполкома в контактной комиссии потребовали отправки ноты союзникам об отказе от завоевательных задач. 16 апреля Исполком намеревался представить заседанию Совета текст ноты об отказе от завоеваний, но правительство отговорилось ее неготовностью. А 18 апреля Милюков по телеграфу передал русским дипломатическим представителям для передачи союзным правительствам ноту совсем противоположного содержания, в которой слова о войне «до решительной победы» и соблюдении обязательств перед союзниками занимали едва ли не центральное по смыслу место. Лишь поздно ночью 19 апреля нота была сообщена редакциям русских газет, и только тогда узнал о ней Исполком.

Фрэнсис же не только знал о ходе подготовки ноты, но и был осведомлен о разногласиях, возникших в кабинете в ходе ее обсуждения. 18 апреля (1 мая) он телеграфировал Лансингу, что разногласия в правительстве «удачно» разрешены. Заключались они, по его сведениям, в том, что Милюков продолжал настаивать на обещанном союзниками обладании Константинополем и проливами, между тем как Керенский готов был довольствоваться их нейтрализацией и открытием для всех держав. Фрэнсис ожидал при этом, что верх одержит Керенский.[149] По-видимому, американский посол при общей своей милюковской ориентации предпочитал все же нейтрализацию и открытие проливов их захвату Россией. Информацию Фрэнсиса следует признать весьма достоверной. Не говоря уже о том, что нота появилась именно 18 апреля (1 мая) следует отметить, что обсуждение ее и по другим сведениям проходило не гладко. «Новая жизнь», кроме Керенского, называла в качестве несогласных с Милюковым Некрасова и Терещенко. Отсутствие в тексте упоминания о Константинополе и проливах явилось, очевидно, одним из элементов достигнутого компромисса.[150]

---

[148] Вероятно, Милюков писал это с внутренним вздохом: ему хотелось иного соответствия между декларациями Вильсона и заявлениями Временного правительства, такого, при котором и тут и там содержалось бы требование Константинополя и проливов для России.

[149] PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, p. 52.

[150] Впоследствии, в глубокой старости, работая в эмиграции над своими воспоминаниями, Милюков, анализируя мемуары Бьюкенена, пришел

Вызванные опубликованием ноты 20 апреля демонстрации солдат и рабочих, протестовавших против ноты и требовавших отставки Милюкова, контрдемонстрации, организованные буржуазной публикой под лозунгами доверия Милюкову и Временному правительству, создали обстановку острого политического кризиса. Центральные площади и улицы города, особенно площадь перед Мариинским дворцом, в котором помещалось Временное правительство, были заполнены демонстрантами. Положение достигло значительной остроты после 6 часов вечера, когда к демонстрантам-солдатам присоединились рабочие, шедшие под лозунгом «Вся власть Советам!».

Временное правительство заседало теперь у Гучкова в Военном министерстве. Здесь-то и появился в половине седьмого исполненный решимости Фрэнсис. Ошеломленный непривычными для него событиями, не сумевший в них разобраться, Фрэнсис решил, что может помочь делу. С места в карьер он сделал Милюкову и Гучкову следующее заявление: «Взяв на себя риск просить мое правительство признать Временное правительство и сделав все возможное, чтобы ему помочь, я чувствую большую официальную и личную ответственность за то, чтобы в России было стабильное правительство, и ... если не будут представлены более удовлетворительные доказательства существования такого правительства, я буду вынужден посоветовать моему правительству не предоставлять той помощи, которую я постоянно рекомендовал».[151]

Ситуация была до некоторой степени парадоксальной: Фрэнсис требовал стабильности от висевшего на волоске Временного правительства да еще предъявлял свое требование через Милюкова и Гучкова, которые были наиболее одиозными фигурами в его составе. Гучков и Милюков и без рекомендации американского посла были сторонниками твердого, карательного курса, и сдерживала их лишь невозможность его осуществления, а не отсутствие склонности к нему. «Оба заверили меня, — телеграфировал Фрэнсис в Вашингтон, — что у них нет намерений уйти в отставку и что Совет рабочих и солдатских депутатов не хочет этого, так как понимает, что это означало бы прекращение поддержки с нашей стороны и, пожалуй, со стороны всех союз-

---

к убеждению, что вопрос о замене его и Гучкова Терещенко и Керенским был решен на совещаниях с участием Львова, Терещенко, Керенского и Церетели, которые устраивал у себя Бьюкенен. Условием замены было обещание Керенского возродить «энтузиазм» армии (П. Н. Милюков. Воспоминания, 1859—1917, т. 2. Нью-Йорк, 1955, стр. 354). В донесениях Бьюкенена в Лондон в апреле действительно появились признаки предпочтения, которое он стал отдавать Терещенко и Керенскому перед Милюковым (см. донесения 23 и 30 апреля н. ст.: Дж. Бьюкенен, ук. соч., стр. 227).

[151] D. R. Francis. Russia from the American Embassy, p. 110.

ников, но Совет хочет контролировать политику правительства. Я сказал им, что они не могут на это пойти, так как это лишило бы их уважения со стороны русского народа и всех союзников, равно как и уважения к себе самим».[152] Гучков и Милюков выглядели в рассказах Фрэнсиса гораздо большими реалистами, чем американский посол. Гучков, который как будто очень обрадовался заявлению Фрэнсиса, понял, очевидно, что это заявление, обращенное к нему и его коллегам по кабинету, совершенно бессмысленно, и попросил было опубликовать его. Но Фрэнсис не успел и рта раскрыть, как Милюков заметил, что, по его мнению, у американского посла вряд ли будет случай сделать это, и добавил, что он весьма пессимистически смотрит на исход предстоявшего в тот вечер совместного совещания Временного правительства, Исполкома Совета и Временного комитета Государственной думы, ожидая враждебных против себя выступлений.[153]

Однако тревожные ожидания Милюкова не оправдались. Уступчивость представителей Исполкома Н. С. Чхеидзе и И. Г. Церетели на сей раз отсрочила на некоторое время правительственный кризис. На следующий день, 21 апреля (4 мая), Фрэнсис поздравил Милюкова с успехом, и тот сообщил ему о соглашении с Советом (собственно, имелось в виду опубликование новой ноты, разъясняющей первую). Они завтракали вместе, и Милюков, по словам Фрэнсиса, был «в восторге от ситуации».[154] Ликовал и Фрэнсис, которому казалось, что именно он спас все дело своим активным вмешательством, выходящим за рамки общепринятого в дипломатии. «Я не могу сказать, насколько мой разговор с министрами повлиял на то, что они впервые заняли независимую позицию, но слух о том, что позиция, занятая кабинетом, была внушена, если не потребована американским послом, получил распространение, и к нему относятся с доверием. Хотите верьте этому, хотите нет, а мне остается только надеяться, что Вы сами понимаете, как я был осторожен в своих поступках и заявлениях. Мне казалось, что возник кризис, и я попытался встретить его самым эффективным образом», — с показной объективностью и деланной скромностью сообщал Фрэнсис в госдепартамент.[155]

---

[152] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 4 мая (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 40.

[153] D. R. Francis. Russia from the American Embassy, pp. 110—111.

[154] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 5 мая (н. ст.), 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 41.

[155] D. R. Francis. Russia from the American Embassy, p. 111. В более реалистичных и мрачных тонах представлял дело Уиншип. В письме Лансингу 25 апреля (8 мая) он усматривал «скрытую причину» петроградских событий 20 и 21 апреля в том, что «социалистические массы» не доверяют союзникам, чувствуют, что их «принуждают продолжать противную и утомительную войну», понимают, что «Милюков, да и все

Посол продолжал вести себя весьма активно. Теперь он пытался добиться от госдепартамента скорейшего ответа на разосланную Милюковым декларацию Временного правительства о целях войны, полагая, что это упрочит положение Временного правительства и придаст ему твердости.[156] Однако на независимой, по выражению Фрэнсиса, позиции Временное правительство удержалось недолго. Уроки апрельского кризиса заставили наиболее гибких и маневренных из числа буржуазных лидеров вступить на путь создания каолиционного правительства. Именно в этом видели они прием для упрочения положения правительства, которое было, как писал В. И. Ленин, «неудержимо».[157] Правительственная каолиция буржуазных лидеров с «„социалистическими" вождями»[158] была альтернативой явно нереалистическим расчетам на подавление революционного движения карательными средствами. Теперь оказывалось невозможным сохранение в составе Временного правительства Гучкова и Милюкова, продолжавших стоять на «твердой» почве таких расчетов. На этой почве до самого последнего момента стоял и Фрэнсис. Объяснялось это, как нам представляется, влиянием Гучкова и Милюкова и отсутствием у американского посла столь же тесных, как с ними, связей с Керенским, Некрасовым и Терещенко, которые составили ядро сторонников коалиции в кабинете. Отсюда проистекала неосведомленность Фрэнсиса относительно самой идеи коалиции и незнакомство его с аргументами ее сторонников. Впрочем, вхождение в правительство министров-социалистов, лидеров большинства в Совете, было с точки зрения Фрэнсиса особенно неприемлемо именно в тот момент. Прибывший теперь в Петроград датский со-

---

Временное правительство, приемлемы для союзников, потому что изо всех сил стремятся заставить Россию сражаться за них». В «этой уверенности» Уиншип видел «близкую и страшную опасность». Он был с этой стороны недоволен даже «респектабельными социалистическими газетами», находя опасные для себя идеи в «Деле народа», «Новой жизни» и «Известиях», критиковал и резолюцию Совета о «займе свободы»: в ней указывалось, что провал внутреннего займа поведет к усилению зависимости России от империалистических кругов Англии и Франции. Но самое сильное беспокойство у Уиншипа вызывали «человек по имени Ленин и его последователи». Полностью игнорируя разоблачение большевиками империалистического характера внешней политики Временного правительства и этим извращая суть ленинских идей о характере войны, американский консул сводил их к единственному тезису: «Россия борется за то, чтобы Англия могла аннексировать германские колонии». Заключение Уиншипа было весьма пессимистичным: «политическая революция» завершена и «теперь надвигается опасность революции социальной», власть Временного правительства «уже до некоторой степени фиктивна» (PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 50—51).

[156] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 5 мая (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 41.

[157] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 63.

[158] Там же.

циал-демократ Боргбьерг привез программу мирных условий, которые руководители германской социал-демократии способны были, по его словам, превратить в программу своего правительства. 26 апреля (н. ст.), когда было опубликовано обращение Временного правительства, в котором содержалась выраженная в общей форме идея коалиции, отдел международных сношений Исполкома Петроградского Совета (он развернул было активную деятельность) сообщил за границу через Петроградское телеграфное агентство постановление Исполкома о созыве международной социалистической конференции. Речь шла о той самой конференции, возможность созыва которой так напугала Лансинга в последних числах марта (н. ст.). Как известно, Апрельская конференция большевиков определила затею с созывом этой конференции как «комедию, прикрывающую происходящие за ее спиной сделки дипломатов».[159]

Хотя замысел Стокгольмской конференции состоял не в достижении сепаратного мира, а в общем мирном урегулировании, в буржуазных кругах США проект ее созыва вызвал сильный переполох. Несколько забегая вперед, отметим, что американское правительство отказало делегатам социалистической партии США Моррису Хилквиту, Виктору Бергеру и Олжернону Ли в паспортах для поездки в Стокгольм, несмотря на то что английское правительство после горячих дебатов разрешило английским социалистам поездку в Стокгольм. Непосредственное влияние революции в России, и в особенности антивоенной идеологии русских революционных масс, на социалистическое и рабочее движение в Америке, страх руководящих кругов американской буржуазии перед этим влиянием проявились в надеждах, которые связывал с этой мерой, направленной против американских социалистов, Дж. Кеннан. Он ожидал, что она «возымеет благотворные последствия в России, обескуражив пацифистов и прогерманских догматиков и укрепив Милюкова и Гучкова».[160] Надежды эти основывались, по-видимому, на том, что вильсоновская «миротворческая» демагогия встречала у соглашательских лидеров Исполкома Петроградского Совета не только доверие, но и симпатии. С этой точки зрения демонстрация враждебности вильсоновского правительства к стокгольмской конференции должна была доставить удовлетворение крайне милитаристскому крылу русской буржуазии.

Линия исполкомовского руководства — а оно даже перехватило у Боргбьерга инициативу созыва конференции — не могла обра-

---

[159] Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Апрель 1917 г. Протоколы. М., 1958, стр. 248.

[160] Кеннан — Лансингу, 24 мая 1917 г. Цит. по: Ch. Lash, ук. соч., стр. 40. — Очевидно (если дата письма указана правильно), Кеннан считал отставку Гучкова и Милюкова временным делом и не желал с ней примириться.

довать Фрэнсиса, уже давно получившего от Лансинга строгие инструкции на этот счет. Возможность превращения исполкомовских лидеров, участников организуемой встречи с германскими социал-демократами, в членов российского кабинета никак не отвечала американским милитаристским интересам.

И Фрэнсис, не отдавая себе до конца отчета в сущности идеи коалиции, боролся против «полевения» Временного правительства всеми имевшимися у него средствами до последней возможности. В том же духе действовал под его руководством весь дипломатический и консульский аппарат США в России.[161] Очевидно, грань между дозволенным и недозволенным дипломатическим статусом не очень-то при этом соблюдалась. «Пока мы под Вашим руководством считаем своей обязанностью делать все, что в наших силах, для поддержки свободного правительства (так часто называли Временное правительство на Западе — *Р. Г.*), однако всему есть предел, и мы быстро к нему приближаемся», — писал Фрэнсису из Москвы генеральный консул Саммерс.[162]

Узнав, что Гучков собирается подать в отставку — Гучков заявил об этом на заседании кабинета вечером 29 апреля (12 мая), — Фрэнсис бросился его искать, «чтобы протестовать и сказать ему, что он не должен покидать Временное правительство». Посол собирался даже обвинить Гучкова в трусости. Но найти Гучкова Фрэнсису не удалось. Когда же они, наконец, встретились, все было уже кончено.[163] «Прекрасный человек, отставка плачевна», — телеграфировал Фрэнсис Лансингу 30 апреля (13 мая).[164]

А еще через несколько дней, 3(16) мая, Милюков сообщил Фрэнсису по телефону о своей отставке и пригласил его к себе домой. Когда же стали выясняться обстоятельства создания коалиции, Фрэнсис мог убедиться в том, что его нажим на Милюкова и Гучкова был действием совершенно бессмысленным. В самом деле, его обращенные к министрам требования не уходить в отставку были подобны возгласам с берега: «не смейте тонуть!» Милюков ведь прямо сказал 4 (17) мая в частном совещании членов Думы: «Не я ушел а меня „ушли“».[165] И хотя Гучков изображал свой уход иначе, и уход его действительно произошел при несколько иных обстоятельствах, было совершенно ясно, что и он оставаться во Временном правительстве не мог.

---

[161] 22 апреля (5 мая) 1917 г. госдепартамент телеграфировал Фрэнсису, чтобы он предписал всем американским консулам в России сделать секретные доклады о политическом положении в их районах, в частности о «движении за изменение землевладения, мирной пропаганде и т. д.» (PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 41).

[162] D. R. Francis. Russia from the American Embassy, p. 113.

[163] Там же, стр. 117.

[164] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 53.

[165] Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной Думы. М.—Л., 1932, стр. 8.

При всем том некоторые сведения, приведенные Милюковым в его воспоминаниях, дают основание предположить, что кое-какое значение для Гучкова и Милюкова поддержка со стороны Фрэнсиса все же имела. Что оба они пытались прямо опереться на союзную дипломатию, не ограничиваясь постоянными ссылками на недовольство Антанты, не подлежит сомнению. Но обстоятельства сложились для них в этом смысле весьма невыгодно. Бьюкенен, по-видимому, довольно рано поставил крест на Гучкове и Милюкове как политических фигурах. Оставался Палеолог, который был им по-прежнему верен. Но 9 (22) апреля в Петроград приехал со специальной миссией французский министр военного снабжения социалист Альбер Тома, который привез Палеологу отставку и занял его пост. Тома сразу же принял сторону Керенского—Терещенко и прямо заявлял всем (в том числе и Милюкову), что правительство должно идти навстречу Совету в определении целей войны.[166] Демагогическая фразеология Тома, его неумеренные словесные восторги по поводу революции не принимались всерьез в буржуазных кругах. Всем было ясно, что линия Тома (как и Бьюкенена) продиктована соображениями практической целесообразности. Но для Милюкова и Гучкова эти соображения могли служить лишь утешением, они ничуть не облегчали их положения. Фрэнсис, опоздавший с переориентацией, оказался на протяжении некоторого промежутка времени единственным из послов, который поддерживал Гучкова и Милюкова.

Исход кризиса был таков, что американскому послу оставалось превратиться в сторонника коалиции. Как и в послефевральские дни, опоздав с переориентацией, он зато совершил ее с большой легкостью и быстротой, усвоив (не с помощью ли Гучкова и Милюкова?) преимущества, которых ждали от коалиции ее инициаторы. Уже 2 (15) мая, когда между Исполкомом и Временным правительством еще шли переговоры, Фрэнсис писал сыну, что теперь он считает происшедшие перемены «мудрыми», и сообщал Лансингу о своих надеждах на то, что коалиционное правительство будет вести войну «агрессивным образом», а новые его члены из представителей Совета будут за наступление.[167]

В тот же день консул Уиншип стал рассматривать образование коалиции как «лучшее решение», которое может «отсрочить всегда готовый разразиться кризис».[168]

Фрэнсис же, несколько успокоившийся было 2 (15) мая, на следующий день опять вернулся к пессимистическому взгляду на

---

[166] П. Н. Милюков. Воспоминания, т. 2, стр. 356 и сл.

[167] D. R. Francis. Russia from the American Embassy, p. 115; PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 66.

[168] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 64.

события. «Положение сложное. Обстоятельства неудовлетворительны», — телеграфировал он в Вашингтон.[169]

Попытки предотвратить отставку Гучкова и Милюкова, которые весьма неудачно предпринимал Фрэнсис, были не единственной формой проявления его активности в дни апрельского кризиса. Он стремился обеспечить Временному правительству в его столкновениях с меньшевистско-эсеровским Исполкомом по поводу целей войны идеологическую поддержку из США. Лансинг и сам считал это целесообразным. 7 мая (н. ст.) он отправил Фрэнсису очередную телеграмму Гомперса, адресованную Исполкому Петроградского Совета. Предписав Фрэнсису передать телеграмму в Исполком «совершенно неофициально», («чтобы это не выглядело как попытка со стороны этого правительства (США, — *Р. Г.*) повлиять на их действия»), Лансинг тут же приказал принять меры к опубликованию послания Гомперса через посредство Петроградского телеграфного агентства. На сей раз послание Гомперса представляло собой значительный по размерам документ, довольно искусно составленный.[170] Он был оснащен комплиментами Петроградскому Совету и как бы проникнут духом его мартовского манифеста. Но положениям манифеста Гомперс давал свое, чуть расширенное толкование, которое усугубляло слабые и ошибочные места манифеста, превращало его, а вместе с ним и внешнеполитические речи лидеров Совета в благонамеренные с буржуазной точки зрения звучные декларации о демократических целях, преследуемых Антантой в войне. В дуэли между Советом и Временным правительством Гомперс как бы пытался вернуть дело к тем последним дням марта, когда петроградские буржуазные и меньшевистские газеты отождествляли манифест Совета с обращением Временного правительства. В послании Гомперса фигурировала и формула «без аннексий и контрибуций». Но аннексии, к которым стремилась Антанта, он таковыми не считал, а под контрибуциями имел в виду лишь платежи, наложенные Германией на Сербию, Бельгию и Польшу. С особенным удовольствием Гомперс поддерживал (разумеется, от лица рабочих Америки) призыв Совета к германским рабочим свергнуть монархию, «тираническое дворянство, бюрократию и милитаристскую касту», «следуя славному примеру русского народа». Это давало возможность, игнорируя империалистическую природу войны, поставить рядом «свободную Россию» и «свободную Америку». Они не только вместе воюют против «прусского милитаризма», но и одинаково страдают от антивоенной агитации, которую, пользуясь демократическими порядками, ведут люди,

---

[169] Там же, стр. 66. — Возможно, что вплоть до 3 (16) мая, когда Фрэнсис узнал об отставке Милюкова, он надеялся, что дело ограничится уходом из кабинета Гучкова.

[170] PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, pp. 57—59.

служащие «вольно или невольно орудиями кайзера», утверждал Гомперс. Это был, разумеется, прозрачный намек на Ленина и большевиков, и Гомперс из Америки (!) убеждал соглашательское руководство Совета, что «на самом деле они не так влиятельны, как кажется».

Воззвание имело еще одну специальную цель — развеять усиливавшиеся в России опасения по поводу американского вмешательства в российские внутренние дела. Накануне отправки в Россию миссий Рута и Стивенса это имело для правительства США особенное значение, и Гомперс заверял Исполком, что ни американские миссии, ни единоличные эмиссары не будут уполномочены даже на то, чтобы «подать России какой бы то ни было совет, относящийся к ведению ее внутренних дел». Любые сведения об американском вмешательстве в российские дела он объявлял злонамеренными слухами, приписывая их происхождение немцам и «темным силам» прошлого.

Но все дело было в том, что это воззвание Гомперса, как и все предыдущие его воззвания, как и милитаристские воззвания других американских социал-реформистов, не находили никакого отклика в среде народных масс революционной России. Эсеро-меньшевистская печать, не говоря уже о большевистских газетах, не уделяла Гомперсу и его призывам никакого внимания, вовсе о них не упоминая.

Сообщая об этом в госдепартамент, консул Уиншип утверждал даже, что все социалистические партии и группы, представленные в Совете, «до сих пор практически не обращали на Соединенные Штаты никакого внимания, обошли молчанием их вступление в войну и даже не упоминают их в своих речах и статьях».[171]

Как мы скоро увидим, это было не совсем так: не обращавшие особенного внимания на своего коллегу-«социалиста» Гомперса соглашательские лидеры уделяли зато внимание демагогической программе самого президента Вильсона. Но в одном Уиншип был, кстати сказать, бесспорно прав — когда он утверждал, что все восторги по поводу вступления Америки в войну («овации и демонстрации») были делом рук исключительно буржуазной публики («средних классов»).

На сей же раз на прочувствованное воззвание Гомперса не откликнулась даже ни одна из буржуазных газет. И лишь «Новое время», занявшее с первых же мартовских дней весьма двусмысленную позицию по отношению к Совету, то заискивавшее перед ним и перед революцией, то, наоборот, огрызавшееся, выступило по поводу послания Гомперса с лицемерной и подобострастной по отношению к США и нарочито гневной по отношению к революционной демократии статьей. «Новое время»,

---

[171] Уиншип — Лансингу, 15 мая (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 55.

в годы царизма обычно критиковавшее американскую буржуазную демократию часто с реакционных и даже черносотенных позиций, теперь преисполнилось к ней небывалого почтения. «Американская демократия, — льстиво писала эта газета, — протянула нам руку помощи в самую опасную минуту нашего государственного существования (опасность эта заключалась с точки зрения «Нового времени», очевидно, в перспективе углубления революции, — *Р. Г.*). Мы не забудем об этом. Неблагодарность — удел низких душ... Помимо материальной поддержки, оказываемой Америкой освободившемуся русскому народу, к нам доносятся оттуда слова предостережения. Старая демократия делится своим политическим опытом с молодой. Вождь американской федерации труда — американского совета рабочих депутатов — обратился к Исполнительному комитету Петроградского Совета Р. и С. Д. с посланием. Не знаем, довел ли Исполком это послание до общего собрания Совета, или рука, протянутая русским рабочим из-за океана, все еще не встретила братского пожатия. По крайней мере в печати, выдающей себя за рабочую, мы не встретили по этому поводу ни привета, ни даже ответа. Величайший в мире трудовой союз — Американская федерация труда — оказался ниже внимания той кампании, которая под флагом демократии пытается спасти германскую монархию от крушения».[172]

Деланное негодование «Нового времени» по поводу пренебрежительного отношения Исполкома к посланию Гомперса выглядело тем естественней, что в статье отмечалось соответствие гомперсовского послания мартовскому манифесту Совета.

Какова бы ни была, однако, судьба воззвания Гомперса в России, с официальной точки зрения оно не было правительственным документом. Между тем милюковская нота союзникам 18 апреля (1 мая) хотя и не требовала прямо ответа с их стороны, но подразумевала его. Фрэнсис поднял этот вопрос перед Вашингтоном еще 5 мая (н. ст.), имея в виду поддержать американским ответом Временное правительство.[173] Но затем развивший в Петрограде большую активность Тома стал требовать от правительства США ответа на ноту Милюкова с несколько иной целью, он желал повлиять таким способом на позицию соглашательского руководства Совета. Тома и Фрэнсис исходили из того, что Вильсон — «самая влиятельная в мире фигура» и непререкаемый авторитет для руководителей Совета. Основывались они на том, что в Совете звучала формула «мир без по-

[172] Новое время, 28 апреля (11 мая) 1917 г. — Сделав этот выпад против всей революционной демократии, «Новое время» тут же выделяло в «русской социал-демократии» «добросовестную часть», подчеркивая, что «лишь крайний участок русских социалистов работает в согласии с прислугой германского империализма».

[173] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 41.

беды», провозглашенная Вильсоном еще до того, как четко определилась перспектива вступления США в войну, а после этого моментально в США забытая. Соглашательские лидеры Совета, желая придать респектабельность своему революционно-оборонческому толкованию лозунга о мире без аннексий и контрибуций, заявляли, что оно соответствует позиции Вильсона.[174] Поддерживаемые Фрэнсисом сообщения Милюкова и кадетской прессы о том, что Вильсон и правительство США стоят за войну до победного конца, нуждались в подтверждении из Вашингтона. Тома предлагал даже, чтобы союзные послы в Петрограде выработали совместный ответ на ноту Милюкова, но этого Фрэнсис уже испугался. Завяжется дискуссия о Дарданеллах, а там еще и о Панамском канале, не говоря уже о территориальных аннексиях и реституциях, о контрибуциях, сообщал он в Вашингтон и просил, чтобы с заявлением выступили Вильсон или Лансинг.[175]

В сущности рассуждения Фрэнсиса и Тома о непререкаемом авторитете, которым пользовался-де Вильсон в руководящих

---

[174] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 11 мая (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 52. — Надо сказать, что миротворческие шаги Вильсона в декабре 1916—январе 1917 г. имели успех у будущих руководителей Исполкома, выступавших тогда с социал-оборонческих позиций в легальной печати левого и либерального направления. Так, декабрьская нота Вильсона встретила одобрение у Н. Суханова (Летопись, 1917, январь, № 1, стр. 195 и сл.) и А. Пешехонова (Русские записки, 1917, январь, № 1, стр. 298 и сл.). Оба они буквально накануне германо-американского разрыва выражали уверенность в том, что США экономически заинтересованы в мире и потому стремятся к нему. Суханов, приписывая Вильсону «углубленное понимание дела» и «последовательность», утверждал, что он поставил вопрос о целях войны «с достаточной оригинальностью». Пешехонов, хотя и не отрицал, что Вильсоном руководят империалистические интересы, заявлял тем не менее: «...мы думаем, что должна быть признана великая заслуга г. Вильсона». Он был недоволен лишь тем, что президент США допускал одинаковость целей обеих сторон в войне, поставив Антанту на одну доску с Германией.

Подобные взгляды позже определили исполкомовскую позицию, которую, как это ни странно, не изменило даже вступление Америки в войну. Надо «искренне» «приветствовать» это «с точки зрения международной демократии», — так откликнулся на объявление Америкой войны Германии правофланговый соглашательской прессы полукадетский «День» (С. Дмитриев. Объявление войны Соединенными Штатами Германии. День, 22 марта (ст. ст.) 1917 г.). Церетели, выступая на Минском общефронтовом солдатском съезде 8 апреля (ст. ст.), т. е. через две недели после вступления США в войну, все еще с весьма ощутимой почтительностью говорил о мирной ноте Вильсона, рассматривая ее как истинное «предложение открыть мирные переговоры» (Речи И. Г. Церетели. Пгр., 1917, стр. 29—30). Подтверждение того обстоятельства, что лидеры Совета «превозносили» Вильсона за «мир без победы», находим в «Речи», 28 мая (10 июня) 1917 г.

[175] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 11 мая (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 52.

кругах Совета, носили в телеграмме, отправленной 11 мая (н. ст.), несколько запоздалый характер. Накануне, 27 апреля (10 мая), состоялось объединенное заседание депутатов дум всех созывов. Несмотря на присутствие Бьюкенена и Тома, Родзянко, открыв заседание, приветствовал одного Фрэнсиса как «нового союзника».[176] Американского консула Уиншипа встревожили, однако, речи представителей исполкомовского большинства.[177] С весьма изворотливой речью, получившей вскоре значительную известность, выступил Церетели, возражавший Шульгину и парировавший его нападки на революционную демократию. С одной стороны, Церетели восхвалял Временное правительство, противопоставляя его правым цензовикам шульгинского толка, а с другой — пытался даже защищать от инсинуаций Шульгина большевиков, подчеркивая, разумеется, что он с ними не согласен.

С внешнеполитической стороны церетелевская речь содержала типичную для революционного оборончества смесь социал-шовинистских мотивов с несколькими фразами, обладавшими интернационалистским звучанием. Среди них была и фраза о том, что разгром милитаризма чужой страны — лучший способ насаждения империализма и варварства в своей собственной стране.[178] В этом-то и увидел Уиншип, анализируя речь Церетели, хотя, «конечно», и «косвенное», но «полное отрицание политики американского правительства».[179]

Подтверждение этому Уиншип нашел в речи эсера В. В. Евреинова, который призывал к миру без аннексий и контрибуций. «Как и другие социалисты, он считает аксиомой, что мир на основе опубликованных доныне программ союзников или на генеральной базе посланий и нот Вильсона, это мир „с аннексиями“, т. е. не такой мир, который нужен России», — констатировал Уиншип.[180]

Таким образом, с точки зрения Уиншипа, «социалисты, контролирующие Совет», не так уж теперь Вильсоном и обольщались. Но какие бы выводы ни следовали из этого для содержания вильсоновского обращения к России, практического значе-

---

[176] Новое время, 28 апреля (11 мая) 1917 г.

[177] Уиншип вообще считал, что с точки зрения союзных правительств следует опасаться не практических действий соглашательских лидеров, а их революционной фразы. «Их официальные акты, — писал он, — обычно хорошо выварены (well-digested), но их устные и письменные заявления далеко не так взвешены, как официальные акты. Они неисправимые книжники и фанатики» (Уиншип — Лансингу, 15 мая (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS. 1918, Russia, v. I, p. 60).

[178] Известия, 29 апреля 1917 г.

[179] Уиншип — Лансингу, 15 мая (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 61.

[180] Там же.

ния письмо Уиншипа иметь не могло, ибо прибыло оно в госдепартамент, как обычно, более чем через месяц.

Через несколько дней с просьбой сделать заявление о войне и ее целях обратилась к Вильсону влиятельная московская кадетская газета «Русское слово», а Тома прислал Фрэнсису по этому поводу специальную ноту. «Русское слово» даже предлагало Вильсону программу его декларации: «1) цели войны; 2) мир без аннексий и контрибуций; 3) возможно ли иметь дело с нынешним германским правительством». Вильсон рассматривался при этом как центральная фигура в кругу антантовских лидеров: в случае его согласия «Русское слово» собиралось обратиться с этими же вопросами к Ллойд Джорджу, Рибо и к кому-либо из итальянских руководителей.[181]

Все это имело место до сформирования коалиционного министерства. Его декларация 5 мая (ст. ст.) начиналась, как известно, провозглашением «мира без аннексий и контрибуций» и содержала обещание принять меры к достижению соглашения с союзниками на основе декларации 27 марта. Декларация коалиционного кабинета представляла собой победу, которую сторонники уступок меньшевистско-эсеровскому Совету одержали над открыто империалистическим курсом Гучкова и Милюкова. И хотя кадетская «Речь» уже по поводу проекта декларации саркастически выражала надежду, что «не понадобится бо́льших потрясений в наших отношениях к союзникам, чтобы доказать приверженцам формулы „без аннексий и контрибуций“ ее практическую непригодность», а сам премьер Львов спешил подчеркнуть в интервью с корреспондентами, что признание Временным правительством этой формулы не противоречит необходимости наступления на фронте, ситуация оставалась с антантовской точки зрения далеко не удовлетворительной.

Сейчас же после опубликования декларации нового правительства Фрэнсис решил выступить с публичным комментарием к ее внешнеполитическому разделу. В день ее опубликования, 6 (19) мая, он произнес речь на митинге в здании цирка, в которой заявил, что аннексии и контрибуции нельзя путать с реституциями и возмещением убытков, и призывал отложить все эти вопросы до мирной конференции. Сообщая об этом в Вашингтон, он счел нужным объяснить Лансингу свое превращение в сторонника коалиции. «Поддержать новое правительство важно потому, что оно является самой мощной и наиболее влиятельной силой в подавлении и предотвращении беззакония, которое кое-где проявляется», — телеграфировал посол в Вашингтон.[182]

---

[181] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 14 мая (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 53.

[182] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 20 мая (н. ст.) 1917 г.: там же, стр. 74.

Как же реагировали на петроградские апрельские события в Вашингтоне и Нью-Йорке? Каково было отношение правящих кругов США к созданию коалиционного правительства и его первым заявлениям и шагам?

Уже накануне разразившегося в Петрограде политического кризиса кредит буржуазного Временного правительства в США в буквальном и переносном смысле ухудшился. Падал курс рубля и русских государственных фондов на нью-йоркской бирже. 2 мая (н. ст.) рубль упал до 27.85 центов вместо 33.3 по нормальному курсу. $6^1/_2$%-й заем шел по 90 за 100, а $5^1/_2$%-е облигации по 83.50. Причина этого — «различные спекулятивные и преувеличенные слухи относительно нашего политического положения», — сообщал русский финансовый агент Угет директору Кредитной канцелярии Министерства финансов 3 мая (н. ст.). Он считал, что слухи эти порождены «сопоставлением» широковещательных заявлений об «уже заключенных или подлежащих установлению в недалеком будущем» финансовых соглашениях США с Англией и Францией «с отсутствием каких бы то ни было окончательных данных в прессе» относительно участия в этом кредите России.[183]

Действительно, проходила неделя за неделей, а кредита для оплаты русского заказа на паровозы и вагоны — он должен был открыть кредитование России Соединенными Штатами — никак не удавалось добиться. К началу мая (н. ст.) Мак-Аду со своим ведомством и другими правительственными органами в США разработал целую систему для размещения в Америке военных заказов союзников. Цель ее состояла в том, чтобы поставить все дело союзных заказов американским промышленникам под строгий контроль правительства США, с тем чтобы оно фактически получило возможность полного подчинения себе с этой стороны всей американской промышленности. Установленная процедура помещения заказов союзников на американском рынке за счет кредитов правительства США была такова. Вначале каждый такой заказ должен был получить утверждение лондонской междусоюзнической комиссии «в соответствии с общими целями войны и потребностями союзников». После этой комиссии (с участием представителей США на равных с прочими союзниками основаниях) заказ должен был поступить к уполномоченному страны-заказчика в США. Права этих уполномоченных были, однако, сильно ограничены правительством США в свою пользу. И выбор фабриканта, и установление цены, и одобрение условий контракта между уполномоченными союзников и американскими фабрикантами, и даже арбитраж в случае конфликтов между ними — все это правительство США относило к функциям специального им назначаемого органа из нескольких американ-

[183] Отчет агента МФ... Объяснительная записка, кн. I, л. 157.

цев.[184] 2 мая (н. ст.) по поручению Мак-Аду о новой системе, как одобренной Англией и Францией, было сообщено русскому поверенному в делах в Вашингтоне. Но Англия, Франция и Италия еще до американской реформы заготовительного дела получили от правительства США авансы «на неотложные нужды».[185] А для русского кредита в США наступили между тем еще более тяжелые времена. Казалось бы, теперь, когда центр тяжести русского кредитования в США переместился с Уолл-стрита в казначейство, колебание биржевого курса рубля и русских бумаг под влиянием политических событий в России должно было до некоторой степени утратить свое значение. На самом же деле падение курса русских ценностей оказывало, по-видимому, замораживающее действие на казначейство, а промедление с американскими правительственными кредитами России в свою очередь ухудшало ее положение на бирже.

Сообщения о петроградских событиях 20 и 21 апреля, обращение Временного правительства 26 апреля, в котором была публично в довольно ясной форме выражена идея коалиции, — все это привело к началу нового цикла ухудшения положения русских фондов на американской бирже. Теперь финансовый агент Угет сообщал об этом Терещенко с нескрываемой тревогой. «Слухи о неустойчивости внутреннего распорядка России неблагоприятным образом сказываются на курсе рубля и наших фондов на американском рынке, — телеграфировал он 30 апреля (13 мая). — Последний курс рубля — 26.5—26 с тенденцией к дальнейшему понижению. Подобная депрессия, по моему мнению, могла бы быть несколько парализована скорейшим предоставлением американским правительством России хотя бы частичного кредита, что успокоило бы местных держателей наших ценностей, устранило бы невыгодное для нас сопоставление с союзниками, уже получившими кредит, и прекратило бы спекулятивные слухи о задержке с кредитом для России якобы по причинам не делового свойства, а из-за опасения перед неустойчивостью нашего государственного порядка».[186]

В сложившейся ситуации правительство США пыталось мерами финансового давления прекратить дальнейшее размещение заказов, обратив свои кредиты на оплату уже размещенных. Поэтому Угет ждал, что ходатайство о кредите на подвижной состав и для разрешения затянувшегося вопроса о контрактах на ружья с Ремингтоном и Вестингаузом «встретит противодей-

---

[184] Телеграммы российского поверенного в делах в США Ону в МИД, 20 апреля (3 мая) 1917 г., №№ 217, 218: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, лл. 133—135.

[185] Телеграмма Ону в МИД, 20 апреля (3 мая) 1917 г., № 219: там же, л. 136.

[186] Телеграмма Угета Терещенко, воспроизведенная в телеграмме Ону в МИД, 30 апреля (13 мая) 1917 г.: там же, лл. 166—167.

ствие со стороны американского правительства». Тем не менее он предлагал, чтобы Временное правительство немедленно обратилось к правительству США или даже к другим союзникам с просьбой о срочном предоставлении первого кредита без исполнения новой междусоюзнической кредитной процедуры. В случае неудачи он предлагал добиваться кредита для оплаты уже размещенных заказов, считая срочное получение первого кредита в США необходимым с политической точки зрения.

Но у Временного правительства, искавшего спасения в эти критические дни на пути к коалиции с лидерами меньшевистско-эсеровского Исполкома, конечно, не доходили руки до практических действий на международной арене. Угет же оказался как раз на том мировом финансово-политическом перекрестке, откуда лучше всего были различимы перемены в отношении правящих кругов стран Антанты к Временному правительству, непосредственно зависевшие от прочности его положения. В Англии дело обстояло в эти дни совершенно так же, как в Америке. Финансовый агент в Лондоне С. П. Ермолаев сообщал Угету «для личного сведения» 14 мая (н. ст.), что «с каждым днем отношения с английским казначейством становятся все более затрудненными и ввиду неопределенности внутреннего политического положения России казначейство делает все возможное, чтобы задержать решение даже совершенно второстепенных вопросов, не скрывая своего желания предварительно убедиться в характере развивающихся событий». Практический вывод, который сделал Угет из лондонских сообщений, состоял в том, что английское правительство, ранее обещавшее продолжать оплату заказов на винтовки в Америке, «в связи с событиями, имевшими место в начале мая в России», в ожидании открытия Америкой кредитов России «решило занять выжидательную позицию и, оттягивая под разными предлогами окончательное решение вопроса, добиться перевода контракта Ремингтона с английского на американский кредит».[187]

Одновременно Угету стало известно, что изменилась и точка зрения правительства США на передачу платежей по размещенным через Моргана в Америке русским заказам: раньше оно было согласно перевести их на свой кредит, открываемый России, теперь же настаивало на том, чтобы эти платежи производились пока по-прежнему за счет английского правительства.[188] Таким образом, отражение апрельского кризиса в сфере военно-финансовой помощи западных союзников Временному правительству выглядело как перебрасывание русского заемщика от английского кредитора к американскому, и наоборот.

---

[187] Отчет агента МФ... Объяснительная записка, кн. I, лл. 80—81.
[188] Там же, лл. 164—165.

Глава V

АМЕРИКАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

(май—июль 1917 г.)

14 мая (н. ст.), в разгар вашингтонских тревог по поводу событий в Петрограде, выехала в Россию железнодорожная комиссия Стивенса. Вслед за ней готовилась отправиться через несколько дней миссия Рута. Правительство США не собиралось бросать Временное правительство на произвол судьбы и предоставить события в России их естественному течению. Явное предпочтение, которое оказывал в тот момент Вашингтон отправке миссий в Петроград перед кредитованием России, не могло быть длительным. За миссиями должны были последовать новые кредиты. Русские представители в Вашингтоне, по-видимому, усвоили это, и поверенный в делах Ону, «продолжая встречать со стороны... министерства финансов и государственного департамента препятствия» в деле с заказом на паровозы и вагоны, решил попытаться повлиять на позицию правительства США с помощью Рута. 14 мая (н. ст.), в самый разгар петроградских торгов по поводу формирования коалиционного правительства, Ону обратился к Руту за помощью. Рут, естественно, желавший явиться в Петроград влиятельным благодетелем России, откликнулся на просьбу Ону с большой живостью. На следующий же день он сообщил Ону, что ему удалось «настоять на немедленном помещении» заказа на подвижной состав с одновременным открытием кредита в 100 млн долл. То, чего Ону и Угет безуспешно добивались в течение недель, Рут, словно фокусник, устроил в мгновенье ока. Желая, по словам Угета, «подготовить благоприятную почву ко времени своего приезда в Россию», Рут потребовал, чтобы Ону телеграфировал о его содействии в Петроград еще до прибытия туда миссии.[1] Хотя Руту,

[1] Телеграмма Ону в МИД 3 (16) мая 1917 г., ошибочно датирована 3 (17) мая: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 169; Отчет агента Министерства финансов при Российском посольстве в Вашингтоне за период времени с 1 (14) января 1917 г. по 1 января 1920 г. Объяснительная записка, кн. I, л. 162.

по его словам, и пришлось проявить настойчивость, чтобы добиться благоприятного решения вопроса, его успех несомненно означал, что русскому вопросу придавалось в Вашингтоне большое значение. Иначе вряд ли сумел бы Рут так легко и быстро обеспечить открытие кредита. Очевидно, Лансинг, накануне апрельского кризиса принявший выжидательную тактику, теперь, отправляя Рута в Россию, вынужден был «смягчиться» с тем, чтобы создать своему посланцу благоприятные возможности для действий в России.

Первый американский кредит Временное правительство получило в момент, когда предельная острота апрельского кризиса была уже позади и коалиционный кабинет был почти сформирован. Разумеется, бурный характер событий в Петрограде и темп, в котором они развивались, лишал американский кредит значительного политического резонанса, на который рассчитывали как русские, так и американские устроители этой операции. Ожидания Ону и Угета оправдались в другом: в тот же день, 3(16) мая, когда Угет подписал с американцами соглашение о первом кредите, он телеграфировал директору Кредитной канцелярии, что на нью-йоркской бирже «известие о подписании соглашения привело к повышения русских ценностей». «Некоторое понижение к концу дня, — продолжал Угет, — было вызвано полученными сведениями об уходе в отставку министра иностранных дел П. Н. Милюкова, однако рынок все же остался в твердом настроении, так как большинство заняло позицию, что раз Американское правительство дает аванс, то внутреннее положение России не настолько плохо, как то сообщается в прессе».[2]

И котировка русских фондов на нью-йоркской бирже, и открытие правительственных американских кредитов России — все это, вероятно, представлялось членам сформированного 5 мая (ст. ст.) коалиционного Временного правительства хотя и важным, но отнюдь не самым главным делом. Жгучей актуальностью, первоочередной важностью обладал для нового кабинета вопрос о целях войны, оказавшийся роковым для Временного правительства первого состава. Именно в этом вопросе коалиционное Временное правительство и новый министр иностранных дел М. И. Терещенко ожидали срочной помощи от союзников. Она должна была состоять в подыгрывании Временному правительству, жонглировавшему демагогическими лозунгами о справедливых, демократических целях войны.

Милюков много лет спустя, характеризуя политику своего преемника, писал со скрытой язвительностью: «При его управлении союзные дипломаты знали, что „демократическая" терминология его депеш является невольной уступкой требованиям момента — и относились к ней снисходительно, пока рассчитывали,

[2] Отчет агента МФ... Объяснительная записка, кн. I, лл. 165—166.

что уступками по форме они выиграют по существу. Но наступали, наконец, такие моменты, когда это молчаливое согласие правительства с советом р. и с. д., с одной стороны, а с другой стороны, с союзной дипломатией упиралось в границы, перейти которые было нельзя. И тогда должно было вскрыться для советов, что политика М. И. Терещенко была в сущности лишь «продолжением политики П. Н. Милюкова», а для союзников, что все принесенные ими жертвы (в этом контексте речь могла идти лишь о словесных жертвах — тактических уступках со стороны союзной дипломатии демагогической фразеологии Временного правительства, — *Р. Г.*) не увеличили способности русской революции к реальной поддержке союзного дела».[3]

В обмене широковещательными декларациями о целях войны между Временным правительством и союзниками на долю американской дипломатии опять, как и при Милюкове, выпадала едва ли не главная роль.

Последовательность событий в этой перекличке Временного правительства и союзников была такова.[4] Ответы союзников на милюковскую ноту и препровожденную при ней декларацию 27 марта были получены, согласно утверждению Милюкова, еще в бытность его министром (ответа США, как мы сейчас покажем, среди них не было).[5] Некрасов и Терещенко, которые рассматривали себя как ядро будущего кабинета, обратились к Милюкову со «специальной просьбой» задержать опубликование союзнических ответов. Тем более не могло их опубликовать коалиционное Временное правительство, ибо союзнические ответы, как не без злорадства отмечал Милюков, «держались в пределах» его ноты 18 апреля, а по отношению к заявлению Временного правительства 27 марта «были вежливо уклончивы». Иными словами, они были предназначены к тому, чтобы поддержать гучковско-милюковский открыто империалистический курс. Составленные, когда антантовская дипломатия не прониклась еще сознанием неизбежности формирования коалиционного Времен-

---

[3] П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I. Вып. I. София, 1921, стр. 167.

[4] В новейших работах советских исследователей, содержащих несомненно правильную оценку политики правительств Англии и Франции по отношению к коалиционному правительству, затронут и вопрос о майских нотах союзников (В. С. Васюков. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966, стр. 158 и сл.: А. В. Игнатьев. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966, стр. 212 и сл.). Мы останавливаемся на них лишь для того, чтобы уточнить даты событий и восстановить их последовательность.

[5] П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. I, стр. 168. — По сообщению Бьюкенена, английский ответ был вручен русскому поверенному в делах 9 мая (Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М. [б. г.], стр. 232). Речь несомненно идет о новом стиле: Бьюкенен придерживается его во всех случаях, датируя свои донесения в Лондон, приводимые в мемуарах, и события, им описываемые.

ного правительства, они, естественно, не отвечали тем целям, которые ставили перед собой инициаторы его создания. Рядом с декларацией коалиционного правительства ответы союзников на ноту Милюкова произвели бы впечатление, подрывающее доверие к декларации, тем более что Терещенко в своем заявлении печати, сделанном 6 (19) апреля, особенно подчеркивал нерушимость союзных обязательств России.

Впрочем, с просьбой об изменении текстов ответов союзников Терещенко обратился к союзным послам еще 3 мая (ст. ст.), до появления декларации Временного правительства и своего интервью и даже до того, как коалиционный кабинет был официально сформирован, а он стал министром иностранных дел.

Встретившие в штыки формулу о «мире без аннексий и контрибуций» союзные правительства приняли тактику борьбы с ней средствами чисто империалистической ее интерпретации.[6] Поэтому ответы Англии и Франции на декларацию коалиционного правительства, облеченные в форму ответов на декларацию 27 марта, не заставили себя ждать. Английский ответ был получен, по словам Милюкова, Министерством иностранных дел 11 мая (ст. ст.), а французский — 13 мая (ст. ст.).[7] Однако, как заявлял Терещенко Фрэнсису, опубликование их было с точки зрения интересов коалиционного кабинета «неразумно», так как «имело бы беспокойные последствия», и он просил английское и французское посольства об изменениях, вернув им ноты их правительств.[8]

Правительство США, несмотря на рекомендации Фрэнсиса опоздавшее с ответом на ноту Милюкова, на декларацию коалиционного правительства отозвалось неожиданно быстро. Ону, сообщив в МИД 12 (25) мая, что в США «особенно смущены толкованием слов: „мир без аннексий и контрибуций“», еще только считал «весьма вероятным» специальное заявление Вильсона, которое явилось бы «косвенным ответом на русскую декларацию».[9] А заявление это уже 9 (22) было отправлено в Петроград, через три дня после появления там декларации коалиционного правительства. И было оно не косвенным, а по сути дела (хотя и не по форме) прямым ответом на эту декларацию, хотя задумано было еще до ее появления. Некоторые известные нам обстоятельства, связанные с происхождением вильсоновского обращения, способствуют пониманию тех целей, которые это обраще-

---

[6] См. об этом: В. С. Васюков, ук. соч., стр. 150 и сл.; А. В. Игнатьев, ук. соч., стр. 213.

[7] П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. I, стр. 176. — Этими датами ноты были помечены при их опубликовании в газетах (см., например: Дело народа, 27 мая 1917 г.).

[8] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 31 мая и 4 июня (н. ст.): PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 86, 89.

[9] АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 191.

ние преследовало. 17 мая (н. ст.) Лансинг представил президенту телеграммы Фрэнсиса с предложением об американском ответе на ноту Милюкова, а также телеграмму по этому же поводу от У. И. Уоллинга, крайне правого американского социал-реформиста, имевшего связи в России.[10] Телеграмма гласила: «Ничто, кроме немедленного отречения президента от формулы об отказе от аннексий и контрибуций, не может спасти Россию».[11] Одновременно Лансинг в довольно категорической форме специальным письмом[12] предложил Вильсону исправить вредное с милитаристской точки зрения впечатление, которое производили в России его высказывания по вопросу о Константинополе и проливах. Прошло полтора месяца после появления редакционной статьи «Речи», и лишь теперь она нашла отклик в Вашингтоне. Как и через кого Милюкову, хоть и с опозданием, но удалось все же этого добиться — сказать трудно, вероятно, какую-то роль сыграл здесь Уоллинг. Во всяком случае, чисто милюковская аргументация Лансинга несомненно была подсказана ему из России. «Некоторые употребленные Вами фразы, — внушал государственный секретарь президенту, — по-видимому, используются радикальными социалистами (вероятно, под германским влиянием) для того, чтобы вынудить Временное правительство провозгласить такую политику, которая устранит главный побудительный мотив к русским наступательным операциям, а именно: контроль над Дарданеллами и владение Константинополем. Этот ловкий план заключается в том, чтобы выдвинуть следующий аргумент — какой толк для России продолжать войну и почему бы ей не заключить сепаратный мир, если ни территориально, ни путем контрибуций ей не могут быть компенсированы те громадные затраты человеческими жизнями и деньгами, которые повлечет за собой активное продолжение войны».

Независимо от того, насколько соответствовала (или не соответствовала) действительности эта конструкция, в ней ощущается упрек Милюкова Керенскому и другим министрам, которые отказывались под давлением «радикальных социалистов» во всеуслышание требовать проливов.[13] Но упрек этот был высказан в данном случае в назидание американскому президенту, для которого и было предназначено в качестве неотразимого удара упоминание о «германском влиянии». И несмотря на то что Ми-

[10] Лансинг — Вильсону, 17 мая 1917 г.: The Lansing papers, 1914—1920, v. II. Washington, 1940, p. 338.

[11] Цит. по: M. Laserson. The American impact on Russia. N. Y., 1950, p. 417.

[12] Лансинг — Вильсону, 17 мая 1917 г.: The Lansing papers, v. II, p. 338.

[13] Фрэнсис хотя и с опозданием, но все же сообщил Лансингу о разногласиях между Милюковым и Керенским по вопросу о проливах в телеграмме 1 мая (н. ст.). Он считал, что преобладает точка зрения Керенского — требование нейтрализации проливов и открытия их для всех стран (PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, p. 52).

люкова больше в правительстве не было, а Керенский вместе с Терещенко играл в новом кабинете весьма важную роль,[14] Лансинг, желая, по-видимому, усилить милитаристский характер политики нового правительства с самого начала его существования, с большой настойчивостью требовал от Вильсона срочного исправления допущенной тем ошибки. «Я понимаю, что сделать это трудно, — писал он, — но ущерб, который уже причинен, представляется мне очень большим». Пугая Вильсона «коварным и искусным планом подчинения русского народа идее сепаратного мира», Лансинг выставлял президента чуть ли не одним из виновников этой «реальной опасности». «Если движение за сепаратный мир не удастся прекратить, это может стоить нашей стране миллионов людских жизней. Я чувствую, что опасность увеличивается с каждым днем, пока такая пропаганда остается без ответа», — настаивал государственный секретарь. «Нельзя ли, — предлагал он, — дать некоторую интерпретацию употребленным Вами выражениям, которая устранила бы прилежно распространяемую в России идею еще до того, как дело зайдет слишком далеко и уже вообще нельзя будет бороться с результатами ее воздействия? Разумеется, единственный способ для этого — послание Фрэнсису от Вас для Временного правительства и опубликования в России».

Иными словами, Лансинг хотел снабдить константинопольский вексель союзников, которым размахивал Милюков, еще и заверительной надписью США с тем, чтобы оказать пропагандистское содействие открыто милитаристской линии в петроградских верхах, устранив возможность противопоставления ей политики американского президента.

Государственный секретарь занимал еще ту же «гучковско-милюковскую» позицию, что и Фрэнсис в первые дни апрельского кризиса. Но точка зрения Лансинга очень уж не соответствовала изменившимся в Петрограде обстоятельствам и потребностям коалиционного кабинета. Переориентация Фрэнсиса, его превращение в сторонника коалиции, уверения в благонадежности соглашательских лидеров, которые он слал в Вашингтон, — все это возымело свое действие. Руководители правительства США поняли, что находящемуся у власти в России кабинету проявленная публично «благосклонность» США в вопросе о проливах может лишь повредить, а идти навстречу ушедшему в прошлое Милюкову бессмысленно. Тем не менее Лансинг был по-прежнему убежден в том, что от Временного правительства надо требовать открытых обязательств продолжения войны. Изменение состава кабинета могло лишь утвердить его в этом на-

---

[14] Телеграмму об отставке Милюкова и назначении Керенского военным министром, а Терещенко — министром иностранных дел Лансинг получил 15 мая н. ст. (PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 66).

мерении. И текст обращения Вильсона отразил те пределы, до которых Лансингу пришлось отступить. В обращении не оказалось упоминания о проливах, но маневр Милюкова увенчался такой «интерпретацией» формулы «без аннексий и контрибуций», которой она была превращена в полную ее противоположность.

Здесь следует отметить, что акт американской правительственной власти и на сей раз оказался соответствующим позиции американской буржуазной общественности. Уже после отправки заявления Лансинг продолжал получать требования об активном противоборстве идущей из России мирной формуле. Их прислали Кеннан, член миссии Рута Россель, один из поддерживавших войну правых социалистов, которые даже превосходили в своем милитаризме буржуазных политиков. Требования эти раздавались в печати. В некоторых ее органах появлялись предложения сформулировать цели войны для поднятия духа русской армии. Так, известный американский историк Чарльз Бирд призывал на страницах «Нью Рипаблик» «убедить» русский народ в том, что мировая война не является «капиталистической войной за колонии, рынки и концессии».[15]

9 (22) мая Лансинг передал Фрэнсису по телеграфу подписанное Вильсоном заявление. Фрэнсису поручалось договориться с Временным правительством о сроке одновременного его опубликования в России и в США.[16] Именно в публичности видели Вильсон и Лансинг смысл своего демарша. А это само по себе свидетельствовало о том, что они усматривали главную опасность не в намерениях нового правительства и его членов, а в его положении и пытались воздействовать на настроения народных масс и позицию соглашательского руководства Исполкома Совета. Обращение должно было обогнать выехавшую в Россию миссию Рута, самый факт его мотивировался тем, что цели США в войне «были в течение нескольких последних недель затемнены ошибочными и намеренно вводящими в заблуждение заявлениями». «Позиция Америки в войне так ясна, — утверждал Вильсон, — что ошибаться относительно нее непростительно. Америка не ищет ни материальных выгод, ни территориальных приращений. Она борется не во имя собственных эгоистических выгод, а за освобождение народов повсюду от агрессии автократической силы». Все противоположные оценки политики США, вскрывающие ее империалистическую сущность, Вильсон объявил инспирированными германской пропагандой в связи с тем, что военное счастье стало Германии изменять. Пытаясь приспособиться к рос-

---

[15] Ch. Lash. The American liberals and the Russian revolution. N. Y. — London, 1962, pp. 34—39.

[16] PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I. pp. 71—73. Американская печать отмечала, что обращение Вильсона предназначено и для воздействия на общественность США (The Literary Digest, 23 июня 1917 г.).

сийской политической действительности, Вильсон даже придавал своему обращению легчайший розоватый оттенок, обрушивая свой гнев на «правящие классы» (!) Германии, которые-де «начали проповедовать такое же свободолюбие и справедливость целей», что и США, но, конечно же, с дурными намерениями.

Поддерживая клеветнические поползновения русской буржуазии объявить все политические силы, борющиеся за мир, агентурой германского правительства, Вильсон туманно писал о «тех, кого оно использует к собственной их погибели, чтобы исторгнуть публичное обещание кончить войну реставрацией status quo ante».[17] Восстановлению довоенного положения Вильсон противопоставлял систему «эффективных изменений», свой план перекройки Европы.

Не упоминая прямо формулы: «мир без аннексий и контрибуций», Вильсон пытался лишить ее смысла, применив систему оговорок, тех же, что фигурировали в недавнем обращении Гомперса. Сущность их сводилась просто-напросто к тому, что все те аннексии и возмещения, которых потребуют после войны Антанта и США, справедливы и обоснованы, возражать же против требований аннексий и контрибуций следует лишь в том случае, когда они предъявляются со стороны центральных держав. Высокопарные и очень воинственные рассуждения о том, что лишь победа союзников может обеспечить прочный и длительный мир, для поддержания которого необходимо создать специальную международную организацию, Вильсон завершил предупреждением против раскола союзнической коалиции и призывом не щадить ни «крови», ни «сокровищ».

Фраза о крови и сокровищах — она фигурировала в обращении дважды — придавала ему с точки зрения Временного правительства совсем уж невозможный для опубликования характер. Было ведь совершенно ясно, что пролитие крови отводилось России, а за Америкой оставались лишь жертвы «сокровищами». Как раз незадолго до того была получена телеграмма Ону, в которой он сообщал о своей беседе с Бальфуром. Английский министр был «весьма удовлетворен результатами своей миссии» и ожидал, что США окажут союзникам «самую реальную и действительную поддержку». Когда же Ону спросил, предполагается ли посылка американских войск в Европу, то хотя Бальфур и упомянул о предполагаемой отправке туда «крупных сил», но подчеркнул, что если они и будут отправлены, то для предварительного обучения. К тому же английский посол в Вашингтоне Спринг-Райс

[17] Кстати сказать, некоторые органы американской печати сообщения из Петрограда и других столиц Антанты по поводу связей большевистской партии с германскими властями с самого начала встретили с недоверием. «Это опрометчивая философия, — писал о большевизме еженедельник „Нэйшн“, — но объяснить ее происхождение германским золотом невозможно» (The Nation, v. 104, № 2706, May 10, 1917).

говорил Ону, что отправка американских солдат в Европу не состоится.[18]

12 мая (ст. ст.) Фрэнсис вручил Терещенко обращение Вильсона, прося заблаговременно сообщить ему дату опубликования, чтобы успеть сделать это одновременно в Америке. Вскоре после передачи обращения Вильсона Терещенко за завтраком в американском посольстве заявил Фрэнсису, что обращение Вильсона (он трактовал его как ответ то ли на ноту Милюкова, то ли на декларацию коалиционного правительства) «удовлетворительно» и «не встречает возражений». Но публиковать его надо вместе с ответами Англии и Франции, — продолжал министр, — а они «для опубликования опасны из-за ссылок на аннексии и могли бы повредить той работе, которую выполняет в настоящий момент на фронте военный министр» (Керенский, как известно, совершал в это время поездку на фронт, готовя наступление).[19]

Трудно сказать, просто ли не понял сначала Терещенко американского обращения, или оно показалось ему приемлемым по сравнению с английской и французской нотами, но очень скоро именно оно стало главным предметом недовольства Временного правительства. 20 мая (ст. ст.) Терещенко после многословных извинений сообщил об этом Фрэнсису, а 22 мая вручил ему «личное и неофициальное» письмо с мольбой об изменении текста ноты.[20] Оно начиналось с панегириков Вильсону, имя которого, по словам Терещенко, было «окружено в России ореолом». Любопытно, что теперь, подлаживаясь, очевидно, под все усиливающиеся требования мира, идущие с разных сторон, Терещенко связывал начало якобы имевшей место широкой популярности Вильсона в России с его старым еще январским призывом к миру без победы. Именно после этого, утверждал Терещенко, «вся русская демократия» окончательно убедилась, что «президент Вильсон является в настоящее время главным и руководящим лидером, способным вести человечество к справедливому всеобщему миру». Помимо лести Вильсону, в этом был и элемент отмежевания от линии Гучкова и Милюкова, которым политика Вильсона была близка в февральские и мартовские дни как раз противоположной ее стороной — курсом на вступление США в войну во имя разгрома Германии, а отнюдь не ради «мира без победы».

Затем следовали клятвенные заверения, что русская армия «очень скоро» снова станет «активной и полезной» для союзников силой, а «все помыслы Временного правительства» направлены

[18] Телеграмма Ону в МИД, 20 апреля (3 мая) 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 139.
[19] Телеграммы Фрэнсиса Лансингу, 31 мая, 3 и 4 июня (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I. pp. 86, 87, 89.
[20] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 89—91.

на то, чтобы «сохранить священное доверие» народа и армии к союзникам. В этом-то деле Временное правительство и просило помощи у Вильсона, уповая на его «глубокий ум и великодушную поддержку». «В настоящий момент такая помощь со стороны президента..., — писал Терещенко, — была бы гораздо более ценной, чем даже его обещание помощи деньгами и военными материалами, которые крайне важны и ценны для нас».

Ссылаясь на «состояние нервного возбуждения, которое господствует в России», и наличие «лиц, всегда готовых неверно истолковать» обращение Вильсона, Терещенко пугал тем, что «некоторые места» обращения могут «возбудить диспуты в среде демократии, которые внесут замешательство в ряды армии, между тем как ей предстоит в ближайшие недели сосредоточить все свое внимание и волю на одном-единственном вопросе подготовки к наступлению». А дальше следовало указание на те места обращения, которые Временное правительство считало неприемлемыми. Прежде всего Терещенко просил снять упоминание о том, что военное счастье начинает изменять Германии. Он объяснял это Фрэнсису просто и цинично: «Правительство пытается восстановить дисциплину, создавая впечатление, будто существует угроза германской победы, которую можно предотвратить лишь с помощью русского наступления». Это было прямое признание в том, что в качестве основы своей политики в вопросе о войне коалиционное правительство приняло метод эксплуатации чувства революционного оборончества.

Терещенко просил снять еще два абзаца — о коварстве «господствующих классов Германии» (он был сочтен опасным из-за того, что именно в нем в замаскированной форме отстаивались аннексии и контрибуции) и о недопустимости восстановления status que ante, а также заключительный абзац с призывом не жалеть крови, в котором вызывали «подозрения» слова: «наступил день сдаться или победить». Терещенко заверял при этом, что само Временное правительство «совершенно согласно» с президентом Вильсоном, но оно «готовит наступление и хочет избежать всего того, что способно возбудить политические дискуссии, особенно в армии».

В сущности, если бы Вильсон удовлетворил просьбу Временного правительства, в тексте его обращения осталось бы всего несколько малозначительных фраз. Но на успех этой просьбы не было никаких шансов. Еще до того как Вильсон и Лансинг узнали о ней, они буквально взбеленились из-за задержки с опубликованием президентского обращения в Петрограде. Одно за другим летели в Петроград категорические требования Лансинга о немедленном опубликовании президентского обращения. Настаивая на своем, Лансинг подчеркивал, что обращение президента США не является ответом на какие бы то ни было документы Временного правительства, и не соглашался ни на какие

изменения.[21] Между тем Бьюккенен и Артур Гендерсон, находившийся в Петрограде английский министр, в поте лица трудились над текстом английской ноты и отправили в Лондон на утверждение третий его вариант. Большие трудности преодолевал и Тома, пытаясь удовлетворить и коалиционный кабинет в Петрограде, и свое собственное правительство. Позиция Терещенко стала как будто более твердой и по отношению к США: 23 мая (5 июня) он заявил Фрэнсису, что «все, исходящее ныне от президента, встречает такие же возражения», как те, что были выдвинуты ранее.[22] Терещенко объяснял свою возрастающую требовательность к тексту американского обращения упрочением положения Временного правительства. Он дал понять Фрэнсису, что 17 (30) мая, когда он согласился с текстом обращения Вильсона, положение Временного правительства было столь тяжелым, что последствия американской декларации вряд ли могли ухудшить дело. А затем уже 20 мая (2 июня), уверял он, наступило «решительное улучшение», и появились опасения, как бы опубликование президентского обращения не повредило коалиционному правительству.[23]

Однако ни одно из этих сообщений из Петрограда не возымело действия в Вашингтоне. Фрэнсис, вначале поддерживавший перед Лансингом просьбы Терещенко, вскоре, как явствует из его телеграмм, усвоил линию Вильсона и госдепартамента и стал, как вспоминал впоследствии Церетели, «точным отражением на-

---

[21] Телеграммы Лансинга Фрэнсису 31 мая, 2 и 3 июля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 86—88.

[22] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 5 июня (н. ст.) 1917 г.: там же, стр. 92.

[23] Там же. — Возможными с нашей точки зрения основаниями для такой стремительной перемены во взглядах Терещенко мог быть известный кронштадтский инцидент этих дней. 16 (29) мая Кронштадтский Совет, вступивший за несколько дней до того в конфликт с Временным правительством, принял резолюцию, в которой указывалось, что по делам государственного значения Кронштадтский Совет вступает в контакт с Петроградским Советом (а не с Временным правительством). Временное правительство и поддерживавшая его буржуазная и соглашательская печать, как известно, восприняли решение Кронштадтского Совета как открытый вызов власти Временного правительства. Урегулирование кронштадтского инцидента силами соглашательских лидеров Исполкома Петроградского Совета потребовало более десяти дней. Однако уже 21 мая (3 июня) Кронштадтский Совет в результате переговоров с делегацией Исполкома Петроградского Совета дал разъяснение, которое должно было удовлетворить Временное правительство (см.: В. Н. Гинев. Кронштадтский инцидент в мае 1917 г. Вопросы истории, 1967, № 5, стр. 214). По-видимому, 20 мая (2 июня), когда Терещенко говорил с Фрэнсисом, соглашение уже наметилось или даже было достигнуто. Фрэнсиса кронштадтские события весьма обеспокоили, тем более что они произошли в разгар американских попыток «восстановить военную мощь России», попыток, которые представлялись ему «успешными» (D. R. Francis. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 126).

строений своего правительства».[24] А Вильсон, словно в издевку, поручил Лансингу «выразить Временному правительству его удовольствие по поводу того, каким образом оно встретило его обращение».[25]

28 мая (ст. ст.) в петроградских газетах вслед за опубликованными накануне английской и французской нотами появилась американская декларация.

Любопытно, что Милюков и Церетели в своих воспоминаниях об этом эпизоде, при всей противоположности в подходе к нему, сходятся в том, что именно декларация Вильсона явилась сильным ударом справа по идеологии революционного оборончества и привела к тому, что ореол Вильсона как «идеолога мира» померк в глазах соглашательских лидеров Совета, все еще упивавшихся старой нейтралистско-пацифистской формулой американского президента о «мире без победы», о которой он сам старался не вспоминать с момента вступления США в войну.

Милюков, неприкрыто издеваясь над своими противниками в Исполкоме и в кабинете, впоследствии писал: «Всего неприятнее для М. И. Терещенко оказался текст американской ноты, в которой Фрэнсис не согласился изменить ни слова. Имя Вильсона у наших радикалов внешней политики пользовалось особым почетом. Разве не заявил президент США, что он желает „мира без победы“ и что перевес одной из сторон неизбежно сделает мир несправедливым и непрочным. Поклонники Вильсона закрывали глаза на тот несомненный факт, что своим вступлением в войну Америка окончательно признала справедливым дело одной из борющихся сторон и тем самым покинула позицию „мира без победы“. Американский ответ на русские отвлеченные формулы должен был выяснить это до конца и, разрушив последние иллюзии, окончательно отнять почву у нового курса внешней русской политики. Вильсон был в этом отношении безжалостен и сразу, в самом начале своей ноты, ударил в самое больное место этого нового курса».[26]

Милюкову прямо-таки казалось, что Вильсон отомстил радикальному Петрограду за его, Милюкова, отставку. В самом деле, вашингтонский апостол почти прямо объявил политику Совета навеянной германской пропагандой. Теперь это было Милюкову едва ли не нужнее, чем поддержка его константинопольского лозунга, и в рассуждениях бывшего министра о затруднительном положении, в которое попал его преемник Терещенко, можно уловить злорадную гордость по поводу того, что палку, встав-

---

[24] И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, кн. I. Paris, MCMLXIII, стр. 353.

[25] Телеграмма Лансинга Фрэнсису, 9 июня (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 96—97.

[26] П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. I, стр. 177.

ленную в колесо коалиционной внешней политики Вильсоном и Лансингом, подталкивал и он, Милюков.

Выдавая вильсоновский тезис о бескорыстии мотивов вступления США в войну за политическую аксиому, Милюков утверждал, что «эта ясность положения Америки и была решительным камнем преткновения для идеологии русского совета». Этот «камень преткновения» заключался, по Милюкову, в том, что «бескорыстная» Америка, не имея никаких империалистических целей, вступила в войну как раз тогда, когда революционно-демократическая Россия заговорила о «разбойнической» войне «империалистических» правительств (Милюков видел в этих своих словах пародию на революционные антивоенные лозунги).

Несмотря на крайнюю пристрастность политических и личных позиций, с которых вел свои рассуждения кадетский экс-министр, в одном с ним можно согласиться. Вильсон действительно не дал соглашательским лидерам Совета и министрам коалиционного кабинета опереться в их софистике на его авторитет. При всех логических мостках, существовавших между вильсоновской военно-демагогической идеологией и российским революционным оборончеством, полного соответствия между ними все же не было, конечно. И по мере того как вильсоновская идеологическая доктрина приобретала все более открыто милитаристский характер, для ее создателей становился неприемлемым уже не только революционный компонент оборонческой идеологии, но и само оборончество как таковое. Американская правительственная пропаганда, в которой президентские послания, обращения и декларации всегда задавали тон, была с момента вступления США в войну настроена на чисто милитаристскую, явно наступательную ноту, и Вильсон ни в чем не собирался от нее отступать даже в обращении, адресованном России.

Именно этого никак не мог даже почти 50 лет спустя простить Вильсону Церетели, объяснявший позицию американского президента незначительностью усилий и жертв США в войне, отсутствием усталости от нее. В изложении Церетели дело выглядело так, что Вильсон, гордившийся выдвинутой им с самого начала войны «программой демократического мира», отнюдь «не находился в оппозиции к принципам, провозглашенным революционной Россией». Разумеется, под «революционной Россией» Церетели понимал революционно-оборонческое большинство Совета. И в 1917 г. в качестве одного из его лидеров, и в 1963 г. как политический мемуарист Церетели нерушимо стоял на том, что «мирная программа» лидера американского империализма Вильсона, с одной стороны, и революционно-оборонческая платформа Петроградского совета, а затем и коалиционного Временного правительства — с другой, в принципе друг другу не противоречили. В скобках заметим, что такая точка зрения Церетели, хотя с ней и нельзя полностью согласиться, тем не менее

представляет интерес для характеристики платформы революционного оборончества, как принадлежащая одному из наиболее ярких и популярных его проповедников. Церетели даже придумал общее название для вильсоновской пропаганды и революционно-оборонческой платформы — «политика демократического мира».[27]

Тем более горьким и глубоким было его разочарование вильсоновским обращением к Временному правительству. Коалиционный кабинет, рассуждал Церетели, только что сделал заявление «о необходимости предпринять шаги для приближения демократического мира». Во всем этом вовсе не было еще признаков немедленного или даже близкого мира. Как подчеркивал Церетели, речь шла лишь об «изъявлении готовности» к мирным переговорам, да и то при условии, чтобы «демократические силы» центральных держав заставили их правительства открыто и безоговорочно отказаться от завоевательных целей. Но Вильсон, сетовал Церетели, «совершенно определенно высказался против политики революционной России», хотя и «знал, конечно, что его послание вызовет со стороны российской демократии самые резкие протесты». Негодуя по поводу попытки Вильсона «свести все международное движение в пользу мира к германской интриге», Церетели с грустью констатирует: «основная идея» обращения Вильсона «состояла в том, что заключение мира до полного военного поражения Германии явилось бы спасением и укреплением германского империализма». Но ведь подобная аргументация в несколько иной форме не была чужда и российскому революционному оборончеству. Например, в одной из первых основополагающих статей «Известий» по вопросу о войне и мире в качестве одного из условий помощи назреванию германской революции выдвигалась необходимость того, чтобы Россия не казалась Гогенцоллернам легкой добычей. Отсюда логически вытекала объективная поддержка руководством Совета военных мероприятий Временного правительства и генералитета.[28]

Эта-то социал-шовинистская сторона революционного оборончества и определила подход Церетели-мемуариста к заявлению Вильсона. Он отнюдь не видел в президенте США представителя враждебного пролетариату класса, главу империалистических сил, максимально заинтересованных в продолжении мировой войны, и лишь критиковал его за непоследовательность чуть ли не как союзника в борьбе против войны. Церетели как бы не мог отделаться от удивления по поводу той непреклонности, с которой Вильсон, совершенно не считаясь «со взглядами аудитории, к которой он обращался», вел в своем воззвании решительную защиту «войны до конца», в то время как «у всех были

[27] И. Г. Церетели, ук. соч., стр. 351—354.
[28] Россия и Германия. Известия, 14 марта 1917 г.

в памяти» его заявления о том, что победа в войне одной из сторон лишь сделает мир непрочным, создав новые очаги войны.

Сопоставление позиции Церетели-мемуариста с непосредственной реакцией на обращение Вильсона основных петроградских газет показывает, что позиция Церетели отразила, по-видимому, тогдашний взгляд наиболее правых петроградских меньшевистско-эсеровских «сфер». Впрочем, хотя «Известия» (так же, как «Дело народа» и «Новая жизнь») предпочитали, критикуя воззвание Вильсона, не напоминать о былой приверженности руководителей «революционной демократии» к словесному миротворчеству американского президента, кадетская «Речь» не преминула заявить об этом во всеуслышание.

Да и в самом отклике «Известий» принципиальная, казалось бы, критика воззвания Вильсона причудливо сочеталась с разочарованием по поводу того, что он взял не тот тон. «Президент Вильсон, — писали «Известия», — ошибается, если думает, что такие мысли могут найти доступ к сердцу революционного народа России».[29]

Громко критикуя воззвание Вильсона, «Известия» были тем не менее весьма далеки от понимания империалистического характера его политики и в сущности лишь призывали президента США идти в ногу с коалиционным Временным правительством.

Следует иметь в виду, что это был такой момент, когда — после образования коалиции — в эсеро-меньшевистской печати была в сильной степени приглушена критика Временного правительства, а об империалистическом характере его политики и вовсе помалкивали. Так, в этой же статье «Известия» утверждали, что на принципе мира без явных или скрытых аннексий и контрибуций с признанием права народов на самоопределение «стоит теперь одинаково твердо и правительство и народ революционной России».

Специальную статью «Вудро Вильсон и „братство народов“» поместила «Новая жизнь». «Категорическое запрещение» Вильсона российской революционной демократии «отговариваться непониманием» целей Америки в войне, саркастически писала «Новая жизнь», может быть «со спокойной совестью отвергнуто».[30] Весьма убедительно вскрывала «Новая жизнь» демагогический характер вильсоновских утверждений о недопустимости насильственного иностранного владычества над любыми народами и передачи территорий из одних рук в другие «иначе как с целью доставления тем, кто ее населяет, справедливой возможности жизни и свободы».

«Где гарантия, — спрашивала газета, — что сама Америка не использует своей бескорыстной позиции, если представится слу-

---

[29] Слово за народами. Известия, 30 мая 1917 г.
[30] Новая жизнь, 30 мая (12 июня) 1917 г.

чай, за счет какой-нибудь державы, раз ей удастся заставить демократию всего мира с помощью пушек и супердредноутов поверить в ее мирные желания дать аннексируемым ею землям „возможность жизни и свободы"?»

Вряд ли можно сказать, что «Новая жизнь» критиковала политику Вильсона «вяло и смущенно», как злорадно утверждала кадетская «Речь». Но в общей оценке нот союзников, которая давалась в этой статье, все же проглядывало, хотя и в более слабой форме, чем в «Известиях», непонимание империалистической природы политики Антанты и США: ответы союзных правительств рассматривались в статье как свидетельство «банкротства господствующих классов» в деле достижения мира, что создавало иллюзию, будто союзные правительства все же к нему стремятся.

Характерной и общей для оценок вильсоновского воззвания различными органами соглашательской прессы являлась их исходная позиция. Ею служил манифест Совета 14 марта. Его революционно-оборонческая сущность определяла собой слабость этой позиции. Критика воззвания Вильсона велась с точки зрения его соответствия или несоответствия положениям манифеста (в этом действительно ощущалась нота разочарования в вильсоновской позиции, ядовито отмеченного «Речью»).

Близкий к левому эсеровскому крылу С. Мстиславский (Масловский), впоследствии видный советский писатель, писал в «Деле народа», что «при быстром, невдумчивом чтении ноты (обращения Вильсона, — *Р. Г.*) может получиться впечатление, будто и нет резкого разноречия между воззванием к народам мира нашего Совета рабочих и солдатских депутатов и заявлением северо-американской республики, ибо в заявлении этом говорится о том, что нет иных целей у союзников, как борьба за свободу, за самоуправление и за независимое развитие всех народов».[31] На самом же деле вильсоновское обращение, писал Мстиславский, просто составлено «в еще более осторожных выражениях, чем ответ англичан, еще более прикрыта в нем хорошими, народолюбием звучащими словами империалистическая[32] сущность». Он весьма резонно считал, что заявление Вильсона совершенно совпадает с английской и французской нотами и подтверждает союзнические требования контрибуций. Мстиславский объявлял совершенно неприемлемыми для революционной России всякие передачи из одних рук в другие территорий с их населением подобно «головам скота» («за три месяца революции мы отвыкли от такого языка»). Статья Мстиславского выглядела вполне интернационалистической, однако основной исходной

---

[31] С. Мстиславский. Ответ Вильсона. Дело народа, 30 мая 1917 г.
[32] В тексте статьи, очевидно, по ошибке вместо слова «империалистическая» напечатано «интернационалистическая».

позицией ее автора оставался Манифест 14 марта со всей присущей этому документу революционно-оборонческой путаницей, хотя как профессиональный военный (он был полковником Генерального штаба) Мстиславский сейчас же после принятия манифеста публично указал на полную бессмысленность с военной точки зрения лозунгов «обороны» и призывов «пока стоять на месте».[33]

Право-оборонческую реакцию на ноты союзников отразила «Рабочая газета». Она заявляла, что «соглашение возможно только в том случае, если союзники согласятся прямо и открыто выбросить за борт свой старый империалистический груз».[34] Но с наибольшей определенностью и даже категоричностью «Рабочая газета» требовала ни в коем случае не порывать с союзниками. Поскольку в английской и французской нотах содержалось согласие на пересмотр прежних междусоюзнических соглашений, «Рабочая газета» предлагала для этого созыв конференции союзников. На этой конференции Временное правительство должно было, по замыслу «Рабочей газеты», объяснить союзникам, что отступить от провозглашенной программы мира перед лицом революционных масс для него невозможно. Перед своей партией «Рабочая газета» ставила задачу объяснения этого же обстоятельства «демократии» союзных стран, подготовки натиска пролетариата на союзные правительства. Это «заставит их быть сговорчивыми», уверяла «Рабочая газета».

Как бы ни оценивать статью «Рабочей газеты» — как откровенное признание того, что мирная программа провозглашена под давлением революционных масс, что соглашательские «сферы» видят в ней неизбежное средство для сохранения своего влияния в массах, или как предлагающую тактическую линию поведения перед союзниками, — так или иначе она представляла собой образец социал-шовинистского политиканства, а не пролетарской интернационалистской политики. Специального упоминания о вильсоновском обращении в «Рабочей газете» не было, вероятно, потому, что в правых меньшевистско-оборонческих кругах, связанных с «Рабочей газетой», не считали нужным выражать по этому поводу разочарование.

Не случайно кадетская «Речь» в своем обзоре откликов петроградской печати на союзные ноты, всячески выделяя вопрос о вильсоновском обращении, особенно ехидничала по адресу «циммервальдского Бедлама». «Вслед за Англией и Францией, — писала «Речь», — подвергается теперь разносу и наш новый союзник, Соединенные Штаты, за заявление того самого Вильсона, которого до сих пор так превозносили наши циммервальдисты за его „мир без победы“».[35]

---

[33] Дело народа, 18 марта 1917 г.
[34] Рабочая газета, 28 мая 1917 г.
[35] Речь, 31 мая (13 июня) 1917 г.

«Вот вам ваш Вильсон, он не с вами, а с нами», — как бы говорили кадеты исполкомовским лидерам, требуя от них прекратить заигрывания с идеей мира и перейти к поддержке лозунга войны до победы.

В намеренном сведении круга меньшевистских и эсеровских лидеров, обольщенных было прежней вильсоновской демагогией и потому теперь разочарованных, к циммервальдцам сквозило явное стремление кадетского печатного органа не задевать наиболее правого социал-шовинистского крыла исполкомовских и околоисполкомовских политиков.

Любопытно, что «Речь» опиралась при этом на статью «Урок нот союзников» в «Дне», принадлежавшую перу эсера С. А. Кливанского. Статья эта представляла собой весьма реалистическую самооценку и признание кризиса соглашательства в области внешней политики. Признавая бесплодность меньшевистско-эсеровских призывов, воззваний и деклараций, обращенных во все стороны, Кливанский писал: «...трезвые политики за границей присмотрелись к тому, что у нас происходит, и сделали свои выводы». «С демократической Россией, — продолжал он, — заговорили так, как не осмеливались говорить с царской Россией. Можно по этому поводу негодовать, можно наговорить множество жалких слов, можно громить буржуазию, можно попытаться замолчать или заговорить правду — это дело вкуса, но шила в мешке не утаишь... Америка нас наставительно поучает, что фразы не доведут до доброго конца».[36]

«Речь» не упустила возможности поиздеваться и над «Днем», который-де только «вчера» и притом очень торжественно объявил себя «газетой социалистической», а на следующий день опубликовал статью Кливанского, дававшую-де «сильную отповедь» циммервальдизму.

«Известия» ответили «Речи» протестом от имени Совета, резким по форме, но ясно обнажившим сущность соглашательства в сфере внешней политики. «Оказывается, — писали „Известия“, — есть на Руси люди — и притом из числа патентованных патриотов, — которые необычайно обрадованы ответными нотами союзных держав и в особенности посланием президента Вильсона. По крайней мере кадетская „Речь“, орган г. Милюкова, скачет и играет по тому случаю, что иностранная политика Совета рабочих и солдатских депутатов потерпела крушение».[37]

«Известия» отвергали утверждения «Речи» об одобрении, с которым прежде относились лидеры Совета к вильсоновским лозунгам («революционная демократия никогда не питала этих смешных иллюзий...»). Но главный аргумент «Известий» состоял в том, что «иностранная политика Совета» есть вместе

---

[36] День, 30 мая 1917 г.

[37] Преждевременная радость. Известия, 31 мая 1917 г.

с тем политика коалиционного Временного правительства, а Милюков, которого так вовремя «ушли» из правительства, «хочет бросить еще палки в колеса той политики мира, которую решило последовательно проводить правительство после его ухода». Таким образом, отвечая «Речи», «Известия» в сущности подтвердили, что соглашательские лидеры плетутся в хвосте буржуазной политики, что защита коалиционного правительства, которое они считают способным добиться мира, стоит у них чуть ли не на первом месте.

Независимо от кадетских насмешек газетная схватка в Петрограде по поводу вильсоновского обращения означала, что роман меньшевистско-эсеровских исполкомовских лидеров с заокеанским проповедником благозвучных миротворческих принципов, наметившийся было на почве вильсоновского лозунга «мир без победы», пришел к концу. Инициатором разрыва был Вильсон: явственно прозвучавший в его обращении чисто милитаристский мотив не оставляет в этом сомнений.

В целом же эпизод с нотами союзников и обращением Вильсона, представлявший собой начало внешнеполитической деятельности коалиционного правительства, обернулся для него неудачей на внутриполитической арене — а она-то и была для него главной. Обращение Вильсона сыграло в этом не последнюю роль. Основная установка буржуазных и социалистических министров, соглашательских лидеров Совета, состоявшая в том, что путем переговоров с союзниками можно придать целям войны демократический характер, провалилась. Империалистическая сущность политики союзников стала еще более очевидна, чем прежде. А это неизбежно компрометировало в глазах народных масс и политику Временного правительства, поскольку оно оставалось верным партнером своих союзников.

Совершенно точную и полную оценку случившемуся дал ЦК РСДРП(б) в специальной резолюции по поводу нот Англии и Франции от 11 и 13 мая, принятой для внесения в Исполком Совета. В ней подчеркивалось, что ответы союзников на обращение Временного правительства еще и еще раз устанавливают нежелание империалистической буржуазии «союзных» стран стать на точку зрения мира без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение.[38]

Резолюция ЦК большевиков коренным образом отличалась от всех выступлений представителей партий меньшевиков и эсеров. В ней отмечалось не только стремление западных империалистов «продолжать войну вплоть до осуществления их захватных целей», но и их намерение «в союзе с русской буржуазией превратить русскую армию в пассивное орудие этой политики затягивания мировой бойни, международного грабежа и насилия над

[38] Правда, 13 июня (31 мая) 1917 г.

народами». «Потерпела полное крушение, — говорилось в резолюции, — политика коалиционного Временного правительства, обещавшая привести страну к миру путем дипломатических переговоров с империалистическими правительствами Англии и Франции и склонения этих правительств к отказу от их захватных стремлений. Циничными заявлениями „союзных" империалистов об их захватных стремлениях сорван покров с усвоенного коалиционным правительством лозунга „наступления"».[39]

Нам представляется, что содержание резолюции ЦК большевиков по поводу союзных нот отразило в себе мысли В. И. Ленина, развитые им в лекции «Война и революция» 14 (27) мая. Словесные фокусы с лозунгом об отказе от аннексий и контрибуций — кто бы к ним ни прибегал, российские оборонцы или лидеры союзных стран — оказались полностью разоблаченными в ленинской лекции. «Когда мы спорим об аннексиях, — говорил В. И. Ленин, — мы постоянно встречаемся с приемами, с научной стороны не выдерживающими никакой критики, а со стороны общественно-публицистической — приемами, которые нельзя назвать иначе, как грубым обманом. Спросите вы русского шовиниста или социал-шовиниста, и он вам превосходно объяснит, что такое аннексия со стороны Германии, — он великолепно это понимает. Но он никогда не ответит вам на просьбу дать такое общее определение аннексии, чтобы оно подходило и для Германии, и для Англии, и для России. Никогда он его не даст!».[40]

Это прямо било по основному тезису американской пропаганды в России, тем более что, специально остановившись на вступлении США в войну, В. И. Ленин подчеркнул, что «высокие идеалы борьбы за права малых народностей», о которых говорят в Америке, лишь предлог и прикрытие для достижения в войне империалистических целей.[41]

Такова была подлинно марксистская оценка позиции США в войне, несовместимая ни с какими социал-шовинистскими иллюзиями на этот счет.

Разумеется, реакция эсеро-меньшевистских кругов на ответы союзников и, в частности, на обращение Вильсона была, как и само предшествовавшее обольщение этих кругов вильсоновской политикой, порождена общим оппортунистическим характером позиций этих партий в вопросе о войне и мире. Нельзя не учитывать и того значения, которое имели антиамериканские настроения масс, проявившиеся в упоминавшихся попытках антиамериканских выступлений, хотя руководящая роль в этих выступлениях и принадлежала анархистам. В свою очередь при существовавшем еще тогда эсеро-меньшевистском преобладании

---

[39] Там же.
[40] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 85.
[41] Там же, стр. 98.

в Советах, при широкой распространенности в массах идей революционного оборончества публичное и даже демонстративное осуждение вильсоновской политики в эсеро-меньшевистской печати не могло не повлечь за собой резкого усиления критического отношения революционно-демократических низов к империалистической Америке.

Вскоре это проявилось весьма ясно. Более того, под влиянием разоблачения большевистской партией империалистической сущности американской политики в России и самой природы американского империализма отношение народных масс к капиталистической Америке отразило в себе общий рост их классового сознания.[42]

Фрэнсис, однако, не захотел или не сумел этого понять отчасти, может быть, потому, что подобно прежней своей ориентации на Милюкова он теперь полностью доверился Терещенко, едва тот стал министром иностранных дел. Они договорились о ежедневных встречах и стали «близкими друзьями».[43] Беседы с Терещенко, как раньше беседы с Милюковым, стали основным источником информации американского посла. Успокаивая посла, Терещенко возлагал в беседах с ним большие надежды на Керенского. Между тем сам он, по-видимому, довольно рано потерял веру в успехи военного министра, но признался в этом Фрэнсису лишь в октябре 1918 г., когда они встретились в оккупированном белогвардейцами и интервентами Архангельске.[44]

На первом месте в беседах Фрэнсиса с Терещенко стоял, конечно, вопрос о повиновении армии Временному правительству и ее боеспособности. Истерические приказы Керенского о вычеркивании из списков армии всего личного состава отказавшихся повиноваться частей с оглашением фамилий исключенных во всех армейских соединениях Фрэнсис считал радостными признаками крепнущей силы Временного правительства. «Эта первая решительная демонстрация власти радует: она показывает, что правительство становится уверенней в своей силе», — телеграфировал он в Вашингтон 6 июня (н. ст.). 8-го он подтвердил, что «правительство приобретает доверие и набирает смелость».[45]

---

[42] Мы останавливаемся лишь на некоторых выступлениях большевистской прессы, посвященных роли США в войне и их политике в России, поскольку недавно появилось специальное исследование об этом предмете, к которому мы и отсылаем читателя: Х. М. Астрахан. Из истории борьбы большевистской партии против внешних врагов социалистической революции. (Партийная публицистика 1917 года об американском империализме). В кн.: КПСС в борьбе за социализм и коммунизм. Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. История КПСС. Вып. VIII, Л., 1968.

[43] D. R. Francis. Russia from the American Embassy, p. 119.

[44] Там же.

[45] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 93—95.

Керенскому Фрэнсис сочувствовал теперь безоговорочно, отвергая даже сопротивление ему справа. Так, когда генерал Гурко, командующий одним из фронтов, в знак протеста против действий военного министра, вынужденного считаться с элементами демократизации армии, подал в отставку и Керенский, громогласно осуждая его, назначил его командиром дивизии, Фрэнсис и этот приказ счел демонстрацией «растущей силы правительства». Наряду с этим, впрочем, он обратил внимание на сообщение Терещенко о том, что вышедший в отставку Гучков занят организацией сил «владельцев промышленности» и «предпринимателей вообще» — «тех, кого социалисты называют буржуазией».[46]

В результате всего этого Фрэнсис (если судить по опубликованным его депешам) не придал большого значения откликам печати на вильсоновское послание и не извлек из них сколько-нибудь существенных для американской дипломатии политических выводов.[47]

Тем временем Моррис из Стокгольма, как это было и в марте, рисовал перед Лансингом политическую ситуацию в России в весьма мрачных красках. Проезжавшие через Стокгольм различные лица сообщали ему, что в рядах Временного правительства «мало единства», «положение дел в России весьма неудовлетворительно» и «становится более серьезным» из-за «рабочих волнений и общей неурегулированности экономических и других вопросов по всей стране».[48]

Фрэнсис же накануне приезда в Петроград миссии Рута и июньского политического кризиса оказался почти так же успокоенным, как и перед апрельскими событиями.

Это отразилось самым непосредственным образом на действиях миссии Рута.

■

Миссия прибыла морем во Владивосток 21 мая (3 июня). Легко себе представить, как огорошены и шокированы были Рут и его спутники, когда, высадившись на берег ранним утром, они увидели перед собой группу людей в рабочей одежде во главе с механиком, «выглядевшим так, словно он только что вылез из-под машины», и услышали его вопрос, обращенный к переводчику: «Чего хотят эти люди?» Им предстояло, однако, удивиться еще больше и воочию, на собственном опыте, убедиться

[46] Телеграммы Фрэнсиса Лансингу 6 и 9 июня (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 94, 96.

[47] «Социалистические газеты еще критикуют послание президента», — таково единственное известное нам его упоминание об этом (телеграмма Лансингу, 14 (15) июня (н. ст.) 1917 г.: там же, стр. 117).

[48] Телеграмма Морриса Лансингу, 9 июня (н. ст.) 1917 г.: там же, стр. 96.

в существовании двоевластия, когда Исполнительный комитет Владивостокского Совета — группа людей именно его собой и представляла, — посовещавшись на месте, дал разрешение на высадку американской миссии, которая была — со всей церемонностью и соблюдением протокола — приглашена Временным правительством.[49]

Обещание Хилквита и Бергера сообщить в Россию о том, какой политической репутацией пользуется в США Рут, не осталось пустым звуком. Перед отъездом миссии из США в американской печати появились статьи о том, что Рут в бытность государственным секретарем был причастен к высылке из США русских политических эмигрантов. В России стало об этом известно от революционеров, возвратившихся из США. Потом, когда миссия уже прибыла, Лансинг в ответ на тревожную телеграмму Фрэнсиса прислал специальное опровержение, но накануне приезда Рута Владивостокский Совет (через Владивосток возвращались многие из бывших русских эмигрантов) рассматривал вопрос о том, пропускать или не пропускать американскую миссию в Петроград. Вернувшиеся за несколько дней до того из США «эмигранты крайнего социалистического типа», как называл их Рут, требовавшие недопущения американской миссии, по его словам, не собрали большинства.[50] Как видно из отчета миссии Рута, американцы по приезде довольно быстро обнаружили, что власть Временного правительства отнюдь не неоспорима и не повсеместна, и выразили это в рассуждениях об «экстраординарной децентрализации», установившейся после революции, в противовес «централизованной власти старого бюрократического правительства».

Однако, прибыв в Петроград и ознакомившись с политическим положением в столице, миссия Рута могла бы взглянуть на характер власти Временного правительства шире, принимая во внимание не только степень ее централизованности, но и прежде всего сущность двоевластия. Мы не склонны согласиться с биографом Рута Джессупом, считающим, что Рут и его спутники вовсе не поняли внутренней слабости самого Временного правительства и отстаивавшегося им политического режима.[51] Отчет миссии Рута, представленный Вильсону, как мы ниже покажем, не подтверждает этого. Но то обстоятельство, что Рут и его миссия сразу же попали в орбиту Фрэнсиса (консул Уиншип не принадлежал, по-видимому, к кругу приближенных к Руту лиц), отсутствие у миссии сколько-нибудь реальных контактов

---

[49] Ph. C. Jessup. Elihu Root, v. II. Archon books, 1964, p. 353.

[50] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 5 июня (н. ст.) 1917 г.; телеграмма Лансинга Фрэнсису, 12 июня (н. ст.) 1917 г.; Отчет миссии Рута, август 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 114—115, 131.

[51] Ph. C. Jessup, ук. соч., стр. 363.

с демократическими слоями, не говоря уже о чисто пролетарских, при том, что источники информации Рута относились, как правило, к буржуазным или право-соглашательским партиям и группам,[52] — все это возымело свое влияние, и особой политической проницательности Рут и его спутники сразу же по приезде в Петроград не проявили. В сущности они следовали по указывавшемуся Фрэнсисом фарватеру и сами это признавали. «Политика миссии ... была политикой м-ра Фрэнсиса, методы, которых она придерживалась, были методы м-ра Фрэнсиса», — говорилось в отчете миссии.[53] Но, вернувшись из России, Рут и его спутники проявили в своем отчете известную способность к анализу российской политической действительности с точки зрения интересов американского империализма и его «русской» политики.

Рут и члены его миссии пробыли в Петрограде почти месяц — с 31 мая (13 июня) до 26 июня (9 июля).[54] Фрэнсис сразу же принял меры к тому, чтобы, елико возможно, сблизить их с министрами Временного правительства. В качестве «самого эффективного» средства он решил устраивать у себя ежедневные завтраки. Рут завтракал у американского посла с министром-председателем Временного правительства Львовым и министром иностранных дел Терещенко на следующий же день после приезда, затем в составленном Фрэнсисом графике значились встречи Бертрона и Мак-Кормика с министром финансов Шингаревым, Керенского как военного министра — с генералом Скоттом и адмиралом Гленноном и, наконец, «социалистических членов правительства» — с Данкеном и Росселем.[55]

А затем начались бесчисленные высокопарные речи и бесконечные разговоры, составлявшие основную форму деятельности Рута и его спутников. Все речи произносились и разговоры велись на основе простейшей трехчленной формулы, которая, как казалось новоиспеченным послам, совершенно исчерпывала дело. Решено было, во-первых, пропагандировать буржуазно-демократический лозунг «свободного самоуправления», во-вторых, «вселять

---

[52] Барон Р. Р. Розен, бывший русским послом в Вашингтоне в 900-х годах, считал миссию Рута обреченной на неудачу, и самый замысел ее объяснял лишь тем, что правительство США безнадежно заблуждалось относительно положения в России. Причиной этого заблуждения он считал общую для дипломатических представителей Антанты в Петрограде ошибку — доверчивое отношение к русской прессе и «партийным лидерам». Это была критика из российских правых кругов, обостренная тем, что Розену было отказано в возможности изложить перед членами миссии Рута свой взгляд на российскую политическую действительность (Baron Rosen. Forty years of Diplomacy, N. Y., 1922, p. 237).

[53] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 154.

[54] Деятельности миссии Рута посвящена статья А. Е. Иоффе «Миссия Рута в России в 1917 г.» (Вопросы истории, 1958, № 9). Отсылая к ней читателя, мы стараемся избегать повторения приводимых в ней фактов.

[55] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 14/15 июня (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 117.

веру во Временное правительство и сознание того факта, что путь к порядку лежит через поддержку этого правительства», и, в-третьих, настаивать на «эффективном продолжении войны», подчеркивая, что «только таким способом Россия может защитить от германского господства возможность выработки условий своей свободы».[56]

В сущности эти три пункта, представлявшиеся американцам универсальным пропагандистским средством, лишь повторяли тезисы послефевральской буржуазной пропаганды, они достаточно надоели в России тем, к кому были обращены, и вряд ли могли теперь в устах приехавших американцев возыметь успех. К тому же, распределив между собой в порядке «определенного разделения труда» различные по социальному составу аудитории, члены миссии Рута не сумели позаботиться о том, чтобы разнообразить содержание своих выступлений.

Понятно, что Крэйну и Мотту, которым были поручены встречи с представителями православной, старообрядческой церквей и других религий, не стоило большого труда добиться «самых радостных успехов». Перед банкирами и промышленниками выступали по трехчленной формуле Бертрон и Мак-Кормик. Сам Рут взял на себя выступления в официальных кругах и буржуазных общественных организациях, очевидно, призывая к доверию Временному правительству справа.

Совсем иначе обстояло дело у генерала Скотта и адмирала Гленнона, выступавших перед солдатами и матросами, и у Данкена с Росселем, которым были поручены пролетарские и партийно-социалистические аудитории. Никакого контакта с революционными массами России у миссии Рута не могло получиться и не получилось. Впрочем, американцы и сами побаивались выступлений перед революционными пролетарскими аудиториями. Ни на одном из петроградских заводов члены миссии, насколько нам известно, не выступали, да и не пытались, по-видимому, это делать. Данкен свел несколько своих речей к рассказам об успехах американских реформистских профсоюзов. Россель ограничивался обращениями к «умеренным социалистам», как прямо было сказано в отчете миссии Рута. Его положение было особенно затруднительным: вслед «делегату американских социалистов» в Петроград была отправлена из США телеграмма об исключении его из партии за милитаристскую пропаганду. И хотя Уоллинг и другие «лидеры американских социалистов, одобряющих войну», лично явились в Нью-Йорке к представителям Временного правительства, утверждая, что исключение Росселя является «недействительным», и обещая «пересмотр дела»,[57] их аттестация, передан-

---

[56] Отчет миссии Рута: там же, стр. 144.

[57] Телеграмма Ону в МИД, 1 (14) июня 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 229.

ная по дипломатическим каналам, вряд ли могла принести Россслю пользу.

Между тем у Росселя были в России большие планы: в отличие от других членов миссии Рута он осознал роль Советов и собирался посвятить себя борьбе с большевистским влиянием в них, отложив ради этого свое возвращение в Америку. Он обратился с этим предложением к Лансингу, но Фрэнсис воспротивился этому, написав государственному секретарю, что он «может причинить беспокойство».[58]

11 июня Россель выступил на Первом Всероссийском съезде Советов, призывая к наступлению и уверяя, что в США «рабочие и вся демократия объединились» для поддержки войны.[59] В преддверии июньского кризиса все это звучало на съезде, по свидетельству присутствовавшей там американской журналистки Бесси Битти, довольно бессмысленно.[60] Чхеидзе в ответном слове приветствовал не только американский пролетариат, но и «великую американскую демократию».[61]

Через несколько дней после своей речи Россель явился в редакцию «Правды». Однако А. М. Коллонтай по поручению редакции отклонила просьбу Росселя о свидании с редакторами. А после ухода Росселя П. Стучка принес телеграмму из США об исключении Росселя из партии. Опубликование в «Правде» сообщения об этом эпизоде привело к еще большей изоляции миссии Рута от революционных массовых организаций.[62] А еще через несколько дней только что вернувшись из американской эмиграции члены Латышской федерации Социалистической партии Америки на страницах «Правды» назвали самозваной речь Росселя на Съезде Советов, заклеймив его как ренегата и лакея американских денежных тузов и подтвердив весть о его исключении из партии.[63] Росселя компрометировала самая его принадлежность к миссии Рута. Американская журналистка Бесси Битти свидетельствует, что в кулуарах Съезда советов вернувшиеся из США эмигранты заявляли: «Рут приехал, чтобы заставить вас воевать. Ему нет никакого дела до революции. Он капиталист, адвокат корпораций, узколобый реакционер. В США он враг рабочих».[64]

Славословия буржуазной печати, восторги представителей Временного правительства и нарочитые знаки внимания с его стороны к Руту и другим членам миссии (из Владивостока

---

[58] W. Williams. Raymond Robins and Russian-American relations 1917--1938. A thesis submitted to the Graduate School of the Univ. of Wisconsin..., 1950, p. 52.
[59] Единство, 13 июня 1917 г.
[60] B. Beatty. The Red Heart of Russia. N. Y., 1919, p. 39.
[61] Единство, 13 июня 1917 г.
[62] Указали на дверь. Правда, 15 июня (ст. ст.) 1917 г.
[63] Правда, 1 июля (18 июня) 1917 г.
[64] B. Beatty, ук. соч., стр. 34—35.

в Петроград их везли в царском поезде, поселили в Зимнем дворце, и Рут с самодовольным видом фотографировался за столом Екатерины II), — все это лишь вредило репутации миссии Рута в глазах масс.

«Общественное мнение оставляет миссию почти без внимания», — сообщил Терещенко Бахметеву после приезда Рута и его спутников в Петроград.[65] Так выглядело это и в дальнейшем. Очень скоро и в Америке стали отдавать себе отчет в том, что пропагандистский замысел осуществить не удается. Выражая Руту сочувствие, еженедельник «Нэйшн» писал: «Ему приходится преодолевать мнение о том, что наши уполномоченные приехали в Россию для содействия нашим собственным интересам... Он выступает в столице, где были проведены антиамериканские демонстрации на том основании, что Америка, как самая „капиталистическая" изо всех современных наций, неизбежно враждебна интересам социал-демократии России».[66]

Американское паблисити, которое хотела сделать себе миссия Рута в России, не удалось.[67] Причины этого были двоякого происхождения. С одной стороны, они были связаны с тем, что милитаристская пропаганда США вызывала в народных массах революционной России все более усиливавшееся недоверие и крепнувший протест, подобно тому как обстояло дело с официальными заявлениями Временного правительства и всей буржуазной пропагандой российского и союзнического происхождения. Описанная выше реакция руководящих кругов Совета и меньшевистско-эсеровской прессы на обращение Вильсона явилась своеобразным отражением этого. Разумеется, такой оборот умонастроений в России можно было предвидеть и учесть при подготовке миссии Рута. Но в том-то и было дело, с другой стороны, что миссия Рута была подготовлена совершенно нерационально с точки зрения интересов эффективности ее пропагандистских действий в России. Чисто «охранительное» стремление к подбору членов миссии по принципу наибольшей благонадежности возобладало над соображениями элементарной целесообразности. В этом была своя логика. Классовая природа империалистической политики США по отношению к России требовала, чтобы политика эта делалась чисто империалистическими руками. Вильсоновское предостережение — «быть осторожным» и «не послать социалиста», подтвержденное карикатурностью «социалистических» фигур Росселя и Данкена, выразило это с предельной ясностью.

---

[65] Телеграмма Терещенко Б. А. Бахметеву, 1 июня (ст. ст.) 1917 г.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 2, М.—Л., 1957, стр. 460.

[66] The Nation, v. 104, № 2712, June 21, 1917.

[67] Б. Бити весьма выразительно описывает, как Рут добивался контроля над сообщениями журналистов о деятельности своей миссии (B. Beatty, ук. соч., стр. 37—38).

Впрочем, актеры социалистического амплуа были в сущности противопоказаны тому пропагандистскому сценарию, который был намечен миссией Рута. Недаром речи Росселя при всей «социалистической умеренности» его самого и аудиторий, к которым он обращался, вызвали требование Фрэнсиса убрать «социалистического делегата»: Россель в своих речах, призывая к продолжению войны, тут же пренебрежительно отзывался о Временном правительстве.[68]

Чисто практические последствия всего этого язвительно и метко охарактеризовал приехавший в Петроград вскоре после отъезда миссии Рута Рэймонд Робинс. «Рут был в революционной России желанным, как чума, он вызывал такой энтузиазм, какой вызвал бы ярый протестант, возглавивший народный парад в Дублине», — писал Робинс Теодору Рузвельту.[69]

Не менее определенное мнение составил себе на основе рассказов адм. Гленнона морской министр Дэниэльс. «Я узнал, — писал он в своих мемуарах, — что предубеждение против Рута получило такое широкое распространение, что склонить на свою сторону народные массы России он не смог». «Люди, которым предстояло сделать Россию большевистской, настолько отравили разум русских, что добрые семена, которые сеял Рут, падали на каменную почву», — сетовал Дэниэльс.[70]

Бесперспективность пропагандистской деятельности членов миссии Рута усиливалась категорическим запретом Вильсона касаться той темы, которая только и могла найти отзвук в российской аудитории, — вопроса о целях войны и условиях мира, которых добиваются Соединенные Штаты.[71]

Единственным, в чем миссия Рута в какой-то мере преуспела, оказалась всесторонняя политическая и экономическая рекогносцировка. Ею Рут и его подчиненные, поняв, очевидно, что их собственная пропагандистская миссия не удается, занимались с особенной тщательностью.

В соответствии с намеченным планом шли официальные переговоры членов американской миссии с различными ведомствами Временного правительства. Генерал Скотт, полковник Джадсон, подполковники Миши и Мотт, майор Паркер в дополнение к пере-

---

[68] Ch. Lash, ук. соч., стр. 43.

[69] Письмо Робинса Рузвельту, 24 августа 1918 г.: Ph. C. Jessup, ук. соч., стр. 366. — Напомним, что ирландцы — ревностные католики, и религиозная рознь составляла одну из основ англо-ирландских противоречий.

[70] J. Daniels. The Wilson Era. Years of war and after. 1917—1923. Chapel Hill, 1946, p. 60.

[71] Запрет этот, посланный телеграммой в Петроград, сопровождался фразой о том, что «президент и сам воздерживается от таких заявлений до тех пор, пока обстоятельства коренным образом переменятся» (телеграмма Лансинга Фрэнсису для Рута, 27 июня (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 127).

говорам, которые они вели с Генеральным штабом, провели «фактическое инспектирование условий на русском фронте от Тарнополя до Румынии».[72] Адмирал Гленнон, кроме переговоров с морским ведомством, успел побывать на всех трех театрах морской войны России — на Балтийском, Черноморском флотах и в Архангельске. Целые «серии» продолжительных переговоров с Министерством финансов проводили Бертрон и Мак-Кормик. Их снабдили обильным документальным материалом о финансовом положении и финансовых нуждах России.

Основные свои сведения о положении в России Рут и его подчиненные черпали, однако, в неофициальной сфере. Одновременно с официальными переговорами члены миссии, как указывалось в ее отчете, «стремились получить правильное представление о действительном положении дел в России с помощью большого числа интервью с людьми различных занятий и политических и деловых связей».

Каждый из членов миссии проводил определенное число таких интервью. Они проводились с представителями различных классов, социальных и политических групп, политических партий. В своем отчете миссия Рута утверждала, что этим своеобразным обследованием были охвачены депутаты Думы, министры Временного правительства первого состава (очевидно, имелись в виду Гучков и Милюков), бывшие царские министры, депутаты Советов, рабочие, крестьяне, солдаты, матросы, офицеры, казаки, священнослужители различных религий, представители земских органов и буржуазных общественных организаций. Специальные встречи проводились с петроградскими военными и дипломатическими представителями стран Антанты, в том числе Гендерсоном и Тома. Ежедневно члены миссии собирались для сопоставления полученной ими информации.

Во всей этой планомерной рекогносцировочной деятельности были тем не менее существенные, если не роковые недостатки с точки зрения поставленных перед миссией политических задач. Включив в свое обследование «умеренных социалистов» и «крайних интернационалистов и анархистов», американцы встретили отпор, когда попытались вступить в контакт с редакцией Центрального органа большевистской печати. Биограф Рута Джессуп признает большим упущением Рута и членов его миссии то обстоятельство, что они не общались с большевиками, не видели Ленина и не слышали его выступлений.[73] В действительности дело было не только в этом: противоестественный контакт Росселя с редакцией «Правды», если бы он и состоялся, вряд ли помог бы миссии Рута составить себе правильное представление о подлинных источниках и размерах влияния большевистской

[72] Отчет миссии Рута: там же, стр. 134.
[73] Ph. C. J e s s u p, ук. соч. стр. 363.

партии. Правильно понять общее положение в России и перспективы его развития мешали миссии Рута как ее собственная классовая природа, так и политическая среда, в ближайшем окружении которой миссия действовала. Заинтересованные в разного рода американской экономической помощи, в финансовом и политическом кредите у правительства США, министры и другие должностные лица Временного правительства, представители различных буржуазных общественных организаций непрестанно заверяли миссию Рута в устойчивости существовавшего общественного порядка и самого Временного правительства. На прочности положения Бременного правительства настаивал в беседах с членами миссии Рута и Фрэнсис.

Созданию у членов миссии Рута правильных представлений о российской политической действительности несомненно препятствовали сложность и запутанность политической обстановки и особенно непрерывные ее изменения. Первоначальные представления о двоевластии перестали соответствовать действительности тогда, когда их только-только усвоили лишь самые восприимчивые из американских наблюдателей. Как это ни парадоксально, теперь, по мере эволюции меньшевистско-эсеровского руководства Советов по пути соглашательства, дело шло к тому, что те американцы, которые игнорировали Петроградский Совет с самого начала его существования, могли оказаться со своей точки зрения правы. Во всяком случае, когда Россель настаивал на том, что Советы обладают реальной властью, а все остальные члены миссии объявляли его из-за этого чуть ли не сумасшедшим,[74] считая Временное правительство полновластным хозяином положения, спор этот не так легко было разрешить, оставаясь на той позиции, которую занимали все его участники. Репрессивные меры Временного правительства на фронте и в тылу, рекламировавшиеся перед правительством США и миссией Рута при активном участии Фрэнсиса, произвели впечатление на буржуазных членов миссии.

При этом американцы ясно понимали, что все эти действия Временного правительства стали возможными лишь ввиду той позиции, которую занимало соглашательское руководство Советов. «Временное правительство представляется прочным», — телеграфировал Рут вскоре после приезда, хотя тут же он отмечал, что «обстановка здесь критическая», «общее мнение в Петербурге очень пессимистично, промышленное и финансовое положение плохо». Причину прочности Временного правительства Рут видел в том, что «в настоящее время против него не ведется явной агитации».[75] (Агитацию «крайних социалистов» — так называл Рут большевиков — он еще игнорировал).

---

[74] Ch. Lash, ук. соч., стр. 43.
[75] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 121.

Россель же, по-видимому, как и генконсул Уиншип, рассматривал июньские политические события сквозь призму прежних представлений о двоевластии. Причем представления эти носили характер весьма извращенный, как можно заключить из донесения Уиншипа от 3 июля (н. ст.), охватывающего Первый Всероссийский съезд Советов, эпизод с захватом дачи Дурново и июньскую демонстрацию. С точки зрения Уиншипа в России уже чуть ли не существовала диктатура пролетариата. «Принятая Съездом советов резолюция о войне, — писал он, — для нынешнего Временного правительства обязательна, так как „буржуазные" министры должны либо исполнять желания солдат и рабочих (как это уже делает г-н Терещенко), либо уйти и тем самым заменить нынешнюю замаскированную диктатуру пролетариата открытой».[76] При таком подходе к делу неудивительно, что сама резолюция о войне, в действительности во многом ошибочная и слабая, представлялась Уиншипу «ясным и энергичным заявлением о нынешних намерениях всемогущих солдат и рабочих». Он рассматривал ее как призывающую народы Антанты и США не только оказать давление на свои правительства в вопросе о войне, но и свергнуть эти правительства. Допуская явную натяжку, он утверждал: «Подстрекательство к восстанию против законно избранных правительств в Англии, Франции, Италии и Америке считается необходимым потому, что последние ноты правительств первых трех стран в ответ на русскую ноту и обращение президента Вильсона к русскому народу рассматриваются как неудовлетворительные, империалистические».[77]

Разницы между принятой Съездом резолюцией о войне и проектом резолюции по этому вопросу, предложенным «максималистами (социал-пацифистами), партией Ленина» — так подробно объяснял Уиншип госдепартаменту, кто такие большевики, — он понять не сумел. Ему казалось, что большевистский проект отличается от принятой резолюции «скорее энергичностью языка, нежели в принципе».[78]

Тем не менее Уиншип прекрасно понимал, что «максималисты, конечно, отличаются от меньшевистско-эсеровского большинства Всероссийского съезда». Он даже характер позиции съезда по вопросу об июньской демонстрации изобразил госдепартаменту в общем правильно, подчеркивая, что меньшевистско-эсеровское руководство Съезда «было вынуждено организовать какого-то рода манифестацию, чтобы избежать обвинений в реакционности».[79]

---

[76] Донесение Уиншипа 3 июля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 99.
[77] Там же, стр. 100.
[78] Там же, стр. 101—102.
[79] Там же, стр. 103.

Миссия Рута, однако, если судить по ее отчету, составленному уже в Америке задним числом (он датирован августом) и потому обогащенному уроками июльских событий, хоть они в нем и не упомянуты, лучше поняла сущность меньшевистско-эсеровского соглашательства как в Советах, так и в самом Временном правительстве. «Политика Временного правительства, — говорилось в отчете, — состояла в том, чтобы следовать курсу, который благодаря своей скромности и терпеливости удовлетворил бы умеренных социалистов в Совете депутатов и постепенно отделил бы их от непримиримых и крайних социалистов, определяемых обычно как „максималисты" или „большевики"».[80] Из отчета видно, что в конце концов члены миссии Рута уяснили себе характер двоевластия, обстоятельства его зарождения и эволюцию и пришли к выводу о предпочтительности меньшевистско-эсеровского ВЦИКа перед Петроградским Советом как «более консервативного» и «постепенно бравшего на себя более позитивные функции по отношению к правительству», вследствие чего «Временное правительство искало и получило с его стороны доверие и поддержку».

В насущном для США вопросе о продолжении Россией войны миссия Рута пришла к выводам весьма тревожным, несмотря на восторги перед истерическими призывами Керенского к продолжению войны и его широко рекламировавшимися «жесткими» мерами для восстановления дисциплины в армии.[81] Если не считать той дани, которую миссия отдала общепринятым в буржуазных кругах утверждениям о якобы действующих в России «тысячах германских агентов», заключения Рута и его помощников были с точки зрения их служебных задач довольно реалистичны. В отличие от прежней линии Лансинга, который своими строгими телеграммами в Петроград как бы ставил под вопрос искренность милитаристских намерений самого Временного правительства, миссия Рута подчеркивала, что дело не в желаниях Временного правительства, а в том, хватит ли у него сил и власти, чтобы заставить армию воевать. Более того, миссия Рута считала открытым вопрос о его «длительном существовании».

Какие же формы помощи Временному правительству рекомендовала миссия Рута? Неудача попытки Терещенко добиться у Вильсона изменений в тексте президентского обращения о целях войны означала для Временного правительства, что столь

[80] Отчет миссии Рута: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 142.

[81] Начатое Временным правительством 18 июня (1 июля) наступление под Тарнополем и вызванные им в Петрограде милитаристские манифестации «публики с Невского», в которых принял участие и Г. В. Плеханов (Речь, 20 июня 1917 г., № 142), произвели на миссию Рута самое отрадное впечатление. Цель этого наступления, которая «была в очень большой мере достигнута», указывалось в отчете Рута, «состояла скорее в том, чтобы восстановить боевую мощь русской армии, нежели в том, чтобы уничтожить боевую мощь австрийской».

нужной ему политико-пропагандистской помощи США в виде словесных демагогических уступок революционно-оборонческой идеологии оно не получит. Основной формой американской помощи Временному правительству оставалась поэтому, как и прежде, помощь финансово-экономическая — кредиты и военные поставки. Ведомства Временного правительства свои потребности в том и другом предъявляли американской миссии. Она же в своем отчете заняла относительно этой формы американской помощи Временному правительству очень удобную для правительства США двойственную позицию. С одной стороны, миссия Рута заявляла: «Все, что касается конкретных американских военных поставок России, представляет собой лишь часть — и отнюдь не самую важную часть — более широкого и более серьезного вопроса о том, может ли Россия продолжать войну, можно ли удержать русскую армию на поле боя».[82] Иными словами, речь шла о том, что материальная помощь США Временному правительству может не принести пользы американским интересам, если Временное правительство не сумеет удержать фронт или даже рухнет само. Следовательно, усердствовать с поставками и кредитами, может быть, и не стоило. К этому выводу отчет Рута подводил, казалось бы, и иным путем: он содержал подробный анализ проблемы перевозок, как морских, так и железнодорожных внутри России, из которого явствовало, что, как бы ни ограничивали США свои военные поставки по причинам финансовым или производственным, большого ущерба для Временного правительства от этого не произойдет, так как все равно доставить значительную часть посылаемого к местам назначения невозможно.

А с другой стороны, миссия Рута весьма определенно рекомендовала «вещественную помощь» Временному правительству в форме как поставок, так и кредитов. В обоснование этой рекомендации миссия Рута приводила логическую конструкцию из трех пунктов, изумительную по обнаженности расчета, лежавшего в ее основе. «Наши выводы, — говорилось в отчете, — заключаются в том, (1) что при условии предоставления такой помощи существует большая вероятность удержания России в войне и русской армии на фронте до того времени, когда станет возможным заключение всеобщего мира на удовлетворительных для Соединенных Штатов и их союзников условиях, (2) что без такой помощи мало надежд на удержание России в войне, а русской армии на фронте, (3) что выгода от удержания России в войне, а ее армии — на фронте так огромна, что риск, связанный с оказанием помощи, не следует сколько-нибудь серьезно принимать во внимание».[83] Авторы отчета видели две возможности, на которые можно было «надеяться». Одна — возобновление русской ар-

[82] Отчет миссии Рута: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 138.
[83] Там же, стр. 145.

мией ее прежних наступательных действий, вторая — удержание ею фронта против Центральных держав. «Если даже реализуется лишь вторая из этих возможностей, выигрыш для Соединенных Штатов и их союзников будет так велик, что он оправдает затрату Соединенными Штатами самых крупных сумм, которые они могли бы для этого ассигновать».[84]

Мрачные мотивы в отчете миссии Рута не производили подавляющего впечатления, а сообщения, которые он посылал в Вашингтон во время пребывания в России, Б. А. Бахметев, находившийся в США в качестве главы Чрезвычайного российского посольства,[85] считал весьма благоприятными для Временного правительства.[86] Возможно, впрочем, что сообщения Рута преследовали ту же цель, что и его содействие в предоставлении стомиллионного железнодорожного кредита накануне отъезда в Россию, — усилить свое влияние в Петрограде.

Каковы же были практические шаги, которые миссии Рута удалось сделать в Петрограде? С нашей точки зрения, они оказались гораздо менее значительными, чем этого можно было ожидать, исходя из задач, поставленных перед миссией правительством США. Недаром Рут постарался впоследствии и умалить эти задачи и извратить их, лишив контрреволюционного содержания. «Вильсон ничего не хотел достичь, — писал Рут в 1930 г. своему биографу Джессупу. — Это была театральная игра. Он хотел показать, что симпатизирует революции. Когда мы вручили его послание и произнесли наши речи, он был уже удовлетворен; это было все, чего он хотел».[87]

Между тем незначительная эффективность практических шагов миссии Рута вовсе не означала пассивности в их осуществлении.[88]

---

[84] Там же, стр. 146.

[85] Оно прибыло в США в середине июня н. ст. в составе Б. А. Бахметева, одновременно назначенного постоянным послом России в США, и представителей Генерального штаба ген. Роопа, Министерства путей сообщения — проф. Ломоносова, Министерства земледелия — Н. А. Бородина и Министерства финансов — В. И. Новицкого.

[86] Телеграмма Б. А. Бахметева, 4 (17) июля 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 266.

[87] Ph. C. Jessup, ук. соч., стр. 356.

[88] Следует вместе с тем отметить, что некоторые из имеющихся сведений о деятельности миссии Рута представляются нам не вполне достоверными. Так, в мемуарах морского министра США Дж. Дэниэльса находим рассказ о том, как адм. Гленнон, прибыв в охваченный матросским движением Севастополь, добился у революционных матросов освобождения из-под ареста командовавшего Черноморским флотом адмирала Колчака и увез его с собой в Петроград. Под заголовком «Спасение жизни русского адмирала» изложена совершенно невероятная история о захвате матросами некоего судна, об убийстве при этом ста офицеров и аресте Колчака. Гленнон, расположив к себе матросов с помощью американского морского атташе адмирала Мак-Калли, якобы вызволил Колчака из-под ареста и увез в Петроград, а затем в США (J. Daniels, ук. соч., стр. 60). На самом деле офицеров не убивали, их лишь

Один из таких шагов, имевший для Временного правительства едва ли не наибольшее значение, был сделан Рутом буквально накануне отъезда из Петрограда. В последней декаде июня министров Временного правительства очень тревожил вопрос об

обезоруживали, а некоторых арестовывали. Колчак же арестован не был, хотя требования его ареста раздавались. Вместе с начальником штаба М. И. Смирновым он был отстранен матросскими организациями от должности. Гленнон, узнав по прибытии в Севастополь о матросских выступлениях, решил уехать в тот же день. Он успел посетить некоторые суда и выступил с речью на делегатском собрании, в которой призывал поддерживать Временное правительство и агитировал за продолжение войны до победного конца (Н. Гречанюк, П. Попов. Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957, стр. 50—51). Случайно оказавшись в одном поезде с Колчаком и Смирновым, вызванными в Петроград Временным правительством, Гленнон высказал мнение о желательности поездки Колчака в США с военно-морской миссией в связи с предполагавшимися якобы операциями американского флота против Дарданелл для открытия сообщения с Россией. Гленнон, очевидно, был инициатором официальной просьбы об этом, с которой Рут обратился к Временному правительству. Керенский откликнулся на нее с большой готовностью и даже настоял на отъезде Колчака без проволочек, опасаясь его как кандидата в военные диктаторы, пропагандировавшегося черносотенными милитаристскими кругами (См. воспоминания М. И. Смирнова «Адмирал Колчак во время революции» в кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Сост. С. А. Алексеев. С предисл. и примеч. А. И. Усагина. М.—Л., 1926, стр. 237—255).

Гленнон, по-видимому, начал хвастать своими мнимыми успехами в Севастополе, едва вернувшись оттуда. В телеграмме Фрэнсиса 24 июня (ст. ст.) находим фразу о «превосходном результате» двух произнесенных американским адмиралом речей. Однако приезд Колчака в Петроград Фрэнсис описывает безо всяких ссылок на легенду о «спасении» его Гленноном (PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 125).

Сомнительным кажется нам самый замысел и другой иногда упоминаемой в нашей литературе «спасательной операции» миссии Рута. Объектом этой операции должен был явиться Николай II с семьей. Замысел (он приписывается Руту и Терещенко) состоял в том, чтобы тайком вывезти царскую семью на автомобиле через Финляндию и затем переправить в США. Источником сведений об этом служит сообщение В. В. Горбатенко, чиновника КВЖД, прикомандированного к миссии Рута, которое он в 1954 г. сделал одному из консулов СССР в Китае (АВПР, ф. Канцелярии, 1917, д. 157, лл. 29—34). Прикосновенность В. В. Горбатенко к приему миссии Рута доказывается представленными им фотографиями. Его рассказ о поездке Рута в Финляндию вполне правдоподобен: нам известны письма Мезерва, приглашавшего Рута и Бертрона на 18 июня (1 июля) к себе на дачу в Териоки, где он обещал им длительное свидание с Терещенко (ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 50, 464). Тем не менее вряд ли можно предположить, чтобы план вывоза царской семьи был признан практичным после июньского кризиса, еще менее вероятным был беспрепятственный провоз ее через территорию Финляндии при тамошнем политическом климате. Если все же принять на веру сообщение В. В. Горбатенко о переговорах Рута с Николаем II, то отказ царя от выезда следует считать вызванным скорее всего практической его неосуществимостью, нежели патриотическими соображениями долга и чести, которыми объясняет отказ В. В. Горбатенко. Если эпизод этот действительно имел место в опи-

изыскании валюты для содержания расположенных на территории Финляндии армейских частей и соединений Балтийского флота. В Финляндии, где рубль играл роль законного платежного средства наряду с финской валютой, курс его начиная с марта 1917 г. настолько понизился, что он почти лишился там покупательной силы (Кредитная канцелярия Министерства финансов среди причин этого усматривала и направленные против рубля сознательные действия финляндских властей).[89] За все приходилось платить финской валютой. Дело осложнялось еще и тем, что сроков выплаты жалованья личному составу армейских и флотских частей ни в коем случае нельзя было нарушать. Попытка получить кредит в финских марках у финляндского сейма оказалась неудачной. 24 июня (ст. ст.) Временное правительство приняло постановление, направленное к использованию товарного экспорта для получения финских марок. Однако результаты его могли сказаться лишь через некоторое время. Марки же нужны были срочно. И к 25 июня (ст. ст.), как телеграфировал в этот день Б. А. Бахметеву в США Терещенко, «вопрос о валютном займе в Финляндии принял острый оборот, с одной стороны, ввиду отказа сейма, а с другой — вследствие необходимости немедленных платежей в Финляндии». «Дальнейшая задержка в разрешении вопроса, — добавлял Терещенко, — поставила бы наши войска в Финляндии в тяжелое положение и неминуемо вызвала бы серьезные осложнения».[90] Иными словами, неуплата в срок, до которого оставалось 5 дней, могла дать повод к выступлениям солдат и матросов против Временного правительства. В результате специального обсуждения Временное правительство пришло к выводу о неизбежности введения в Финляндии принудительного курса рубля, «что повело бы к объявлению военного положения и могло бы вызвать в Финляндии восстание», сообщал в своей телеграмме Терещенко. Здесь имелась уже в виду угроза со стороны финляндского населения, и Временное правительство видело себя между двух огней. Близость Финляндии к Петрограду при той ситуации, которая существовала в эти дни в самой столице, придавала делу особенно тревожный оборот.

В этих обстоятельствах в лице Рута и его миссии Терещенко увидел якорь спасения, за который и поспешил ухватиться «для

санном В. В. Горбатенко виде, почему умолчал о нем Рут, проживший после этого еще 20 лет? Ведь он, ставший одним из наиболее ярых антисоветских политиков, попытку спасти российского царя мог поставить себе в заслугу, не говоря уже о сенсационном характере, который имело бы это сообщение.

[89] Из отчета о деятельности Иностранного отделения Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов с 27 февраля по 25 октября 1917 г.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 2, М.—Л., 1957, стр. 388—389.

[90] Отчет агента МФ... Объяснительная записка, кн. I, л. 303.

избежания всяких неисчислимых от сего последствий». Имея доллары, получить финские марки было бы, конечно, нетрудно. Но на получение американского кредита для этой цели надежд было немного: акт Конгресса о кредитах союзникам, на основании которого все они совершались, предусматривал их расходование в самих Соединенных Штатах, ранее заявленная Россией просьба о предоставлении 38 млн долл. для приобретения валюты в скандинавских странах оставалась без удовлетворения. Но Рут с готовностью пришел на помощь Временному правительству, и помощь его оказалась действенной. В тот самый день, когда Терещенко телеграфировал о финляндском вопросе Бахметеву, Рут вместе с Фрэнсисом обратился к Лансингу с рекомендацией немедленно предоставить Временному правительству 75 млн долл., каковой суммы, по заверениям Терещенко, должно было хватить до ноября.[91]

Географические сведения Рута и Фрэнсиса были так скудны, что они, по-видимому, спутали Гельсингфорс с Варшавой, и просили денег для «вооруженных сил Варшавы» (занятой немцами еще в 1915 г.!), уверяя одновременно, что «это затрагивает самую мощную часть Балтийского флота». Но, описывая критическое положение, которое, серьезно угрожает существующему правительству и всей линии русского фронта», оба посла были столь красноречивы и выразительны, что правительство США предоставило просимый кредит немедленно, так толком и не зная, для чего он предназначен, но понимая, что для Временного правительства это жизненно важное дело.[92]

Очевидно, перед Рутом напоследок — миссия выехала из Петрограда 26 июня (9 июля) — открыли в Петрограде все карты, и напрасно казалось Б. А. Бахметеву, будто тревожные «настоящие причины» панической просьбы Временного правительства Руту неизвестны.[93]

Рута, по-видимому, не только полностью ввели в курс дел и самых сокровенных планов Временного правительства, но и дали ему в ответ на его категорические требования твердые обещания усилить контрреволюционный натиск на большевистскую партию. Мы располагаем по этому поводу двумя вполне заслуживающими доверия показаниями. Одно из них принадлежит Харперу, второе — самому Руту.

---

[91] PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 11.

[92] Телеграмма Фрэнсису о немедленном предоставлении кредита была отправлена исполнявшим обязанности государственного секретаря Полком в тот же день, 9 июля (н. ст.), когда была получена телеграмма Рута и Фрэнсиса: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 11.

[93] Телеграмма Б. А. Бахметева Терещенко, 30 июня (ст. ст.) 1917 г.: Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 548. — Бахметев считал «политически неудобным пока» подробно разъяснять их американскому правительству в Вашингтоне и требовал сообщить ему, в какой мере поставлен в известность о назначении денег Рут.

В мемуарах Харпера читаем: «При отъезде миссии Рута в разгар этих беспорядков (речь идет об июльских событиях, — *Р. Г.*) она получила заверения в том, что подавление этого восстания будет означать полное подавление большевистского направления в революции».[94] Сам Рут вспоминал по этому поводу в 1930 г.: «Я имел информацию (находясь в Петрограде) о том, что делал Ленин, и я настаивал перед Временным правительством на его аресте... Г-н Терещенко, министр иностранных дел, молодой парень, заверил меня, что он на пороге того, чтобы арестовать Ленина и разбить весь заговор. Он сказал, что он ждет только некоторых документов, которые добывал один из его людей, чтобы показать причастность Ленина и других к германской пропаганде. Внезапно все это дело лопнуло, Ленин исчез, и газеты были полны этим. Материалы для судебного преследования Ленина были переданы министру юстиции, он отдал их в газеты, и человек, который доставлял обвинительные документы из Германии, повернул обратно, не переходя границы. Терещенко это мне рассказал. Позже, когда в Америку приехал Керенский, я спросил его об этом, и он рассказал мне то же самое».[95]

Оставляя в стороне неизменные потуги империалистических кругов, как российских, так и западных, представить большевистскую партию агентурой германского генерального штаба и отметив саморазоблачительную нелепость излагаемого Рутом провокационного замысла Терещенко (в самом деле, почему кампания против В. И. Ленина в русских газетах должна была спугнуть агента Терещенко?), остановимся на одной несообразности, одинаково присущей и фразе Харпера, и рассказу Рута. Харпер, как видим, прямо датирует полученные миссией Рута при ее отъезде заверения июльскими днями, Рут делает это косвенно, упоминая об уходе В. И. Ленина в подполье, который состоялся, как известно, после июльских событий. Между тем миссия Рута покинула Петроград за неделю до них — 26 июня (9 июля). Если исключить очень уж маловероятную возможность сношений Рута с Терещенко из Владивостока, откуда американская миссия отплыла 8 (21) июля, остается предположить, что переговоры об аресте В. И. Ленина и других репрессиях против партии большевиков Рут вел с Терещенко еще в июне, накануне своего отъезда, а впоследствии, в 1930 г., несколько спутал обстоятельства, совместив свои переговоры с последовавшими затем событиями. Харпер же, писавший свои мемуары после опубликования рассказа Рута, очевидно, повторил его ошибку.

Как бы то ни было, деятельность миссии Рута завершилась предоставлением Временному правительству 75-миллионного займа для «умиротворения» солдатских и матросских масс в не-

---

[94] S. N. Harper. The Russia I believe in Chicago, 1945, p. 105.
[95] Ph. C. Jessup, ук. соч., стр. 369.

посредственной близости от революционного Петрограда, сопровождавшимся настоятельными требованиями кредитора арестовать В. И. Ленина и организовать преследование большевистской партии.

Миссия Рута покинула Петроград 26 июня (9 июля) с впечатлением о нарастающей «твердости» Временного правительства. А в Петрограде в последние дни июня (ст. ст.) все сильнее ощущалось приближение нового политического кризиса: взволнованные группы людей до поздней ночи возбужденно толковали на улицах, город был полон слухами о выступлениях, в пролетарских массах зрела решимость одним ударом покончить с контрреволюционной политикой буржуазии.[96] В какой-то форме ощутили тревогу и в Вашингтоне, потому что 29 июня (12 июля) заменявший Лансинга Полк без видимых причин телеграфировал Фрэнсису короткое распоряжение: «Пожалуйста, продолжайте со всей возможной полнотой информировать департамент о политическом положении и о ваших предложениях относительно тех пределов, до которых должно идти наше правительство по пути финансовой помощи России».[97]

Правительство США еще до запроса Фрэнсису, вопреки прежним заверениям в своей щедрости, стало проявлять по части кредитов большую сдержанность. Это в полной мере ощущало на себе действовавшее в США Чрезвычайное посольство Б. А. Бахметева.

Вскоре по приезде в Америку Б. А. Бахметев имел продолжительную беседу с Лансингом, которой придавал решительное значение. «Я склонил министра к пониманию необходимости отказаться от всякой выжидательной по отношению к нам политики, указав на ее опасность с точки зрения общих союзных интересов и на настоятельную надобность, не теряя времени, нас поддерживать, укрепляя приобретения революции», — телеграфировал Б. А. Бахметев в Петроград 17 (30) июня.[98] Разумеется, говоря об укреплении «приобретений революции» и «общих союзных интересах», Бахметев имел в виду общность целей российской и союзной буржуазии. Лансинг формально согласился с тем, чтобы правительство США поставило Временное правительство «во всех переговорах в одинаковые условия с другими союзниками». Он обещал также, что помощь США не будет зависеть от прежних англо-русских соглашений.

«Однако, — признавал Бахметев, — несмотря на большую предупредительность и высказываемую полную готовность всячески нам помочь, деловые переговоры пока мало продуктивны».[99] Угет видел главную причину трудного хода финансовых переговоров —

[96] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, кн. 1. М.—Л., 1967, стр. 319.
[97] PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 12.
[98] АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 243.
[99] Там же.

их вел сам Бахметев с помощью представителя Кредитной канцелярии В. И. Новицкого — в том, что был упущен «благоприятный политический момент к получению крупных кредитов ввиду изменившегося после начала мая (т. е. после апрельского кризиса, — *Р. Г.*) внутреннего положения России».[100] Миссия Рута была еще в Петрограде, когда Новицкий 14 (27) июня телеграфировал в Кредитную канцелярию, что никаких новых кредитов добиться не удается, а из частной беседы с помощником министра финансов США выяснилось, что «правительство Соединенных Штатов прежде всего хотело бы получить соответствующие заверения от миссии сенатора Рута о внутреннем положении России».[101]

Русское же Министерство финансов, не очень-то, по-видимому, уверенное в том, что заверения Рута будут благоприятны, как раз в этом деле хотело Рута обойти. Ему вручили справку о срочной потребности в авансе в 50 млн долл., а Бахметеву через голову тронувшейся в долгий путь американской миссии предписали самому добиться этого кредита, «чтобы выиграть время до возвращения сенатора Рута в Америку для более детальных решений по общему вопросу о кредитах, которые Российское правительство ожидает от Америки».[102] Но Бахметеву ничего добиться не удалось, и 75-миллионный кредит для приобретения финских марок остался накануне июльских дней единственной мерой помощи Временному правительству со стороны США, довольно, впрочем, существенной.

■

В разгар июльских событий в Петрограде, ничего еще не зная о них, Б. А. Бахметев занялся в специальной телеграмме Терещенко критическим анализом американской политики Временного правительства.[103] Возглавляя теперь деятельность всех русских представителей в США, Бахметев считал (нам приходилось уже упоминать об этом), что Россия (читай: Временное правительство) приобрела в тот момент «необычайно выгодное положение» в Америке «в связи с наступлением на фронте,[104] последними со-

---

[100] Отчет агента МФ... Объяснительная записка, кн. I, л. 243.
[101] Там же, л. 248.
[102] Там же, лл. 260—261.
[103] Телеграмма Б. А. Бахметева, 4 (17) июля 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярий, 1917 г., д. 61, л. 266. Начальная часть этого документа опубликована в кн.: Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 549.
[104] Как раз в этот же день, 4 (17) июля, обнаружилось, что и в Лондоне июньское наступление русских войск рассматривали как доказательство способности Временного правительства контролировать положение. Лорд Мильнер официально признал в этот день, что ранее «английское правительство не считало возможным посылать грузы в Россию». «Последнее наступление Корнилова, — телеграфировал в Петроград генерал Гермониус, — по словам Мильнера, окрылило надежды союзников и

общениями Рута» и, конечно же, в результате успехов российской миссии. О том, что пока он не может достать и доллара новых американских кредитов и о главной причине этого — неуверенности Вильсона и Лансинга в прочности Временного правительства — Бахметев с великолепной пренебрежительностью умалчивал. Зато он рассуждал «о более обширной военной программе, выходящей за пределы чисто военной помощи». «Говорить конкретно» о ней было в тот момент совершенно невозможно, но Бахметев хотел «незамедлительно» начать подготовительную работу. И тут он требовал, чтобы Временное правительство строило всю свою политику по отношению к США в соответствии с задачей привлечения к русскому бизнесу американского капитала в различных его формах. «Получение в будущем широкой финансовой помощи, считал он, возможно исключительно лишь при принятии Россией совершенно определенного политического курса с вовлечением Америки в политические взаимоотношения такого характера, естественным последствием которых явится необходимость финансовой нам помощи». Иными словами, Временное правительство должно было навязать себя Америке в роли политического союзника, причем главного, а потому крайне необходимого. Как же добиться этого политического союза и как заинтересовать в нем правительство США? Бахметев предлагал, используя близость внешнеполитических деклараций Временного правительства «к задачам, провозглашенным Вильсоном», сделать российскую дипломатию как бы ментором американской при выходе США на арену большой европейской политики в связи с их вступлением в мировую войну. Для этого Временному правительству следовало поощрять «активное вмешательство Америки в европейские дела» и убеждать правительство США в том, что «поддержка со стороны сильной демократической России (читай: Временного правительства, — *Р. Г.*) является непременным условием приобретения Америкой веского положения в европейском концерте». Бахметев давал понять, что при таком обороте дел Временному правительству не пришлось бы униженно хлопотать в США о каждом новом кредите. «Такая политическая связь с Америкой», утверждал Бахметев, открыла бы Временному правительству доступ к американским «ресурсам» для «внутреннего устроения» страны. Не высказанная до конца мысль Бахметева состояла в том, что контрреволюционная помощь Временному правительству оказывалась бы Вашингтоном с тем большей готовностью, что речь шла бы тогда о внутренней безопасности не только военного, но

возбудило в английском правительстве известную долю уверенности в боевой способности России». «Но даже в лучшем случае, — добавлял Гермониус, — потребности России так велики, что могут удовлетворяться Англией лишь частью» (Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 499).

и главного политического союзника США в Европе, да и зависимость России от США сменилась бы их взаимной зависимостью.

Выкладки Бахметева были направлены к опровержению противоположного, так сказать нигилистического, подхода к ориентации на США, существовавшего в Петрограде в кругах Временного правительства. Бахметев определил этот подход как «неиспользование Америки в вопросах внешней политики, сдержанность и пассивное к ней отношение». «Такая политика, оставляя Америку изолированной в настоящий переходный момент ее внешних отношений, естественно, введет ее в будущем целиком в русло великобританской политики, подчиняя ее постепенно английскому руководству в процессе непосредственного военного сотрудничества», — предсказывал Бахметев. Он считал, что «активное вмешательство Америки в европейские дела» Временному правительству «вообще полезно» с точки зрения его внешней политики. Но мало того, Америка, идущая самостоятельным курсом, рассуждал он, могла быть для Временного правительства и якорем спасения во внутриполитическом море, в то время как «обезличение Америки и поглощение того самостоятельного влияния, которое она могла бы приобрести в международных делах, лишило бы Россию серьезной содействующей силы при осуществлении ее демократических задач». А Бахметев, который был довольно важной правительственной фигурой,[105] прекрасно понимал, что все задачи Временного правительства, сколько бы ни называть их «демократическими», сводились к одной главной — остановить развитие революции.

Противники этой предлагавшейся Бахметевым преимущественной ориентации на США в делах международных и внутриполитических боялись, по-видимому, гнева со стороны Англии и Франции. Бахметев же назидательно объяснял Терещенко, что дело в «известном уменье», и без лишней скромности заявлял, что он, например, добился в США «сердечной близости» с союзными послами.

Ориентацию на США диктовали и новые трудности в финансовой сфере, совпавшие с настояниями Бахметева. Навстречу его телеграмме шло в Вашингтон сообщение Фрэнсиса о ноте российского министерства иностранных дел от 1 (14) июля, содержавшей просьбу о двух новых 25-миллионных долларовых кредитах. Они понадобились ввиду категорического отказа Британского правительства продолжать оплату русских заказов в США.[106] Бахметев же еще до получения в Вашингтоне этой телеграммы представил американским властям сведения об общей потребности

[105] Уехав в США во главе Чрезвычайной миссии и заняв там пост посла (назначение это считалось временным), Б. А. Бахметев оставался товарищем министра торговли и промышленности.

[106] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 17 июля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 13.

России в американских военных кредитах — 733.9 млн долл. сверх той суммы в 175 млн долл., на которую кредиты были уже открыты.[107] Судя по телеграмме Бахметева помощнику военного министра генералу Маниковскому, помимо заказов, уже размещенных, в 733.9 млн долл. входили две группы новых заказов. Первая группа на сумму 154.046 тыс. долл. состояла из «заказов чрезвычайной срочности». К ним относились 17 тральщиков и 7 грузовых судов, 30 тыс. вагонов и 1500 локомотивов, оборудование для Владивостокских железнодорожных мастерских и для расширения провозоспособности Сибирской дороги. Вторая группа заказов по программе различных петроградских ведомств была определена Бахметевым, как и первая, в 150 млн долл. «Эта сумма поставлена мною примерно, — сообщал Бахметев. — Хотя она много меньше суммы потребностей, составляемой суммированием ведомостей..., однако в силу отчаянного положения с тоннажем выполнить намеченную программу невозможно и настаивать на ней бесполезно. 150 миллионов с избытком покроют все то, что действительно можно будет заказать с надеждой вывезти».[108]

Несколько забегая вперед, отметим, что английская дипломатия, узнав о представлении Бахметева американским властям, нанесла ему удар в спину. Английский посол граф Ридинг обратился к Лансингу с письмом, в котором сообщал, что вместо требуемых Бахметевым 700 млн долл. России достаточно будет до конца 1917 г. всего 350—400 млн., в том числе и на возмещение Англии тех платежей по русским заказам, которые она производила с момента вступления США в войну. Нереальность выполнения русских требований в том объеме, в котором предъявил их Бахметев, Ридинг обосновывал транспортными трудностями — недостатком тоннажа и невывезенными залежами в русских портах, словно зная, что на это ссылался и сам Бахметев в своем доверительном сообщении в Петроград. Ридингом двигали в его действиях не столько сомнения в дееспособности Временного правительства или в осуществимости его заявки, сколько стремление увеличить за счет России английскую долю в американских кредитах. Признаваясь в том, что его аргументы могут быть оспорены Россией, он домогался сокращения русской заявки американскими властями до ее представления Межсоюзническому совету в Лондоне. При этом он откровенно заметил, что если допустить представление Россией ее заявки, «другим союзникам невозможно будет критиковать ее как непомерную, поскольку они все будут выдвигать свои собственные требования».[109]

---

[107] Отчет агента МФ... Объяснительная записка, кн. I, л. 261.
[108] Там же, лл. 263—264.
[109] Ридинг — Лансингу, 3 августа (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, pp. 20—21.

Но петроградские события перечеркивали все расчеты Бахметева — и финансовые, и политические. В ночь на 3 июля, как известно, кадетские министры Временного правительства заявили о своей отставке, предоставив меньшевистско-эсеровским представителям одним расхлебывать политические последствия неудачи предпринятого наступления на фронте и другие неизбежные осложнения. Начался июльский кризис. Рабочий и солдатский Петроград бурлил. Революционные выступления масс потрясли основы буржуазного строя. И Фрэнсис, обвинив во всем происходящем большевиков,[110] фактически рекомендовал американскую помощь Временному правительству приостановить в соответствии с предписанием Лансинга, поставившим кредиты США в зависимость от политического положения в России. Сообщая в Вашингтон о последней просьбе Временного правительства относительно кредитов, он добавил, чтобы Лансинг и Мак-Аду не давали никаких денег Временному правительству минуя его, Фрэнсиса, поскольку «срок существования Временного правительства не определен».[111]

Само собой разумеется, что дискуссию об американской или англо-французской ориентации, которую завел было из Вашингтона Бахметев, некому было теперь в Петрограде поддерживать. Тем более нелепыми выглядели в глазах Терещенко рассуждения о необходимости участия дипломатии Временного правительства в выведении США на арену большой европейской политики. Для него, как и для других министров Временного правительства, все жизненно важное сосредоточилось в этот момент в Петрограде, внешнеполитические же проблемы, отошедшие сейчас на дальний план, существовали лишь постольку, поскольку всякая помощь с любой стороны и в любой форме могла оказаться нелишней в борьбе с развивающимся революционным движением.

Впрочем, об этой помощи можно было думать лишь начиная с 6 июля, после перехода контрреволюции в наступление. Как раз в этот день Фрэнсис появился у Терещенко с категорическим требованием решительного подавления революционных сил под угрозой полного прекращения американской помощи. Он заявил, что «не будет рекомендовать дальнейшей помощи до тех пор, пока не будет сформировано стабильное правительство, которое продолжит войну», и потребовал «решительно подавить это беззаконие с применением силы, если потребуется». Терещенко соглашался и обещал, тем более что еще накануне и даже 4 июля он обещал Бьюккенену, что «беспорядки будут подавлены твердой рукой».[112] Утешала Фрэнсиса и позиция ЦИКа («Думаю, что

[110] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 17 июля (н. ст.) 1917 г., 5 час. дня: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 159—160.

[111] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 17 июля (н. ст.) 1917 г., 8 часов вечера: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, pp. 13—14.

[112] Дж. Бьюккенен, ук. соч., стр. 248.

поддержка правительства этим комитетом существенно важна для продолжения его существования и что исходом всего дела будет соглашение между остатками кабинета и этим комитетом»). «Добрый знак» видел он также в той разбойничьей вылазке контрреволюционеров, которая привела к убийству И. А. Воинова.[113]

Но сидеть сложа руки Фрэнсис не хотел, и на протяжении всего периода разгула контрреволюции он сделал основой своей позиции категорическое и неукоснительное требование немедленной и суровой расправы с руководителями большевистской партии, а также безоговорочную поддержку любых сил во Временном правительстве, которые могли бы это осуществить.

7 (20) июля он посетил премьер-министра Г. Е. Львова, который сообщил ему о своей отставке. Фрэнсис считал эту встречу «в высшей степени удовлетворительной». «Львов сказал, — телеграфировал он Лансингу, — что ведущие большевики, включая Ленина, арестованы, издание „Правды" прекращено, и все части, принимавшие участие в демонстрации 17 июля, разогнаны регулярными войсками с фронта, которые находятся теперь здесь в достаточном количестве и в должном моральном состоянии, чтобы выполнить приказы правительства».[114] (Беседуя с Фрэнсисом, Львов еще не знал, очевидно, что приказ об аресте В. И. Ленина, отданный в ночь на 7(20) июля, выполнить не удалось ввиду ухода вождя большевистской партии в подполье). Однако не только этот своеобразный отчет уходящего в отставку премьера, похвалявшегося перед американским послом «уничтожением большевистской клики» как плодотворным итогом июльских событий и своего хотя и недолговечного министерства, обрадовал Фрэнсиса. Он исходил из того, что теперь только Керенский может справиться с положением, и Львов укрепил его в этом убеждении. Одновременно Львов дал понять американскому послу, что хотя он сам уходит из-за несогласия с проектом новой программы Временного правительства, подготовленным министрами-социалистами, перевеса в правительстве они не получат и бояться «социализма», таким образом, не следует.

Поддержал оптимизм. Фрэнсиса и Терещенко, явившийся в американское посольство 9 (22) июля, на следующий день после назначения Керенского премьером. «На вопрос, будет ли правительство советоваться с Советом перед замещением министерских вакансий, он ответил определенно отрицательно и выразил убеждение, что этот Совет теряет свое влияние. Эта уверенность внушается позицией Керенского, которая носит характер решительный и агрессивный, поскольку он сейчас безусловно

---

[113] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 160—161.
[114] Там же, стр. 163.

обладает в России самым сильным влиянием», — телеграфировал Фрэнсис в США. Терещенко пришел, собственно, затем, чтобы повторить свою просьбу о кредитах, и Фрэнсис, заключив телеграмму обычной фразой, имевшей на сей раз особенное значение: «Должный порядок господствует в Петрограде», рекомендовал предоставить просимые 50 млн и даже поставил вопрос о принятии на себя правительством США оплаты русских заказов в Америке, сделанных в счет английских кредитов.[115]

Ставка на Керенского, принятая Фрэнсисом, была в этот момент общераспространенной в буржуазных и крайних контрреволюционных кругах. Сам Николай II, как известно, записал 8 (20) июля в своем дневнике: «... председателем Совета министров будет Керенский, оставаясь вместе с тем военным и морским министром и взяв в управление еще Министерство торговли и промышленности. Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту: чем больше у него будет власти, тем будет лучше».[116] А кадетская «Речь» писала, что Керенский — «последний министр прежнего состава, с сохранением которого у власти страна сохраняет остаток надежды на благополучный исход наших внешних и внутренних затруднений».[117]

Американские надежды на Керенского были конкретны и мотивированны. Чрезвычайно ясно выразил их Харпер, находившийся все это время в Петрограде и по обыкновению оказывавший на Фрэнсиса значительное влияние. Он и раньше стоял, по его словам, за «репрессивные меры», но понимал несвоевременность их применения до июльского кризиса. А после кризиса Харпер писал в Америку: «Он (кризис, — *Р. Г.*) был полезен. Он выявил экстремистов. До того существовали сомнения в их искренности, но они все еще считались революционерами и потому к ним прислушивались. Теперь же они провозглашены изменниками, и, наконец-то, станет возможно подавить их с помощью силы. Львов не мог этого сделать, а Керенский как социалист, являющийся одновременно военным министром и премьер-министром, будет в большей мере способен выполнить эту трудную задачу. До сих пор они придерживаются своего обещания действовать сильной карающей рукой, хотя процесс подавления идет довольно медленно. Но я продолжаю настаивать на том, чтобы проявлять терпение».[118]

С Харпером словно сговорился независимый от Фрэнсиса петроградский информатор госдепартамента консул Уиншип. Он также расценивал июльские события как «исключительно

[115] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу и Мак-Аду, 22 июля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, pp. 16—17.
[116] Красный архив, 1927, № 2 (21), стр. 91.
[117] Речь, 9 июля 1917 г.
[118] S. N. Harper, ук. соч., стр. 103—104.

выгодные», надеялся «отныне» на «сильное правительство, не боящееся применить силу», и радовался «благоприятным признакам», перечисляя погромные меры, принятые против большевистской партии. Как и Харпер, он считал, что «применять карательную силу без риска вызвать гражданскую войну может лишь социалистическое правительство».[119] И огорчало его больше всего то, что «не входящие в правительство социалистические лидеры» проявляют «недостаточное понимание» этого.

Фрэнсис, по-видимому, разделял взгляды своего окружения, но в противоположность Харперу отнюдь не желал проявлять терпения. Продолжая проводить линию, принятую накануне отъезда Рута, он требовал от Терещенко, с которым регулярно встречался, чтобы Временное правительство учинило кровавую расправу над руководителями большевистской партии путем организации суда над ними с предрешенным смертным приговором. «Я убежден сейчас, как чувствовал и тогда, что правительство проявляло несомненную слабость», — писал он по этому поводу в своих воспоминаниях. Если бы оно казнило руководителей большевиков, настаивал Фрэнсис, «Россия, вероятно, не оказалась бы вынуждена пройти через вторую революцию». Противореча себе, он допускал, что «крутые меры», которых он требовал, «могли ускорить революцию, происшедшую в ноябре», и тем не менее придавал решающее значение (даже ретроспективно!) физическому уничтожению деятелей большевистской партии. Последствия этого, рассуждал он в своих воспоминаниях, «были бы в конечном итоге на пользу России и вызвали бы меньшую смуту, чем та, что идет ныне по всему свету».[120]

Считая Керенского единственной политической фигурой, способной и годной на проведение карательной политики, Фрэнсис, естественно, внимательно следил за его изменявшимся положением во Временном правительстве, всеми перипетиями развития июльского министерского кризиса и, разумеется, за правительственными мероприятиями, направленными против большевистской партии и революционных масс.

11 (24) июля Терещенко, посетив американского посла, заявил ему, что хотя «известия с юго-западного фронта все еще плохи, но производятся аресты большевиков, когда их удается найти, а в армии неукоснительно вводится смертная казнь».[121] Терещенко рассуждал в обычном для буржуазной пропаганды тех дней духе, взваливая ответственность за поражение на фронте на большевистскую партию. Совершенно в тех же выражениях описал Фрэнсису карательные меры против большевиков и сам Ке-

---

[119] Донесение Уиншипа Лансингу, 24 июля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 168.
[120] D. R. Francis. Russia from the American Embassy, p. 141.
[121] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 170.

ренский 14 (27) июля, после того как был наделен полномочиями для самостоятельного формирования кабинета. (Как известно, в этом искали выхода из тупика, созданного торгом между кадетами и эсеро-меньшевистскими лидерами вокруг формирования нового коалиционного правительства). «Многие выражают пожелание, чтобы Керенский установил свою диктатуру, но я считаю это невероятным», — подвел итоги этой беседы Фрэнсис.[122] Когда же кризис обострился и до Фрэнсиса дошли сведения об условиях, выдвинутых кадетами Астровым, Кишкиным и Набоковым для вступления в правительство, а также слухи о том, что социалисты не допускают включения в состав правительства Милюкова и Шингарева, американский посол встревожился и на всякий случай телеграфировал Лансингу: «Скажите Мак-Аду, что я буду советовать насчет кредитов сейчас же после организации правительства».[123] Тем самым сделанная 9 (22) июля рекомендация о кредитовании 50 млн была, по-видимому, приостановлена. Отдавая себе отчет в уступчивости соглашательских лидеров, в их желании видеть Керенского премьером, Фрэнсис одновременно был прельщен кадетским требованием «внепартийного», не ответственного перед Советами правительства. 19 июля (1 августа) он с утра отправился к Терещенко, а затем к Керенскому, «Обе беседы вдохновляющи», — тут же сообщил он в Вашингтон. И, действительно, оба его собеседника не пожалели ни слов, ни жестов, чтобы успокоить Фрэнсиса. Терещенко заявил, что решено ввести военное положение на всех железных дорогах страны, принять к исполнению рекомендации миссии Стивенса. Восхваляя Корнилова, которым заменили на посту Верховного главнокомандующего Брусилова («потому что он тверже»), Терещенко даже преувеличивал его карательные заслуги, уверяя, будто Корнилов «уже расстрелял за неповиновение более ста сорока человек, в том числе генерала».[124] (Терещенко вообще считал, что подобные сообщения в трудные моменты действуют на Фрэнсиса благотворно, и прибегал к ним, как мы видели, не в первый раз). Перейдя от Терещенко к Керенскому, Фрэнсис заявил ему, что Лансинг требует сведений о происходящем и что в США существуют сомнения в решимости России продолжать войну. Керенский ответил взрывом деланного возмущения — «раздраженным, но приятным жестом» — и принялся уверять Фрэнсиса, что Германия для России опасней, чем для Америки, что Россия не выйдет из войны, и хотя Яссы, а возможно, и Ригу, немцы, вероятно, возьмут, но Петрограда им не захватить. «При всех обстоятельствах, — заявил Керенский американскому послу, —

---

[122] Там же.
[123] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 30 июля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 171.
[124] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 171—172.

Америка должна оказывать финансовую и материальную помощь даже с закрытыми глазами».[125]

На следующий день, 20 июля (2 августа), Фрэнсис скрепя сердце одобрил предоставление 60 млн долл. (вместо 50).[126] Он сделал это в ответ на телеграмму Мак-Аду, в которой тот, уступая настояниям Бахметева, сам ставил вопрос об этой сумме для оплаты августовских заказов, размещенных в счет английских кредитов. Подчеркивая, что, помимо этого, у него «и в мыслях нет разрешить дальнейшие кредиты», Мак-Аду запрашивал Фрэнсиса, «подсказывает ли политическая обстановка в Петрограде желательность благоприятного отношения к требованиям Бахметева».[127]

Однако одобрение Фрэнсисом шестидесятимиллионного кредита практического значения в Вашингтоне иметь уже не могло, ибо там, как и после апрельского кризиса, все сильнее сказывалось прохладное отношение к кредитованию Временного правительства.[128] Как раз в тот день, когда Мак-Аду обратился к Фрэнсису за советом, Бахметев ощутил вредное влияние июльских событий в Петрограде на кредит Временного правительства в США, а в тот день, когда Фрэнсис сделал свою рекомендацию, глава российского посольства в Америке отправил Терещенко специальную телеграмму по этому поводу. «За последнюю неделю, — сообщал в ней Бахметев, — я замечаю здесь снова известную сдержанность со стороны американского правительства, которое, по-видимому, принимает выжидательную позицию. Поворот событий в России и серьезное положение на нашем фронте вызывают здесь некоторое беспокойство. Последнее проявляется в беседах с представителями министерства иностранных дел; со стороны же министра финансов и деловых людей я определенно чувствую как бы временное сопротивление. При таких условиях я со своей стороны провожу известную сдержанность и считаю предпочтительным в эти дни воздержаться от всяких выступлений, которые бы носили оттенок настойчивости».[129]

В Петрограде, по-видимому, еще до этой телеграммы Бахметева ощутили охлаждение к Временному правительству и не только с американской стороны. На протяжении всего июльского кризиса Керенскому, Терещенко и другим приходилось действовать с постоянной оглядкой на западных союзников. Веским тому доказательством является нота Терещенко союзным правительствам, переданная Лансингу русским посольством 21 июля (3 ав-

[125] Там же.
[126] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу и Мак-Аду, 2 августа (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 19.
[127] Телеграмма Мак-Аду Фрэнсису, 25 июля (н. ст.) 1917 г.: там же, стр. 17—18.
[128] Отчет агента МФ... Объяснительная записка, кн. I, л. 268.
[129] Телеграмма Б. А. Бахметева Терещенко, 2 августа (н. ст.) 1917 г.: там же.

густа), в тот самый день, когда в Петрограде министерский кризис достиг своей крайней остроты. Извинительные объяснения по поводу неудачи наступления на фронте со ссылками на «преступную пропаганду безответственных элементов» сопровождались в этой ноте обещаниями возобновить наступательные действия, как только будет «восстановлена и возрождена» мощь армии.[130]

Фрэнсис вряд ли подозревал, что его рекомендация повисла в воздухе, и когда узнал, что министерская комбинация с Керенским во главе, которую он только что удостоил своего кредитного благословения, разваливается, то решил, как и в апрельские дни, не сидеть сложа руки. Как известно, 21 июля (ст. ст.) Керенский передал заместителю министра-председателя Н. В. Некрасову письмо о своей отставке, мотивируя ее невозможностью пополнить состав Временного правительства. Сам Некрасов и Терещенко просили отставки еще раньше. Подали заявление об этом и некоторые другие буржуазные министры. Получив заявление Керенского, Некрасов, однако, заявил, что теперь он, Некрасов, не может уйти, «так как тогда не будет того Временного правительства, к которому обращается в своем письме А. Ф. Керенский».[131] Вслед за ним согласились остаться Терещенко и другие заявившие об отставке министры. Но острота кризиса отнюдь не миновала, тем более что Керенский, подав свое заявление, сделал очередной театральный жест, уехав из Петрограда.

Как явствует из письма Фрэнсиса сыну, он узнал об отставке Керенского еще до того, как тот подал свое заявление.[132] Перед послом уже появилось было искушение перевести свою благосклонность с Керенского на Корнилова, подобно тому как он это сделал в апреле, когда Керенский вдруг занял в его расчетах то место, которое прежде занимали Гучков и Милюков. «Корнилов все выше оценивается публикой (разумеется, буржуазной, — *Р. Г.*), многие считают, что он сильнее Керенского», — добавил он, телеграфируя Лансингу о правительственном кризисе в этот

---

[130] Б. А. Бахметев — Лансингу, 3 августа (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 172—173.

[131] День, 22 июля 1917 г.

[132] D. R. Francis. Russia from the American Embassy, pp. 149—150. — В Петрограде находилась в это время английская социалистка и суфражистка С. Панкхерст, которая, хотя и выступала за войну, требуя наступления и т. д. (см.: А. В. Игнатьев, ук. соч., стр. 235), тем не менее была у Бьюкенена и у Фрэнсиса под подозрением, по-видимому, из-за ее связей с интернационалистским крылом Британской социалистической партии. Фрэнсис вслед за Бьюкененом отказал ей в устройстве аудиенции у Керенского. Но она все же попала к Керенскому, сопровождаемая особой, которую Фрэнсис назвал своей «осведомительницей», обозначив ее инициалами. Эта-то особа и сообщила Фрэнсису, что Керенский заявил при встрече о своем намерении выйти в отставку. Не было ли это сообщение Керенского рассчитано на передачу послам?

день, 21 июля (3 августа).[133] Назначение Корнилова Верховным главнокомандующим было, по мнению Фрэнсиса, «самым успокоительным актом нового правительства»,[134] но в премьеры генерал, с его точки зрения, явно в тот момент не годился. И посол вызывает к себе Милюкова, который внутренне оставался самым близким ему по духу и взглядам из русских буржуазных политиков. Милюков, собиравшийся в тот день выехать в Москву, не был, по рассказу Фрэнсиса, удивлен, услышав от него об отставке Керенского (иначе и быть не могло, поскольку именно Милюков, как лидер кадетской партии, был вдохновителем той кадетской «твердой линии», отступления перед которой соглашательских лидеров ЦИКа домогался Керенский своей отставкой).

«Я спросил его,— описывал Фрэнсис сыну свою встречу с Милюковым, — кто сформирует кабинет, если Керенский уйдет. Он ответил, что Керенский — это тот единственный человек, который может подобрать кабинет, и вообще единственный человек, способный спасти Россию от большевистского правительства». На всякий случай Фрэнсис стал все же называть Милюкову одного за другим всех возможных кандидатов в премьеры, упомянув не только Некрасова и Терещенко, но и одиозных для кадетов Церетели и Чернова (вероятно, шокировав кадетского лидера «широтой взглядов»). Всех их Милюков отклонял одного за другим, объяснив, что никому из них с большевиками «не справиться». Мнившие себя вершителями судеб России кадетский лидер и американский посол ни на ком, кроме Керенского, не могли остановить свой выбор. «Хорошо, — заявил тогда Фрэнсис Милюкову. — Вы должны отложить свою поездку в Москву и быть сегодня вечером в Зимнем дворце».[135] Речь шла о совместном заседании Временного правительства и центральных комитетов буржуазных и соглашательских партий, которое состоялось в Зимнем дворце в ночь на 22 июля. Предварительно вечером Фрэнсис еще побывал у Терещенко, который подтвердил факт отставки Керенского.

На ночном заседании Милюков действительно несколько раз выступал и играл видную роль, или, как выразился Фрэнсис, «фактически выглядел руководящей силой всего заседания». Он всячески старался добиться создания таких условий, при которых Керенский принял бы власть и получил бы неограниченные полномочия для формирования кабинета. «Раньше он одним концом натолкнулся на кадетов, а другим — на Советы. Теперь он будет иметь возможность решить, на какую сторону падет его выбор», — говорил Милюков.[136] Даже в этот критический момент Милюков не умолчал о военно-империалистических задачах рус-

[133] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 174.
[134] D. R. Francis. Russia from the American Embassy, p. 143.
[135] Там же, стр. 149.
[136] День, 23 июля 1917 г.

ской буржуазии, связав их с требованиями западных союзников. Впрочем, слова за войну были произнесены у колыбели новой коалиции и Церетели. Меньшевистский министр ратовал за «восстановление государственного порядка в стране» любыми средствами, говорил, что «власть ни перед чем не остановится».[137] Разумеется, линия, которую Милюков проводил на заседании, определялась его собственной целью — добиться министерской комбинации с Керенским во главе за счет обеспечения максимальной уступчивости меньшевистско-эсеровских лидеров. Предварительная встреча с Фрэнсисом вряд ли имела в этом смысле большое значение. Фрэнсис и сам, определяя свою роль, сводил ее лишь к тому, что он предотвратил отъезд Милюкова в Москву. Без Милюкова, считал он, однако, «Керенский, возможно, отказался бы от формирования кабинета, и к власти пришло бы другое правительство, менее дееспособное и не столь достойное». К сформированному Керенским 24 июля второму коалиционному правительству Фрэнсис относился с полным доверием, потому что оно «с каждым днем набирало силу», и считал возможным предоставление ему американских кредитов.[138]

Отдавая себе отчет в соглашательской роли меньшевистско-эсеровского руководства Советов, Фрэнсис был тем не менее в высшей степени удовлетворен полной неподотчетностью нового коалиционного правительства Советам и открыто раздававшимися теперь нападками на них, на которые прежде у представителей буржуазно-помещичьих партий не доставало «отваги».[139] (Фрэнсис имел, по-видимому, в виду речи на частных совещаниях членов Думы[140] и многочисленные выступления в буржуазной прессе). Его удовлетворило также сообщение Терещенко о намеченном создании при участии Корнилова Комитета национальной обороны из пяти членов. В их число должен был войти и Б. Савинков, назначенный на пост помощника военного министра и пользовавшийся, по словам Фрэнсиса, репутацией «железного человека, который безжалостно подавит выступления большевиков, если они произойдут».[141]

По этой причине именно перед ним возобновил теперь Фрэнсис свои требования расправы с В. И. Лениным и деятелями большевистской партии. Нам известно об этом из воспоминаний Харпера, служившего Фрэнсису и Савинкову переводчиком при их встрече. По словам Харпера, «Фрэнсис с большой настойчиво-

[137] День, 22 июля 1917 г.

[138] Письмо Фрэнсиса сыну, б. д.: D. R. Francis. Russia from the American Embassy, p. 150.

[139] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 5 августа (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 175.

[140] См.: Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной Думы, М.—Л., 1932, стр. 225 и сл.

[141] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 6 августа (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 176.

стью требовал ответа на вопрос, почему не выполнен приказ об аресте Ленина».[142] Поводом к возобновлению настояний Фрэнсиса на осуществлении ареста В. И. Ленина явились, по-видимому, сообщения о произведенных арестах деятелей большевистской партии, появившиеся в петроградской печати 25 июля ст. ст. Американская печать одобряла эти аресты. Приписывая Керенскому, «диктатору славянской республики», даже «казни бунтовщиков», газеты призывали положить конец «сатурналиям свободы».[143]

■

Хотя Фрэнсис склонен был доверять Терещенко, регулярно заверявшему его, что карательная политика Временного правительства будет усилена, петроградские телеграммы этих дней должны были в целом произвести на Лансинга скорее тревожное, нежели благоприятное впечатление. Такое впечатление эти телеграммы производили, — вероятно, вопреки намерениям Фрэнсиса, — отчасти потому, что на них сказывался пессимистический взгляд на положение дел, который обнаруживали перед поддерживавшим с ними связь Харпером старые советчики американского посольства Гучков и Милюков (постоянные официальные отношения с ними были теперь для Фрэнсиса не совсем удобны).[144]

9 августа Лансинг получил от русского посольства успокоительную телеграмму на имя Бахметева, отправленную Терещенко 7-го (н. ст.) явно для передачи правительству США вслед обращению, посланному Лансингу русским посольством 3-го. Сообщая о создании нового коалиционного кабинета, Терещенко подчеркивал в качестве «главных его черт» «вхождение представителей кадетов, усиление умеренных и патриотичных эсеров, таких как Савинков и Авксентьев, и отставку Церетели, в результате чего правительство будет независимо от Совета рабочих и солдатских депутатов». «Церетели настаивал на этом (своей отставке, — *Р. Г.*) потому, что, оставаясь вне кабинета, он сумеет более энергично защищать правительственные мероприятия», — писал Терещенко. Сообщая о поддержке новой коалиции Советом, он оценивал образование кабинета как победу буржуазных политиков над соглашателями. «Совет занял теперь оборонительную позицию и боится возможных атак на органы революционной демократии», — сообщал он, обещая восстановление боеспособности армии и похваляясь карательными талантами все того же Савинкова.[145]

Все эти сообщения из Петрограда оказывались теперь на столе

[142] S. N. Harper, ук. соч., стр. 106.
[143] The Literary Digest, 4 августа 1917 г.
[144] S. N. Harper, ук. соч., стр. 107.
[145] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 176—177.

Лансинга рядом с отчетом миссии Рута и вместе с ним рассматривались. Между тем миссия Рута, как мы уже указывали, отбыла из Петрограда под впечатлением о растущей «твердости» Временного правительства в борьбе с революцией. Известия из Петрограда, догонявшие миссию на ее долгом пути в Америку, казалось, это впечатление укрепляли. Политические итоги июльских событий, последовавшее за ними наступление контрреволюции, репрессии против большевиков и всех участников июльской демонстрации не могли не вдохновлять американцев. Особенно утешительны были для них персональные перемены — появление на посту министра-председателя Керенского, в «успокоительные» таланты и возможности которого миссия Рута весьма уверовала, и замена ген. Брусилова на посту Верховного главнокомандующего ген. Корниловым, еще до того обратившим на себя внимание Фрэнсиса и Рута. Перипетиям министерского кризиса, драматическим ситуациям, возникавшим на петроградской политической арене в ходе торга между различными группами буржуазных и соглашательских политиков и косвенно отражавшим нараставший процесс революционизирования масс, — всему этому миссия Рута, наблюдая издалека, не придавала должного значения.

Представленный миссией в Вашингтоне отчет в целом не приводил к пессимистическим заключениям о безнадежности положения Временного правительства и обреченности американской политики максимального использования сил России в войне с Германией. Впечатление о поправимости дела, хотя оно и противоречило некоторым содержавшимся в отчете мрачным предсказаниям, усиливалось приложенными к нему «Планами американского сотрудничества для поддержания и укрепления морального состояния гражданского населения и армии в России». В этом документе было обосновано и практически конкретизировано предложение о проведении правительством США в России долговременной пропагандистской кампании. Самая мысль об этом пришла Руту уже через несколько дней после приезда в Россию. Несколько осмотревшись, он и его спутники пришли к заключению, что прежняя установка правительства США, выработанная Лансингом и сводившаяся к тому, чтобы помогать Временному правительству, предъявляя ему строгие требования, негодна. Негодна она была в главном: дело было не в намерениях Временного правительства, а в политических его возможностях. «Обращения к Временному правительству не помогают преодолению главной трудности», — формулировал это Рут в телеграмме Лансингу 17 июля (н. ст.).[146] Он предложил тогда американское вмешательство в политическую жизнь России путем распространения в России различными способами американских пропагандистских материалов — листовок, брошюр и т. п., устройства бе-

[146] Там же, стр. 121—122.

сед и лекций, «снабжения газет» инспирированными американским пропагандистским ведомством материалами.[147]

Затребовав «немедленно» 100 тыс. долл. («мы не обеднеем от этого»), Рут далее телеграфировал: «По меньшей мере 5 млн долл. могли бы быть истрачены таким образом в этой стране с величайшей выгодой». Выгода же была очевидна: «Это стоило бы дешевле, чем содержание пяти американских полков, а перспектива удержания на фронте против Германии пяти миллионов русских во много раз ценнее пяти полков».[148]

Пока миссия Рута оставалась в России, Лансинг не очень-то торопился с удовлетворением требований Рута. Хотя президент Вильсон в принципе одобрил план кампании, государственный секретарь ограничивался заверениями в том, что предложения изучаются. По возвращении миссия сформулировала их в «Планах американского сотрудничества». «Настоящая война показала величайшее значение морального состояния солдат», — говорилось в этом документе. Теперь Рут и его спутники предлагали ассигновать на пропаганду в России на первый год 5.5 млн долл. Рут продолжил свой бухгалтерский анализ рентабельности для США предлагаемого им предприятия, доказывая, что ничто не может быть ни дешевле, ни эффективней с точки зрения американских интересов, чем удерживать русских солдат на фронте, приковывающем 140 германских дивизий. «На этом громадном войске, состоящем из русских мужчин и парней, лежит колоссальная ответственность за продолжение и активизацию военных действий на протяженнейшем восточном фронте, — говорилось в представленном миссией Рута документе. — От эффективности и преданности делу, с которой они выполнят свой долг в настоящих критических обстоятельствах, зависит — в большей мере, чем мы в Америке это осознали, — размер усилий и жертв, человеческих и материальных, которые понесет в великой битве народ Америки».[149] Таким образом, поднять боевой дух русских солдат следовало прежде всего, чтобы они воевали вместо американских. Другие причины, по которым «Соединенные Штаты должны взять дело в свои руки», заключались, по мнению миссии Рута, в том, что Америка обладала «необходимыми ресурсами», «подготовленными к такой воспитательной работе людьми» и «самыми эффективными методами» ее проведения. Особенное значение миссия Рута придавала своему явно ошибочному и ни на чем, кроме разговоров с подобострастными собеседниками из буржуазного лагеря, не основанному заключению о большой популярности,

---

[147] Особенно желательны были, с точки зрения Рута, кинофильмы, которые рекламировали бы военные усилия США, в сущности еще не воевавших. «Этим бедным парням говорят, что, кроме них, никто по-настоящему не сражается», — писал Рут.

[148] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 121—122.

[149] Там же, стр. 150.

которой Америка якобы пользовалась в России. Заслугу в достижении этой популярности миссия, чтобы польстить президенту, приписывала прежде всего его личной инициативе в немедленном признании Временного правительства, а затем — без излишней скромности — своей собственной деятельности. «Как раз в настоящий момент самым удобным подходом к России обладает Америка. Россия готова слушать Америку и расположена учиться у нее», — утверждала миссия Рута.

Ее предложения предусматривали учреждение особой информационной службы для снабжения американскими пропагандистскими материалами «всех периодических изданий по всей России», «широкое использование брошюр и листовок действенного содержания» с подкладыванием их в продаваемые по всей стране газеты, демонстрацию американских кинофильмов, выпуск красочных рекламных плакатов и организацию целой системы устной пропаганды силами нескольких сотен русских лекторов и ораторов.

Планы миссии Рута не допускали в содержании этой пропагандистской деятельности ничего случайного или стихийного, исключали возможность всякого самотека, предусматривали ее подчинение политическим интересам правительства США и неусыпный контроль за ней. Информационная служба должна была поэтому иметь два центра, один в Петрограде, — чтобы отбирать сообщения из Америки и из России, и второй в США — «для сбора и передачи американских сообщений подходящего рода». Фильмы (хотя допускались и комиксы) рекомендовалось демонстрировать главным образом «патриотического характера». Лекторов-пропагандистов предполагали свести в специальные группы «с целью подготовки к их деятельности и для того, чтобы она била в одну цель».

По содержанию вся эта пропагандистская кампания была задумана как проамериканская, милитаристская, скрыто антисоциалистическая, направленная на укрепление власти Временного правительства. Для обеспечения максимальной ее эффективности предполагалось сопроводить ее системой филантропических мероприятий, подобных тем, которые проводились до Февральской революции в русской армии земскими организациями, а в союзных странах — американской Христианской ассоциацией молодых людей, которая в России действовала в широком масштабе среди военнопленных — солдат центральных держав. Организация спортивных занятий, просветительных бесед и лекций, любительских спектаклей, которые представители Христианской ассоциации молодых людей начали проводить среди русских солдат в Томске, Иркутске и Ташкенте еще до приезда миссии Рута, имела в расчетах Рута две цели. Во-первых, таким образом можно было занять «здоровыми физическими и общественными развлечениями» те «пять или более незанятых часов», которые солдаты

тыловых гарнизонов и на фронте «проводили в бесцельных и невыгодных политических дискуссиях», подвергаясь «расслабляющей агитации». Во-вторых, миссия Рута надеялась расположить этим к себе массы солдат («они очень отзывчивы на доброту»), после чего их можно будет, рассчитывала она, «повести куда угодно».[150]

Как ни заманчивы были своей дешевизной и кажущейся легкостью осуществления представленные Рутом проекты, нельзя сказать, чтобы они встретили со стороны Вильсона и Лансинга восторженное отношение. На приеме у президента члены миссии Рута были поражены осведомленностью Вильсона относительно положения в России, но о рекомендациях миссии он говорить не захотел.[151]

Пропагандистские планы Рута не были тем не менее положены под сукно, они были переданы специальному американскому ведомству — Комитету общественной информации, возглавлявшемуся Джорджем Крилом. Однако к общим заключениям Рута и его миссии о положении в России Лансинг отнесся весьма сдержанно. Тому был ряд причин. Прежде всего сам Рут и наиболее «солидные» члены его миссии Мак-Кормик и Бертрон, представлявшие промышленный и банковский капитал, в частных разговорах признавали, что положение в России серьезнее, чем они об этом написали в своем официальном отчете.[152] Они, очевидно, боялись — и не без оснований, — что пессимистический отчет с оттенком безнадежности будет воспринят Лансингом и Вильсоном как основание для пассивности. Их доверительные признания, несомненно дошедшие до Лансинга, обесценили отчет в его глазах. Под отчетом, кроме того, не было подписи Крэйна,[153] не высказал к нему своего отношения Харпер.

Взгляды на положение в России, которые господствовали в Вашингтоне до возвращения миссии Рута, заключались в том, что процесс развития русской революции либо вовсе необратим, либо требует для своей приостановки коренного поворота в мировой политике. Дж. Кеннан, который ввиду отъезда в Россию Харпера играл роль первого эксперта по русским делам, еще с конца мая стал предупреждать Лансинга, что тяготение народных масс России к миру может помочь осуществлению «безумных планов неуравновешенных голов» «перевернуть Россию вверх дном с тем, чтобы победителем оказался пролетариат».[154]

---

[150] Там же, стр. 151—152.
[151] Ph. C. Jessup, ук. соч., стр. 368.
[152] W. Williams. Raymond Robins..., p. 51.
[153] Считая, что отчет миссии Рута недостаточно полно отражает ситуацию в России, Крэйн отправил в Вашингтон приехавшего с ним в Россию видного американского публициста Линкольна Стеффенса, поручив ему передать Вильсону устное обращение Керенского (A. Parry. Charles Crane, friend of Russia. The Russian Review, v. 6, № 2, Spring 1947, p. 30).
[154] W. Williams. Raymond Robins..., p. 50.

Это было, несомненно, косвенной реакцией на апрельский кризис, после которого Кеннан уже твердо стоял на том, что в России нужна «сильная личность», которая силой подавила бы всякое подобие радикализма. Считая Керенского неспособным на это, Кеннан довольно рано поставил на нем крест.

А вскоре после июльских событий в России стал бить перед Вильсоном тревогу Хауз. «Я не думаю, что мы можем уделить слишком много внимания положению в России, ибо если мы потерпим там поражение, наши беды будут и велики, и многочисленны», — писал он президенту 23 июля (н. ст.).[155] Хауз имел при этом в виду уже отнюдь не одну только военную сторону дела. Речь шла об угрозе, которую перспектива победы социалистической революции в России означала для всей капиталистической системы. Чтобы Вильсон по возможности более четко это себе представил, Хауз через день переправил ему письмо офицера связи США при Верховном военном совете Антанты в Париже А. Фрэзьера, в котором тот прямо писал о «глубоком влиянии» русской революции на Западную Европу.[156]

В личных беседах в эти послеиюльские дни Хауз начинал определенно говорить о заключении мира с Германией как единственном средстве, способном пресечь процесс развития революции. 30 июля (н. ст.) вашингтонский корреспондент филадельфийской «Паблик леджер» Линкольн Колкорд записал в своем дневнике следующее высказывание Хауза: «Чего я боюсь, так это того, что если мы не заключим мира, а ситуация в России будет становиться все хуже и хуже, наступит всемирная реакция против демократии. Я полагаю, что по одной только этой причине мир должен быть заключен, если возможно, в конце этого года».[157] Под «всемирной реакцией против демократии» — речь шла, разумеется, о буржуазной демократии — Хауз имел в виду распространение из России на Запад революционной идеологии. Предотвращение этого становилось в глазах Хауза не менее важной задачей политики США, чем разгром Германии. И когда Хауз говорил о перспективе мира, он имел в виду общее прекращение войны между союзниками и Германией: о такой возможности, как выход России из войны, он и не упоминал, считая, очевидно, участие США в войне против Германии без русской армии делом немыслимым.

Вильсон и Лансинг не склонны были, по-видимому, следовать рекомендации Хауза (он и сам, как мы увидим, не был достаточно последователен и вскоре от нее отказался), но дело явно представлялось им гораздо более серьезным, чем было изображено в отчете миссии Рута. Идея диктатуры военного типа встречала

---

[155] Ch. Lash, ук. соч., стр. 35.
[156] W. Williams. Raymond Robins..., p. 51.
[157] Ch. Lash, ук. соч., стр. 229.

после июльских событий все большие симпатии в среде американской буржуазной публики, в том числе и либерального толка.[158] Естественно, вызывали сомнение и рекомендации миссии Рута, составленные по принципу «дешево да мило».

Весь день 8 августа (н. ст.) Лансинг посвятил двум длительным беседам с Рутом и его спутниками — сначала с одним Рутом, затем со всем составом миссии. На следующий день государственный секретарь составил специальный меморандум, в котором выразил свои взгляды на положение в России.[159] Вопреки письменным и словесным официальным уверениям Рута и его спутников, Лансинг был настроен весьма мрачно. «Я удивляюсь их оптимизму, — писал он. — Я не вижу, на чем он основан». Государственный секретарь исходил из того, что революция в России развивается и неизвестно, когда и на чем в своем развитии остановится. Если в первом его меморандуме по русскому вопросу 19 марта ощущалось лишь предчувствие этого, то теперь это предчувствие перешло в твердое убеждение. Он даже наметил стадии развития революционного процесса в России по аналогии с ходом Французской революции конца XVIII в. Разница между взглядами государственного секретаря и взглядами Рута и его спутников выглядела в изображении самого Лансинга так. Члены миссии Рута верили в Керенского и надеялись, что возглавляемое им правительство «может стать сильнее, подавить радикализм и обезопасить общество от беззакония». Лансинг же, по его словам, относился к Керенскому «очень скептически», считая, что он «слишком склонен к компромиссам с радикальными элементами революции». Свои надежды на будущее, причем весьма отдаленное, государственный секретарь связывал с «восстановлением порядка с помощью деспотической военной силы». «По моему мнению, — писал он, — состояние деморализации будет становиться все хуже и хуже до тех пор, пока поднимется какая-нибудь сильная личность, чтобы покончить с этим раз и навсегда».

Одним из источников, из которых Лансинг почерпнул идею диктатуры, могло быть также письмо, полученное из России полковником Хаузом от Бертрона. Представитель банковского капитала в составе миссии Рута вскоре по прибытии в Россию пришел к заключению, что установление диктатуры «может быть благим делом», и частным письмом сообщил об этом Хаузу,[160] что было, разумеется, равносильно прямому обращению в Белый дом.

---

[158] Там же, стр. 46.

[159] Текст его см.: War memoires of R. Lansing, N. Y., 1935, pp. 337—338.

[160] Ch. Lash, ук. соч., стр. 229. — Примечательно, что Бертрон судил о положении в России, пожалуй, более реалистично, чем многие его спутники, хотя и отдавал дань обычным буржуазным утверждениям о германской пропаганде в стране. Признавая усталость народа от войны, он тем не менее исключал возможность сепаратного мира, по достоинству ценил социал-шовинизм соглашателей, считая, что Временное правительство будет продолжать войну, даже если состав его будет «пол-

Усвоив и внутренне одобрив идею диктатуры, Лансинг и на нее не возлагал всех своих надежд, требуя, чтобы США учитывали в своей политике возможность краха Временного правительства и выхода России из войны.

Такие взгляды государственного секретаря подтверждали, казалось бы, прежнюю его позицию, занятую им в русском вопросе еще в мартовские дни, позицию строгой требовательности по отношению к Временному правительству, состоявшую в том, чтобы оказывать ему помощь небольшими дозами в прямой зависимости от эффективности его карательных действий и военных усилий. Но Лансинг под очевидным воздействием неких влиятельных сил — полагаем, что здесь не обошлось без уоллстритовских связей Рута, — демонстративно заявлял в своем меморандуме, что он готов согласиться с заключениями Рута и принять принцип более широкой и безоговорочной помощи правительству Керенского. «До тех пор, пока существует шанс, что он прав, а я ошибаюсь, — уступал Лансинг, — я считаю, что мы должны делать все, что можем, чтобы морально и материально укрепить существующее правительство». Но «...если ошибается м-р Рут, — тут же предостерегал Лансинг, — тогда что бы мы ни делали, течения не остановить... Все наши усилия будут тщетны, они будут просто подобны щепкам, уносимым водным потоком».

Лансинг и позже, уже в отставке, утверждал, что ставка на Керенского ему лично была чужда. «Однако ввиду благоприятного отчета миссии Рута и выраженной членами американской миссии уверенности в том, что правительство Керенского достаточно прочно, чтобы успешно справиться с положением и восстановить боеспособность русской армии путем пресечения коммунистической пропаганды среди солдат и укрепления воинской дисциплины, для правительства США не оставалось никакого другого практического курса, кроме как помогать премьеру Керенскому — займами, экспертами и пропагандой — в его попытках удержать власть и навести порядок в беспорядке», — так оправдывал Лансинг свою уступчивость, комментируя меморандум 9 августа, включенный им в текст мемуаров.[161]

В этих словах была, собственно, сформулирована установка американской политики по отношению к Временному правительству, принятая в самые первые дни существования второго коалиционного кабинета с Керенским во главе. Несмотря на скепсис Лансинга, она, казалось, открывала перед Временным правительством в США весьма благоприятную перспективу. Впрочем, дело было в практической ее реализации, а это уже другой вопрос, заслуживающий специального рассмотрения.

ностью социалистическим». Для энергичного ведения войны, однако, требовались, по его мнению, со стороны правительства «более решительные шаги».

[161] War memoires of R. Lansing, pp. 338—339.

Глава VI

РУССКО-АМЕРИКАНСКОЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ»

(весна и лето 1917 г.)

СВЕРЖЕНИЕ царизма и вступление США в войну открыли новый период в русско-американских экономических отношениях. Он характеризовался небывалым до тех пор оживлением инвестиционных планов и рекогносцировок, дискуссий о русско-американском сближении и т. п. Практические же результаты, особенно в области американских капиталовложений в России, были по-прежнему незначительны. Однако в отличие от прежних времен едва ли не главной причиной «воздержания» американских капиталистов от «русского бизнеса» стала через несколько месяцев после Февраля неуверенность в судьбе капиталистического строя в России.

Прожектерская шумиха в Америке, достигшая своего апогея весной, началась сразу же после Февраля. «Тотчас же возник первый грандиозный проект о залоге всех русских железных дорог американским капиталистам, — писал П. М. Керженцев, — Америка-де дает своей сестре-республике несколько десятков миллиардов долларов, но в обеспечение получит всю железнодорожную сеть. Конечно, американцы проектировали также реорганизовать все железнодорожное дело на новых началах, создать новые линии, пополнить подвижной состав и т. д. Одним словом, образовать новый трест на русской почве и в грандиозном масштабе. Вслед за этим проектом возник план об аналогичной „помощи“ России в разработке ее минеральных богатств, утилизации лесов и пр. и пр. Наметился целый поход американского капитала на русскую державу».[1]

Американская печать твердила, что свержение монархии открыло для Америки двери России, что оно станет «вехой в русско-американских торговых отношениях». Газеты США ожидали резкого роста внешней торговли России, с Америкой в особенности. Характерные для всего периода первой мировой войны

[1] В. Керженцев. Русская революция и Америка. Летопись, июль—август 1917 г., стр. 255—256.

расчеты и надежды на баснословно выгодные послевоенные перспективы для американского капитала в России получили после Февральской революции новый импульс.[2] Решающее значение придавалось при этом «взаимному тяготению великих демократий».

В действительности же дело было главным образом в практических обстоятельствах, связанных не столько с Февральской революцией, сколько с вступлением США в войну.

Прежде всего получала совсем иное, новое решение проблема русского правительственного кредитования в США: в отличие от царизма, искавшего частных кредитов на американском денежном рынке, Временное правительство стало дебитором американского казначейства. Для американского частного капитала единственной значительной сферой приложения в «русском бизнесе» стало промышленное предпринимательство. Как нам приходилось уже отмечать, петроградские представители деловых «верхов» Америки сразу же после Февральской революции сочли ближайшие перспективы для американского капитала в России вполне благоприятными. Сразу же возникли и проекты развития американской торговли с Россией, в государственный департамент одно за другим стали поступать ходатайства различных фирм о возобновлении русско-американского торгового соглашения. Паспортный вопрос, служивший ранее препятствием к этому, разумеется, отпал теперь сам по себе, и представители делового мира проявляли большую настойчивость. «Пфистер энд Фогель лезё компани» («Pfister and Vogel Leather Co») 12 апреля писала Лансингу: «Из-за острой конкуренции, которая несомненно развернется после окончания нынешней войны, и ввиду громадных возможностей для сбыта американских товаров в России, крайне важно, не теряя времени, заключить с ней торговое соглашение... мы настаиваем на том, чтобы Вы добивались этого всеми силами».[3]

В таких же точно выражениях обращалась к Лансингу 2 мая чикагская фирма «Чикаго бридж энд айрон уоркс» («Chicago Bridge and Iron Works»), которая объявляла заключение торгового соглашения с Россией «жизненно важным для деловых интересов Соединенных Штатов».[4] С письмами в госдепартамент обратились по этому поводу также «Харт мануфэкчуринг компани» («Hart Manufacturing Co») и Торговая палата Портлэнда.[5] Тем не менее известные нам документы не содержат сведений о каких-либо попытках американской дипломатии возобновить торговое соглашение. Можно лишь высказать предположение

---

[2] См.: G. C. Kohlenberg. Russian-American economic relations, 1906—1917. Urbana, Univ. of Illinois, 1951 (microfilm), p. 235.

[3] The National Archives of the U. S. A microfilm publication. Microcopy № 333, Roll 7, cadre 0399.

[4] Там же, кадр 0405.

[5] Там же, кадры 0401, 0403.

о том, что развитие русско-американского торгового оборота, пока шла война, было сопряжено с трудностями такого рода (проблема тоннажа и т. п.), преодолению которых нельзя было помочь международно-правовыми актами. Да и весь американский ввоз в Россию состоял по существу из заказов и закупок правительственных ведомств, так что вопрос о таможенном обложении не имел пока значения. Что же касается коммерческих видов на послевоенное будущее, то правительству США просто было, по-видимому, не до них в калейдоскопе последовавших в России за Февральской революцией событий, каждое из которых ставило под вопрос будущее России как буржуазной страны. Может быть, в Вашингтоне существовал и расчет на то, что если все обойдется и Временное правительство упрочит свою власть, США сумеют в силу особых с ним отношений добиться для себя экстраординарных торговых преимуществ. В этом случае наспех заключенное соглашение могло бы даже повредить, и торопиться с ним не следовало.

Как бы то ни было, вопрос о торговом соглашении вопреки ожиданиям не получил движения ни в марте, ни в последующие месяцы,[6] и иную причину этого, кроме нежелания правительства США его возбуждать, трудно представить.

Временное правительство с первых же дней стало проявлять «особо внимательное отношение ко всем мероприятиям, направленным к развитию русско-американского сближения на экономической почве».[7] На следующий день после признания Временного правительства Соединенными Штатами министр торговли и промышленности А. И. Коновалов решил, что американская ориентация Временного правительства, распространяясь на экономическую область, относится и к его ведомству.[8] Даже в общей своей экономической программе, развитой перед журналистами 31 марта, Коновалов счел нужным специально остановиться на вопросе об экономическом сближении с США.[9] Экономические мероприятия рассматривались, по-видимому, и как призванные

---

[6] Дело ограничилось тем, что гарантии, требовавшиеся русско-американским соглашением 10 (23) сентября 1915 г. от американских импортеров и русских экспортеров для того, чтобы предметы русского вывоза в США не попадали в германские руки, были признаны Министерством торговли и промышленности утратившими силу в связи со вступлением США в войну (письмо товарища министра торговли и промышленности председателю Русско-Американской торговой палаты Н. И. Гучкову об отношении Временного правительства к привлечению американского капитала в Россию, май 1917 г.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 2, М.—Л., 1957, стр. 459).

[7] Письмо Милюкова Коновалову, 16 марта (ст. ст.) 1917 г.: Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 453.

[8] Письмо Коновалова Милюкову, 10 марта (ст. ст.) 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 447, л. 6.

[9] Экономическое положение России..., ч. 1, стр. 218.

подкрепить внешнеполитический курс. «Политическое, экономическое и финансовое сближение с Соединенными Штатами Америки является одной из важнейших ближайших задач наших», — писал Милюков.[10] Однако на практике представлялось возможным продолжать меры, намеченные царским правительством, которое, как мы видели, также стремилось к «сближению» с американским капиталом. Преемственность была здесь полной. Она ярко проявилась в вопросе об отправке в США специальной финансово-экономической миссии во главе с «особо авторитетным лицом». Проект такой миссии, как мы видели, обсуждался царскими ведомствами в январе. Как признавал теперь Милюков, Временное правительство ставило перед миссией те же самые цели. Круг ее функций, впрочем, расширился, она приняла вместо экономического общий характер, а Б. А. Бахметев, ее глава, занял пост посла в США. Совершенно так же, продолжая начатую осенью переписку, действовали Русско-Американская торговая палата и ее «дочерняя» организация в США, созданная ею при участии некоторых представителей американского делового мира, — Американо-Русская торговая палата. В их расчетах в этот момент был на первом плане «вопрос о возможности помещения американских капиталов в русских предприятиях», хотя они и рассматривали его «в связи с развитием торговых отношений». «Чтобы поднять интерес американских капиталистов», решено было представлять предложения из России «с самыми подробными данными». При этом имелось в виду как финансирование уже функционирующих прибыльных предприятий обрабатывающей промышленности (производство машин, станков, инструментов) — частных, государственных, городских, земских, — так и учреждение «с приливом нового капитала» из США новых горнопромышленных предприятий (добыча марганцевых и других руд, асбеста, платины), лесных разработок и т. п.[11]

К моменту приезда миссии Рута в письме Министерства торговли и промышленности председателю Русско-Американской торговой палаты Н. И. Гучкову было декларировано максимальное благоприятствование по отношению к американскому капиталу. «Временное правительство, относясь вполне сочувственно к приливу в Россию американских капиталов, — говорилось в письме, — не предполагает делать каких-либо ограничений в смысле формы помещения их в наши предприятия, в соответ-

---

[10] Письмо Милюкова Коновалову, 16 марта (ст. ст.) 1917 г.: Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 453.

[11] Письмо Американо-Русской торговой палаты в адрес Русско-Американской торговой палаты, не позднее 17 марта (ст. ст.) 1917 г. и Программа деятельности русской экономической миссии в США, представленная Русско-Американской торговой палатой на имя министра торговли и промышленности, 18 марта (ст. ст.) 1917 г.: Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 454—455.

ствии с сим оно будет допускать как непосредственное финансирование этих предприятий открытием кредитов заинтересованным банкам, так и учреждение новых акционерных обществ. В то же время правительство едва ли будет настаивать на облигационной форме допуска иностранного капитала, каковая форма, по-видимому, окажется для американцев особенно нежелательной».[12] В тексте этого письма можно усмотреть стремление сделать вид, будто американцам чуть ли не будет оказано специальное предпочтение. На самом же деле в таком предпочтении не было необходимости. Несмотря на то что Временное правительство в силу различных причин так и не перешло от разрешительной системы учреждения акционерных обществ к регистрационной, фактически разрешения на их учреждения давались автоматически, в том числе и на общества с участием иностранных подданных (с американской стороны, как мы увидим, речь шла во всех случаях о смешанных обществах с участием русского капитала).[13]

По меньшей мере излишним было и обещание не настаивать на нежелательной для американцев облигационной форме допуска капиталов. С тем, что американцы хотят выступать не как кредиторы только, а как организаторы и хозяева предприятий, приходилось, как мы видели, соглашаться и до Февраля. Теперь тем более не было смысла в каких-либо ограничениях, раз привлечение американского капитала было провозглашено Временным правительством в качестве политического принципа. Кстати, и в США дело обстояло не так одинаково и просто, по крайней мере теперь. Старый американский контрагент русского правительства Уортон Баркер, исходя из того, что Временное правительство наиболее заинтересовано в привлечении американского капитала как раз в производительной форме, сообщал Львову и Милюкову о настроениях в американских деловых кругах по этому поводу. С его точки зрения, в штатах Пенсильвания, Огайо, Индиана, Иллинойс и Мичиган существовали крупные предприниматели-практики в области горного дела, транспорта и т. д., склонные к деятельности в России. В Нью-Йорке же, наоборот, преобладали охотники вкладывать деньги в промышленный кредит.

Поэтому Баркер, предлагавший организовать для привлечения американского капитала в Россию Американо-русскую ас-

---

[12] Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 459. — Товарищ министра торговли и промышленности В. В. Прилежаев, отчеркнув слова: «оно будет допускать... особенно нежелательной», — написал на полях: «Если это уже было на рассмотрении министра финансов, [то] я, конечно, не возражаю».

[13] Ограничительные постановления по этому поводу были отменены 10 марта (ст. ст.) (Из журнала заседания Временного правительства...: Экономическое положение России..., ч. 1, стр. 215).

социацию, хотел именно в этих «провинциальных» штатах найти 20 членов ее правления. Задуманная Баркером Ассоциация должна была (очевидно, в отличие от Американской международной корпорации) действовать под эгидой Временного правительства. Он просил, чтобы Родзянко, Терещенко и Милюков выделили каждый по одному русскому члену правления с утверждением их Львовым.[14] Замысел Баркера остался неосуществленным, но его наблюдения за географическим распределением американских капиталистов различных «специальностей» оказались приблизительно верными. Американские промышленно-предпринимательские проекты в России действительно принадлежали капиталистам названных Баркером штатов, особенно чикагским.

После Февральской революции действовавшая в Петрограде группа более или менее значительных представителей различных американских корпораций увеличила свою активность. Наиболее видными из них были Дж. Мезерв, Ф. Хольбрук и Б. Брукс. Мезерв по-прежнему управлял Петроградским отделением «Нэйшнл сити бэнк оф Нью-Йорк». Хольбрук представлял Американскую международную корпорацию, больше, впрочем, заботясь об интересах своей собственной металлозаводской фирмы «Хольбрук, Кэбот энд Роллинс», а Брукс, которого Хольбрук ценил как «очень живого» зачинщика и «промотора» различных предприятий, полезного главным образом на первых порах, представлял в Петрограде сразу целую группу американских корпораций — действовавшую в Канаде американскую проектную фирму «Меткэлф компани» («Metcalf Co»), строительную «Уитерспун Инглэр компани» («Witherspoon Englar Co»), «Фаундейшн компани» во главе с Ремингтоном, «Иствик инжениринг компани» («Eastwick Engineering Co») и др. Все они резонно считали, что политическая ситуация благоприятствует их действиям. Да и правление «Сити бэнк» в марте телеграфировало Мезерву о своей «искренней» надежде на то, то «громадные перемены» в России будут осуществлены «гармонично» и пойдут на пользу отношениям банка с Россией.[15]

Между тремя петроградскими эмиссарами американского бизнеса существовало определенное единство действий, общим направлением которых было отыскание и исследование возможностей для значительных и прибыльных американских инвестиций. Мезерв, который в дофевральские времена как участник переговоров о русских государственных займах в Америке был рангом выше своих соотечественников, теперь, свободный от «государственных забот», вместе с ними целиком отдался поискам концессий, используя для этого свои связи в правительственных ведомствах, сохранившиеся при новом режиме.

[14] Письма У. Баркера Г. Е. Львову и П. Н. Милюкову, 9 мая (н. ст.) 1917 г.: ЦГАОР СССР, ф. П. Н. Милюкова, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 3697.
[15] ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 460.

Два задуманных американцами больших общероссийских проекта предприятий для строительства элеваторов и сахарных заводов сразу же после Февральской революции получили некоторое движение. Накануне нового года Хольбрук писал: «Брукс совершил здесь неслыханные вещи, и я убежден, что ему удастся построить образцовый элеватор... Это начало, и если оно будет удачным, такого рода бизнесу конца здесь не будет».[16] Хольбрук считал тогда, что часть капитала нового общества возьмут Американская международная корпорация и Российский государственный банк. Однако в разосланном Франклином Ремингтоном как президентом «Фаундэйшн компани» в конце марта письме об учреждении синдиката для получения контракта (еще не для строительства!) имеются, помимо этой компании, следующие участники: «Джон С. Меткалф К°», «Эллайд контрактинг К°» («Allied Contracting Co»), «Уитерспун Инглэр К°», Байрон Брукс.[17] Американская международная корпорация на том этапе по каким-то причинам отказалась от участия в предприятии.[18]

Сдвинулось как будто с места и задуманное американцами сахарное дело. Активную роль в нем, как и в элеваторном деле, играла ремингтоновская «Фаундэйшн компани», хотя официальное ее вступление в этот синдикат произошло довольно поздно.[19] Очевидно, Ремингтон, установив связи с Россией в сфере вооружения и отчасти даже завязнув в них (вспомним о частичном контроле, который пришлось приобрести над ремингтоновскими заводами русским заготовительным органам в США), считал целесообразным установить свое влияние в задуманных американцами крупных хозяйственных предприятиях в России. «М-р Ремингтон заявил, что они намереваются войти в Россию (to enter the Russian field), и были бы рады сотрудничать с активной русской организацией, такой как Международный коммерческий банк», — писал правлению русского пищепромышленного общества «Юровета» его представитель в США.[20] Готовность к сотрудничеству с Ремингтоном в России изъявила крупная техническая сахаропромышленная фирма «Иствик инжиниринг компани» («Eastwick Engineering Co»), которая усмотрела «там прекрасную возможность для бизнеса в строительстве новых сахарных заводов, особенно рафинадных».[21] Наибольший энтузиазм вызвал в соответствующих деловых кругах США новый

---

[16] ЛГИА, ф. 2178, д. 1, л. 18.
[17] Там же, лл. 51—52.
[18] Хольбрук — президенту Американской международной корпорации Стоуну, 31 мая (н. ст.) 1917 г.: ЛГИА, ф. 2178, д. 1, л. 27.
[19] Телеграмма «Фаундэйшн компани» Хольбруку, 1 июля (н. ст.) 1917 г.: там же, л. 45.
[20] Письмо Э. Джонса обществу «Юровета», 26 марта (н. ст.) 1917 г.: там же, л. 6.
[21] Э. Иствик — Ф. Ремингтону, 26 марта (н. ст.) 1917 г.: там же, л. 7.

проект петроградских эмиссаров американского бизнеса, заключавшийся в том, чтобы в связи со строительством элеваторов внедриться в русскую хлебную торговлю. В мае Хольбрук предложил вице-президенту «Сити бэнк» Мак-Робертсу личное участие в синдикате для обследования русской хлебной торговли с тем, чтобы в будущем организовать компанию для непосредственного в ней участия.[22] Мак-Робертс немедленно согласился. Кроме него, Хольбрука и Брукса, в синдикат вошла та же рейнгтоновская «Фаундэйшн компани», а также крупная американская зерноторговая корпорация «Армор грэйн компани» («Armour grain Co»), вместе с сотрудничавшим с ней чикагским торговым домом Дж. Розенбаума, взявшим на себя практическую часть дела.

Естественно, что между тремя синдикатами — и не только благодаря Рейнгтону — установилась тесная связь. Обострение продовольственного положения в России увеличивало их значение. Главную роль играл хлеботорговый синдикат. «Цель нынешнего обследования — Сибирь», — телеграфировал Мак-Робертсу Хольбрук.[23] Было совершенно ясно, что подобное предприятие немыслимо без широкого участия русского капитала. Готовности к вступлению в синдикат, проявленной Э. К. Грубе (член Совета Сибирского торгового банка, он участвовал и в американском декабрьском железнодорожном синдикате 1916 г.), было недостаточно. И в качестве влиятельного русского партнера американского капитала выступила знаменитая русская фирма Стахеева. Как известно, эта фирма представляла собой ядро крупнейшего в России этих лет концерна Путилова—Стахеева—Батолина, тесно связанного с Русско-Азиатским банком и другими банками страны.[24] Хлебное дело было исконным предметом занятий Стахеева, в этой сфере он располагал старыми и прочными позициями и связями, которые усиливались приобретенным за военные годы значительным участием в капиталах Московско-Казанской и других железных дорог и весьма значительными позициями в области внешней торговли.

П. П. Батолин, представлявший фирму в переговорах с представителем американского синдиката, проявил не только явную склонность к сотрудничеству с американцами, но и некоторую твердость в обращении с ними. Он изъявил согласие войти в американский синдикат вместе с «Армор грэйн компани» (ее он выделил, вероятно, как наиболее влиятельную в хлебной торговле), но при условии, чтобы капитал, вложенный стахеевской

---

[22] Телеграмма Хольбрука Мак-Робертсу, 21 мая (н. ст.) 1917 г.: там же, л. 208.

[23] Телеграмма Хольбрука Мак-Робертсу, 28 мая (н. ст.) 1917 г.: там же, л. 210.

[24] См.: Т. М. Китанина. Из истории образования концерна Стахеева. В кн.: Из истории империализма в России. М.—Л., 1959.

фирмой, был равен американскому и чтобы при внедрении американцев в русскую хлебную торговлю и во всех их действиях стахеевская фирма принимала равное участие. Минимумом, на который соглашалась стахеевская фирма, было равенство стахеевского капитала в будущем смешанном русско-американском обществе с капиталом «Армор грэйн компани».[25] «Вопрос о контроле, — подчеркивал Брукс в своем меморандуме о переговорах с Батолиным, — представляется серьезным». Он предполагал оставить его пока открытым, считая, что сотрудничество стахеевской фирмы обеспечено.[26]

Переговоры Брукса с Батолиным вышли далеко за пределы хлеботорговой темы. Американские монополии, которые представляли Брукс, Хольбрук и Мезерв, продолжали вынашивать планы участия в строительстве русских железных дорог. Стахеевский концерн, ставший в 1917 г. одной из самых мощных монополистических организаций России, не мог быть обойден и здесь. И одновременно с договоренностью о хлеботорговом синдикате появился на свет черновой вариант соглашения между Бруксом и Батолиным о железнодорожном строительстве. Сущность его сводилась к тому, что американские фирмы образуют под полным своим контролем и с чисто американским капиталом «Русскую строительную компанию». Батолин, со своей стороны, брался обеспечить американскую компанию контрактами за половину прибыли сверх 6%. Каждое русское железнодорожное общество, которое заключило бы с американцами контракт на постройку дороги, должное было финансировать ее таким образом, чтобы американская компания всегда имела средства на три месяца вперед. Железнодорожные общества получили бы зато право финансового контроля над компанией.[27]

Это была, по-видимому, попытка возродить железнодорожное предприятие Американской международной корпорации, возникшее было накануне Февральской революции. Брукс действовал, несомненно, в согласии с Хольбруком, а американские фирмы, которые он представлял в переговорах с Батолиным, были из числа входивших в состав Американской международной корпорации, хотя сама она и занимала теперь уклончивую и выжидательную позицию.

После того как переговоры со стахеевской фирмой были завершены и она вошла в хлеботорговый синдикат, синдикат этот фактически объединил свои действия с элеваторным. В Петроград отправились служивший в «Армор Грэйн компани» крупный делец в области торговли пищевыми продуктами Ральф Пик-

[25] Письмо Брукса Стахееву, 12 (25) июня 1917 г.: ЛГИА, ф. 2178, д. 1, л. 105.

[26] Результаты переговоров между Б. Бруксом и П. П. Батолиным между 1 и 13 июня 1917 г.: там же, л. 17.

[27] Брукс — Батолину, 4 (17) июня 1917 г.: там же, лл. 220—222.

кель, одновременно представлявший (об этом ниже) Продовольственную администрацию Герберта Гувера, а также глава торгового дома «Розенбаум и К°» Дж. Розенбаум.[28] Сахарный синдикат, подобно тому как поступил зерноторговый со стахеевской фирмой, добился вступления в свой состав «Юроветы».[29]

Американские изыскатели даже стали было делить пирог, отталкивая друг друга. Так, Хольбрук явно пытался оттеснить на второй план Брукса, опорочив его в США как прожектера. Планы создания американской компании для торговли российским зерном были серьезными и всеохватывающими. Датированный июлем 1917 г. «Меморандум относительно предположенной Зерновой операционной компании для России» не только подтверждает это, но и свидетельствует о быстром и энергичном приступе к делу. В меморандуме сообщалось, что американский элеваторный синдикат находится на пороге преобразования в русское акционерное общество. Его инженеры работали в России, и был заключен уже контракт с Государственным банком на проектирование элеватора американского типа в Котласе.

О действиях зернового синдиката в меморандуме говорилось следующее: «Представители „Армор грэйн компани“ и „Дж. Розенбаум грэйн компани“ 1 августа будут в Сибири, там их встретят инженеры элеваторного синдиката, а также представители компании Стахеева. Нынешние планы состоят в том, чтобы эта группа тщательным образом обследовала территорию Сибири, имея целью организовать здесь хлебное дело на тех же принципах, что и на новых территориях Канады или Штатов. Предусмотрено также обследовать и другую область России, известную под названием Камской — от Уфы до Волги и к северу от Вятки. Обе эти территории практически никак сейчас не оборудованы для хранения зерна и регулирования зерновой торговли. Вероятно, из обеих этих областей можно будет организовать экспорт зерна через Котлас—Архангельск. Вопрос о том, куда направиться обследователям после этого, будет решен на основе сведений об общей обстановке, которыми они будут к тому времени располагать. После завершения обследования всего поля деятельности в России, если условия окажутся благоприятными, будет, по всей вероятности, образована Русско-американская зерновая компания для строительства в провинции ряда элеваторов с подъездными путями, которые будут ей принадлежать на праве собственности. Что касается размеров участия в будущей компании американских обществ (имеются в виду, вероятно, «Армор компани» и Розенбаум, — *Р. Г.*) и стахеевской фирмы, а также других членов синдиката, этот

---

[28] Телеграмма Мак-Робертса Хольбруку, 20 июня (н. ст.) и письмо Хольбрука Розенбауму, 8 (21) июля 1917 г.: там же, лл. 213, 16.

[29] Хольбрук — правлению «Юроветы», 10 (23) июля 1917 г.: там же, л. 9.

вопрос будет отложен до завершения нынешнего обследования».[30]

Как видим, элеваторную систему американцы намеревались построить как собственность смешанной — с участием Стахеева — компании, в отличие от железнодорожного строительства, которое они в качестве подрядчиков брались вести для русских железнодорожных обществ. При этом еще до завершения обследования учредители Русско-Американской зерновой компании ставили перед собой задачу добиться для будущей компании значительного контроля над русской зерновой торговлей, в частности экспортной.

Однако реализация всех этих планов по-прежнему оставалась делом будущего, которое представлялось теперь весьма неопределенным. В надежде на появление благоприятных перспектив приходилось ограничиваться пока подготовительными мерами. «Нынешний момент неподходящ для того, чтобы закреплять за собой практический бизнес, но время для исследований приспело», — телеграфировал Хольбрук Ремингтону 21 июня.[31] Через несколько дней в письме в Нью-Йорк он специально остановился на российской политической ситуации. Главная опасность — недвусмысленно давал он понять — видна со стороны «максималистов, или анархистов, как мы бы их приблизительно назвали» (распространенная в буржуазной печати манера называть так большевиков была, как мы уже видели, усвоена американцами). Некоторое утешение Хольбрук видел лишь в том, что «максималисты» немногочисленны, а «большинство русских» — «даже» не «социалисты» и вообще «гораздо консервативнее, чем это кажется под впечатлением от всех этих разговоров в Петрограде, который ведь не Россия». «Обстановка здесь самая неопределенная, — писал он. — Временное правительство набирает силы, но распущенность, проистекающая из свободы слова, предоставленной народу, который был ранее так подавлен, способствует неразберихе и опасениям».[32] Точка зрения Хольбрука соответствовала традиционным концепциям американских «руссофилов», личным взглядам Лансинга и Фрэнсиса. Эта общая позиция, все более приобретавшая значение руководящего принципа «русской политики» США, свидетельствовала об иллюзорности надежд российских защитников буржуазной демократии найти себе опору в политическом сближении с США, в привлечении американского капитала и т. п.

Абстрактно-теоретическая приверженность к буржуазно-демократическому образу правления оборачивалась в политической

---

[30] ЛГИА, ф. 2178, д. 1, лл. 12—13.
[31] Там же, л. 45.
[32] Хольбрук — «Эллайд контрактинг компани», 30 июня (н. ст.) 1917 г.: ЛГИА, ф. 2178, д. 1, лл. 22—23.

практике представителей американских официальных и деловых кругов, имевших отношение к России, такой же точно тоской по «твердой власти», какую испытывали значительные слои российской буржуазии и буржуазной публики.

Нельзя не отметить, что представитель банковских кругов в миссии Рута Бертрон, подавший из Петрограда в официальный Вашингтон мысль о том, что диктатура в России «может быть благим делом», естественно, находился в России в обществе Мезерва и Хольбрука. Не исключено поэтому, что от небольшой группы американских дельцов в Петрограде тянулась информационная нить к вашингтонской правительственной кухне, на которой «делалась большая политика» США и формировались представления о русской революции.

На Уолл-стрите, как и в госдепартаменте, пессимистические взгляды на политическое положение в России, по-видимому, породили сомнения в прочности капиталистического строя в этой стране. И на фоне общего энтузиазма по поводу «похода в Россию» к лету обнаружились признаки осторожно выжидательного отношения к связанным с Россией экономическим проектам. Оно отразилось в письме крупного горнопромышленника У. У. Мэйна Мезерву по поводу его старого, сделанного еще до февральских событий предложения об организации для действий в России Горнопромышленной и изыскательской компании. «Некоторые из наших друзей, — писал Мейн, — обдумывали как раз такого рода предприятие, но они, как мне представляется, не расположены действовать в настоящий момент из-за политических беспорядков в России. Известия оттуда, которые мы сейчас получаем, показывают, что наиболее неистовые социалистические агитаторы теряют почву, но пока не одержит верх какое-либо устойчивое правительство, здесь едва ли, по моему мнению, будет достаточная уверенность в безопасности капиталовложений в Россию, такая уверенность, которая оправдала бы очень активные поиски инвестиционных возможностей там».[33]

«Но если Россия возьмет себя в руки, — продолжал Мейн, — и снова примет на себя свою долю в военных действиях против Германии, в Соединенных Штатах возникнет гораздо более доброжелательное отношение к инвестициям в России. Я надеюсь, что именно так это и будет и в конце концов мы сумеем положить начало действиям в указанном Вами направлении. Тем временем я всегда буду рад услышать от Вас все, относящееся к ситуации в целом или к любому горнодобывающему предприятию, которое могло бы оправдать основной замысел».[34]

---

[33] Мэйн — Мезерву, 31 мая (н. ст.) 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 213.
[34] Там же.

Вероятно, попытка Мейна представить страх перед революцией единственной причиной инвестиционного воздержания американского бизнеса была несколько нарочита и продиктована, так сказать, воспитательными соображениями. Существовали, по-видимому, и другие, внутриамериканские, причины этого. Американская международная корпорация, например, как это видно из переписки ее петроградского представителя Хольбрука с Нью-Йорком, фактически отказалась от участия в обследовательских синдикатах, хотя и подчеркивала свои интересы в России.[35] Насколько нам известно, она не откликнулась и на предложение возобновить среднеазиатский оросительный проект, вокруг которого еще в довоенные годы хлопотали известный американский делец Дж. Хэммонд и крупный инженер Артур Дэвис.[36] Но входившие в состав Американской международной корпорации монополистические фирмы приняли в обследовательских синдикатах активное непосредственное участие.

Разумеется, сообщения из России о деятельности фабрично-заводских комитетов, развитии рабочего контроля на предприятиях не могли подогреть энтузиазм иностранных предпринимателей. На минорный лад настраивало их и производившееся русскими промышленниками свертывание производства.[37] К тому же возникли какие-то трения между органами Временного правительства и Петроградской конторой «Нэйшнл сити бэнк», вызвавшие в нью-йоркском правлении банка глубокое беспокойство.[38] Беспокойство это было, впрочем, скоро устранено, и сам Вандерлип сообщал Мезерву, что он «чрезвычайно удовлетворен» «ростом бизнеса в Петроградской конторе» и уже

---

[35] Президент Американской международной корпорации Стоун — Мезерву, 14 июня (н. ст.) 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 478.

[36] Мезерв — Л. Ханту, 4 (17) мая 1917 г.: там же, д. 23, л. 206. Об истории этого проекта см.: М. Я. Гефтер. Из истории проникновения американского капитала в царскую Россию до первой мировой войны. Исторические записки, т. 35.

[37] Характерен в этом смысле конфликт между русским акц. об-вом машиностроительного завода Л. Нобеля и американской посреднической фирмой К. Х. Маккарти. Осенью 1916 г. Нобель сделал этой фирме заказ на оборудование на сумму около полумиллиона рублей. Когда же заказ в мае 1917 г. был выполнен, он наотрез отказался брать оборудование и платить за него, ссылаясь на трудности получения валюты в русских правительственных инстанциях. Представитель американской фирмы попрекал Нобеля американскими займами Временному правительству, которое «так замечательно борется» «с нынешними трудными обстоятельствами», пугал «очень плохим впечатлением», которое произведет это дело на миссию Рута и т. д. (Письмо Ч. Мак-Нэми, помощника президента компании Маккарти, Л. Нобелю, 18 (31) мая 1917 г.: ЛГИА, ф. 1258, оп. 1, д. 312, л. 45).

[38] Телеграмма Мак-Робертса Мезерву, 2 июня (н. ст.) 1917 г., переданная дипломатическим шифром через Лансинга и Фрэнсиса: ЦГИА СССР, ф. 642, оп. 1, д. 23, л. 18.

отправил в Россию управляющего для открываемого отделения «Сити бэнк» в Москве.[39]

В начале июля Мезерв разослал в крупнейшие русские банки телеграмму, полученную им от друга — «очень влиятельного» американского горнопромышленника, с просьбой получить опцион на какое-либо уральское горнопромышленное предприятие между Пермью и Челябинском. Особенный интерес был проявлен к Верхнеиссетску.[40] Руководитель Международного банка Вышнеградский в своем ответе рекомендовал американцам обратить внимание на Кузнецкий бассейн и принять участие в развивавшей в это время большую активность Кузнецкой компании во главе с В. Ф. Треповым. Он обещал им здесь «блестящее будущее».[41] Азовско-Донской банк, имевший в Верхнеиссетском предприятии значительное участие, ответил письмом, которое, несмотря на уверения в том, что банк не собирается отказываться от этого дела, свидетельствовало о готовности Каменки не только продать американцам свою долю, но и обеспечить им большинство акций («если мы договоримся об условиях»).[42]

Легко можно было понять, что доллары в американском банке при любой форме расчетов с участием Кредитной канцелярии Каменка предпочитает уральским ценным бумагам. Очевидная его готовность избавиться от акций должна была насторожить американцев.

Между тем в горнопромышленной сфере намерения американцев были несколько более реальными, чем в прочих. Это видно из журнала Особого совещания для разработки и проведения мероприятий, направленных к подъему горного промысла в России, образованного Временным правительством при Горном департаменте Министерства торговли и промышленности.[43] Специальное заседание 8 июня было посвящено вопросу о привлечении американского капитала в горную и горнозаводскую промышленность в связи с пребыванием в России миссии Рута. Непосредственной целью заседания была выработка программы действий уполномоченным, «командируемым для усиления по горной части миссии Бахметева». Иначе говоря, следовало определить, что и как предлагать американским горнопромышленникам. В журнале заседания не отражены заявления самих американцев о готовности войти в русское горное дело, но, судя по общему ходу заседания и по выступлению проф. В. Б. Ельяше-

---

[39] Вандерлип — Мезерву, 18 июля (н. ст.) 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 214.

[40] Письма Мезерва Каменке, Вышнеградскому, Герценбергу, Грубе, 8 (21) июля 1917 г.: там же, д. 23, лл. 295, 566, 202, 193.

[41] Вышнеградский — Мезерву, 12 (25) июля 1917 г.: там же, л. 261.

[42] Азовско-Донской банк — Мезерву, 14 (27) июля 1917 г.: там же, д. 26, л. 217.

[43] Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 461—465.

вича, члена Совета Московского промышленного банка, об этом имелись более или менее достоверные сведения. Главными действующими лицами на заседании были директор Горного департамента С. Ф. Малявкин и главный руководитель промышленной политики Временного правительства П. И. Пальчинский, который объединял в своем лице несколько важнейших в экономическом отношении правительственных постов и сам, кстати сказать, был довольно крупным горнопромышленником. Малявкин, который был докладчиком, ставил вопрос об американском капитале в связь с общей задачей подъема горного дела. Привлечение иностранного капитала он предлагал проводить «планомерно», чтобы он «явился», «так сказать, обдуманно и с точным расчетом», а «не случайно, покидая другие перегруженные рынки». Для этого, указывал он, «совершенно необходимо создать безусловную гарантию» твердой политики в горном и горнозаводском деле. Он считал, что при допуске иностранного капитала к разработке месторождений еще не изученных, следует применять концессионную форму с условием, что иностранные концессионеры будут вести некоторые исследования неразведанных горных богатств. Изученные же месторождения предполагалось отдавать иностранцам в аренду.

Пальчинский ставил вопрос о привлечении иностранных капиталов в связь не только с горной политикой, но и с «широким планом экономического развития производительных сил России». За несколько дней до того, 1 июня (ст. ст.), Терещенко телеграфировал Бахметеву в Америку: «По моим впечатлениям, экономический кризис, являющийся естественным последствием политического переворота, даст остро себя чувствовать еще два или три месяца. Поэтому временная приостановка промышленного расширения не должна останавливать наших шагов, направленных к привлечению иностранных капиталов, и подготовительных шагов к будущему развитию».[44]

Как раз 8 июня, в день заседания Особого совещания по горным делам, кадет В. А. Степанов, временно управлявший Министерством торговли и промышленности, представил Временному правительству проект декларации о принципах экономической политики и объяснительную записку к нему. В этих программных документах, в составлении которых Пальчинский принимал активное участие, декларировалась верность Временного правительства капиталистическому строю и обосновывалась неизбежность государственного вмешательства в экономику.[45] Политика привлечения иностранных капиталов рассматривалась в них как нечто незыблемое. Потребность в иностранном капитале фигури-

---

[44] Там же, стр. 460.

[45] См. об этом: П. В. Волобуев. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962, стр. 71 и сл.

ровала в качестве аргумента против «социалистических доктрин», которые-де отвратят его от России.[46] С этих позиций и выступал на заседании Пальчинский. Он даже выдвинул теорию о том, что при государственном регулировании хозяйственной жизни Временным правительством иностранные капиталисты охотнее пойдут в русское горное дело, чем в том случае, «если им будет предоставлена возможность быстрого и выгодного, без разбора и вне зависимости от общего плана, помещения капиталов».[47] Выгода эта может оказаться «только призрачной», объяснял он, особенно подчеркивая, что для «русских государственных... интересов подобная постановка дела была бы совершенно недопустимой». Исчисляя «размеры, в которых можно привлечь в русский горный промысел иностранные капиталы», Пальчинский приходил к выводу, что они «громадны». Включая в свои расчеты все отрасли хозяйства, связанные с горным промыслом, в том числе железнодорожное дело, Пальчинский получал действительно огромную цифру в 10 млрд рубл., которую считал минимальной (1 млрд — в металлургию, 1 млрд — в нефтяную промышленность, 3 млрд — в добычу твердого минерального топлива, 4 млрд — в развитие железнодорожной сети, 1 млрд на карьеры и клинкерные заводы).

При этом главную ставку Пальчинский делал на американский капитал, который он в соответствии с традиционным взглядом русских правящих кругов считал «чисто деловым и аполитичным, в противовес европейским иностранным капиталам», а потому привлечение его объявлял «для России делом государственной мудрости и необходимости». Он надеялся на то, что американские капиталы «пойдут в русскую промышленность охотнее, чем французские и английские, так как опыт помещения первых в России оказался для них не всегда благоприятным, а Англия вообще опасается конкуренции русской обрабатывающей промышленности».

Все шло на этом заседании совершенно так же, как на совещании по вопросу о строительстве силами американского

---

[46] Почти в это же время в США Л. Пазвольский, видный американский экономист, в те годы редактировавший «The Russian Review», орган американских сторонников «сближения», изложил в нем свой взгляд на будущее русской экономики. Развитие производительных сил России без участия иностранного капитала он считал невозможным и предлагал «подстрекать» американские капиталовложения в России, поскольку США — «единственный в мире великий международный банкир». «Конечно, — писал он, — Россия не Мексика и не Китай», и иностранный капитал не может там пользоваться «полной свободой». Государственное регулирование он рассматривал как средство, которое способно предотвратить эксплуатацию страны иностранным капиталом, но тут же требовал «сделать все, чтобы стимулировать его приток в Россию» (The Russian Review, v. III, № 3, July, 1917, p. 17 etc.).

[47] Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 461—465.

капитала дороги Москва—Донбасс 1 (14) февраля. Пережитый Россией переворот словно вовсе не отразился на отношении представителей русских буржуазных кругов к вопросу о привлечении американского капитала. Все члены Особого совещания в принципе поддерживали Пальчинского, но не скрывали своих опасений и стремились обставить привлечение американского капитала всяческими ограничениями и оговорками.

А. Л. Бабошин не только настаивал на «необходимости оградить от американских капиталистов русские интересы», но и предложил решать «вопрос о предоставлении каких-либо льгот для американского капитала», «взвесив, каким будет — благотворным для России или нет — влияние американской культуры». «Помимо вопроса о политической роли иностранного капитала, — теоретизировал он, — должно учитываться то культурное влияние..., которое несет с собою этот капитал». В. Б. Ельяшевич, осуждая «„привлечение" во что бы то ни стало», требовал выработки условий, на которых американцев можно было бы «пригласить или допустить». Американские капиталисты, утверждал он, «сейчас интересуются и желают вложить свои деньги в русские предприятия», и «это доказывает, что создавшаяся у нас конъюнктура еще достаточно для них и для нас благоприятная, чтобы мы могли также и сами ставить известные необходимые условия». Но многозначительное «еще» означало, что положение дел в России не улучшается, а ухудшается, и Ельяшевич, хотя и с оговоркой насчет «обеспечения основных русских интересов», считал нужным идти на уступки. Другие члены Особого совещания, в том числе крупный уральский горнопромышленник Ф. Ф. Фосс, требовали «идти на очень большие уступки и все сделать для привлечения американского капитала в различные, наиболее для него выгодные и заманчивые отрасли русской горной промышленности». Они видели в этом один из способов «немедленного оживления промышленной деятельности» для избежания надвигавшейся экономической катастрофы, и Фосс, в принципе одобряя вместе с другими «многомиллиардные цифры» Пальчинского, предлагал «спешить с предложениями менее крупного масштаба».

Катастрофичность положения — и здесь кончается аналогия с дофевральскими временами — оставляла лишь один возможный подход к проблеме привлечения американского капитала, как, впрочем, и ко всем другим вопросам: все, способное хоть как-то помочь дальнейшему функционированию капиталистического хозяйственного механизма, нужно было приветствовать.

Совещание все же постановило считать необходимым условием, «которое следует поставить американским капиталистам», использование русских рабочих и техников. Концессионный порядок сдачи американцам русских горных богатств был признан «почти единственным применимым». Малявкин подчеркнул, что

Временное правительство «не предполагает создавать для американского капитала монопольного права использования всей русской горнопромышленности» и хотело бы привлечения в горное дело как прочих иностранных капиталов, так и русских, но «для некоторых определенных отраслей и районов, продолжал он, наиболее подходящим является капитал американский». Перечень этих районов и отраслей включал в себя девять пунктов: 1) нефтепромышленность на Сахалине (привлечение туда американцев считалось полезным с политической точки зрения как противовес японскому влиянию при условии сохранения связей острова с метрополией и участия русских капиталистов); 2) углепромышленность на Дальнем Востоке (Сахалин, Сучан) в связи с железнодорожным и портовым строительством; 3) дражное (крупное золотоносное) дело; 4) золоторудное дело на Алтае; 5) железорудное дело на Южном Урале в связи с углепромышленностью в Кузнецком бассейне; 6) низкосортные тощие угли и торф в Подмосковном районе в связи с электрификацией его; 7) постройка коксовальных печей и усиление добычи угля на Юге России; 8) карьерная и цементная промышленность; 9) добыча меди, марганца и ферромарганца.

Руководящая роль, которую играл в заседании Пальчинский, казалось бы, придавала решениям Особого совещания известное значение. Но реализация этих решений так и не состоялась, и они лишь увеличили собой число неосуществленных проектов Временного правительства и его органов.

Тем более примечателен международный отклик, который вызвали решения Особого совещания, появившиеся в печати. В атмосфере острого империалистического соперничества Японии и Америки при том, что экспансионистские вожделения каждой из них распространялись и на русский Дальний Восток и районы Сибири, в Токио скоро ощутили политический замысел, связанный с проектом допущения американцев на Сахалин, и в Японии распространились слухи, будто Временное правительство вело об этом переговоры с Рутом.[48] Между тем, по сообщениям представителя русского Военного министерства в Японии полковника Чубакова, японское и американское правительства затеяли обмен специальными миссиями, чтобы «сговориться о разграничении сфер влияния Америки и Японии в Китае и России, дабы избежать из-за этого столкновения». «Намерения Японии в отношении России, — продолжал Чубаков, — сводятся к стремлению экономического захвата Восточной Сибири, на что у них ранее не было средств». Северный Сахалин и Приморская область, сообщал Чубаков, интересуют японцев как районы заготовки леса. Они также «настойчиво

[48] Телеграмма Терещенко Б. А. Бахметеву, 28 июля (ст. ст.) 1917 г.: Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 468.

мечтают» купить у России железную дорогу от Чанчуня до Харбина, добавлял он, и в качестве пробного шара в этом направлении рассматривал появившееся в «Japan Abvertiser» сообщение о намерении России продать дорогу американцам.[49] В этих условиях слухи о переговорах Временного правительства с Рутом насчет Сахалина (они появились в Японии несколько раньше, чем газетное сообщение) не могли не вызвать тревоги, тем более что правительство США запретило миссии Рута принять приглашение японского правительства нанести официальный визит в Японию.[50] Японский посланник в Петрограде обратился с запросом к Терещенко, который ответил, что подобных переговоров с Рутом не велось. О решениях совещания Терещенко не упомянул, прибавив лишь, что в деле выдачи концессий на разработку горных богатств русское правительство будет руководствоваться исключительно соображениями государственных интересов России. Несомненно распознав японо-американские противоречия, он не стал перед японским посланником отрицать намерения Временного правительства оказать определенное предпочтение американцам, а Бахметеву в Америку сообщил о японском демарше.[51]

Однако ни решения совещания по горному делу, ни другие пригласительные жесты, делавшиеся в сторону американского капитала, не побудили его перейти к практическим действиям.

Разумеется, неопределенность политического положения в России (а западные капиталистические круги, как и русские, считали его неопределенным, не поддаваясь в массе своей совсем уже пессимистическим взглядам), экономическая разруха, явные признаки свертывания производства, начатого русскими промышленниками, — все это не располагало к тому, чтобы открыть «поход в Россию». Возможен был, впрочем, и иной взгляд на дело, заключавшийся в том, что как раз создавшаяся в России ситуация и может оказаться благоприятной для иностранного капитала. Подобно тому, как инфляция, падение курса рубля в иностранной валюте и т. п. могли быть для иностранного капитала полезны, так и острота политической ситуации давала ему некоторые благоприятные конъюнктурные возможности. Воздержание русских капиталистов от инвестирования — а оно, разумеется, усиливало правительственную тенденцию к привлечению иностранного капитала — несомненно

---

[49] Из телеграммы Чубакова в Военное министерство, 8 августа (ст. ст.) 1917 г.: там же, стр. 469—470.

[50] Телеграмма исполняющего обязанности государственного секретаря Полка поверенному в делах США в Японии Уилеру, 11 июля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 130.

[51] Телеграмма Терещенко Б. А. Бахметеву, 28 июля (ст. ст.) 1917 г.: Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 468.

прекратилось бы, если бы развитие революции оказалось приостановленным. Катастрофическое положение в экономике отодвигало на второй план те сомнения, которые вызывала в русских промышленных и бюрократических кругах мысль о притоке американского капитала.

Возможность использования в интересах иностранного капитала страха перед революцией, сковывавшего русских капиталистов, подсказывали американцам в Петрограде английские лесопромышленники, предлагавшие создать в России крупное лесопромышленное предприятие с участием английского, американского, французского и русского капитала с преобладанием англо-американского.

Управляющий английской фирмой «Л. и К. Пилкингтон» У. Геллибрэнд писал Мезерву 1 (14) августа: «Пробные шаги должны быть сделаны теперь без промедления. ... Когда наступит полное политическое урегулирование, будет уже слишком поздно для того, чтобы занять выигрышное положение. Нам надо иметь готовыми все планы и все практически решить так, чтобы когда наступит подходящий момент, мы могли действовать решительно и быстро».[52]

Но заинтересованные деловые круги США, не разделяя, очевидно, надежд на «политическое урегулирование» в России, не поддались этому соблазну. И единственным известным нам предприятием с участием американского капитала, принявшим практические очертания, была «Русско-англо-американская экспортно-импортная компания», в организации которой участвовали служащие Петроградской конторы «Сити бэнк» Грэй и Сэддлмайр. Капитал ее был весьма незначителен: она возникла на основе реорганизации старого предприятия и выполняла несколько заказов за границей, сделанных петроградскими банками для крупных заводов. Секрет успеха этой компании (конечная судьба ее нам неизвестна) состоял в том, что ее коммерческий, а может быть, лжекоммерческий характер должен был служить прикрытием для пропагандистской миссии в США, порученной обоим американцам Милюковым. Грэй должен был, оставаясь в Петрограде, переводить на английский язык и отправлять в США пропагандистские статьи, для написания которых была организована по инициативе Милюкова группа из 20 видных русских авторов. Сэддлмайр, получая эти статьи в Америке, должен был по поручению Милюкова и при содействии российского посольства помещать их в «ведущие еженедельники и ежемесячники».[53]

---

[52] ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 218—220.

[53] Грэй и Сэддлмайр — Мезерву, 20 апреля (2 мая) 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 195—196.

Примечательно, что тревожные сведения из России, появлявшиеся в весенние и летние месяцы в американской печати, не охлаждали энтузиазма по поводу русского рынка, существовавшего в широких кругах американских промышленников и торговцев. Как явствует из секретного циркуляра консула США в Москве Де Витт Пуля, разосланного различным предприятиям США, но не предназначенного для печати, в течение весны и лета из США шли нескончаемые запросы от американских фирм, заинтересованных в русском рынке и жаждавших «немедленного бизнеса». По этой причине, очевидно, 22 августа и 5 сентября в американском правительственном бюллетене «Коммерс рипортс» («Commerce reports») были опубликованы сообщения о фактически запретительных импортных и валютных ограничениях в России. Сам Пуль (правда, это было уже осенью) формулировал свою точку зрения в названиях первых двух разделов своего циркуляра: «В настоящий момент бизнес невозможен», «Виды на будущее, однако, блестящи».[54]

Не менее примечательно и то, что в российских буржуазных верхах взгляды на вопрос о привлечении американского капитала и разногласия вокруг него обладали большой устойчивостью. 1 августа, когда частное совещание членов Государственной думы обсуждало доклад директора департамента Государственного казначейства П. Д. Дементьева о состоянии финансов, с содокладом выступал А. И. Шингарев, покинувший в июльские дни пост министра финансов. Главное предложение его, встретившее в прениях открыто скептическое к себе отношение, состояло в том, чтобы составить долговременный финансово-экономический план. Доказывая необходимость такого плана, Шингарев утверждал, что без него невозможно привлечение иностранного капитала. При этом он ссылался на различные предложения явно с американской стороны. Председательствовавший М. В. Родзянко немедленно выступил с традиционным предостережением. «Вы относительно американцев не так изволите говорить, — обратился он к Шингареву, — у них план несколько другой, у них есть идея, насколько я понимаю, они этого не говорят. Это владычество англо-саксонской расы». «План американцев, если хотите знать, — говорил он, — состоит в том, чтобы заводнить нас дешевыми товарами».[55] Родзянко стоял, по-видимому, на старой точке зрения, согласно которой ввоз капиталов предпочтительнее товарного импорта.

[54] Обзор о перспективах русского рынка, составленный американским консулом в Москве, 22 октября 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 630, оп. 11, д. 1117.

[55] Буржуазия и помещики в 1917 г., стр. 262—263, 265. — Соображениями, отчасти созвучными мыслям Родзянко, доверительно поделился с Дж. Ридом нефтепромышленный магнат С. Г. Лианозов. Из его слов, отрывочно записанных Ридом, явствовало, что он разделяет настороженное отношение к экономической деятельности американцев в России (А. Старцев. Русские блокноты Джона Рида. М., 1968, стр. 44).

В эти же дни Министерство внутренних дел обратилось со специальной запиской к Фрэнсису и Уиншипу, в которой в качестве «верного и выгодного помещения для американских капиталистов» предлагались займы русских городов.[56]

Впрочем, все эти разговоры носили теоретический характер. поскольку на практике связи русской экономики с американским частным капиталом пока что не получали сколько-нибудь значительного развития.

Центр тяжести русско-американских хозяйственных связей на протяжении весны и лета 1917 г. находился в сфере межправительственных отношений. В них самое значительное место занимали поставки заказанных русскими правительственными ведомствами военных материалов и крайне необходимых предметов оборудования, поставки, которые после вступления США в войну с Германией стали производиться под полным контролем американского правительства. На втором плане были в этот период действия железнодорожной миссии Стивенса, устанавливавшей свое влияние на железных дорогах России.

Поставки, естественно, зависели от кредитов, однако зависимость эта на практике оказывалась условной. Трудности с размещением заказов, а главное — с их исполнением и доставкой, затрудняли освоение даже тех совершенно недостаточных сумм, которые предоставлялись американским казначейством русскому правительству.

Сроки исполнения заказов и качество поставляемого оборудования были малоудовлетворительны. Так, едва ли не наибольшее значение для российского военного хозяйства имели поставки американских паровозов и вагонов: на них возлагались не только определенные надежды в деле преодоления общей железнодорожной разрухи, но и в разгрузке владивостокского узла, забитого привезенными морем грузами (американские паровозы и вагоны должны были поступить из США во владивостокский порт). Заказанные еще до Февральской революции паровозы и вагоны должны были начать поступать с мая. Временное правительство решило заказать еще 3 тыс. паровозов и 30 тыс. вагонов, а ЦВПК настаивал на приобретении всего того количества подвижного состава, которое можно было получить в США. Однако там предлагали лишь уже бывшие в эксплуатации паровозы, причем столь сильно изношенные, что Министерство путей сообщения испытывало колебания, брать ли их. Между тем положение во Владивостоке было таково, что еще накануне Февраль-

[56] Вестник Временного правительства, № 122, 4 августа 1917 г. Цит. по: Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 469. — Это был, по-видимому, ответ на запрос по поводу русских городских займов, сделанный Бертроном через Мезерва перед отъездом миссии Рута из Петрограда (Бертрон — Мезерву, 21 июля (н. ст.) 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 624, оп. 1, д. 2Д, л. 49).

ской революции Министерство путей сообщения предписало своему представителю в Вашингтоне не отправлять изготовленных американскими заводами рельс, а в апреле Особое совещание по обороне подтвердило ранее сделанные указания о том, чтобы вообще не направлять во Владивосток грузов из США. Министерство же путей сообщения ставило вопрос о немедленном соглашении, по которому весь тоннаж морских перевозок из США в Россию был бы употреблен для доставки паровозов и вагонов во Владивосток. А в июне на петроградском совещании союзных представителей под председательством Гендерсона и с участием Рута было заявлено, что даже если России будет оказано максимальное предпочтение, больше чем 850 паровозов и 20 тыс. вагонов изготовить в США и доставить в Россию до конца года не удастся.[57]

Мы уже упоминали о том, что вопрос о поставках подвижного состава оказался одним из предметов общеполитических русско-американских переговоров, и правительство США, с большой настойчивостью домогаясь допуска в Россию миссии Стивенса, обещало оказать давление на американских заводчиков, выполняющих русские заказы на подвижной состав. Любопытно, что создавшуюся ситуацию попыталась использовать Американская международная корпорация в лице все того же Хольбрука. Он предложил, чтобы на основе американских правительственных кредитов и при техническом надзоре русской железнодорожной комиссии дело заказов подвижного состава, доставки его в Россию, сборки во Владивостоке и организации разгрузки Владивостокского узла было поручено Американской международной корпорации. Активная заинтересованность корпорации в этом деле, так не вяжущаяся с ее выжидательным отношением к другим возможностям, была связана, по-видимому, с давней особенной соблазнительностью для американского капитала любых форм участия в русском железнодорожном деле. Хольбрук весьма старался достичь соглашения с Временным правительством до приезда миссии Стивенса, чтобы поставить эту правительственную американскую делегацию перед необходимостью сделать активной участницей своих действий и планов в России Американскую международную корпорацию — объединение связанных с «Нэйшнл сити бэнк» монополистических фирм. Зная по опыту, чем и как потрафить взглядам русских «привлекателей» иностранного капитала, Хольбрук, ссылаясь на произведенное им

---

[57] Проект доклада Управления железных дорог министру путей сообщения Н. В. Некрасову, март 1917 г.; Из журнала заседания Особого совещания по обороне, 5 апреля (ст. ст.) 1917 г.; Справка начальника Отдела заготовлений Министерства путей сообщения А. Н. Митинского, не ранее 29 апреля (ст. ст.) 1917 г.; Записка с изложением решения совещания союзных представителей..., не ранее 22 июня 1917 г.: Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 211, 477, 486, 495.

обследование железорудной и угольной промышленности России, обещал, что поставки американского подвижного состава будут способствовать развитию русской тяжелой промышленности.[58]

В целом русские заготовительные операции в США, как и кредитное дело, перешедшие после Февральской революции и вступления США в войну в руки американского правительства, осуществлялись непросто и нелегко. Самый переход с английского иждивения на американское повлек за собой добавочные трудности. Англичане, и до того обнаруживавшие склонность к свертыванию русских заказов в Америке, после вступления США в войну во всем кивали на американское правительство. В переговорах же с ним Бальфур один выступал за всех союзников, и это, по словам ген. А. П. Залюбовского, ставило русское заготовительное дело в Америке «в безвыходное и унизительное положение». Оставалось «все силы употребить», чтобы заставить правительство США обеспечить выполнение русских заказов американской промышленностью.[59]

25 мая (н. ст.) английское правительство уведомило Моргана, что новые русские заказы оно ни кредитовать, ни размещать больше не будет. В том же месяце правительство США, выполняя обязательство, которое ему пришлось дать Временному правительству в обмен на допущение в Россию миссии Стивенса, приступило к размещению русских заказов на паровозы и вагоны за счет первого предоставленного России американского казенного кредита.[60]

Смена патрона произошла. Однако очень скоро обнаружилось, что переход в руки правительства США не только кредитования, но и размещения заказов еще больше осложнил положение русских заготовителей в Америке. Раньше, когда заказы размещались через Моргана как представителя английского правительства в США, Русский заготовительный комитет имел хоть какую-то свободу маневра: его представители могли выразить свое желание передать заказ тому или иному предприятию. Теперь же регулирование военно-экономической жизни США американскими правительственными органами ставило русских заготовителей в полную зависимость от американского военно-хозяйственного механизма. Условия, на которых помещались русские заказы, согласовывали теперь между собой должностные лица правительственных ведомств США и американские капиталисты.

---

[58] Меморандум Американской международной корпорации министру-председателю Временного правительства, 4 мая (ст. ст.) 1917 г.: там же, стр. 486—488.

[59] Телеграмма генерала Залюбовского помощнику военного министра генералу Маниковскому, 12 апреля (ст. ст.) 1917 г.: там же, стр. 479.

[60] Отчет о деятельности Русского заготовительного комитета в Америке и его ликвидационной комиссии (экземпляр отчета хранится в ЦГАОР), ч. I, лл. 171—174.

В случае если русские представители отказывались подписать согласованные таким образом условия, заказ вычеркивался из утвержденной правительством США программы, помимо которой он нигде не мог быть исполнен.[61]

Все это происходило в рамках Совещания по национальной обороне («Council of National Defense»), созданного актом Конгресса еще в августе 1916 г., но практически начавшего свои действия в начале марта 1917 г. Входившие в состав Совещания отраслевые комитеты состояли из крупнейших предпринимателей данной отрасли, диктовавших свои условия. Попытки правительства США добиться понижения цен бывали обычно совершенно безуспешны. Наоборот, после каждой из таких попыток Совещание по национальной обороне вздувало цены еще больше. Таким образом, правительственное регулирование военного производства в США[62] било по интересам русского заготовительного дела двояким образом. Осуществлявшееся с учетом интересов монополий, а нередко и руками их представителей это регулирование оказывалось достаточно эффективным, когда приходило в противоречие с интересами русского правительства. В других же случаях, когда общность русско-американских казенных интересов (не забудем, что заказы оплачивались из кредитов правительства США) должна была, казалось бы, одержать верх, последнее слово оставалось, наоборот, за представителями американских монополий.

Так обстояло дело до начала августа, когда в США было создано правительственное ведомство по руководству военной промышленностью — War Industries Board. Посредническая роль американского чиновничьего элемента после этого значительно уменьшилась, и представители русских заготовительных органов оказались лицом к лицу с влиятельными представителями американского бизнеса — Барухом, Майером, Розенвальдом, Воклером и др., официально занимавшими в военно-промышленном ведомстве важнейшие позиции. В конце августа правительство США заключило с русским правительством, как и с другими союзными правительствами, соглашение о предоставлении исключительного права контроля над заказами союзников в Америке созданной американским правительством закупочной комиссии. Комиссия эта так же, как и прочие американские правительственные военно-промышленные учреждения, состояла из «наиболее видных деятелей торговли и промышленности» и цены устанавливала явно завышенные.[63]

Заручившись разрешением этой комиссии, Русский заготовительный комитет делал заказ, а затем уже просил согласия пра-

[61] Там же, лл. 185—186 и сл.

[62] Его сущности посвящено специальное исследование И. А. Белявской «Внутренняя экономическая политика США (1917—1918)», М., 1956.

[63] Отчет о деятельности Русского заготовительного комитета..., ч. 1, лл. 189—196.

вительства США на его оплату за счет американских кредитов Временному правительству. Деньги же отпускались Комитету по мере наступления сроков платежей, ежемесячные ведомости которых он должен был представлять американским властям. Роль Комитета становилась чисто конторской, контроль переходил в американские руки. В сущности русские заказы стали составной частью военно-промышленного механизма США.

Правительство США неоднократно повторяло, что будет предоставлять кредиты лишь при наличии свободного тоннажа и при условии предъявления ему полной программы намеченных заказов. Разумеется, при катастрофическом недостатке тоннажа и невозможности точно и окончательно выработать программу заказов на будущее, усугубляемой петроградской ведомственной неразберихой, выдвигавшиеся правительством США условия носили фактически запретительный характер. Петрограду оставалось их лишь игнорировать. Главное управление заграничного снабжения — исполнительный орган образованного в мае из товарищей министров Междуведомственного комитета по заграничному снабжению — так именно и поступало. Первая телеграмма Главзаграна о помещении заказов в счет американского кредита, полученная Русским заготовительным комитетом в июне, требовала сделать заказы на 100 млн долл. в то время, когда залежи неотправленных грузов в США достигали 340 тыс. тонн.[64]

Эта вынужденная позиция в свою очередь усиливала несогласованность между петроградскими ведомствами, между Петроградом и его вашингтонскими представителями. По их словам, с созданием Главзаграна она приняла небывалые до того формы и размеры. По сведениям председателя Русского правительственного комитета в Лондоне генерала Гермониуса, потребность в заказах в счет американского кредита достигала 230 млн долл. А стоимость потребных заказов по спискам, составленным петроградскими ведомствами и переданным Русскому заготовительному комитету в США неофициальным путем, достигала суммы около 1 млрд долл.

Но надо всем этим довлела железнодорожная разруха, служившая самым ярким и полным выражением надвигавшейся на Россию экономической катастрофы. Вопрос о заказах, сроках их выполнения и доставки морем из Америки терял свое значение по мере того, как его заслоняла собой проблема перевозки их железнодорожным путем внутри России. «Во Владивостоке имеется 42 миллиона пудов залежей военных грузов, забивать его новыми грузами бесцельно», — писал в последние дни лета начальник Главзаграна генерал Михельсон.[65]

---

[64] Там же, лл. 214—218.

[65] Телеграмма Михельсона в Ставку, 29 августа (ст. ст.) 1917 г.: ЦГИА СССР, ф. 1525, оп. 1, д. 600, л. 140.

Железнодорожная комиссия США, появившаяся в России в июне,[66] как и американская дипломатия, готовившая почву в России к ее приезду, видела в этом повод обратить на Владивосток особое внимание. «Моя определенная договоренность с Некрасовым заключается в том, что г-ну Стивенсу будет предоставлен абсолютный контроль над ж. д. станцией Владивосток. Чтобы сделать этот контроль эффективным, он должен осуществлять контроль надо всеми поездами, входящими во Владивосток, и я надеюсь, что со временем — и очень скоро — этот контроль будет распространен на значительную часть Сибирской дороги, если не на всю эту дорогу», — так формулировал Фрэнсис обещания, исторгнутые им у Временного правительства.[67]

Комиссия Стивенса по прибытии в Петроград достигла договоренности с Министерством путей сообщения о строительстве во Владивостоке завода для сборки привозимых из США паровозов. Чтобы преодолеть неодобрительное отношение в России к своей комиссии и подозрения насчет ее целей, Стивенс просил своего шефа в США крупного железнодорожного предпринимателя Д. Уилларда, председателя наблюдательной комиссии Совета национальной обороны, ускорить отправку оборудования для завода, а также добиться в демагогических целях безвозмездного предоставления России кое-какого бросового оборудования, заготовленного в свое время для Панамского канала. «Я уверен, — телеграфировал он, — что это было бы оценено в России и сразу же сняло бы с нас подозрения в том, что мы пытаемся сбыть второсортные материалы по высоким ценам. Наше правительство может себе это позволить, поскольку это оборудование имеет для него незначительную ценность, а то и вовсе никакой ценности не имеет. Оно будет просто лежать в Панаме и ржаветь».[68]

Что Владивостокский завод должен будет находиться в американских руках, — это было оговорено сразу; предполагалось, что он будет дочерним предприятием заводов-поставщиков, но американские заводчики-паровозостроители, поддавшись распространившемуся в Америке летом сдержанно-выжидательному отношению к приобретению собственности в России, отказались от своих

---

[66] О деятельности миссии Стивенса см. статью Е. И. Поповой «Миссия Стивенса и провал железнодорожной политики США в России и Китае в 1917—1922 гг.» (Исторические записки, т. 60, стр. 31—85).

[67] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 2 (15) мая 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, pp. 190—191.

[68] Телеграмма Стивенса Уилларду, 25 июня (н. ст.) 1917 г., отправлена через Фрэнсиса: там же, стр. 192—193. — Бахметев сообщал по этому поводу 4 (17) июля 1917 г.: «Благоприятное отношение Стивенса к нашим железнодорожным потребностям является чрезвычайно ценным. Считаю долгом, однако, предупредить, что широкие обещания, даваемые им в Петрограде, встретят на практике серьезные затруднения» (АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 265).

первоначальных намерений. Тогда возник вопрос о том, чтобы завод находился под управлением американских военных инженеров.[69]

В конце июля (ст. ст.) Министерство путей сообщения заключило со Стивенсом соглашение о строительстве сборочного завода во Владивостоке и приняло рекомендации американской комиссии по увеличению провозоспособности Сибирской дороги. 12 американских отрядов, по 14 инженеров и техников в каждом, должны были появиться в важнейших пунктах русской железнодорожной сети: 10 — от Владивостока до Омска, 2 — в Москве и Петрограде. Министр путей сообщения П. П. Юренев вошел во Временное правительство с представлением о назначении особого комиссара для сотрудничества со Стивенсом. В сферу деятельности этого комиссара должны были войти железные дороги: Северные, Пермская, Омская, Томская, Забайкальская, Восточно-Китайская, а также Томский округ водных путей и Управление водными путями Амурского бассейна. Затем, более чем через месяц, — а Фрэнсис и до того жаловался Лансингу на проволочки [70] — представление было рассмотрено Временным правительством, причем Министерству путей сообщения было поручено по согласованию с другими ведомствами подготовить постановление.[71]

Как только соглашение с Министерством путей сообщения было достигнуто, тон Стивенса стал явно диктаторским.

28 июля (ст. ст.) Стивенс во главе всей своей комиссии (она состояла, кроме него, еще из четырех членов) участвовал в специально созванном совещании представителей Министерства путей сообщения и торговли и промышленности, на котором он предъявил свои требования разгрузки Сибирской дороги от всех перевозок, кроме доставки военных материалов из Владивостока к фронту. Речь шла о том, что ввиду упадка добычи угля на Урале и в Кузнецком бассейне приходилось возить уголь

---

[69] Телеграммы Фрэнсиса Лансингу 13 июля (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 193.

[70] По-видимому, в результате телеграммы из Вашингтона была сделана нижеследующая запись чиновника МИД кн. Урусова: «7 августа 1917 г. Переговорил с товарищем министра путей сообщения Ливеровским. Переговоры этого ведомства с американцами (комиссией Стивенса) закончены в желательном для последних смысле» (АВПР, ф. Канцелярии, 1916 г., д. 54, л. 129). Однако и после этого в Вашингтон поступали сообщения об «известной нервности Стивенса в связи с недостатком внимания, оказываемого его начинаниям». Передавая это в Петроград, Б. Бахметев подчеркивал «серьезное общеполитическое значение» «всемерного содействия комиссии Стивенса и вступления с ней в сотрудничество» и предупреждал, что «всякое разочарование американцев» будет «иметь общие неблагоприятные последствия». Не очень уверенно он добавлял, что в железнодорожном деле американцы хотят помочь, «по-видимому, искренне» (телеграмма Б. А. Бахметева 28 августа, (10 сентября) 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., 61, л. 388).

[71] Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 569, прим. 439[1]; телеграмма Стивенса Уилларду, 13 августа (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 196.

по Сибирской дороге в западном направлении из Черемховского бассейна. Стивенс признал это «совершенно недопустимым» и заявил, что, если дорогу не удастся разгрузить, он предложит правительству США прекратить отправку грузов во Владивосток. Ссылаясь на ненадежность северного пути (по Мурманской и Северной железным дорогам) ввиду возможности осложнений в Финляндии, он пригрозил полным прекращением союзной помощи России. Исполняющий обязанности товарища министра торговли и промышленности Я. Д. Прядкин, помощник главноуполномоченного по снабжению металлами и топливом, имевший личные интересы в горнопромышленном деле, оправдывал перед Стивенсом упадок добычи угля «общеполитическим положением страны, выразившимся в сильном понижении трудоспособности рабочих». В ответ Стивенс от имени правительства США «категорически» потребовал отчета, какие «решительные меры» будут приняты для поднятия производительности труда шахтеров «до применения военной силы включительно». Прядкин, разумеется, поспешил согласиться с необходимостью «немедленного принятия радикальных мер по рабочему вопросу», обещал представить Временному правительству доклад по этому вопросу и результат сообщить американской комиссии.[72]

Стивенс вообще проявлял склонность к вмешательству в политические дела, просил, чтобы затребованный им из США персонал подбирался и по политическим признакам, выступал с публичными обращениями от имени своей комиссии. При том, что поведение Стивенса само по себе вызывало недовольство, его политическая активность могла просто повредить тем целям, которые ставили перед железнодорожной комиссией правящие круги США, с самого начала представлявшие дело так, будто железнодорожная комиссия послана в помощь Временному правительству и в его распоряжение.

С Временным правительством была даже достигнута специальная договоренность о том, что оно будет само финансировать американские военно-железнодорожные отряды, получив для этого от правительства США специальный кредит. И когда до Вашингтона дошли известия о публичных заявлениях и других проявлениях политической активности Стивенса, ему было сделано от имени самого Вильсона «весьма дружеское предупреждение на будущее».[73]

Вообще комиссия Стивенса и американские правительственные органы были гораздо активнее в установлении контроля

---

[72] Протокол совещания представителей Министерства путей сообщения и Министерства торговли и промышленности с американской железнодорожной миссией 28 июля 1917 г.: Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 243—244.

[73] Телеграмма Лансинга Фрэнсису, 15 августа (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 197.

над русской железнодорожной сетью, чем в содействии усилению ее эффективности. Главным железнодорожным бедствием России был недостаток подвижного состава, особенно паровозов. В этом-то прежде всего и ждали помощи из США, однако из 375 заказанных на 1917 г. паровозов до середины августа поступило всего 45. «Но если даже все эти 375 паровозов поступят, то ведь это ничтожное количество, и спасти наше положение абсолютно не могут, если сопоставить эти данные с тем количеством паровозов, которое ежемесячно выбывает из строя и которое колеблется от 200 до 400», — говорил представитель МПС на Всероссийском съезде районных экономических комитетов.[74] Между тем попытки миссии Бахметева приобрести какое-то число паровозов в Мексике были американскими властями пресечены.[75]

В России существовало довольно определенное мнение о том, что американцы более всего заботятся об установлении в той или иной форме своего контроля над русской железнодорожной сетью. С юридической точки зрения права, которые получила миссия Стивенса во Владивостоке и на Сибирской магистрали, были аналогичны тем, которыми пользовались в Бордо англичане, и с русской стороны всячески это подчеркивали. Однако сообщение П. М. Керженцева, сделанное в летнем номере «Летописи», о том, что в США идут разговоры о взятии русских железных дорог в американские руки, придавало действиям миссии Стивенса и всей железнодорожной политике США в России особенный колорит. Но насколько серьезными были те американские намерения, о которых сообщал П. М. Керженцев, не имевший отношения к деловым сферам США? Не придал ли он преувеличенного значения призывам американских газет, о которых сообщил в «Летописи»? К тому же, по мере развития революционных событий в России значительные и притом немедленные американские капиталовложения становились все менее вероятными.

Существует, однако, свидетельство, в сущности подтверждающее сообщения Керженцева. Свидетельство это невозможно игнорировать, ибо оно исходит от одного из тех нескольких русских представителей, которые вели в США переговоры по железнодорожным вопросам. Железнодорожной частью в миссии Бахметева ведал проф. Ю. В. Ломоносов, его помощником был инж. К. Д. Куприянов, по возвращении из США опубликовавший свои впечатления в газете «Амурское эхо». «Не раз поднимался вопрос, — писал он по поводу переговоров в Америке, — о передаче на концессионных началах всех железных дорог от Вла-

---

[74] Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 260.

[75] Воспоминания о поездке в США члена миссии Б. А. Бахметева инженера К. Д. Куприянова: Голос Приморья, 24 ноября (7 декабря) 1917 г.

дивостока до Самары на 100 лет за 50 млрд долл.».[76] Вполне возможно, что вопрос этот поднимался американской стороной без достаточно серьезных оснований; может быть, это был своего рода пробный шар. Несомненно, однако, что в этих американских предложениях, как и во всех действиях правительственных органов США в железнодорожном вопросе, отразилось давнишнее тяготение американского капитала к различным формам участия в русском железнодорожном деле, неоднократно проявлявшееся и до того, часто вопреки практическим возможностям момента.

Реальные же размеры экономических связей США с Россией оставались все-таки небольшими, особенно в сравнении с объемом экономических связей Америки с Англией и Францией. Как раз в начале лета А. М. Коллонтай в «Письмах из Америки», интересных, кстати сказать, марксистским анализом рабочего движения в США, привела данные об американском вывозе в различные страны. В то время, как в Англию и Францию США вывозили на 140 млн долл. в месяц, вывоз в Россию составлял 25.6 млн (на Южную Америку и Канаду приходилось по 17, Австралию и Азию — по 7 млн).[77]

Дискуссии и переговоры летних месяцев мало что в этом переменили.

---

[75] Голос Приморья, 24 ноября (7 декабря) 1917 г. (перепечатка из «Амурского эха»).

[77] Летопись, май—июнь 1917 г., стр. 281. — Аналогичным было соотношение между кредитами, предоставленными Соединенными Штатами англо-французам и России (см. письма Лансинга Фрэнсису, 26 октября 1917 г., и и. о. гос. секретаря Полка министру финансов Глэссу, 2 января 1919 г. (PRFRUS, 1918, Russia, v. III, pp. 25, 55)).

Глава VII

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ОКТЯБРЯ

Как известно, в принятой VI съездом РСДРП(б), состоявшимся 26 июля (8 августа) — 3 (16) августа 1917 г., резолюции «Текущий момент и война» при характеристике всеобъемлющего размаха мировой войны вступлению в нее США придавалось особое значение. В первых же словах резолюции отмечалось, что «на сцене появился новый гигант империализма и претендент на мировую гегемонию — Америка».[1] В прениях и в принятом по поручению съезда Центральным Комитетом Манифесте были разоблачены различные стороны американской политики. «На грязных тайных договорах кровавого царя клялись „союзные" банкиры в верности общему делу захватов и удушения русской революции, — говорилось в Манифесте. — Вступление в войну Америки еще более окрылило союзных империалистов. Они отлично знали цену этой „великой демократии", которая казнит электричеством своих социалистов, с оружием в руках душит маленькие народы и устами своих беспримерных по наглому цинизму дипломатов толкует о вечном мире. Американские миллиардеры, наполнившие свои погреба золотом, перечеканенным из крови умирающих на полях сражений Европы, присоединили свое оружие, свои финансы, свою контрразведку и своих дипломатов для того, чтобы не только разгромить своих немецких коллег по международному грабежу, но и затянуть потуже удавную петлю на шее русской революции.

Российская буржуазия оказалась связанной с капиталистами Европы и Америки и общими целями, и тяжелой золотой цепью, концы которой сходятся в банкирских домах Лондона и Нью-Йорка. Так организовался капиталистический блок против революции».[2]

Острая политическая оценка роли американского империализма в мировой войне и в борьбе с развитием русской револю-

[1] Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958, стр. 253.
[2] Там же, стр. 272.

ции, содержавшаяся в Манифесте, ярком пропагандистском документе большевистской партии, соответствовала историческим фактам, в том числе и тем, которые были тогда неизвестны общественности. Уже одни только упоминавшиеся нами предложения Хауза, в которых борьба с русской революцией рассматривалась как одна из главных целей политики США наравне с сокрушением Германии, полностью подтверждали обоснованность тех положений Манифеста, которые были посвящены политике американского и союзного капитала в России. В Манифесте был, в частности, раскрыт подлинный смысл лозунга наступления, на котором так настаивала вместе с русской союзная буржуазия. «Объединенный капитал союзников стянул свои силы для штурма русской революции, — говорилось в Манифесте. — Английские и американские капиталисты, которые в качестве кредиторов стали хозяевами русской жизни, объединившись со своими верными русскими прислужниками, решили погнать в бой заведомо неподготовленную армию. Им не важен был исход сражения. Им важен был срыв перемирия, возобновление военных операций, усиление власти командиров. Им нужно было снова впрячь измученную армию в колесницу войны. Грохотом пушек им нужно было заглушить громовые раскаты классовой борьбы и революции».[3] Насколько точно отражал Манифест сокровенные цели иностранных энтузиастов русского наступления, легко увидеть, обратившись к отчету Рута, в котором, как мы уже отмечали, было прямо сказано, что цель наступления, которого требовали американцы, состояла «скорее в восстановлении боевой мощи всей русской армии, нежели в сокрушении австрийской армии».[4]

В Манифесте была дана отповедь меньшевикам и эсерам, запутавшимся «в сетях, которые расставлял международный капитал». В нем вскрывалась и роль миссий Гендерсона и Тома — «социал-патриотических» агентов западноевропейского и американского капитала, этих «обманщиков и отравителей народа», встретивших у соглашательских партий России радушный прием.

На чем основывались заключения Манифеста о политике США, старательно маскировавшейся словами о сочувствии делу русской революции, заключения, полностью подтвержденные последовавшими затем событиями? Несомненно, что повседневный критический анализ газетных сообщений, всесторонняя и объективная оценка публичных актов американской империалистической политики, пристальное наблюдение за ее развитием способствовали формированию правильных марксистских представлений о сущности этой политики. Не исключено также, что известную роль сыграли свежие впечатления об американской политической дей-

[3] Там же, стр. 273.
[4] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 143.

ствительности, о реакции в США на Февральскую революцию и о преследовании американских социалистов, которые были у вернувшихся из США революционных эмигрантов — участников съезда М. М. Володарского, Г. И. Чудновского.

Несомненно должна была иметь значение и яркая, проникнутая духом классовой ненависти к американскому капитализму речь, произнесенная на съезде Б. И. Рейнштейном. Давний участник русского революционного движения и политэмигрант, выступая в качестве представителя Американской социалистической рабочей партии, он говорил об усилении реакционного политического курса правительства США как внутри страны, так и по отношению к русской революции. «Наше „демократическое" правительство совсем потеряло голову, — сказал он. — Реакция в Америке наступила уже давно». Миссия Рута «с приставленными к нему социал-патриотами», указывал Рейнштейн, состояла «в том, чтобы приветствовать Временное правительство и помочь обуздать русский пролетариат».[5]

В прениях по докладу В. П. Милютина об экономическом положении в стране всплыл вопрос о притоке в Россию американского капитала. Г. И. Ломов (Оппоков) обратил внимание на участие в саботаже наряду с русскими промышленниками и иностранных капиталистов. В качестве форм этого участия в саботаже он назвал отлив иностранного капитала либо превращение его в товарную форму (в случае невозможности вывоза из России денег). Соглашаясь с ним относительно политической роли иностранного капитала («иностранный капитал — наш министр внутренних дел: он стремится оказывать влияние на всю нашу политику»), Милютин возражал против констатации отлива иностранных капиталов. «Наоборот, — говорил он, — у нас замечается приток иностранных капиталов, например американских, хищнически эксплуатирующих Россию. Иностранные капиталы стараются внедриться в целый ряд отраслей, чтобы в дальнейшем иметь возможность эксплуатировать страну».[6] Следует отметить, что подготовительные шаги, рассчитанные на действия в будущем, которые имел в виду Милютин, вряд ли можно было расценивать как приток иностранных капиталов. Позиция Ломова была, пожалуй, ближе к действительности.[7] На съезде проявилось глубокое понимание контрреволюционного значения военных кредитов США Временному правительству и политической обусловленности всех видов экономической помощи России со стороны США и других западных держав.

Предупреждения относительно активизации политики США, в «русском вопросе» сделанные на съезде и особенно в изданном

[5] Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы, стр. 97—98.
[6] Там же, стр. 155, 163.
[7] Как известно, впоследствии и В. П. Милютин и Г. И. Ломов стали видными советскими экономистами-практиками.

после съезда Манифесте, были как нельзя более своевременны. Как раз в день открытия съезда большевистской партии государственный секретарь Лансинг проводил в Вашингтоне совещания с Рутом и членами его миссии, в результате которых была подтверждена политика всемерной поддержки правительства Керенского. А сам Керенский принимал в этот день в Петрограде прибывшую накануне новую американскую миссию, не имевшую официального статуса, но намеренную играть в русских делах бóльшую роль, чем миссия Рута, и как будто обладавшую для этого всеми возможностями. Это была миссия Американского Красного Креста, фактически правительственной организации, созданной в 1905 г., а после вступления США в мировую войну использовавшейся магнатами Уолл-стрита в качестве своего внешнеполитического инструмента, очень эффективного и внешне пристойного, поскольку официально речь шла о деятельности чисто филантропической. Морганóвскому дому принадлежала здесь инициатива и главная роль. По прямой просьбе его представителей Вильсон в начале мая 1917 г. назначил председателем Военного совета Американского Красного Креста одного из морганóвских компаньонов — Г. П. Дэвисона,[8] биография которого, написанная позже другим морганóвским партнером Т. Ламонтом, была названа в печати «тщательно исполненной апологией дома Моргана».[9]

Идея посылки миссии Красного Креста в Россию возникла в мае. Чтобы выяснить обстоятельства, в которых она зародилась, следует вернуться назад, к тем апрельским дням, когда в окружении Дэвисона впервые заговорили об «укреплении» Временного правительства в России. Американский историк У. Уильямс с нашей точки зрения не совсем прав, когда связывает интерес, проявленный домом Моргана к политическому положению в России лишь с его участием в совершенных на денежном рынке США русских кредитных операциях и его долей в американских предприятиях в России.[10] Дело было, как нам представляется, в политических интересах Уолл-стрита в целом, которые все более приобретали общемировой характер. Разумеется, участие Моргана в военном снабжении держав Антанты, и в том числе России за счет английских кредитов, играло здесь немаловажную роль. Непосредственные же морганóвские капиталовложения в России имели на этом фоне значение второстепенное. Следует иметь в виду, что одновременно с миссией Красного Креста в Россию аналогичные миссии выехали и в другие союзные страны.[11]

---

[8] Th. Lamont. Henry P. Davison. The Record of a useful life. N. Y.—London, 1933; W. Williams, Raymond Robins and Russian-American relations 1917—1938. A thesis submitted to the Graduate School of the Univ. of Wisconsin, 1950, pp. 41—42.

[9] Рецензия Роберта Кентуэлла: New Republic, July 12, 1933.

[10] W. Williams. Raymond Robins..., p. 41.

[11] Th. Lamont. Henry P. Davison, pp. 288—289.

Побудительным мотивом к тому, чтобы принять непосредственное участие в выработке и осуществлении «русской политики» США, послужило для кругов Уолл-стрита, по-видимому, замеченное ими регулирование всей информации из России, появлявшейся в американской печати.

В течение мая это регулирование было налажено совместными усилиями представителей Временного правительства и влиятельных американских кругов. С русской стороны преследовавшаяся здесь цель состояла в том, чтобы поднять в США акции Временного правительства, с американской — главное было в том, чтобы парализовать революционизирующее воздействие событий в далекой России на демократические слои американского общества, на рабочее движение в США. Организованная Милюковым группа Грэя и Сэддлмайра, о которой мы уже говорили, заботилась о снабжении «благонамеренным» материалом журналов и еженедельников. Но оставалось еще газетное море США, которое тоже надо было взять под контроль с помощью крупнейших информационных агентств США, обслуживавших всю печать страны — «Ассошиэйтед пресс» и «Юнайтед пресс». «Ассошиэйтед пресс» в силу традиционных связей с царизмом ее руководителя Стоуна передавало из России «крайне тревожные сведения», не стесняясь показывать шаткость положения Временного правительства. Представители Временного правительства Шацкий и Зак, ведавшие пропагандой в Америке, решили поэтому начать свои действия с обращения к «Юнайтед пресс», руководитель которой Рой Говард сейчас же согласился поместить ряд угодных им сообщений из России и дал указание своему петроградскому корреспонденту взять подробное интервью у Керенского.[12] В том же направлении воздействовал на Говарда и Харпер, настаивая перед ним, как и перед редактором «Крисчен сайенс монитор» Ф. Диксоном, чтобы они не пропускали в газеты неблагоприятных вестей из России. Оба согласились. «Крисчен сайенс монитор» стала печатать статьи самого Харпера, а «Юнайтед пресс» просило его установить неофициальный контроль над своими представителями в России.[13]

Шацкий и Зак надеялись, что достигнутый ими контакт с «Юнайтед пресс» не только повлияет на 700 газет, обслуживаемых этим агентством, но и будет «стимулировать» «Ассошиэйтед пресс». Действительно, вскоре Стоун дал Шацкому обещание «принять меры к более полному освещению созидательной деятельности новой России», иными словами, создать рекламу Временному правительству.[14]

---

[12] Телеграмма Ону в МИД из Вашингтона, 22 мая (4 июня) 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 213.

[13] W. Williams. Raymond Robins..., p. 40.

[14] Телеграмма Ону в МИД из Вашингтона, 27 мая (9 июня) 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 223.

Впрочем, дело «воспитания» американской печати облегчалось теперь строгой и обязательной официальной директивой, исходившей от Комитета общественной информации, ведавшего военной пропагандой в США и за границей.[15] Директива эта в числе тем, могущих «содержать элемент опасности», называла «рассуждения о возможном мире». Со всем происходившим в России эта запретная тема была связана совершенно неразрывно, и посланному туда представителю Комитета общественной информации Артуру Буллярду Харпер рекомендовал оказать на американскую печать «некоторое давление». Принял участие в этой кампании и Крэйн младший, личный секретарь Лансинга.[16]

Независимо от того, в какой мере были эффективны эти меры, в высших деловых кругах США не могли не понимать истинного происхождения появлявшихся в американской печати оптимистических оценок положения Временного правительства. С точки зрения деловых людей это не только требовало «независимой» информации, но и усиливало то пренебрежительное недоверие к чиновникам, которое по временам демонстрировали на Уолл-стрите. Возникали опасения, как бы Вильсон вместе со своим окружением не оказался жертвой самообмана, поддавшись собственной пропаганде. Уоллстритовский Красный Крест решил сам заняться Россией. Нежелание Рута взять с собой эмиссара Красного Креста, как и колебания самого президента по поводу отправки этой организацией самостоятельной миссии в Россию, не очень заботили Дэвисона, и миссия во главе с Уильямом Бойсом Томпсоном, который был одной из самых ярких звезд на небосклоне Уолл-стрита военных лет, отправилась в Петроград. Официальным главой миссии был, впрочем, известный чикагский медик Фрэнк Биллингс, который должен был своей фигурой придавать всему предприятию филантропическую окраску. «Бедный мистер Биллингс считал, что ему поручена научная миссия по организации помощи России..., — писал позже личный секретарь Томпсона. В действительности же он был не чем иным, как маской, да и все обличье Красного Креста, которое было придано миссии, являлось лишь маской».[17] Томпсон даже оплачивал из

---

[15] Инициатором учреждения этого своеобразного ведомства был литератор и издатель Дж. Крил, личный друг Вильсона. Сейчас же после вступления США в войну Крил представил президенту проект «добровольного соглашения» между правительством и газетами, «которое сделало бы каждую газету своим собственным цензором». Вследствие одобрения этого проекта Крил получил пост председателя Комитета общественной информации, в состав которого вошли государственный секретарь, военный и морской министры (George Creel. Rebel at Large, Recollections of fifty crowded years. N. Y., 1947, pp. 156—158; см. также: R. Lansing. War memoirs, N. Y., 1935, p. 322—324).

[16] W. Williams. Raymond Robins..., pp. 40—41.

[17] Там же, стр. 43—44.

своего кармана расходы миссии, считая ее чуть ли не личным своим предприятием.

Кто же был этот новоявленный «руссофил» и что привело его в Россию? Устанавливая мотивы поведения Томпсона, Уильямс подчеркивает заинтересованность Томпсона как горнопромышленника в сибирских концессиях. Он действительно с вожделением смотрел на громадные пространства Сибири из окна императорского поезда (царский состав был теперь словно предназначен для разъездов американских миссий: отвезя во Владивосток миссию Рута, он вез в Петроград Томпсона и его спутников). Подобно тому как обстояло когда-то дело на американском Западе, частной собственностью была охвачена лишь крайне незначительная часть земель. Этому Томпсон придавал особенное значение. «Какие возможности для капиталовложений после войны!» — восклицал он. Однако затем, в Петрограде, он отклонял все без исключения делавшиеся ему с русской стороны предложения концессий, не желая портить репутацию своей миссии «торгашеским духом».[18] Заманчивая перспектива участия в послевоенной русской экономике не могла закрыть собой насущных военно-политических задач США в «русском вопросе». Россию надо было прежде всего «спасти» как важное звено капиталистической системы и как наиболее эффективного в боевом отношении члена антантовской коалиции. Таким «спасителем» и видел себя Томпсон.

Он не издал своих мемуаров и не оставил их после своей смерти в сколько-нибудь завершенном виде, хотя работал над ними в течение нескольких лет. Однако написанное им было широко использовано его биографом, Х. Хэйджорном, книга которого в значительной своей части явилась изложением незавершенных Томпсоном мемуаров.[19] Со страниц этой книги предстает образ одного из «биржевых гениев» Уолл-стрита, легко и быстро вышедшего во время военного бума в ряд магнатов и решившего увенчать свою деловую карьеру успешной политической деятельностью в далекой и загадочной России, которая неожиданно заняла такое важное место в империалистической политике Америки.

Начало мировой войны Томпсон встретил удачливым, но в общем заурядным горнопромышленником американского Запада. Однако в биржевой оргии, которую означала для Уолл-стрита

---

[18] H. Hagedorn. The magnate W. B. Thompson and his time. N. Y., 1930.

[19] Обширный раздел книги Хэйджорна, посвященный деятельности Томпсона в Петрограде, мог быть использован нами в качестве источника лишь после весьма сложной работы по установлению дат или хотя бы хронологической последовательности событий, о которых идет там речь. Дело в том, что записи Томпсона, как правило, не указывали, по-видимому, дат событий, а содержали лишь косвенные признаки, по которым их можно было установить. Однако Хэйджорн, не зная во всех подробностях истории революционных месяцев 1917 г., сделать этого не сумел.

война в Европе, он стал одним из самых активных действующих лиц. В том потоке европейских, и особенно английских ценностей, который хлынул в Нью-Йорк, контролирующую роль стремился играть дом Моргана, а Томпсон, которого свел с моргановскими людьми Т. Ламонт, действовал на бирже в их пользу, тщательно скрывая это. Тактика эта была тем более успешной, что он обладал поражавшим окружающих чутьем, которое позволяло ему заранее предвидеть все колебания рынка.

Вскоре в биржевых кругах и в финансовой прессе на него стали смотреть как на фигуру почти легендарную, его горнопромышленная карьера превратилась в хрестоматийный образец для подражания «человеку, обязанному в жизни только себе (self-made man)». Война действительно превратила Томпсона в финансового магната. Более чем в 3 раза возросла цена меди, и резко подскочила котировка всего томпсоновского состояния. Он еще больше усилил свое влияние, руководя на бирже объединением братьев Гугенхеймов с моргановским домом в разработке трех крупнейших месторождений меди — в штате Юта, в Чили и на Аляске. Помимо меди, Томпсон, уверенный в том, что война продлится достаточно долго, обратился к стали. Он стал третьим по размеру капитала акционером Вифлеемской корпорации. Когда акции другой крупной корпорации «Мидвэйл стил» стали претерпевать на бирже опасные колебания, одна из контролировавших эту корпорацию групп обратилась к Томпсону с просьбой «взять на себя заботу о рынке». Он успешно провел эту операцию, еще более упрочил свое положение и развивал свою деятельность, выйдя за пределы отраслевых границ, — провел финансовую реорганизацию «Американской шерстяной компании» («American Woolen Co») и «Компании табачных продуктов» («Tobacco Products Co»)», учредил Кубинскую сахарно-тростниковую компанию («Cuban Cane Sugar Co»), приобрел контролирующее участие в автомобильной компании «Пирс-Эрроу», организовал «Корпорацию подводных лодок» («Submarine Boat Corp.»), авиационную компанию «Райт-Мартин» («Wright-Martin Aeroplane Co»), вместе с Морганами купил у Бернарда Баруха значительное участие в компании по добыче серы.

В известном смысле возвышение Томпсона в нейтральной, но превратившейся в арсенал Антанты Америке было аналогично карьере Стахеева, Батолина, Животовского, Ярошинского и других российских «молодых» магнатов, выросших в годы мировой войны.

Сам Томпсон объяснял свой успех смелостью. В действительности же дело было в крайней агрессивности его приемов, внезапности ударов, наносившихся им противникам. Его сравнивали с громадным медведем, уничтожающим все, что ему не по нутру. «Он пришел к мысли о том, что деньги это бог», — сказал о Томпсоне его поклонник.

Имел он и опыт участия в партийно-политической деятельности. Он явился организатором кампании за выдвижение Рута в качестве республиканского кандидата в президенты на выборах 1916 г.,[20] но не добился своего, республиканским кандидатом стал Юз, потерпевший, впрочем, поражение от Вильсона.

Со вступлением США в войну Томпсон, один из ближайших участников превращения нью-йоркской биржи во всемирный финансовый центр в 1914—1916 гг., почувствовал влечение к активной и руководящей роли не только на американской, но и на мировой политической арене. Люди его круга, его деловые партнеры и друзья сразу же заняли посты важного международного значения (система американского государственно-монополистического капитализма и этой своей стороной очень рано распространилась на внешнеполитическую сферу). Барух диктаторствовал во всех экономических делах в Совете национальной обороны. Ламонт играл видную роль в области межсоюзнических финансовых отношений. Дэвисон как фактический руководитель Американского Красного Креста подчинил влиянию большого бизнеса всю американскую филантропическую деятельность, которая, помимо экономического значения, которое она имела, важна была еще и тем, что открывала возможность для усиления американского политического влияния в странах Антанты. Американский Красный Крест, как мы уже говорили, действовал под эгидой правительства, его центральный комитет состоял из министров и возглавлялся самим президентом США. Но средства его, хоть и контролировались военным министерством, составлялись из частных пожертвований.[21]

С этим-то учреждением и связали Томпсона, как только он дал знать в Вашингтон, что, задумав политическую карьеру, сразу же и бесповоротно выбрал полем для нее Россию. По его расчетам, выиграть войну с Германией союзники и США могли лишь с помощью России, и к Февральской революции он отнесся по-деловому, без газетного прекраснодушия: она его просто испугала возможностью дальнейшего своего развития и выхода России из войны.[22] Но дело было не только в собственных расчетах Томпсона: Россия занимала особое место во всемирном уоллстритовском пасьянсе, этим и объяснялась отправка туда видного представителя деловых «верхов» при том, что репутация посла Фрэнсиса как человека недалекого и незадачливого усугублялась в глазах уоллстритовцев его положением представителя провинциальных капиталистических кругов, в прошлом не ладивших с нью-йоркскими банковскими монополиями.

---

[20] W. Hard. Raymond Robins'own story. N. Y.—London, 1920, p. 18.
[21] Th. Lamont. Henry P. Davison, pp. 265—267.
[22] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 181.

Совсем иного типа фигурой, нежели Томпсон, был второй деятельный член миссии Красного Креста Рэймонд Робинс (остальные, подобно официальному руководителю миссии Биллингсу, политической роли не играли). Он отнюдь не был противником капитализма ни в момент приезда в Россию в 1917 г., ни позже, когда после Октябрьской революции посвятил себя делу установления нормальных и дружественных отношений между Советской Россией и Соединенными Штатами.

Его политическая карьера — а он после работы углекопом и деятельности аляскинского золотоискателя, полной приключений и небезуспешной, осел в Чикаго и стал профессиональным политиком — была карьерой радикального буржуазного деятеля, социального реформатора и филантропа, яркого оратора, выступавшего с речами религиозного и морального содержания. Он всегда дорожил шахтерским прошлым, своими связями с профсоюзным движением, употребляя их для «мирного» урегулирования промышленных конфликтов. Протестуя против репрессивных крайностей американских властей, в частности по отношению к чикагским анархистам после убийства президента Мак-Кинли в 1901 г., Робинс в 1905 г. завязал некоторые связи с русскими революционными кругами; во время пребывания в Америке представителей эсеровской партии Е. К. Брешко-Брешковской и Н. В. Чайковского он оказывал им некоторое содействие.[23] В 1908 г. он был секретарем Американской лиги защиты политических эмигрантов, боровшейся против высылки из США двух русских эмигрантов,[24] на которую Рут, будучи тогда государственным секретарем, склонен был согласиться (об этом-то и сообщили в Россию из США к его приезду). Были у Робинса связи и с П. А. Кропоткиным, для которого он, как и для Брешко-Брешковской, производил в Америке сбор денежных средств.[25]

При том, что тяга Робинса к социальному реформаторству была несомненно продиктована глубоко искренними побуждениями, его радикализм был довольно обычного для Америки начала XX в. типа. Робинс разделял широко распространенные в Америке тех лет мелкобуржуазные, антимонополистические воззрения, которым отдавали дань представители левых, так называемых прогрессивных течений как в демократической, так и в республиканской партиях. Принадлежа сначала к брайановским демократам-прогрессистам, он в 1912 г. перешел к прогрессистам-республиканцам. В их рядах Робинс не был в числе наиболее левых, возглавлявшихся сенатором Лафоллетом. Он, наоборот, явился главным сторонником выдвижения кандидатом в прези-

---

[23] Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Официальный отчет «Овермэнской комиссии» сената. М.—Л., 1927, стр. 139.
[24] W. Hard. Raymond Robins'own story, p. 9.
[25] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 186.

денты лидера прогрессистов-республиканцев отставного президента Т. Рузвельта. Самая принадлежность Т. Рузвельта к прогрессизму и отношение одного из отцов американского империализма к этому движению лучше всего характеризовали его сущность. Рузвельт считал прогрессизм, соответствующим образом направленный, лучшим средством против революционного движения, способным путем некоторой необходимой модификации упрочить существующий в США общественный порядок. Робинс был одним из учредителей в 1912 г. самостоятельной Прогрессивной партии, выдвинувшей Рузвельта кандидатом на президентский пост. Успеха не было, и в предвыборной кампании 1916 г. Рузвельт покинул прогрессистов и вернулся в объятия традиционных республиканских боссов, заявляя, что он за единодушие республиканцев ради сокрушения Вильсона.

Робинс остался верен Рузвельту, несмотря на то что демократы, заинтересованные в использовании его влияния на избирателей-рабочих, звали его обратно в свою партию. Он оказал поддержку Юзу, как того требовал Рузвельт. И весной 1917 г. Рузвельт, проявлявший самый живой интерес к русским делам, после того как сам он не добился назначения на пост главы правительственной миссии в Россию, рекомендовал Робинса в состав миссии Красного Креста.

Формальный статус миссии Красного Креста был ясен. Томпсон получил чин полковника, Робинс — подполковника, они должны были заниматься военно-филантропической деятельностью. Ясна была им и подлинная их миссия. Как явствует из записей Томпсона, ему было поручено «в качестве представителя Соединенных Штатов» «предпринять любые действия», которые он счел бы «необходимыми или полезными в попытке предотвратить распад русской армии».[26] Более определенные инструкции были даны Томпсону через посредство специально к нему посланного члена военного совета Красного Креста Э. Харли. В них придавалось особое значение «укреплению положения Керенского в надежде на то, что его правительство наведет порядок в беспорядке».[27] Здесь не только имелся в виду общий контрреволюционный курс уже безотносительно к чисто военной стороне, но и сообщалась (дело происходило в июле) та политическая установка — ориентация на Керенского, — которая вскоре была поставлена Лансингом под сомнение.

Происхождение этих инструкций, по словам Хэйджорна, не могло быть установлено на основании документов, которыми он располагал. Он оставил открытым вопрос о том, насколько официальный характер они носили и от кого исходили — от Вильсона и Лансинга или от людей Уолл-стрита, заседавших в правлении

---

[26] Там же, стр. 184.
[27] Письмо Э. Харли Хэйджорну, 3 мая 1932 г.: там же.

Красного Креста. Нам представляется, что определенные указания, доставленные Томпсону Харли, шли из круга уоллстритовских политиков. Вильсон же относился к поездке Томпсона, своего партийного противника, с показным равнодушием. «Существует опасность, что у нас получится большая путаница с нашими агентами в России», — писал он по поводу отправки миссии Красного Креста.[28] Но тут же дал свое согласие, ибо путаницу эту создавал сам, умышленно назначая в Россию представителей различных ведомств, не устанавливая определенных отношений между ними и создавая у каждого из них впечатление о преимущественности его статуса перед прочими. Объяснялось это отчасти ведомственными и личными распрями в Вашингтоне, например ожесточенной конкуренцией между Лансингом и Крилом. Соперничество усиливалось благодаря тому, что скороспелые правительственные ведомства военного назначения, возникшие в течение весны 1917 г., наряду с существовавшими ранее, занимались разведкой, причем каждое на свой лад. Что касается России, то здесь все функции различных американских миссий в сущности относились к военно-политической разведывательной деятельности. Она часто осуществлялась в открытую и далеко не во всем соответствовала позднейшим представлениям о разведке. Однако взаимное недоверие и наличие параллельных каналов существовали уже тогда.

За месяц до Томпсона в Россию был отправлен по инициативе Крила, Хауза и самого Вильсона Артур Буллард, уже известный нам видный американский журналист, постоянно консультировавший Хауза по международным делам. Со времени революции 1905 г., которую Буллард наблюдал в России, у него были гораздо более тесные связи с русскими революционными кругами, чем у Робинса. Перед войной он был секретарем Американского общества друзей русской свободы, организации, объединявшей разнородные, преимущественно либеральные элементы. В каком официальном качестве он поехал теперь в Россию, было не до конца ясно. Представляясь Милюкову, он сообщил, что прибыл с целью написания серии статей для «Харперс мансли», и упомянул о своих связях с Комитетом общественной информации, но тут же счел нужным специально остановиться на его функциях, сравнив его с ведомствами по руководству печатью в Англии и Франции.[29] В действительности же Комитет Крила ведал еще и пропагандой США в союзных и нейтральных странах и представлял собой один из наиболее важных разведывательных органов.[30]

---

[28] Письмо Вильсона помощнику государственного секретаря Филлипсу, 9 июня (н. ст.) 1917 г.: R. S. Baker. Woodrow Wilson, life and letters, v. 7. N. Y., 1939, p. 105.

[29] Письмо Булларда Милюкову, 6 (19) июля 1917 г.: ЦГАОР, ф. П. Н. Милюкова, оп. 1, д. 3863.

[30] Авторы монографии, специально посвященной истории Комитета обще-

И сам Буллард, впоследствии, уже после Октябрьской революции, возглавивший пропаганду криловского Комитета в России, вскоре по приезде стал не только регулярно посылать Хаузу обзоры положения в России, имевшие в конечном счете не меньшее значение, чем донесения Фрэнсиса, но и сообщать в Вашингтон о действиях американских представителей в России и противоречиях между ними.[31]

Сочтя необходимым согласиться на отправку миссии Томпсона, Вильсон ждал, что в «путанице», царившей в петроградской американской агентуре, и она сыграет свою роль.

■

В первой половине и середине августа (н. ст.) вашингтонские тревоги в связи с русской революцией приняли довольно серьезную форму. Причина была даже не в самих российских событиях тех дней: как раз в это время они не носили внешне пугающего характера, усиление антиправительственных настроений в среде трудящихся протекало во многом подспудно. Фрэнсис, если судить по известным нам его депешам, не сообщал тогда ничего тревожного, да и американская агентура вряд ли что-нибудь отмечала. Дело было в том, что в Соединенных Штатах стало принимать реально ощутимые формы международное влияние революционных событий в России.

После вступления США в войну существовавшее ранее либерально-пацифистское движение, в состав которого включались теперь интеллигенты социалистического толка, стало претерпевать значительные изменения. Мирные лозунги российской революционной демократии, которые при всей ограниченности и ошибочности позиций соглашательских лидеров отражали антивоенные настроения масс, встречали в радикальных кругах Америки тем более широкий отклик, что к подлинно революционному пути борьбы за мир рабочее движение США еще далеко не было готово. А в «верхах» США едва ли не больше всего боялись любых

ственной информации, подчеркивают, что он «был в самых тесных отношениях с военной и военно-морской разведками». Пропаганда за рубежом была между ними разделена (военная и морская разведки вели ее в неприятельских армиях и странах), а сбор информации производился сообща (J. R. Mock, Cedric Larson. Words that won the war. The Story of the Committee on Public Information, 1917—1919, Princeton Univ. Press., 1939, p. 237. Цит. по: G. Kennan. Russia leaves the war. Princeton, 1956, p. 45). Сам Крил, говоря о деятельности своего Комитета в России, отмечал, что в «деле контактов» его ведомство зависело первое время от Красного Креста, Христианской ассоциации молодых людей и различных «добровольческих групп» американцев (George Creel. How we advertised America. N. Y., 1920, p. 374).

[31] A. Bullard. The Russian Pendulum. N. Y., 1919, pp. 111 etc.; G. Kennan, ук. соч., стр. 47 и сл.

разговоров о мире, идущих «снизу». В частности, как мы уже упоминали, совершенно одиозной госдепартамент считал идею Стокгольмской социалистической конференции, с которой носилось меньшевистско-эсеровское руководство сначала Петроградского совета, а затем ВЦИКа. Как раз 4 августа (н. ст.) в Нью-Йорке был официально учрежден агитировавший за созыв этой конференции Народный совет Америки. В нем наряду с радикальными интеллигентами, занимавшими в США официальное положение, — нью-йоркским олдермэном-социалистом Олжерноном Ли, судьей Дж. Пэнкеном — принимали участие такие выдающиеся лидеры американского рабочего движения, как Моррис Хилквит и Юджин Дебс, известный прогрессивный публицист Скотт Нирнг и др.

Через несколько дней после своего официального учреждения Народный совет Америки (самое его название шокировало американскую реакцию неприятной аналогией) от имени 1800 тыс. членов обратился к Вильсону с телеграммой, требуя, чтобы конгресс США высказался о целях войны. Требование это прямо связывалось в телеграмме с выдвинутыми в революционной России лозунгами о недопущении аннексий и контрибуций и свободе самоопределения всех народов.[32]

Нетрудно понять, каким вызовом звучало для Вильсона такое требование: ведь не прошло и месяца с тех пор, как он отправил в Петроград послание, направленное против мирной программы «революционной демократии». Между тем американские социал-пацифисты вовсе не были последовательными борцами против империалистической войны. Подобно российским идеологам революционного оборончества, они стремились «очистить» цели войны от «империалистической окраски» и даже «помочь» этим «революционной России» продолжать войну. Так, действовавший наряду с Народным советом Американский союз против милитаризма, фактически примирившись с вступлением США в войну, призывал сосредоточиться на защите гражданских прав в Америке, но пришедшую из России формулу о недопустимости аннексий и контрибуций считал нужным отстаивать.[33] От этого союза существенно отличался Союз защиты свободы, обязанный своим происхождением Народному совету. В его состав входили, помимо некоторых членов и организаторов Народного совета, Элизабэт Гэрли Флинн, известная деятельница пролетарской организации «Индустриальные рабочие мира», впоследствии одна из руководителей Коммунистической партии США, а также Кэйт Ричардс О'Хэйр, о которой позже с особым ужасом гово-

---

[32] 66th Congr. 1 Sess., Doc. № 62. Report and Hearings of the Subcommittee on the Judiciary U. S. Senate, v. 2. Washington, 1919, p. 2715.

[33] Ch. Lash. The American liberals and the Russian revolution. N. Y., 1962, pp. 40—41.

рили в конгрессе США как о встречавшейся с В. И. Лениным в 1914 г. в связи с работой в Международном социалистическом бюро в Брюсселе.[34]

Несмотря на то что американские социал-пацифисты в конечном итоге мешали военному предприятию союзников не в большей степени, чем их русские собратья-идеологи революционного оборончества, наиболее твердолобые лидеры американского империализма — Вильсон и Лансинг в том числе — не желали признавать их существования точно так же, как пытались игнорировать существование революционно-демократического лагеря в России. Ударным отрядом в борьбе против социал-пацифизма являлись в Америке тех дней социал-шовинисты. Несколько забегая вперед, отметим, что в противовес новым революционно-демократическим организациям Гомперс, У. И. Уоллинг, Фрэнк Уолш и вернувшийся из России Россель по поручению и при поддержке правительства организовали Американский альянс за труд и демократию, который должен был предотвратить проникновение антиимпериалистической идеологии в ряды рабочего класса. Россель настойчиво утверждал, что всякое публичное обсуждение целей войны и вопроса о мире в Америке немедленно отражается на моральном состоянии армии и народных масс в России. «Рига, — писал он через несколько дней после сдачи ее немцам, — захвачена сенаторами Соединенных Штатов Лафоллетом, Гронна и Стоуном».[35]

Однако слово «мир» в течение августа произносилось и руководителями империалистической политики США. В их устах и под их пером мир имел значение радикальнейшего средства, которое дало бы возможность остановить развитие революции в России и сейчас же положить предел тому влиянию, которое она оказывала на другие страны. Мысль об этом продолжал вынашивать Хауз. «Важнее, я думаю, — писал он Вильсону 15 августа (н. ст.) 1917 г., — чтобы Россия сплотилась в сильную республику, чем чтобы была поставлена на колени Германия».[36] Письмо Хауза было написано по поводу появившегося 1 августа (н. ст.) обращения римского папы с призывом к миру.[37] Вильсон и Лансинг не допускали, однако, мысли не только о прекращении войны, но даже и об ослаблении русского фронта. Как раз в эти дни в числе средств к активизации действий русской армии в Вашингтоне рассматривали и отправку в Россию американских войск. «Я полностью согласен с вашим мнением по поводу отправки войск в Россию. Существует много причин, по которым

---

[34] 66th Congr. I Sess., Doc. № 62. Report and Hearings of the Subcommittee on the Judiciary U. S. Senate, v. 2, p. 2716.
[35] Ch. Lash, ук. соч., стр. 39.
[36] Там же, стр. 46.
[37] См.: PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, p. 161.

это было бы неблагоразумно, даже если бы это можно было осуществить», — писал Вильсон 17 августа сенатору Дж. Уильямсу.[38] Разумеется, эта не без сожаления отвергнутая идея прельщала возможностью оказать не словесную, а действенную поддержку российским политическим силам, пытающимся остановить развитие революции. Но она была неосуществима. И Хауз решил поэтому использовать ответ США на обращение папы, чтобы не только создать определенные внутриполитические трудности правительству кайзера, но и усилить морально-политическую поддержку Временного правительства России. «Скажите... что вряд ли правильно просить народы союзных стран обсуждать условия мира с милитаристской автократией», — такую схему ответа папе предложил он Вильсону. Хауз считал, что рекомендуемый им демагогический маневр придаст папскому демаршу (в кругах Антанты его связывали с германскими происками) такой оборот, что в результате американский ответ «придаст силы русским либералам для достижения их цели — превратить свою страну в мощную республику».[39]

Между тем Лансинг считал это излишним, хотя за несколько дней до того и согласился с Рутом относительно всемерной помощи правительству Керенского, в том числе и моральной, т. е. пропагандистской. Государственный секретарь, считая, по-видимому, вредными любые упоминания о мире и целях войны, вообще не склонен был отвечать папе и в этом смысле воздействовал на Вильсона. Чтобы сдвинуть Лансинга с этой позиции, Хауз обратился за помощью прямо к Бахметеву, рассчитывая, что ходатайство Временного правительства сыграет роль «дополнительного рычага для приведения в действие президента». Бахметев встретил предложение Хауза весьма горячо: сам он считал полезным для Временного правительства не только очередной демагогический маневр Соединенных Штатов в вопросе о целях войны, но и специальную конференцию союзников по этому поводу. Придя к Лансингу, он заявил, что Временное правительство предписало ему узнать, что ответит папе Вильсон, чтобы в том же духе составить и свой ответ. В качестве русского проекта ответа он полностью изложил схему Хауза, попросив передать это Вильсону. Но Лансинг ничего определенного не сказал, и Бахметев заявил государственному секретарю, что он этим «разочарован».[40] Хаузу же русский посол пожаловался на Лансинга: «Когда я говорю ему об этих вещах, он как будто не со-

---

[38] R. S. Baker. Woodrow Wilson, life and letters, v. 7, p. 214.
[39] Письмо Хауза Вильсону, 17 августа (н. ст.) 1917 г. цит. по: Ch. Lash, ук. соч., стр. 47.
[40] Лансинг — Вильсону, 21 августа (н. ст.) 1917: PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, p. 166.

чувствует этому или не понимает по-настоящему взглядов русских либеральных кругов».[41]

В конце концов точка зрения Хауза на сей раз восторжествовала, ответ Вильсона папе был отправлен, и содержание его соответствовало пожеланию Хауза.[42]

Но было совершенно ясно — и Бахметеву прежде всего, — что Лансинг все более склоняется к мысли о том, что поддерживать Временное правительство демагогическими заявлениями о демократических и оборонительных целях войны — дело с империалистической точки зрения вредное. Согласившись с рекомендованной Рутом ориентацией на Керенского, Лансинг не желал, однако, идти на пропагандистские уступки оборонческой и тем более социал-оборонческой идеологии. Это ставило под вопрос ориентацию на Керенского, особенно при том, что по внутреннему своему убеждению Лансинг склонялся к военной диктатуре. Между тем государственному секретарю США приходилось теперь определять не только американскую, но — в известной мере — и общесоюзническую политику по отношению к России: как раз в начале августа Бальфур фактически предоставил Соединенным Штатам мандат на определение общесоюзнической политической линии в русском вопросе, предложив даже подчинить американцам находящийся в России английский персонал.[43]

Разумеется, всех этих соображений не существовало для Томпсона и Робинса, оторванных от Вашингтона еще в начале июля. Добравшись до Петрограда после двух задержек императорского поезда местными советами в Чите и Красноярске (подобно тому как обстояло дело с миссией Рута во Владивостоке), Томпсон и Робинс попали в царившую в среде дипломатического корпуса и связанных с ним петроградских сферах обстановку нараставшего страха перед ростом влияния большевистской партии и народными выступлениями, тоски по военной диктатуре и даже мечтаний о реставрации монархии.

На следующий день после приезда, 26 июля (8 августа), Томпсон и Биллингс были приняты Керенским. Премьер только что образованного второго коалиционного правительства сразу же вызвал к себе доверие у эмиссара Уолл-стрита. Чутьем опытного биржевика Томпсон немедленно распознал, что применяемый к Керенскому термин «социалист» лишь «вводит в заблуждение», и принял решение сделать ставку на премьера Временного правительства не как «на лошадь», а как «на жокея». «России, находящейся в руках этого человека, можно доверять», — вынес Томпсон свой вердикт.[44] Ставку «на жокея» одобрил и Робинс,

---

[41] Ch. Lash, ук. соч., стр. 48.
[42] PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, pp. 177—179.
[43] W. Williams. Raymond Robins..., p. 54 (со ссылкой на письмо Вильсону посла США в Лондоне Ридинга 5 августа н. ст.).
[44] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 191—192.

хотя у него сразу же появились сомнения, долго ли продержится Керенский в своем седле. «Я надеюсь, что он переживет нынешний упадок и выйдет из него, поскольку он представляется единственным способным удержать контроль пока не восторжествовала реакция или не пришел к власти военный диктатор», — писал Робинс жене 9 августа (н. ст.).[45]

Керенский в свою очередь понял, что со стороны новоприбывших американцев встречает более благоприятное к себе отношение, чем со стороны официально-дипломатических кругов США, и пожаловался на то, что Фрэнсис обычно «ругал его».[46]

Чем же объяснялась столь быстро принятая Томпсоном ориентация на Керенского? Он вряд ли мог знать как о рекомендациях своего коллеги по республиканской партии и Уолл-стриту Рута (миссии разминулись), так и о скептическом отношении к ним Лансинга. Томпсон действовал на основании тех впечатлений и сведений, которые он и Робинс уже успели получить в России.

Робинс, в пути через всю страну выступавший с политическими речами, уже тогда ощутил грозные признаки растущей революционности масс, понял бессмысленность пропагандистских выступлений с открытым забралом, прямых шовинистических и контрреволюционных призывов. Само отношение представителей народных масс к новой американской миссии было достаточно показательным. «Состояние духа войск весьма неопределенное, и наш поезд несимпатичен некоторым из наиболее радикальных пацифистов. Мы — американские капиталисты, пытающиеся удержать Россию в войне против воли рабочих и крестьян, таков аргумент оппозиции», — писал Робинс жене на перегоне между Байкалом и Омском.[47]

Определив главный источник опасности в революционных настроениях масс и деятельности большевистской партии, Томпсон стал искать им эффективный политический противовес. Прежде всего, он установил отношения с крупными петроградскими дельцами, ходившими в те месяцы «в кадетах» подобно представителям многих более правых групп, объявивших себя кадетами сразу после Февраля. Он с «симпатией» слушал их проклятия по адресу большевистской партии и В. И. Ленина, однако не соглашался с их порицаниями Керенского. Более того, у него сложилось впечатление, что в петроградских деловых верхах «больше боялись радикалов, чем немцев». «Эти деловые парни в Петрограде — люди, которых я понимаю. Я сам такой же, — сказал Томпсон одному из членов своей миссии. — Я хотел бы

---

[45] A. V. Meiburger. Efforts of R. Robins toward the recognition of Soviet Russia and the outlawry of war, 1917—1933. Washington, 1958, p. 5.
[46] Там же.
[47] Там же, стр. 3.

иметь с ними дело, но это невозможно. Я говорил с ними. Я их прощупал. Они за немцев... Это проклятье — иметь с ними дело».[48] Затем последовали контакты с лидерами наиболее правых соглашательских групп, для чего Робинс мобилизовал все свои старые связи в эсеровских кругах. Дочь Кропоткина А. Лебедева стала его секретарем, переводчицей и советчицей. Общая политическая рекогносцировка отняла у Томпсона и Робинса неделю. Ее результаты были в пользу Керенского. Миссия утвердилась в своей оценке. «Он не проповедует диктатуры пролетариата», — с радостью констатировал Томпсон, а рассмотрев платформу Керенского и найдя в ней лишь требования буржуазных свобод, в том числе и свободы частной инициативы, отметил: «Это хорошая американская доктрина».[49]

Разумеется, в пользу Керенского миссию располагало и его отношение к войне.

Как раз в эти дни в петроградской меньшевистской и эсеровской печати ожила идея созыва Стокгольмской конференции социалистов. Правительство США, как мы помним, с самого начала старалось сорвать эту затею, не желая допускать каких бы то ни было разговоров о мире. И вот теперь, когда разговоры о конференции возобновились, Керенский заявил, что, каковы бы ни были ее решения, Временное правительство останется верным договорам с союзниками. Он даже подвергся за это критике в эсеровском «Деле народа» 2 (15) августа.[50] На следующий день Робинс писал жене: «До тех пор, пока Временное правительство существует, сепаратного мира не будет». Но тут же делился своими опасениями: «Нам обещают сегодня новую демонстрацию большевиков, или крайне левых».[51]

Итак, Керенский «подходил» по всем статьям, но прочности его правительства угрожали большевики. Значит, надо было бороться с их влиянием, активно вмешиваясь во внутриполитическую жизнь России. По окончании недельной рекогносцировки был устроен ряд совещаний с участием самого Керенского, членов его кабинета и Фрэнсиса. На них было решено, что Красный Крест окажет содействие в продовольственном снабжении и займется организацией широкой пропагандистской кампании за продолжение войны с Германией как «главным врагом русской революции». И в том и в другом основная организаторская роль отводилась Робинсу. По просьбе Керенского Томпсон поручил Робинсу регулярно выступать перед рабочими и солдатскими аудиториями.

---

[48] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 194.
[49] Там же, стр. 191—192.
[50] См.: Октябрьское вооруженное восстание, кн. 2, М.—Л., 1967, стр. 106.
[51] A. V. Meiburger, ук. соч., стр. 11.

Робинсом и был, очевидно, предложен на совещаниях план пропагандистской кампании, подсказанный ему, как нам представляется, А. П. Кропоткиной-Лебедевой.[52] Членов миссии предложенное предприятие несколько напугало своим политическим, а отнюдь не филантропическим характером, и Робинс жаловался, что они больше всего беспокоятся о своей «личной безопасности» («немного филантропии и домой, как можно скорей, домой»). 23 августа (н. ст.) решено было поэтому, что Биллингс и другие «ученые люди» вскоре возвратятся в Америку.[53]

В сущности план политической пропаганды был не нов, и к осуществлению его после отъезда Рута готовились и без Томпсона и Робинса. Выступая в 1919 г. перед комиссией американского сената, свидетель, имя которого не было названо в изданных протоколах, — мы полагаем, что это был управляющий Русским отделением «Нью-Йорк лайф иншурэнс компани» Фредерик Корз, — показал, что ему еще до приезда миссии Красного Креста было поручено ведение печатной пропаганды союзников в России, причем назначение это было утверждено Вильсоном (очевидно, в соответствии с президентской тактикой наделения различных своих эмиссаров одними и теми же функциями). Но Вильсон поставил при этом условием, чтобы без специального его разрешения не производилось никаких расходов. Получить же такое разрешение, сколько ни хлопотал об этом Фрэнсис, не удалось, и по приезде Томпсона Корз объединил с ним свои усилия.[54]

В мемуарных записях Томпсона, приведенных Хэйдждорном, цели его действий изображаются как военно-стратегические по преимуществу. «Мне было очевидно, что проблем, которые мы должны в России решить, было три: 1. Как помочь России и удержать ее активно воюющей в составе Антанты. 2. В случае провала № 1 как предотвратить заключение Россией сепаратного мира. 3. В случае провала №№ 1 и 2 как предотвратить использование России Германией против союзников», — писал Томп-

[52] О предложенной А. П. Кропоткиной-Лебедевой «программе» с ее «грандиозностью» и «опасностью» Робинс упомянул в письме к жене 15 августа (н. ст.) как о «единственном способе разрешить загадку, которую представляет собой нынешнее положение в России», но изложить суть дела не решился (A. V. Meiburger, ук. соч., стр. 9). А. Майбургер предполагает, что предложение Кропоткиной-Лебедевой, о котором идет речь в письме Робинса, состояло в том, чтобы превратить Керенского в лидера соглашателей в ЦИКе и советах и тем изменить политическую ситуацию в его пользу. Эту идею Томпсон и Робинс выдвинули, как мы в своем месте покажем, в качестве последнего средства за несколько дней до Октябрьского восстания. И возникла она с нашей точки зрения гораздо позже чем 15 августа (н. ст.), по крайней мере после поездки Робинса по стране и ознакомления с положением в деревне, так как была связана с намеченными аграрными преобразованиями.

[53] A. V. Meiburger, ук. соч., стр. 6, 10.

[54] Октябрьская революция перед судом американских сенаторов..., стр. 52.

сон.[55] На самом деле он не очень-то верил в сепаратный мир, а стремился к максимальной активизации военных усилий России, боясь даже частичного оттягивания германских дивизий на западный фронт (американские экспедиционные силы, рассуждал он, придут на помощь западным союзникам не раньше, чем через полгода, а то и позже, немцы могут, пожалуй, до тех пор победить на Западе).[56]

Робинс впоследствии также представлял свои и Томпсона цели при выработке новой идеологической линии для пропаганды в России как чисто военные. Русские солдаты и рабочие, писал Робинс, хотели знать цели войны, а союзническая пропаганда твердила о силе Англии, Франции и Америки, о неизбежности их победы, на что получала иногда саркастический ответ: «Если союзники так сильны, пусть побеждают без нас».[57] Противопоставленное этому «открытие» Робинса и Томпсона, которым они так гордились, — призыв к борьбе с кайзером как единственной форме защиты русской революции — выглядел в августе уже изрядно обветшавшим доспехом революционного оборончества, все более терявшего свое влияние в массах. Лозунг этот бывал в устах и у открытых империалистов типа Гучкова, особенно в первые послефевральские недели, когда была еще надежда с его помощью приостановить развитие революции. Но в Вашингтоне, — и Томпсон знал об этом, — не одобряли любой революционной фразеологии. «Мы не можем заставить русских думать и воевать в качестве союзников, да собственно и нет причин, по которым мы должны делать это именно так, — рассуждал Томпсон. — Если они будут служить цели, нам вовсе не важно, что они будут при этом думать. Мысль об удержании фронта и разгроме Германии нам пришлось выразить словами о спасении революции».[58] Эту циничную формулу Томпсон как бы готовил себе в оправдание перед Вильсоном и Лансингом, которые потому только могли с его точки зрения соблюсти целомудренность своего твердолобого консерватизма, что сами не принимали участия в сооружении на пути русской революции пропагандистского заслона.

Несомненно, что пропагандистская кампания Красного Креста преследовала не только военные, но и политические цели. Направленная против большевистской партии, она отнюдь не была ограничена рамками вопроса о войне и мире. О ее общем антибольшевистском характере неопровержимо свидетельствуют показания Корза, гораздо более в этом смысле откровенные, чем версии Томпсона и Робинса. Придавая «вопросу о выпрямлении рус-

---

[55] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 201.
[56] Там же, стр. 203.
[57] W. Hard. Raymond Robins'Own Story, p. 34.
[58] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 203.

ской идеологии» «жизненное значение», говорил Корз и за себя и за Томпсона, «мы предполагали захватить в свои руки бумажный рынок в России и уничтожить большевистскую прессу. На фронте печаталось очень много листков, которые мы хотели задушить, чтобы создать вместо них ряд газет для солдат и поставить на ноги несколько боевых печатных органов со здоровой идеологией».[59]

16 (29) августа Томпсон сообщил об этом своем плане Дэвисону, потребовав, чтобы тот обеспечил делу активную поддержку президента Вильсона.[60]

Керенский, когда план этот был с ним согласован, «немедленно» оценил, по словам Томпсона, открытые американцами «возможности». Суть плана состояла в том, чтобы вся пропагандистская работа делалась русскими руками, а американские ее организаторы не выходили бы из-за кулис. Согласившись с этим, Керенский свел Томпсона с Е. К. Брешко-Брешковской. «Бабушка русской революции», превращенная в хоругвь эсеро-меньшевистской пропагандой в первые месяцы после Февральской революции, теперь в значительной мере утратила свое влияние в массах. Однако Керенскому пришлось обратиться именно к ней.

Томпсон и Робинс с их американским опытом партийного политиканства сразу же отметили, что «у Керенского не было партии».[61] Действительно, лишь крайне правая группировка эсеровской партии, возглавляемая Брешко-Брешковской, была последовательна в своей поддержке министра-председателя. Когда на III съезде эсеров Керенский не был избран в ЦК, Брешко-Брешковская в знак протеста против этого отказалась войти в его состав. После июльских событий, когда оформление левого течения в эсеровской партии ускорилось, в частности, в связи с опубликованием 9 июля (ст. ст.) в «Земле и воле», органе Петроградского областного комитета эсеров, декларации с резкой критикой руководства партии, усилилась консолидация среди правых эсеровских лидеров, еще больше упрочились узы между «бабушкой» и премьером.

«Керенский как бонапартист, — писал в сентябре В. И. Ленин в статье «О героях подлога и об ошибках большевиков», — все более разоблачает себя. Он считался „эсером“. Теперь мы знаем, что он не только „мартовский“ эсер, перескочивший сюда от трудовиков „для рекламы“. Он — сторонник Брешко-Брешковской, этой „г-жи Плехановой“ среди эсеров и „г-жи Потресовой“ в эсеровском „Дне“. Так называемое „правое“ крыло так называемых „социалистических“ партий, Плехановы, Брешковские, Потре-

---

[59] Октябрьская революция перед судом американских сенаторов..., стр. 52.
[60] W. Williams. Raymond Robins..., p. 56—57.
[61] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 195.

совы, вот к кому *принадлежит* Керенский, а это крыло *ничем* серьезным не отличается от кадетов».[62]

Разумеется, Лансинг и Вильсон вряд ли могли разобраться в сложных перипетиях петроградской политической действительности, с тем большей твердостью они продолжали оставаться на своей прежней позиции — где-то между кадетами и военной диктатурой.

Томпсон и Робинс, действуя на месте, в Петрограде, тоже не сумели до конца понять смысла происходивших в России событий и уловить тенденцию их развития, но они убедились в безвредности «социализма» Керенского, нащупали то жалкое подобие его политической партии, которое представляла собой группа Брешковской, и решительно сделали на нее ставку, поняв что она, социал-шовинистская, а не социал-пацифистская по своему характеру, тесно смыкается с кадетами, пользовавшимися традиционными симпатиями в США.

Помимо Е. К. Брешко-Брешковской, в предварительном совещании с американцами — оно происходило, как нам представляется, 17 (30) августа — участвовал и Н. В. Чайковский. Для Робинса он был, как и Брешко-Брешковская, старым знакомым. Прекратив фактически революционную деятельность, он был накануне мировой войны деятелем кооперативного движения и Земгора. Делегированный после Февральской революции от Трудовой группы в Исполком Петросовета, он пытался там предводительствовать крайне правым крылом. И Брешко-Брешковская и Чайковский одобрили предложенный Томпсоном план, признав его «не только осуществимым, но и способным возбудить национальное чувство, которое приведет к банкротству радикалов, стабилизирует Временное правительство и восстановит боеспособность фронта».[63]

Теперь нужны были деньги и немалые, потому что предприятие Томпсона и Робинса было задумано на широкую ногу: помимо хотя и фантастического, но тем не менее дорогостоящего плана захвата всего бумажного рынка, а также издательских замыслов, имелось в виду развернуть и устную пропаганду, причем в таких масштабах, чтобы «на каждом перекрестке было по оратору». Составленная Робинсом примерная смета предусматривала миллион долларов на первый случай и по три миллиона в месяц в течение полугода.[64]

Брешко-Брешковскую не смутило происхождение денег. Прежде всего предложенная американцами платформа в сущности совпадала с теми позициями, которые занимало крайне правое эсеровское крыло. Эсеровская «бабушка» и раньше брала

---

[62] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 250.
[63] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 204.
[64] Там же.

деньги на пропагандистские цели из различных источников на приемлемых для нее условиях. Керенский избегал предоставления своей партии казенных средств, боясь необходимости «давать равным образом и всем другим партиям», и Брешковской пришлось взять из скрывавшегося ею источника 100 тыс. руб. с тем, чтобы пропагандировать оттяжку решения вопроса о земле и принятия других важнейших законов до Учредительного собрания.[65] Эсерам не впервые было брать деньги и из американских рук, так как в Москве начиная с лета они получали «скудные вспомоществования» от Булларда.[66]

Репутация «друзей русской свободы», которой пользовались Буллард и Робинс со времен революции 1905—1907 гг., в глазах правых эсеров могла оставаться непоколебленной. К тому же Робинс объявлял себя представителем американского рабочего класса, предъявив два мандата, один — подписанный его женой как председательницей Союза чикагских женщин, и второй — от одного из чикагских профсоюзов. А Томпсон уверял, что под влиянием Февральской революции перестал быть капиталистом и будет впредь стоять «за народ».[67] Они обещали, что средства, необходимые для комитета в будущем, будут собраны в США не только среди капиталистов, но и в рабочих кругах. Но при всем том Брешковская и ее группа понимали неблаговидность намеченных операций и, боясь, что, став известными, они будут расценены как «субсидирование партии социалистов-революционеров баронами Уолл-стрита»,[68] пытались окружить свои связи с американцами покровом тайны.

Понимая, что рассчитывать на срочное получение казенных денег из Вашингтона не приходится, Томпсон 18 (31) августа телеграфировал дому Моргана распоряжение о переводе в Петроград одного миллиона долларов из его личных средств, депонированных у Морганов. Одновременно он сообщил своим деловым партнерам в Нью-Йорк, что денег «надо было бы иметь в двадцать раз больше», и сделал заказ руководству Американского Красного Креста на поставки медикаментов и продовольствия.[69]

После этого на заседании с участием Керенского, Томпсона и Робинса — оно описано в книге Хэйджорна — был учрежден Брешковской и Чайковским особый пропагандистский орган под названием Комитет гражданского просвещения. Официальным его главой стала Брешковская, фактическим руководителем дела — личный секретарь Керенского Д. Соскис, пропаганда в армии была возложена на генерала К. Ф. Неслуховского, кото-

[65] В. Бакрылов. Молчать — совесть не позволяет. Знамя труда, 24 ноября (7 декабря) 1917 г.
[66] G. Kennan, ук. соч., стр. 49.
[67] E. Sisson. One hundred red days. N. Y., 1931, p. 50.
[68] G. Kennan, ук. соч., стр. 57.
[69] W. Williams. Raymond Robins..., p. 58.

рого Томпсон и Робинс считали влиятельной и близкой к Керенскому фигурой в Главном штабе.[70]

К деятельности в Комитете гражданского просвещения были также привлечены с американской стороны — Ф. Корз, а с русской — Е. Е. Лазарев, в прошлом известный революционер-семидесятник. Его американские связи были даже более раннего происхождения, чем у Брешковской и Чайковского. Он жил в США еще в начале 90-х годов, помогал Кеннану в работе над его известной книгой «Сибирь и ссылка» и являлся одним из организаторов движения «американских друзей свободы в России». Активный участник создания эсеровской партии, он во время мировой войны примкнул к оборонцам, сотрудничал в эсеровских органах «За рубежом» и «Новости», а после Февраля стал одним из видных членов фракции правых эсеров.

Однако Лазарев и Неслуховский вряд ли были активно действующими лицами. Скорее всего они реального участия в деле не принимали, и весь комитет держали в своих руках Д. Соскис, Брешко-Брешковская и Чайковский. Недаром сын Д. Соскиса В. Соскис, служивший помощником отцу, в своем меморандуме о деятельности комитета, составленном уже в Америке летом 1918 г., упомянул лишь о них троих, а вместо Лазарева и Неслуховского назвал Аргунова и Мякотина.[71]

Неслуховский, который казался американцам такой влиятельной и политически выгодной для них фигурой, был выборным командиром одной из частей Петроградского гарнизона, незадолго до того получившим генеральское звание. В Комитет гражданского воспитания он был привлечен, по-видимому, Соскисами, его домашними знакомыми. То ли Соскисы создали Неслуховскому в глазах Томпсона и Робинса репутацию близкого к Керенскому генерала, то ли американцы сами распространили на него свои представления о близости Д. Соскиса к министру-председателю, но в действительности Неслуховский вряд ли был связан с Керенским или идейно близок к группе Брешковской. При общем радикализме и демократичности своих воззрений генерал не примыкал официально ни к одной из партий, но издавна сохранял связи с кругами большевиков.[72]

[70] При переводе на русский язык в 1927 г. протоколов сенатской комиссии Овермэна его фамилия была транскрибирована как Нейшлаковский. В таком виде и без инициалов она фигурировала и в ряде последующих советских изданий. В американской литературе попытку установления его личности предприняла А. Майбургер, однако сделать это ей, по ее собственному признанию, не удалось.

[71] E. Sisson, ук. соч., стр. 50.

[72] Он был родственником Д. И. Лещенко, секретаря редакции ряда большевистских изданий. Как известно, квартирой Неслуховского в 1906—1907 гг. иногда пользовался В. И. Ленин (В. Е. Муштуков и П. Е. Никитин. Здесь жил и работал Ленин. Л., 1965, стр. 162). Некоторые сведения о К. Ф. Неслуховском нам сообщила его дочь Т. К. Неслуховская.

Таким случайным и нелепым с точки зрения интересов инициаторов комитета был выбор его членов.

■

Пока Томпсон и Робинс хлопотали в Петрограде, в Америке дело оборачивалось не очень благоприятным для них образом. Вильсон, приняв Дэвисона, проявил интерес к проблеме, но активность Томпсона и Робинса явно пришлась ему не по душе. У Томпсона появилась было мысль об организации для России нового частного займа в Америке с морганов ским домом во главе синдиката, но Дэвисон сообщил, что Морган к такому займу не расположен.[73]

За всем этим крылось, по-видимому, сдержанное и двойственное отношение Лансинга к Керенскому. Государственный секретарь старался выполнять свое обещание, данное в меморандуме 9 августа, — поддерживать правительство Керенского всеми средствами. 23 августа (н. ст.) Бахметев вторично обратился к Мак-Аду с просьбой о предоставлении 100 млн долл. на срочные надобности, пока не решен вопрос по общей заявленной Россией потребности в долларах. В тот же день стомиллионный кредит был открыт и дано обещание предоставить еще 150 млн долл. для оплаты заказа на 1500 паровозов и 30 000 вагонов при условии, что заказ будет помещен после 1 ноября. «Мною было высказано пожелание, — телеграфировал в Петроград Бахметев, — чтобы настоящие благоприятные решения были доведены до сведения Временного правительства к моменту Московского съезда. Вообще со стороны Американского правительства проявляется полное желание идти навстречу нашим потребностям».[74]

Прохладная реакция на предложения и требования Томпсона, если и противоречила этому, то лишь на первый взгляд. Одно дело — поддержка Временного правительства во главе с Керенским, другое — ставка на него лично, укрепление его положения как партийно-политической фигуры и главы правительства. Удостоверения в политической благонадежности, которые выдавал Керенскому Томпсон, не могли заставить Лансинга отказаться от мечты о военной диктатуре. Страх, который испытывали в Вашингтоне перед социал-пацифизмом, мешал увидеть социал-шовинистское сходство между политической практикой Керенского и идеологией Росселя и других американских «военных социалистов» (так назывались в США реформисты милитаристского толка).

---

[73] W. Williams. Raymond Robins..., p. 58.

[74] Отчет агента Министерства финансов при Российском посольстве в Вашингтоне за период времени с 1 (14) января 1917 г. по 1 января 1920 г. Объяснительная записка, кн. I. лл. 272—273; телеграмма Лансинга Фрэнсису, 23 августа (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 22.

Не помог, видимо, и обнадеживающе похвальный отзыв о правительстве Керенского, который сообщил Лансингу Фрэнсис, по-прежнему измерявший все единственной мерой — введут или не введут смертную казнь. «Министр иностранных дел, который только что покинул посольство, — радостно телеграфировал он 30 августа (н. ст.), — сказал мне, что Совет министров восстановил смертную казнь в армии и что скоро об этом будет объявлено. Это ответ на мое внушение, которое имело тот смысл, что Временное правительство должно теперь принять более твердую политику по отношению к дисциплине в армии и крайним социалистам».[75]

4 сентября (н. ст.), после падения Риги,[76] Фрэнсис опять «попытался повлиять» на Керенского в том же направлении. В последующие дни он очень боялся массовых революционных выступлений, приписывая организацию их большевикам (между тем как на самом деле ЦК РСДРП(б) даже принимал специальные меры к предупреждению возможных провокаций). 6 сентября (н. ст.) он телеграфировал: «Нервное состояние усиливается. Слухи о большевистской демонстрации на воскресенье, 9. Если это осуществится, армия менее надежна, чем две недели тому назад», а 8-го, успокоенный, сообщил: «Думаю, что никаких большевистских волнений завтра не будет, правительство заверило меня в этом нотой, если все же произойдут, оно их подавит».[77]

Однако на Лансинга телеграммы Фрэнсиса оказали, по-видимому, столь же малое влияние, как и сообщения, шедшие от Томпсона. И накануне корниловского мятежа американские представители в Петрограде оказались безо всяких точных указаний своего правительства.

Впрочем, предвидеть мятеж петроградские американцы вряд ли могли, и единственное известное нам сообщение о Корнилове, посланное Фрэнсисом в Вашингтон накануне мятежа, не отдавало предпочтения ни одной из сторон. Оно касалось трений между Корниловым и Временным правительством по жгучему для Фрэнсиса вопросу о применении смертной казни. Прибывший из ставки румынский посланник передавал жалобы Корнилова на то, что Временное правительство мешает ему в этом. Терещенко же заверил Фрэнсиса, что Корнилову даны все полномочия.[78] Обе стороны выглядели в глазах Фрэнсиса вполне достойно!

---

[75] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 179—180.

[76] Оно вызвало в США такую тревогу, что Лансингу пришлось в связи с новым кредитом России сделать успокоительное заявление (The Literary Digest, 8 сентября 1917 г.).

[77] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 181—182, 186.

[78] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 6 сентября (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 181—182.

Все же 28 августа (10 сентября), когда о мятеже стало известно в Петрограде, Фрэнсис ощутил сильное тяготение к Корнилову. «Я использовал любую возможность, чтобы настаивать перед министром-председателем, его заместителем и министром иностранных дел на восстановлении дисциплины в армии, — телеграфировал он в этот день в Вашингтон. — Временное правительство и социалисты будут настаивать на том, что цель этого контрреволюционного движения в восстановлении монархии, но вожди его заявляют, что их цель в спасении страны и предотвращении бесславного поражения от рук Германии».[79]

Мысль Фрэнсиса была здесь выражена в вынужденно мягкой форме, так как его телеграммы этих дней отправлялись в Вашингтон при посредстве министерства иностранных дел. На деле его исходная политическая позиция выглядела — в частном письме к сыну — более определенно. «Временное правительство, — писал он 31 августа (13 сентября), — проявило слабость, не сумев восстановить дисциплину в армии и дав слишком много воли ультра-социалистическим настроениям, защитников которых называют „большевиками“».[80]

В сущности Фрэнсис был корниловцем, не ставившим подобно многим кадетским радетелям Корнилова креста на Керенском, мечтавшим об их союзе для борьбы с партией большевиков.

«Если бы Львов был мудрым и сильным человеком, а не пустомелей, лезущим не в свое дело, а у Керенского достало бы величия, чтобы поставить благо своей страны выше собственного тщеславия и поискать какую-то промежуточную позицию, с которой он и Корнилов могли бы действовать против большевиков — своих общих врагов, они смогли бы совместными усилиями спасти Россию и весь мир от проклятия большевизма», — так сокрушался Фрэнсис в своих мемуарах по поводу итогов корниловского мятежа.[81]

Независимо от того, насколько соответствовали действительности оценки Фрэнсиса, именно они определяли его политику. А политика Фрэнсиса оказывалась официальной линией американской дипломатии, так как сроки телеграфного сообщения с Вашингтоном при быстрой смене событий не давали Лансингу возможности влиять на действия Фрэнсиса (телеграммы Фрэнсиса в США, обычно поступавшие в Вашингтон через два дня, во время корниловского выступления приходили через четверо суток). Его фигура опять оказалась в политическом фокусе, в котором преломились обе тенденции «русской политики» Лансинга этих недель — поддержка правительства Керенского как «существующего режима» и внутренние, сокровенные, симпатии к военной диктатуре.

[79] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 187.
[80] D. R. Francis. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 162.
[81] Там же, стр. 157.

Среди послов держав Антанты роль Фрэнсиса была, пожалуй, наиболее активной в прокорниловском смысле. Предложенную им совместную позицию послов он сам определял как нейтральную. В его трактовке нейтралитет представлял собой прежде всего воздержание от любой помощи правительству Керенского. «Я доказывал, — писал Фрэнсис, — что если Корнилов одержит победу, это будет означать не восстановление монархии, а лишь смену правительства и более энергичное ведение войны». Иное дело — победа Керенского. В случае его неспособности предотвратить развитие революции и выход из войны, «союзные дипломаты, — пугал своих коллег американский посол, — заслужат суровое порицание за то, что помогали Керенскому ликвидировать Корнилова».[82] Но нельзя было и в открытую поддерживать Корнилова, как того хотелось бы Фрэнсису. Ведь «если бы мы поддержали его, а он потерпел поражение», рассуждал посол, «мы оказались бы в совершенно невозможных отношениях с правительством Керенского».

Фрэнсис добивался поэтому от союзных послов позиции максимально благоприятного по отношению к Корнилову нейтралитета.

Вот как выглядело это на практике.[83]

В 5 часов дня 28 августа (10 сентября) по предложению Терещенко был созван дипломатический корпус. Бьюккенен как дуайен дал понять от имени министра, что дипломатам следовало бы уехать из Петрограда. Терещенко поручил Бьюккенену упомянуть о возможности осады Петрограда корниловскими войсками, «хлебных бунтов» и «коммунистических эксцессов» в городе. Все главы посольств и миссий решили, однако, остаться в столице (Фрэнсис, впрочем, зафрахтовал судно для бегства американцев).

Но когда французский посол предложил, чтобы дипломатический корпус выступил с посредничеством, представители нейтральных стран возразили, понимая, очевидно, что это означало бы вмешательство во внутренние дела. Тогда Бьюккенен немедленно созвал у себя послов союзных правительств, которые вынесли официальное решение о посредничестве. Это была не очень-то замаскированная форма политической помощи Корни-

---

[82] Там же.

[83] Кроме двух телеграмм Фрэнсиса Лансингу о корниловском выступлении и своей позиции в связи с ним — от 29 августа (11 сентября) и 30 августа (12 сентября) 1917 г. (PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 187—189), — нам известно также частное его письмо Г. Присту (D. R. Francis. Russia from the American Embassy, pp. 158—161). В нем Фрэнсис изобразил свои действия несколько более откровенно, чем в телеграммах, и сознался, что опасается, как бы Временное правительство не объявило его persona non grata: так далеко зашел он в деле политической поддержки Корнилова.

лову, так как посредничество дипломатов Антанты сразу же превратило бы его из мятежного генерала в юридически признанную сторону в переговорах о власти. Вечером 28 августа (10 сентября) положение дел представлялось Терещенко совершенно неопределенным (он откровенно признался в этот день Фрэнсису, что не знает, кто одержит верх), и он счел нужным поблагодарить за предложение о посредничестве, сказав, что хоть сейчас оно и не требуется, но, возможно, будет использовано впоследствии. Фрэнсис и на следующий день, 29 августа (11 сентября), считал дело Керенского проигранным. «Военный и морской атташе — оба считают, что Корнилов овладеет положением после бесполезного сопротивления, если оно вообще будет ему оказано», — телеграфировал он Лансингу в этот день. Однако одновременно Фрэнсис, как и другие послы, начинал ощущать, что Корнилову готовится сокрушительный отпор. Хотя американский посол игнорировал революционную мобилизацию масс на борьбу с корниловщиной и приписывал оборонительные мероприятия организационным действиям Временного правительства, он все больше волновался за судьбу корниловского заговора. С утра до него дошел слух о достигнутом будто бы соглашении между Корниловым и Временным правительством. Он сейчас же обратился по телефону за подтверждением к Терещенко, но тот не только опроверг этот слух, но и заявил — совсем в ином тоне, нежели накануне, — что силы Временного правительства растут не по дням, а по часам.

Теперь стало ясно, что Корнилов нуждается в помощи, и Фрэнсис сделал Бьюккенену запрос о том, когда будет опубликовано посредническое предложение послов. Бьюккенен, встревоженный, по-видимому, не меньше, чем Фрэнсис, передал текст заявления послов в министерство иностранных дел и около часу дня сообщил Фрэнсису, что оно появится в вечерних газетах. В газетах его, однако, не оказалось, а в половине десятого вечера в американском посольстве была получена записка Бьюккенена о том, что Терещенко не пропускает в печать слова «посредничество», так как оно ставит Корнилова на одну доску с Временным правительством.

Ободрившийся и непреклонный теперь Терещенко обещал поместить в утренних газетах лишь официальное сообщение о попытках союзных послов «выяснить ситуацию».

На следующее утро Фрэнсиса постиг новый удар. Официозные заявления, в различных вариантах появившиеся в газетах 30 августа (12 сентября), оказались для него «неудовлетворительными»,[84] а сообщение в «Известиях» (он приписывал его

[84] В «Новой жизни» от имени Политического управления Военного министерства сообщалось, что Корнилов «не может рассчитывать на поддержку союзных держав: державы надеются на скорейшую ликвидацию

«Бюллетеню» Временного военного комитета при ЦИК) — «вызывающим решительные возражения». Составленное с оборонческих позиций, оно гласило, что союзные послы осуждают мятеж, и приписывало им слова о том, что победа Корнилова означала бы разрыв отношений России с союзниками и их поражение в войне.[85]

Замысел оказания политической помощи Корнилову оборачивался своей противоположностью, и Фрэнсис решил это предотвратить. В половине первого часа дня он появился в министерстве иностранных дел и с этого момента, действуя с открытым забралом, проявил себя как яростный сторонник максимально возможной по условиям момента солидаризации союзных послов с Корниловым. Он застал английского, французского и итальянского послов «за совещанием с министрами» (кроме Терещенко, ввиду остроты конфликта присутствовал, очевидно, кто-то еще из членов Временного правительства). Все склонялись к тому, чтобы Терещенко сделал новое заявление, текст которого был написан французским послом. Соглашение было уже почти достигнуто, но Фрэнсис его сорвал, настаивая на опубликовании заявления послов о посредничестве, принятого 28 августа (10 сентября).

По его настоянию в половине третьего Бьюкенен собрал у себя союзных послов, и Фрэнсис стал склонять их на свою сторону. Его коллеги возражали, не желая обострять отношений с Временным правительством, ссылались на цензуру и т. п. Но Фрэнсис был непреклонен. «Заявление о наших действиях, которое намеревается сделать Терещенко, — утверждал он, — ставит нас в положение помогающих Временному правительству в подавлении Корнилова, а мы этого не делали».[86] Американский посол, по собственным его словам, «наконец вынудил» своих коллег согласиться с ним, и Бьюкенену было поручено потребовать от Терещенко опубликования заявления послов под угрозой, что они сделают это сами.[87] «Хотя такая позиция, — писал Фрэнсис, — может привести к натянутым отношениям с правительством Керенского, я предпочитаю это репутации помогавшего Временному правительству в провозглашении изменником,

---

мятежа». «Речь» со ссылкой на осведомленный источник утверждала, будто «представители союзных держав коллективно предложили Временному правительству свое полное содействие».

[85] Известия, 30 августа (12 сентября) 1917 г.

[86] D. Francis. Russia from the American Embassy, p. 160.

[87] 31 августа (13 сентября) в газетах действительно появилось представление, сделанное накануне послами Терещенко, в котором выражалось возмущение газетными оценками «роли союзников по отношению к русским внутренним делам». К нему был приложен текст заявления послов Временному правительству 28 августа (10 сентября) с предложением «добрых услуг» (что было, разумеется, совершенно равнозначно посредничеству). См.: Речь, 31 августа (13 сентября) 1917 г.

а может быть, и в преследовании храброго солдата и патриота, вся ошибка которого состояла в том, что он выдвинул свои требования раньше, чем общественное мнение в их пользу достаточно усилилось, чтобы заставить принять их».[88]

Оценивая свои действия в пользу Корнилова, предпринятые, когда неудача мятежа уже ясно обозначилась, Фрэнсис пришел к заключению, что его могут объявить persona non grata. Впрочем, стоило Терещенко в беседе с глазу на глаз с американским послом намекнуть на возможность протеста против вмешательства во внутренние дела, как Фрэнсис показал зубы. «В обычных обстоятельствах», пренебрежительно заявил он, протест «был бы возможен», но «в России в настоящее время особое положение», так как она «просит и получает весьма существенную помощь».[89] На том дело и кончилось.

Заключая свое сообщение в Вашингтон о провале корниловского выступления и своих действиях в его поддержку, Фрэнсис подчеркнул, что «положение небезнадежно» и при Керенском, но было бы гораздо лучше, «если бы был достигнут компромисс и соперничающие элементы объединились для энергичных действий». О таком исходе дела мечтал не только Фрэнсис, но и многие российские кадеты-корниловцы, однако посол дал понять, что приветствовал бы и решительную победу Корнилова над Керенским. Военный и морской атташе, добавил он, «в высшей степени разочарованы неудачей Корнилова».[90]

Прошло всего несколько дней, и Фрэнсис вернул свое расположение Керенскому. Родзянко и Гучков, посетившие Фрэнсиса, предсказывали, что конфликт Керенского с лидерами эсеровской и меньшевистской фракции ЦИКа по вопросу о коалиции с кадетами кончится победой ЦИКа, но Фрэнсис поверил явившемуся вслед за ними Терещенко, который пообещал «решительную победу» правительства. Позиция Керенского в этом конфликте, считал посол, делает ему «большую честь», поскольку он «твердо стоит на своем», «разорвав свои старые связи».[91]

Но, помимо Фрэнсиса, в России был теперь и второй, хотя и неофициальный, американский посол — Томпсон, позиция которого в дни корниловщины отнюдь не во всем соответствовала действиям Фрэнсиса. Книга Хэйджорна содержит весьма выразительное описание того радостного возбуждения, которое вызвал корниловский поход в руководящих сферах союзных посольств и военных миссий и в их окружении. Отметим, кстати, что, оценивая значение одного из совещаний послов, — скорее всего, речь

[88] D. Francis. Russia from the American Embassy, p. 160.
[89] Там же, стр. 161.
[90] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 12 сентября (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 189.
[91] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 16 сентября (н. ст.) 1917 г.: там же, стр. 192.

идет о последнем, происходившем 30 августа (12 сентября), — Хэйджорн, очевидно, вслед за Томпсоном утверждал, что оно закончилось выработкой «ультиматума Керенскому», означавшего «только одно: он должен уступить свое место».[92] Явная преувеличенность этого утверждения отражала, однако, настроения, господствовавшие в кругах петроградских иностранцев и той прокорниловской офицерской среды, в которой они вращались. Так, одним из корниловских заговорщиков в Петрограде был полковник русской службы Калпашников, состоявший сотрудником томпсоновской миссии Американского Красного Креста (до войны он был русским военным атташе в Вашингтоне, а в декабре 1917 г. оказался одним из участников известной американской операции по организации помощи Каледину).[93] Он заявил Томпсону: «Мы повесим Керенского в течение сорока восьми часов». Другой собеседник Томпсона, «учтивый и приятный джентльмен», заявил ему в «елейном» тоне: «Я думаю, что повешения начнутся завтра в три часа». Робинсу аналогичное заявление сделал «по секрету» Калпашников.[94]

Чины иностранных посольств, офицеры союзнических миссий с большой настойчивостью добивались присоединения Томпсона к «единому фронту», составленному антантовскими представителями для моральной поддержки Корнилова. Но Томпсон был непоколебим, он сделал ставку на Керенского и не собирался ее менять.

В самый момент начала корниловского мятежа 26 августа (8 сентября) Томпсон получил телеграмму от Моргана о том, что его миллион долларов переведен ему через «Нэйшнл сити бэнк». А в разгар корниловщины 27 августа (9 сентября) он писал жене: «Мое положение становится с каждым днем все более важным, и я уверен теперь, что сумею сделать что-то полезное моей стране».[95] Ставка на Керенского была в его глазах главным средством к этому. В сущности он, как и Фрэнсис, считал наиболее предпочтительным «партнерство между Керенским и Корниловым» и в течение какого-то времени «горячо надеялся» на

---

[92] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 210.

[93] См.: Правда, 9 (22) декабря 1917 г.

[94] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 212; W. Hard, ук. соч., стр. 109. — Даты этих бесед ни Томпсон, ни Робинс, по-видимому, не запомнили. Они происходили, по всей вероятности, 27 августа (9 сентября) или 28 августа (10 сентября), когда корпус Крымова приближался к Петрограду. О наличии корниловских заговорщиков среди офицеров в Петрограде писал позже П. Н. Милюков. Они должны были, в частности, организовать в городе вооруженные выступления, которые предполагалось приписать большевикам. «Между 28 августа и 2 сентября под видом большевиков должен был выступить я», — рассказал позже В. Н. Львову пресловутый казачий атаман Дутов (Октябрьская революция. Сост. С. А. Алексеев. С примеч. А. И. Усагина, М.—Л., 1926, стр. 87—88).

[95] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 194, 208.

это. Саму по себе диктатуру «сильной руки» он считал делом неплохим, но неосуществимым. «Тупая нереалистичность» послов, способных лишь предвкушать «блаженство», которое даст диктатура, приводила его в негодование. «Ваша игра не приведет к тому, к чему вы стремились, и я не приму в ней участия», — отвечал он на все уговоры. «Керенский представлял собой в тот момент действительность русской политической ситуации, Корнилов же был иллюзией», — такова была суть позиции Томпсона.

Он сумел разглядеть, что мобилизация масс на борьбу с корниловщиной означала новый подъем революционного движения, делавший исторически обреченными генеральские авантюры. Американцы, находившиеся в Петрограде, иностранные дипломаты, русские офицеры, новые знакомые из петроградских аристократических сфер буквально осаждали Томпсона просьбами присоединиться к давлению на Керенского. При этом имелись в виду, очевидно, те личные связи, которые возникли у Томпсона с министром-председателем. Но Томпсон, хотя его и самого привлекали «блага» диктатуры, неизменно отвечал: «Допустим, что Керенский покорится Корнилову, допустим, что диктатура будет установлена, долго ли продержится она в пробудившейся, кипящей гневом и исполненной самосознания России Советов?»[96]

Понял ли Томпсон, что революционная организация масс для отпора Корнилову, роль большевистской партии в разгроме мятежа, рост недовольства в стране политикой Временного правительства отнюдь не делают Керенского перспективной «фигурой дня»?

И да, и нет. Вместе с Робинсом, вернувшимся в Петроград в разгар корниловского мятежа, они проводили в эти дни много времени на улицах Петрограда, курсируя между Смольным институтом и Зимним дворцом. Оба они записывали свои наблюдения, а сопоставив записи, пришли к заключению, что Корнилов потерпел поражение «не от Зимнего, а от Смольного».[97] У Робинса был, кроме того, еще и опыт, полученный во время поездки по стране с целью заготовки продовольствия для распределения его миссией Красного Креста. Где бы ни сталкивался он с местными органами Временного правительства, он вскоре убеждался в их полной беспомощности и с ведома Томпсона вынужден был обращаться к Советам на местах, всякий раз поражаясь значительности их влияния. Но, присутствуя на собраниях Советов и участвуя в возникавших дискуссиях, Робинс убеждался в том, что с Советами ему и Томпсону не по пути: дискуссии неизменно шли вокруг трех пунктов: земля — крестьянам, власть — Советам, окончание «царской войны». Понимая, что правительство Керенского «не имеет корней в жизни России», Томпсон и Робинс тем

---

[96] Там же, стр. 210—212.
[97] W. Williams. Raymond Robins..., p. 62.

не менее решили не менять своей ставки на Керенского, а, наоборот, оказывать ему всемерную помощь.

28 августа (10 сентября) Робинс составил записку, озаглавленную «Некоторые наблюдения над нынешним положением в России», в которой обосновывал это решение. Предлагая всестороннюю помощь Временному правительству путем пропаганды в его пользу в США, организации американских филантропических мероприятий и «воспитательной» кампании в России, Робинс старался доказать, что такая политика окупится даже с «чисто коммерческой точки зрения». Россия, писал он, «величайшее возможное поле для коммерческой предприимчивости, капиталовложений и потребления промышленных товаров», а затраты, снискавшие американцам расположение русского правительства, хоть они сейчас и могут показаться бесполезными, на самом деле представляют собой такое капиталовложение, которое «в течение будущих пятидесяти лет даст по 100 долларов на каждый затраченный».[98]

Эта записка и последовавшие за ней несколько совещаний Томпсона и Робинса с Керенским, Фрэнсисом и др. привели к тому, что Американский Красный крест сделал правительство Керенского главным объектом своей спасательной деятельности в России.

Однако в вашингтонских правящих сферах безоговорочная и, так сказать, персонифицированная ориентация на Керенского не могла встретить горячего одобрения ни накануне корниловского мятежа, ни после его разгрома. Правда, отношение к Временному правительству, особенно в вопросах, касавшихся финансовой и иной материальной помощи ему, было, как и до того, благоприятным. Незадолго до корниловского выступления Терещенко отправил послам в Париже, Лондоне и Вашингтоне паническую телеграмму о катастрофическом финансовом положении России. Необходим был крупный заграничный заем, на сей раз для внутренних нужд, а не для зарубежных закупок.[99] Бахметев в ответ сообщил из Вашингтона 28 августа (10 сентября), что почва для этого «до известной степени подготовлена в среде правительства в благоприятном смысле», да и в кругах конгресса — а заем такого типа мог быть получен лишь с его ведома — существует «уже разбуженное сильное сочувствие России и сознание необходимости предотвратить ее общее разложение».[100] Но эта теле-

---

[98] Там же, стр. 63.

[99] Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 376—377.

[100] Отчет агента М. Ф.... Объяснительная записка, кн. I, лл. 274—275. — Просьбу о таком займе, считал Б. А. Бахметев, придется заявить со всей «ясностью и широтой». «При такой постановке, — писал он, — придется раскрыть перед палатами или, может быть, перед отдельными комиссиями всю серьезность финансового положения России и представить вопрос о займе в виде крайнего средства политической необходи-

грамма писалась, когда в США не было еще известно о выступлении Корнилова. А затем отклики американской печати на корниловщину показали, что личные склонности Лансинга, для которого идея военной диктатуры в России обладала постоянной привлекательностью, в большой мере совпадали с настроениями влиятельных кругов американской буржуазной общественности.

Филиппики Временного правительства против «мятежного генерала, угрожающего российской демократии», вовсе не встретили в печати США единодушно сочувственных откликов. «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд» — лидеры большой американской прессы — приветствовали Корнилова, видя в нем «сильную личность», которая спасет Россию. Противостоявшие им в этом «Де Мойн Реджистер» и «Нью-Йорк Ивнинг пост» были несравненно менее влиятельны. Газеты, считавшиеся органами либеральных кругов, осуждали выступление Корнилова, но при этом подчеркивали, что опасаются не столько самой корниловской диктатуры, сколько гибельного влияния конфликта на русскую военную мощь на фронте («Сэнт-Луис пост диспетч» и «Нью-Йорк уорлд»). «Спрингфилд рипабликэн» в дни выступления Корнилова настаивала на том, что он патриот, а вовсе не контрреволюционер. Правда, «Пост диспетч», после поражения Корнилова, называла его «архиизменником». «Спрингфилд рипабликэн» также отказала Корнилову в своем расположении после провала мятежа. Однако «Пост диспетч», как и другие газеты, продолжала выражать надежды на появление «сильной личности».[101]

■

Буржуазная Америка, как и значительные слои российских «цензовиков», отворачивалась от Керенского, обвиняя его в «вооружении большевиков».[102] По определению современного американского историка Лэша, относящемуся к послекорниловским дням, Керенский «надоел» буржуазной Америке.[103] Недаром

мости». Перспектива эта так напугала Терещенко, что он немедленно забил отбой.

101 Ch. Lash, ук. соч., стр. 54, 230.

102 Что отношение правящих сфер США к Временному правительству определялось прежде всего его способностью противостоять натиску революционных масс и росту большевистского влияния в их среде, понимали и сами его члены. В телеграмме Терещенко Б. А. Бахметеву 31 августа (13 сентября), переданной в госдепартамент, говорилось: «В настоящий момент в результате корниловского движения влияние большевиков возросло. ... Тем не менее положение правительства после победы укрепилось, и это позволяет предвидеть возможность самого энергичного сопротивления действиям большевиков» (PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 193).

103 Ch. Lash, ук. соч., стр. 54.

сейчас же после корниловщины российскому посольству в США пришлось мобилизовать все средства для «более правильного и широкого осведомления американского общественного мнения о внутреннем положении России», как называл Бахметев пропаганду в пользу Временного правительства в Америке.[104] Эта пропаганда велась теперь специальным информационным бюро в Нью-Йорке, которое носило «полуофициальный характер» и действовало в «прямой связи» с Русско-Американской торговой палатой, получая «руководство и материалы», а также 1500 долл. в месяц непосредственно из посольства. Бюро было устроено на базе информационной организации, учрежденной ранее Шацким; оно выпускало еженедельные бюллетени, посвященные преимущественно политическому положению в России. По словам Бахметева, бюро было связано более чем с 500 газетами и 72 журналами с общим числом читателей в 57 млн человек. Относительно корниловщины бюро проводило ту мысль, что результатом ее явилось укрепление Керенского.[105]

Впрочем, на позицию Лансинга и других руководителей политики США большее влияние, нежели оценки и отклики американской печати, оказывали известия о событиях в России. А они были по временам весьма тревожными. Так, 6 (19) сентября Фрэнсис телеграфировал Лансингу о нотках неуверенности, появившихся в этот день в тоне Терещенко. Казалось, создание Директории и провозглашение республики были эффективным политическим маневром Керенского, позволившим ему несколько разрядить обстановку. Однако в многочисленных резолюциях рабочих и солдатских собраний первых сентябрьских дней содержались требования создания революционного правительства, ответственного перед Советами, передачи власти в руки рабочих, солдат и беднейших крестьян или прямые требования передачи власти Советам.[106]

Хотя Фрэнсис не верил в создание «Советского министерства», он считал все же необходимым сообщить о такой возможности. В этом случае, писал он со слов Терещенко, правительство возглавят Чернов или Церетели, «если Керенский не уступит Совету, чего он, по словам министра иностранных дел, не сделает». Терещенко считал, что Чернов или Церетели удалят его с поста министра иностранных дел, в случае же если Керенский, уступив Советам, останется главой правительства, Терещенко собирался сам подать в отставку. А дальше Фрэнсис сообщал о таких предположениях, которые могли вызвать у Лансинга лишь смятение. «Возможно, — телеграфировал он, — что, если

---

[104] Телеграмма Б. А. Бахметева в МИД, 13 (26) сентября 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, лл. 416—417.
[105] The Literary Digest, 22 сентября 1917 г.
[106] Октябрьское вооруженное восстание, кн. 2, стр. 183.

Совет овладеет Петроградом, а Временное правительство переедет в Москву, будет два совета министров». Дипломатический корпус, разумеется, собирался последовать в Москву за Временным правительством, для чего Терещенко обещал специальный поезд.[107]

Как раз в день получения госдепартаментом этой телеграммы Бахметев сообщал в Петроград о своей продолжительной беседе с Лансингом, которую вел по поручению Терещенко, предложившего созвать конференцию для «выяснения между союзниками нового военного положения в связи с особыми условиями, вызванными событиями в России».[108] Предложение это Лансинг счел желательным, «дабы рассеять и предупредить всякое недоверие или выжидательное отношение союзников, которое могло бы явиться последствием настоящего переживаемого Россией кризиса». «Он добавил к этому, — сообщал Бахметев, — что со своей стороны Америка, несмотря на серьезность положения, не теряет веры в благополучный исход русских событий и не изменила своего отношения к вопросу об оказании нам моральной и материальной поддержки». Бахметев выразил надежду на «энергичное выступление Америки» на конференции в пользу русской стороны, упомянул об «особой ценности» и «особом значении», которое это имело бы, и т. п. Но Лансинг ничего более не сказал, «ограничившись пока» своим «заявлением общеполитического характера», которым Бахметев остался вполне доволен («весьма благоприятное для нас»).[109] Русскому послу даже казалось, что в тех случаях, когда перед лицом Англии и Франции русской дипломатии нельзя проявлять чрезмерную строптивость, на поддержку США рассчитывать все же можно. И через несколько дней по поводу предложенного Англией межсоюзного Европейского совета он телеграфировал, что, хотя никаких «ультимативных условий» выдвинуть «не представляется возможным», «очень желательно поддержать мысль об участии американского делегата в Совете».[110]

Вскоре, 28 сентября (н. ст.), совсем тревожную телеграмму о положении в России Лансинг получил из Стокгольма. Американский посланник Моррис утверждал, что в России «анархия», поддержание дисциплины в армии «весьма проблематично и полагаться на это нельзя» и т. п.[111] Запросив у Фрэнсиса разъяснений, Лансинг, однако, не стал менять курса своей политики, и заявка на 235 млн долл. новых кредитов, которую в тот же день,

---

[107] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 194—195.
[108] Телеграмма Б. А. Бахметева в МИД, 8 (21) сентября 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 417.
[109] Там же.
[110] Телеграмма Б. А. Бахметева в МИД 13 (26) сентября 1917 г.: АВПР, ф. Канцелярии, 1917 г., д. 61, л. 417.
[111] PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 198.

28 сентября, Бахметев представил американскому финансовому ведомству, было по обыкновению сообщена Фрэнсису для отзыва. Вскоре, не дожидаясь рекомендаций Фрэнсиса, в Вашингтоне 12 октября (н. ст.) открыли Временному правительству четвертый по счету пятидесятимиллионный кредит.[112]

Однако продолжение помощи Временному правительству и на этот раз не означало, что Лансинг поверил в Керенского и в его способность справиться с положением. Тревожные вести из Петрограда как бы подтверждали, что на политическую эффективность бонапартистской политики Керенского рассчитывать нельзя. Такова была одна из причин, по которым Лансинг, а вслед за ним и Вильсон оставались в сущности глухи к ходатайствам Томпсона из Петрограда о средствах для развертывания пропагандистской кампании в поддержку керенщины.

Через некоторое время добавилась и другая, тесно с ней связанная. Если Керенский не пользовался у Лансинга доверием ввиду «излишней» склонности к компромиссам с «радикальными элементами революции», то Томпсон и особенно Робинс, сами оказались не только под подозрением в связях с такими «элементами», но и прямо обвинялись в этом. Обвинения против них выдвинул не кто иной, как Терещенко. То ли министр иностранных дел испугался полуофициального и вневедомственного, но тесного и регулярного контакта министра-председателя с влиятельными американцами, скептически относившимися к идее коалиции, то ли связи и действия Робинса, с 18 сентября ежедневно выступавшего в частях Петроградского гарнизона, вызвали у Терещенко иные опасения, во всяком случае, он, по его собственным словам, несколько раз «обращал внимание» Фрэнсиса на «странное поведение» Томпсона и Робинса. Находясь после Октября в Петропавловской крепости, Терещенко говорил полковнику Калпашникову о Робинсе: «Я знал, что он крайний радикал, что его симпатии на стороне врагов Временного правительства, и когда я увидел, что он принимает такое живое участие в политической жизни, встречается и ведет переговоры не только с социалистами, но и с большевиками, я пришел к заключению, что за ним нужен присмотр, ... и потребовал, чтобы посол обратил на это внимание».[113]

Обвинения в симпатиях к большевикам и связях с ними часто раздавались в те дни из правых кругов без достаточных оснований. Не был Робинс, конечно, и врагом Временного правитель-

---

[112] Телеграмма Лансинга Фрэнсису, 5 октября (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 23; Отчет агента МФ..., Объяснительная записка, кн. I, лл. 286—288. Отчет. — Сумма в 235 млн, рассчитанная на удовлетворение потребностей Временного правительства в долларах до конца 1917 г., не включала кредитов на оплату 1500 паровозов и 30 000 вагонов, так как эти ассигнования были уже обещаны ранее.

[113] A. Kalpashnikoff. A prisoner of Trotsky's. N. Y., 1920, pp. 81—82.

ства, хотя к возможности создания «Советского министерства», о которой Терещенко 6 (19) сентября сообщил Фрэнсису как о назревающей трагедии, Робинс, как и Томпсон, вполне мог отнестись спокойно, особенно если бы во главе кабинета остался Керенский. Разумеется, к сообщению о неблагонадежности Робинса и Томпсона Лансинг должен был отнестись весьма серьезно, тем более что оно исходило от чуждого каких бы то ни было социалистических связей Терещенко и набрасывало тень на Керенского, который и до того был у Лансинга по этой части под подозрением.[114]

Между тем Томпсон, развертывая свою деятельность в Петрограде, настаивал на немедленных и значительных ассигнованиях. Кроме Фредерика Корза, он привлек себе в помощь находившегося в Петрограде Гросвенора Хэтчинса, вице-президента «Нью-Йорк бэнк оф коммерс». Он уговорил его немедленно отправиться в Америку, чтобы там втолковать Дэвисону и самому Вильсону необходимость поддержки томпсоновских начинаний. 19 сентября (н. ст.) Хэтчинс прибыл в Нью-Йорк и сейчас же встретился с представителями «деловых верхов» — «морганов цами» Дэвисоном, Дуайтом Морроу, президентом медной компании «Анаконда» Джоном Райаном, президентом Управления военной промышленности Вансом Мак-Кормиком, советником этого управления Томасом Чэдборном, а также с полковником Хаузом. Морроу и Дэвисон немедленно отправились вместе с Хэтчинсом в Вашингтон. На специальном обеде в Управлении военной промышленности финансовые и промышленные лидеры Америки выслушали речь Хэтчинса о томпсоновском плане, суть которого была сведена к формуле: «Если удастся с помощью воспитательных мер отвратить русских от большевиков, Россия будет продолжать

---

[114] Опубликованные госдепартаментом телеграммы Фрэнсиса по понятным причинам не содержат ни этого сообщения Терещенко, ни других сведений о деятельности Томпсона и Робинса. Однако ретроспективное упоминание в одной из послеоктябрьских телеграмм показывает, что Фрэнсис информировал госдепартамент обо всем этом и даже о полученных Томпсоном из США деньгах (Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 8 декабря (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 292). Терещенко, по всей вероятности, передал свое предупреждение и непосредственно в Вашингтон, помимо Фрэнсиса. Томпсон и Робинс, по-видимому, вплоть до Октябрьской революции так и не узнали о сделанном на них в Вашингтон доносе и о подозрительном отношении к Керенскому, которое там существовало. Лишь затем, по возвращении в Америку, Томпсон кое-что себе уяснил, и в меморандуме на имя Вильсона, составленном совместно с Дэвисоном, он, оправдывая свои действия в России, отметал подозрения по поводу радикализма Керенского. Вследствие «полной реориентации партий», происшедшей в России в течение послефевральских месяцев, утверждал он, «Милюковы и им подобные» стали крайне правыми, а силы, представлявшиеся Керенским, — «центром» (Th. Lamont. Across World Frontiers. N. Y., 1951, p. 93).

войну, восточный фронт будет спасен, война будет выиграна. Если же предоставить дела их естественному течению, Россия впадет в состояние хаоса, к власти придут экстремисты, а немцы победят в войне».[115]

Казалось, обед этот должен был помочь делу: Управление военной промышленности представляло собой нечто среднее между правительственным ведомством и предпринимательской организацией крупного капитала США. Однако Вильсон, несмотря на все усилия Дэвисона и других, так и не пожелал принять Хэтчинса. Безуспешными оказались и попытки Т. Чэдборна (он был другом Томпсона) заинтересовать Вильсона томпсоновским проектом через посредство членов президентской семьи. Подгоняемый потоком требовательных телеграмм из Петрограда, Хэтчинс вернулся из Вашингтона в Нью-Йорк и вновь обратился к Хаузу. Тот, признавая «первостепенную важность» томпсоновского проекта, предложил к нему, однако, весьма существенные коррективы. Вести пропаганду в России непосредственно от имени правительства США он считал невозможным (хотя Томпсон-то как раз и имел в виду тщательно замаскировать это обстоятельство). На случай же, если бы Керенский обратился к США за специальным займом для этой цели, Хауз предлагал свое содействие. Томпсон, узнав об этом из телеграммы Хэтчинса, был страшно раздосадован: в Вашингтоне не понимали ни его замыслов, ни русской ситуации. Разве можно было публично связать с американским капиталом имя Керенского, который и без того держался у власти лишь с помощью «эквилибристики»? Необходима была буферная инстанция, обладавшая полной внешней благопристойностью. Томпсон считал, что созданный им Комитет гражданского воспитания этим требованиям вполне отвечает.

«Гражданский комитет Брешковской, — телеграфировал он Дэвисону 27 сентября (н. ст.), — единственная организация, при посредстве которой можно вести переговоры и оказывать помощь. Принимая во внимание, что мы живем на вулкане и Россия переживает столь критический период, что всегда возможны неожиданные перемены, мы так поставили дело, что падение правительства не прекратит воспитательной деятельности Комитета Брешковской. Хотя мы вполне доверяем Комитету, мы знаем, что наши американские друзья хотели бы, чтобы мы имели возможность постоянного контроля над продолжением финансирования. Для этого необходимо, чтобы все американские деньги, ассигнованные на эту работу, были предоставлены в неограниченное распоряжение мое или моего преемника».[116]

---

[115] W. Williams. Raymond Robins..., p. 66; H. Hagedorn, ук. соч., стр. 217.

[116] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 219.

В этих словах легко разглядеть вторую причину, по которой для Томпсона был неприемлем план Хауза. Дело было не только в том, чтобы не компрометировать Керенского финансированием из США, но и в том, чтобы вообще не передавать бесконтрольно американских денег в чьи бы то ни было русские руки. Почувствовав, очевидно, что к Керенскому в Вашингтоне не питают абсолютного доверия, Томпсон дал понять, что его ставка на Керенского не абсолютна и поэтому проект пропагандистской кампании рассчитан на ее продолжение и без Керенского.

Тем не менее он ежедневно конфиденциальным образом поддерживал контакт с Временным правительством и с его ведома продолжал настойчиво требовать от Дэвисона, Хэтчинса и других, чтобы они добились ассигнования миллиона долларов в течение ближайших десяти дней, а затем начиная с октября трех миллионов ежемесячно. Добиться этого помимо президента было невозможно, и Дэвисон должен был к нему обратиться. «Три миллиона в месяц! Что с Вашим другом? Не рехнулся ли он?» — воскликнул Вильсон, прочитав телеграмму из Петрограда.

Несмотря на это, Дэвисон от имени Хауза, Райана, Чэдборна и Мак-Кормика предложил Томпсону развивать его деятельность в России, пообещав, что они будут всемерно добиваться правительственной поддержки его планам. Предвидя, однако, трудности, Дэвисон и другие предупредили Томпсона, чтобы он собственных денег больше не тратил.

Томпсон и Робинс между тем действовали так, словно пользовались полной поддержкой официального Вашингтона. «Комбинация, на которую я надеялся, осуществлена полк. Томпсоном, и мы теперь на пути к скорому успеху», — писал домой Робинс 1 (14) сентября.[117] В то время как Томпсон держал связь с Временным правительством, в обязанности Робинса входили «ежедневные совещания с внутренней группой» пропагандистской организации. 6 (19) сентября Д. Соскис привел к Брешко-Брешковской Робинса и еще двух американцев (предполагаем, что это были Томпсон и Корз). Единственным источником сведений об этой встрече, положившей начало финансированию американцами Комитета гражданского просвещения и его практическим действиям, является для нас уже упоминавшееся сообщение личного секретаря Брешко-Брешковской В. В. Бакрылова. Происхождение и история этого сообщения заслуживают поэтому специального внимания. Молодой человек, гимназистом попавший в иркутскую ссылку, разделявший эсеровские идеи и лично преданный «бабушке», Бакрылов был глубоко шокирован той деловитостью, которую проявили правоэсеровские лидеры в переговорах и денежных отношениях с американцами, а также тем характером, который приняла субсидировавшаяся американцами

[117] A. V. Meiburger, ук. соч., стр. 13.

пропагандистская кампания. Его протестующее заявление членам ЦК эсеров Архангельскому и Зензинову осталось без ответа, и тогда уже после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, будучи сотрудником Наркомпроса,[118] он обратился с письмом в газету левых эсеров «Знамя труда», которое было помещено в ней 24 ноября (7 декабря) под вынесенными в заголовок словами: «Молчать — совесть не позволяет». На следующий день, 25 ноября (8 декабря), оно было перепечатано «Правдой» с кратким редакционным примечанием об «агитации позолоченных правых эсеров» под заголовком: «Эсеры и оборонцы на содержании у американских банкиров». «Известия» поместили специальную редакционную статью «Герои контрреволюции».

В тот же день, 25 ноября (8 декабря), откликнулась на письмо Бакрылова «Воля народа», правоэсеровский орган, в котором Брешко-Брешковская играла руководящую роль. В редакционной заметке говорилось, что Бакрылов «делает недостойную попытку опорочения Е. К. Брешковской, инсинуируя самым грязным образом по поводу денежных средств, предоставленных в распоряжение Бабушки и Гражданского комитета грамотности ее американскими друзьями».[119]

В сущности факт получения денег был признан уже здесь, и лишь небольшое изменение в названии Комитета Брешковской — не Комитет гражданского просвещения, а Гражданский комитет грамотности — должно было придать предприятию невинный характер.

На следующий день выступила сама Брешковская. Рассказав о своих американских связях времен первой русской революции, она сообщила, что, приступив к своей деятельности в 1917 г., попросила у американцев ротационную машину, бумагу и т. п. «Просимого я не получила, — продолжала она, — но вместо этого мне предложили деньги в количестве миллиона долларов, выдавая их по частям. Я охотно приняла это предложение и тотчас же умножила как издательства партии социалистов-революционеров, так и число провинциальных газет. Кроме того, эта помощь дала мне возможность разослать готовой литературы по разным губерниям более чем на 500 тыс. руб., да отправить на фронт более чем на сто тысяч. Большая часть получаемой суммы уже издержана, другая продолжает тратиться Комитетом гражданского просвещения. И если мои друзья-американцы предложат мне еще и еще крупные суммы на просвещение нашего темного народа,

---

[118] М. П. Ирошников. Создание советского государственного аппарата. Л., 1967, стр. 228; И. Р. В. В. Бакрылов. Каторга и ссылка, 1926, № 7—8 (28—29).

[119] Воля, 25 ноября 1917 г. «Воля» — одно из видоизменений названия «Воли народа», к которым прибегала в эти дни ее редакция. Уже на следующий день, 26 ноября, она вышла под названием «Воля вольная».

я с охотой и благодарностью приму их, отвечая лично за употребление».[120]

Мы сейчас увидим, что, пытаясь опровергнуть сообщение Бакрылова, Брешковская на самом деле полностью его подтвердила, а наивные уверения в том, что американские ассигнования преследовали чисто просветительные цели, были, разумеется, ложью.

Рассказ Бакрылова о встрече 6 (19) сентября[121] тем более достоверен, что его содержание совпадает в важнейших своих элементах не только с «опровержением» Брешко-Брешковской, но и с тем, как изображали свои отношения с Комитетом Брешковской Томпсон, Робинс и Корз. Расхождения существуют лишь в вопросе о размерах предоставленной американцами суммы. По словам Бакрылова, Брешковская сказала ему, что американцы дают два миллиона долларов, а не один, как она позже утверждала и как это явствует из большинства известных нам американских источников. Один из них, впрочем, прямо подтверждает слова Брешковской, сказанные Бакрылову. Робинс в своих показаниях сенатской комиссии Овэрмена называл сумму в 12 млн руб.,[122] которая по сентябрьскому курсу как раз и составляла 2 млн долл.[123] Разумеется, за десять дней, прошедших с момента получения Томпсоном одного миллиона долларов, он мог добыть и второй.

Согласно рассказу Бакрылова, которому мы, таким образом, склонны доверять, один из пришедших к Брешковской американцев, говоривший по-русски (вероятно, Корз), передал ей 100 тыс. руб. наличными, сказав: «Это для Ваших расходов по личному усмотрению».[124] Когда американцы ушли, Соскис сообщил, что два с лишним миллиона рублей уже внесены в банк, по-видимому, на счет Брешковской, так как он тут же дал ей на подпись чек. Остальные должны были быть внесены на следующий день.

Еще до развертывания пропагандистской кампании по согласованной с американцами программе Брешковская решила использовать оказавшиеся в ее руках денежные средства для упро-

---

[120] Воля вольная, 26 ноября 1917 г.

[121] Мы датируем ее на следующем основании. По словам Бакрылова, один из пришедших с Соскисом американцев спросил Брешковскую, написано ли ею воззвание к США. На следующий после встречи день Брешковская рассказала своему секретарю, что ее воззвание на имя Вильсона уже отправлено по телеграфу. А телеграмма Брешковской Вильсону датирована 20 сентября (н. ст.) (Williams. Raymond Robins..., p. 69).

[122] Октябрьская революция перед судом американских сенаторов, стр. 139.

[123] См.: А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны, М., 1960, стр. 567, приложение: Курс рубля на иностранных биржах.

[124] Знамя труда, 24 ноября (7 декабря) 1917 г.

чения позиции своей фракции (ее иногда называли группой «Воли народа») и усиления ее влияния в рядах эсеровской партии, находившейся в состоянии разброда. В тот же день, 6 (19) сентября, к вечеру Брешковская выдала из полученных ею денег 20 тыс. руб. С. Л. Маслову (будущему министру земледелия) на московскую эсеровскую газету «Земля и воля» на том условии, что «Земля и воля», бывшая органом Московского областного комитета эсеровской партии, перейдет «к товариществу из четырех лиц» — Брешковской, Маслова и еще двоих. Тут же выяснилось, что Брешковская вместе с Соскисом решила и «Волю народа» передать в ведение своего Комитета гражданского просвещения, сделав его вместе с редакцией центром, «куда будут стягиваться и направляться партийные работники из районов и провинции», для чего уже была нанята квартира в целый этаж.[125]

Параллельно велась работа по созданию «организационного совета петроградской группы социалистов-революционеров», с помощью которой группа Брешковской стремилась в обход официальных руководящих эсеровских органов захватить лидерство в партии накануне Демократического совещания.

Говоря Бакрылову о пропагандистских задачах Комитета гражданского просвещения, Брешковская назвала «организацию своей прессы, использование кинематографов», создание «своего штата лекторов для рассылки в провинцию и т. д.». Все это предстояло незамедлительно осуществлять на американские средства. Таково было в описании очевидца значение визита трех американцев к «бабушке».

А накануне, 5 (18) сентября, состоялась столь же негласная деловая встреча между американцем Ральфом Пиккелем, одновременно представлявшим в России гуверовскую Администрацию продовольственной помощи и американские хлеботорговые корпорации, связанные с «Нэйшнл сити бэнк», и П. П. Батолиным, одним из руководителей Стахеевского дела. Это свидание знаменовало собой тесную, хотя и трудно на первый взгляд ощутимую связь между политической деятельностью уоллстритовских филантропов в России и процессом «русско-американского экономического сближения». Теперь Батолин в развитие летних переговоров с американцами дал Пиккелю согласие на «вступление в союз с американскими капиталистами для ведения хлебной торговли в России».[126]

И хотя Томпсон, так подчеркивавший свое коммерческое бескорыстие в России, по-видимому, не был лично заинтересован в достигнутом 5 (18) сентября соглашении, нам представляется, что оно предваряло свидание 6 (19) сентября, запустившее на

---

[125] Там же.

[126] Пиккель — Батолину, 6 (19) сентября 1917 г.: ЛГИА, ф. 2178, д. 1, л. 31.

полный ход американскую пропагандистскую машину Брешковской. В самом деле, переговоры представителей американских корпораций с Батолиным об элеваторном деле, хлебной торговле и железнодорожном строительстве, о которых нам известно из главы VI, приобрели с приездом миссии Красного Креста особое значение. Робинс и Томпсон, рассматривая хлебное дело и продовольственный вопрос в России отнюдь не с гуманистической, а с политической и военной точек зрения, решили использовать стахеевскую фирму с ее только что возникшими американскими связями в своих военных и пропагандистско-филантропических целях.

Сама стахеевская фирма давно стремилась к максимальному сосредоточению в своих руках хлебной торговли страны, с одной стороны используя правительственные мероприятия по ее регулированию, а с другой — пытаясь не допустить введения казенной хлебной монополии. Еще в марте, накануне введения хлебной монополии, она предложила Временному правительству направленный к этому проект, согласно которому заготовка хлеба велась бы специальной организацией, руководимой советом из представителей банков, ведущих хлебную торговлю, и правительственных ведомств. Закупка продовольствия производилась бы по свободным ценам.[127] Однако фактическая монополизация заготовок в руках предложенной организации поставила бы стахеевскую фирму и связанные с ней банки в чрезвычайно привилегированное положение.

Как известно, Временное правительство оказалось вынужденным ввести казенную монополию на хлеб с твердой ценой на него. Но в осуществлении ее оно не добилось успеха, проявив неспособность сломить сопротивление капиталистов, помещиков и кулаков.[128] Во время сбора урожая 1917 г. это проявилось особенно ярко. Хлеб в стране был, но получить его Временное правительство с помощью своих органов на местах не могло, и оно стало привлекать к участию в заготовках частнокапиталистические предприятия, традиционно занимавшиеся хлебной торговлей. Роль банков в хлебном деле возрастала в течение августа с каждым днем.

Томпсон и Робинс, оказавшиеся в Петрограде как раз в момент наивысшего обострения вопроса о дальнейшей судьбе хлебной монополии, по-видимому, разобрались в обстановке и решили использовать ее, чтобы сделать распорядительницей русского продовольствия стахеевскую фирму, берущую в долю в своих хлебных операциях американские компании. В эти августовские дни в какой-то форме ожил мартовский стахеевско-батолинский

---

[127] См.: П. В. Волобуев. Экономическая политика Временного правительства, М., 1962, стр. 393—394.
[128] Там же, стр. 494.

проект. На совещании, в котором участвовали Савинков, управлявший в тот момент Военным министерством, министр земледелия В. М. Чернов, министр путей сообщения Некрасов, сам Керенский и Корнилов, решено было, по словам Робинса, назначить особого уполномоченного по продовольствию. В качестве кандидата на этот пост стал фигурировать Батолин.[129]

«Далее было решено, — рассказывал Робинс сенатской комиссии, — что один из членов миссии Американского Красного Креста станет помощником Батолина как уполномоченного по продовольствию,[130] что мы обратимся за помощью к Гуверу как уполномоченному по продовольственному снабжению союзников и получим некоторую долю в общем тоннаже союзнических перевозок для доставки молока и других необходимых для России продуктов, которые нельзя достать ни в России, ни в Швеции, Норвегии или Дании, что затем мы издадим обращение к русскому народу с просьбой о бережливости и сотрудничестве с нами, гарантируем ему, что продовольственная проблема будет решена компетентным образом, и мы овладеем положением и будем бороться за революционную Россию и другие свободные нации, равно как и против германской милитаристской автократии. Соглашение об этом было достигнуто».[131]

Нечего и говорить, что обращение, о котором шла речь, составляло стержень всего замысла. Публично выступив в роли кормильцев и военных заступников «революционной России», американцы, разумеется, поставили бы свою пропаганду на самую солидную основу. Чтобы издать обращение возможно скорее, Томпсон и Робинс стали торопить Керенского с назначением Батолина. По словам Робинса, сам Батолин, «нечто вроде Армора в зародышевой форме», и стахеевская фирма в целом — Робинс довольно точно описал стахеевское дело с целым флотом на Волге, сотнями закупочных хлебных агентств в Сибири и на Украине, несколькими банками и т. п. — изъявили готовность поставить себя «на службу правительству в военное время».[132] На самом же деле превращение Батолина в продовольственного диктатора стало бы такой победой крупного капитала, что Керенский, боясь противодействия слева, всячески оттягивал его назначение. Наконец, он заявил американцам, что произведет его после Московского совещания. «После совещания, — сказал он, — правительство сильно упрочится, тогда мы и проведем это назначение и примемся за дело».[133]

---

[129] Bolshevik propaganda. Hearings before a subcommittee on the judiciary United States Senate. 65th Congr. 3d Sess, p. 767.

[130] У. Уильямс указывает, что помощником Батолина должен был стать сам Робинс (W. Williams. Raymond Robins..., p. 66).

[131] Bolshevik propaganda. Hearings before a subcommittee..., p. 767.

[132] Там же.

[133] Там же.

Вопреки ожиданиям Керенского, Государственное совещание — Робинс ездил в Москву для присутствия на нем — отнюдь не укрепило положение Временного правительства. По возвращении в Петроград Керенский под различными предлогами все откладывал назначение. А 27 августа (ст. ст.) в кульминационный день корниловского мятежа, поддержанного, как известно, банковско-монополистической верхушкой,[134] правительство Керенского капитулировало перед ней в продовольственном вопросе, вдвое повысив твердые цены на хлеб, несмотря на то что не далее как 5 августа оно гарантировало их сохранение.[135]

Казенной хлебной монополии был нанесен губительной силы удар. Назначение Батолина на пост правительственного уполномоченного теряло теперь смысл для тех, кто ранее был в этом заинтересован. Но новый правительственный курс продовольственной политики, который был принят С. Н. Прокоповичем, сменившим А. В. Пешехонова на посту министра продовольствия, курс, рассчитанный на сотрудничество с банковским и торговым капиталом, давал стахеевской фирме возможность занять господствующее положение в российском продовольственном деле, пользуясь почти обычными коммерческими приемами.

Недаром повышение хлебных цен немедленно оживило переговоры стахеевской фирмы о совместных действиях с американскими корпорациями. Тогда-то и вышел вперед коммерсант-филантроп Пиккель, а Томпсон и Робинс отошли в сторону, понимая, что их политико-пропагандистские цели будут обеспечены и при этой форме развития дела: общность «филантропических» задач объединяла Администрацию продовольственной помощи Гувера и Американский Красный Крест Дэвисона.

11 сентября (н. ст.), едва стало известно о повышении хлебных цен, Пиккель телеграфировал Гуверу: «Вместе с русскими работаю над решением продовольственного вопроса, и весьма вероятно, что распределение продовольствия на одной из стадий буду производить я лично».[36] Он сообщал, что хлеб в деревне есть, и дело не в транспортных трудностях, а в том, что хлеб прячут из-за низкой заготовительной цены. Ее повышение Пиккель рассматривал, по-видимому, как предпосылку своего успеха не столько в роли заготовителя-филантропа, сколько в роли коммерсанта и хлеботорговца. В тот же день он сообщал Мак-Робертсу в «Сити бэнк»: «Обследование протекает в совершенно благоприятной обстановке, волнения никоим образом ему не мешают... Похоже, что ситуация дает бесподобную возможность

---

[134] См.: В. Я. Лаверычев. Русские монополисты и заговор Корнилова. Вопросы истории, 1964, № 4.

[135] См.: Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 338, 342; П. В. Волобуев. Экономическая политика Временного правительства, стр. 431.

[136] ЛГИА, ф. 2178, д. 1, л. 147. — Может быть, Пиккель, а не Робинс намечался в помощники Батолину?

безопасного и доходного бизнеса. Русским нужны не капиталы, а американские мозги, и они готовы вступить в любое разумное предприятие на паритетных началах в смысле капиталовложений. Подразумевается, что контролировать будут американцы. В настоящий момент мы позабыли о частном бизнесе и сотрудничаем с русскими в решении продовольственной проблемы для народного блага».[137]

Содержание этой телеграммы определялось, как нам представляется, ее основной целью — подогреть инвестиционный энтузиазм в Вашингтоне. Для этого и надо было успокоить страхи американских капиталистов перед русской революцией, показать Мак-Робертсу, что Пиккель пользуется в России влиянием (в том, что в хлопотах о «народном благе» он не забудет про бизнес, Мак-Робертс вряд ли сомневался), уверить, что и риск-то незначителен, так как России требуются из США не столько капиталы, сколько «мозги».

В действительности же концерну Стахеева, в переговоры с которым включился Пиккель, нужны были не американские «мозги», а возможность политической опоры на американский капитал, и, поскольку сфера деятельности концерна была чрезвычайно широкой и разносторонней, система соглашений с американцами должна была охватывать различные отрасли. В августе фирма Стахеева достигла соглашения с представителями американских фирм о совместном строительстве Южно-Сибирской железной дороги. Если в июньском варианте соглашения о железнодорожном строительстве речь шла о создании при содействии Стахеева предприятия с чисто американским капиталом, то на сей раз между Батолиным, который, как обычно, представлял стахеевскую фирму, и американцами было условлено составить капитал поровну.[138] Однако навстречу призывной телеграмме Пиккеля из США шло сообщение о том, что Ремингтон и другие руководители «Фаундэйшн компани» считают «все еще сомнительной желательность строительных работ в настоящее время».[139]

По мере развития революционного процесса в России отношение американских капиталистов к существовавшим там инвестиционным возможностям становилось все более сдержанным. С осени это стало особенно заметно, тем более что русские деловые круги отчасти по тем же причинам проявляли повышенный

---

[137] Там же, л. 146.

[138] Записка о переговорах с Батолиным, без даты и подписи, телеграммы американских представителей Кольта — «Фаундэйшн компани» и Сэндса — Хольбруку, 10 (23) августа 1917 г.: ЛГИА, ф. 2178, д. 1, лл. 28—30.

[139] Телеграмма «Фаундэйшн компани» в петроградское представительство Американской международной корпорации, 10 сентября (н. ст.) 1917 г.: там же, л. 30.

интерес к финансированию из Америки.[140] Как раз за несколько дней до того, как Пиккель и Брукс развили свою активность в переговорах со стахеевской фирмой, Фрэнсис обратился к Терещенко с нотой по поводу частых жалоб из Москвы от администрации американских предприятий, напуганной революционным движением. Речь шла, по-видимому, о тревожных сигналах с заводов Зингера и Международной компании жатвенных машин. В среде иностранных капиталистов возникла в тот момент паника, вызванная отказом Временного правительства удовлетворить заявленную через Гендерсона просьбу английских капиталистов об установлении правительственного контроля над иностранными предприятиями с целью их защиты.[141] Согласно газетным сообщениям, министр торговли и промышленности С. Н. Прокопович заявил, что в условиях экономической катастрофы и политических осложнений правительство не может гарантировать личных или имущественных прав ни иностранцев, ни русских.[142] В Москве появились слухи о том, что французские предприниматели добиваются присылки из Франции воинских частей для защиты своих предприятий. Ставя Терещенке вопрос, верно ли газетное сообщение о заявлении Прокоповича, Фрэнсис не без ехидства запрашивал Терещенко, не будет ли позволено ему самому «принять необходимые меры», если сообщение соответствует действительности.[143] В ответной ноте Министерство иностранных дел смиренно подтвердило, что «при сложившейся обстановке» ввести предложенный Гендерсоном контроль, «к сожалению», невозможно, заверяло Фрэнсиса, что приняты меры для защиты интересов иностранных подданных и «урегулирования отношений в области труда», а также обещало ему содействие «в случае, если личные или имущественные интересы граждан и предприятий США подвергнутся существенной опасности».[144] Все это не могло, разумеется, вдохновить потенциальных инвесторов.

Тем не менее связи стахеевской группы с деловым миром США по различным линиям все же налаживались.

Дальше всего дело зашло в области хлебной торговли. Соглашение о «союзе» между американцами и стахеевской фирмой, которое было достигнуто во время упоминавшихся уже нами переговоров Пиккеля с Батолиным 5 (18) сентября, охватывало

---

[140] См.: Справка о деятельности Русско-американской торговой палаты в 1917 г., М., 1918, стр. 4.

[141] Нота Фрэнсиса Терещенко, 19 августа (1 сентября) 1917 г.: АВПР, ф. Экономического департамента, 3-е делопроизводство, 1917 г., д. 52, лл. 2—3.

[142] Русское слово, 9 (22) августа 1917 г.

[143] Нота Фрэнсиса Терещенко, 19 августа (1 сентября) 1917 г.: АВПР, ф. Экономического департамента, 3-е делопроизводство, 1917 г., д. 52, лл. 2—3.

[144] Нота МИД Фрэнсису, 6 сентября 1917 г., отпуск: там же, лл. 6—7.

в буквальном смысле всю Россию. Как видно из письма Пиккеля к Батолину, последний, во-первых, высказал пожелание привлечь американцев в хлеботорговое дело в Семиречье, где стахеевская фирма строила железную дорогу, а также в Бухаре. Батолин изъявил готовность, «во-вторых, немедленно заключить соглашение о совместном осуществлении хлебного вывоза за границу с Черноморского побережья по окончании войны; в-третьих, достигнуть постоянного соглашения об участии в хлеботорговом деле в районе Казань—Екатеринбург—Симбирск—Бугульма—Уфа—Сибирь..., имеющем ключевое значение во всероссийской хлеботорговле; в-четвертых, завершить подготовку к участию в хлеботорговом и мукомольном деле в районе Покровска и Уральска». Посвященный Батолиным во все «интимные» тонкости русской хлеботорговли, Пиккель отправился в США для достижения соглашений с Мак-Робертсом в «Сити бэнк» и связанными с ним крупнейшими хлеботорговыми фирмами США «Армор грэйн компани» и «Розенбаум грэйн компани».[145]

Одновременно оживились переговоры с американцами по делам сахарной промышленности и по лесопромышленным делам.[146] Тесно связанный со Стахеевым Волжско-Камский банк вел переговоры о заключении «союза» с одним из крупнейших американских финансовых учреждений — «Чэйз нэйшнл бэнк» и через него — с незадолго до того учрежденной Американской иностранной банковской корпорацией. К крупнейшим американским хлопкоторговцам Т. Гуатмэю и Мак-Фаддену отправился в Нью-Йорк представитель Стахеева, чтобы достичь соглашения о сбыте в России через посредство стахеевской фирмы американского хлопка.[147]

Все это происходило в течение первой половины сентября (ст. ст.), когда в центре политической жизни Петрограда был предстоявший созыв Демократического совещания. Как раз к моменту его открытия дело организации совместного русско-американского бизнеса активизировалось: элеваторный синдикат заключил контракт с Государственным банком,[148] подавал признаки жизни сахарной синдикат,[149] многочисленные американские эксперты завершали экономическое обследование различных районов России, особенно Сибири, единодушно приходя к самым обнадеживающим выводам. Наиболее значительные сдвиги в переговорах, касавшихся различных отраслей хозяйственной деятельности, были достигнуты 12 (25) сентября. 29 сентября (н. ст.)

---

[145] ЛГИА, ф. 2178, д. 1, лл. 31—32.
[146] Телеграммы Брукса Хольбруку и «Фаундэйшн компани», 17 и 15 сентября (н. ст.) 1917 г.: ЛГИА, ф. 2178, д. 1, лл. 41, 171.
[147] Брукс — Гуатмэю, 12 (25) сентября 1917 г.: там же, л. 53.
[148] Брукс — Батолину, 12 (25) сентября 1917 г.: там же, л. 50.
[149] Телеграмма Кольта Хольбруку, 12 (25) сентября 1917 г.: там же, л. 40.

Мак-Робертс по телеграфу поздравил «с прогрессом» Петроградское отделение своего банка.[150]

В первых числах октября (ст. ст.) Брукс в письме к Батолину[151] изложил план полной американизации всего стахеевского дела и через него значительного сектора русского народного хозяйства. В пункте, посвященном железнодорожному строительству, кстати сказать, отмечалась готовность «Фаундэйшн компани» к совместной со Стахеевым деятельности, а также предусматривалась желательность привлечения руководителя железнодорожной комиссии США Стивенса на службу в стахеевскую фирму с тем, чтобы он по примеру Пиккеля совмещал свои официальные обязанности с коммерческой деятельностью. Сопоставление всех пунктов письма Брукса (зерновая торговля, постройка элеваторов, хлопок, телеграф, железные дороги, ирригация, тракторы, нефть, лесное дело и бумажно-целлюлозная промышленность) с составленным в правлении стахеевской фирмы в 1917 г. «Кратким очерком деятельности торгово-промышленного т-ва „Иван Стахеев и К°“»[152] показывает, что план американизации стахеевского дела охватывал все без исключения отрасли деятельности концерна. План этот («вполне соответствующий нашим желаниям», как отозвался о нем Батолин) был утвержден Стахеевым, и Брукс, зачисленный стахеевской фирмой на жалованье,[153] отправился в США улаживать дело с американской стороны, придавая «важнейшее значение» установлению связей Стахеева с американскими банками.

■

В перечне Брукса не была упомянута одна совсем новая отрасль деятельности стахеевского концерна — начатое им в 1917 г. внедрение в сферу пропаганды и информации. Как явствует из «Краткого очерка» и газетных сообщений, стахеевское товарищество стало «участником самого большого в России издательства и книжного дела», выпускавшего литературу для массового народного чтения, — предприятия И. Д. Сытина, которое еще в 1916 г. хотел использовать в интересах американской пропаганды Мезерв. Кроме того, Стахеев принял «главное участие» в создании Всероссийского телеграфного агентства, приобрел одну из крупнейших в России бумажных фабрик в Петрограде и т. п.[154] Брукс, по-видимому, к этой стороне дела не был причастен, между тем для Томпсона и Робинса именно она должна была представлять большой интерес, поскольку их пропагандист-

[150] Там же, л. 145.
[151] ЛГИА, ф. 2178, д. 1, лл. 37, 175.
[152] Экономическое положение России..., ч. 1, стр. 81—87.
[153] Батолин — Бруксу, 8 октября (ст. ст.) 1917 г.: ЛГИА, ф. 2178, д. 1, л. 35.
[154] Экономическое положение России..., ч. 1, стр. 86.

ские планы были, как мы видели, с самого начала связаны с надеждами на то, что американизированная стахеевская фирма будет играть выдающуюся роль в решении продовольственного вопроса. Кроме того, если бы удалось привлечь финансируемые Стахеевым издательские и информационные учреждения к деятельности «Комитета гражданского просвещения» вопрос о правительственных субсидиях из Вашингтона потерял бы до некоторой степени свою остроту.

Нельзя ли поэтому считать, что активизация переговоров Батолина с американцами в середине сентября (ст. ст.) дала новый толчок американской пропагандистской кампании, подобный тому, который, как нам представляется, дало ей соглашение Батолина с Пиккелем 5 (18) сентября? 10 сентября (ст. ст.) в Тенишевском училище был устроен от имени Американского Красного Креста в присутствии самого Фрэнсиса доклад Робинса. Брешковская произнесла, обращаясь к американцам, речь, которая, как здесь же заявил «бабушке» один из слушателей, оставила впечатление «оскорбительной для русского».[155] А 12 сентября, в день, когда, казалось, сдвинулось с места дело американизации Стахеева, комитет Брешковской приступил к изданию своей газеты «Народная правда». Организация этого дела была поручена эсеровскому литератору В. В. Кирьякову, автору нескольких книг по аграрному вопросу, колонизации т. п.

Первый номер этой газеты был напечатан, но так и не увидел света. Основной его темой была травля В. И. Ленина и большевистской партии. В нем содержались также нападки на эсеровский центр и выпады против В. М. Чернова. По словам В. Бакрылова, номер этот «был настолько погромного характера..., что даже Соскис и Брешковская запротестовали и просили переделать».[156] В действительности же они вынуждены были отказаться от выпуска в свет этого номера и отложить издание газеты более чем на две недели из-за разоблачения их затеи центральным печатным органом большевистской партии. Экземпляр первого номера новой газеты, напечатанного в типографии «Копейка» в Сайкином пер., в ту же ночь попал в руки большевиков, и в «Рабочем пути» немедленно появилось обращение: «Товарищи! Вышла хулиганская газета „Народная правда“, бойкотируйте ее».[157] Очевидно, это было довольно эффективное средство (возможно, конечно, что были приняты и другие меры), ибо впоследствии, когда «Народная правда» все же стала выходить, ее издатели пытались уверить читателей, что они и не собирались выпускать свой первый номер в том виде,

---

[155] В. Бакрылов. Молчать — совесть не позволяет. Знамя труда, 24 ноября (7 декабря) 1917 г., № 80.
[156] Там же.
[157] Рабочий путь, 13 (26) сентября 1917 г.

как он был напечатан, а лишь напечатали его в качестве «пробного», «на правах рукописи», для того только, «чтобы конкретнее самим себе представить физиономию будущей своей газеты».[158]

Вероятно, одной из причин, приостановивших выпуск газеты, был предстоявший созыв Демократического совещания, вокруг которого — в представлении Томпсона и Робинса — сосредоточивалась вся политическая борьба. По мнению Томпсона, совещание созывали большевики, чтобы устранить Керенского и «отдать контроль над правительством в руки социалистов». «Что мы можем с этим поделать?» — обратился он к Робинсу. Тот на основе своего богатого опыта участия в политической жизни США и проведения американских партийных съездов ответил: «Заполните совещание подходящими людьми (pack the convention)». Осуществление этого на Робинса и было возложено. Он в свою очередь обратился за помощью к Комитету гражданского просвещения. «Чайковский через органы сельской кооперации установил контроль над большим числом делегатов, на которых можно было рассчитывать как на способных противостоять радикализму промышленных рабочих. Таким же образом можно было использовать и влияние Брешковской. Были сделаны энергичные усилия, чтобы доставить в Петроград делегатов от земств и городов», — читаем мы у Хэйджорна.[159]

Сообщение это представляется явным преувеличением: вряд ли усиленные хлопоты Томпсона, Робинса, Брешковской и Чайковского сколько-нибудь существенно повлияли на состав Демократического совещания. Однако у Томпсона и Робинса осталось самое радужное воспоминание об эффективности принятых ими мер. Они считали (по крайней мере впоследствии), что благодаря их расторопности большинство Демократического совещания оказалось на стороне Временного правительства к огорчению большевиков, будто бы возлагавших на совещание свои надежды. На самом деле, как известно, совещание зашло в тупик именно по вопросу о создании коалиционного правительства, а неправильная позиция руководителей большевистской фракции на совещании Л. Д. Троцкого и Л. Б. Каменева, переоценивавших его значение и возможности организации им революционной власти, противоречила линии вождя партии В. И. Ленина, который показал обреченность совещания на «жалкие колебания» и поставил задачу организации вооруженного восстания в Петрограде и Москве.[160]

При всем том представляется вполне правдоподобным, что Томпсон и Робинс стимулировали и поддерживали усиленную

---

[158] Народная правда, 5 октября 1917 г.
[159] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 221.
[160] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 239—241.

подготовку к Демократическому совещанию, которую проводила правоэсеровская группа Брешковской. Основное содержание этой подготовки заключалось в мобилизации на войну с большевизмом всей эсеровской партии под руководством ее правого крыла, в попытках укрепить положение Керенского, сильно пошатнувшееся в рядах его собственной партии. За несколько дней до совещания в «Воле народа» появилась статья А. А. Аргунова с выпадами против эсеровского ЦК, «Дела народа» и лично Чернова. Возражения ЦК против включения в коалицию кадетов приписывались влиянию большевиков. Чернову и «Делу народа» инкриминировался поход против Керенского.[161] А к самому моменту созыва Демократического совещания был приурочен открытый призыв к бунту против эсеровского ЦК — обращение нескольких лиц, объявивших себя Организационным советом Петроградской группы эсеров, ко всем эсерам России. Обращение, подписанное «бабушкой» в качестве почетного председателя и среди прочих Д. Соскисом, призывало всех эсеров страны через голову ЦК вступать в непосредственный контакт с Организационным Советом для подготовки нового съезда партии. Редакционная статья «Воли народа» расценивала обращение как призыв к борьбе с большевизмом, идеи которого разлагают эсеровскую партию, а эсеровский ЦК не может-де этому противостоять.[162] Гегемонистские устремления группы Брешковской совпадали с курсом на всемерную политическую поддержку Керенского, принятым Томпсоном и Робинсом, и у Бакрылова были все основания поставить создание Организационного совета в связь с деятельностью американского комитета гражданского просвещения накануне Демократического совещания.

Тогда же в петроградских кинематографах начали демонстрировать один из доставленных из США американских фильмов «Гибель нации», которому, по словам Бакрылова, придавалось «профилактическое» значение. Питирим Сорокин, связанный с группой Брешковской, писал по этому поводу в «Воле народа», подчеркивая политическое звучание картины: «Давно уже началось демонстрирование великой трагедии „Гибель России“».[163]

---

[161] А. Аргунов. На пути к расколу. Воля народа, 8 сентября 1917 г.

[162] Воля народа, 16 сентября 1917 г. — Когда В. М. Зензинов назвал членов Петроградской группы раскольниками и корниловцами (Дело народа, 16 сентября 1917 г.), «Воля народа» ответила ему в редакционной статье, что воззвание представляет собой «попытку мобилизации в рядах партии антибольшевистских элементов» (Воля народа, 17 сентября 1917 г.).

[163] П. Сорокин. Гибель нации. Воля народа, 17 сентября 1917 г. — Уже после выступления Бакрылова в «Знамени труда» П. Сорокин писал, что он считает эту американскую кинокартину «очень ценной, очень нужной» и хотел бы ее и ей подобные «бросить по всей России» (Воля вольная, 26 ноября 1917 г.).

Помимо сведений, явно преувеличивающих роль Томпсона и Робинса в принятии подготовительных к Демократическому совещанию мер, американские источники содержат рассказ о действиях Робинса во время самой работы совещания, почти на всех заседаниях которого Томпсон и Робинс присутствовали.[164] Однако рассказ этот представляется еще менее достоверным потому, в частности, что различные события оказались в нем совмещенными и все совещание уложено в один день. Если верить книге Хэйджорна, очевидно пользовавшегося и в этом случае рукописями Томпсона, первоначальный успех речи Керенского, которой открылось совещание, уступил место противоположному настроению в результате речи Троцкого, сменившего на трибуне министра-председателя. Тут же якобы голосовался вопрос об отношении к коалиции, и когда принятая было резолюция, одобрявшая коалицию, оказалась выхолощенной в результате решения о недопущении в правительство кадетской партии, Робинс решил вмешаться. «Чтобы поддержать Керенского, Робинс послал на трибуну блестящего молодого анархиста и исторгнул у делегатов вотум доверия. На время большевики были остановлены. Керенский остался у власти; восточный фронт продолжал существовать, Россия продолжала войну. Ни одной германской дивизии нельзя было перевести во Францию для нового наступления до того, как зима вступила в свои права», — такова версия, восходящая, очевидно, к Томпсону.[165]

Однако достаточно ознакомиться с ходом Демократического совещания, чтобы в ней усомниться.[166] Прежде всего Троцкий выступал на совещании не при открытии его 14 сентября, а 18-го, и не после Керенского, а после одного из соглашательских ораторов — И. С. Минора, отстаивавшего коалицию с цензовиками вообще и кадетами в частности. Еще накануне от имени большевистской фракции выступил против коалиции В. П. Милютин, так что вряд ли именно речь Троцкого имела переломное значение. Сразу же вслед за ним получил слово защищавший идею коалиции Церетели, никак не похожий на якобы посланного Робинсом «блестящего молодого анархиста». И, наконец, совсем иным был в действительности исход голосования, состоявшегося 19 сентября: оно кончилось отклонением только что принятой резолюции о возможности коалиции с цензовиками вместе с поправками, исключавшими из коалиции кадетов.[167]

---

[164] L. Bryant. Red months in Russia, London, 1918, p. 65.
[165] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 223.
[166] Следует отметить, что сообщение самого Робинса о ходе Демократического совещания и о своем участии в нем ближе к истине и не содержит похвальбы якобы одержанными успехами (W. Hard, ук. соч., стр. 20—25).
[167] Известия, 20 сентября 1917 г.

С американской версией можно до некоторой степени согласиться лишь в одном: колебания соглашателей в Демократическом совещании и позиция их лидеров после его окончания дали возможность Керенскому сформировать 25 сентября третье коалиционное правительство с участием представителей буржуазии.

Когда миновали страхи перед исходом Демократического совещания, Томпсон и Робинс стали с тревогой ожидать Всероссийского съезда Советов, поскольку руководители большевистской фракции Демократического совещания отстаивали в своих заявлениях необходимость решения вопроса о создании революционной власти съездом. Все свое внимание американцы обратили поэтому на «парламентскую» борьбу на политической арене, на положение в Советах и оказание пропагандистской помощи той эсеровской группе, которую они считали самой верной опорой Керенского.

«Только с помощью отчаянных усилий удалось нынешнему правительству предотвратить господство большевиков над закрывшимся Всероссийским демократическим совещанием», — телеграфировал верный своей прежней оценке Томпсон Дэвисону 7 октября (н. ст.). «Теперь, — продолжал он, большевики активно добиваются контроля над Всероссийским съездом рабочих и солдатских депутатов, который созывается здесь в этом месяце. Если им это удастся, они сформируют новое правительство, результаты этого будут ужасны и, возможно, приведут к сепаратному миру. Мы употребляем все средства, но нуждаемся в немедленной поддержке; в противном случае все усилия опоздают. Мы, находящиеся здесь, не можем понять, как может какой бы то ни было американец по доброй воле взять на себя ответственность за бездействие в такой ситуации, если только Соединенные Штаты сами не имеют в виду переговоров о скором заключении мира».[168]

Здесь был не только укол по адресу Вильсона, но и повторение июльского умозаключения Хауза о том, что без России продолжать войну очень уж невыгодно, если не невозможно. Прошло всего пять дней, и 12 октября (н. ст.) Томпсон получил от Дэвисона долгожданную телеграмму: «Виделся с представителем президента. План полностью одобрен. Ожидаются его официальное признание и значительные ассигнования». «Надеюсь, что мы покажем себя с хорошей стороны», — ответил польщенный и обрадованный Томпсон.[169]

Благоприятного для Томпсона и Робинса сдвига в позиции Вашингтона на самом деле — мы покажем это ниже — так и не произошло. Но телеграмма Дэвисона, продиктованная Крилом, — именно он был президентским представителем, с которым

---

[168] Bolshevik propaganda. Hearings before a subcommittee..., p. 778.
[169] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 225.

беседовал Дэвисон, — отражала, по-видимому, принятое, наконец, Вильсоном и Лансингом решение развернуть пропагандистскую кампанию в России. Вероятно, толчком к этому послужила телеграмма Фрэнсиса, который в своем ответе на запрос Лансинга, напуганного телеграммой от Морриса из Стокгольма, упомянул, в частности, о существующей «большой нужде в осторожной пропаганде, чтобы повлиять на русское общественное мнение, восстановить дух армии и исправить ошибочные представления об Америке».[170] Еще до этого посол неофициальным образом одобрил план пропагандистской кампании Томпсона—Робинса.[171]

Хотя Фрэнсис обычно относился к политике Томпсона более чем прохладно, в эти дни он, может быть сам того не желая, поддерживал ее не только в пропагандистской сфере. Еще до корниловщины английскому послу в Петрограде прислали из Лондона для согласования с его коллегами проект совместной ноты союзников Временному правительству. Она была строгой и требовательной, содержала обычные угрозы прекращения союзной помощи, если карательная политика Временного правительства будет недостаточно энергичной, и в день открытия Демократического совещания Фрэнсис запросил инструкций из Вашингтона, подчеркнув, что до окончания совещания и сформирования нового правительства вручение ноты невозможно.[172] Госдепартамент задержал свой ответ, вероятно, не без влияния успокоительных сообщений самого Фрэнсиса о ходе совещания и событиях вокруг него.[173]

Едва было объявлено о создании третьего коалиционного Временного правительства, как союзные послы решили немедленно вручить 9 октября (н. ст.) свою ноту Керенскому, торопившемуся вместе с другими министрами в Ставку. Фрэнсис же, ссылаясь на отсутствие инструкций, уклонился от участия в совместном демарше, чем подчеркнул особое расположение американской дипломатии к Керенскому и его правительству. Так это и было понято. Керенский, который, как рассказал затем Фрэн-

---

[170] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 4 октября (н. ст.) (получена 6 октября) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 203.

[171] W. Williams. Raymond Robins..., p. 64.

[172] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 27 сентября (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 196—198.

[173] 16 (23) сентября он телеграфировал: «...по словам министра иностранных дел, правительство уверено, что сумеет подавить выступление, таково же мнение военного министра, который завтракал сегодня в посольстве». На следующий день он очень точно сообщил со слов Терещенко согласованный Керенским в переговорах с кадетами состав кабинета и, не дожидаясь голосования на Демократическом совещании, заявил, что Керенский одержал на нем «решительную победу», а «большевики потерпели выразительное поражение» (PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 200—201).

сису Бьюккенен, не скрыл от послов своего неудовольствия и даже не удостоил их после вручения ноты разговора, сейчас же после их визита отправился в американское посольство, чтобы выразить благодарность американскому послу, не присоединившемуся к «бестактной» союзной ноте.[174]

А через несколько дней, 14 октября (н. ст.), отвечая на запрос Лансинга о целесообразности дальнейших кредитов, Фрэнсис проявил даже большую в них заинтересованность, чем Терещенко. «Коалиционное правительство, — телеграфировал он в Вашингтон, — не встречает до сих пор сколько-нибудь грозного сопротивления ни с чьей стороны, если не считать большевиков, и заслуживает поддержки».[175]

Эти действия Фрэнсиса, совпавшие с получением телеграммы Дэвисона, должны были создать у Томпсона впечатление образующегося совпадения между его курсом и линией официальной американской дипломатии.[176] Удержание у власти Керенского как будто становилось их общей задачей. С тем большей

---

[174] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 9 октября (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 207—208. — Керенский, заключая свой ответ союзным послам, заявил, «что Россия все же является великой державой». Он сам и Терещенко больше всего боялись, что нота вызовет в России «раздражение против союзников», и Терещенко просил английского, французского и итальянского министров иностранных дел не предавать гласности союзный демарш (Телеграммы Терещенко дипломатическим представителям в Париже, Лондоне и Риме, 26 и 28 сентября (ст. ст.) 1917 г.: Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 514—515). Бьюккенен же многозначительно заметил Терещенко, что «Керенскому незачем обращаться с союзными послами так по-кавалерийски» (Дж. Бьюккенен. Мемуары дипломата, М., [б. г.], стр. 273).

[175] PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 24. — Фрэнсис с прямым неодобрением отозвался о безразличном отношении Терещенко к хлопотам об американских кредитах. Между тем директор Кредитной канцелярии К. Е. Замен считал в эти дни, что американское посольство «не в достаточной степени поддерживает» кредитные запросы Министерства финансов (Замен — генералу Михельсону, 6 октября 1917 г.: Экономическое положение России..., ч. 2, стр. 559).

[176] Вполне вероятно, что между послом и Томпсоном осуществлялось своеобразное посредничество. Эту функцию мог выполнять, по нашему мнению, Корз. Участник пропагандистского предприятия Томпсона и Робинса, он пользовался большим доверием у Фрэнсиса как один из старейших членов американской колонии. Относительно него не могло быть никаких подозрений в радикализме. Как раз 26 сентября (9 октября), когда Бьюккенен и другие союзные послы вручали Керенскому свою ноту, Фрэнсис препроводил в МИД поданный ему Корзом меморандум, в котором тот требовал у посольства чуть ли не вооруженной поддержки против служащих возглавлявшегося им русского отделения Нью-Йоркского общества страхования жизни. Дело было в том, что правление общества проявляло склонность к свертыванию своих операций в России. Несмотря на ходатайства Фрэнсиса, решено было, в частности, закрыть главную контору общества для России в Петрограде, сделав главной московскую. Но служащие петроградской конторы при поддержке Союза служащих страховых и транспортных

энергией стал он действовать. Через четыре дня после получения телеграммы Дэвисона, 3 октября (ст. ст.), началось издание «Народной правды».

На следующий же день «Рабочий путь» разоблачил ее как «провокаторскую подделку под закрытую большевистскую „Правду“».[177] Литературно-провокационный замысел инициаторов этого издания заключался именно в попытке использования для торможения революции названия популярной в массах революционной газеты. Содержание же статей «Народной правды» было откровенно оборонческим и антибольшевистским, без какой бы то ни было имитации революционного духа.[178] «Рабочий путь» ставил «Народную правду» рядом с такими газетами — застрельщиками антибольшевистской агитации, как «Общее дело», «Новая Русь», «Живое слово».

Новая газета открывалась редакционной декларацией, написанной чуть ли не белым стихом в выспренней и одновременно якобы народно-разговорной манере. Призывы к расправе с «предателями родины», «изменниками» и установлению «неумолимо твердой власти» сочетались в ней с обещаниями служить «правде-истине, правде-справедливости».[179] Той же теме была посвящена написанная в такой же чрезвычайно претенциозной, но совершенно беспомощной в литературном отношении манере «сказка» «Правда и кривда». Она была, в частности, призвана клеветническим выпадом против большевистской «Правды» отвлечь внимание читателей от мошеннического приема, с помощью которого было выбрано название «Народной правды» («Оделась Кривда Правдой и начала по Руси гулять...»). Автором «сказки» был преподаватель астрономии Е. И. Игнатьев, выступавший иногда как литератор. Через несколько номеров после выхода газеты он сменил на посту официального редактора-издателя Л. Н. Николаева и вел издание вместе с В. В. Кирьяковым.[180]

обществ, предъявив Корзу свои финансовые претензии, угрожали силой воспрепятствовать вывозу в Москву документов и имущества. Ответ МИДа на строгое представление Фрэнсиса гласил, что, по сообщению министра труда, конфликт улажен. В письме министру труда МИД поддержало жалобы Корза и Фрэнсиса на «непомерно большие требования со стороны служащих» и свидетельствовало, что контора Корза находится «в действительно тяжелых условиях» (АВПР, ф. Экономического департамента, 3-е делопроизводство, 1917 г., д. 65, лл. 149—156).

[177] По соседству с провокацией. Рабочий путь, 4 октября 1917 г.

[178] Поэтому, когда в «Известиях» — они издавались в той же типографии «Копейка», где начали теперь печатать «Народную правду», — появилась статья, настраивавшая армию против Советов в связи с их большевизацией, «Рабочий путь» расценил ее либо как написанную для «Народной правды» и случайно попавшую в «Известия», либо как признак «политического союза» ЦИКовских оборонцев с «контрреволюционными громилами» (там же).

[179] Народная правда, 3 октября 1917 г.

[180] Там же, 7 октября 1917 г.

Активное участие в газете принимал плодовитый поэт-сатирик и прозаик В. В. Воинов (псевдоним — Тривэ), впоследствии работавший в советской печати. Стихотворный раздел «Политический кинематограф» вначале подписывался псевдонимом «Рики-Тики-Тави».[181] Вскоре под стихотворными фельетонами этого раздела появилась другая подпись — «Спрут».

Привлечь к участию в газете сколько-нибудь известных авторов оказалось, очевидно, невозможным. Как правило, статьи, фельетоны и стихи подписывались псевдонимами, многие из которых раскрыть нам не удалось.

Стихи и фельетоны носили лубочный характер, отличались примитивностью замысла. Сочетание неприкрытой политической тенденциозности с литературным ремесленничеством страшно их оглупляло. Так, грубый и плоский рифмованный выпад против «Рабочего пути» был напечатан под заглавием «Дурацкий путь».

Главной мишенью брани и нападок газеты была большевистская партия. Из номера в номер за подписью «Матвей Кожемякин» печатался фельетон, направленный лично против В. И. Ленина. Его автор тщился опровергнуть ленинские работы 1917 г., указавшие путь развития революции, — от «Писем о тактике» до статьи «Кризис назрел».[182] Наиболее часто применявшимся приемом антибольшевистской агитации были трафаретные и уже набившие к октябрю оскомину обвинения большевиков в том, что они шпионы кайзера, «их душа одета в прусские мундиры», и т. п.[183] В связи с этим в газете публиковались многозначительные статьи о германском шпионаже, написанные якобы по данным Генерального штаба.

Помимо антибольшевистской агитации, группа Брешковской использовала оказавшуюся в ее распоряжении новую газету для борьбы за свою гегемонию в эсеровской партии и отлучения от партии инакомыслящих. Постоянным атакам в газете подвергались Б. Д. Камков как представитель левого эсеровского крыла и В. М. Чернов как лидер центра.

В вопросе о войне газета занимала позицию, которую даже трудно назвать оборонческой: так сильно был в ней выражен милитаристский элемент. Это было, впрочем, типично для многих правосоциалистических газет тех дней. Но «Народная правда» отличалась, помимо этого, совершенно особенной почтительностью по отношению к «западным союзникам» (они-де воюют за Россию и т. п.).

---

[181] В «Словаре псевдонимов» Масанова псевдоним этот считается одним из употреблявшихся Л. М. Рейснер в издававшемся ею вместе с отцом в 1915—1916 гг. альманахе «Рудин». Более вероятно, однако, что псевдоним этот принадлежал ее отцу М. А. Рейснеру.

[182] Народная правда, 8, 16, 11, 13, 17 октября 1917 г.

[183] Там же, 10, 11 октября 1917 г.

Особенно поразительным в новой газете и несомненно связанным со специфическим ее происхождением было отсутствие в 16 вышедших ее номерах каких бы то ни было элементов собственной политической платформы или программы социально-экономических преобразований. В тех случаях, когда речь об этом все же заходила, предложения газеты, к чему бы они ни относились, носили характер конъюнктурный и преследовали одну и ту же цель — продлить режим Керенского, предотвратить переход власти в руки революционного народа с большевистской партией во главе. Так, требуя срочного созыва Учредительного собрания, «Народная правда» прямо указывала, что нужно опередить съезд Советов.[184] Через несколько дней, поддерживая речь Брешковской в Совете республики, в которой она предлагала примириться с требованиями крестьянства и дать ему землю, «Народная правда» подчеркнуто рассматривала это предложение как средство торможения революционного процесса, а отнюдь не как способ решения аграрного вопроса.[185]

Затем, объявив аграрную реформу делом в принципе решенным, «Народная правда» стала искать путей установления «сотрудничества в промышленности взамен эксплуатации труда». Она предлагала для этого бесплодно обсуждавшееся в официальных ведомствах Временного правительства пресловутое участие рабочих в прибылях.[186] В статье «Народной правды» такое участие допускалось в размере 10—20%.[187]

В ожидании притока в русскую промышленность иностранного капитала автор статьи с большой определенностью утверждал, что иностранные капиталисты на такую норму согласятся. Участие рабочих в прибылях рассматривалось «Народной правдой» как средство борьбы с рабочим контролем над производством. Стоит ввести «дивиденд труда», рассуждал автор статьи, и «конец бессмысленным мечтаниям большевиков-авантюристов о руководительстве промышленностью самими рабочими».[188]

Номер «Народной правды», в котором это было напечатано, оказался ее последним номером. Однако издательская деятельность Комитета Брешковской, развернутая за счет томпсоновской субсидии, отнюдь не ограничивалась организацией этой газеты. «При помощи этих денег, — говорил в Сенатской комиссии Корз, — мы поставили на ноги 17 органов и имели очень хорошую печать в Петрограде. Однако с помощью этой печати нам

---

[184] В. В-ч. «Или-или». Народная правда, 5 октября 1917 г.
[185] Народная правда, 8 октября 1917 г., передовая.
[186] См.: Л. Е. Шепелев. Копартнершип и русская буржуазия. В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России, 1861—1917 гг. М., 1966, стр. 285—303.
[187] А. Б-ин. Труд и капитал. Народная правда, 17 октября 1917 г.
[188] Народная правда, 20 октября 1917 г.

не удалось достигнуть большого влияния на фронте».[189] В. Соскис в своем отчете от 30 июля 1918 г. писал о двадцати газетах, организованных Комитетом, и около шестидесяти, получавших от него субсидии.[190] У Хэйджорна находим упоминание о ста или более газетах и купленной типографии.[191] Элемент отчетного преувеличения во всем этом несомненен. Сама Брешковская, как нам уже известно, заявляла, что американские субсидии дали ей возможность расширить издательскую деятельность и увеличить число провинциальных газет эсеровской партии.

Материал, которым мы располагаем, не дает возможности точно установить число этих газет и их названия. Наши наблюдения за развитием эсеровской печати в 1917 г. не позволяют определить октябрь как особенно урожайный месяц для провинциальной эсеровской прессы правого направления. Можно лишь отметить, что более или менее одновременно с «Народной правдой» появились «Витебское слово» (6 октября ст. ст.), «Народное дело» (Вятка, 15 октября), «Вольный Урал» (Екатеринбург, 27 сентября), «Голос крестьянина» (Луганск, 12 сентября), «Социалист-революционер» (Минск, 22 октября), «Дело Сибири» (Акмолинск, 1 октября), «Свободная степь» (Павлодар, 20 сентября), «Земля и воля» (Симбирск, 6 октября), «Землеволец» (Сызрань, начало сентября), «За народ» (Харьков, 20 октября), «Клич народа» (Юзовка, начало октября). Несомненно, однако, что время создания той или иной газеты не может в данном случае рассматриваться как бесспорный признак того, что она входит в число тех газет, которые имела в виду в своем заявлении Брешковская.

В самом Петрограде незадолго до прекращения выпуска «Народной правды» появился «Народ», выходивший как орган Петроградской группы эсеров-оборонцев с Брешко-Брешковской во главе. В Москве эта группа, очевидно, в какой-то мере распространила свое влияние на издававшуюся там «Землю и волю». Указание Брешковской С. Л. Маслову об изменении руководства этой газеты, данное, по словам Бакрылова, при вручении денег, было осуществлено. Еще 14 сентября, когда Петроградская группа Брешковской выступила против Чернова и эсеровского центра, «Земля и воля» отзывалась о Чернове вполне благоприятно. Но затем «Земля и воля» оказала, хоть и с опозданием, поддержку воззванию Петроградской группы.[192] В промежутке газета претерпела реформу, ее редактором остался С. Л. Маслов, но как и требовала Брешко-Брешковская, московская «Земля и воля»

---

[189] Октябрьская революция перед судом американских сенаторов, стр. 52—53.
[190] E. Sisson, ук. соч., стр. 50.
[191] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 207.
[192] Земля и воля, 1 (14) октября 1917 г.

перестала издаваться при областном комитете Центральной области.[193]

С большей определенностью результаты томпсоновских субсидий могут быть установлены в книгоиздательском деле. В орбите влияния право-эсеровского крыла и под эгидой Брешковской действовали к сентябрю—октябрю четыре издательства, выпускавших агитационную литературу, — «Народная власть», «Новая Россия», «Воля народа» (газетное издательство, выпускавшее иногда брошюры) и Издательство фонда им. Е. К. Брешко-Брешковской «Свободная мысль». Программы этих издательств (мы вынуждены рассматривать их независимо от того, в какой мере они были осуществлены, так как многих изданий, объявленных вышедшими в свет, нам обнаружить не удалось), а также дошедшие до нас брошюры позволяют определить то направление, которое придавалось печатной пропаганде, проводившейся под марками четырех горделиво названных учреждений.

Одной из главных тем в этих сериях брошюр было восхваление Керенского, его правительства (А. Ф. Керенский. В. В-ого. Изд. «Народная власть») и тех право-соглашательских партийных фигур, которые оказывали ему полную и безусловную поддержку (В. Кирьяков. Дедушка и бабушка русской революции: Н. В. Чайковский и Е. К. Брешко-Брешковская. Изд. «Новая Россия»). В противовес Советам усиленно пропагандировалась демократическая республика в связи с ее провозглашением 1 сентября и предстоявший созыв Учредительного собрания (В. Бакрылов. Что такое демократическая республика. Под ред. Е. К. Брешко-Брешковской. Изд. «Народная власть»; Е. К. Брешко-Брешковская. Что должно дать народу Учредительное собрание. Изд. «Народная власть»; В. Водовозов. Как будут произведены выборы в Учредительное собрание. Изд. «Новая Россия»). Из девяти выпусков фонда имени «бабушки» ей самой было предоставлено семь, ее главной темой была поддержка Временного правительства. Поучения Брешковской, иногда сбивавшиеся даже на религиозные проповеди, перепевались и в других брошюрах. Здесь были и обычные заклинания против земельных захватов до Учредительного собрания, и основы оборончества, излагавшиеся без какого бы то ни было социалистического флера («мы должны помнить, что не смеем нарушать цельности России», «нам выгоднее быть в союзе с республикой Францией, с республикой Америкой, с Англией, Италией и другими демократиями, чем с монархами». — Л. М. Бабушка и внуки. Изд. «Народная власть»). В брошюрах этих четырех издательств не было еще, однако, четкой и целенаправленной системы антибольшевистской пропаганды.

---

[193] Во всяком случае, слова об этом в заголовке исчезли. См.: «Земля и воля», 26 сентября (9 октября) 1917 г.

Новое, так называемое «Народное книгоиздательство „Город и деревня“, созданное право-эсеровским крылом под девизом «Книга для народа — книга в народ» позднее, нежели четыре указанных, во многом от них отличалось. На сей раз замысел был очень широк: новое издательское предприятие, основанное и как книготорговое дело, должно было не только подвести финансово-коммерческую базу под всю право-эсеровскую издательскую деятельность, но и взять под свой контроль распространение массово-политической литературы, осуществляя руководство народным чтением. В книжном магазине «Город и деревня» находились поэтому склады изданий «Свободной мысли» и «Народной власти». А само новое издательство, помимо основной своей задачи — издания «для трудового рабочего народа книг по политическим, экономическим и социальным вопросам», — собиралось организовать отбор и распространение литературы, издаваемой для народа всеми партиями, путем выпуска каталогов книг, признанных «лучшими», и составления из них народных библиотек для различных общественных организаций по всей стране.

«Народное книгоиздательство „Город и деревня“» было таким же, как и «Народная правда», дочерним предприятием американского Комитета гражданского просвещения. Все известные нам авторы брошюр этого издательства были руководителями и сотрудниками недолговечной газеты. Редактор-издатель и «сказочник» «Народной правды» Е. И. Игнатьев выступал здесь как автор «Сказки про Ивана-дурака, прекрасную царевну и хитрого немца».[194] В. В. Воинов написал «Политические сказки и сказочки»; в качестве автора брошюры «Добры молодцы» фигурировал автор статей на военные темы в «Народной правде» Шат-Комельский. Участвовал в этой серии, объявленной «художественно-литературной», и В. В. Кирьяков, один из редакторов «Народной правды».

Помимо этой серии, пропагандировавшей оборончество, первоначальный издательский план «Города и деревни» включал в себя еще четыре серии по 10 брошюр в каждой. Первая называлась «Разрушители старой и творцы новой России», вторая — «Народное государственное самоуправление», третья — «Народное государственное и общественное хозяйство», четвертая — «Мировое народное государство будущего». Каждая из серий, снабженная респектабельными, почти академическими названиями, была подчинена определенной пропагандистской цели. При этом прямые наскоки на большевистскую партию и ее лозунги были связаны в каждой серии с заключительными выпусками, первым же выпускам отводилась подготовительная роль. Первая серия

---

[194] Программа издательства «Город и деревня» изложена на последних страницах этой книги, напечатанной в типографии «Благо», помещавшейся по соседству с типографией «Копейка» в Сайкином пер., 13.

открывалась разоблачительным рассказом о царствовании Николая II, брошюрами о роли Думы в революции, о Временном правительстве, о Совете рабочих и солдатских депутатов, о Совете крестьянских депутатов. Лишь затем должны были последовать панегирические сочинения, посвященные Керенскому и Брешковской, прославление эсеров («друзья деревни») и выпад против революционной социал-демократии («в когтях у города»). Все это были лишь подступы к последней, десятой брошюре серии, посвященной прямой атаке против большевистской партии, — «Люди без отечества (о Ленине и ленинцах)».

Вторая серия, политический смысл которой состоял в пропагандистском противоборстве лозунгу «Вся власть Советам!», начиналась просветительскими рассуждениями о государстве, образе правления, народовластии, затем следовали брошюры-инструкции по выборам в Учредительное собрание. Советы в этой серии не были даже упомянуты, а кончалась она также носившими инструктивный характер брошюрами о выборах в земства и городские думы («Как лучше устроить народные городские думы и кого надо выбирать в них»).

Третья серия, носившая характер политико-экономический, должна была, по-видимому, доказать, что связь России с государствами всего мира и всемирно-империалистический характер войны исключают возможность немедленного ее прекращения (брошюры 7—9). В заключительной же брошюре этой серии предполагалось изобразить хозяйственную разруху как явление чисто военного происхождения и к тому же общеевропейское, а не только русское. И, наконец, четвертая серия, посвященная программам всех социалистических партий и группировок, завершалась выступлением против немедленного проведения социальных преобразований («Что такое обобществление фабрик и заводов, средств и орудий производства, капиталов и имущества и достижимо ли это сейчас?»).

Таково было, по выражению Робинса, «новое евангелие», которое они с Томпсоном собирались разослать по всей стране в виде «специальных агитационных брошюр для крестьян и рабочих, написанных простым и понятным языком».[195] Однако наибольшее значение Томпсон и Робинс придавали устной пропаганде; в России, считали они, «столько неграмотных», что ни «печатное слово», ни «даже плакаты» желаемого эффекта дать не могут.[196]

«Связи мадам Брешковской и Николая Чайковского, а также наши связи с Генеральным штабом позволили нам создать целый кадр пропагандистов», — говорил позже Робинс.[197] По его словам, при участии Брешковской и Чайковского было отобрано и отдано

---

[195] Октябрьская революция перед судом американских сенаторов, стр. 139.
[196] Там же.
[197] Там же.

под их руководство более 800 человек, имевших революционное прошлое. Часть этих людей была освобождена от службы в армии.[198]

Особое место в системе устной пропаганды занимали чуть ли не ежедневные выступления самого Робинса в частях Петроградского гарнизона, которые он начал 5 (18) сентября. Основной их темой была пропаганда американского образа жизни и роли Америки в войне. При этом Робинс упорно настаивал на том, что США вступили в войну совершенно бескорыстно, так как нейтралитет с поставками оружия Антанте был для американских заводчиков якобы выгоднее, чем участие США в войне, повлекшее за собой усиление налогообложения.[199]

По-видимому, выступления эти имели целью противодействие разоблачению большевистской пропагандой политики США в России. Помимо статей в большевистской печати по поводу миссии Рута, американцы в России были весьма задеты одной из распространявшихся на фронте листовок. Она представляла собой карикатурное изображение русского солдата, толкаемого в бой с немецким, в то время как Джон Булль уносит Архангельск, а дядя Сэм — Сибирскую дорогу. Карикатура сопровождалась вполне реалистической надписью, совершенно точно отражавшей сущность американской политики: «Никаких займов без продолжения войны».[200]

Слушатели-солдаты обычно выражали симпатии американским трудящимся, но тут же задавали вопросы, обличавшие капиталистическую природу Америки и империалистический характер ее правительства — о подавлении стачек полицией и войсками, об отсутствии рабочих, крестьян и социалистов в правительстве США, о причинах отказа американским социалистам в выдаче паспортов на Стокгольмскую конференцию. Спрашивали, почему США поддерживают Англию и Францию в вопросе об аннексиях и контрибуциях, почему союзники и, в частности, США не дают откровенного и прямого ответа на вопрос о целях войны.

---

[198] W. Hard, ук. соч., стр. 38. — Нам не удалось найти русских источников, которые прямо подтверждали бы эти сведения. Не связано ли, однако, каким-нибудь образом с этим пропагандистским предприятием Томпсона и Робинса объявление Объединенного комитета демократических организаций по обороне о наборе на открывшиеся 14 октября недельные курсы по организации во всероссийском масштабе недели «займа свободы» и обороны страны. Согласно объявлению, для приема на курсы требовались особые рекомендации. Прослушавшие курс агитаторы должны были за плату на месяц-полтора разъехаться по городам и деревням страны (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, коллекция листовок, I.4.3.3.). Объединенный комитет демократических организаций по обороне страны был создан по инициативе меньшевистско-эсеровского ЦИКа в начале августа.

[199] W. Hard, ук. соч., стр. 41.

[200] A. Bullard. The Russian Rendulum, p. 79.

С каждым новым своим выступлением Робинс ощущал, что антивоенный и революционный темперамент масс нарастает. К его словам о США, об американских институтах относились спокойно или безразлично. Когда он переходил к американской и союзной дипломатии, начинали перебивать, а упоминание о войне и об участии в ней России поднимало волну негодования. В Гатчине выступление Робинса кончилось скандалом, а 9 (22) октября, вернувшись с митинга у пулеметчиков в Стрельне, он записал в своем дневнике: «Война в сердце русского солдата мертва».[201]

Свою деятельность Робинс рассматривал не только как пропагандистскую кампанию, но и как своеобразное исследование в области социальной психологии. Наряду с собственными впечатлениями он широко использовал материалы русской печати, которые переводил для него целый штат переводчиков, искавших прежде всего любое упоминание об Америке, собирал слухи, высказывания и т. п.[202] Каждое утро он выслушивал доклады своих сотрудников, среди которых были находившиеся в Петрограде радикальные американские журналисты, впоследствии ставшие друзьями Советской России, деятелями коммунистического и прогрессивного движения США — Джон Рид, Артур Рис Вильямс, Луиза Брайант, Бесси Битти, вернувшийся из американской эмиграции А. Гомберг, который стал после Октября помощником Робинса в его контактах с Советским правительством (он был братом партийного работника-большевика С С. Зорина-Гомберга, активного деятеля американского социалистического движения в 1911—1917 гг.). Для Джона Рида и его коллег-журналистов непосредственное ощущение революционного подъема масс явилось едва ли не главной причиной формирования революционного мировоззрения. Несомненно, что осенний революционный опыт 1917 г. не прошел бесследно и для Робинса, оказав в несколько иной форме влияние на весь его дальнейший жизненный путь: он не стал революционером, но с первых же послеоктябрьских дней последовательно отстаивал советско-американское сотрудничество. Пока же вывод, который Робинс и Томпсон сделали из результатов робинсовских изысканий, заключался в том, что для удержания Керенского в седле при нарастании массового революционного подъема необходимы чрезвычайные средства.

Однако сами они были к этому времени совершенно отвергнуты в Вашингтоне. Вильсон, осознавший полезность американской пропагандистской кампании в России, вовсе не собирался поручать руководство ею ни Томпсону, ни Робинсу. Их собственная политическая благонадежность была под большим сомнением. Руководитель официального пропагандистского ведомства США

---

[201] W. H a r d, ук. соч., стр. 41—46.
[202] Там же, стр. 27—28.

Дж. Крил считал теперь, что Томпсон — неподходящий человек для «проповеди американского евангелия». Этот мультимиллионер, пояснял он свою мысль, который «дома был консервативен, как скала, и постоянно воевал с профсоюзами», в России стал «буйным радикалом» и даже дал миллион «бабушке революции».[203] Предубеждение против замыслов Томпсона и Робинса смешивалось с неприязнью ко всем «революционерам» и «социалистам» вплоть до Брешковской. В Вашингтоне видели опасность для американской политики в России как раз в том, в чем Томпсон и Робинс усматривали самый эффективный ее инструмент. Чисто «охранительный» принцип был по-прежнему превыше всего.

Более чем через месяц после приезда в Америку, 23 октября, эмиссар Томпсона Хэтчинс был принят президентом Вильсоном. Но прием этот был устроен не для него. Крил привел к Вильсону своего помощника Э. Сиссона, оставившего пост редактора журнала «Космополитэн» ради службы в государственном пропагандистском ведомстве. Ему-то Вильсон и поручил руководство пропагандистской кампанией США в России. Формально задание, полученное Сиссоном, основывалось на рекомендациях, сделанных еще Рутом (программа Томпсона и Робинса даже не упоминалась). Из годовой сметы в 5.5 млн долл., предложенной Рутом, Крил оставил ассигнования на распространение информации (их он даже удвоил) и на демонстрацию американских фильмов. Субсидии газетам он отклонил, кроме 10 тыс. долл., предназначенных так называемой «Солдатской газете».[204] Совершенно отверг он и предложенный Рутом «наем 500 русских ораторов для оказания влияния на общественное мнение», на что, по подсчетам Рута, требовалось 405 тыс. долл. Крил сомневался в их благонадежности. «Кто будет отбирать этих 500 ораторов? Как их учить? Где гарантия против двурушничества с их стороны? — опасался Крил. — Чтобы определять эффективность кампании и проверять, не станут ли эти 500 обманывать бюро [Сиссона], надо создать целый отряд инспекторов».[205]

Программу Крила одобрил Вильсон, и, таким образом, все те предложения Рута, которые Томпсон и Робинс уже начали осуществлять, были официально признаны ненужными или даже опасными. Президент любезно выслушал Хэтчинса, получившего, наконец, возможность изложить поручение Томпсона, ни словом

---

[203] George C r e e l. Rebel at Large, p. 176.

[204] Газеты общероссийского значения под таким названием не существовало. При Руте в Петрограде существовали «Солдатское слово», служившее официозом Временного правительства, и правоэсеровская оборонческая «Солдатская мысль». В октябре, когда Крил составлял свою программу, выходили «Солдатское слово» и издававшийся в качестве органа ВЦИКа меньшевистско-эсеровский «Голос солдата».

[205] E. S i s s o n, ук. соч., стр. 6.

не выдал своего неудовольствия, с большим красноречием поговорил перед приезжим из Петрограда о психологии русского народа и выпроводил его. После этого Вильсон произвел официальное назначение Сиссона, по обыкновению объявив его своим личным уполномоченным, и дал ему составленное Крилом письмо — «рескрипт» — к Томпсону с благодарностью за проделанную в России работу и указанием о ее прекращении, выраженным хотя и обиняком, но достаточно ясно.[206]

Однако телеграмма Лансинга Фрэнсису о назначении Сиссона, отправленная 29 октября (н. ст.), не содержала, по-видимому, распоряжения об отстранении от дел Томпсона и Робинса (она опубликована с купюрами).[207] Из телеграмм Хэтчинса, не знавшего закулисной стороны событий, Томпсон усмотрел только одно: денег по-прежнему не дают. Во всяком случае Томпсон продолжал действовать с прежней активностью, неистовствуя по поводу отсутствия ассигнований. Он даже собирался немедленно сам отправиться в США, чтобы добыть денег. Однако в эти дни пропагандистская кампания уже теряла смысл. Томпсон и Робинс должны были понять, что этот их замысел не удается, да и времени для его осуществления уже не оставалось.

■

Петроградские американцы, как и Временное правительство и широкие слои петроградской публики, с начала второй декады октября (ст.ст.) ожидали, что подготовляемое большевистской партией вооруженное выступление будет приурочено к открытию съезда Советов и состоится 20 октября.

Фрэнсис так и сообщил об этом Лансингу 11 (24) октября.[208] Посла беспокоили и другие черты политического положения — слухи о разногласиях по вопросу о продолжении войны в самом правительстве, и особенно назначение ЦИКом М. И. Скобелева в качестве представителя «демократических организаций» в составе русской делегации на предстоявшей межсоюзнической конференции, хотя Скобелев и произносил оборонческие фразы «о позоре неприемлемого мира». Фрэнсис сообщил Лансингу со слов Терещенко, что Скобелев заявил Временному правительству о своем отказе от поездки в случае, если не получит права «безраздельного представительства». Посол дал понять, что Терещенко ищет помощи союзной дипломатии, и со своей стороны даже выразил в этой связи пожелание отменить или отложить межсоюзническую конференцию.[209]

---

[206] Hagedorn, ук. соч., стр. 230—231; R. S. Baker, ук. соч., стр. 323.
[207] PRFRUS, Russia, 1918, v. I, pp. 214—216.
[208] Там же, стр. 211.
[209] Там же, телеграммы Фрэнсиса Лансингу, 20 и 22 октября (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, pp. 276, 279—280.

Тут же он потребовал, однако, чтобы ответ на просьбы Временного правительства о дальнейших кредитах был американским министерством финансов «дипломатично отложен» («если можно, без оскорбления»). «Обстановка здесь изменяется очень быстро, — писал Фрэнсис. — Большевистский орган цитирует Ленина, который требует выступлений, так как ни правительство, ни Совет республики не проникнуты революционно-демократическим духом. Если большевистское восстание произойдет и будет подавлено, что я считаю вероятным, Временное правительство и Совет республики будут этим весьма усилены. Тем временем, как показывают выборы в провинции, настроение в пользу большевиков растет по всей стране, если оно одержит верх, его лозунгом будет лозунг мира».[210] Лозунга мира и выхода России из войны посол боялся в те дни не только по соображениям военно-стратегического характера, но и как мощного революционизирующего фактора. «Помилуй Россию, бог, если 10 млн солдат или более того будут демобилизованы при нынешнем господстве большевистского духа», — телеграфировал он в Вашингтон 13 (26) октября. В тот момент Фрэнсис считал, что Временному правительству не удержаться, и в смятении уповал лишь на то, что мирная политика большевистской партии вступит в конфликт с «русской гордостью» и «национальной честью».[211]

14 (27) октября Фрэнсис отказался рекомендовать предоставление нового кредита на уплату жалованья солдатам и матросам в Финляндии как не повинующимся Временному правительству и тут же сообщил, что оно «объявило о своем намерении подавить большевистское выступление мирными или иными средствами».[212] Надеждой на эти «иные средства» и даже некоторыми провокаторскими поползновениями Фрэнсис заразился, очевидно, от министра иностранных дел, который 17 октября на заседании правительства прямо сказал: «можно даже вызвать их», встретив возражение морского министра Д. Н. Вердеревского: «Не надо провокаций».[213] Не удивительно, что в этот день американский посол телеграфировал, что он «будет сожалеть», если выступление большевиков не состоится, «ибо момент подходящ, чтобы дать им здоровый урок».[214]

Томпсон и Робинс, напротив, не верили в победу Временного правительства в вооруженной схватке с революционным народом.

---

[210] PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, p. 280.
[211] Там же, стр. 285.
[212] PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 26; v. I, p. 214.
[213] Исторический архив, 1960, № 5, стр. 83—85.
[214] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 30 октября (н. ст.), 8 часов вечера: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 216. — Фрэнсис был, вероятно, под впечатлением появившейся в этот день в «Новой жизни» статьи В. Базарова о том, что двое «видных большевиков» — имелись в виду Зиновьев и Каменев — против выступления.

Результаты робинсовских исследований, да и общая обстановка толкали их к тому, чтобы воздвигнуть на пути пролетарской революции политический заслон по возможности «левого» характера, до конца используя все ресурсы меньшевистско-эсеровского соглашательства. Так родился новый план Томпсона и Робинса, состоявший в том, чтобы Керенский не только достиг прочного союза с меньшевистско-эсеровским ЦИКом, но и стал во главе его. Только таким способом, считали они, можно добиться продолжения войны Россией.

Томпсон и Робинс рассчитывали на поддержку Чхеидзе и на магическую силу лозунга «Вся власть Советам!». «Если Керенский произнесет эти слова, течение в пользу Смольного, которое нарастает с ужасающей быстротой, может повернуть в его сторону», — надеялись они. А уж в том, что «под руководством Керенского Совет (имелся в виду ЦИК, — *Р. Г.*) может снова стать органом, которым он был за четыре месяца до того, — враждебным экстремистам обоих флангов, меньше заботящимся о классовых интересах, чем о России в целом, и способным восстановить Восточный фронт», — в этом Томпсон и Робинс не сомневались.[215]

В несколько упрощенном изложении Робинса план их выглядел так, словно он был полностью основан на полученных им сведениях о том, что в бронедивизионе лозунг «Вся власть Советам!» пользуется безраздельной поддержкой даже в среде тех солдат, которые еще высказываются за Керенского.[216] В действительности же новый план Томпсона—Робинса возник в весьма сложной обстановке. К концу второй декады октября (ст. ст.) вопрос о мире был предметом острой политической борьбы, охватившей даже кабинет.[217] Позиция руководства ЦИКа была определена в «наказе», составленном для М. И. Скобелева. «Наказ» этот, опубликованный 7 октября (ст. ст.), хотя и провозглашал принцип мира без аннексий и контрибуций, отнюдь не был актом пролетарской, интернационалистской политики: он предусматривал, например, возвращение Германии ее колоний. «Наказ» был встречен резким неодобрением правительств Антанты, в правящих кругах США проявляли особое недовольство содержавшимся в «наказе» требованием нейтрализации проливов и каналов, в частности Панамского.[218] Терещенко в своих выступлениях перед Предпарламентом и его комиссией по иностранным делам, критикуя «наказ», призывал к верности союзникам, воз-

---

[215] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 233.

[216] W. Hard, ук. соч., стр. 48. — По словам В. А. Антонова-Овсеенко, перелом настроения в пользу большевиков произошел в бронедивизионе 22 октября (Октябрьское вооруженное восстание, кн. 2, стр. 280).

[217] См.: В. С. Васюков. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966, стр. 431 и сл.

[218] Там же, стр. 445.

лагая особые надежды на Америку как на страну растущей военной мощи и источник иностранных капиталов для России. Однако формула о мире без аннексий и контрибуций, слова о принципе самоопределения народов, отказе от империалистических целей войны и т п. присутствовали и в его речах. Противоречивость и бесперспективность внешнеполитического курса Временного правительства подчеркивалась критикой «справа», которой подверг позицию Терещенко Милюков. Затем последовала отставка военного министра А. И. Верховского, который вопреки Терещенко несколько раз настаивал на прекращении войны.

Сам Керенский, по-видимому, был непрочь искать выход из образовавшегося тупика в союзе с ЦИКом, может быть, ценой разрыва с некоторыми своими коллегами по охватываемому демонстрацией кабинету. Но могли ли пойти на объединение с Керенским лидеры ЦИКа?

С каждым днем становилось все более очевидным, что «наказ» как средство удержания масс никакого значения не имеет. Поэтому Ф. И. Дан и другие вынуждены были, выступая в Предпарламенте, идти в своих требованиях дальше. Они требовали от Временного правительства обращения к союзникам с предложением открыть переговоры о всеобщем мире, передачи помещичьих земель в руки земельных комитетов. «Только на почве выполнения этой программы мыслима была борьба с большевиками с некоторыми шансами на успех», — объяснял впоследствии свои действия Дан.[219] Но революционно-оборонческий дух исполкомовских лидеров был весьма живучим, как и их соглашательская идеология в целом, и в том «левом» правительстве, к созданию которого они стремились (понимая, впрочем, по словам того же Дана, что шансов на успех мало), Керенский, стремившийся продолжать войну с помощью любых словесных ухищрений, вполне мог стать премьером. Такая возможность существовала, как нам представляется, до 18—19 октября (ст. ст.).

Вряд ли Томпсон и Робинс были главной или даже единственной силой, добивавшейся наведения моста между Временным правительством и ЦИКом, как это они сами изображали. Однако активность их несомненна. Чувствуя, как почва уходит из-под ног Временного правительства, они решили дать совет Керенскому уступить в вопросе о земле, сделав вид, что вопрос о мире стоит не так остро.

Томпсон отправился к Керенскому. «Не мог ли бы премьер завоевать на свою сторону Совет и украсть лозунг большевиков, приняв главный пункт большевистской программы и сам произведя раздел земли?» — спросил Томпсон.[220]

---

[219] Ф. Дан. К истории последних дней Временного правительства. В кн.: Октябрьская революция, стр. 121.
[220] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 234.

Керенский в ответ жаловался, что союзные послы «травят» его и, пользуясь кредитами своих правительств, оказывают давление на его кабинет. Соглашаясь на предложение американцев, он просил, чтобы союзники признали хотя бы факт существования Советов и перестали возражать против разговоров о мире, которые приходилось вести ему и меньшевистско-эсеровским лидерам ЦИКа (речь шла, очевидно, об упорном нежелании союзных правительств в какой бы то ни было форме согласиться с формулой о мире без аннексий и контрибуций). «Почему союзники никак не могут по-настоящему понять Россию? Они заставляют меня в течение двух третей времени говорить ради них в западноевропейском либеральном духе, и мне остается всего одна треть на разговоры в духе российского славянского социализма, необходимые для того, чтобы продержаться еще 24 часа», — заявил Керенский.[221]

Томпсон и Робинс не определяли ни политики правительства США, ни тем более линии Антанты. Им предстояло добиться принятия своего плана союзными правительствами. Именно они, как нам представляется, явились устроителями интервью, данного Керенским, по-видимому 18 (31) октября, корреспонденту «Ассошиэйтед пресс» Реннику. В этом интервью Керенский опровергал слухи о выходе России из войны, одновременно с известной двусмысленностью подчеркивая, что страна «истощена», и упрекая союзников в недостаточности оказываемой ими помощи.

20 октября (2 ноября) было для Томпсона и Робинса днем «великих решений» и отчаянных усилий, с помощью которых они хотели обеспечить поддержку своему плану как «слева», так и в особенности «справа». В этот день прекратила существование «Народная правда», которая была для них теперь, как и сама группа Брешковской и Чайковского, слишком правой: новый курс, принятый Томпсоном и Робинсом, пролегал несколько левее и в рядах соглашательского центра, на который они ориентировались, их прошлые связи могли им повредить. Но главные трудности ждали их не «слева», а «справа». В половине третьего часа дня Томпсон собрал в своем роскошном номере в Европейской гостинице военных атташе — глав военных миссий Англии, Франции и США — Нокса, Нисселя и Джадсона. Послов Томпсон и Робинс не звали, считая, что они заведомо враждебны Керенскому и «все еще грезят корниловыми».[222] Присутствовали также

---

[221] Там же; Bolshevik propaganda. Hearings before a Subcommittee..., p. 779.

[222] Позиция союзных послов в октябрьские дни была, несомненно, тесно связана с отношением к Керенскому и его правительству со стороны русских правых, военных и т. п. кругов. Сам Керенский, как известно, считал, что силы, прежде поддерживавшие Корнилова, надеются на свержение Временного правительства в результате «большевистского „бунта“», который затем будет подавлен «сильной властью» (А. Ф. Керенский. Гатчина. В кн.: Октябрьская революция, стр. 26). Мемуа-

Д. Соскис, представлявший Керенского, и генерал К. Ф. Неслуховский в качестве представителя Военного ведомства.[223]

Едва Томпсон и Робинс изложили свой план раздела помещичьих земель и союза между Керенским и ЦИКом, как Нокс взвился на дыбы и обвинил одного из крупнейших американских капиталистов в покушении на институт частной собственности. Томпсон возразил, что он едва ли не самый активный защитник этого института, но не видит в данной ситуации иного способа его защиты, кроме увеличения числа частных собственников. Нокс потребовал тогда ответа на вопрос о компенсации помещикам. Рассерженный Томпсон бросил ему: «Распределите эту проклятую землю, а потом уж думайте о компенсации». «Распределите землю в России сегодня, и через два года вы будете распределять ее в Англии», — в том же тоне протестовал Нокс.

Когда же Робинс заявил, что без закона о земле и союза с ЦИКом Временному правительству не удержаться, так как подавляющее большинство русского народа («восемьдесят процентов») «тяготеет к Ленину», Нокс и Ниссель стали проклинать всех и вся — Временное правительство, Советы, русский народ. После того как Ниссель позволил себе назвать русских солдат «трусливыми собаками», Неслуховский в решительных выражениях заявил протест и ушел. Соскис последовал за ним. Началась яростная перебранка. Нокс с неостывающим пылом подступал к Робинсу: «Вы тратите деньги полковника Томпсона». «Если и так, то с его ведома», — ответил Робинс. «Вы должны были быть с Корниловым», — продолжал свои упреки Нокс. «Вы с ним были», — язвительно отозвался Робинс. Англичанин покраснел при этом напоминании, но продолжал гнуть свою линию. «Ну, что же, — говорил он, — может быть, эта попытка действительно была преждевременной. Но я не заинте-

---

ристы из буржуазного и соглашательского лагерей (Милюков, Дан) ставили точку зрения Керенского под сомнение. Однако в декабре 1917 г. Ллойд Джордж в беседе с Ламонтом и Томпсоном изображал позицию Бьюкенена накануне Октября совершенно по Керенскому, оценивая ее как «неисправимую ошибку» своего посла, «введенного в глубокое заблуждение (Th. Lamont. Across World Frontiers, p. 87). Подысканием Керенскому «волевого преемника» занимался в эти дни и английский военный атташе Нокс (А. В. Игнатьев. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966, стр. 377).

[223] Ход совещания у Томпсона мы описываем на основании следующих источников, не противоречащих друг другу и лишь кое в чем друг друга дополняющих: Bolshevik propaganda. Hearings before a subcommittee..., p. 780; W. Hard, ук. соч., стр. 50 и сл.; H. Hagedorn, ук. соч., стр. 234 и сл. — Любопытно, что именно в этот день Министерство иностранных дел Временного правительства высказалось за предоставление субсидии в 100 тыс. руб. Русско-Американскому комитету, учрежденному еще в апреле 1917 г. для «сближения» с Америкой под председательством бывш. царского министра иностранных дел Н. Н. Покровского (МИД — Н. Н. Покровскому, 20 октября 1917 г.: АВПР, ф. II департамента, 1—5, род III, д. 11, л. 37).

ресован в правительстве такого сорта, как правительство Керенского. Оно слишком слабо. Казаки — вот что требуется. Этому народу нужен кнут. Нужнее всего диктатура».

Когда Робинс заявил о возможности прихода к власти большевиков, Нокс поднял его на смех. «Вы человек невоенный, — с оттенком покровительственности говорил генерал. — Я скажу Вам, что мы делаем с такой публикой. Мы их расстреливаем». «О, да, — с издевкой возражал Робинс, — если только Вам удастся их поймать... А ведь Вам придется ловить несколько миллионов человек. Да, генерал, я человек невоенный. Но перед Вами не военная ситуация, а народное движение». Нокс же твердил свое: «Мы их расстреляем». Генералы покинули томпсоновские апартаменты, высказывая озабоченность лишь одним — усилением воинских частей в Зимнем и в других стратегических пунктах столицы.

Предпринятый Томпсоном и Робинсом зондаж показал, что ни на какую снисходительность союзных правительств по отношению к Керенскому, которая дала бы ему возможность для политического маневрирования, рассчитывать нельзя. Впрочем, события развивались в таком бурном темпе, что 20 октября (2 ноября) план американцев был уже неосуществим и по другим причинам. В частности, как раз в этот день Верховский произносил свою речь в Предпарламенте о невозможности продолжения войны, а последовавшее за этим его устранение с поста военного министра создало трещину между Керенским и меньшевистско-эсеровскими лидерами тех дней — Даном, Гоцем и др.[224] Да и сами эти лидеры, то поддающиеся давлению масс, то пытающиеся ему противостоять, предпринимающие лихорадочные маневры для срыва пролетарского восстания, вряд ли могли теперь служить эффективным орудием продолжения войны независимо от их субъективных намерений. Они были на пути к решению, принятому Предпарламентом 24 октября, известному как «формула перехода», предусматривавшему передачу земли в ведение земельных комитетов и предложение союзникам провозгласить цели войны и начать мирные переговоры. Эта программа была выдвинута для того, чтобы помешать большевистской партии в подготовке восстания. Однако для буржуазного по своей классовой природе Временного правительства она оказалась неприемлемой.

А для антантовской и американской дипломатии по тем же причинам классового характера был невозможен план Томпсона — Робинса, хоть он и предусматривал реализацию лишь одного из революционных требований масс. Среди заблуждений Томпсона и Робинса едва ли не главным было мнение о том, что русская политика правительств стран Антанты и США имеет в качестве

---

[224] Ф. Дан, ук. соч., стр. 122—123.

основной только одну цель — удержание России в войне (как это признавалось официальной пропагандой). Другую цель — чисто контрреволюционную, несомненно обусловленную пониманием в союзных «верхах» международного значения русского революционного процесса, Томпсон и Робинс считали в тот момент возможным как бы игнорировать. Между тем обе эти цели в русской политике Вашингтона, как и правительств Антанты, были тесно между собой связаны. С одной стороны, предотвращение революции в России нужно было для продолжения ее участия в войне, а с другой — в продолжении войны большинство буржуазных политиков стран Антанты и США видело возможность предотвращения революции, и лишь некоторые из них усматривали роковую для правительства Керенского опасность в категорических требованиях активного продолжения войны, которые постоянно предъявляли ему западные союзники.[225]

В Октябрьские дни в Вашингтоне придерживались твердого правила — никаких уступок. Вредными считались любые разговоры не только о мире, но и о целях войны. В один и тот же день, 20 октября (2 ноября), линия Томпсона и Робинса была отвергнута как союзными генералами в Петрограде, так и Лансингом в Вашингтоне. Интервью, данное Керенским «Ассошиэйтед пресс», вызвало у государственного секретаря такой гнев, что он тут же пригрозил полным прекращением помощи России, поскольку она «ленива и неактивна» в войне.[226]

Гнев Лансинга объяснялся тем, что как раз накануне завершились месячные переговоры между российским посольством и американским казначейством о кредитных потребностях до конца 1917 г., исчисленных русской стороной, как мы уже знаем, в 235 млн долл. Эта цифра была американцами решительно отклонена, и 1 ноября (н. ст.) Мак-Аду официально подтвердил Бахметеву достигнутое соглашение о том, что «Россия до 1 января 1918 г. довольствуется 175 млн вместо заявленных 235.3». 50 млн из этой суммы были уже кредитованы, и теперь Мак-Аду сообщал об открытии пятого кредита в 125 млн долл.[227] Прочитав

---

[225] Опираясь именно на эту последнюю точку зрения, современный американский автор Дж. Кеннан ищет причину провала русской политики Антанты и США в том, что стратегическое и политическое начала в ней «в действительности находились в конфликте между собой» (G. Kennan. Russia leaves the war, pp. 24—25).

[226] Телеграмма Лансинга Фрэнсису, 2 ноября 1917 г. в 8 часов вечера: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 218.

[227] Отчет агента МФ..., Объяснительная записка, кн. I, лл. 293—294. — Между тем, в Петрограде 3 ноября (н. ст.) МИД Временного правительства обратилось к Фрэнсису с «горячей просьбой» о содействии, умоляя, чтобы правительство США компенсировало Англии 165 млн долл. за заказы, размещенные в США через Моргана. Повод к этой просьбе возник, по сообщению Фрэнсиса, внезапно (телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 3 ноября (н. ст.): PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 27).

интервью Керенского, Лансинг, очевидно, пожалел об этом. Однако угроза Лансинга прекратить американскую помощь звучала теперь не в полную силу: помощь эта шла на убыль и без вмешательства Лансинга. Как это видно из телеграммы Бахметева от 20 октября (н. ст.), во время переговоров об американских кредитах Временному правительству, оказавшихся последними, собственно финансовая сторона дела отступала, как и раньше, на задний план перед недостатком тоннажа для морских перевозок, а главное перед невозможностью отправки новых партий материалов в русские порты, забитые не вывезенными ранее доставленными грузами.[228]

За несколько часов до своей угрозы полного прекращения американской помощи государственный секретарь, чтобы разбить всякие надежды в Петрограде на межсоюзническую конференцию, телеграфировал Фрэнсису, что на ней будут обсуждаться вопросы активного ведения войны, а не проблемы мирного урегулирования.[229] Лансинг намеренно сделал это за спиной отправившегося в Париж на конференцию Хауза. Советник президента, как мы уже видели, и раньше имел особенный взгляд на русский вопрос, считая, что для предотвращения русской революции следует допустить даже выход России из войны, не говоря уже о словесной эквилибристике на тему о ее целях. Данному Керенским интервью предшествовали неоднократные обращения к Хаузу Бахметева, который просил теперь (в полном противоречии с той позицией по вопросу о целях войны, которую он внезапно занял летом), чтобы союзники «признали политические, равно как и военные нужды России». И Хауз был намерен предпринять в Париже что-либо в пользу выполнения этой просьбы.[230]

Однако действия Лансинга, как это и раньше бывало, оказались совершенно соответствующими отразившейся в печати позиции американской буржуазной общественности. Интервью Керенского вместо сочувствия к нему и его правительству вызвало град упреков. 2 ноября «Вашингтон пост» поместила первое, предварительное сообщение об интервью под заголовком «Россия выходит из войны». Чтобы предотвратить панику, Лансинг опубликовал успокоительное заявление, совершенно противоречившее телеграмме, которую он вскоре отправил Фрэнсису. «Премьер Керенский и его правительство, — уверял Лансинг американскую публику, — не поддаются отчаянию и все еще воодушевлены решимостью... вести войну до победного

---

[228] ЦГИА СССР, ф. 1525, оп. 1, д. 600, л. 113.
[229] Телеграмма Лансинга Фрэнсису, 2 ноября, 3 часа дня: PRFRUS, 1917, Suppl. 2, v. I, p. 286.
[230] Ch. Lash, ук. соч., стр. 55.

конца».[231] Тем не менее 3 ноября, когда интервью Керенского было опубликовано, возмущению газет не было предела. «Нью-Йорк уорлд» вопрошала: «Какое право имеет Россия заявлять о своем истощении, если Франция и Сербия не истощены?» «Мы не были подготовлены к столь сильному разочарованию в Керенском», — заявляла сент-луисская «Пост-диспетч». В печати США снова заговорили о надеждах на диктатуру.[232] Но газетная реакция на интервью в Англии была еще более бурной и негодующей, и Керенскому пришлось заявить, что по сравнению с ней американская его «удовлетворила».[233]

Возмущение и удивление, с которыми встретили интервью Керенского в Вашингтоне и Лондоне, несомненно объяснялись отсутствием там точных представлений о российской политической ситуации тех дней. Фрэнсис и его союзные коллеги в Петрограде не были так нереалистически категоричны, они колебались между различными методами, с помощью которых хотели помочь предотвращению или поражению вооруженного восстания.

Все в тот же день, 20 октября (2 ноября), Фрэнсис снова и снова решал для себя вопрос, рекомендовать ли Вашингтону дальнейшее кредитование правительства Керенского. Несмотря на появившиеся теперь сомнения, не пропадут ли деньги, он под влиянием упреков Керенского союзникам скрепя сердце рекомендовал новый стомиллионный кредит («Все еще думаю, что Россия вовремя заплатит свои долги, однако для нас важнее продолжение Россией войны, ибо выход ее из войны в настоящий момент причинил бы нам такой ужасный ущерб, что для возмещения его потребовалось бы бессчетное число миллиардов и многие поколения»).[234] Но готовность как-то поддержать Керенского причудливо сочеталась у Фрэнсиса с надеждой на то, что за свержением правительства Керенского революционным народом последует установление военной диктатуры. («Если Советы захватят власть, их правительство долго не проживет, на смену же ему придет более сильное правительство, которое будет обладать бóльшими возможностями в деле восстановления порядка и продолжения войны...»[235]). Очевидно, и Фрэнсис был несколько заражен той уверенностью, которая, по словам

---

[231] Телеграмма Лансинга Фрэнсису, 2 ноября, 1 час 27 мин. дня: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 217—218.

[232] Ch. L a s h, ук. соч., стр. 55.

[233] Телеграммы Фрэнсиса Лансингу 6 и 10 ноября (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 27.

[234] Телеграммы Фрэнсиса Лансингу, 2 ноября (н. ст.) 1917 г.: там же. — Практического значения рекомендация Фрэнсиса иметь не могла, в частности, и потому, что, как нам известно, за день до того в Вашингтоне и без Фрэнсиса открыли Временному правительству кредит в 125 млн долл.

[235] Там же. — Фраза оборвана публикаторами.

Ллойд Джорджа, существовала у Бьюкенена, и теми настроениями, в которых обвинял Керенский правые и военные круги.

Впрочем, в эти решающие дни не очень-то последовательной была и линия самого Бьюкенена. Выполняя инструкцию своего правительства, он вдруг принес Керенскому извинения по поводу последней совместной ноты союзников. Итальянский посол также извинялся, Нуланс же в этом не участвовал, заявив, что французское правительство остается при своем прежнем мнении.[236]

Страх перед социалистической революцией сочетался у американских и союзных дипломатических представителей в Петрограде, как и у их военных коллег, с неверием в возможность ее победы. Это, естественно, приводило к политическому ослеплению. Так, генконсул Саммерс, пользовавшийся в Вашингтоне и у Фрэнсиса особенным доверием, 20 октября (2 ноября) писал в госдепартамент о своих надеждах на установление... конституционной монархии, вследствие чего русскому народу придется-де убедиться в том, что «коммунизму в новое время нет места».[237]

Наступило 24 октября (6 ноября). Фрэнсис при первой же возможности отправился к Терещенко. В мрачных и грустных тонах протекала их беседа. Оба были, по словам Фрэнсиса, «в состоянии большого напряжения». Молча стояли они у окна министерского кабинета, из которого видны были шеренги защитников Временного правительства (Фрэнсис определил их число в тысячу или более человек). Терещенко прервал молчание словами: «Вечером я жду большевистского выступления». «Я надеюсь, что оно произойдет, — ответил Фрэнсис, — если только Вы сумеете подавить его». «Думаю, что сумеем», — «внешне спокойно» заявил Терещенко, но тут же нервно добавил, что он так «утомлен неопределенностью», что хотел бы восстания независимо от того, удастся ли его подавить.[238]

По-видимому, в уже знакомом ему расчете Терещенко Фрэнсис усмотрел на сей раз и элемент надежды на то, что в результате предвкушаемого разгрома восстания будет установлен режим более жесткий, чем прежде. Во всяком случае, посол отметил для себя, что Терещенко теперь «разочаровался» в Керенском. «Я ушел, чувствуя себя обнадеженным и убежденным в том, что его вера в способность правительства подавить любую попытку большевиков оправдана», — писал посол.

Выйдя из министерства, Фрэнсис решил продефилировать в своем экипаже с американскими флажками мимо стоявших на

---

[236] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 4 ноября (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, p. 219.

[237] W. Williams. Raymond Robins..., p. 74.

[238] D. Francis. Russia from the American Embassy, p. 178.

площади правительственных сил, чтобы «внушить этим людям тот факт, что Америка и ее посол стоят за спиной находящегося под угрозой Временного правительства».[239] По возвращении в посольство оптимизм Терещенко показался послу сомнительным. В 6 часов вечера он телеграфировал об этом Лансингу («Министр иностранных дел думает, что правительство сумеет подавить, никто, однако, не может сейчас предсказать результат») и тут же принялся придумывать меры, которые дали бы больший «моральный эффект», нежели его демонстрация в экипаже. «Что Вы думаете о том, чтобы нам послать ей (России, — *Р. Г.*) в помощь через Владивосток или Швецию две дивизии или больше, если бы я сумел получить на это согласие русского правительства или даже заставить его обратиться с такой просьбой?» — телеграфировал он государственному секретарю через три часа.[240]

План этот был не нов, о нем, в частности, спрашивал Керенского корреспондент «Ассошиэйтед пресс», и министр-председатель выразил к нему определенно отрицательное отношение, сославшись на трудности его практического осуществления. Факт обращения Фрэнсиса к этому плану свидетельствовал о том, что посол даже в самых критических для правительства Керенского обстоятельствах не расстался с надеждой на установление в конечном итоге режима «твердой власти» и готов был оказать этому содействие. Недаром Фрэнсис считал, что ввод американских войск будет «выгоднее материальной поддержки», ибо даст «толчок делу организации» «здравомыслящих русских», и тут же сообщал Лансингу, будто Временное правительство отвергло сделанное от имени 36 тыс. офицеров предложение о создании специальных офицерских формирований. Рассчитанный на контакт США с правым крылом контрреволюционных сил план этот в сообщенной Лансингу трактовке Фрэнсиса носил вызывающий по отношению к Керенскому характер: посол хотел «заставить» только что публично отвергнувшего ввод американских войск премьера обратиться с официальной просьбой об этом.

Впрочем, вряд ли сам Фрэнсис считал этот план актуальным и осуществимым. Пока главные надежды приходилось возлагать на способность Керенского и его правительства в подавлении восстания революционного народа. Однако уже на следующее утро, 25 октября (7 ноября), американскому посольству предстояло убедиться в том, что надежды эти беспочвенны. Фрэнсис собирался, как обычно, к часу дня отправиться к Терещенко, но из министерства ему сообщили, что министр занят «неотложными делами». Что это были за дела, стало ясно, когда

---

[239] Там же, стр. 179.

[240] Телеграммы Фрэнсиса Лансингу, 6 ноября (н. ст.) 1917 г.: PRFRUS, 1918, Russia, v. I, pp. 220—221.

прибежавший на службу с опозданием и в большом волнении секретарь посольства Ш. Уайтхауз передал Фрэнсису сообщение Керенского, из которого явствовало, что его правительство фактически перестало существовать. Керенский просил передать, что он уезжает навстречу идущим-де в Петроград верным Временному правительству войскам. «Он признал, — телеграфировал Фрэнсис Лансингу, — что большевики контролируют город и что правительство бессильно без верных ему войск, каковых крайне мало. Он сказал, что ждет ареста других членов правительства сегодня же, и просил Уайтхауза передать мне требование не признавать Советского правительства, если оно будет в Петрограде организовано, поскольку он ждет ликвидации всего дела в течение пяти дней».[241]

Встреча Уайтхауза с Керенским была связана с пресловутым бегством Керенского из Петрограда. Эпизод этот широко известен по опубликованным в 1925 г. показаниям одного из русских его участников.[242]

Он обычно фигурирует в работах по истории Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, ему посвящена и специальная статья.[243] Тем не менее американские источники — мемуары Фрэнсиса и показания Уайтхауза и Н. Армора, использованные Дж. Кеннаном, — позволяют кое-что уточнить в истории последних часов бесславного министерства Керенского и установить роль американцев в организации его бегства из Петрограда.[244]

Собственное заявление Керенского о том, что автомобиль с американским флагом был предложен и даже чуть ли не навязан ему союзными дипломатами, было совершенно хлестаковским (как оно и было оценено в примечании к советскому воспроизведению его статьи «Гатчина»).[245] В действительности офицеры, посланные на поиски автомобиля для Керенского, сами нашли «рено» с американским флагом. Верно, однако, что американцы с готовностью предоставили автомобиль Керенскому, и это было затем одобрено послом. Принадлежавший помощнику военного атташе капитану Риггсу автомобиль стоял у дома на Морской ул., в котором жили Риггс, Уайтхауз и Н. Армор, второй секретарь американского посольства. Уайтхауз собирался ехать на нем в посольство. Он и его шурин барон Рамзай отправились в штаб Петроградского военного округа, где Керен-

---

[241] Телеграмма Фрэнсиса Лансингу, 7 ноября (н. ст.) 1917 г.: там же, стр. 224.

[242] Вокруг Гатчины. Красный архив, т. 9, стр. 171—194.

[243] В. И. Старцев. Бегство Керенского. Вопросы истории, 1966, № 11.

[244] См.: D. Francis. Russia from the American Embassy, pp. 179—180; стр. 204—206.
G. Kennan. Russia leaves the war, pp. 72—73.

[245] Октябрьская революция, стр. 179.

ский подтвердил, что машина нужна ему для поездки к фронту. Тогда Уайтхауз принял лицемерное решение, которое Фрэнсис расценил затем как «очень правильное», — считать автомобиль реквизированным и не возражать против этого. Таким же образом он решил и вопрос об американском флаге, «удовлетворившись фиксированием протеста» против использования его Керенским. Одобрив доклад Уайтхауза о его действиях, Фрэнсис отдал распоряжение не распространяться о них ни перед кем.

Связи петроградских американцев с бывшим премьером не сразу прервались и после победы Октябрьского восстания. Их поддерживали с обеих сторон во время попытки похода Керенского—Краснова на Петроград.

Томпсон и Робинс искали контактов с беглым премьером, чтобы разобраться в обстановке и определить, есть ли какие-либо шансы на успех его похода на Петроград. Оба они провели вечер 25 октября (7 ноября) в Александровском саду, наблюдая за событиями на Дворцовой площади. Уже на следующее утро Томпсон, по словам его биографа, получил (вероятно, через Д. Соскиса, укрывшегося в номере у Томпсона) сведения о подготовке похода Керенского. Решено было послать к Керенскому Робинса. Как утверждает Хэйджорн, их свидание в Гатчине состоялось в конце того же дня 26 октября (8 ноября). В действительности это могло быть не раньше 27 октября (9 ноября), так как только в этот день на рассвете отряд Керенского—Краснова подошел к Гатчине. Как докладывал Робинс Томпсону, Керенский был «полон надежд», он заявил, что уже располагает пятью тысячами штыков и ждет подхода чуть ли не сотен тысяч войск. Однако впечатления Робинса в Гатчине, его наблюдения над моральным состоянием войск Керенского—Краснова и работой большевистских агитаторов ставили оптимизм Керенского под серьезное сомнение. Вернувшись в Петроград, он сообщил Томпсону свой вывод: «Керенский так же мертв, как прошлое давностью в семь тысяч лет», и заявил, что надо либо вступать в контакт с Советским правительством, либо «собирать чемоданы».[246]

К Фрэнсису Керенский сам прислал своего эмиссара, имея, очевидно, в виду подтвердить свою просьбу о непризнании Советского правительства. Эмиссаром был военно-морской адъютант Керенского капитан Кованько, сопровождавший Керенского в его бегстве из Петрограда. 31 октября (13 ноября) он покинул Гатчину вместе с приезжавшей туда к Керенскому делегацией французской военной миссии при Ставке,[247] а через три дня под покровом темноты, переодетый в штатское, явился в американ-

---

[246] H. Hagedorn, ук. соч., стр. 241—242.
[247] В. И. Старцев, ук. соч., стр. 204—206.

ское посольство, заявив Фрэнсису, что должен по поручению Керенского сообщить ему о создавшемся положении.[248]

Как известно, Фрэнсис стал после Октября одним из главных вдохновителей и проводников политики непризнания Советского правительства (разумеется, он занял бы эту позицию и без просьб Керенского). В нашу задачу здесь не входит, однако, рассмотрение этого вопроса, как и реакции официального Вашингтона на известие о победе Октябрьского вооруженного восстания. Отметим лишь, что подчеркиваемые американской историографией[249] колебания в американских правящих сферах по вопросу о прекращении поставок России и даже тенденция к их продолжению на случай, если Советское правительство не выведет страну из войны, практических последствий не возымели.

Находившийся в Париже Хауз, запрошенный Лансингом по этому поводу, 24 ноября (н. ст.) телеграфировал об общем мнении союзников прекратить кредитование России и помещение ее заказов.[250] Между тем, как писал 27 ноября председатель Русско-Американского заготовительного комитета генерал Храбров, «помещение каких бы то ни было заказов русского правительства на американский кредит» было прекращено с самого «начала возникновения смуты».[251] Из другой его телеграммы видно, что «впредь до выяснения политических условий» была задержана отправка в Россию всех военных грузов и прекращена погрузка всех судов, направлявшихся в русские порты. Вышедший было на Колу пароход «Ида» был возвращен для снятия военных грузов, невоенные грузы были перегружены на «Дору». Однако запрет вывоза был распространен на все грузы вообще. Пароход, зафрахтованный Министерством путей сообщения под железнодорожное оборудование, выгружался в Ванкувере. Ряд невыполненных заказов на железнодорожный подвижной состав, кожу и обувь был переведен в опционы с возможностью их использования «в зависимости от политического положения России».[252]

Непризнание Советского правительства и активное противодействие его усилиям в пользу установления мира стали главными элементами русской политики США на новом ее этапе. При этом основные цели — борьба с революцией и продолжение участия России в войне — оставались теми же, что и раньше. Это обстоятельство демонстрировало провал всей предыдущей американской политики в России с марта по октябрь 1917 г. Отсутствие у американской дипломатии твердой тактической ли-

---

[248] D. Francis. Russia from the American Embassy, p. 180.
[249] См.: G. Kennan. Russia leaves the war, p. 77.
[250] PRFRUS, 1918, Russia, v. III, p. 28.
[251] ЦГИА СССР, ф. 1525, оп. 1, д. 600, л. 216. — Слово «смуты» в тексте искажено.
[252] Телеграмма Храброва Михельсону, б. д., декабрь 1917 г.: там же, л. 234.

нии и единства действий, постоянное тяготение к глубоко антинародной и исторически нереальной идее диктатуры, противоречие между военной и политической задачами, так и не разрешенное Вашингтоном даже теоретически, — несомненно стояли в связи с характерной чертой американской политики, которая проявилась в русско-американских отношениях всего периода 1914—1917 гг. и заключалась, как мы видели, в несоответствии внешнеполитических планов и намерений реальным возможностям.

Однако пороки тактической линии США в «русском вопросе» и плачевный опыт ее осуществления отнюдь не были случайными профессионально-политическими неудачами руководителей американской дипломатии. Они имели глубокие причины общеисторического характера, ибо «русская политика» США, преследовавшая в конечном счете совершенно элементарные, чисто «охранительные» и своекорыстные цели, была отмечена общей печатью обреченности, которая лежала на всех попытках приостановить революционный процесс в России 1917 года.

Аварин В. Я. 4
Авдаков Н. С. 129
Авксентьев Н. Д. 280
Айзенмен У. 99
Александра Федоровна 109, 110, 133
Алексеев С. А. 262, 351
Ананьич Б. В. 4
Аргунов А. А. 343, 373
Армор Н. 400
Архангельский 361
Астрахан Х. М. 248
Астров Н. И. 275
Ашберг Олаф 54—56, 64, 66—74, 76—78, 82, 84, 103, 104, 111—114, 127, 139

Бабошин А. Л. 304
Бадмаев П. А. 71
Базаров В. (Руднев В. А.) 389
Бакрылов В. В. 342, 360, 361—363, 371, 373, 381, 382
Бальфур А. 199, 235, 311, 335
Барк П. Л. 12, 14, 17, 21, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 38—43, 51, 53—56, 64—70, 72—82, 84—86, 94, 100—108, 111, 116, 117, 119, 123—126, 148, 149
Баркер У. 292, 293
Барух Б. 312, 326, 327
Батолин П. П. 295, 296, 326, 363—369, 371
Бахметев Б. А. 34, 35, 37, 48, 70, 72, 134, 135, 149, 150, 209, 254, 261, 263, 264, 266—270, 276, 280, 291, 301, 302, 305, 306, 315, 317, 334, 335, 344, 353—357, 395, 396
Бахметев Ю. А. (однофамилец предыдущего) 12, 14, 17, 26, 30, 31, 33, 42, 68, 81, 92, 93, 117, 128, 168—170, 177, 180, 198
Белявская И. А. 5, 312
Бемис С. Ф. 21
Бенкендорф А. К., граф 31, 32, 43
Бер А. В. 29, 30, 37, 49, 117
Бергер В. 171, 206, 216, 250
Берд 11
Березкин А. В. 5, 6
Бертрон С. Р. 207, 251, 252, 256, 284, 286, 299, 309
Биллингс Ф. 324, 328, 335, 338
Бирд Ч. 234
Битти Б. 253, 254, 386
Блюм Дж. М. 205
Боголепов М. И., проф. 59
Бойнтон Ч. 29, 117, 128
Болдуин Дж. 126
Болховитинов Н. Н. 3
Боргбьерг Ф. 216
Борисов И. Н. 128—130
Бородин Н. А. 261
Брайан У. 12
Брайант Л. 374, 386
Брешко-Брешковская Е. К. 209, 328, 340—343, 359—363, 371—373, 379—382, 384, 387, 392
Бродский Р. М. 4
Брукс Б. 126, 293—297, 368—370
Брусилов А. А., генерал 275, 281
Бубликов А. А. 129, 136, 137
Буллард А. 324, 330, 331, 342, 385
Буллит У. 144, 157
Бурышкин П. А. 139
Бьюккенен Дж. 85, 141, 142, 165, 167, 188, 193, 212, 213, 218, 230, 239, 271, 277, 347—349, 377, 398
Бэйкер Г. 26, 27, 118
Бэйкер Н. 201
Бэйкер Р. С. 334, 388

Вандерлип Ф. 31, 35—45, 50—53, 55—58, 61, 63, 74, 78, 80—88, 90,

91, 95, 97, 99—103, 122, 127, 128, 143, 150, 163, 169, 300, 301
Варбург М. 114
Варбург П. 114
Варбург Ф. 112—114
Васюков В. С. 5, 230, 231, 390
Вердеревский Д. Н., адмирал 389
Верстрат М. 121—123
Верховский А. И., генерал 391
Вивиани Р. 199
Виленкин Г. А. 17—19, 31, 32, 34, 36—39, 41, 51, 56, 64, 81, 82
Вильгельм II 157, 176
Вильсон В. 13, 14, 28, 43, 72, 81, 85, 89, 90, 93, 140, 155, 157, 158, 161, 166, 167, 173—175, 182, 183, 199—201, 203—207, 212, 220—224, 232—246, 250, 254, 255, 258, 259, 261, 268, 282, 284, 285, 316, 324, 327, 329—335, 339—341, 344, 358, 359, 362, 375, 376, 387, 388
Вильсон Ч. 12—14, 72
Вильтон 188
Вильямс А. Р. 6, 386
Витте С. Ю., граф 12—15, 17, 60, 61, 74, 100
Водовозов В. 382
Воинов В. В. (Тривэ) 379, 382
Воинов И. А. 272
Воклер С. 312
Волобуев П. В. 4, 302, 364, 366
Володарский М. М. 321
Второв Н. А. 97
Вышнеградский А. И. 41, 70, 301

Гартман Р. 18
Гендерсон А. 238, 256, 310, 368
Геллибрэнд У. 307
Гермониус Э. К., генерал 267, 268, 313
Геронимус А. 5
Герценберг Л. А. 55, 122, 301
Гершов З. М. 5
Гефтер М. Я. 4, 300
Гиацинтов Н. Е. 65, 66, 68
Гиндин И. Ф. 112
Гинев В. Н. 238
Гинцбург А. Г., барон 188
Гленнон Дж., адмирал 207, 251, 252, 255, 256, 261, 262
Глэсс К. 318
Голд Ли 159
Голеевский Н. Л. 33
Гольдштейн И. М., проф. 115, 117, 118
Гомберг А. 386
Гомперс С. 178, 185, 187, 188, 196, 207, 219—221, 333
Горбатенко В. В. 262, 263
Горелик С. Б. 4
Гоц А. Р. 394
Гречанюк Н. 262
Гронна Э. 333
Грубе Э. К. 131, 295, 301
Грэй 307, 323
Грэхэм С. 156
Гуатмэй Т. 369
Гувер Г. 297, 365, 366
Гугенхеймы (бр.) 326
Гулыга А. 5
Гульд К. 10
Гуревич М. С. 113
Гурко В. И., генерал 249
Гучков А. И. 34, 35, 38, 40, 41, 48, 58, 59, 70, 84, 149, 150, 166—168, 177, 211, 213—219, 224, 236, 257, 277, 290, 291, 339, 350
Гучков Н. И. 23, 30

Дан Ф. И. 391, 394
Данкен Дж. 206, 207, 251, 252, 254
Дебс Ю. 332
Дементьев П. Д. 308
Джадсон У., генерал 207, 255, 392
Джессуп Ф. 205—207, 250, 255, 256, 261, 265, 284
Джонс Э. 294
Диксон Ф. 323
Дин Р. 82, 97, 99
Диринг Ф. М. 94
Дмитриев С. 176, 222
Добров А. 4
Долгов Б. Е. 110
Дутов А. И. 351
Дэвис А. 300
Дэвисон Г. П. 322, 324, 327, 334, 358—360, 366, 375, 376, 378
Дэниэльс Дж. 206, 255, 261
Дюшен Ю. С. 69

Евреинов В. В. 223
Ельяшевич В. Б., проф. 301, 304
Ермолаев С. П. 227
Ерофеев Н. А. 5
Ефимов А. В. 3
Ефимов Г. В. 4

Животовский А. Л. 326
Жуков Е. М. 4

Зак А. И. 22, 323
Залюбовский А. П., генерал 147, 151, 152, 311
Замен К. Е., фон 108, 132, 180, 181, 377
Заславский Д. О. 188, 209
Зелигман 17
Зензинов В. М. 361, 373

Зив В. С. 115
Золотухин В. П. 6
Зорин-Гомберг С. С. 386
Зубок Л. И. 5

Иванов Ф. А. 58, 59
Игнатьев А. А., генерал 21
Игнатьев А. В. 5, 230, 231, 277, 393
Игнатьев Е. И. 378, 383
Игэн М. 185
Иноземцев Н. 5
Иоффе А. Е. 5, 251
Ирошников М. П. 361
Истрик Э. 294

Калашников А. 351, 357
Каменка Б. А. 41, 301
Камков Б. Д. 379
Каневский Б. П. 6
Канторович А. 4
Канторович В. А. 188, 209
Кеннан Дж. 156, 157, 179, 203, 204, 216, 234, 284, 285, 343
Кеннан Дж., родственник предыдущего 174, 331, 342, 395, 400
Керби Дж. 10
Керенский А. Ф. 164, 178, 180, 183, 184, 196, 200, 211—213, 218, 232, 233, 236, 248, 251, 259, 272—279, 281, 285—287, 323, 335—337, 340—355, 357, 359, 360, 365, 366, 373, 375—377, 380, 382, 384, 390—400
Керженцев П. М. (псевд. В. Керженцев) 159, 188, 189, 288, 317
Керстинг Г. 93
Кирьяков В. В. 371, 378, 382, 383
Кис У. С. 49
Киселев В. 4
Китанина Т. М. 295
Кишкин Н. М. 275
Кларк У. Э. 18
Кливанский С. А. 245
Кливленд Г. 89
Кнопп А. Л., барон 23
Ковалевский В. И. 60
Ковалевский Е. П. 61
Ковалевский М. 129
Кованько А. А. 401
Коковцов В. Н. 118, 129
Коленберг Дж. 6, 11, 23, 27, 99, 115, 118, 119, 289
Колкорд Л. 285
Коллонтай А. М. 253, 318
Колчак А. В., адмирал 261, 262
Коновалов А. И. 133, 290, 291
Коншин Н. Н. 36, 97
Корз Ф. 338—340, 343, 358, 360, 362, 377, 378, 380
Корнилов Л. Г., генерал 267, 275, 277—279, 281, 345—352, 354, 365, 392
Коростовец И. Я. 100, 104
Краснов И. М. 6
Крестовников Г. А. 129
Крил Дж. 284, 324, 330—331, 375, 387
Кропоткин П. А. 328
Кропоткина-Лебедева А. П. 337, 338
Крэйн Р. 158
Крэйн Ч. 155—158, 161, 188, 207, 252
Куприянов К. Д. 317
Курлов П. Г., генерал 71

Лаверычев В. Я. 366
Лазарев Е. Е. 343
Ламонт Т. 31, 322, 326, 327, 393
Ланговой Н. П. 117
Ландберг Ф. 44
Лансинг Р. 13—15, 28, 50, 89, 93, 94, 100, 117, 120, 125, 140—143, 145, 158, 161, 163—168, 170, 173—175, 177, 178, 180, 182—190, 192—201, 203—205, 207, 209, 210, 214—220, 222—224, 229, 231—234, 236—240, 249—251, 253, 255, 259, 264, 266, 268—282, 284—287, 289, 298, 300, 314—316, 318, 322, 324, 329, 330, 333, 334, 339, 341, 344—348, 350, 354—358, 376, 377, 388, 389, 395—397, 399, 400
Ларсон К. 331
Лафоллет Р. 328, 333
Лебедев В. В. 4, 5, 7
Ленин В. И. 175, 176, 193, 194, 196, 209—211, 215, 220, 247, 256, 258, 265, 266, 272, 279, 280, 336, 340, 341, 371, 372, 384, 389, 393
Лещенко Д. И. 343
Ли О. 216, 332
Лианозов С. Г., 25, 308
Лившин Я. И. 112
Липский Ф. А. 130—132, 135, 136
Ллойд Джордж Д. 31, 140, 193, 224, 393, 398
Лойк де Лобель 24
Ломов (Оппоков) Г. И. 321
Ломоносов Ю. В., проф. 261, 317
Лукин А. А. 4
Львов В. Н. 351
Львов Г. Е. 139, 164, 191, 213, 224, 251, 272, 292, 293, 346
Лэш Ч. 6, 144, 155—158, 162, 171, 172, 180, 203, 255, 257, 285, 286, 332—335, 354, 397

Майбургер А. В. 336—338, 343, 360
Майер Л. 312
Майлс Б. 207

Мак-Аду У. 170, 180, 186, 192, 193, 197, 198, 205, 225, 226, 271, 273, 275, 276, 395
Макаров А. А. 124
Мак-Калли Н., адмирал 261
Маккарти К. Х. 300
Мак-Кинли У. 328
Мак-Кормик В. 358, 360
Мак-Кормик С. 92, 207, 251, 252, 256, 284
Мак-Нэми Ч. 300
Мак-Робертс С. 82, 84, 98—106, 115, 116, 118, 119, 122 128, 151, 152, 190, 191, 295, 297, 300, 367, 369, 370
Мак-Фадден 369
Малкин М. М. 3
Мальков В. Л. 6
Малявкин С. Ф. 302, 304
Маниковский А. А., генерал 151, 270, 311
Мари Дж. 27, 28, 49, 50, 71, 72, 91, 92, 94
Мария Павловна, вел. княгиня 72
Маршалл Л. 188
Масанов И. Ф. 379
Маслов С. А. 363, 381
Мебес К. Ю. 51
Медзыховский К. Ю. 11, 12, 14, 16, 18—20, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 46—49, 117
Мезерв Г. Ф. 34—42, 44, 48—59, 61—69, 73, 74, 78—88, 90—92, 94—100, 121, 122, 125—128, 131—134, 139, 143, 163, 169, 190, 262, 293, 296, 299—301, 307, 309, 370
Мейн У. У. 57, 58, 61, 299, 300
Мекк, фон 23
Мижуев П. Г. 209
Мильнер А., лорд 267
Милюков П. Н. 115, 133, 140, 163—167, 177, 178, 180, 182—188, 191—193, 195, 196, 199—202, 208, 209, 211—219, 221, 224, 229, 230—234, 236, 239, 241, 245, 246, 248, 257, 275, 277—279, 290—293, 307, 323, 330, 351, 391
Милютин В. П. 321, 374
Минор И. С. 374
Минц И. И. 4, 5
Митинский А. Н. 310
Михельсон А. А., генерал 313
Миши Р., полковник 255
Мок Дж. 331
Монелл 57
Монкевиц 71, 72
Морган Дж. П., младший 15—21, 30—34, 36, 38, 43—54, 68, 81, 84, 90, 91, 103, 122, 133, 146—148, 150, 227, 311, 322, 326, 344, 351
Морган Дж. П., старший 89
Моргентау Г. 188
Мореншильд Ф. Ф. 192, 193
Моррис И. Н. 166, 186, 187, 249, 356, 376
Морроу Д. 358
Мотт Дж. 207, 252, 255
Мстиславский (Масловский) С. Д. 243, 244
Муштуков В. Е. 343
Мэрфи Г. 36, 54, 67, 74
Мэрш Р. 54, 55, 64—69, 72—74, 78, 82, 84, 94, 99
Мякотин В. А. 343

Набоков В. Д. 275
Най Дж. 15, 16, 31, 133, 150
Нарочницкий А. Л. 4
Нейшлаковский см. Неслуховский К. Ф.
Неклюдов А. В. 55, 69, 71, 113, 114
Некрасов Н. В. 209, 212, 215, 230, 277, 278, 310, 314, 365
Нератов А. А. 125
Неслуховская Т. К. 343
Неслуховский К. Ф., генерал 342, 343, 393
Никитин П. Е. 343
Никифоров Д. И. 65—68, 78, 79, 121
Николаев Л. Н. 378
Николай II 88, 91, 93, 109, 154, 159, 262, 273, 384
Ниринг С. 332
Ниссель, генерал 392
Нобель Л. 35, 300
Новицкий В. И. 78, 261, 267
Нокс А. 392, 393, 394
Нуланс Т. 398

О'Греди 188
Озеров И. Х. 23—25, 129
Окунь С. Б. 3
Олсуфьев А. В. 113
Ону К. М. 192, 195—199, 201, 202, 226, 228, 229, 235, 236, 252, 323
Орландо В. 193
О'Хэйр К. Р. 332

Пазвольский Л. 90, 303
Палеолог М. 121, 122, 167, 218
Пальчинский П. И. 302—305
Панкхерст С. 277
Пари Д. М. 10
Паркер 255
Паттен 37
Перри А. 155, 161
Петров П. С. 6

Петрункевич, проф. 206
Пешехонов А. В. 222, 366
Пиккель Р. 296, 363, 366—371
Плеханов Г. В. 197, 259
Покровский Н. Н. 113, 133, 393
Полетика Н. П. 5
Поливанов А. А., генерал 43
Полк Ф. 266, 318
Половцев А. А. 168, 169
Поляк Л. С. 113
Попов П. 262
Попова Е. И. 5, 314
Портер Э. Ч. 22
Прилежаев В. В. 12, 16, 20, 27, 292
Прокопович С. Н. 366, 368
Протопопов А. Д. 29, 70—72, 110, 112—114, 139, 161
Прохоров И. К. 23
Прядкин Я. Д. 316
Пуль де Витт К. 308
Путилов А. И. 29, 41, 54—57, 70, 295
Пэйдж Н. 193
Пэйдж У. 201
Пэнкен Дж. 332

Рабинович И. М. 4
Райан Дж. 358, 360
Рамзай К. А., барон 400
Распутин Г. Е. 71, 109, 158, 159, 161
Рафалович Н. 122
Рейснер Л. М. 379
Рейснер М. А., проф. 379
Ремингтон Ф. 151, 152, 293—295, 298, 367
Ренник 392
Рибо А. 193, 224
Риггс Е. Ф. 400
Рид Дж. 6, 308, 386
Ридинг Р. Д., граф 270
Рич Ч. 84, 99—106, 122, 131, 132
Робертс Дж. Х. 79
Робинс Р. 255, 323, 324, 328, 329, 335—339, 341—344, 351—357, 358, 360, 362, 364—366, 370—376, 384—395
Родзянко М. В. 71, 148, 164, 166, 191, 209, 223, 293, 308, 350
Розен Р. Р., барон 251
Розенбаум Дж. 297
Розенвальд Дж. 188, 312
Рокфеллер 31
Романов Б. А. 3, 4, 12
Роос, генерал 261
Россель Ч. Э. 206, 207, 251—255, 257, 258, 333
Рубинштейн Д. Л. 70
Рузвельт Т. 12, 154, 191, 204, 205, 255, 329
Рут Э. 191, 205—208, 220, 228, 229, 234, 249—257, 259—268, 280—287, 299, 300, 305, 306, 309, 310, 320, 322, 325, 327, 328, 334, 335, 385, 387
Рэдфилд У. 203

Савинков Б. В. 279, 280
Сазонов С. Д. 10, 14, 27, 50, 77, 78, 92—94, 98, 104, 114, 117, 125, 141
Саймонс Г. А. 209
Саммерс М. 164, 217, 398
Сан-Галли Ф. 127
Свердлов Н. В. 4
Севостьянов П. П. 4
Селезнев Г. К. 4, 5
Семенников В. 109—111
Сидоров А. Л. 4, 75, 76, 107, 119, 148, 362
Сиссон Э. 342, 343, 381, 387, 388
Скобелев М. И. 388, 390
Скотт Х. 207, 251, 252, 255
Смирнов М. И. 262
Снодграсс 9
Соловьев О. Ф. 5
Соннино Дж. 193
Сорокин П. А. 373
Соскис В. Д. 343
Соскис Д. В. 342, 343, 360, 363, 371, 373, 393
Спеллмэн 125, 126
Спринг-Райс С. 235
Старцев А. И. 6, 308
Старцев В. И. 400
Стахеев И. И. 295—297, 326, 367, 369, 370, 371
Степанов В. А. 302
Стефенс Л. 6
Стивенс Дж. 202, 203, 205, 228, 311, 314—317, 370
Стопфорд А. 98
Стоун М. 117, 155, 323
Стоун У. 333
Стоун Ч. 127, 294, 300
Стрэйт У. 15, 16, 19
Стучка П. И. 253
Суханов Н. Н. 222
Сухомлинов В. А. 35
Сытин И. Д. 87, 88, 370
Сэбин Ч. 19, 55, 56, 67, 74, 99
Сэддлмайр 307, 323

Тафт У. 191, 205
Терещенко М. И. 180—182, 197, 198, 209, 212, 213, 215, 218, 226, 229—231, 233, 236—239, 248, 251, 254, 258, 259, 262—265, 271, 272, 274—276, 278—280, 293, 302, 306, 347—

350, 354—358, 368, 377, 391, 398, 399
Тимашев С. И. 11 14, 16, 18, 19
Тимирязев В. И. 35, 60
Тимковский А. К. 78
Тома А. 218, 221—224, 238, 256
Томпсон У. Б. 324—330, 335—345, 350—353, 357—360, 362—366, 370, 372—375, 377, 384—395
Торн 188
Трепов А. Ф. 130
Трепов В. Ф. 301
Третьяков С. Н. 138

Уайт Э. 203
Уайтхауз Ш. 400
Угет С. А. 149, 169, 170, 180, 181, 193, 197, 198, 225—229
Уилер П. 306
Уиллард Д. 201, 314, 315
Уильямс Дж. 334
Уильямс У. 6, 158, 159, 166, 170, 253, 284, 285, 322—324, 335, 340, 342, 344, 352, 359, 362, 365, 376, 398
Уиншип Н. 143, 163, 178—180, 187, 194, 214, 215, 218, 220, 223, 224, 250, 258, 273, 274, 309
Уитерспун Дж. 126
Уоллинг У. И. 189, 232, 252, 333
Уолш Ф. 333
Уошберн С. 99, 200, 201, 208
Усагин А. И. 262, 351
Утин Я. И. 41

Федоров М. П. 136, 137
Флинн Э. Г. 332
Флинт Ч. 191
Фосс Ф. Ф. 304
Фрэзьер А. 285
Фрэнсис Д. Р. 50, 80, 81, 88—94, 103, 104, 110, 117, 120, 121, 125, 139—143, 145, 146, 158, 162—168, 177—182, 184—189, 192—196, 198, 204, 209—224, 231, 233, 236—239, 248—251, 253, 255, 257, 262, 264, 266, 269, 271—281, 298, 300, 309, 314—316, 318, 331—336, 337, 344—351, 353, 355—358, 368, 371, 377, 378, 388, 389, 395—400
Фураев В. К. 6.
Фурсенко А. А. 4, 45

Хабалов С. С., генерал 163
Хант Л. 300
Хантингтон У. 118
Хард У. 327, 328, 339, 351, 374, 385, 386, 390, 393
Харли Э. 329, 330
Харпер С. Н. 143, 155, 156, 158—161, 188, 264, 265, 273, 274, 280, 284, 323, 324
Хауз Э. 157, 159, 203, 204, 285, 286, 320, 333—335, 358—360, 375, 396
Хвостов В. М. 5
Хилквит М. 171, 206, 216, 250
Хинтон Г. 98
Хови К. 159
Хольбрук Ф. 37, 79, 125—127, 131, 134, 139, 293—300, 310, 367, 369
Хоустон Д. Ф. 167, 173, 174, 203
Хэйджорн Х. 325, 327—329, 335, 337—342, 350, 351, 359, 372, 374, 375, 381, 390, 391, 393
Хэммонд Дж. 204, 300
Хэтчинс Г. 358—360, 387, 388

Церетели И. Г. 214, 222, 223, 238—242, 278—280, 355, 374
Циммерман 145, 162

Чайковский Н. В. 209, 328, 341—343, 372, 384, 392
Чапмэн Э. Р. 20
Челноков С. В. 118
Чернин О. 133
Чернов В. М. 278, 355, 365, 371, 373, 379, 381
Чубаков 305, 306
Чудновский Г. И. 321
Чхеидзе Н. С. 164, 178, 214, 253, 390
Чэдборн Т. 358—360

Шайкевич Е. Г. 96
Шат-Комельский 383
Шаховской В. Н. 29, 32, 46, 116, 123
Шацкий Б. Е. 181, 203, 204, 223, 355
Шепелев Л. Е. 112, 380
Шингарев А. И. 61, 251, 275, 308
Шифф Дж. 17, 168, 188
Штраус О. 188, 203, 204
Штюрмер Б. В. 71, 93, 109, 123, 125
Шульгин В. В. 223
Шэвиро Н. 156

Эрскин А. Р. 50

Юз Ч. 327, 329
Юренев П. П. 315

Ягов Г., фон 144, 157
Яковлев Н. Н. 5
Ярошинский К. И. 111, 112, 127, 326

УКАЗАТЕЛЬ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОРГАНИЗАЦИЙ, ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, БАНКОВ И ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Авиационная компания «Райт-Мартин» (Wright-Martin Aeroplane Co) 326
Автомобильная компания «Пирс-Эрроу» 326
Азовско-Донской банк 23, 41, 66, 301
Американ Чайна дивелопмент компани (American China development Co) 45
Американо-Русская торговая палата 29, 30, 117, 128, 291
Американская иностранная банковская корпорация 369
Американская международная корпорация 43—45, 47—50, 57, 58, 63, 79, 87, 97, 100, 101, 125—128, 130, 131, 133, 150, 293, 294, 296, 300, 310
Американская федерация труда 206
Американская шерстяная компания (American Woolen Co) 326
Американский альянс за труд и демократию 333
Американский комитет для поддержки демократического правительства в России 191
Американский Красный крест 322, 324, 327, 328, 330, 337, 351, 352, 366
Американский союз против милитаризма 332
Американское казначейство (Министерство финансов США) 180, 190, 198, 228
Американское общество друзей русской свободы 330
Английский банк 107, 108
Английское казначейство (Министерство финансов Англии) 148, 227
Англо-русская подкомиссия в США 147, 148
Армор грэйн компани (Armour grain Co) 295—297, 369
Ассоциация партнеров биржевых фирм 128
Ассошиэйтед пресс 155, 159, 323

Болдуин локомотив уоркс (Baldwin Locomotive Works) 37
Бостонская торговая палата 10
Бэнкерс траст компани (Bankers Trust Co) 20

Варбург, фирма 72, 114
Верх-Исетских горных и механических заводов, бывш. Яковлева, акц. об-во 301
Вестингауза завод в Петрограде 9, 155
Вестингауза концерн 151
Вифлеемская стальная корпорация (Betlehem Steel Corp.) 22, 326
Владивостокский Совет (и его Исполком) 250
Владикавказской железной дороги общество 65
Волжско-Камский банк 369
«Воля народа», книгоиздательство 382
Военное министерство России 148, 202, 365
Военное министерство США 327
Временный комитет Государственной думы 136, 164, 178, 214
Всеобщая компания электричества (АЭГ) 96, 97
Всеобщая компания электричества (русск.) 97

Всеобщая электрическая компания (General Electric Co) 96, 97
Всероссийский земский и городской союз (Земгор) 138
Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК, ЦИК) 259, 278, 338, 349, 350, 388—393
Всероссийское телеграфное агентство 370

Гаранти траст компани (Guaranty Trust Co) 18—20, 30, 36, 41—43, 52, 54—57, 63, 64, 66—69, 73, 81, 82, 84, 85, 87, 99, 103, 106, 122, 151
Гаррис, Форбс и К° 152
Генеральный штаб (в России) 256
Главное артиллерийское управление Военного министерства России 146
Главное управление заграничного снабжения 313
Горный департамент Министерства торговли и промышленности 301, 302
Государственная дума 29, 70, 109, 129, 134, 178
Государственный банк (России) 35, 102, 107, 126, 294, 297
Государственный департамент США 27, 104, 145, 198, 214, 215, 220, 258, 266, 289
Грэйс энд К° (Grace and Co) 127
Гудзон траст компани (Hudson Trust Co) 20
Гудир тайр энд раббер компани (Goodyear Tire and Rubber Co) 27

Департамент железнодорожных дел Министерства финансов России 128, 129
Джон Мак-Грегор Грант инкорпорэйтед (John MacGregor Grant incorp.) 54
Дж. Розенбаум грэйн компани (J. Rosenbaum Grain Co.) 297, 369

Екатерининская железная дорога 56

Забайкальская железная дорога 315
Зингер, фирма 9, 91, 142, 143, 368

Иван Стахеев и К° 295—297, 363—370
Иллинойская ассоциация промышленников 26
Индустриальные рабочие мира 332
Иствик инжениринг компани (Eastwick Engineering Co) 293, 294

Канадская горнодобывающая и изыскательная компания 57
Киддер, Пибоди и К° 37, 38, 41, 54, 81
Комитет гражданского просвещения (в России) 342, 343, 359—361, 363
Комитет национальной обороны (в России) 279
Комитет общественной информации (в США) 284, 330
Комитет финансов России 28, 72, 73, 75—78, 94, 102, 105, 106, 108, 115, 119
Консульство США в Петрограде 142
Корпорация подводных лодок (Submarine Boat Corp.) 326
Кредитная канцелярия (Особенная канцелярия по кредитной части) Министерства финансов 38, 41, 42, 49, 51, 54, 56, 65, 66, 68, 69, 73, 78—80, 86, 107, 108, 121, 127, 132, 133, 170, 180, 225, 229, 263, 267, 301 377
Кронштадтский Совет 238
Кубинская сахарно-тростниковая компания (Cuban Cane Sugar Co) 326
Кун, Леб и К° 17, 114, 133
К. Х. Маккарти, посредническая фирма 300

Лионский кредит 51, 52, 82, 123
Лондон сити энд Мидленд бэнк (London City and Midland Bank) 52

Мазут, нефтепромышленное общество 113
Междуведомственный комитет по заграничному снабжению 313
Международная компания жатвенных машин 9, 91, 92, 207, 368
Международная никелевая компания 57
Межсоюзнический совет 270
Меткэлф компани (Metcalf Co) 125, 126, 294
Мидвэйл стил (Midwale Steel) 326
Министерство внутренних дел России 70, 309
Министерство иностранных дел России 42, 198
Министерство путей сообщения России 132, 134, 136, 309, 310, 314, 315
Министерство торговли и промышленности России 273, 290, 291
Министерство финансов России 17, 18, 50—55, 58, 64, 67, 69, 74, 83,

101, 107, 127, 131, 132, 149, 181, 190, 256, 267
Морган Дж. П и К° 15, 147, 322, 326, 342
Морган, Арье и К° 20—21
Морское министерство США 185
Москва—Донбасс, железная дорога (проект) 129—138, 303—304
Московский биржевой комитет 137, 138
Московский промышленный банк 302
Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги общество 36, 65
Московско-Казанской железной дороги общество 36, 37, 65, 295
Московско-Киево-Воронежской железной дороги общество 65
Московско-Юго-Восточной железной дороги (правильно: Юго-Восточных железных дорог) общество 36

«Народная власть», книгоиздательство 382
Народное книгоиздательство «Город и деревня» 383
Народный совет Америки 332
Национальная ассоциация промышленников 10, 16, 17
Немецкий банк 35, 71
Николаевская железная дорога 56
«Новая Россия», книгоиздательство 382
Новый банк (шведск.) 71
Нью-Йорк лайф иншурэнс компани (New York Life Insurance Co) 338, 377
Нью-йоркская биржа 225, 229
Нэйшнл бэнк оф коммерс (National Bank of Commerce) 20
Нэйшнл сити бэнк оф Нью-Йорк (National City Bank of New York) 12, 16, 17, 19, 20, 30, 31—46, 48—54, 56, 57, 63, 64, 67, 68, 74, 77—82, 84, 85, 87—91, 95—99, 101—103, 104, 106, 111, 120—128, 130, 131, 133, 148—152, 159, 163, 169, 170, 190, 192, 293, 295, 300, 301, 307, 310, 363, 366, 369
Нэйшнл сити компани 20, 95

Общество для развития дружественных отношений между Россией и США (в России) 209
Омская железная дорога 315
Ориентал консолидейтед майнинг компани (Oriental Consolidated Mining Co) 34

Особое делопроизводство по правительственному надзору за торгово-промышленными предприятиями 97
Особое совещание по обороне (в России) 70, 119, 310

Пермская железная дорога 315
Петроградский международный банк 23, 41, 66, 96, 97, 122, 294, 301
Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (и его Исполком) 164, 166, 167, 176, 180, 183, 184, 187, 189, 212—216, 219—224, 227, 230, 234, 238—240, 243, 245, 246, 254, 257, 259, 272, 280
Петроградский учетный и ссудный банк 41, 66
Петроградское телеграфное агентство 216, 219
Петроград-Уральская железная дорога (проект) 110
Плавильная и рафинировочная компания США 57
Посольство Англии в Петрограде 85, 141
Посольство США в Петрограде 12, 14, 272
Правительственное ведомство по руководству военной промышленностью 312
Продамет (Общество для продажи изделий русских металлургических заводов) 118
Пфистер энд Фогель лезе компани (Pfister and Vogel Leather Co) 289

Ремингтона арсенал, завод 152
Ремингтона концерн 151, 152
Робертс бразерс рейлроад конструкторс (Roberts Brothers Railroad Constructors) 79
Румли мотор трак компани (Roumley Motor Truck Co) 91
Русский для внешней торговли банк 35, 66
Русский заготовительный комитет в Америке 37, 146—148, 150, 312, 313
Русский торгово-промышленный банк 66
Русско-Азиатский банк 15, 23, 41, 52, 54—57, 66, 69, 121, 122, 295
Русско-Американская торговая палата 10, 23, 29, 49, 98, 116, 117, 133, 137, 290, 291, 355
Русско-Американское импортное и экспортное агентство 32

Русско-Американское экспортно-импортное товарищество 118
Русско-Американское торгово-промышленное акционерное общество («Рато») 49
Русско-англо-американская экспортно-импортная компания 307
Русское акц. об-во машиностроительного завода Л. Нобеля 300
Русское генеральное нефтяное общество 25
Русское экспортное товарищество 45
Рязано-Уральской железной дороги общество 36, 65

«Свободная мысль», книгоиздательство 382
Северо-Донецкой железной дороги общество 65
Сибирский торговый банк 36, 57, 58, 66, 131, 295
Совет национальной обороны (США) 200, 327
Совет съездов горнопромышленников юга России 129
Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства 35, 58—60
Совет съездов представителей промышленности и торговли 110, 129, 130, 134
Совещание по национальной обороне (США) 312
Союз защиты свободы (США) 332
Стальной трест 118
Стандард ойл 25

Томская железная дорога 315
Торговая палата Портлэнда 289
Торговая палата США 27

Уитерспун Инглэр компани (Witherspoon Englar Co) 126, 293, 294
Уоковер Шу компани (Walkover Shoe Co) 91
Управление военной промышленности (War Industries board) 358, 359
Учетное общество 35
Учетно-ссудный банк Персии 74

Фаундейшн компани (Foundation Co) 293—295, 367, 369
Ферст нэйшнл бэнк оф Бостон (First National Bank of Boston) 52

Харт мануфэкчуринг компани (Hart Manufacturing Co) 289
Хольбрук, Кэбот энд Роллинс (Holbrook, Cabot and Rollins) 37, 79, 126, 131, 293
Христианская ассоциация молодых людей 207, 283

Центральный военно-промышленный комитет 34, 35, 38, 84, 129, 134, 149, 150, 163, 309

Чейз нэйшнл бэнк (Chase National Bank) 20, 369
Чикаго бридж энд айрен уоркс (Chicago Bridge and Iron works) 289
Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства 113, 114

Шведско-Русско-Азиатская компания 54, 73, 106

Эллайд контрактинг К° (Allied Contracting Co) 294

Юго-Восточных железных дорог общество 65
Юнайтед пресс 323
Юровета 294, 297

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 3

Глава I. НАЧАЛО ВОЙНЫ И РАЗВИТИЕ РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ 9

Завязка переговоров об американских кредитах. С. Ю. Витте в американском посольстве. Открытие «похода в Россию» в американской печати (9). — Морган, «Нэйшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» и «русский бизнес» (27).

Глава II. ЦАРИЗМ, БУРЖУАЗИЯ И АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛ (конец 1915—начало 1916 г.) 45

Американская международная корпорация и Россия (45). — Ход переговоров о займе и открытии Петроградского отделения «Нэйшнл сити бэнк оф Нью-Йорк». Представители русской буржуазии о привлечении американского капитала (50). — Российское финансовое ведомство и представители американских банков (64).

Глава III. ВОПРОС О «НЕЙТРАЛЬНОМ» И «АПОЛИТИЧНОМ» АМЕРИКАНСКОМ КАПИТАЛЕ В РОССИИ НАКАНУНЕ КРАХА ЦАРИЗМА 81

«Русская программа» американского капитала. Проекты и действительность (81). — Американский заем: незначительность суммы и виды на будущее. Русско-американский посредник О. Ашберг и стокгольмское свидание А. Д. Протопопова с германским банкиром Ф. Варбургом (99). — Вопрос об американском капитале в России после заключения займа. Вокруг предложения о строительстве железной дороги Москва—Донбасс (115). — Накануне Февраля (139).

Глава IV. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ПОЛИТИКА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ (март—апрель 1917 г.) 154

Американские «русофилы» и отношение буржуазной общественности США к России (154). — Признание Временного правительства Соединенными Штатами. Февральская революция и вступление США в войну (160). — США и Временное правительство первого состава: формирование отношений. Переговоры об американских правительственных кредитах и подготовка специальных миссий в Россию (177). — Апрельский кризис и политика США (208).

Стр.

Глава V. АМЕРИКАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО (май—июль 1917 г.) 228

Американские кредиты Временному правительству. — Президент Вильсон, первый коалиционный кабинет Керенского и соглашательские лидеры Петросовета: вопрос о целях войны (228). — Миссия Рута в России (249). — Русско-американский политический союз в Европе: проект Б. А. Бахметева. Фрэнсис и июльский кризис: ставка на Керенского (267). — Миссия Рута в Вашингтоне. Судьбы русской революции в представлении государственного секретаря Лансинга (280).

Глава VI. РУССКО-АМЕРИКАНСКОЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ» (весна и лето 1917 г.) 288

Глава VII. АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ОКТЯБРЯ 319

VI съезд большевистской партии о роли США в мировой войне. Политические интересы Уолл-стрита в России. У. Томпсон и Р. Робинс (319). — Влияние революционных событий в России на антивоенное демократическое движение в США. Между ставкой на Керенского и идеей военной диктатуры: Лансинг накануне корниловщины. Американский Красный Крест в Петрограде (331). — Представители США в Петрограде и корниловский заговор (344). — Официальный Вашингтон и деятельность Томпсона—Робинса в Петрограде. Правые эсеры (группа Е. К. Брешко-Брешковской) и Американский Красный Крест. Американские планы в продовольственном деле (354). — Пропагандистские усилия США в России (сентябрь—октябрь) (370). — В Октябрьские дни (388).

Указатель имен 404

Указатель учреждений, организаций, торгово-промышленных предприятий, банков и железных дорог 410

TABLE OF CONTENTS

Page

Author's Note 3

Chapter I. THE BEGINNING OF THE WAR AND THE DEVELOPMENT OF THE FINANCIAL AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE U.S.A. 9

First negotiations for the American credits. S. Y. Witte in the American embassy. The beginning of the «Russian crusade» in the American press (9). — Morgan, The National City Bank of New York, and «the Russian business» (27).

Chapter II. THE CZARISM, THE BOURGEOISIE AND THE AMERICAN FINANCIAL CAPITAL (from the end of 1915 till the beginning of 1916) 45

The American International Corporation and Russia (45). — The negotiations for the loan and the setting up of the Petrograd branch of the National City Bank. — Representatives of the Russian bourgeoisie on the contacts with the American financial capital (50). — The Russian Financial Office and the representatives of American banks (64).

Chapter III. THE QUESTION OF THE «NEUTRAL» AND «NON-POLITICAL» AMERICAN FINANCIAL CAPITAL IN RUSSIA ON THE EVE OF THE COLLAPSE OF THE CZARISM. 81

«Russian programme» of the American financial capital. Projects and reality (81). — The American loan, its insignificance; prospects for the future. O. Aschberg, the American-Russian go-between, and the Stockholm meeting of A. D. Protopopov with the German banker F. Warburg (99). — Contraction of the loan; the opening of the Petrograd branch of the National City Bank and the question of the American financial capital in Russia. The offer of the American International Corporation to build the railway line Moscow—Donbass (115). — On the eve of February (139).

Chapter IV. THE FEBRUARY REVOLUTION IN RUSSIA AND THE POLICY OF THE UNITED STATES (March—April 1917) 154

The American «russophyles» and the bourgeois public opinion in the U.S.A. in relation to Russia (154). — The recognition by the U.S.A. of the Provisional Government. The February revo-

lution and the declaration by the U.S.A. of war upon Germany (160). — The U.S.A. and the first Provisional Government; the forming of relations. Negotiations for the American state-credits and the preparation of special missions to Russia (177). — The April crisis and the policy of the U.S.A. (208).

Chapter V. THE AMERICAN DIPLOMACY AND THE PROVISIONAL GOVERNMENT (May—July 1917) 228

The American state-credits to the Provisional Government. President Wilson, Kerensky's first coalition cabinet and the conciliating leaders of the Petrosoviet: the question of the aims of the war (228). — Root's mission in Russia (249). — The American-Russian political union in Europe: B. A. Bakhmetev's plan. Francis and the July crisis: expectations connected with Kerensky (267). Root's mission in Washington. The future of the Russian revolution as estimated by State Secretary Lancing. (280).

Chapter VI. THE ECONOMIC CONTACTS BETWEEN RUSSIA AND THE U.S.A. IN THE SPRING AND SUMMER PERIOD OF 1917 288

Chapter VII. THE AMERICAN POLICY IN RUSSIA ON THE EVE OF THE OCTOBER REVOLUTION 319

The VI-th Congress of the Bolshevik party on the role of the U.S.A. in the world war. The political interests of Wall Street in Russia. W. Thompson and R. Robins (319). — The influence of the Russian revolutionary events on the antimilitary democratic movement in the U. S. A. Kerensky or a military dictatorship? Lansing on the eve of Kornilov's riot. The American Red Cross in Petrograd (331). — The U. S. representatives at Petrograd and Kornilov's conspiracy (344). — Official Washington and the activities of Thompson and Robins in Petrograd. The right wing Social-Revolutionaries (E. K. Breshko-Breshkovskaya's group) and the American Red Cross. American plans in the food-supply (354). — The efforts of American propaganda in Russia (September-October) (370). — The October days (388).

Index of names 404
Index of Institutions, Organizations, Enterprisec, Banks and Railways 410

РАФАИЛ ШОЛОМОВИЧ ГАНЕЛИН

РОССИЯ и США. 1914—1917 гг.

Очерки истории русско-американских отношений

*

Утверждено к печати
Ученым советом Ленинградского отделения
Института истории СССР

*

Редактор издательства *Е. Г. Дагин*

Художник *М. И. Разулевич*

Технический редактор *Н. Ф. Виноградова*

Корректоры *Р. Г. Гершинская, А. И. Кац* и *Э. В. Коваленко*

Сдано в набор 26 III 1969 г. Подписано к печати 27/VIII 1969 г. РИСО АН СССР № 26—112В. Формат бумаги 60 × 90 1/16. Бум. л. 13 1/8. Печ. л. 26 1/4=26.25 усл. печ. л. Уч.-изд. 28.91 л. Изд. № 3964. Тип. зак. № 139. М-51298. Тираж 3000. Бумага № 1.

Цена 2 руб.

*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
39	18 сверху	как и в случае	как и в другом случае
150	9 снизу	под влиянием	ввиду
193	21 сверху	о полном прекращении	полным прекращением
242	25 »	в сильной степени	особенно сильно
275	11 »	социалисты	«социалисты
275	12 »	Шингарева	Шингарева»,
320	15 снизу	«социал-патриотических»	«„социал-патриотических“
320	14 »	«обманщиков	обманщиков
417	2 »	Enterprisec	Enterprises

Р. Ш. Ганелин

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В магазинах конторы «Академкнига»
имеются в наличии книги:

Березкин А. В. **Октябрьская революция и США.** (1917—1922). 1967. 295 стр. Цена 2 р. 50 к.

Злотников М. Ф. **Континентальная блокада и Россия.** 1966. 360 стр. Цена 1 р. 72 к.

Из истории империализма в России. Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Том I. 1959. 458 стр. Цена 50 к.

Монополии в металлургической промышленности России 1900—1917 гг. Документы и материалы. 1963. 655 стр. Цена 3 р. 21 к.

Мальков В. Л., Наджафов Д. Г. **Америка на перепутье.** Очерк социально-политической истории «нового курса» в США. 1967. 228 стр. Цена 74 к.

Роштейн Ф. А. **Международные отношения конца XIX века.** 1960. 705 стр. Цена 50 к.

Тарле Е. В. **Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств.** (Конец XV—начало XIX в.). 1965. 427 стр. Цена 1 р. 88 к.

Шишкин В. А. **Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг.** 1969. 439 стр. Цена 2 р. 15 к.

В издательстве «Наука» готовится к выпуску книга

Хайцман В. М. **СССР и проблема разоружения.** 1945—1959. (История международных переговоров). 35 л. Цена 2 р. 40 к.

(Издание объявлено в темплане издательства на второе полугодие 1969 года, № 82).

Автор исследует борьбу Советского Союза за разоружение и запрещение ядерного оружия после второй мировой войны. В книге раскрыта деятельность советской дипломатии в многочисленных органах Организации Объединенных Наций, ставшей ареной острой дипломатической борьбы между делегациями социалистических стран и представителями западных держав. Анализируются основные планы и предложения капиталистических стран по атомной проблеме, регулированию и контролю над вооружением. Рассмотрены также проблемы мирного использования атомной энергии, коллективной безопасности в Европе, определения агрессии, движения сторонников мира и т. д.

Автор широко использовал дипломатические документы СССР и социалистических стран, материалы ООН, а также планы и предложения США, Англии, Франции, Индии и других государств.

Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:

Москва, В-463, Мичуринский пр., 12, магазин «Книга — почтой»; **Ленинград,** Д-120, Литейный пр., 57, «Академкнига». Магазину «Книга — почтой»

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

Москва, ул. Горького, 8; **Москва,** ул. Вавилова, 55/5; **Ленинград,** Д-120, Литейный пр., 57; **Ленинград,** В. О., Менделеевская линия, 1; **Ленинград,** В. О., 9 линия, 16; **Свердловск,** Почтамт, ул. Мамина-Сибиряка, 137; **Киев-30,** ул. Ленина, 42; **Харьков-3,** Уфимский пер., 4/6; **Алма-Ата,** ул. Фурманова, 91/97; **Ташкент,** ГСП, ул. Карла Маркса, 28; **Баку-5,** ул. Джапаридзе, 13; **Новосибирск-76,** Красный проспект, 51; **Уфа-55,** проспект Октября, 129; **Иркутск-33,** ул. Лермонтова, 303; **Душанбе,** проспект Ленина, 95; **Фрунзе,** бульвар Дзержинского, 42; **Куйбышев,** обл. проспект Ленина, 2.

В заказах следует указывать автора и название книги, нужное количество экземпляров, свой адрес и фамилию.

«АКАДЕМКНИГА»